

Годы 6-9.

1917-1920.

ХРИСТИАНСКІЙ ВОСТОКЪ.

СЕРІЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИЗУЧЕНІЮ ХРИСТИАНСКОЙ
КУЛЬТУРЫ НАРОДОВЪ АЗІИ И АФРИКИ.

ТОМЪ VI.

Издание Россійской Академіи Наукъ.

ПЕТРОГРАДЪ.

РОССІЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1922.

Напечатано по распоряжению Российской Академіи Наукъ.

1922 г. Іюль

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Олденбургъ*.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Выпускъ I.

	Страницы.
Бриллиантовъ, А. О мѣстѣ кончины и погребенія св. Максима Исповѣдника	1—62
Тураевъ, Б. Изъ эоіопской литературы.	
I. Псалмы, какъ заговоры	63—74
II. Веліалъ и его узы	74—82
III. Новая рукопись чудесъ Св. Троицы	82—86
Разныя извѣстія и замѣтки	87—97
Къ возрожденію грузинской церкви (87). Н. М.: Изъ современной арабской литературы (87—90). Л. Мелисезъ-Беновъ: Къ этимологіи названій «Мцхета» и «Цицамур-и» (90—92). Л. М.-Б.: Никиты Стифата, іеромонаха Студійскаго, «Опроверженіе армянской ереси», грузинская версія (92—93). Л. М.-Л.: Нѣсколько словъ о терминѣ «сомех» (93—94). Л. М.-Б.: Гадженкъ-Гаѣіанъ (94—95). Л. М.-Б.: Къ вопросу о системахъ пунктуациі въ древней Грузіи (95). Н. М.: О «Набарнугін», мірскомъ имени Петра Ивера (95—97). Н. М.: О транскрипціи кавказскихъ собственныхъ именъ (97).	
Критика	98—106
Г. Н. Чубиновъ: О. И. Шмидтъ. Замѣтки о поздневизантійскихъ храмовыхъ росписяхъ.	

Выпускъ II.

Дьяконовъ, А. Къ исторіи сирійскаго сказанія о св. Мар-Евгенѣ . .	107—174
Блэйкъ, Р. П. По поводу даты армянскаго перевода «Церковной Исторіи» Сократа Схоластика	174—188
Крачковскій, И. О переводѣ Библии на арабскій языкъ при халифѣ ал-Ма'мунѣ	189—196
Орбели, І. Фрагментъ крестнаго камня съ арабской надписью въ Тифлисѣ	197—202
Рисунокъ на таблицѣ	I

Выпускъ III.

	Страницы.
Бартольдъ, В. Халифъ Омаръ II и противорѣчивыя извѣстія о его личности	203—234
Адонцъ, Н. Фаустъ Византійскій, какъ историкъ. I.	235—272
Крачковскій, И. Христіане и христіанскіе термины у мусульманскаго поэта XII вѣка въ Багдадѣ	273—280
Меликсетъ-Беконъ, Л. Къ біографіи священника Филиппа Кайтмазова (XVIII вѣка)	281—284
Марръ, Н. Два грузинскихъ архитектурныхъ термина — «ачрдил» и «балавар»	285—298
Такайшвили, Е. Древности Гулекарской церкви	299—302
Жебелевъ, С. Христосъ — плотникъ	303—314
Меликсетъ-Беконъ, Л. Фрагментъ грузинской версіи «Дѣтства Христа»	315—320
Марръ, Н. «Тронъ» или «икона»?	321—324
Тураевъ, Б. Оскаръ Эдуардовичъ Леммъ	325—333
Марръ, Н. Памяти I. А. и Д. А. Кипшидзе и С. Ломія	334—340
Разныя извѣстія и замѣтки	341—353
Л. Меликсетъ-Беконъ: Сигель грузинскаго царя Ираклія II о князяхъ Аргутинскихъ (341—343). Н. М.: О фрагментѣ грузинской версіи «Дѣтства Христа» (343—347). Н. М.: Изъ гурійскихъ народныхъ преданій о постройкѣ Зарзискаго монастыря съ преданіями о переселенцахъ изъ Месхіи и Абхазіи въ Гурію (347—350). Н. М.: Имена Бутъ и Іоасафъ въ армянскомъ быту (351—352). Н. М.: Якутскія параллели къ бытовымъ религіознымъ явленіямъ у кавказскихъ яфетидовъ (352—353).	
Рисунки на таблицахъ.	II—IX

СОКРАЩЕНИЯ.

AB	Analecta Bollandiana.	EO	Échos d'Orient.
AcIBL	Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes rendus.	GSAI	Giornale della Società Asiatica Italiana
AAkB	Abhandlungen der Kgl. Preussischen Akademie der Wissenschaften in Berlin.	IgF	Indogermanische Forschungen.
APf	Archiv für Papyrusforschung.	JA	Journal asiatique.
ARw	Archiv für Religionswissenschaft.	JAOS	Journal of the American Oriental Society.
ASA	Annales du Service des Antiquités du Caire.	JRAS.	Journal of the Royal Asiatic Society.
B	Bessarione.	JS	Journal des Savants.
BAG	Bibliotheca Armeno-Georgica.	JTSt	Journal of theological studies.
BbZ	Biblische Zeitschrift.	JBL	Journal of biblical literature.
BCH	Bulletin de correspondance hellénique.	LSSt	Leipziger semitistische Studien.
BCHPh	Bulletin de la Classe Histor.-Philologique de l'Acad. des Sciences de Petrograd.	MA	Mélanges Asiatiques.
BEFEO	Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient.	MACIBL	Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.
BIE	Bulletin de l'Institut égyptien.	MACB	Mémoires de l'Académie Royale de Belgique.
BSA	Bulletin de la Société d'Anthropologie.	MAH	Mélanges d'archéologie et d'histoire publiées par l'École française de Rome.
BSAA	Bulletin de la Société archéologique d'Alexandrie.	MAS	Mémoires de l'Acad. des Sciences de Petrograd.
BZ	Byzantinische Zeitschrift.	MélBeyr	Mélanges de la Faculté Orientale de l'Université St. Joseph à Beyrouth
CHR	Congrès d'Histoire des Religions.	MGGH	Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft. Hamburg.
CQR	The Church Quarterly Review.	Mq	Al-Machriq.
CSCO	Corpus scriptorum christianorum orientaliū.	MMFC	Mémoires publiées par les membres de la mission archéologique française au Caire.
DAkM	Denkschriften der bayerischen Akademie. München.	MSOS	Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen. Berlin.
DLZ	Deutsche Literaturzeitung.		

NE	Notices et extraits des manuscrits.	TU	Texte und Untersuchungen.
NΣ	Néz Σιών.	ZA	Zeitschrift für Assyriologie.
OA	Orientalisches Archiv.	VGWL	Verhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften. Leipzig.
OCh	Oriens Christianus.	WZKM	Wiener Zeitschrift für Kunde des Morgenlandes.
PEF	Palestine Exploration Fund. Quarterly Statement.	ZÄS	Zeitschrift für ägyptische Sprache und Alterthumskunde.
PG	Patrologia graeca	ZDMG	Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft.
PL	Patrologia latina	BB	Богословскій Вѣстникъ.
Phil	Philologus.	BBp	Византійскій Временникъ.
PO	Patrologia Orientalis.	ЖМНПp	Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.
PSBA	Proceedings of the Society of biblical Archaeology.	ЗВО	Записки Вост. Отдѣленія Русск. Археол. Общества.
RA	Revue archéologique.	ЗКО	Записки Классич. Отдѣленія Русск. Археол. Общ.
RAfr	Revue africaine.	ИАК	Извѣстія Археол. Комиссіи.
RAcL	Reale Accademia dei Lincei.	ИАН Изв	Извѣстія Академіи Наукъ.
RB	Revue biblique.	ИРАрхИнстКП	Извѣстія Русск. Археол. Института въ Константинополѣ.
RE	Revue Égyptologique.	МАК	Матеріалы по Археологіи Кавказа.
REG	Revue des études grecques.	ПрСооб	Православный Собесѣдникъ.
RG	Revue de géographie.	СМК СМ	Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа.
RH	Revue historique.	ТР	Тексты и разысканія по армяно-груз. филологіи, изд. Факультетомъ Вост. языковъ Петрогр. Унив.
RHE	Revue d'histoire ecclésiastique.	ТрКА	Труды Кіевской Духовной Академіи.
RHR	Revue de l'histoire des religions.	ХВ	Христіанскій Востокъ.
RL	Revue linguistique.	ХрЧт	Христіанское Чтеніе.
RO	Roma e l'Oriente.	Ա	Անահիտ.
ROC	Revue de l'Orient Chrétien.	ԱԸ	Արարատ.
RPL	Revue de philologie d'histoire et de littérature anciennes.	ԱՀ	Ազգագրական Հանդես.
RQuS	Römische Quartalschrift.	ԲՎ	Բազմալեզու.
RStO	Rivista degli Studi Orientali.	Գա	Գեղարուեստ.
RMasp	Recueil des travaux relat. philolog. et archéol. égypt. et assyr.	ՀԱ	Հանդես Ամսորեստ.
RTP	Revue des traditions populaires.		
SAkB	Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin.		
SAkW	Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften. Wien.		
SAkH	Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften.		
StGK	Studien zur Geschichte und Kultur des Alterthums.		
TLZ	Theologische Literaturzeitung.		

О мѣстѣ кончины и погребенія св. Максима Исповѣдника.

Значеніе св. Максима Исповѣдника въ исторіи.—I. Данныя древнѣйшихъ греческихъ памятниковъ о крѣпости Схимарисъ, какъ мѣстѣ заключенія св. Максима, и о погребеніи его близъ этой крѣпости.—II. Извѣстіе о погребеніи его въ монастырѣ св. Арсенія.—III. Мѣстное грузинское преданіе о погребеніи св. Максима близъ крѣпости Мури.—IV. Необходимость проверки этого преданія показаніями древнихъ памятниковъ.—V. Неленость вопроса о монастырѣ Арсенія. Вопросъ о положеніи крѣпости Схимарисъ.—VI. Сообщенія Проконія о крѣпости *Οὐχιδέρως*—*Οὐδιδέρως*. Общераспространенное мнѣніе о ея положеніи и возможность отождествленія ея съ Схимарисомъ.—VII. Происхожденіе различія названій «*Οὐχιδέρως*—*Οὐδιδέρως*» и «*Σχημαρίς*». Грузинское «Химаръ» и славянское «Химарь». Вопросъ о лингвистическомъ тождествѣ «Схимарисъ» и «Мури».

Св. Максимъ, окончившій свою жизнь «Исповѣдникомъ», въ ссылкѣ за свою защиту ученія о двухъ воляхъ и дѣйствіяхъ во Христѣ, извѣстенъ какъ одинъ изъ величайшихъ и наиболѣе авторитетныхъ учителей вѣры въ ряду св. отцовъ вселенской церкви. Въ завершительную стадію исторіи раскрытія христологическаго догмата въ моноелитскомъ спорѣ, представляющемъ прямое продолженіе спора монофиситскаго, онъ именно былъ главнымъ защитникомъ и выразителемъ православнаго ученія. Его вліяніе, несомнѣнно, отражается въ дѣятельности Латеранскаго собора 649 г. и папы Мартина, и шестой вселенскій соборъ утверждаетъ имъ именно разъясненное ранѣе ученіе о двухъ воляхъ и дѣйствіяхъ во Христѣ. Іоаннъ Дамаскинъ въ своемъ догматическомъ компендіумѣ соответствующій отдѣлъ излагаетъ буквально словами Максима. Велъ въ свое время св. Максимъ борьбу и непосредственно съ монофиситами, и устно, чрезъ диспуты, и письменно, въ рядѣ полемическихъ трактатовъ.

Память о Максимѣ у разныхъ народовъ христіанскаго Востока, естественно, въ виду этого должна стоять въ тѣснѣйшей связи съ исторіей споровъ и борьбы изъ-за Халкидонскаго собора, имѣвшихъ столь важное значеніе въ религіозной и политической жизни этого Востока.

Если для православныхъ его имя было окружено особымъ почетомъ, то для монофиситовъ и моноелитовъ оно являлось, наоборотъ, синонимомъ еретика и даже ересіарха, и они по отношенію къ нему не скупятся на всякаго рода рѣзкіе эпитеты. Моноелиты имѣли въ немъ главнаго своего противника. По мнѣнію монофиситовъ, онъ окончательно проявилъ и закрѣпилъ своими разъясненіями подлинный, якобы несторіанскій, характеръ халкидонскаго исповѣданія, и послѣ него халкидониты уже безповоротно утвердились въ своемъ «несторіанствѣ»¹. Раздѣляющіе его ученіе уже у моноелита Макарія, патріарха антиохійскаго, осужденнаго на VI соборѣ, называются «максиміанами»². Подобное названіе потомъ можно встрѣчать и у монофиситскихъ писателей въ приложеніи къ православнымъ. Такъ какъ монофиситство, съ необходимыми при немъ моноелитскими выводами, и теперь еще живо и имѣетъ представителей въ лицѣ разныхъ восточныхъ народностей (яковиты-сирійцы, копты, армяне, абиссинцы), то вопросъ объ отношеніи къ Максиму этихъ доселѣ обособленныхъ отъ прочаго христіанскаго міра восточныхъ христіанъ, очевидно, можетъ имѣть и не одинъ лишь теоретическій интересъ³.

¹ Характерно, между прочимъ, отношеніе св. Максима къ аполинаріанскимъ подлогамъ, лежащимъ въ основѣ монофиситства и составляющимъ въ сущности единственную его псевдопатристическую опору. «Убоямся Бога, — отвѣчаетъ онъ епископу Θεодосію (моноелиту), сославшемуся на эти подлоги, — и не будемъ прогнѣвать Его ссылкой на еретическія изреченія: всякому извѣстно, что они принадлежатъ нечестивому Аполинарію» (PG, 90, 148C). Древніе полемисты противъ монофиситства не всегда были столь рѣшительны въ признаніи подложности этихъ изреченій, въ виду авторитета св. Кирилла александрійскаго, нѣкогда съ довѣріемъ относившагося къ нимъ. Въ настоящее время фактъ подлога признается въ наукѣ окончательно установленнымъ. Ср. А. Бриллиантовъ, Происхожденіе монофиситства, въ ХрЧ, 1906, июнь, 794—6. Какое значеніе, между тѣмъ, имѣли подлоги эти для противниковъ Халкидонскаго собора, это наглядно видно, напр., изъ направленнаго противъ собора сочиненія Тимофея Элуря, армянскій переводъ котораго изданъ въ новѣйшее время (1908, о сирійскомъ переводѣ ср. П. Я. Марръ въ ХВ, II, 405—6), и изъ армянской «Печати вѣры» (Эчмиадзинъ 1914) VII в.

² Manai, XI, 357C.

³ На сирійскомъ языкѣ составлена была, можетъ быть, еще до VI вселенскаго собора, моноелитомъ Григоріемъ или — какъ читается въ другомъ мѣстѣ — Георгіемъ рих-айнскимъ, который называетъ себя «ученикомъ» Софронія, лично знавшимъ Максима, тенденціозная «Исторія о Максимѣ», гдѣ историческія свѣдѣнія перемѣшаны съ ошибками и прямыми вымыслами. Максимъ представляется здѣсь сыномъ самарянина изъ Сихара, по имени Абаны, въ крещеніи Θεоны, и персіянки-рабыни изъ Тиверіады, по имени ἄνδη, въ крещеніи Марія; родился онъ въ селеніи Хасфинъ въ Палестинѣ, и первоначальное имя его было Мосхій; воспитаніе онъ получилъ, по смерти родителей, въ монастырѣ Παλατὶ Ληύρα, подъ руководствомъ архимандрита Πανταλεона — «оригениста»; послѣдній уже и называлъ его Максимомъ. Эта «Исторія», съ множествомъ разныхъ именъ и фактическихъ подробностей, требующихъ еще разъясненій, доселѣ не издана и извѣстна мнѣ по фотографическимъ снимкамъ съ cod. Mus. Brit. add. (olim Richianus) 7192. Самую рукопись, гдѣ находится «Исторія», Райтъ относитъ къ VII в. (ср. Краткіи очеркъ исторіи сирійской литературы, русск. пер., 69); это та

Высокое уваженіе къ св. Максиму въ православной церкви обусловливалось не только лишь указанною особою ролью его въ исторіи христологическихъ споровъ. Онъ извѣстенъ вообще какъ спекулятивный богословъ и

рукопись, изъ которой Hoffman (1880) издалъ отрывокъ романа о Юліанѣ Отступникѣ, Kugener (1907) — астрономическій и метеорологическій трактатъ съ именемъ Діонисія Ареопагита. Конецъ «Исторіи», гдѣ должна быть рѣчь о ссылкѣ Максима, въ рукописи не сохранился, но особо цѣнныхъ свѣдѣній въ этомъ случаѣ едва-ли можно было бы ожидать: о папѣ Мартинѣ, напр., сообщается, будто онъ былъ сосланъ въ Лазикъ. Съ сообщениями «Исторіи», совпадаетъ частію (упоминается о происхожденіи Максима изъ Хасфины) краткій сравнительно рассказъ въ хроникѣ Михаила Сирійца, котораго повторяетъ Бар-Эврайя. Но Михаилъ, какъ на источникъ своихъ свѣдѣній о «ереси Максим(ин)а», указываетъ на полемическое сочиненіе противъ нея пресвитера Симеона изъ монастыря Кеннешре и о Григоріи или Георгіи не упоминаетъ (ed. Chabot, II, 2, 1. XI, 9). Можно однако думать, что самъ Симеонъ обязанъ былъ нѣкоторыми своими сообщениями именно «Исторіи» послѣдняго, хотя съ увѣренностью судить объ этомъ трудно, такъ какъ о сочиненіи Симеона извѣстно лишь изъ Михаила. О Максимѣ у Михаила ср. еще XI, 10 (здѣсь, между прочимъ, у него говорится о ссылкѣ Максима «на Кавказъ, въ Арменію»), 11, 12; XI, 20, 28: о «максими(ни)тахъ» и маронитахъ; XI, 25; XII, 8: о распространеніи ученія Максима Теодоромъ Абу Курра (ср. G. Graf, Die agabischen Schriften des Theodor Abū Qurra. Paderborn 1910, 15—20). Съ другой стороны, на сирійскомъ же языкѣ, въ мелкитскихъ рукописяхъ позднѣйшаго времени (напр. Paris. sup. 186. 1521 г., 142, 1531 г.) имѣется переведенная съ греческаго служба Максиму. — Одинаковаго съ сирійскими моноелитами и монофиситами взгляда на Максима держались въ общемъ представители армянской церкви. Даже полуневольные и непослѣдовательные «халкидониты» времени уніи съ моноелитствующимъ византійскимъ правительствомъ, въ родѣ католикосовъ Езра (632—642) и Нерсеса (642—661), къ Максиму, разумѣется, должны были относиться отрицательно, ведя въ то же время борьбу съ противниками уніи изъ упорныхъ антихалкидонитовъ. Между прочимъ, вождь послѣднихъ, Іоаннъ майрагомскій, извѣстный своей оппозиціей Еяру уже при первоначальномъ заключеніи уніи, Нерсесомъ и свѣтскою властію былъ сосланъ съ своими единомышленниками — подобно Максиму и двумъ Анастасіямъ — тоже на Кавказъ, но не въ Лазикъ, а куда-то къ «идолопоклонникамъ», причемъ на лбу у него выжжено было изображеніе лисицы; но по смерти преемника Нерсеса Анастасія († 667), онъ, однако, могъ уже возвратиться въ Арменію, гдѣ и умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ; умножилъ же ученики его «πλῆθος [πλῆθος?] ἐξ ἑλληνῶν ἀπὸ τῆς ἀληθείας» (Narratio de rebus Armeniae у Combefis, Historia haeresis Monothetarum, 1648, с. 285E—288A, перепечатано въ PG, 192. Ср. также въ письмѣ Фотія католикосу Захаріи, въ Правосл. Палест. Сборникѣ, XI, 2, 1892, 182—230). Еп. Карапетъ Теръ-Мкртчянъ, въ статьѣ въ сборникѣ Հ-Գ-Դ-Ե, 1913, 111—2, и въ предисловіи къ изданной имъ «Печати вѣры», составителемъ которой, въ въ первоначальной ея редакціи, онъ считаетъ Іоанна майрагомскаго (XCVI—XCVII), полагаетъ, впрочемъ, — но едва ли на достаточномъ основаніи, — что Іоаннъ умеръ еще до 652 г. и рассказы о наказаніи и ссылкѣ относятся лишь къ его ученикамъ. Что послѣ моноелитскаго спора и выступленія въ немъ Максима связывалось съ халкидонскимъ исповѣданіемъ имя Максима, какъ его истолкователя, это видно изъ инцидента въ исторіи албанской (агванской) церкви. Здѣсь албанскій католикосъ Нерсесъ, въ согласіи съ правительницею Спрамой, сталъ насаждать (ок. 700 г.) халкидонскую вѣру именно въ формѣ диоелитства. Но католикосъ Арменіи Илія, при содѣйствіи мусульманскихъ властей, поспѣшилъ круто расправиться съ Нерсесомъ и Спрамой, и отъ албанскаго собора, съ новопоставленнымъ католикосомъ Симеономъ по главѣ, вытребовалъ грамоту противъ «злойной горечи секты Несторія и Максима», гдѣ на «Максима и учениковъ его» провозглашалась, въ ряду съ другими дѣйствительными и мнимыми еретиками, анаеема, равно и на Нерсеса (Исторія Агванъ Моисея Каганкатвацци. Перев. съ арм. СПб. 1861, 242, 244). Возможно, что въ числѣ книгъ Нерсеса, которыя Симеонъ приказалъ бросить въ р. Терту въ Бердакурѣ, какъ «полныя ересей» (241), были и тѣ или нѣныя

одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей христіанской мистики въ духѣ церковнаго неоплатонизма такъ наз. ареопагитскихъ твореній; не менѣе извѣстенъ онъ и какъ аскетическій писатель. У грековъ къ нему было прилагается иногда наименование «третьяго богослова» (послѣ Іоанна евангелиста и Григорія Назіанзина); нѣкоторыя произведенія его, какъ можно о

произведенія св. Максима. Халкидонитство было тогда рѣшительно подавлено армянами въ той части Албаніи, которая подверглась армянскому вліянію. Ошибочность мнѣнія Максима о двухъ воляхъ во Христѣ есть нѣчто само собою предполагающееся для армянскаго полемиста противъ халкидонитовъ VIII в. Хосровика (изд. Овсепяна, Вагаршапатъ 1903, 49). Гагикъ наспураканскій отмѣчаетъ въ письмѣ къ императору Роману (X в.) непослѣдовательность византійцевъ, сначала присудившихъ Максима, по автору, къ смерти, а потомъ принявшихъ его мнѣніе (Книга писемъ, Тифлисъ 1901, 301). Но въ средѣ самихъ армянъ было нѣкогда, до окончательной побѣды у нихъ монофиситства, довольно значительное и важное въ культурномъ отношеніи халкидонитское теченіе, какъ выставляетъ это на видъ и доказываетъ рядомъ фактовъ Н. Я. Марръ, Аркауны, монгольское названіе христіанъ, въ связи съ воцѣломъ объ армянахъ-халкидонитахъ, ВВр, XII, 1906, 1—69; Крещеніе армянъ, грузинъ, абхазовъ и алановъ святымъ Григоріемъ, ЗВО, XVI, 2—3, 1905, 63—211. Этими халкидонитами, нужно думать, обязанъ своимъ происхожденіемъ «древній» переводъ на армянскій языкъ такъ назыв. «Мистагогіи» Максима или толкованія на литургію, указываемый Зарбаналяномъ въ его обзорѣ древне-армянской переводной литературы (Вѣна 1889, 561). Недогматическій характеръ трактата дѣлалъ его приемлемымъ и для читателей-монофиситовъ. Но обращаетъ на себя вниманіе въ заглавіи этого труда наименованіе св. Максима не только «философомъ», но и «мученикомъ» (въ печатныхъ изданіяхъ греческаго текста нѣтъ этихъ эпитетовъ). Приписываемый обычно Стефану сунійскому (VIII в.) переводъ извѣстныхъ съ именемъ Максима схолий на ареопагитскія творенія, по Теръ-Мкртчяну (предисл. къ «Печати вѣры», XXXIII—XXXIV), явился на дѣлѣ позже, такъ какъ имѣется рукопись перевода этихъ твореній, принадлежащаго Стефану, безъ этихъ схолий, и самъ Стефанъ не сталъ бы переводить ихъ, какъ рѣшительный противникъ Максима по догматическимъ убѣжденіямъ. Изъ греческихъ источниковъ попало въ армянскій айсмауръ къ подъ 13 августа (Константинополь 1834, II, 74) «преложеніе мощей святого отца Максима Исповѣдника», на ряду, притомъ, съ памятью «святой царицы Ксеніи»=извѣстной почитательницы Максима Ирины († 1124), — подобно тому, какъ тамъ же можно встрѣтить и «мученичество Мартіана, архіепископа римскаго» (подъ 15 сентября, II, 150).—На *арабскомъ* языкѣ полемизировалъ противъ писавшаго по-арабски же «распространителя» ученія Максима, Θεодора Абу Курра, яковитъ Abū Rāiṭa Shabīb ibn Chadma, причисляющій, однако, и Максима и Θεодора къ моноелитамъ (?) (Graf, ц. с., 14, 19). Перевелъ на арабскій языкъ преніе Максима съ Пирромъ Abū-'l-Faṭḥ 'Abdāllah ibn al Faḍl (G. Graf, Die christlich-arabische Literatur. Fr. im Br. 1905, 69). — Было бы, между прочимъ, интересно выяснить, въ какой мѣрѣ пользовались данными изъ сочиненій Максима *грузинскіе* полемисты противъ монофиситства и моноелитства въ своихъ хранящихся пока лишь въ рукописяхъ (ср. Н. Я. Марръ въ Журн. и проток. Предсоборнаго Присутствія, III, 2, 1907, 110) трактатахъ, въ частности извѣстный церковный дѣятель и богословъ эпохи Давида Строителя Арсеній икалтойскій (XII в.). Имя Максима упоминается и въ одной изъ одъ поэта этого времени Шавтели (Н. Я. Марръ, Древнегрузинскіе одописцы. ТР, IV, 1902, стр. 5). Для грузинскихъ читателей доступъ къ произведеніямъ Максима едва ли не впервые открытъ своими переводами св. Евѣимій аеонскій († 1028). Перечисленіе извѣстныхъ на грузинскомъ языкѣ трудовъ съ именемъ Максима дается у Джавахова въ XV, I, 1912, 11—12, 19, 24—25, и у прот. Кекелидзе въ ТрКА, 1912, сентябрь, 39—41.—Есть ли что-либо заслуживающее вниманія о Максимѣ, кромѣ тѣхъ или иныхъ мимоходныхъ замѣчаній, въ письменности *коптской* и *этиопской*, мнѣ неизвѣстно.

томъ судить по сохранившимся рукописямъ, пользовались весьма широкой распространенностью. На западѣ ему въ особенности былъ обязанъ при развитіи своей системы извѣстный своимъ тяготѣніемъ къ греческому Востоку западный философъ-богословъ IX в. Эригена (Эріугена). Съ весьма высокой оцѣнкой его не только съ богословской стороны, но и философской, можно встрѣчаться и въ новѣйшее время. Достаточно указать хотя бы на отзывъ о немъ В. С. Соловьева, какъ о «самомъ сильномъ, послѣ Оригена, философскомъ умѣ на христіанскомъ Востока»¹.

Въ греческой церкви съ давнихъ поръ было установлено чествованіе Максима, какъ святого, принятое и другими православными церквами; почитается память его и въ римско-католической церкви. Древнимъ церковнымъ обычаемъ было воздавать прославленіе святымъ въ особенности на мѣстахъ ихъ погребенія: уже въ первыя времена христіанства храмы въ честь мучениковъ устроились, когда это было возможно, на ихъ могилахъ. Св. Максимъ окончилъ жизнь въ древней Лазикѣ, въ нынѣшнемъ русскомъ Закавказьѣ. Мѣстное кавказское преданіе указываетъ съ точностью мѣстность, гдѣ онъ былъ погребенъ; сообщается и о бывшемъ здѣсь нѣкогда монастырѣ имени св. Максима, хотя нынѣ тутъ имѣется лишь незначительная обращенная въ церковь часовня. Въ послѣднее время былъ возбужденъ вопросъ объ установленіи здѣсь такого чествованія его памяти, которое соотвѣтствовало бы значенію великаго вселенскаго учителя и подвижника. Такъ какъ св. Максиму суждено было закончить подвижъ вѣры исповѣдничествомъ и смертію въ ссылкѣ въ предѣлахъ нынѣшняго русскаго государства, то забота объ этомъ, очевидно, должна лежать на представителяхъ какъ грузинской церкви, такъ вмѣстѣ и на представителяхъ русской церкви.

Кавказское преданіе имѣетъ весьма высокую степень вѣроятности. Но научная провѣрка его, тѣмъ не менѣе, не является излишнею. Съ вопросомъ о мѣстѣ погребенія св. Максима тѣсно связанъ вопросъ о мѣстѣ его заклю-

---

¹ Энцикл. Словарь Брокгауза-Эфрона, полут. 35 (1896), 446. О христологии св. Максима ср. И. Орловъ, Труды св. Максима Исповѣдника по раскрытію догматическаго ученія о двухъ воляхъ во Христѣ. СПб. 1888. Краткій очеркъ вообще богословско-философскихъ воззрѣній его — А. Бриллиантовъ, Вліяніе восточнаго богословія на западное въ произведеніяхъ Іоанна Скота Эригены. СПб. 1897, 191—219. Въ послѣдніе годы въ русской богословской наукѣ обращено особое вниманіе на этого столь важнаго представителя патристической письменности. Въ Московской Духовной Академіи начать переводъ его произведеній на русскій языкъ подъ редакціей † М. Д. Муретова съ участіемъ С. Л. Епифановича. Въ Кіевѣ должно выйти въ скоромъ времени обстоятельное изслѣдованіе о Максимѣ и его литературной дѣятельности С. Л. Епифановича (уже изданъ отдѣльно обширный очеркъ его: Преп. Максимъ Исповѣдникъ и византійское богословіе. Кіевъ 1915).

ченія, гдѣ онъ и скончался. Содѣйствовать уясненію этихъ вопросовъ и имѣть своею задачею предлагаемый очеркъ¹.

I.

Указанія относительно мѣста кончины и погребенія св. Максима Исповѣдника имѣются, прежде всего, въ греческихъ источникахъ. Изъ нихъ до-

¹ Ближайшимъ поводомъ къ его появленію послужило именно возбужденіе указанного вопроса объ установленіи надлежащаго чествованія св. Максима на мѣстѣ его погребенія въ Закавказьѣ, и въ своемъ первоначальномъ видѣ онъ представлялъ записку, составленную по порученію Совѣта Петроградской Духовной Академіи. — Доселѣ еще незаконченное, до настоящаго времени дѣло это имѣетъ слѣдующую исторію. Впервые вопросъ поднять былъ въ 1908 г. Лечхумскимъ уѣзднымъ начальникомъ А. К. Энкелемъ, обратившимся по этому поводу съ письменнымъ заявленіемъ къ Кутаисскому губернатору и затѣмъ (6 сентября) въ Грузино-Имеретинскую Синодальную Контору. Последняя отношеніе Энкеля отправила къ епископу имеретинскому Георгію, съ порученіемъ собрать свѣдѣнія по возбужденному вопросу и дать свое заключеніе. Въ отвѣтъ на это, епископъ Георгій представилъ записку, написанную Ѳ. Жорданіей, и въ своемъ рапортѣ (отъ 21 февраля 1909 г.) высказывался, что ходатайство Лечхумскаго уѣзднаго начальника «заслуживаетъ полной похвалы и одобренія, ибо изложенныя въ представленной запискѣ данныя не оставляютъ сомнѣній въ томъ, что Максимъ Исповѣдникъ погребенъ въ указанной въ ходатайствѣ Энкеля часовнѣ, состоящей нынѣ въ развалинахъ». Контора, донося объ этомъ (31 августа 1909 г.) Св. Синоду и препровождая записку Жорданіи, также нашла возбуждаемое ходатайство заслуживающимъ уваженія. Св. Синодъ, признавъ нужнымъ, прежде окончательнаго рѣшенія дѣла, подвергнуть представленныя Конторою историческія свѣдѣнія о мѣстѣ кончины и погребенія св. Максима научной провѣркѣ, по опредѣленію отъ 27 августа — 18 сентября 1912 г. передалъ съ этой цѣлью записку Жорданіи въ Петроградскую Духовную Академію. Составленная послѣ этого, лежащая въ основѣ настоящаго очерка, записка, по постановленію Совѣта Академіи отъ 16 декабря 1913 г. была представлена Св. Синоду. Показаніе о погребеніи св. Максима въ мѣстности Мури было признано въ ней заслуживающимъ довѣрія въ высокой степени, но указано было на желательность, для окончательнаго выясненія вопроса, еще археологическихъ разысканій въ мѣстности Мури, и именно, подъ руководствомъ академика Н. Я. Марра, какъ наиболѣе компетентнаго нынѣ изслѣдователя Кавказа и его древностей. Св. Синодъ опредѣленіемъ отъ 20/28 марта 1914 г. предоставилъ своему Оберъ-прокурору снестись съ Академіей Наукъ въ цѣляхъ осуществленія намѣченнаго предположенія объ археологическомъ изслѣдованіи, съ ассигнованіемъ на расходы по этому изслѣдованію 500 р. Изслѣдованіе мѣстности и раскопки въ Мури произведены были затѣмъ лѣтомъ 1914 г. откомандированнымъ Н. Я. Марромъ изъ состава Анійскаго археологической экспедиціи старшимъ хранителемъ Кавказскаго Музея Н. Н. Тихоновымъ при содѣйствіи кн. Д. Е. Микеладзе и Д. А. Кипшидзе. Работы осматрѣны были Н. Я. Марромъ 18—16 іюля. Краткое сообщеніе о нихъ прочитано въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія Академіи Наукъ 11 февраля 1915 г. (ср. ИАН, 1915, № 6, 507—8), и извѣщеніе (отъ 28 февраля) послано Св. Синоду. Само по себѣ это археологическое разслѣдованіе прямого отвѣта на вопросъ о мѣстонахожденіи могилы св. Максима не дало, и обработка добытыхъ данныхъ, по заключенію Н. Я. Марра, требуетъ еще дополнительныхъ разысканій, главнымъ образомъ изученія грузинской версіи житія св. Максима по древнѣйшему его (мартыновскому) списку. Отчетъ въ окончательномъ видѣ предположено напечатать въ ХВ. Св. Синодомъ 28 апрѣля 1915 г. постановлено было оставить ходатайство Грузино-Имеретинской Конторы пока безъ дальнѣйшихъ распоряженій.

кументами самой высокой цѣнности, по достовѣрности и обстоятельности сообщаемыхъ въ нихъ свѣдѣній, вообще являются написанныя вскорѣ же послѣ кончины Максима письмо Анастасія апокрисиарія и записка Θεодосія гангрскаго.

Анастасій сосланъ былъ въ Лазику вмѣстѣ съ Максимомъ и другимъ Анастасіемъ, монахомъ (ученикомъ Максима съ 619 года), въ 662 г. и тамъ жилъ, послѣ скорой кончины ихъ, еще нѣсколько лѣтъ (прибыли всѣ вмѣстѣ въ Лазику 8 іюня, Анастасій монахъ † 24 іюля, Максимъ † 13 августа, Анастасій апокрисиарій † 666 октября 11). Незадолго до своей смерти онъ въ письмѣ къ Θεодосію въ Іерусалимъ, относящемся ко времени между 1 сентября 665 и 31 августа 666 г. (IX индиктъ), описалъ первоначальную судьбу своихъ сподвижниковъ и свою собственную по прибытіи въ Лазику, обстоятельства кончины Анастасія монаха и Максима и свою дальнѣйшую судьбу. Въ письмѣ при этомъ онъ выражалъ желаніе, чтобы кто-либо изъ имѣющихъ ревность по Богѣ пришелъ къ нему для его утѣшенія и для засвидѣтельствованія истины православія въ мѣстѣ его ссылки, и чтобы принесены были ему дѣянія Латеранскаго собора 649 г. противъ моноелитовъ.

Адресатъ этого письма, Θεодосій, родомъ изъ Гангры, пресвитеръ и монахъ въ Іерусалимѣ, еще со временъ изданія типиса (648) и Латеранскаго собора посвятившій себя, вмѣстѣ съ братомъ Θεодоромъ, на служеніе гонимымъ за православіе отъ византійскаго правительства, провожавшій трехъ исповѣдниковъ въ 662 г. въ ссылку въ Лазику, еще прежде полученія этого письма отправился къ Анастасію. Но сначала онъ побывалъ въ Херсонисѣ таврическомъ, куда еще въ 648 г. сосланы были константинопольскіе ученики Анастасія, братья Евпрепій († 655 окт. 20) и Θεодоръ, а затѣмъ сосланъ въ 654 г. и папа Мартинъ († 655 сент. 16). Θεодора въ Херсонисѣ Θεодосій засталъ въ живыхъ, но въ Лазику онъ прибылъ уже по смерти Анастасія. Побывавъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ жилъ въ послѣднее время и скончался, онъ получилъ письмо его, вмѣстѣ съ разными реликвіями и литературнымъ наслѣдствомъ, на обратномъ пути изъ Лазики, отъ Григорія, настоятеля монастыря Іоанна Крестителя такъ назыв. Βεταζάρειος въ Аланіи, 20 августа 668 года. Письмо это было имъ потомъ опубликовано вмѣстѣ съ другими документами, относящимися къ исторіи моноелитскаго спора. Онъ приложилъ къ нимъ еще свою памятную записку, съ цѣлію сохранить для потомства свѣдѣнія объ авторѣ письма и его ученикахъ, Θεодорѣ и Евпрепії; говорится въ ней также и о Мартинѣ и Максимѣ съ Анастасіемъ монахомъ. Записка написана во время отъ 1 сентября 668 до 31 августа 669 г. (XII индиктъ).

Изъ письма Анастасія извѣстна на греческомъ языкѣ только часть его, касающаяся именно Максима, въ извлеченіи, помѣщенномъ въ одной изъ редакцій житія Максима. Этотъ греческій текстъ напечатанъ лишь въ недавнее время М. Д. Муретовымъ¹ и затѣмъ С. Л. Епифановичемъ². Какъ видно изъ латинскаго перевода этого письма у Анастасія Библиотекаря, составителемъ житія были сдѣланы въ этомъ извлеченіи нѣкоторыя опущенія въ сравненіи съ подлинникомъ. Записка Θεοδοσία сохранилась на подлинномъ языкѣ въ цѣломъ видѣ въ cod. Vatic. gr. 1671 s. X, и издана недавно С. Л. Епифановичемъ³.

Раньше оба эти памятника были извѣстны въ печати лишь въ латинскомъ переводѣ Анастасія Библиотекаря (IX в.), въ его такъ назыв. Collectanea, изданныхъ впервые Сирмондомъ въ 1620 г. и неоднократно потомъ перепечатывавшихся, въ послѣдній разъ — въ 129 томѣ латинской Патрологіи Миня. Относящіеся къ Максиму документы въ Collectanea перепечатаны были также Комбефисомъ въ его изданіи твореній Максима (1675), но съ ошибками, повторенными, съ прибавленіемъ новыхъ, въ 90 томѣ греческой Патрологіи Миня⁴.

Извлеченіе изъ письма Анастасія имѣется и въ грузинскомъ переводѣ упомянутаго житія, принадлежащемъ св. Евонімію аеонскому († 1028); данныя этого письма, чрезъ посредство житія, вошли и въ краткое сказаніе грузинскаго синаксаря, переведеннаго (1038—1042) съ греческаго языка, съ дополненіями, Георгіемъ Мтацминдели. Переводъ на русскій языкъ и

¹ Творенія св. отца нашего Максима Исповѣдника. Ч. I. Житіе преп. Максима и служба ему. Переводъ, изданіе и примѣчанія проф. М. Д. Муретова. Сергіевъ Посадъ 1916, 162—7 (первоначально въ приложеніи къ БВ, 1918, ноябрь).

² Въ собраніи неизданныхъ греческихъ текстовъ, относящихся къ св. Максиму, уже напечатанномъ, но еще не выпущенномъ въ свѣтъ, и любезно присланномъ мнѣ издателемъ въ мартѣ 1915 г., стр. 9—10.

³ Тамъ же, 11—20. Запискѣ предпослано въ рукописи краткое введеніе анонимнаго автора (10—11) и дано другое заглавіе: Ἱστορία συντομος τὰ κατὰ τὸν μαχίριον Μαρτίνον γεγονότα πάπαν Ῥώμης καὶ τὸν ὅσιον Μάξιμον καὶ τὸν σὺν αὐτοῖς [не достаетъ, очевидно, причастія при ἱστορία], вмѣсто подлиннаго обширнаго заглавія, сохраненнаго въ латинскомъ переводѣ (Scholium, sive Hymnesticum, etc.). У Муретова русскій переводъ сдѣланъ съ латинскаго текста, 209—225, но затѣмъ помѣщены поправки къ нему по изданному Епифановичемъ греческому тексту, 226—230 (=БВ, 1914, апрѣль).

⁴ PL, 129 (1853), с. 659—634, 681—690; PG, 90, с. 171—178, 193—202. Ошибки допускаются часто, между прочимъ, въ собственныхъ именахъ. Напр., 173C Scotoni стоитъ вмѣсто Scotori, Abasgoiam — Abasgiam, 173D Sunias — Suantias, 174D Misimiamae — Misimianae, illi—illinc, 175A Phustuensium — Phustensium, 177B пропущена послѣ слова Hiberiae пѣлая фраза, оканчивающаяся также этимъ словомъ; 193B Theodoreto (у Миня) вмѣсто Theodoro, 198D habitatoribus—habitoribus, 199B tibi—sibi, scribat—scribebat. Но съ другой стороны, въ PL, 129, 687C послѣ minimis пропущено Theodosio scilicet et, Bavaaru стоитъ вмѣсто Bataaru.

житія (въ извлеченіяхъ) и синаксарнаго сказанія сдѣланъ прот. К. Кекелидзе¹.

Анастасій рассказываетъ, что когда Максимъ, самъ онъ и другой Анастасій—монахъ прибыли въ «страну христолюбивыхъ Лазовъ» (τὴν τῶν φιλοχρίστων Λαζῶν χώραν), по приказу тогдашняго начальника этой области ихъ немедленно разлучили.

Максима отнесли на сплетенныхъ изъ прутьевъ носилкахъ (πλέξαντες ἀπὸ βεργίων ὥσπερ χαλᾶδριον), такъ какъ онъ не былъ въ состояніи, по немощи, даже сидѣть, ни на выючномъ животномъ, ни въ экипажѣ, и заключили «εἰς κάστρον λεγόμενον Σχιομάριν, πλησίον διαχειόμενον τοῦ ἔθνους τῶν λεγομένων Ἀλανῶν», «in castro Schemari vocitato juxta gentem eorum qui dicuntur Alani», «въ крѣпости, которая называлась химаръ, — по близости къ странѣ Осетинской»².

Анастасія авву и Анастасія апокрисиарія отвезли на лошадахъ и заключили перваго—въ апсидійскую крѣпость «Σχετόριν», второго—въ мисиміанскую «Βουκόλους». Но ихъ вскорѣ, 18 іюля, по приказу начальника (per jussionem tunc principis), привели сначала «εἰς τὸ λεγόμενον Μουχορίσιν», и отсюда Анастасія монаха отправили полуживого (ἡμιθανῆ ὄντα) «εἰς κάστρον τῆς λεγομένης Σουανίδος», или «Σουανίας», гдѣ онъ, сразу по заключеніи, и умеръ, другого Анастасія — «εἰς κάστρον τῆς λεγομένης Θαхурίας».

Максимъ, когда находился въ вышеупомянутой крѣпости (in castro superius memorato), заранѣе (по Θεодосію, за 15 дней) получилъ въ видѣніи откровеніе о своей кончинѣ, имѣвшей быть 13 августа, въ субботу, и призвавъ нѣкоторыхъ изъ находившихся въ крѣпости лицъ (quosdam ex his qui erant in castro), сообщилъ имъ объ этомъ. Въ указанный день онъ и скончался. Анастасій сообщаетъ и о другомъ чудесномъ фактѣ, которымъ сопровождалась кончина Максима и который имѣлъ мѣсто на его могилѣ (in sancto ejus monumento) послѣ его погребенія; это чудо, по его словамъ, до настоящаго момента (666 г.) видятъ и рассказываютъ о немъ живущіе въ

¹ Свѣдѣнія грузинскихъ источниковъ о преп. Максимѣ Исповѣдникѣ, въ ТрКА, 1912 ноябрь, 477—9, 485 (въ отд. оттискѣ 68—70, 76). При переводѣ житія прот. Кекелидзе имѣлъ двѣ лишь позднѣйшія тифлисскія рукописи, Тифл. п. арх. Музея 636, оконч. 1728 г., и Общ. распр. грамотн. среди грузинъ, 1128, XIX в., и не могъ воспользоваться указанными у него древнѣйшими списками, Мартвильскаго монастыря, 1030 г., и Джручскаго, 1031 г. Синаксаръ былъ у него подъ руками въ рукоп. п. арх. Музея 840, 193, 97—XI в.; 222, 839—XII в.; 569, 635—XII—XIII в.; 139—XIII в. (ТрКА, 1912, сентябрь, 2—3).

² Муретовъ, 163—4 = Епифановичъ, 9. PL, 129, 660AB = PG, 90, 173C. Кекелидзе, 477—8 (68—9). Σχιομάριν Епифановичъ исправляетъ въ текстѣ въ Σχημάριν.

крѣпости и ея окрестностяхъ (*qui castrum illud et ejus circa regionem inhabitant*); слухъ о немъ дошелъ и до нѣкоторыхъ изъ начальствующихъ и именитыхъ лицъ (*ad quosdam etiam principum atque magnatum pervenit*). Именно: три яркіе свѣтильника освѣщаютъ по ночамъ святую могилу этого святого мученика (*tres lampades luciferae per singulas noctes sanctum sancti illius martyris Maximi monumentum illustrant*)¹.

Анастасія апокрисіарія, который теперь одинъ остался въ живыхъ, послѣ того какъ онъ два мѣсяца (слѣдовательно, до 20-хъ чиселъ сентября) лежалъ больной «*in castro praedictae Thacyriae*», начальникъ (*princeps*) опять отослалъ «*ad partes Apsiliae et Misimianae custodiae mancipandum in castro Phustas*». При этомъ онъ въ течение семи мѣсяцевъ водилъ его по названнымъ областямъ, безъ необходимой одежды и обуви, пѣшкомъ, изнемогающаго отъ холода, голода и жажды, желая, чтобы и онъ погибъ. Но онъ самъ подвергся изгнанію (*post aliquos itaque dies pellitur illinc*, — по видимому, изъ мѣстности, гдѣ находилась крѣпость Phustas, по водвореніи тамъ Анастасія въ мартѣ-апрѣлѣ 663 г.). Преемникъ его освободилъ Анастасія изъ этой крѣпости и поселилъ вблизи своего мѣстопробыванія (*juxta domum suam receptum*). Однако чрезъ годъ (слѣдовательно, въ мартѣ-апрѣлѣ 664 г.) и онъ измѣнилъ свои отношенія къ нему, и «по діавольскому дѣйствію» опять назначилъ его «*ad praedictum castrum*» (=Phustas); но въ тотъ же день самъ онъ долженъ былъ бѣжать въ страну «христіолюбивыхъ» авасговъ, и общалъ тамъ князьямъ (*principibus*) авасговъ, сочувствовавшимъ Анастасію, хотя лично его и не знавшимъ, облегчить по возможности его участь въ случаѣ возстановленія во власти. Но когда чрезъ нѣсколько дней при чьей-то помощи онъ возвратился, то не только не исполнилъ обѣщанія, а велѣлъ даже немедленно перевести Анастасія «*a castro Phustensium*» «*in Schemareos castrum*». Анастасій былъ уже на пути туда, какъ притѣснитель его снова былъ изгнанъ и бѣжалъ туда же, гдѣ былъ и прежде. Новый начальникъ, Григорій, возвратилъ Анастасія «*a via crebro dicti Schemareos castrum*» и помѣстилъ вблизи мѣста, гдѣ жилъ самъ, оказывая ему всякое покровительство². У Θεодосія гангрскаго это мѣсто послѣдняго заключенія и смерти Анастасія опредѣляется, какъ крѣпость «Θουσούμη» (Thusumes)³.

¹ PL, 129, 660D—661AB=PG, 90, 174ABC. О подобномъ же чудѣ, явленіи свѣта на мѣстѣ, гдѣ находилось (непогребенное еще) тѣло отшельника Іоанна (на горѣ ἀπὸ τῆς μιῆς τῆς Ῥόσσου), рассказывается, между прочимъ, въ «Лугѣ духовномъ», гл. 87. PG, 87, 3, 2944—5.

² PL, 129, 661—2=PG, 90, 174—5.

³ Епифановичъ, 13. PL, 129, 683D—684A=PG, 90, 195C.

Тамъ, гдѣ окончилъ свою жизнь и гдѣ былъ погребенъ св. Максимъ, Θεодосίη самъ не былъ, но онъ имѣлъ возможность бесѣдовать съ лицами, весьма хорошо знавшими эту мѣстность. Онъ сообщаетъ, что о свѣтѣ, являющемся надъ могилою Максима (οὐ καὶ τὸ ἅγιον μνῆμα κατὰ νύκτα λαμπάδας ἀναβλυστάνει, ἀφ' ἧς ἡμέρας χεχοίμηνται μέχρι νῦν), онъ самъ слышалъ отъ многихъ какъ изъ среды начальствовавшихъ, такъ и изъ среды простыхъ обывателей (παρὰ πολλῶν τῶν ἐκεῖσε ἀρχόντων τε καὶ οἰκητόρων), при чемъ они подтверждали истинность факта клятвою; однимъ изъ очевидцевъ этого факта является самъ начальникъ крѣпости, гдѣ Максимъ былъ заключенъ, Ми-стрианъ: онъ многократно во время ночной стражи, вмѣстѣ съ другими воинами изъ своего гарнизона, видѣлъ свѣтильники и первый разсказалъ о нихъ всѣмъ (ὁ τοῦ αὐτοῦ κάστρου Συχημάριως κόμης [χώμης Епифан.] Μιστριάνος, ὁ καὶ βιγλεύων μετὰ τῶν ἑαυτοῦ στρατιωτῶν ταύτας [= τὰς λαμπάδας] οὐχ ἄπαξ οὐδ' εἰς, ἀλλὰ καὶ πολλάκις θεασάμενος καὶ πᾶσι πρῶτος φανερώς κηρύξας). Самъ Θεодосίη не нашелъ возможнымъ идти туда въ виду трудности восхождения на гору (гдѣ находится крѣпость), которая представляетъ — по его мнѣнію — вершину Кавказскихъ горъ, и выше ея нѣтъ горы на землѣ (διὰ τε τὴν τοῦ ὄρους ἐκείνου ἥτοι τῆς κορυφῆς τῶν Καυκασίων, οὐ ὑψηλότερον ὄρος ἐπὶ γῆς οὐκ ἔστιν, δυσχέρειαν)¹, и въ виду зимняго времени, а также неспокойнаго состоянія обитающихъ тамъ народовъ.

Такимъ образомъ, по Анастасію и Θεодосію, мѣстомъ заключенія Максима была крѣпость «Σχημάρις (Σχήμαρις) — Schemaris» или «Σχιομάρις (Σχιομάριον)»; близъ нея онъ былъ и погребенъ. Сообщенія ихъ не могутъ возбуждать никакихъ сомнѣній въ своей достовѣрности, и вопросъ можетъ быть только о мѣстонахожденіи указываемой ими крѣпости и о правильной формѣ ея наименованія.

II.

Въ отличіе отъ этихъ весьма важныхъ въ данномъ случаѣ историческихъ источниковъ, крайне невысокую цѣнность имѣютъ въ цѣломъ сами по себѣ разныя позднѣйшія сказанія о Максимѣ и житія его, писанныя анонимными авторами. Новаго въ сравненіи съ тѣмъ, чтò извѣстно и помимо ихъ, они даютъ очень мало, и вмѣсто фактовъ ихъ авторы сообщаютъ иногда лишь свои невѣрные домыслы.

Начало нѣкоторыхъ изъ тѣхъ недоразумѣній, которыя со временемъ

¹ Епифановичъ, 16—17. PL, 129, 686D—687A=PG, 90, 198D—199A.

утвердились въ византийской традиціи о св. Максимѣ и сосланныхъ съ нимъ въ Лазику двухъ Анастасіяхъ, восходитъ частью уже къ сочиненію съ именемъ Анастасія Синаита конца VII в., о ересьхъ и соборахъ, изданному впервые Питрою¹. Въ немъ именно говорилось, вслѣдъ за сообщеніемъ объ участи папы Мартина, о «приведеніи» Максима «съ двумя учениками Анастасіями» въ Константинополь для суда, тогда какъ Анастасій апокрисіарій на дѣлѣ былъ сосланъ уже въ 648 г. въ Трапезунтъ, и съ Максимомъ прибылъ и былъ подвергаемъ допросу лишь Анастасій монахъ, который собственно и былъ «ученикомъ» Максима въ тѣсномъ смыслѣ слова; Анастасій апокрисіарій, если и вызванъ былъ тогда въ Константинополь, то лишь для того, чтобы быть отправленнымъ въ новое мѣсто ссылки — въ Месимврию, если только это не относится къ другому времени². Здѣсь же сообщается о наказаніи Максима чрезъ отрѣзаніе языка и усѣченіе не только руки, но и ногъ³, и о ссылкѣ его въ Лазику, между тѣмъ какъ о сподвижникахъ его Анастасіяхъ замѣчается только, что ихъ отправили въ ссылку въ разныя мѣста, причемъ одинъ изъ нихъ, пресвитеръ, потерпѣлъ такое же наказаніе, какъ и учитель, а другой подвергся тягчайшимъ пыткамъ⁴. Дается, очевидно, прямой поводъ думать, будто въ Лазику они и не были сосланы, и только одинъ изъ нихъ наказанъ подобно Максиму, чрезъ отрѣзаніе языка и пальцевъ.

Это произведеніе, судя по буквальному почти сходству нѣкоторыхъ мѣстъ, было подъ руками у неизвѣстнаго автора древнѣйшаго — нужно думать — изъ имѣющихся краткихъ сказаній о Максимѣ, указаннаго нѣкогда еще въ *Acta Sanctorum* болландистовъ и нынѣ изданнаго С. Л. Епифановичемъ по cod. Vindob. hist. gr. 14 (45): Ἀθλῆσις ἐν ἐπιτόμῳ τοῦ ὁσίου πατρὸς Μαξί-

¹ Pitra, *Juris ecclesiastici Graecorum historia et monumenta*. II. Romae 1868, p. 268—9.

² 268: ἄμα δυοὶ μαθηταὶ τῆς Ἀναστασίας τὴν προσηγορίαν, διὰ ταύτην τὴν αἰτίαν ἐπὶ τὸ Βυζάντιον ἄγονται, καὶ τὸν Μαρτίνου κλῆρον δέχονται. На ошибочность этого мнѣнія, чрезъ посредство синаксарнаго сказанія и житія Максима сдѣлавшагося общераспространеннымъ, указалъ J. Stiglmayr, *Der heilige Maximus «mit seinen beiden Schülern»*, въ *Der Katholik*, 1908, № 7, 39—45, безъ выясненія, однако, его дѣйствительнаго источника.

³ 268: γλωσσοτομοῦσιν οἱ ἁγιοὶ, χεῖρα καὶ πόδας συνεχρόφαντες. Объ усѣченіи ногъ въ древнѣйшихъ источникахъ не говорится. Ср. Епифановичъ, 11—12; PG, 90, 172A. Но сообщеніе объ этомъ встрѣчается у Гагика. ԳԷԴԴ ԹԴԹԴ. Тифлисъ 1901, 301: ծայրամուկ և ձեռքն եւ յոտն.

⁴ 268—9: Τῶν δὲ μαθητῶν θίτερον ἀλλάχσε ὑπερώρισαν, τὸν μὲν γὰρ ἕνα, πρεσβύτερον τὴν τιμὴν ὄντα, τὰ αὐτὰ τῷ διδασκάλῳ τιμωρησάμενοι, τὸν δ' ἄλλον αἰκίαις βαρυτάταις καταξήναντες, ἀλλήλων ἡνιοσύνην γινώμη κακρᾶτημένοι διαζεύγνυσιν. Поводъ къ мнѣнію, что лишь Анастасій пресвитеръ пострадалъ подобно Максиму, могъ давать до нѣкоторой степени уже разсказъ Θεοδοσία. Епифановичъ, 11.

μου τοῦ ἐμολογητοῦ¹. Здѣсь, послѣ замѣчанія о ссылкѣ Максима сначала во Фракію и затѣмъ, послѣ наказанія, въ Лазіку, повторяется указанное сообщеніе, что «пресвитеръ» Анастасій наказанъ былъ подобно своему учителю, о другомъ же Анастасіи заявляется съ опредѣленностью, что онъ сосланъ былъ въ крѣпость фракійскую (гдѣ, въ Месимврїи, въ дѣйствительности онъ былъ уже передъ ссылкой въ Лазіку)². Крайнюю смутность своихъ представлений объ Анастасіяхъ этотъ авторъ, между прочимъ, еще ранѣе обнаруживаетъ въ томъ, что подъ именемъ «пресвитера» Анастасія у него выступаетъ въ сущности Анастасій монахъ, а пресвитеръ и апокрисиарій *римскій* Анастасій называется «апокрисиаріемъ его» (неясно кого, Максима ли, или же Анастасія «пресвитера»)³. Но и о пребываніи Максима въ ссылкѣ въ Лазікѣ у него даются совершенно несогласныя съ дѣйствительностью свѣдѣнія. Извѣстіе, что Максимъ скончался вскорѣ послѣ казни, которой подвергся, онъ считаетъ вообще измышленіемъ «нечестивыхъ»⁴, и самъ рассказываетъ, что на дѣлѣ ему вскорѣ же послѣ ссылки въ Лазіку, пограничную съ Асасіей, дарованы были Богомъ здравіе и способность рѣчи, и онъ жилъ тамъ еще около 3 лѣтъ, утверждая своимъ ученіемъ находившихся тамъ вѣрующихъ и приводя къ Богу чрезъ крещеніе невѣрныхъ, при этомъ своими трудами доставалъ средства къ жизни несмотря на свой преклонный возрастъ⁵. То, что до извѣстной степени можетъ относиться къ Анастасію апокрисиарію, здѣсь ошибочно утверждается о Максимѣ⁶.

¹ Епифановичъ, 21—2, 4, 9-18, 5, 9—6, 2. Начало: «Ὁ ὅσιος καὶ τριμυχαριστός».

² 22, 16-19: [Максиму] τὰς χεῖρας καὶ τὴν γλῶσσαν ἀκρωτηριάζουσι καὶ ἐν Λαζικῇ εἰς ἐξορίαν πέμπουσιν. Τοὺς δὲ δύο μαθητὰς αὐτοῦ ὁμωνύμους Ἀναστασίους, τὸν μὲν πρεσβύτερον ἰσὰ τῷ διδασκάλῳ τιμωρησάμενοι, ἐν Ἀλλοδαπῇ κατέβησαν, τὸν δὲ ἕτερον εἰς χίστρον τῆς Θράκης ἐξέπεψαν.

³ 4, 15-16: πανταχοῦ θεοσεβῶς ἐδίδασκε καὶ ἐκήρυττεν, ἔχων εἰς τοῦτο συναγωνιστὰς Ἀναστάσιον τὸν πρεσβύτερον καὶ ἕτερον Ἀναστάσιον τὸν ἀποκρισιάρην αὐτοῦ.

⁴ Очевидно, еретиковъ-моноелитовъ, или, можетъ быть, монофиситовъ. Извѣстіе о смерти Максима передавалось или въ томъ видѣ, что онъ (22, 20-21) μετὰ τὴν ἐκτομὴν τῆς αὐτοῦ γλώσσης σκωληκόβρωτος γενόμενος ἐτελεύτησεν. Не говорилось ли это, напр., въ упомянутомъ сирійскомъ памфлетѣ, «Исторіи о Максимѣ» Григорія или Георгія?

⁵ 22, 22-31: Μετὰ γὰρ τὸ ἐξορισθῆναι αὐτὸν ἐν Λαζικῇ τῇ πρὸς Ἀβασγίαν οὐ μετὰ πολὺ τὴν υἰγιαὴν [υἰγιαὴν Епифан.] αὐτὸς ὁ θεὸς ἐδωρήσατο καὶ ἐλάλει τρανέστατα ὑπὲρ τὸ πρότερον, πάντας τοὺς ἐκείσε διδασκῶν καὶ ὑποστηρίζων τοὺς πιστοὺς, ἀπίστους δὲ εἰς ἐπίγνωσιν τοῦ Χριστοῦ ἐδηγῶν καὶ διὰ τοῦ βαπτίσματος τῷ Θεῷ προσάγων. Ἐν ταῦτοις μέχρι τριετοῦς χρόνου ἐν τῇ ἐξορίᾳ διαρκέσας, αὐτῷ ἐν ταῖς τοῦ σώματος χρείαις διηκόνει, μὴ τινος ἐπιβάρης γενόμενος, καίτοι πρεσβύτερος καὶ πλήρης ἡμερῶν ὑπάρχων, πάντα πόνον μεθ' ὑπομονῆς καὶ εὐχαριστίας γενναίως ὑπέφερε διὰ τὴν ἐλπίδα τῶν αἰωνίων ἀγαθῶν.

⁶ Начало Ἀθήνης ἐν ἐπιτόμῳ почти буквально (кроме первыхъ строкъ) воспроизводится въ памятникѣ константинопольскаго происхожденія, изданномъ А. А. Дмитріевскимъ по Патмосской рукописи IX—X в. (№ 266) и представляющемъ объединеніе краткихъ извлеченій изъ синаксарныхъ сказаній съ указаніями типикона. А. Дмитріевскій, Описание

Другая, въ греческихъ синаксаряхъ наиболее распространенная редакция особаго сказанія о Максимѣ, изданная впервые Комбефисомъ и въ новѣйшее время Delehaue, является въ общемъ сокращеніемъ первой и повторяетъ ея ошибки¹. Здѣсь даже прямо уже заявляется о прибытіи Максима «изъ Рима съ двумя Анастасіями, учениками его»². То же, что и тамъ, говорится о трехлѣтнемъ пребываніи Максима въ Лазикѣ и о судьбѣ Анастасіевъ. Но эпитетъ *πρεσβύτερος* въ отношеніи къ первому Анастасію здѣсь понимается въ смыслѣ указанія на возрастъ, почему другой Анастасій (апокрисиарій), сосланный якобы въ одну изъ еракійскихъ крѣпостей и тамъ умершій, получаетъ эпитетъ *νεώτερος*³.

Не болѣе какъ простую риторическую амплификацію этой краткой редакціи представляетъ, наконецъ, третья извѣстная нынѣ редакция, которая имѣется въ «Царской» минеѣ, изданной В. В. Латышевымъ; напечатана она и у С. Л. Епифановича⁴. Для характеристики амплификатора, незнакомаго, повидимому, ни съ какими другими памятниками о Максимѣ, кромѣ перерабатываемаго имъ сказанія, можно указать, что онъ не стѣсняется къ сообщенію о возвращеніи Максима «съ двумя его учениками» изъ Рима въ Константинополь прибавить еще измышленіе, будто онъ посе-

литургическихъ рукописей, хранящихся въ библіотекахъ православнаго востока. I. 1. Кіевъ 1895, стр. 103 = Епифановичъ, 21, 6-13. Въмѣсто *πρῶτος ἐν τοῖς μυστογράφοις γεγονώς* (21, 8) здѣсь читается *πρωτοεκκληστής γεγονών*. Конечъ: *γεγονε μοναχός ἐν τῷ μοναστηρίῳ Χριστοπόλει, ἐν ᾧ καὶ ἡγεμόνος γεγονε* (последнихъ словъ нѣтъ въ *Ἀθλῆσις*).

¹ Напечатана была Комбефисомъ въ изданіи твореній св. Максима, I, lxxix—xc, по cod. Tilianus, и перепечатана въ PG, 90, 209—212. Н. Delehaue издалъ ее въ *Synagagium Ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano nunc Berolinensi*. Bruxellis 1902, подъ 21 января, с. 409—410, и подъ 13 августа, с. 887—890. Начало: «Οὗτος ἦν κατὰ τοὺς χρόνους Κωνσταντίνου, τοῦ ἐπικληθέντος Πωγωνίου» (с. 409), «Οὗτος ἦν ἐπὶ τῆς βασιλείας Κωνσταντίνου, τοῦ ἐπικληθέντος Πωγωνίου» (с. 887), [*Ἀθλῆσις* - - Μαξίμου τοῦ ὁμολογητοῦ,] «ὅς ἐπὶ τῆς βασιλείας Κ. τ. ἑ. Π.» (Combeffis). Указаніе нѣкоторыхъ рукописей и старопечатныхъ изданій (Хлудов. №№ 192, 193, 194, Хлуд. церк. печ. 142 [1641 г.], Моск. Акад. 835 [печ. 1660 съ поправками справщика Евиміа], Моск. Никол. Единов. мон. 78, Хлуд. 188) и текстъ славянскаго перевода этой редакціи дается у Муретова, 285—291.

² 409, 33-34 = 888, 15-17 = PG, 90, 209C: *Ἀναζεύξας δὲ ἀπὸ Ῥώμης μετὰ τῶν [τῶν] нѣтъ въ текстѣ 888, 16 и отмѣчено только какъ вариантъ въ D] δύο Ἀναστασίων τῶν μαθητῶν [αὐτοῦ] нѣтъ въ текстѣ 409, 34 и отмѣчено лишь какъ вариантъ въ Sa], εἰς εὐθύναν παρὰ τῆς συγχλήτου καθίσταται.*

³ 410, 16 = 890, 4 = PG, 90, 212A.

⁴ *Menologii Anonymi Byzantini saeculi X quae supersunt*. Ed. B. Latyšev. Fasc. II. Petropoli 1912, p. 273—5, по cod. Hierosol. S. Sepulchri № 17, s. XII, и cod. Ambros. № 834 (olim 162), а. 1240 (писанъ Лаврентіемъ рутійскимъ). Епифановичъ, 23—25, по cod. Hierosol. № 16, s. XVI. Начало: «Καὶ πῶς ἂν τὴν παρὰ τῶν φιλοκίλων». «Рабское» отношеніе составителя къ своему источнику наглядно показываетъ чрезъ сопоставленіе текстовъ В. В. Латышевъ, Византійская «Царская» минея. Исслѣдованіе (Записки Академіи Наукъ по Истор.-Филолог. Отдѣленію. Т. XII, № 7). Петроградъ 1915, 277—280.

лился тамъ въ своемъ монастырѣ¹, утверждая православіе своимъ рѣчами и посланіями.

Кромѣ этихъ краткихъ сказаній² существуютъ еще два пространныя житія св. Максима разныхъ редакцій. Одно, уже упомянутое выше, представляетъ компиляцію, состоящую большею частію изъ буквальныхъ, иногда нѣсколько видоизмѣненныхъ и сокращенныхъ, выписокъ изъ разныхъ источниковъ: хроника Теофана, описанія суда надъ Максимомъ, письма Анастасія апокрисіарія къ Θεодосію гангрскому. Буквальные извлечения сдѣланы и изъ названнаго выше Ἀθλησις ἐν ἐπιτόμῳ³. Невѣрныхъ свѣдѣній о ссылкѣ Максима и обоихъ Анастасіевъ компиляторъ не могъ принять въ виду точныхъ указаній въ приведенномъ у него письмѣ самого Анастасія апокрисіарія. Однако, хотя этотъ Анастасій и извѣстенъ ему, какъ «пресвитеръ и апокрисіарій древняго Рима»⁴, и у него въ выпискѣ изъ Ἀθλησις осталось неисправленнымъ различіе «пресвитера Анастасія» и «другого Анастасія, апокрисіарія его»⁵.

Въ изобиліи появляются невѣрныя сообщенія, частію уже въ иномъ нѣсколько видѣ, въ упомянутомъ также выше грузинскомъ переводѣ этого житія⁶; переводчикъ дополнялъ греческій текстъ оригинала частію на основаніи другихъ греческихъ памятниковъ, частію, повидимому, путемъ собственныхъ догадокъ. Анастасій монахъ и здѣсь является въ качествѣ «пресвитера», Анастасій же апокрисіарій оказывается уже почему-то «діакономъ»⁷. Послѣдній возвратился, будто бы, изъ своей ссылки въ Мингрелію, по смерти императора Константа († 668), въ Грецію. Говорится не о трехлѣтнемъ нахожденіи Максима въ кавказской ссылкѣ, а лишь о четырехмѣсячномъ. Но на него въ то же время явно переносится по недоразумѣнію

¹ Latyšev, 275, 8-9 = Епифановичъ, 24, 18: τῷ ἰδίῳ μοναστηρίῳ παρέβηκε.

² На славянскомъ языкѣ имѣется еще весьма краткая особая редакція синаксарнаго разсказа, съ неодинаковымъ началомъ въ разныхъ рукописяхъ, изданная Муретовымъ (292—6). Начало въ одной подредакціи (августъ): «(Тл.) стын Максимъ», въ другой (январь): «Блженныи оцъ нашъ Максимъ». Греческіе подлинники этихъ текстовъ еще не указаны; возможно, что они скрываются въ ряду рукописныхъ синаксарей, перечисленныхъ у Delehaue.

³ Житіе издано по рук. Моск. Синод. библ. № 380, 1022 г., за исключеніемъ отдѣловъ изъ описанія суда надъ Максимомъ, которые были уже ранѣе извѣстны, у Муретова, въ разныхъ мѣстахъ его перевода, и у Епифановича, 1—10. Начало: «Προχλασίῳ τῷ ἐκ τῆς Ῥωμανίας ἀρχῆς ἐπιστάτῳ μένῳ».

⁴ Муретовъ, 161 = Епифановичъ, 9, 2.

⁵ Муретовъ, 37 = Епифановичъ, 4, 16.

⁶ Переводъ на русскій языкъ прот. К. Кекелидзе въ ТрКА. 1912. ноябрь, 451—484 (отд. оттискъ, 42—75).

⁷ 458 (=49).

то, что рассказывается у Θεοδοσία гангрскаго объ Анастасіи апокрисиаріи: будто онъ писалъ письма изъ заключенія, привязавъ перо къ искалѣченной рукѣ; въ частности, онъ писалъ незадолго до своей кончины, предсказанной имъ за 7 дней, и Анастасію «діакону»¹.

Для византійскихъ читателей житіе этой редакціи было, вѣроятно, вскорѣ же послѣ его появленія, замѣнено и новидимому вытѣснено другимъ, въ которомъ вмѣсто буквальныхъ выписокъ изъ источниковъ предлагалось краснорѣчіе самого автора². Какихъ-либо новыхъ сколько-нибудь важныхъ

¹ 478 (=69). Прот. Кекелидзе, довѣряя вставкѣ въ грузинскомъ переводѣ этого житія, въ извлеченіи изъ Анастасія апокрисиарія, 477—8 (=68—9): «Другого же Анастасія, который описалъ все это и прислалъ мнѣ, пресвитеру Θεοδοσίу, написавшему все настоящее подвизничество святому Максиму, заключили въ крѣпости, по имени Бокеле, на границахъ же Осетіи», полагаетъ, что авторомъ первоначальной редакціи греческаго житія, съ которой сдѣланъ этотъ переводъ, за вычетомъ изъ послѣдняго разныхъ интерполяцій, былъ не кто другой, какъ Θεοδοσίи гангрскій, и оно было написано вскорѣ послѣ VI всел. собора; общій мѣста съ хронографіей Θεοφана Исповѣдника онъ объясняетъ зависимостью Θεοφана отъ житія, а не наоборотъ, какъ Епифановичъ (ГрКА, сентябрь, 10—13). Съ нимъ соглашается и Муретовъ, усматривая въ самомъ изданномъ имъ текстѣ житія признаки большей его древности въ сравненіи съ Θεοφаномъ (21, 37).—Но значеніе указанной вставки подрывается уже дальнѣйшими совершенно невѣрными сообщеніями касательно «діакона» Анастасія и самого Максима, и нѣтъ основаній довѣрять ей больше, чѣмъ послѣднимъ. О намѣреніи писать житіе Максима, которое Кекелидзе усматриваетъ (11—12) въ запискѣ Θεοδοσία PG, 90, 200D=Епиф. 12), на дѣлѣ тамъ не говорится; епископъ Николай, будто бы побудившій его къ этому, упоминается въ житіи совсѣмъ иной редакціи. Что касается взаимоотношенія текстовъ, то въ дѣйствительности *Sermo tertius* Анастасія Синаита послужилъ и для Θεοφана, и для автора житія однимъ изъ источниковъ нѣкоторыхъ общихъ для нихъ (а не какихъ-либо особенныхъ для Θεοφана) свѣдѣній. Между прочимъ, на этотъ крайне неудовлетворительный источникъ Θεοφана обратилъ вниманіе уже В. В. Болотовъ (ВВр, XIV, 99—100). При буквальной вообще сходствѣ, Θεοφанъ при этомъ пытается исправить нѣкоторыя несообразности Анастасія, замѣняя, однако, ихъ новыми. Указываемая Муретовымъ разность въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ у Θεοφана и въ житіи не даетъ основаній къ заключенію о большей древности послѣдняго, особенно если имѣть при этомъ въ виду чтеніе у Анастасія (между прочимъ, нужно замѣтить, что фраза Мур. 21=Епиф. 2,10: τοῦτο γὰρ ἦν τὸ ἀγνῶμα, не говоритъ о «невѣжествѣ» Ираклія, а имѣетъ отношеніе къ выше стоящему, 15=1,14: ἀγνῶμα ἡ γνῶσις ἀγύστον. Ср. Евр. IX, 6). Прот. Кекелидзе часть интерполяцій въ грузинскомъ переводѣ въ сравненіи съ текстомъ житія въ рук. Моск. Синод. библ. № 380 относитъ на счетъ греческаго оригинала житія, бывшаго въ распоряженіи переводчика (ГрКА, 1912, сентябрь, 7—9). Но вѣроятнѣе и въ нихъ видѣть также прибавки Евхимія, имѣвшаго подъ руками частію другіе греческіе источники, вообще же, какъ отмѣчаетъ и Кекелидзе (5—6), весьма свободно обращавшагося съ переводимыми текстами.

² Греческій текстъ житія съ латинскимъ переводомъ былъ изданъ Комбефисомъ въ S. Maximi Opera. I (1675), i—xxviii, по cod. Regius (лат. переводъ былъ напечатанъ имъ еще ранѣе въ S. Maximi Confessoris Vita et Acta aliaque prolegomena. Parisiis 1670, p. 1—56). Въ Acta Sanctorum, augusti t. III (1737), p. 118—132, Pinus помѣстилъ латинскій переводъ Понтана (Pontanus, † 1626) съ неизвѣстной греческой рукописи, сличивъ его съ изданіемъ Комбефиса и съ греч. cod. ducis Sabaudiae. Моринъ, переводъ котораго (акты суда надъ Максимомъ и конецъ житія) приводится въ Аппалахъ Гароніа, а. 656, 657, зналъ 3 ватиканскихъ рукописи. Муретовъ пользовался при своемъ переводѣ рук. Моск. Синод. библ. № 391 XV в. (2 листа XII—XIII в.); вмѣсто XIX—XXXIII главъ здѣсь даются акты суда надъ

матеріаловъ авторъ не имѣлъ. Опусценіе ненужныхъ для цѣлей риторики разныхъ фактическихъ подробностей первоисточниковъ дѣлало его болѣе легкимъ для чтенія, но менѣе цѣннымъ въ историческомъ отношеніи. Грубыхъ ошибокъ о концѣ жизни Максима и это житіе, воспроизводя данныя предыдущаго житія, избѣгаетъ.

Маловажные сами по себѣ, эти болѣе или менѣе поздніе памятники, особыя краткія сказанія о Максимѣ и пространныя житія его, въ данномъ случаѣ представляютъ тотъ интересъ, что по вопросу о мѣстѣ погребенія св. Максима содержатъ въ себѣ, за исключеніемъ лишь послѣдняго¹, весьма определенное указаніе, какого нѣтъ въ древнѣйшихъ извѣстныхъ документахъ: Максимъ былъ погребенъ въ Лазикѣ «въ монастырѣ св. Арсенія», или, по нѣкоторымъ рукописямъ одного изъ этихъ памятниковъ, «св. Арсакія».

Максимомъ почти въ цѣломъ видѣ (позднѣйшая замѣна?). У Комбефиса (очевидно, какъ въ cod. Regius) пропускъ между главами XVI и XVII. Въ PG, 90, 67—110, данъ текстъ Комбефиса. Начало: «Καὶ πάντων μὲν τῶν κατὰ θεῖον».—Авторъ сообщаетъ, что къ написанію этого труда побудилъ его своими настоятельными просьбами усердный почитатель Максима и его произведеній епископъ Николай (PG, 90, 109A, ср. 68C: οὗτω - καὶ ὑμῖν τὸ χρέος ἀφοσιώσμεν, τὸν περὶ ἐκείνου λόγον, εἴπερ τι ἄλλο, ἀπαραιτήτως εἰσπράττουσι:ν). Нѣтъ особыхъ основаній видѣть въ этомъ Николай константинопольскаго патріарха Николая Мистика (901—907, 912—925), какъ признаетъ это и самъ В. В. Латышевъ, обратившій на него вниманіе въ своемъ изслѣдованіи о «Царской» минеѣ (276). Но можно сдѣлать предположеніе, не тождественъ ли упоминаемый въ житіи Николай съ керкирскимъ митрополитомъ этого имени, современникомъ Алексія I Комнина (1081—1118), присутствовавшимъ на соборѣ въ Константинополѣ въ 1117 г., потомъ оставившимъ, по не совсѣмъ яснымъ причинамъ, свою кathedру (ср. о немъ К. Krumpholtz, Geschichte der byzant. Litteratur. München 1897², 745—6). Свой особый интересъ къ произведеніямъ Максима Николай керкирскій заявилъ составленіемъ обширнаго комментарія на его «Главы о любви». Въ прологѣ, который только доселѣ и изданъ въ Σπ. Αἰμ. προσ. Κερκυραϊκά ἀνέκδοτα. Ἐν Ἀθήναις 1882, 27—8, онъ обращается, какъ полагаетъ издатель (29), по всей вѣроятности именно къ указанному императору («δυσπτοτα»), и отъ него онъ, можетъ быть, получилъ порученіе написать этотъ комментарий. Характерное свидѣтельство о глубокомъ уваженіи и интересѣ къ твореніямъ Максима супруги императора, Ирины, даетъ дочь Алексія и Ирины, Анна Комнина, въ своей «Алексиадѣ» (ср. у Комбефиса, PG, 90, 239D—240A). Появленіе разсматриваемой редакціи житія Максима въ эту эпоху, когда на Максима обращено было, повидимому, особое вниманіе, было бы, очевидно, вполнѣ естественно. Неупоминаніе авторомъ житія о составленіи самимъ Николаемъ комментарія на одно изъ твореній Максима можетъ быть объясняемо — если только именно этотъ Николай заставилъ его взяться за перо — тѣмъ, что житіе было написано раньше комментарія. Слѣдуетъ замѣтить, что и константинопольскій патріархъ времени Алексія Комнина также былъ Николай (Грамматикъ, 1084—1111), но объ отношеніяхъ и его къ Максиму, какъ и объ отношеніяхъ Николая Мистика, повидимому, нѣтъ свѣдѣній.

¹ Въ изданной Муретовымъ особой сокращенной редакціи сказанія на славянскомъ языкѣ также нѣтъ упоминанія о монастырѣ Арсенія, и говорится лишь о «заточеніи» Максима съ учениками въ «лазунскую» (др. чтенія: лазавьскую, лазоньскую) землю или страну (295).

Въ Ἀθλησις ἐν ἐπιτόμῳ, послѣ разсказа о трехлѣтнемъ пребываніи Максима въ Лазикѣ, сообщается: «ὅτε δὲ εὐδόκησεν ὁ Θεὸς προσλαβέσθαι αὐτόν, μικρὸν νοσήσας ἀνεπαύσατο μηνὶ Αὐγούστῳ τρισκαίδεκάτῃ καὶ ἐτάφη ἐν Λαζικῇ ἐν τῷ μοναστηρίῳ τοῦ ἁγίου Ἀρσενίου, ἔνθα καὶ ἰάσεις πλείσται γίνονται εἰς δόξαν τοῦ Θεοῦ ἡμῶν»¹.

Такъ какъ другіе авторы зависятъ отъ этого памятника и воспроизводятъ лишь его сообщеніе², то съ нимъ только, очевидно, и нужно считаться. Можетъ возникать здѣсь, кромѣ вопроса о достовѣрности и дѣйствительномъ значеніи этого извѣстія, еще вопросъ о правильности чтенія «Ἀρσενίου». Но нѣтъ, повидимому, основаній предпочитать ему «Ἀρσαχίου»³.

¹ Епифановичъ, 22,31-33.

² Въ синаксарномъ сказаніи, въ изданіи Delehaue по cod. Berol. 219, в. XII—XIII. (=S), подъ 21 января, 410,7-10: Καὶ κατέβηκαν αὐτὸν ἐν τῇ μονῇ τοῦ ἁγίου Ἀρσαχίου ἐν αὐτῇ τῇ χώρᾳ τῶν Λαζῶν, πολλὰς θαυμάτων ἐνεργείας καὶ ἑκάστην ποιοῦντα. Но подъ 13 августа, 889,10-18: Καὶ κατετέθη ἐν τῇ μονῇ τοῦ ἁγίου Ἀρσενίου ἐν αὐτῇ - καὶ ἑκάστην ποῶν (то же у Combefis, PG, 90, 209D: καὶ κατετέθη - καὶ ἑκάστην τελῶν). При указаніи вариантовъ, для 410,8: Ἀρσαχίου, Delehaue замѣчаетъ, 409—410,42: Ἀρσενίου Sa [=Paris. 1594, в. XII], ita quoque cod. Tilianus, apud Combefis, PG. t. XC, p. 209. Однако, въ Adnotationes въ концѣ книги, 982, дѣлается поправка: 410,8: Legendum cum Sa aliisque Ἀρσαχίου. Въ какихъ именно «другихъ» кодексахъ читается Ἀρσαχίου, Delehaue не указываетъ. Для памяти Максима онъ отмѣчаетъ «synaxaria selecta» подъ 21 января въ рукописяхъ: Sa, Sb, Da (=Ba), Db, Ba (=S), Bb, C, M, Mv, Mr; подъ 13 августа: H, P, D, Da, Db, K, N, Bb, Bc, C, Ce, R. Ra, Rb, Rc, Mc. Изъ нихъ P есть упомянутая выше Патмосская рукопись № 266, содержащая только начало Ἀθλησις ἐν ἐπιτόμῳ. Въ K=рук. Петрогр. Публ. библ. № 240 («Петровъ Синаксаръ» 1249 г.), л. 55, данное мѣсто читается вполне согласно съ изданіемъ Комбефиса. Въ славянскомъ переводѣ этой редакціи сказанія, изданной у Муретова, 290, читается: и положенъ бысть (Ево. положиши) во обители святаго Арсенія, въ той веси (Ево. странѣ) Лазикійстѣй (Хл. [192?], Лазикійспѣй), и (оп. Хл.) многа содѣлованія (Хл. съдѣванія) чудеса (Ево. дѣйства чудеса, Хл. чудеса) творя повсегда. — Въ амплификаціи этого сказанія, Latyšev, 275,37-30=Епифановичъ, 24,33—25,35: καὶ τῇ μονῇ κατατίθεται τοῦ ἐν ἁγίοις Ἀρσενίου, τῇ κατ' αὐτὴν τὴν χώρην τῶν Λαζῶν τοῦ χαλκούση, πολλὰς θαυμάτων ἐνεργείας ἐφ' ἑκάστης τελῶν. — Въ первомъ пространномъ житіи, Епифановичъ, 10,5-6: καὶ ἐτάφη ἐν μοναστηρίῳ λεγομένῳ τοῦ ἁγίου Ἀρσενίου. — Въ грузинской переработкѣ этого житія, Кекелидзе, 479 (70): По близости къ крѣпости той находился монастырь святаго Арсенія, гдѣ и похоронили святое тѣло его во славу Господа нашего Иисуса Христа. — Наконецъ, въ грузинскомъ синаксарномъ сказаніи, составленномъ частію на основаніи житія, 486 (77): Тѣло его похоронили въ монастырь святаго Арсенія, причемъ на гробницѣ его бываетъ много исцѣленій и знаменій даже до сего дня.

³ Ἀρσαχίου, какъ видно изъ предыдущаго примѣчанія, встрѣчается лишь въ одной группѣ текстовъ наиболѣе распространеннаго синаксарнаго сказанія — подъ 21 января (но неясно, во всѣхъ ли безъ исключенія рукописяхъ), тогда какъ въ текстахъ того же сказанія подъ 13 августа (также неизвѣстно, вездѣ ли) стоитъ Ἀρσενίου, и оно имѣется и въ другихъ памятникахъ. Правда, менѣе обычное Ἀρσαχίου скорѣе могло быть передѣлано въ болѣе извѣстное Ἀρσενίου, нежели обратно. Но если Ἀθλησις ἐν ἐπιτόμῳ древнѣе этого сказанія, и въ немъ читается Ἀρσενίου, это можетъ говорить за правильность такого чтенія независимо отъ древности рукописи, въ которой Ἀθλησις сохранилось.

III.

Мѣстное кавказское преданіе въ данномъ случаѣ должно бы имѣть рѣшающее значеніе, если бы можно было твердо установить, что оно идетъ непрерывно уже отъ VII вѣка. Но насколько извѣстно, вполне определенное указаніе съ этой стороны, отождествленіе съ мѣстомъ погребенія Максима извѣстнаго географическаго пункта, выступаетъ въ сравнительно уже позднѣйшее время.

Трудно сказать, основывается ли на слышанномъ въ самой Лазикѣ, или же лишь на прочитанномъ у Анастасія апокрисіарія или Θεодосія гангрскаго, или же, наконецъ, — какъ можетъ это оказаться по изслѣдованіи рукописнаго преданія — является уже позднѣйшею вставкою, сообщеніе въ произведеніи константинопольскаго монаха и пресвитера Епифанія, который въ началѣ IX в. предпринялъ путешествіе по южному, восточному и сѣверо-восточному побережью Чернаго моря, съ цѣлью собрать мѣстные преданія въ предполагаемыхъ мѣстахъ проповѣднической дѣятельности ап. Андрея, и написалъ на основаніи этихъ преданій, главнымъ же образомъ на основаніи разныхъ апокрифическихъ сказаній, обширное житіе апостола¹.

Вмѣстѣ съ Симономъ Кананитомъ и Матѳеємъ, Андрей, по разсказу житія, пришелъ, въ своемъ третьемъ путешествіи, изъ Эдессы въ Ивирію, дошелъ до Фасиса и затѣмъ прибылъ въ Сванію, гдѣ управленіе находилось въ рукахъ жепидинъ и гдѣ проповѣдь апостоловъ въ виду этого имѣла скорый успѣхъ. Въ славянскомъ переводѣ житія далѣе продолжается: «И при-

¹ Житіе доселѣ имѣется лишь въ весьма неудовлетворительномъ изданіи Dregzel'я (1848), по cod. Vat. 824, в. XII; перепечатано въ PG, 120. Между тѣмъ, напр., Bonnet указываетъ еще 3 рукописи, не использованныя издателемъ. Изъ неизданнаго славянскаго перевода часть текста напечаталъ В. Г. Васильевскій въ статьѣ: Хожденіе апостола Андрея въ странѣ Мирмидонянъ, въ ЖМНП, ч. 189, 1877, февраль, отд. II, 167—9, по рук. Соф. 1136, XV—XVI в.; въ изданіи Трудовъ В. Г. Васильевскаго, II, 1. Спб. 1909, 278—7, перепечатано съ указаніемъ редакторомъ (П. В. Никитинымъ) вариантовъ изъ другихъ, частью болѣе близкихъ къ извѣстному греческому подлиннику рукописей. Вообще объ этомъ памятникѣ ср. Васильевскій, 160—170 (264—278), и J. Flamiou, *Les Actes Apostoliques de l'Apôtre André*. Louvain 1911, 70—8, 192—204. — На основѣ житія, частью съ сокращеніями, частью съ дополненіями, написанъ неизвѣстнымъ авторомъ, въ томъ же IX вѣкѣ, панегирикъ въ честь ап. Андрея, изданный Bonnet въ AB, XIII, 1894, 311—352, и отдѣльно въ *Supplementum codicis apostolici*, II, 8—44 (ср. Flamiou, 70—85, 205—211). Въ связи съ тѣмъ и другимъ памятникомъ стоитъ метафрастовская переработка житія въ минеяхъ (Flamiou, 85—7, 211—2). Грузинская редакція житія (русскій переводъ въ ХрЧт, 1869, II, 151—180) обнаруживаетъ сходство съ панегирикомъ; на грузинскій языкъ житіе или дѣянія ап. Андрея переведены Евхиміемъ афонскимъ. Упомянутія о Химарѣ въ этихъ памятникахъ, зависящихъ отъ житія Епифанія, не имѣются, насколько можно судить по имѣющимся печатнымъ изданіямъ ихъ.

доша въ Химарь градъ: тужде до дпесь [день у Васильевскаго] есть покой многострастнику Максиму»¹. Матѣйи остался съ учениками въ этихъ странахъ, Симонъ и Андрей ушли въ Азанию въ городъ Фусту (εις Φούστα πόνον), затѣмъ въ Авасгію въ Севастополь, наконецъ, одинъ уже Андрей, оставивъ Симона, пришелъ въ Зикхію, отсюда къ верхнимъ Сугдеямъ, затѣмъ въ Воспоръ (Керчь), до котораго доходилъ и самъ авторъ житія.

Но если и предполагать, что замѣчаніе о мѣстѣ упокоенія Максима принадлежитъ самому Епифанію и получено имъ не книжнымъ путемъ, а изъ живого мѣстнаго преданія (въ задачу Епифанія во время его путешествія входило собираніе свѣдѣній и вообще о мѣстныхъ святыяхъ)², оно не идетъ дальше того, что извѣстно изъ другихъ источниковъ. Интересъ представляетъ здѣсь только форма названія «Химарь» для «Σχημάρις—Σχιμαρίς», въ греческихъ доселѣ извѣстныхъ памятникахъ не имѣющая пока соотвѣтствія для себя.

Сообщенія какихъ-либо мѣстныхъ грузинскихъ преданій о св. Максимѣ, его пребываніи въ Лазикѣ и погребеніи тамъ, скорѣе всего, повидимому, можно было бы ожидать отъ переводчика житія его и разныхъ его произведеній, св. Евѣмѣя аѳонскаго. Евѣмѣй происходилъ изъ примыкавшей именно къ Лазикѣ съ ю.-в. Самцхійской области; если самъ онъ уже сраннихъ лѣтъ попалъ въ Византію, то преданія о Максимѣ онъ могъ бы, повидимому, знать и могъ бы получить необходимыя топографическія разъясненія отъ своего отца, св. Іоанна, особенно если переводъ житія былъ выполненъ имъ еще при жизни послѣдняго († 998), какъ полагаетъ прот. Кекелидзе³. Но въ данномъ случаѣ онъ ограничивается въ сущности только передачею греческихъ свѣдѣній, поставляя лишь «химарь» вмѣсто «Схимар[ис]ъ» и замѣняя греческое названіе «алановъ» грузинскимъ («по близости къ странѣ осетинской»). Никакихъ особыхъ поясненій и замѣчаній къ греческому тексту онъ не дѣлаетъ, какъ и Георгій Мтацминдели въ синаксарномъ сказаніи, повторяющій данныя житія.

Но, какъ сообщаетъ прот. Кекелидзе въ разныхъ мѣстахъ своей статьи, пояснительныя замѣчанія касательно разныхъ упоминаемыхъ въ

¹ Васильевскій, 168—275, 12-15. Варианты, 277: вмѣсто тужде—иже М [Моск. Син. 799]; день С [Соф. 1136], днѣ ВУ [Волокол. 194, Моск. Син. 988], до двесь М, и до дне К [Кир. 58/1130]; многострадалному К, многострадалцу М. «День» у Васильевскаго взято изъ С, но, очевидно, вѣрнымъ нужно признать «до дпесь».

² PG, 120, 221C: λοιπόν περιερχόμενοι χώρας καὶ πόλεις μέχρι Βοσπόρου πολλῶ πόνῳ διερχόμενοι ἤρουνώμεν περὶ τῶν ἐγχωρίων ἁγίων καὶ εἴ ποῦ ἐστὶ λείψανον· καὶ πολλῶν ἐτύχομεν. Ὅπου δὲ οὐκ ἐφθάσαμεν, τοὺς παρατυγχάνοντας ἀκριβῶς διηρωτώμεν καὶ ἡδέως ἐμανθάνομεν.

³ ТрКА, 1912, сентябрь, 4—5.

текстѣ мѣстностей имѣются зато въ нѣкоторыхъ древнихъ рукописяхъ этого послѣдняго сказанія на поляхъ и относятся они къ весьма древнему времени. «Въ рукоп. XII вѣка Тифл. ц.-арх. музея № 222, на стр. 440, противъ того мѣста, гдѣ говорится о блаженной кончинѣ препод. Максима, на полѣ сохранилась нѣсколько пострадавшая унциальная киноварная приписка, сдѣланная почеркомъ XII вѣка: „мощи святаго Максима покоятся (въ крѣпости Мури) близъ Цагери“». Въ примѣчаніи прот. Кекелидзе поясняетъ, что «грузинскія слова, соотвѣтствующія выраженію „въ крѣпости Мури“, транскрибированы трудно разбираемыми теперь, почти что спешными, греческими буквами»¹. Если эта приписка относится дѣйствительно къ XII в., то уже тогда мѣсто заключенія и погребенія Максима было отождествляемо съ извѣстною и нынѣ мѣстностью Мури, близъ Цагери, гдѣ находится и крѣпость съ этимъ именемъ, и если транскрибированныя греческія слова разобраны вѣрно, то тогда было въ употребленіи и самое названіе «Мури».

Съ этою замѣткою несогласно, однако, показаніе схоліаста въ другой рукописи синаксаря, № 97, XI в. Этотъ схоліастъ, повидямому, специально интересовался вопросомъ объ отождествленіи упоминаемыхъ въ сказаніи названій съ современными ему географическими обозначеніями. «Котори», напр., даже выскоблено въ текстѣ и замѣнено черезъ «Цебери», на полѣ же сдѣлано поясненіе: «Цебери то же самое, что и Цебельда»². Относительно «Бокеле» на полѣ пояснено, что это есть «Бокери»³. Въ мѣсто «въ крѣпость Такверскую» другихъ рукописей, даже въ текстѣ читается: «въ крѣпость Квара въ [мѣстности] Таквери»⁴. Здѣсь, между тѣмъ, «нимаръ» не только не приравнивается уже къ Мури и оставлено безъ поясненія, но о «крѣпости сванской земли» дѣлается поясненіе: «сванской земли крѣпость, это — Мури»⁵. Такимъ образомъ, схоліастъ, къ какому бы времени онъ ни относился (Кекелидзе называетъ его «позднѣйшимъ»), отождествляетъ Мури не съ мѣстомъ заключенія Максима—«нимаромъ», но съ мѣстомъ заключенія Анастасія монаха — «крѣпостью сванской земли».

Въ позднѣйшее время опредѣленное указаніе относительно мѣста погребенія св. Максима дается въ «Географіи Грузіи» царевича Вахушта, составленной имъ въ 1745 г. на основаніи привезенныхъ при переселеніи

---

¹ 35.

² 27,2.

³ 28.

⁴ 485 (76), стр. 31,3.

⁵ 30.

въ Москву его отца Вахтанга разныхъ грузинскихъ памятниковъ, принадлежавшихъ царскому дому¹.

У Вахушта упоминается при описаніи области Лечхумъ въ Имеретіи монастырь св. Максима Исповѣдника, въ которомъ онъ похороненъ, находящійся выше селенія Цагери, при чемъ вблизи его, еще выше, находится крѣпость Мури.

«Выше этой рѣчки [на которой находится крѣпость Орбети], въ центрѣ Лечхума, на берегу Цхенись-цкали, на скалѣ, стоитъ крѣпость Дехвири, глава Таквери: ибо кто владѣетъ ею, все прочее подчиняется тому. На югъ отъ нея и на востокъ отъ Цхенись-цкали въ Цагери находится церковь, громадная, съ куполомъ. Она — резиденція епископа, пастыря Лечхума и Сванетіи. Выше того находится монастырь, называемый (монастыремъ) Максима Исповѣдника, и въ немъ похороненъ Максимъ Исповѣдникъ. Построенъ онъ великолѣпно, на хорошемъ мѣстѣ, а теперь остается въ завѣдываніи священника. Выше того, на Цхенись-цкали, подъ Кавказомъ, находится крѣпость Мурисъ-цихе, никѣмъ не разрушенная и не взятая. Оттуда переходитъ дорога въ Сванетію»². Монастырь св. Максима отмѣченъ у Вахушта и на картѣ Имеретіи³.

Какъ видно изъ одного примѣчанія у Вахушта (по поводу крѣпости Таквери), ему извѣстенъ былъ грузинскій синаксарный рассказъ о св. Максимѣ, и именно, какъ указываетъ прот. Кекелидзе, въ упомянутомъ спискѣ № 97⁴, или вообще въ редакціи этого списка. Что именно крѣпость Мури была мѣстомъ заключенія Максима, этого Вахуштъ прямо не говоритъ, и это можно выводить лишь изъ того факта, что въ непосредственной близости къ «монастырю Максима» находится эта крѣпость.

О существованіи и въ настоящее время мѣстнаго преданія о погребеніи св. Максима въ мѣстности Мури заявлялъ, прежде всего, въ своемъ отношеніи въ Грузино-Имеретинскую Синодальную Контору отъ

¹ Description géographique de la Géorgie, par le tsarévitch Wakhoucht, publiée d'après l'original autographe par M. Brosset. S.-Petersbourg 1842 (съ франц. переводомъ). Новое изданіе сдѣлано М. Г. Джанашивили въ 1904 г. и отдѣльно напечатанъ имъ русскій переводъ съ введеніемъ и примѣчаніями: Царевичъ Вахушти, Географія Грузіи. Тифлисъ 1904.

² Джанашивили, 200—1; Brosset, 348—351; ср. Кекелидзе, 34—5.

³ Brosset, карта № 5: Maximè-Monastéri. Мури и монастырь Максима имѣются также на хранящихся въ Военно-Ученомъ Архивѣ Военнаго Министерства рисованныхъ отъ руки картахъ, одной — Черноморскаго побережья и р. Ріона, начала XVIII в., съ обозначеніями на грузинскомъ языкѣ, и другой — Кавказа, 1743 г., съ обозначеніями на грузинскомъ и вмѣстѣ русскомъ языкахъ.

⁴ Кекелидзе, 31,з.

6 сентября 1908 г. Лечхумскій уѣздный исправникъ А. К. Энкель. По его словамъ, по вступленіи, въ 1907 г., въ управленіе Лечхумскимъ уѣздомъ, онъ «обратилъ вниманіе на существующее въ семъ уѣздѣ убѣжденіе населенія въ томъ, что признанный вселенскою церковью святымъ Максимъ Исповѣдникъ погребенъ въ этомъ уѣздѣ въ селеніи Чхутели, Цагерскаго сельскаго общества, въ мѣстности Мури, на лѣвомъ берегу р. Цхенись-цкали, по близости Мурскаго моста чрезъ эту рѣку. На этомъ мѣстѣ и нынѣ находятся развалины маленькой часовни, построенной въ 17 вѣкѣ, на мѣстѣ большого монастыря имени св. Максима Исповѣдника, надъ могилою его. - Онъ жилъ въ мѣстности Мури, умеръ здѣсь въ 662 г. и, по народному преданію, тутъ же и погребенъ. И нынѣ еще, во время засухи или слишкомъ большого обилія дождей, или другихъ народныхъ бѣдствій, населеніе приходитъ на богомоленіе къ мѣсту, гдѣ погребенъ св. Максимъ Исповѣдникъ (къ упомянутой древней часовнѣ), и, послѣ молитвъ, всегда достигаетъ прекращенія бѣдствія». Въ виду этого Энкель и обратился въ Синодальную Контору съ просьбою ходатайствовать предъ Св. Синодомъ «о повсемѣстномъ въ Имперіи объявленіи», по проверкѣ относящихся сюда данныхъ, «о мѣстѣ нахождения могилы названнаго святого».

Въ представленной затѣмъ епископомъ имеретинскимъ Георгіемъ въ 1909 году запискѣ Ѳ. Жорданіи, послѣ ссылокъ на Вахушта, его карту и текстъ его труда, въ доказательство того, что Максимъ погребенъ въ Мури,—о современномъ положеніи дѣла сообщается слѣдующее: «Нынѣ же по разсказамъ мѣстнаго паселенія оказывается: а) описанный царевичемъ Вахуштіемъ монастырь разрушенъ бомбами до основанія, вѣроятно, во время междоусобныхъ войнъ и битвъ подъ стѣнами крѣпости Мури, вслѣдствіе близости сего монастыря отъ названной крѣпости (около 600 шаговъ), дѣлавшей возможнымъ [въ запискѣ: возможно] обращеніе монастырскихъ сооруженій въ прикрытіе [въ запискѣ: прикрытіемъ] для осаждавшей крѣпость стороны. Извѣстно, что по этой именно причинѣ былъ бомбами разрушенъ въ 1692 г. знаменитый Багратовъ храмъ въ Кутаисѣ, выстроенный въ 1009 году; б) изъ весьма значительныхъ сооруженій древняго монастыря Арсенія, получившаго послѣ погребенія въ немъ тѣла знаменитаго вселенскаго учителя новое названіе монастыря св. Максима Исповѣдника, остались лишь слѣды фундаментовъ, оправдывающихъ указаніе географа Вахуштія о сравнительной обширности монастырскихъ сооруженій; в) на мѣстѣ бывшаго изящнаго храма, указываемаго Вахуштіемъ, былъ воздвигнутъ надъ могилою святого Исповѣдника маленькаго разнѣра храмъ грубой и непрочной работы, въ родѣ часовни съ алтаремъ, подъ ко-

торымъ предполагаются святыя мощи Максима Исповѣдника, ибо по обычаю древней церкви, святыхъ хоронили подъ алтаремъ; г) нынѣшній малый храмъ обрушился въ сводахъ; д) могила св. Максима составляетъ предметъ особеннаго почитанія окрестныхъ жителей: во время общихъ бѣдствій (голода, засухи, непрерывныхъ дождей, мора и т. п.) все окрестное населеніе, надѣвъ на шею веревки изъ скрученныхъ прутьевъ въ знакъ смиренія и раскаянія, устремляется съ пѣніемъ составленнаго народомъ стихотворенія въ честь святого Максима къ могилѣ его въ названную часовню и усердною молитвой всегда получаетъ просимое облегченіе; е) разнообразныя легенды и народныя преданія окружаютъ святое мѣсто погребенія Максима Исповѣдника, какъ «патрона» или покровителя окрестныхъ народностей; ж) монастырь св. Максима отстоитъ: отъ крѣпости Мури на разстояніи не болѣе 200 сажень, отъ крѣпости Такверя — около 10 верстъ, отъ крѣпости Орбели — 7 верстъ, отъ мѣстечка Цагери (уѣздный городъ) — около одной версты, отъ крѣпости Бокви (Бокересъ) — около 40 верстъ, отъ крѣпости Кодора (Котори) — около 100 верстъ. Монастырь расположенъ на равнинѣ у подножія крѣпости Мури въ живописной мѣстности на берегу рѣки Цхенись-цкали на самой дорогѣ, ведущей въ Сванетію и губернской городъ».

У прот. К. Кекелидзе, въ его статьѣ, гдѣ доказывается, что Мури есть Схимарисъ=Һимаръ, между прочимъ говорится: «Въ настоящее время монастыря, собственно говоря, уже нѣтъ, отъ него остались лишь развалины, на которыхъ теперь стоитъ маленькая полуразрушившаяся церковка имени св. Максима, не позднѣе начала XVIII вѣка, которая, хотя и отремонтирована кое-какъ недавно, но для совершенія въ ней службы пока еще не годна. Монастырь этотъ и есть, безъ сомнѣнія, упоминаемый въ *Житіи* монастырь св. Арсенія, который, послѣ погребенія въ немъ святого Исповѣдника, могъ быть переименованъ въ монастырь св. Максима». Указываются далѣе сначала письменное (приписка въ рукоп. Тифл. ц.-арх. Музея № 222), затѣмъ устное преданіе въ подтвержденіе того, что св. Максимъ страдалъ и умеръ именно здѣсь. «По одной, вращающейся въ мѣстномъ населеніи, легендѣ, святого Максима убили въ деревнѣ Дехвири (въ Лечхумѣ же). Дѣло происходило будто бы такъ: разъ, во время молотбы, св. Максимъ пришелъ къ одному крестьянину, причемъ съ его приходомъ полилъ сильный дождь; то же самое случилось и другой разъ, когда Максимъ пришелъ къ этому крестьянину. Крестьянинъ, терпѣвшій отъ дождя, причину своего горя увидѣлъ въ Максимѣ, поэтому и убилъ его. Святого похоронили въ той же самой деревнѣ на одной горкѣ, но онъ далъ понять, что оставаться тамъ онъ не желаетъ, поэтому его перенесли на

другое мѣсто, но и тамъ онъ не захотѣлъ пребывать. Тогда положили тѣло его въ сани, запрягли пару воловъ и пустили ихъ; волы понесли святого и остановились на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь развалины монастыря св. Максима. Съ этого будто бы времени ведетъ начало непрекратившійся до нашихъ дней обычай, въ силу котораго жители названной деревни каждый разъ во время сильныхъ ливней надѣваютъ на шею сплетенныя изъ прутьевъ кольца и отправляются босикомъ на могилу преподобнаго въ указанный монастырь непременно тою же самою дорогою, по которой несли тѣло святого волы, при этомъ поютъ: „Святый Максиме, дай намъ хорошую погоду“. Придя на могилу святого, они совершаютъ тамъ усердное моленіе и возвращаются тою же дорогою назадъ въ полной увѣренности, что святой услышитъ ихъ моленіе и исполнитъ ихъ просьбу». Эта легенда, какъ говорится въ примѣчаніи, сообщена была автору благочиннымъ священникомъ изъ м. Цагери о. Иоанномъ Маргіани въ письмѣ отъ 13 октября 1910 года. По сообщенію его же, «помимо 13 Августа память св. Максима на его могилѣ торжественно чествуется въ четвергъ пасхальной седмицы; въ этотъ день въ вышеназванной церкви св. Максима собираются мѣстные жители въ громадномъ большинствѣ, сперва возносятъ молитвы преподобному, а потомъ, разсѣвшись кругомъ, угощаются. Праздникъ этотъ тамъ называется „Гогашоба“»¹).

Нѣкоторыя новыя подробности и между прочимъ особую версію мѣстной легенды о св. Максимѣ сообщаетъ на основаніи собранныхъ на мѣстѣ справокъ полковникъ А. К. Энкель въ письмѣ ко мнѣ отъ 14 октября 1913 г., въ отвѣтъ на мою просьбу о сообщеніи разныхъ дополнительныхъ свѣдѣній касательно указываемыхъ мѣста заключенія и мѣста погребенія св. Максима.

«Развалины монастыря имени св. Максима, либо св. Арсенія (или Арсакія) въ мѣстности Муръ уже не сохранилось, за исключеніемъ существующей нынѣ тамъ маленькой часовни имени св. Максима; равно нѣтъ другихъ слѣдовъ существованія здѣсь зданій; окрестность частью занята посявомъ и жилыми зданіями; только около часовни имѣются слѣды развалинъ монашескихъ келій. Но нѣтъ сомнѣнія, что на развалинахъ когда-то «великолѣпнаго» монастыря въ память св. Максима Исповѣдника построена была впоследствии маленькая церковь, нынѣ отремонтированная.

«Упомянутый храмъ расположенъ вблизи подошвы высокой, крутой горы, на которой находится крѣпостца, носящая названіе: «Мурись-Цихе»

¹ Кекелидзе, 35—6, 38—9.

(какъ по-грузински принято говорить, а по старинному — «Цихе-Мурисъ») съ близъ лежащими башнями.

«Недалеко отъ часовни имѣется хорошій источникъ питьевой воды.

«Вѣрнѣе всего, что монастырь, нѣкогда здѣсь стоявшій у самой подошвы горы, разрушенъ горными завалами (и теперь еще здѣсь видны большіе камни, свалившіеся съ горы), а фундаментъ постепенно засыпанъ пескомъ, несущимся съ горы послѣ проливныхъ дождей».

«Въ далекой княжеской Сванетіи ([, представляющей собой западную часть] Верхней Сванетіи, отдѣленной отъ Нижней Сванетіи сплошнымъ, труднопроходимымъ горнымъ хребтомъ высотой въ 9—12 тысячъ футовъ) дѣйствительно есть селеніе «Цхмаръ» [Цхұмаръ], новъ той мѣстности никакихъ слѣдовъ существованія и погребенія св. Максима нѣтъ, и во всей Верхней Сванетіи никакихъ абсолютно преданій объ этомъ святомъ не существуетъ.

«А въ мѣстности Муръ и въ окрестныхъ селеніяхъ память о св. Максимѣ до сихъ поръ жива. Народъ мѣстомъ погребенія его считаетъ именно то мѣсто, гдѣ нынѣ храмъ имени сего святого. Муръ нынѣ есть общее названіе мѣстности, гдѣ находится этотъ храмъ съ крѣпостью Цихе-Мурисъ и башнями.

«Имя святого Максима жители мѣстности Муръ чтутъ ежегодно въ четвергъ Пасхальной седмицы: въ этотъ день они собираются на моленіе святому въ часовнѣ «Муръ» и послѣ богослуженія садятся на полянѣ за общую трапезу.

«Кромѣ того, при продолжительныхъ проливныхъ дождяхъ населеніе всегда обращалось съ мольбой къ св. Максиму о прекращеніи дождя. Это происходило такъ: жители селеній Ласхана, Дехвири, Лесинди и Циламieri во время такихъ дождей собирались вмѣстѣ и, навязывая себѣ на шеѣ скрученный хворостъ и со священникомъ въ полномъ облаченіи во главѣ, босые направлялись на могилу св. Максима въ мѣстность Муръ, гдѣ молили его ходатайствовать предъ Богомъ о «дарованіи погоды». По пути слѣдованія жители пѣли: «Цмнда Максиме, шегвихвеще, дари гвибодзе» (Святой Максимъ, прими нашу мольбу, дай намъ погоду).

«Въ новѣйшее время, по причинѣ неразумнаго истребленія лѣсовъ и сопряженнаго съ нимъ значительнаго уменьшенія количества атмосферныхъ осадковъ, — такихъ продолжительныхъ проливныхъ дождей здѣсь уже не бываетъ, и потому населенію рѣдко приходится обращаться къ ходатайству святого Максима о погодѣ.

«Обязанность идти на моленіе къ могилѣ св. Максима по случаю дождей лежала на жителяхъ упомянутыхъ выше селеній именно потому, что по

убѣжденію населенія, святой Максимъ былъ убитъ въ ихъ обществѣ, причемъ относительно обстоятельствъ убійства его народное преданіе сообщаетъ слѣдующее:

«Нѣкоторое время св. Максимъ жилъ въ сел. Дехвири въ мѣстности «Чуристъ-Цкали» (верстахъ въ трехъ отъ Цихе-Мурисъ), въ дуплѣ липоваго дерева. Въ то время въ сел. Дехвири находился крестьянинъ Чабукіани (онъ же Каріейшвили), который притѣснялъ односельчанъ, потравлялъ ихъ посѣвы, работалъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ и вообще отличался дурнымъ нравомъ. Святой Максимъ часто давалъ наставленія названному крестьянину, нѣсколько разъ даже самъ прогонялъ быковъ Каріейшвили, потравлявшихъ поля сосѣдей. За все это крестьянинъ Каріейшвили питалъ злобу къ святому. Озлобленіе Каріейшвили усилилось, когда по появленіи св. Максима на его гумнѣ во время молотбы (происходящей здѣсь и нынѣ подъ открытымъ небомъ) внезапно полилъ дождь, тогда какъ кругомъ стояла ясная погода. Такъ повторялось нѣсколько разъ, но Каріейшвили не образумился этимъ, а задумалъ избавиться отъ святого. Однажды, когда св. Максимъ опять прогонялъ портившихъ посѣвы быковъ Каріейшвили, сей послѣдній стрѣлою убилъ святого и тайно похоронилъ его въ мѣстности «Чуристъ-Цкали»; на разсвѣтѣ слѣдующаго дня Каріейшвили подходитъ къ мѣсту погребенія святого и видитъ, что тѣло его лежитъ на поверхности земли — не тамъ, гдѣ онъ его похоронилъ. Тогда убійца беретъ тѣло святого и хоронитъ его въ мѣстности «Кокеше» въ Дехвири, но оно и тамъ «не удержалось». Въ третій разъ онъ хоронитъ его въ оградѣ Цхетской церкви, но и тамъ повторяется то же самое. Въ концѣ концовъ хоронитъ его въ мѣстности Муръ, гдѣ теперь находится храмъ имени св. Максима.

«Относительно же св. Арсенія никакихъ свѣдѣній нѣтъ».

IV.

Вопросъ о мѣстѣ заключенія и погребенія св. Максима рѣшается, такимъ образомъ, съ полною опредѣленностію имѣющимъ въ Закавказьѣ преданіемъ, которое засвидѣтельствовано въ глоссѣ рукописи № 222 и въ Географіи Вахушта и подтверждается фактомъ существованія часовни на мѣстѣ предполагаемаго монастыря Максима и разными мѣстными народными сказаніями о Максимѣ. Нѣтъ прямыхъ основаній не довѣрять этому преданію, если, съ одной стороны, трудно указать еще другой пунктъ, помимо Мури, гдѣ Максимъ могъ бы окончить свою жизнь и быть погребен-

нымъ, и если, съ другой стороны, противъ разсматриваемаго преданія нельзя выставить какихъ-либо серьезныхъ отрицательныхъ инстанцій. Справедливо, поэтому, О. Жорданіа въ своей запискѣ и прот. К. Кекелидзе въ упомянутой статьѣ придаютъ ему историческое значеніе.

Однако, въ подобныхъ случаяхъ даже и высокая степень вѣроятности не исключаетъ еще возможности всякаго совершенно сомнѣнія и необходимости научной провѣрки и, если возможно, болѣе твердаго обоснованія предлагаемаго преданія.

Можетъ, при настоящемъ состояніи данныхъ, возникать вопросъ: не есть ли это преданіе уже позднѣйшаго происхожденія и не имѣетъ ли оно въ основѣ не фактъ, а простую лишь догадку или какое-либо недоразумѣніе? Кто знакомъ съ областью агіографическихъ легендъ и съ исторіей возникновенія разныхъ преданій о святыхъ, тотъ едва ли будетъ возражать противъ правомѣрности такого скепсиса. Мѣстные легенды о св. Максимѣ въ своемъ содержаніи, какъ видно это изъ сопоставленія ихъ съ достовѣрными извѣстіями о послѣднихъ дняхъ и кончинѣ Максима у Анастасія апокрисиарія и Θεодосія гангрскаго, ничего историческаго не заключаютъ и могутъ свидѣтельствовать почти только о хранящейся въ данной мѣстности памяти объ имени святого.

Несомнѣнно, св. Максимъ Исповѣдникъ скончался и погребенъ гдѣ-то въ предѣлахъ древней Лазики. Но вопросъ въ томъ, правильно ли указывается это мѣсто именно въ Мури, и можно ли крѣпость Мури отождествлять съ древнимъ «Схимарисъ». Приуроченіе мѣста пребыванія Максима и мѣста его погребенія къ данному пункту Лазики могло быть сдѣлано и въ сравнительно позднѣйшее время, когда первоначальное преданіе было позабыто, между тѣмъ слава имени Максима, въ связи съ переводами на грузинскій языкъ его житія и его твореній, побуждала указать это мѣсто съ опредѣленностью.

Схолія въ рукоп. № 222, если она и относится къ XII в., всетаки пятью вѣками отдѣляется отъ эпохи Максима. Но особенно важнымъ въ данномъ случаѣ представляется то обстоятельство, что въ грузинской письменности, какъ было выше указано, когда-то дѣлаема была попытка, въ схоліяхъ другой рукописи, № 97, перевести географическія названія въ сказаніи о Максимѣ на грузинскую номенклатуру, лицомъ, нужно думать, болѣе или менѣе знакомымъ съ современными ему названіями грузинскаго Закавказья, между тѣмъ этотъ схолиастъ не знаетъ о тождествѣ Мури именно съ Схимарисъ — нимаръ, а приравниваетъ Мури къ «сванской крѣпости». Кекелидзе замѣчаетъ, что эта схолія «предполагаетъ въ искомой [=сван-

ской] крѣпости крѣпость Мури, въ которой въ данное время томился св. Максимъ. Но это — предположеніе позднѣйшаго схолиаста, ни на чемъ не обоснованное и безусловно ошибочное, ибо согласно императорскому указу [?], по прибытіи въ Лазику ихъ, всѣхъ трехъ изгнанниковъ, должны были разлучить другъ отъ друга и держать въ различныхъ крѣпостяхъ, сводить ихъ вмѣстѣ въ одной крѣпости никто не рѣшился бы¹. Но эта критика предполагаетъ уже доказаннымъ, что Мури именно и есть Схимарисъ или Нимаръ, гдѣ былъ Максимъ, и усвоить, сверхъ того, схолиасту мнѣніе, будто и Максимъ и Анастасій монахъ находились въ одной и той же крѣпости, тогда какъ тотъ о мѣстѣ заключенія Максима на дѣлѣ не высказываетъ своего мнѣнія.

Сомнѣнія, хотя высказанныя мимоходомъ и безъ особыхъ разъясненій, или по крайней мѣрѣ уклончивыя мнѣнія по поводу преданія о мѣстѣ погребенія св. Максима близъ Мури, можно встрѣчать у лицъ, которымъ нельзя отказать въ авторитетности въ сужденіяхъ по вопросамъ объ исторіи и археологіи Кавказа.

Такъ, довольно уклончиво отзывается объ извѣстіи Вахушта Броссе въ отчетѣ о своемъ путешествіи съ археологическими цѣлями по Грузіи и Арменіи въ 1847—8 гг. Сказавъ о «хорошей» крѣпости въ Мури на верху скалы, о башнѣ внизу и мостѣ чрезъ Цхенись-цкали, онъ замѣчаетъ: «[Постройка имени] Максима Исповѣдника находится на равнинѣ у моста. Я не знаю, погребенъ ли святой въ этой жалкой часовнѣ, какъ это утверждаетъ Вахуштъ, но зданіе заброшено и въ немъ уже не бываетъ службы. Цагеръ совѣтъ близко отсюда, также [?] на правомъ берегу рѣки: такимъ образомъ, всѣ эти мѣстности невѣрно обозначены на картѣ № 5 въ атласѣ Вахушта», а съ Цхенись-цкали дѣло обстоитъ еще хуже: Вахуштъ не знаетъ о продолженіи ея далѣе Мури².

Подобнымъ же образомъ, съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ отзывается о сообщеніи Вахушта касательно Максима и Д. Бакрадзе, посѣтившій Цагерскую церковь въ 1867 г., въ своемъ описаніи древнихъ христіанскихъ памятниковъ Кавказа. «Цагери расположенъ на правомъ берегу Цхенись-цкали. Мѣстность эта чрезвычайно поэтична. Здѣсь насупротивъ Цагери развертывается довольно большая равнина, обрамленная кругомъ

¹ Кекелидзе, 30—1.

² M. Brosset, Rapport sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie exécuté en 1847 et 1848 (3 voll. 1849—51). II. 9 rapport. St.-Petersburg 1850, p. 34—5. Нужно, однако, замѣтить, что Мури находится на дѣлѣ не на правомъ, а на лѣвомъ берегу Цхенись-цкали.

высокими горами и на одной изъ нихъ величественно рисуется древній замокъ Мурис-пихе, куда всходъ очень труденъ и гдѣ донинѣ сохраняются двѣ пушки, одна съ гербомъ у казенной части и съ латинской надписью: «1554. Opus Federici Musagga», а другая съ турецкою надписью, но гдѣ по моему мнѣнію гораздо болѣе интересенъ чрезвычайно малый деревянный ящикъ, въ который даіани запирали преступниковъ, надѣвая на нихъ днемъ тяжелыя цѣпи. -- По близости Цагери Вахуштъ указываетъ монастырь Максима Исповѣдника, тѣло котораго будто бы похоронено тамъ же. Я не видѣлъ этого монастыря, но Вахуштъ хвалитъ и архитектуру и расположеніе его»¹.

V.

Точкою отправленія при провѣркѣ кавказскаго преданія должны служить данныя указанныхъ выше древнѣйшихъ греческихъ источниковъ, письмо Анастасія и записка Θεодосія, какъ не возбуждающія никакихъ сомнѣній относительно своей достовѣрности.

Что касается извѣстія о монастырѣ Арсенія въ позднѣйшихъ памятникахъ, то оно, повидимому, не можетъ пока приводить къ какимъ-либо положительнымъ результатамъ. Насколько мнѣ извѣстно, нѣтъ гдѣ-либо еще упоминанія о существованіи вообще такого монастыря въ предѣлахъ Лазики.

Если довѣрять безъ всякихъ ограниченій этому сообщенію, то пришлось бы предположить, что монастырь Арсенія былъ въ Лазикѣ уже во времена Максима, но иныхъ свѣдѣній о немъ, кромѣ этого сообщенія о погребеніи въ немъ Максима, не сохранилось; потомъ онъ сталъ (если онъ находился около нынѣшняго Мури) называться монастыремъ Максима, но монастырь и съ этимъ именемъ тоже когда-то прекратилъ свое существованіе².

Но не совсѣмъ понятнымъ было бы, въ такомъ случаѣ, то обстоятель-

---

¹ Д. Бакрадзе, Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства, въ Актахъ Кавказской Археологической Комиссіи. Т. V и VI. Тифлисъ 1873—4, и отдѣльно, 1875, 161. Съ увѣренностью, напротивъ, говоритъ даже о постройкѣ монастыря самимъ Максимомъ (!) G. Merzbacher, Aus den Hochregionen des Kaukasus. I. Lpz. 1901, 321: «An der andern Thal-seite [долины р. Цхенись-цѣали] wird höher oben im Gebirge die langgestreckte Front eines alten georgischen Klosters sichtbar [?] durch Maximus, den Bekenner, erbaut [?], der auch dort seine Ruhestätte fand». S. 334—снимокъ съ «Murischlucht». О мѣстности и крѣпости Мури и о Цагерскомъ монастырѣ ср., между прочимъ, К. А. Бороздинъ, Закавказскія воспоминанія. Мингрелія и Сванетія съ 1854 по 1861 годъ. Спб. 1885, 81—40, 51.

² Такъ именно думаютъ Жорданіа, въ своей запискѣ, и Кекелидзе, 35.

ство, что ничего о погребеніи св. Максима въ какомъ-либо монастырѣ не говорятъ ни Анастасій апокрисіарій, ни Θεодосій гангрскій. Весьма трудно допустить, что этотъ фактъ не былъ въ свое время извѣстенъ имъ, или былъ оставленъ ими неотмѣченнымъ, если бы онъ на самомъ дѣлѣ имѣлъ мѣсто непосредственно послѣ кончины св. Максима. Нужно при этомъ помнить, что извѣстіе это впервые выступаетъ въ столь мутномъ источникѣ, какъ Ἀθλητικὴ ἐν ἐπιτόμῳ, всѣ же другіе авторы лишь повторяютъ его, — и оно здѣсь слѣдуетъ за совершенно невѣрными сообщеніями о Максимѣ. Это, очевидно, является для него вообще плохой рекомендаціей, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ оно здѣсь передается¹.

Если, съ другой стороны, признавать, что это сообщеніе, хотя въ настоящемъ его видѣ и невѣрно, но все-таки скрываетъ за собою нѣчто дѣйствительно бывшее, то можно думать, напр., что «монастырь» Арсенія явился уже потомъ на мѣстѣ погребенія св. Максима или вблизи его, или же, что мощи Максима были перенесены нѣкогда въ какой-то монастырь съ этимъ именемъ, находившійся не въ первоначальномъ мѣстѣ погребенія его. Но опредѣленныхъ и вполне достовѣрныхъ свѣдѣній о такомъ перенесеніи, повидимому, не имѣется². — Такимъ образомъ, вообще это извѣ-

¹ Нельзя ни въ какомъ случаѣ предполагать, что авторъ Ἀθλητικὴ ἐν ἐπιτόμῳ могъ взять это извѣстіе изъ письма Анастасія апокрисіарія, и лишь въ латинскомъ дошедшемъ до насъ переводѣ письма оно пропущено по какой-то причинѣ. Письмо это было совѣтъ неизвѣстно ему, иначе онъ не допустилъ бы высказанныхъ имъ несообразностей. Составитель пространнаго житія Максима явно заимствуетъ это сообщеніе изъ Ἀθλητικῆς (Епиф. 10,4: εὐδοκίῃ Θεοῦ κτλ. есть, очевидно, перифразъ 22,31: ὅτε δὲ εὐδόκησεν ὁ Θεὸς κτλ.). Само по себѣ существованіе монастыря въ данное время въ христіанской Лазикѣ, и именно около Мури, конечно, не невозможно, причемъ «монастырь» могъ имѣть весьма скромные размѣры.

² О «переложеніи» и «перенесеніи» мощей св. Максима Исповѣдника, но неизвѣстно — откуда и куда и въ какое время — говорится въ греческихъ синаксаряхъ и прологахъ подъ 18 августа, причемъ это есть вмѣстѣ и день кончины Максима. Ср. Delcaye, с. 887 (въ заглавіи указаннаго выше сказанія): Ἀνάμνησις τῆς μεταθέσεως τῶν λειψάνων [no D=Paris. 1587 в. XII: Ἀθλητικῆ] τοῦ ἁγίου Μαξίμου τοῦ ὁμολογητοῦ. Въ стихословѣ прологъ (XI в.) имѣются и соотвѣтствующіе стихи: Κινοῦσί σου, Μάξιμε, πιστοὶ τὴν κόριν, | Δηλοῦντας ὡς ζῆς ἐξαμείβων καὶ τόπος (ed. Siberus, 1727, p. 258). Въ Συναξαριστῆς Νικοδήμου Ἀγιορείτου (3 изд. Νικολαΐδου Φιλαδέλφειας, Ἀθήνησι 1868). II, 313: Ἡ ἀνακομιδὴ καὶ μετάθεσις τοῦ λειψάνου τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Μ. τοῦ ὁμ. У архіеп. Сергія, Полный Мѣсяцесловъ Востока. 2 изд. Владимиръ 1901, II, 1, 244, «переложеніе или перенесеніе мощей» указано въ слав. Студ. Уставѣ 1398 г., въ стихословѣ греч. синаксарѣ Schifflet XII в. и греч. печатныхъ мнѣяхъ 1806—1820 г. Неизвѣстно, на чемъ основывается авторъ, когда говоритъ (лишь во 2 изданіи) о перенесеніи мощей Максима въ Константинополь (II, 1, 20; II, 2, 32). Между прочимъ, какъ указывается въ Acta Sanctorum augusti, t. III (1737), p. 115A, въ арабско-египетскомъ мартирологѣ, переведенномъ на латинскій языкъ Граціей Симониетъ, говорится подъ 18 августа о «translatio corporis s. Maximi et sociorum ejus». — Память св. Максима Исповѣдника отмѣчается еще (по крайней мѣрѣ уже съ IX вѣка) подъ 21 января, и имѣется и въ нашемъ мѣсяцесловѣ. Въ грузинскомъ переводѣ житія и грузинскомъ сина-

стіе не только не помогаетъ рѣшенію вопроса, но само еще ждетъ подтвержденія и разъясненія¹.

Сообщенія Анастасія и Θεοδοσία, съ поименованіемъ ряда крѣпостей и опредѣленіемъ ихъ мѣстоположенія, по крайней мѣрѣ, чрезъ указаніе тѣхъ областей или народовъ, среди которыхъ или вблизи которыхъ онѣ находились, несмотря на важное значеніе ихъ для исторической географіи сѣверо-западнаго Закавказья, особаго вниманія къ себѣ специалистовъ, насколько

ксарѣ это объясняется тѣмъ, что именно въ указанный день онъ былъ мучимъ въ Константинополѣ и ему тамъ отрѣзали языкъ и руку, и праздновать такъ будто бы опредѣлено уже отцами шестого вселенскаго собора (Кекелидзе, 479=70, 486=77). На этотъ день приходится кончина(?) и память преп. Максима Грека († 1556). Но предполагать въ этомъ случаѣ, для объясненія происхожденія памяти Максима Исповѣдника 21 января, смѣшеніе его съ Максимомъ Грекомъ, какъ дѣлаетъ это Жорданія въ своей запискѣ, очевидно, совершенно невозможно, такъ какъ эта память появилась задолго до Максима Грека. — Въ константинопольскомъ синаксарѣ отмѣчается еще мѣстное празднованіе памяти Максима 19 августа. Delehaue, с. 910, 17-22, № 3: Τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ μνήμη τοῦ ὁσίου Μαξίμου τοῦ ὁμολογητοῦ καὶ τοῦ ἁγίου μάρτυρος Διονυσίου. Τελεῖται δὲ ἡ αὐτῶν σύναξις ἐνδον τοῦ βασιμίου οἴκου τῆς ἁγίας Θεοτόκου τοῦ [D, τῆς S] ἐπιλαγομένου Ἱεροσολῶν καὶ εἰς τὸν Λευκὸν Ποταμὸν. Память мученика Діонисія (храмъ во имя его былъ построенъ еще Константиномъ В., ср. Сергій, II, 2, 326) есть подъ 16 августа (Delehaue, с. 1034: подъ 21 августа, по Martyn. Hieron.) и 3 июля (Сергій, I, 1, 198). Можно, между прочимъ, обратить вниманіе, что Максимъ и его сподвижники пострадали, по Θεοδοσίῳ (Епиф. 18, 4-5), ἐν Βουλτίῳ ἐν φρουρῇ τοῦ πραιτωρίου τοῦ ἐπαρχοῦ ἐπιλαγομένη Διομήδους (ср. также о Мартинѣ, PL, 129, 596A). — Въ «Типикѣ константинопольской великой церкви IX—X в.», въ Патмосской рук. № 266, память Μαξίμου τοῦ ὁμολογητοῦ, кромѣ 13 августа, стоитъ еще подъ 26 августа (подъ 21 января нѣтъ). А. Дмитріевскій, Описание литургическихъ рукописей. I, 1, 103, 109. — У Сергія (II, 1, 244; 20) указываются еще для Максима дни: 5 августа (№ 51—слав. святцы Петрогр. Публ. библиот. нач. XVII в.), 11 августа (CL 2—мѣсяцесловъ при греч. апост. Публ. библиот. XII в.), 12 августа (M. 450 — греч. минея Моск. Синод. библиот. XII в., и другія минеи іерус. устава), 19 января (Сирм.—греч. синаксарь Сирмонда; повидимому, у Сергія ошибка — вмѣсто 19 августа), 20 января (Син. 2 — мѣсяцесловъ при синайскомъ греч. еванг. IX—XI в., Ев. № 1—мѣсяц. при слав. еванг. Петрогр. Публ. библиот. XII в.), 22 января (Сир. — мѣсяц. при сирскомъ еванг. 1030 г.), 29 февраля (Терн.—мѣсяц. Терновской церкви 1272 г.), 20 сентября (греческія минеи 1806—1820 гг., Синаксаристъ Никодима: память Максима соединяется въ этотъ день съ памятью Мартина, обоихъ Анастасіевъ, Θεοдора и Еввирепія). Происхожденіе почти всѣхъ этихъ памятей требуетъ еще объясненія. (12 августа вмѣсто 13 — ради отданія праздника Пресображенія, какъ указано это у Сергія).

¹ Изъ святыхъ съ именемъ Арсенія наиболѣе извѣстенъ египетскій подвижникъ Арсеній Великій († 449—450), память котораго празднуется 8 мая. Кромѣ него извѣстны преп. Арсеній латрскій (VIII—X в.) 13 декабря, Арсеній архіепископъ керкирскій (VIII—IX в.) 19 января, преп. Арсеній 15 февраля, Арсеній патріархъ константиноп. (XIII в.). Въ Грузіи это имя употреблялось, повидимому, нерѣдко. Нельзя ставить возникновеніе извѣстія о «монастырѣ Арсенія», какъ мѣстѣ погребенія Максима, въ какую-либо связь съ Арсеніемъ икалтойскимъ (XII в.), если бы даже былъ установленъ фактъ особаго интереса съ его стороны къ твореніямъ и къ памяти Максима, потому что это извѣстіе въ памятникахъ появляется еще до его выступленія. — Что касается Арсакія, то кромѣ муч. Арсакія 12 ноября извѣстенъ еще патріархъ константиноп. Арсакій 11 октября; подъ 16 августа память никомидійскаго мученика Арсакія имѣется лишь въ западныхъ мартиролагахъ.

извѣстно, не привлекали. Дюбуа де-Монперё и Броссе упускаютъ ихъ изъ виду. Въ новѣйшее время значеніе ихъ было отмѣчено и сдѣланы замѣчанія относительно нѣкоторыхъ встрѣчающихся въ нихъ названій С. П. Шестаковымъ¹. У Э. Жорданіа въ его (ненапечатанной) запискѣ также имѣются разныя соображенія. Обстоятельный комментарий къ этимъ сообщеніямъ далъ затѣмъ прот. К. Кекелидзе². Но дѣло ограничивается пока лишь предположеніями или общими и неопредѣленными указаніями, и твердо обоснованная точная локализациа разныхъ упоминаемыхъ въ этихъ источникахъ пунктовъ есть еще задача будущаго³.

¹ Въ приложеніи къ статьѣ: Папа Мартинъ I въ Херсонѣ, въ Трудахъ XIII археол. съѣзда въ Екатеринославѣ 1905. М. 1908, I, 142—4.

² ТрКА, 1912, сентябрь, 18—36.

³ Крѣпость *Σχοτόριον* (лат. *in castro Scotori*, груз. Котори), «въ Аписіаи, вблизи Авасгій», подъ этимъ именемъ въ другихъ греческихъ памятникахъ, повидимому, не упоминается. Какъ было замѣчено, схолиастъ рук. Тифл. п.-арх. Музея № 97, гдѣ «Котори» и въ текстѣ замѣнено чрезъ «Цебери», отождествляетъ ее съ Цебельдой на р. Кодори. Вахуштѣ говорить о селеніи Кодори, которое расположено выше «Дранда», стоящаго, по нему, тамъ, гдѣ р. Кодори перемѣняетъ западное теченіе на южное (Brosset, 401, Джан. 220). Но на дѣлѣ Дранда находится гораздо ниже, и теченіе свое р. Кодори измѣняетъ (на ю.-з.) именно въ Цебельдѣ. Съ Цебельдой Dubois de Montpréaux, *Voyage autour du Caucase*. Paris—Neuchatel 1889—1843, сопоставляетъ на своей картѣ театра лазской войны (Atlas, pl. XIV) Τζιβίλων Прокопія; однако въ то же время у него признается и на картѣ и въ текстѣ (II, 128) тождество Τζιβιλον (или «Tibeleos» у Агаѳіа) съ «Khiboulas» (Chiboulas на картѣ) между р. Хопи и Цхенись-цѣали. О возможномъ тождествѣ съ «Tzibélion» крѣпости «Sobgha» (груз.), «Soubagh» (арм.), см. Brosset, *Hist. de la Georgie*, 240. *Σχοτόριον*, во всякомъ случаѣ, естественно не всего искать близъ р. Кодори. Жорданіа въ своей запискѣ указываетъ крѣпость «Котори» «на берегу» р. Кодори, въ развалинахъ, недалеко отъ селенія «Джигерде», какъ запирающую «Данское ущелье». Но «Джигерды» отмѣчены на картѣ верстахъ въ 10 отъ Кодори (въ 20 отъ нынѣшней Цебельды). Названіе «Кодори» можно находить и вдали отъ р. Кодори (напр. селеніе между р. Абашей и Цхенись-цѣали). — Крѣпость Βουχόλου (Buculus, Бокеле), «въ области мисиміанъ, на границахъ съ аланами», встрѣчается уже у Агаѳіа (III, 15) въ формѣ Βούχλος (такъ въ cod. Rehdingianus, въ печатномъ текстѣ принято чтеніе Βούχλοον). Еще въ 554 г., во время лазской войны, мисиміане опасались передачи этой крѣпости ромеями аланамъ, и умертвили изъ-за этого посла ромеевъ Сотиріаха. Въ письмѣ Анастасія встрѣчаемъ при упоминаніи объ этой крѣпости весьма интересное замѣчаніе (въ греческомъ извлеченіи опущенное и сохранившееся лишь въ латинскомъ переводѣ): *quod videlicet castrum iidem Alani captum nups* [въ 666 г.] *retinere possunt*. Такимъ образомъ, когда-то въ 662—666 гг. крѣпость перешла, наконецъ, въ руки алановъ. Можно догадываться, не была ли причиною удаленія только что поселеннаго въ ней Анастасія именно вынужденная тѣмъ-то передача ромеями этой крѣпости аланамъ; въ такомъ случаѣ переходъ ея во власть алановъ относился бы уже къ лѣту 662 г. При происшедшемъ при этомъ передвиженіи гарнизоновъ, и другой Анастасій—монахъ могъ быть выведенъ, хотя онъ былъ уже тогда «пожизненнымъ», изъ апсіидской крѣпости, причемъ оба они были приведены сначала въ Μουχορίσιον—въ Мухириенсъ (область между Ріономъ и Цхенись-цѣали, и городъ, по Dubois, на мѣстѣ развалинъ Цихедарбази), который представляется и теперь мѣстомъ пребыванія византийскаго войска (praesentandi in medio amici Christi exercitus), подобно тому какъ во время лазской войны въ этой мѣстности, въ виду ея удобствъ, сосредоточивались военныя силы персовъ. Βούχλοον Агаѳіа Dubois отмѣчаетъ на своей картѣ, какъ «Boukloou (Pok-

Данныя относительно крѣпости, въ которой былъ заключенъ Максимъ, кромѣ сообщенія самаго названія ея «Схимарисъ», сводятся къ двумъ извѣстиямъ: 1) у Анастасія указывается, что эта крѣпость находилась «въблизи народа такъ называемыхъ алановъ»¹; 2) изъ разсказа Θεοδοσία видно, что

ιον), на среднемъ теченіи р. Ингура, очевидно, на мѣстѣ нынѣшняго Пахулани (10-верстная карта изд. Военно-Топогр. Отдѣла Генер. Штаба 1912 г., на 5-верстной 1906 [1912] отмѣчено «Нахулани»). По мнѣнію Жорданіи въ его запискѣ, «Бокелесъ» есть «Боквисъ-пихе», «Боквская крѣпость», отъ ущелья Бокви или р. Боквисъ-цѣкали; при этомъ онъ отождествляетъ ее съ крѣпостью Минда въ Рачинскомъ уѣздѣ (Геогр. Вахушта, Вговет, 379, Джан. 216, видъ крѣпости у Dubois, Atlas, ser. II, pl. XIX b.). Но Минда стоитъ недалеко отъ впаденія въ Фасисъ р. Лухуни, а Боквисъ-цѣкали находится далѣе на востокъ. Вообще же мисиміанъ (у Менандра Μινδιανῶν) съ ихъ крѣпостями, какъ сосѣдей апсировъ, нельзя отодвигать столь далеко на востокъ (равно какъ нельзя переносить ихъ и къ сѣверу, на берега Кубани, какъ дѣлаетъ это S.-Martin въ Lebeau, Hist. du Bas Empire, IX, 326, s.) и Dubois, нужно думать, указываетъ болѣе или менѣе вѣрно ихъ положеніе между среднимъ теченіемъ Ингура и Цхенисъ-цѣкали. Какое мѣсто разумѣлъ подъ «Бокери» схолиастъ рук. № 97, остается невыясненнымъ. Кекелидзе (28) указываетъ на существованіе въ Мингреліи фамиліи Бокеріа, которая, можетъ быть, происходитъ изъ этой мѣстности.—Κάστρον τῆς λεγόμενης Σουανίδος, или Σουανίας (castrum nuncupatum Suaniæ, или Suaniæ, крѣпость Сванской земли [Жорданія: Сванетская]), какъ показываетъ, повидимому, самая форма выраженія, отличающаяся отъ предыдущихъ «κάστρον λεγόμενον Σχιούμαριν, Σχοτόριν», κάστρον Βουκδούλου ὀνομα, названіе имѣетъ отъ области, въ которой, или по крайней мѣрѣ въблизи которой находилась; называться такъ она могла и въ томъ случаѣ, если была на пути въ Сванію, въ виду чего, вѣроятно, схолиастъ рук. № 97 и нашелъ возможнымъ отождествить съ нею Мури. Не есть ли это, напр., Чолуръ, находящійся сѣвернѣе Мури?—Κάστρον τῆς λεγόμενης Θαχυρίας πλησίον Ἀβασγίας (quod dicitur Thasyria juxta Hiberiam, крѣпость Такверская въ Абхазіи), судя по способу выраженія, тоже носитъ названіе отъ территоріи. «Квара въ Таквери» схолиаста рук. № 97 должна находиться въ Рачѣ, около Квемо-крихъ. Съ другой стороны, Вахуштѣ говорить (Вговет, 349, Джан. 200) о крѣпости «Таквери», отъ которой получила названіе и самая мѣстность (Лечхумъ): согласно его описанію («на рѣчкѣ, впадающей въ Цхенисъ-цѣкали выше Горди») и картѣ, она должна находиться на р. Джинаулѣ 5-верстной карты или Джинаурѣ 10-верстной, но не отмѣчена на этихъ картахъ. На нихъ имѣется лишь Дехвири. Отождествлять ли крѣпость τῆς Θαχυρίας съ Кварой, или съ Таквери, или, наконецъ съ Дехвири, признакъ «въблизи Авасгій» къ нимъ не подходитъ, и нужно въ этихъ случаяхъ отдать предпочтеніе латинскому переводу «juxta Hiberiam», какъ дѣлаетъ это Кекелидзе, видящій эту крѣпость въ Таквери (81). Шестаковъ (142) сопоставляетъ Θαχυρία съ Цагери. Между прочимъ не установлено еще, гдѣ находилась мисиміанская крѣпость Τζάχαρ (Σιδηροῦν, Agath. IV, 16). Dubois (на картѣ) предполагаетъ ее въ Tsatzkhour на верхнемъ теченіи рѣки Тхура.—Крѣпость Phustas (въ одномъ случаѣ «castrum Phustensium»), гдѣ-то въ предѣлахъ Аписіи и Мисиміаніи, упоминается въ IX в. у Епифанія въ житіи ап. Андрея: «εἰς Φούσταυ πλῆν», какъ находящаяся, повидимому, въ Аланіи (PG, 120, 241), тамъ же упоминается и народъ Φούστοι (221B); въ грузинскомъ переводѣ житія городъ названъ «Фостофоромъ». На старинныхъ картахъ имѣется «Фуса», «Пуста», «Фусса». С. Петровскій, Сказанія объ апост. проповѣди по с.-в. Черном. побережью. Одесса 1898, 219. Народъ «Φούστοι» сопоставляется уже у Петровскаго съ Φασιανῶν. Та (da, 3a) есть обычный суффиксъ въ абхазскихъ географическихъ названіяхъ, по замѣчанію Н. Я. Марра, Изъ лингвистической поѣдки въ Абхазію, въ ИАК, 1913, № 13, 323; объ основѣ фав, его же, Исторія термина «абхазъ», 1912, № 11, 697—702.

¹ Съ показаніемъ позднѣйшаго житія св. Максима, PG, 90, 108B: εἰς ἐν τῶν κατὰ τὴν Ἀλανίαν κάστρον, едва-ли необходимо серьезно считаться. Св. Димитрій Ростовскій, оче-

она была въ болѣе или менѣе далекомъ разстояніи отъ мѣста, гдѣ провелъ послѣдніе дни жизни и скончался Анастасій апокрисіарій, и находилась гдѣ-то на Кавказскихъ горахъ (по Θεοδοσίῳ — на ихъ вершинѣ).

Но первый признакъ самъ по себѣ даетъ не слишкомъ много и требуетъ самъ поясненій.

Названіе «алановъ», хотя уже въ средніе вѣка прилагалось, повидимому, по преимуществу къ предкамъ нынѣшнихъ осетинъ (осовъ), но въ общемъ, особенно въ болѣе древнее время, у греческихъ и латинскихъ писателей, было не столько этнографическимъ, сколько географическимъ терминомъ для обозначенія жившихъ на сѣверномъ склонѣ Кавказа народовъ. И если грузинскій переводчикъ, Евѣимій, указанное выраженіе въ житіи св. Максима переводитъ словами: «по близости къ странѣ осетинской», то это можетъ лишь отражать существовавшій тогда взглядъ на тождество алановъ съ ос(етин)ами, но какіе либо опредѣленные выводы касательно положенія крѣпости Схимарисъ отсюда еще нельзя сдѣлать. Если же «аланы», о которыхъ говорится у Анастасія, и на самомъ дѣлѣ были ос(етин)ы, то въ дѣйствительности мѣстонахожденіе и алановъ-осетинъ не ограничивалось въ древности, какъ не ограничивается и теперь, лишь нынѣшнею Осетіею¹.

Во всякомъ случаѣ, «аланы» въ VI в. играли не малую роль и на южномъ склонѣ Кавказскаго хребта, принимая участіе въ борьбѣ грековъ,

видно, отсюда заимствовалъ въ свои Четы-Миней (21 января) сообщеніе о ссылкѣ Максима въ Аланію. Объ этомъ сообщеніи ср. Кекелидзе, 19, 22—3; тамъ же разъясненія по поводу показанія грузинскаго житія, что св. Максима сослали въ «Мингрелію», 19—22.

¹ По вопросу объ отношеніяхъ алановъ къ осамъ ср. В. Миллеръ, Осетинскіе этюды. III. М. 1887, 89—58. О кавказскихъ аланахъ въ частности въ VI—VIII вв. тамъ же, 53—8. Ю. Кулаковскій, Аланы по свѣдѣніямъ классическихъ и византийскихъ писателей. Кіевъ 1899 (оттискъ изъ XIII кн. «Чтеній въ Историч. Общ. Нест.-лѣт.»), 46—51. Доселѣ полезень, хотя уже и устарѣлый, трудъ Stritter'a *Memoriae populorum e scriptoribus historiae Byzantinae erutae et digestae*. IV. Petropoli 1779, 338—351. Сообщенія объ аланахъ, находящіяся въ письмѣ Анастасія и запискѣ Θεοδοσία упущены изъ виду въ этихъ трудахъ, — даже, на что обращаетъ вниманіе Шестаковъ (144), и у Кулаковского (49: «За цѣлое столѣтіе отъ конца VI и до конца VII вѣка нѣтъ никакихъ упоминаній объ аланахъ у византийскихъ писателей. — Только въ самомъ началѣ VIII вѣка встрѣчаемъ мы опять упоминаніе объ аланахъ»). Ср. однако, хотя съ неточностями въ цитатѣ, уже Tomaschek въ Pauly-Wissowa, RE, I, 1 (1893), 1284 («Maximi opera ed. Migne tom. 129, p. 659 ff.»). Объ осетинахъ-алангахъ ср. еще очеркъ А. Кодзаева, Древніе осетины и Осетія. Владикавказъ 1903. Новую постановку вопроса о кавказскихъ аланахъ и новое его рѣшеніе намѣчаетъ, пока мимоходомъ, II. Я. Марръ, въ статьѣ: Къ исторіи передвиженія яфетическихъ народовъ съ юга на сѣверъ Кавказа, въ ИАН, 1916, № 15. Протестуя противъ обычнаго отождествленія ихъ съ осами (1395), онъ предполагаетъ съ своей стороны тѣснѣйшую связь вопроса о нихъ съ вопросомъ о судьбѣ алановъ-албановъ Закавказья (1408) и въ то же время видитъ въ послѣднихъ аварцевъ (аваровъ) (1378). Ср. его же, Испочатый источникъ исторіи Кавказскаго міра, въ ИАН, 1917, № 5, 332.

лазовъ и персовъ и становясь то на ту, то на другую сторону. Во время нашествія персовъ на Лазику въ 541 г. (противъ грековъ, по приглашенію лазовъ) они въ большомъ количествѣ находились въ войскѣ персовъ. Но въ 549 г. царь лазовъ Гувазъ призывалъ ихъ и сабировъ уже для борьбы съ персами, хотя ихъ немало было въ персидскомъ войскѣ и въ 550 г. Для грековъ было весьма важно привлечь на свою сторону этотъ немалочисленный и вліятельный «αὐτόνομον ἔθνος»¹. Посолъ грековъ Сотирхъ, пришедшій въ 554 г. съ деньгами къ мисиміанамъ и убитый ими, имѣлъ задачу воздѣйствовать чрезъ посредство именно алановъ и на разные другіе варварскіе народы². При заключеніи договора между греками и персами въ 556 г. послѣдніе, между прочимъ, обязуются не пропускать на югъ Кавказа и алановъ. Но союзныя отношенія между аланами и Византіей на дѣлѣ продолжаютъ и въ дальнѣйшее время. Въ сосѣдствѣ съ мисиміанами они утвердились, повидимому, весьма прочно; объ этомъ можно заключить изъ сообщенія Анастасія о переходѣ въ 662—666 гг. въ ихъ руки мисиміанской крѣпости Βουχόλους, на которую они простирали виды еще въ 554 г. Будучи сосѣдями мисиміанъ, аланы граничили также, какъ это видно изъ замѣчаній Θεοδοσία, и съ авасгами и апсилами³. На южномъ склонѣ Кавказа огрузинившіеся осетины-аланы имѣются и теперь къ востоку отъ Сваніи и Рачи, въ области Двалети (туальцы); въ древнѣйшее время они могли быть здѣсь въ непосредственной близости къ Лазику. Вахуштъ, съ другой стороны, говоритъ объ «Аланіи», находящейся къ западу отъ Сваніи, причемъ посрединѣ ея протекаетъ «сванская рѣка» — Каппетисъ-Цкали, и отличаетъ ее отъ «Двалетіи» или «Осетіи»⁴.

Такимъ образомъ, «аланы» разсѣяны были въ Закавказьѣ на довольно большомъ пространствѣ, встрѣчаясь и къ востоку, и къ западу, и къ югу отъ Сваніи. Нахожденіе «въблизи аланскаго народа», какъ опредѣляется у Анастасія положеніе крѣпости, гдѣ былъ заключенъ Максимъ, поэтому въ данномъ случаѣ само по себѣ указываетъ не на вполне опредѣленный районъ, а вообще на обращенный къ Лазику склонъ Кавказскаго хребта, гдѣ могли тогда находиться аланы.

Но не болѣе этого въ сущности дается и у Θεοδοσία. Съ какимъ бы

¹ Procopius, De bellis, VIII, 8.

² Agathias, Histor., III, 15—16.

³ Епифановичъ, 13, 6-8. Слѣды нахожденія ихъ здѣсь можно видѣть въ названіи селенія Аланда на р. Кодорѣ (В. Миллеръ, Осет. этюды, III, 115) и абхазскихъ фамиліяхъ Osia, Ozba, Alania, Alan (Н. Я. Марръ, Изъ лннгв. поѣздки въ Абхазію, ИАН, 1913, № 6, 307).

⁴ Grosset, 236=Джанашвили, 138.

нынѣшнимъ пунктомъ ни отождествлять крѣпость Θεοδοῦμης близъ мѣстечка Μόχοις, гдѣ жилъ въ концѣ ссылки и умеръ Анастасій апокрисиарій и куда приходилъ Θεодосій, она была во всякомъ случаѣ недалеко отъ восточнаго берега Чернаго моря, на границахъ Ансильи и Абхазіи¹. Но какъ далеко отсюда и въ какомъ направленіи находился Схимарисъ, куда Θεодосій не рѣшился идти, между прочимъ, по трудности горнаго пути, это въ его запискѣ не сообщается. Упоминаніе о «вершинѣ» Кавказскихъ горъ, принимая во вниманіе возможность и естественность нѣкотораго преувеличенія и неточности со стороны Θεодосія, тоже не можетъ служить основой для какихъ-либо вполне определенныхъ выводовъ.

Къ Мурр указанные признаки болѣе или менѣе приложимы. Аланы могли быть въ то время около нынѣшняго Мурр и съ восточной, и съ западной стороны. Не находясь на «вершинѣ» Кавказа, какъ говорить Θεодо-

¹ Слѣдъ Анастасіи названія «Θεοδοῦμης (Thesusmes)» не сообщаетъ, а говоритъ лишь (PL, 129, 662B=PG, 90, 175C), что новый начальникъ Лазики Григорій помѣстилъ его «quasi quinque signis longius a divinitus custodienda domo sua in loco monachis [no Combefis I, lxvii]: Monachos] veraciter condecante. Название даетъ уже Θεодосій и мѣстоположеніе крѣпости видимо хочетъ опредѣлить со всею возможною для него точностью. Епифановичъ, 13,5-10: ἐν χώρῳ ἐπιλεγόμενῳ Θεοδοῦμης, καί μιν ἐπάνω χωρίου Μόχοις [Mochoes], κλίματος Ἀφιλίας τέλους, κατ' ἀνατολὰς τῆς Ποντικῆς θαλάσσης παρ' αὐτὸν τὸν πόδα τῶν Καυκασιῶν ὄρεων, πλησίον τῆς τῶν φιλοχρίστων Ἀβασγῶν χώρας καὶ τοῦ ἔθνους τῶν Ἀλανῶν, ὡς ἀπὸ σημείων πάντε τοῦ χωρίου Συγχωρέως [a praedio Zichachorio] ἤγουν τοῦ πρώτου οἴκου Γρηγορίου, τοῦ ὄντος φιλοχρίστου πατρικίου καὶ μαγίστρου τῆς αὐτῆς τῶν Ἀλζῶν χώρας [ejusdem regionis Alanorum]. Повидимому, «monachis» или «Monachos» въ латинскомъ переводѣ (Шестаковъ, 144, и Муретовъ, 178, переводятъ, принимая чтеніе «monachis»), соответствуетъ греческому Μόχοις, и явилось лишь по недоразумѣнію. Въ такомъ случаѣ нужно будетъ, можетъ быть, признать, что Анастасій употребляетъ это названіе въ болѣе широкомъ смыслѣ, нежели какой имѣетъ у Θεодосія «χωρίον Μόχοις», такъ какъ, по Θεодосію, Анастасій находился собственно въ Θεοδοῦμης. Согласно съ указываемыми у Θεодосія признаками, Μόχοις, повидимому, могло бы быть отождествлено съ мѣстечкомъ Мокви на р. этого имени, верстахъ въ 20—25 отъ Очемчиръ (Μοχὴ въ Периплѣ анонима, ср. Ф. К. Брунсъ, Восточный берегъ Чернаго моря по древнимъ перипламъ и по компасовымъ картамъ, въ Зап. Поворосс. универс. 1880, XXX, 2, 249). Такое сопоставленіе дѣлаетъ (для латинскаго «Mochoe» или «Mochus» [?]) Шестаковъ, 144. Для «Thesusmes» онъ предполагаетъ «Цхоми, Сухумъ». Болѣе сходно съ Θεοδοῦμης звучитъ указываемое Кекелидзе, 33, названіе «Цхузамела». Выраженіе Θεодосія κατ' ἀνατολὰς τῆς Ποντικῆς θαλάσσης указываетъ, нужно думать, на положеніе не на самомъ берегу Чернаго моря, а въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него къ востоку. Наболѣе, кажется, подходила бы къ этому признаку и къ другому—ἐπάνω χωρίου Μόχοις, упомянутая выше крѣпость близъ селенія Джгерды, но при отождествленіи ея съ Θεοδοῦμης пришлось бы предположить, что она носила иное въ сравненіи съ нынѣшнимъ названіемъ селенія наименованіе. Вмѣсто Συγχωρέως, вѣроятно, нужно читать Ζιχχωρέως, соответственно латинскому Zichachorium, и въ Ζιχχ можно видѣть или цихе—джиха, крѣпость (Шестаковъ), или указаніе на Ζιχχοί, Ζήχοι. Вмѣсто латинскаго «ejusdem regionis Alanorum» Кекелидзе, 33, поправляетъ «Abasgom», но греческій текстъ даетъ «τῶν Ἀλζῶν», и въ дѣйствительности рѣчь идетъ о начальникѣ именно Лазики; «τῆς αὐτῆς — χώρας» здѣсь должно поэтому относиться не къ ближайшему «τῆς τῶν φιλοχρίστων Ἀβασγῶν χώρας», а къ болѣе отдаленному (13,5) «Ἀλζικής».

сій о Схимарисѣ, Мури во всякомъ случаѣ занимаетъ возвышенное положеніе. Но для окончательнаго и рѣшительнаго отождествленія его съ Схимарисомъ эти признаки сами по себѣ еще недостаточны.

Наиболѣе вѣрнымъ способомъ къ точному опредѣленію мѣстоположенія пункта, поименованнаго въ древнихъ памятникахъ, было бы нахожденіе въ соотвѣтствующемъ районѣ настолько созвучнаго названія, что его можно было бы, хотя бы при извѣстныхъ предположеніяхъ, признать въ концѣ концовъ тождественнымъ съ древнимъ названіемъ.

Изъ современныхъ кавказскихъ наименованій, которыя могли бы быть указаны въ данномъ случаѣ, если не съ древнимъ «Схимарисомъ», то съ грузинской передачей его «нимаръ», представляетъ извѣстное сходство по названію крѣпость «Хумара», на правомъ берегу р. Кубани, въ 55 (47?) в. отъ станицы Баталпашинской, въ 160 в. отъ Ставрополя, при чемъ тутъ же рядомъ (при впаденіи въ Кубань Теберды) находится и древній храмъ имени великомученика Георгія¹. Совсѣмъ близко подходитъ уже къ древнему наименованію «Схимарисъ» названіе сванійскаго общества (приходъ Спасской церкви въ селеніи Сюпъ или Супи) «Цхмари», въ княжеской Сваніи, на южномъ берегу р. Ингура².

¹ О Хумаринскомъ укрѣпленіи см. статью А. П. въ газетѣ «Кавказъ», 1855, № 18—19. Положеніе его здѣсь опредѣляется подъ 43°49' 3"15 с. ш., 59°38' в. д. (отъ Ферро). Ср. Freshfield, The Exploration of the Caucasus. II. London 1902, 175: «immense rock tower» — 2746 футовъ. Церковь въ 90-хъ гг. XIX вѣка была реставрирована, и въ настоящее время здѣсь существуетъ Георгіевскій мужской монастырь. Ср. путевыя замѣтки А. Мощанскаго, Военно-Сухопутная дорога, въ Истор. Вѣстникѣ, 1916, ноябрь, 484—6. У автора замѣчается, что здѣсь былъ, по преданію, Левъ Исавръ и сюда ссылались преступники въ византийскія времена. Какихъ-либо воспоминаній о Максимѣ, по письменному сообщенію мнѣ мѣстнаго инспектора народныхъ школъ В. П. Разумовскаго, въ этой мѣстности вовсе нѣтъ, и особымъ почитаніемъ у осетинъ пользуется именно лишь великомученикъ Георгій. Нынѣшніе осетины поселились тамъ уже въ позднѣйшее время; но несомнѣнно, что они должны были быть тамъ и въ древнія времена.

² [По-свански: ႠႣ႔Ⴀ ႡႣ႔Ⴀ] На 10-верстной картѣ читается «Цхма». Въ принадлежащей этому же обществу церкви св. Архангеловъ селенія Лапскальдъ, въ написяхъ на двухъ иконахъ встрѣчаются названія «общество Цхемирисское», «св. Архангелъ Михаилъ Цхемирисскій». Д. Бакрадзе, Сванетія, въ Зап. Кавк. отд. Геогр. Общ., кн. VI, 1864, 72, и прилож. № 15. По Бакрадзе, это несомнѣнно есть «Цхомери». Употребленная авторомъ въ текстѣ (69, 72) и находящаяся также на приложенной къ статьѣ картѣ форма названія «Цхомери» поправлена имъ потомъ (288) въ «Цхмари». Такъ стоитъ въ исправленномъ спискѣ сванійскихъ обществъ и селеній сванетскаго пристава кн. Амиреджибова (290). Здѣсь же вмѣсто принятаго въ текстѣ «Лафскали» (69) или «Лафсхали» (70) указывается «Лапскальдъ» (290). У Стоянова, Путешествіе по Сванетіи, въ Зап. Кавк. отд. Геогр. Общ., кн. X, 2, 1876, пишется «Цхомарская община» (328) и «Лапсхалдъ» (331). Не безынтересно здѣсь, между прочимъ, сообщеніе, что близъ Лапскальда «въ мѣсту является таинственный свѣтъ, видный

Но оба эти мѣста находятся хотя и недалеко отъ древней Лазики, но уже за предѣлами ея. Въ первомъ случаѣ, если другіе признаки древняго Схимариса — нахожденіе близъ алановъ и на кавказскихъ высотахъ — соотвѣтствуетъ положенію Хумары, и если предположить, что эта крѣпость существовала уже въ VII в., сомнительнымъ является вопросъ еще и о лингвистическомъ тождествѣ. Что же касается Цхмари, то въ Сваніи можно было бы помѣстить развѣ лишь «сванскую крѣпость», гдѣ былъ Анастасій монахъ, но не Схимарисъ. Но едва ли въ данномъ случаѣ вообще рѣчь можетъ быть о наиболѣе далекой части Сваніи, Сваніи такъ назыв. «княжеской» или «верхней».

Другихъ названій, которыя могли бы быть сопоставлены съ «Схимарисъ» или «Һимаръ» хотя бы съ такимъ же правомъ, какъ эти, повидимому, нѣтъ¹.

Нынѣшній географическій терминъ «Мури» съ древнимъ «Схимарисъ» имѣетъ созвучіе весьма отдаленное, соотвѣтствуя до нѣкоторой степени лишь второй части этого слова, безъ перваго его слога. Однако, если происхожденіе этого названія изъ древняго «Схимарисъ», или вообще лингвистическое отношеніе его къ послѣднему, будетъ даже оставаться пока загадкою, реальное тождество Мури съ этою крѣпостью могло бы получить достаточно убѣдительное подтвержденіе съ исторической точки зрѣнія и въ томъ случаѣ, если бы хотя только въ древнихъ памятникахъ нашлось указаніе на существованіе въ области нынѣшняго Мури крѣпости или съ тѣмъ же самымъ названіемъ — «Схимарисъ», или столь близкимъ къ нему, что его можно такъ или иначе безъ особыхъ затрудненій отождествить съ нимъ.

Мнѣ кажется, что можно выставить и защищать болѣе или менѣе успѣшно положеніе, что «Схимарисъ» документовъ VII в. есть не что иное, какъ такъ назыв. обычно «Ухимерій» Прокопія кесарійскаго въ его разсказѣ о лазской войнѣ VI в., и что упоминаемая Прокошіемъ крѣпость съ этимъ именемъ должна находиться, какъ высказалъ это уже Броссе, именно въ районѣ нынѣшняго Мури.

только изъ Цхмариа, въ виду разсказа памятниковъ VII в. о свѣтѣ на могилѣ Максима, видѣнномъ самимъ комендантомъ Схимариса; но на основаніи такого совпаденія едва-ли можно дѣлать какія-либо догадки.

¹ Крѣпость Σχαμαλινίχων или Συχαλινίχων (Proc. De aedif. III, 6) находилась на южномъ побережьи Чернаго моря, какъ отмѣчено это уже у Кекелидзе, 34,4 (здѣсь это названіе передано въ видѣ Συχαλανίχων).

VI.

О войнѣ грековъ и лазовъ съ персами изъ-за обладанія Лазикою Прокопій рассказываетъ въ послѣдней VIII книгѣ своего сочиненія о войнахъ Юстиніана, или, по обычно принятому дѣлнію его на два какъ бы особыхъ произведенія, въ IV книгѣ *De bello gothico*; продолженіе (съ 553 г.) и конецъ исторіи этой войны даетъ Агаѣй.

Война началась съ того, что царь лазовъ Гувазь, отдѣлившійся въ 541 г. отъ грековъ и призвавшій персовъ, которые немедленно заняли недавно построенную греками къ ю. отъ р. Фасиса крѣпость Петру, въ 549 году опять обратился къ Юстиніану за помощью противъ персовъ. Послѣ первоначальной неудачи, въ слѣдующемъ 550 г. греки отняли у персовъ и разрушили Петру и болѣе или менѣе прочно утвердился въ западной части Ріонскаго края.

Персидскій полководецъ Мермерой пытался было вслѣдъ затѣмъ осаждать главный городъ Лазики Археополь, къ с. отъ Фасиса, но безуспѣшно, и ушелъ въ отстоявшій отсюда на одинъ день пути *Μουχέρησις* (al. *Μοχῆρησις*), лучшую по плодородію мѣстность въ Лазикѣ и потому наиболѣе населенную, расположенную между Фасисомъ и притокомъ его Ипписомъ (*Ἰππίς* = Цхенись-цкали); здѣсь именно останавливался лагерьмъ при вторженіи въ Лазикъ еще предшественникъ Мермероя Хоріанъ. Мермерой здѣсь отстроилъ наскоро на зиму изъ дерева древнюю крѣпость колховъ на Ріонѣ, которая по-гречески тогда называлась, по Прокопію, *Κοτιάσιον* (al. *Κοτυάσιον*), лазы же называли ее *Κούταϊς* (*Κουτατίσιον*, *Κόταϊς*). Колхи нѣкогда сами разрушили въ большей части эту крѣпость, такъ какъ она казалась имъ лежащею на слишкомъ открытомъ и доступномъ мѣстѣ¹.

«Въ ближайшемъ же разстояніи отъ Кутаиса, сообщаетъ далѣе Прокопій, есть весьма сильная крѣпость съ именемъ *Οὐχεμέριον* [*Οὐχεμέριος*?, al. *Οὐδεμέριος*]. Лазы тщательно оберегали этотъ пунктъ; принимали съ ними участіе въ охранѣ крѣпости и немногіе числомъ ромейскіе воины. Итакъ Мермерой здѣсь [въ Мухирисѣ] расположился со всѣмъ войскомъ, занималъ, съ одной стороны, лучшую область Колхиды, и съ другой — лишая противниковъ возможности доставить въ крѣпость *Οὐχεμέριος* что-либо изъ необходимыхъ припасовъ, а также проходить въ страну такъ назыв. Сванію и Скимнію, хотя она и была подчинена имъ; потому что разъ въ

¹ Proc. De bellis, VIII, 14, 47, ed. Haury, II, 564—5: οὐ δὲ καὶ φρούριον ἐκδομήσαντο ἐκ παλαιοῦ Κόλχοι, οὐπερ ὕστερον αὐτοὶ τὸ πλεῖστον ἐς ἔδαφος καθεῖλον, ἐπεὶ ἐν πεδίῳ καίμενον ἐσάσαν ὑπὲρ εὐέροδον σφίσιν ἔδοξεν εἶναι.

Мухирисисѣ находится непріятель, для лазовъ и ромеевъ оказывается уже закрытымъ путь въ эти мѣста¹.

Черезъ нѣсколько времени, когда въ Константинополѣ шли переговоры о мирѣ въ 551—2 г. (въ 25 годъ царствованія Юстиніана), эта крѣпость перешла въ руки персовъ. Изъ ненависти къ ромеямъ, одинъ знатный лазъ, Теофовой, придя въ крѣпость, послѣ предварительныхъ переговоровъ съ Мермероемъ, обманомъ убѣдилъ гарнизонъ сдаться персамъ, сообщивъ ложныя свѣдѣнія о несмѣтной силѣ пришедшихъ будто бы съ самимъ Хосроемъ въ Лазикъ персовъ и о бесполезности какого-либо сопротивленія имъ. Персы заняли крѣпость и упрочили этимъ въ высшей степени свою власть въ Лазикѣ. И не только Лазикъ забрали они въ свои руки чрезъ это, но и Скимнію съ Сванією. Для ромеевъ и для царя лазовъ такимъ образомъ стали недоступны всѣ мѣста отъ Мухирисиса до Ивири². Мермерой, построивъ при наступленіи зимы деревянную стѣну въ Кутансѣ, помѣстилъ здѣсь отрядъ не менѣе чѣмъ изъ 3 тысячъ человекъ, оставилъ достаточное количество стражи и въ крѣпости Оυχειμέρεος; отстроивъ еще находившуюся на самомъ краю Лазики лазскую крѣпость Σαραπανίς, самъ онъ имѣлъ пребываніе въ послѣдней.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ войны, въ 552—5 гг., персы ежегодно выступаютъ изъ прочно занятой ими позиціи въ восточной части Лазики противъ грековъ и лазовъ, находившихся на западѣ, но не достигая какихъ-либо важныхъ результатовъ, опять возвращаются къ Кутансу и Мухирисису.

Послѣ 555 г. война уже не продолжалась. Зихъ Исдигуна, посолъ Хосроя, отправленный въ Константинополь въ 556 г. для переговоровъ о мирѣ, настаивалъ на томъ, чтобы за персами остались взятые ими въ Лазикѣ города и крѣпости. Въ 562 г. при заключеніи 50-лѣтняго мира Петръ патрикій, между прочимъ, безуспѣшно пытался отстоять право ромеевъ на

¹ VIII, 14, 51—54, 565—6: τοῦ δὲ Κόταξ [Κουταπισίου L] ἀγχιστα φρούριον ἐχυρώτατον [δουρώτατον L] ἐστίν, Οὐδιμέρεος [Ουχειμέριον L] ὄνομα· ἐν ᾧ δὴ φυλακτῆριον ἐς τὸ ἀκριβὲς οἱ Λαῶι εἶχον. μεταίχον δὲ σφίσι τῆς τοῦ φρουρίου φυλακῆς καὶ Ῥωμαῖοι στρατιῶται ὀλίγοι τινές. ὁ μὲν οὖν Μερμερόης τῷ παντὶ στρατῷ ἐνταῦθα καθῆστο, γῆς τε τῆς Κολχίδος τὰ κάλλιστα ἔχων, ἐμποδίζας τε τοῖς ἐναντίοις γινόμενος ἐς τὸ Οὐδιμέρεος [Ουχειμέρεος L] φρούριον τῶν ἐπιτηδείων τι ἐσχομίζεσθαι, ἢ ἐς χώραν τήν τε Σουανίαν καὶ τήν Σκουμνίαν καλουμένην ἵεσθαι, καίπερ σφίσιν αὐτῆς κατηχούσας οὐσας. πολέμιων γὰρ ἐν Μοχρήσιδι ὄντων [Μοχρήσιδι ὄντων K, Μουχαιρισιδιόντων L], Λαῶσις τε καὶ Ῥωμαῖοις ὁδοῦ ἀποκεκλεισθαι τῆς εἰς τὰ ταῦτη χωρία συμβαίνει.

² VIII, 16, 13—14, 572: οὕτω μὲν Πέρσαι τὸ Οὐδιμέρεος [Ουχειμέρεος L] φρούριον ἔχον καὶ Λαζικῆς τὴν ἐπικράτησιν ἰσχυρώτατα ἐκρατύναντο. οὐ μόνον δὲ Λαζικὴν ταύτην [ταύτη K] οἱ Πέρσαι ὑποχείριαν πεποιήναι, ἀλλὰ καὶ Σκουμνίαν τε καὶ Σουανίαν, ἐκ δὲ Μοχρήσιδος [Μουχαιρισίδος K, Μουχαιρισίδος L] ἄχρι ἐς Ἰβηρίαν ἄβχτα Ῥωμαῖοις τε καὶ τῷ Λαζῶν βασιλεὺς ζύμπαντα τὰ ἐκεῖνη χωρία τῷ τρόπῳ τούτῳ ἐγένετο.

Сванію, указывая на то, что подъ власть персовъ она перешла 10 лѣтъ тому назадъ лишь потому, что лазы перестали посылать сванамъ хлѣбъ.

Въ результатѣ войны восточная часть Лазики, въ частности Мухирисисъ, Кутанисъ, крѣпость *Οὐχεμέρειος*, также и Сванія, перешли подъ власть персовъ. Обладанію Мухирисисомъ и крѣпостью *Οὐχεμέρειος* придается у Прокопія при этомъ особо важное значеніе.

Гдѣ находилась эта упоминаемая Прокопіемъ крѣпость, бывшая, по нему въ «ближайшемъ разстояніи (*ἄγχιςτα*)» отъ Кутаниса?

Извѣстный своими заслугами по изслѣдованію Кавказскаго края французскій ученый *Dubois de Montpéreux*, на основаніи, повидимому, лишь этого именно выраженія, высказалъ — едва ли не впервые — мнѣніе, что «Ухимерій» находился противъ Кутаниса, на правомъ берегу Ріона, на мѣстѣ нынѣшнихъ развалинъ крѣпости и кафедральнаго собора¹. Это мнѣніе потомъ, насколько извѣстно, прочно утвердилось въ литературѣ. Его можно встрѣчать у Муравьева², Госселіани³, Бакрадзе⁴, въ статьѣ о Кутанисѣ Масальскаго въ Энциклопедіи Брокгауза-Ефрона⁵, у Джанашивили въ его переводѣ Географіи Вахушта⁶, у Кекелидзе⁷.

На дѣлѣ однако такое утвержденіе не вытекаетъ съ необходимостью изъ имѣющихся у Прокопія данныхъ. Сколь бы близко — *ἄγχιςτα* — «Ухимерій» ни находился къ Кутанису, видѣть его въ лежащей на правомъ берегу части нынѣшняго Кутаниса, а въ другой части — на лѣвомъ берегу — видѣть древній Кутанисъ, значить собственно предполагать, что лазы имѣли двѣ крѣпости въ одномъ и томъ же мѣстѣ, только на двухъ разныхъ берегахъ Ріона. Если нельзя признать этого безусловно невозможнымъ, предполагая, что крѣпости построены были въ разное время, такъ что одна изъ нихъ оказалась потомъ излишнею, всетаки это является въ данномъ

¹ *Dubois de Montpéreux*, Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhazes, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. 6 vol. Paris 1839—43. Atlas. Neuchatel 1840—43. I, 398—439; II, 72: Oukhimérion ou Marium; II, 109.

² А. Н. Муравьевъ, Грузія и Арменія. III. Спб. 1848, 143, 146.

³ П. Госселіани, Города, существовавшіе и существующіе въ Грузіи. Спб. 1851, 31.

⁴ Д. Бакрадзе, Лазики и борьба за нее персовъ съ Византіяцами, въ газетѣ «Кавказъ», 1856, № 59. — Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства. Тифлисъ 1875, 86 (выписка изъ *Dubois de Montpéreux*).

⁵ Полутомъ 38 (1896), 135.

⁶ 212, прим.: «Ухимеріонъ, очевидно, есть кутансская «Архіерейская гора», извѣстная подъ именемъ Охвимеріани. Это слово образовалось отъ охвამе (св. м.) — церковь, молежня. На картахъ «Охваме» обозначенъ еще въ Лазистанѣ, на берегу моря». Далѣе выписка описанія *Dubois de Montpéreux* изъ Бакрадзе.

⁷ ТрКА, 1912, сентябрь, 30, — ссылка на указанное примѣчаніе Джанашивили.

случаѣ мало вѣроятнымъ: непонятно, для чего колхи стали бы строить крѣпость на неприспособленномъ для этого лѣвомъ берегу Ріона, когда болѣе удобнымъ для этого представлялся другой берегъ. Открытою и доступною для непріятелей могла показаться колхамъ и крѣпость на холмѣ на правомъ берегу, почему они и рѣшили уничтожить эту крѣпость. И для Мермероя, послѣ того какъ взятъ былъ предательствомъ Теофовія «Ухимерій», достаточно было бы, повидимому, лишь утвердиться въ этой «весьма сильной» (δύρωτατον) крѣпости, если она находилась рядомъ съ Кутансомъ. Онъ, между тѣмъ, и послѣ этого находитъ нужнымъ строить деревянную стѣну въ Кутанской крѣпости и поставить здѣсь значительный гарнизонъ независимо отъ особаго гарнизона въ «Ухимеріи».

Необходимо еще обратить вниманіе на то, что Прокопій, какъ на слѣдствіе занятія персами Мухирисиса, указываетъ на закрытіе для ромеевъ и лазовъ доступа къ «Ухимерію», а также (ἦ) въ Сванію и Скимнію (VIII, 14, 53). Можно понимать это и какъ указаніе на два различныя, независимыя одно отъ другого слѣдствія, помѣщая «Ухимерій» въ Кутансѣ, въ южной части Мухирисиса или вообще западной окраины Лазики, тогда какъ Сванія и Скимнія граничили съ сѣверомъ этой окраины. Но можно и здѣсь уже, въ этомъ сопоставленіи «Ухимерія» съ Сваніей и Скимніей, видѣть указаніе на связь между той или иной судьбой этой крѣпости и доступомъ въ указанныя области. На самомъ дѣлѣ, то, что Прокопій говоритъ далѣе о слѣдствіяхъ захвата персами «Ухимерія», что они чрезъ это не только въ высшей степени укрѣпили свое положеніе въ Лазикѣ, но оказались фактически обладателями Скимніи и Сваніи (VIII, 16, 14), свидѣтельствуегъ, что захватъ «Ухимерія» имѣлъ особое значеніе для утвержденія власти персовъ именно въ этихъ областяхъ. Но обладаніе «Ухимеріемъ» = Кутансомъ, а не какою-либо болѣе близкою къ Сваніи и Скимніи крѣпостью, еще не открывало для персовъ прямого доступа въ эти области, и не затрудждало само по себѣ совершенно пути для ромеевъ и лазовъ въ указанныя страны.

Небезразлично, наконецъ, въ данномъ случаѣ, повидимому, и то обстоятельство, что въ дальнѣйшемъ, и у Прокопія и у Агаѳія, когда говорится о пребываніи персовъ въ Мухирисисѣ, ихъ экспедиціяхъ отсюда и возвращеніи туда, упоминается при этомъ еще всегда лишь Кутансѣ, но ни разу «Ухимерій», хотя послѣдній находился уже въ рукахъ персовъ, и по значенію долженъ былъ превосходить Кутансѣ съ его деревянной стѣной¹.

¹ Proc. De bellis, VIII, 17, 19, ed. Haury II, 579: ἐπὶ τε Κόταϊς [Κούταϊς L] καὶ Μοχίρῃσιν [Μουχίρῃσιν L] ἀπεχώρησαν. Agath. Histor. II, 22, ed. Niebuhr, 112: [Μερμερόης] πάλιν

Такимъ образомъ, не придавалъ употребленному Прокопіемъ выраженію «*ἔγγιστα*» значенія непосредственной близости или даже почти тождества съ Кутансомъ, естественно попятъ его въ болѣе растяжимомъ смыслѣ, и по-искать «Ухимеріа» въ нѣкоторомъ, хотя и недалекомъ отъ Кутанса, раз-стояніи, именно по направленію къ Сваніи.

Отъ обычнаго представленія о Кутансѣ и Ухимеріи отступаетъ уже Кохъ. Но онъ находитъ нужнымъ и самый Кутансъ, упоминаемый въ древнихъ памятникахъ, перенести на другое мѣсто, предполагал на мѣстѣ нынѣшняго Кутанса древній Археополь, главный городъ Лазики (помѣ-щаемый обычно въ Наколакеви). По его мнѣнію, древній Кутансъ, от-строенный персами для того, чтобы сдѣлать для ромеевъ невозможными сношенія между Археополемъ и Ухимеріемъ и лежащими далѣе къ сѣверу областями, долженъ былъ находиться сѣвернѣе нынѣшняго Кутанса, и мо-жетъ быть, это есть нынѣшняя крѣпость «Квишилеті» (*Quischilethi*): нахо-дись именно здѣсь, персы могли отрѣзать доступъ на сѣверъ своимъ про-тивникамъ¹. Развалины крѣпости, съ названіемъ «Кисорети», на 5-верстной картѣ 1912 г. отмѣчены подъ 42° 26' с. ш., и 60° 32' 30" в. д., въ 21 верстѣ отъ Кутанса, въ 25 отъ Мури². О положеніи «близкаго къ Ку-тансу» Ухимеріа авторъ съ опредѣленностью не высказывается. Для него однако, повидимому, было бы вполне возможно относить Ухимерію въ область Мури. Но въ гипотезѣ его относительно самаго Кутанса нѣтъ ни-какой необходимости, нѣтъ и твердыхъ основаній для нея.

Оставляетъ древній Кутансъ на мѣстѣ нынѣшняго, но отдѣляетъ отъ него «Ухимерію» и помѣщаетъ въ извѣстномъ отдаленіи Броссе. Въ замѣ-чаніи Прокопія, что когда округъ Мухирисисъ занятъ непріятелемъ, то нельзя пройти въ «Ухимерію» и въ Сванію, онъ усматриваетъ указаніе на положеніе Ухимеріа за предѣлами Мухирисиса, именно къ сѣверу. «Можетъ быть нужно, говоритъ онъ еще опредѣленнѣе, искать это мѣсто въ Леч-

ἐς τὰ Κοτάϊον καὶ Μουχερίσιον ἐπανῆκεν. III, 6, 148: οἱ δὲ ἐς Μουχερίσιον τε καὶ Κοτάϊον ταταγ- μένοι Πέρσαι; далѣе безъ Кутанса, 149—150: ἐπ' ἐκείνους τοὺς ἐκ Μουχερίσιδος ἐρχομένους. III, 7, 150: ἀφ' αὐτῶν ἐκ τὰ Κοτάϊου καὶ Μουχερίσιδος. III, 28, 208: [Ναχαραγὰν] ἐπὶ Κοτάϊον καὶ Μουχερίσιον ἵπρευστο; ниже: εἰς Μουχερίσιον ἵκοντο. IV, 15, 237—8: ἐπανήσαν ἐς τὰ τὸ Κο- τάϊον καὶ τὴν Ἰβηρίαν. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что это, съ точки зрѣнія гипотезы Дю-буа, могло бы быть объяснено и тѣмъ, что войско персовъ имѣло мѣстопробываніе въ Му-хирисисѣ (не только области, но и опредѣленномъ пунктѣ — городѣ, ср. Gros. II, 29, 18) и Кутансѣ, и объ «Ухимеріи» — крѣпости рядомъ съ Кутансомъ — не было нужды упоминать.

¹ K. Koch, Reise durch Russland nach dem kaukasischen Isthmus in den Jahren 1836, 1837 und 1838. II. Stuttgart und Tübingen 1843, 179—180.

² У Вахушта, перев. Джанашвили, 213 (Brosset, 378): «Къ сѣверу отъ Кутанса и къ западу отъ Ріона находится въ Квишилеті крѣпость, очень крѣпкая».

хумѣ, который и занимаетъ на дѣлѣ такое положеніе». Такъ какъ на картахъ нѣтъ подобнаго названія, то Броссе указываетъ на крѣпость Дехвиръ (Дехвири) на правомъ берегу верхняго теченія Цхенись-цкали. Эта крѣпость въ центрѣ Лечхума, по Вахушту, «есть глава Такверн [мѣстность отъ Горди до Кавказа]; ибо кто владѣеть ею, все прочее подчиняется тому». Броссе думаетъ, что несмотря на несходство названій, возможно, что это именно и есть «Ухимерій»¹.

Особаго вниманія предположеніе Броссе на себя, повидимому, не обратило, и общераспространеннымъ является мнѣніе Dubois de Montregeux². Между тѣмъ, не зная о «Схимарисъ» греческихъ памятниковъ VII в. и о «нимаръ» грузинскаго перевода, какъ мѣстѣ заключенія Максима³, и о возможности отождествить его съ Мури (поскольку близъ этой крѣпости указывается могила Максима и у Вахушта), Броссе указалъ независимо отъ этого, на основаніи общихъ лишь соображеній,

¹ M. Brosset, Additions et éclaircissements à l'histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'en 1469 de J.-C. St. Pétersbourg 1851, p. 102: Oukhimérium, château au voisinage de Cotatissium, et très bien fortifié; on ne pourrait y arriver, non plus que dans la Souanie, quand le canton de Moukhirisis était occupé par l'ennemi. La remarque de l'auteur grec semble indiquer que le fort Oukhimérium était pardela Moukhirisis, c. à. d. vers le N. Peut-être doit-on chercher ce lieu dans le Letchkhoun, qui est en effet dans une situation pareille. Quoi qu'il en soit, le nom ne se retrouve pas sur nos cartes. Проконій у Броссе цитируется по выпискамъ изъ латинскаго перевода у Stritter'a, IV, 74, 76, 77. При этомъ Броссе сообщаетъ, что въ одной граматѣ ок. 1510 г. № 5 груз. рук. 27 in fol. Спб. Азіатскаго Музея упоминается мѣстность въ Имеретин съ названіемъ Okhomira безъ обозначенія ея положенія. «Les deux noms» — говорится въ другомъ примѣчаніи, гдѣ приводятся слова Вахушта о Дехвири, — ne se ressemblent pas, mais il se pourrait que ce fût la même localité. («Дехвиръ» у Броссе здѣсь пишется «Dékhwir», но, повидимому, это опечатка вмѣсто «Dékhwir», какъ стоитъ въ его переводѣ географин Вахушта, p. 349). Далѣе, p. 104, это отождествленіе отнесено къ числу «довольно вѣроятныхъ». Въ рѣчи о Кутаисѣ, p. 99—100, «Ухимерій» не упоминается, и ставится лишь вопросъ: не «новый» ли городъ на лѣвомъ берегу Ріона, на равнинѣ, разрушили лазы, какъ слишкомъ доступный для непріятеля, такъ какъ часть города на правомъ берегу возвышается по крайней мѣрѣ на 60 сажней надъ Ріономъ. О положеніи Дехвири ср. Brosset, Rapport sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie. II (1850), p. 37: «tour de Dékhwir est sur une hauteur entre le ruisseau Geloanis-Tsqal et la Tsakhénis-Tsqal, entre Mizkheta et un autre village» — въ развалинахъ; въ 200 шагахъ другая башня, тоже въ развалинахъ; въ 7 верстахъ — Мури съ хорошей крѣпостью.

² Но напр. G. Merzbacher, Aus den Hochregionen des Kaukasus. I. Lpz. 1901, 286, считаетъ ошибочнымъ признаніе (у Mourier) крѣпости на правомъ берегу Ріона въ Кутаисѣ за «Ухимерій» (у автора «Uchomerion») Проконія.

³ Въ своемъ Rapport sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie. I (1849), p. 64—5, Броссе указывалъ въ числѣ видѣнныхъ имъ въ Мингреліи у князя Давида Дадіани грузинскихъ рукописей двѣ книги съ именемъ св. Максима Исповѣдника, одну, писанную на пергаментѣ церковнымъ письмомъ, и другую in 8°, начинавшуюся житіемъ Максима, замѣчаетъ: «Въ Мингреліи я слышалъ, что этотъ святой, которому посвящена церковь близъ Цагеръ (Tzagor), проповѣдывалъ нѣкогда христіанство въ этихъ странахъ и въ Сванетіи; но я не имѣлъ еще случая читать его житіе».

какъ на «Ухимерій» Прокопія, на мѣсто, которое всего лишь верстахъ въ 7 (по прямой линіи на 5-верстной картѣ 1912 г. — въ 4—4 $\frac{1}{2}$) отстоятъ отъ Мури. Уже это обстоятельство говоритъ за правдоподобность тождества: Ухимерій=Схимарисъ=Мури.

Самого Броссе отождествить Дехвири съ «Ухимеріемъ» побудило замѣчаніе Вахушта объ особомъ значеніи этой крѣпости¹. Но вполнѣ возможно, что въ эпоху лазской войны болѣе значеніе имѣла находившаяся столь близко отъ нея крѣпость Мури. Последнюю Вахуштъ самъ характеризуетъ какъ такую, которая никѣмъ не была взята и не подвергалась разрушенію². Она именно непосредственно запираетъ дорогу въ Сванію, охраняя проходъ чрезъ долину Цхенись-цѣали, и ея неприступность вызываетъ и нынѣ удивленіе путешественниковъ: какъ могли въ древности, безъ средствъ современной техники, воздвигать подобныя сооруженія³.

Когда въ VII в., послѣ побѣдъ Ираклія надъ персами, власть Византіи въ Лазикѣ была восстановлена въ полномъ объемѣ, византійское правительство опять могло пользоваться Лазикой и ея крѣпостями для ссылки осуждаемыхъ имъ лицъ, какъ дѣлалось это по временамъ и прежде. Для Максима, главнаго лица между сосланными туда въ 662 г. противниками моноелитства, Схимарисъ=Ухимерій и избранъ былъ, можно думать, какъ мѣсто заключенія наиболѣе суровое и притомъ, въ виду особо важнаго значенія этой крѣпости, особенно твердо держимое ромеями въ своихъ рукахъ. Его оттуда уже не переводили еще куда-либо, тогда какъ обоимъ Анастасіевъ вскорѣ же нашли нужнымъ перемѣстить изъ тѣхъ крѣпостей, гдѣ сначала ихъ заключили, въ другія. Если потомъ новый правитель Лазики рѣшилъ отправить и Анастасія апокрисиарія изъ крѣпости Phustas въ Схимарисъ,

---

¹ Въ пользу Дехвири можно бы, между прочимъ, сослаться еще на указанную выше мѣстную грузинскую легенду, по которой Максимъ жилъ именно въ селеніи Дехвири, здѣсь былъ убитъ и здѣсь первоначально похороненъ, сначала въ Чурисъ-цѣали, на мѣстѣ своего жительства, затѣмъ въ Коконне, потомъ было новое погребеніе близъ Цхетской церкви и уже послѣ всего этого онъ былъ положенъ въ Мури. Въ такомъ случаѣ нужно было бы предположить, что легенда заключаетъ въ себѣ отголоски историческаго преданія, хотя въ высшей степени искаженнаго, о заключеніи Максима въ крѣпости Дехвири и погребеніи его первоначально близъ этой крѣпости и о бывшемъ затѣмъ когда-то перенесеніи его мощей въ Мури. Однако, она могла образоваться и помимо такой фактической основы, въ виду развившагося со временемъ мѣстнаго культа св. Максима и соединенныхъ съ нимъ процессій. Только въ томъ случаѣ, если было бы установлено такъ или иначе лингвистическое тождество съ «Схимарисъ» («Ухимерій») не «Мури», а «Дехвири», необходимо было бы отказаться отъ предположенія о заключеніи Максима въ крѣпости Мури. Для вопроса о мѣстѣ погребенія его, очевидно, это было бы безразлично, такъ какъ легенда въ концѣ концовъ могилу его указываетъ всетаки въ Мури.

² Brosset, 351 = Джанашвили, 201.

³ Merzbacher, I, 321.

очевидно, для того, чтобы отягчить его судьбу, это также можетъ, между прочимъ, указывать на особую репутацію въ тѣ времена этой крѣпости, какъ мѣста заключенія.

Въ концѣ VII в. Лазика съ ея крѣпостями снова совсѣмъ уже выпала изъ-подъ власти Византіи, будучи передана арабамъ (695 г.) самимъ правителемъ ея, патрикіемъ Сергіемъ¹.

VII.

Препятствіемъ къ отождествленію «Ухимерія» Прокопія и «Схимариса» памятниковъ VII в. является, повидимому, различіе этихъ двухъ древнихъ наименованій, причѣмъ отъ обоихъ отличается новое «Мури»². Можно, однако, думать, что различіе между древними названіями на дѣлѣ обязано своимъ происхожденіемъ не болѣе какъ недоразумѣніямъ въ рукописномъ преданіи нѣкоторыхъ изъ тѣхъ памятниковъ, гдѣ встрѣчаются эти названія.

Характерно въ настоящемъ случаѣ и не безразлично уже то, что въ рукописяхъ сочиненія самого Прокопія названіе крѣпости, о которой идетъ рѣчь, передается неодинаково, такъ что приходится уже и тамъ дѣлать выборъ между двумя его формами.

Рукописное преданіе для второй тетрады труда Прокопія о войнахъ Юстиніана (V—VIII), сводится, по Компаретти и Гаури, новѣйшимъ издателямъ ея³, къ двумъ фамиліямъ, во главѣ которыхъ стоятъ кодексы:

¹ Theophanis Chronographia, a. 6189, ed. de Boor, 370: καὶ ἰστασίᾳς Σέργιος [Γεώργιος Vat. Palat. 395, Coisl. 133, Monac. 391], ὁ πατρίκιος τῆς Λαζικῆς, ὁ τοῦ Βαρνούχιου [Βαρνούχιος Coisl. 133, нѣтъ въ лат. перев.], καὶ ταύτην τοῖς Ἀραβῶν ὑπέταξεν. Въ прежнемъ изданіи вмѣсто ὁ τοῦ Βαρνούχιου читалось καὶ τοῦ Βαρνούχιου, и поэтому имя это прежде принималось за названіе какой-то неизвѣстной страны (ср. Martin въ Lebeau, Hist. du Bas-Empire, XII, 1831, 42, 3). Въ запискѣ Θεодосία гангрскаго упоминается Λεβάρνικιος ὁ πατρίκιος Λαζικῆς (Епиф. 12, 18, лат. пер. PL, 129, 683B=PG, 90, 195A: Lebarnicus patricius Lazicae). Можно поставить вопросъ, не есть ли этотъ Λεβάρνικιος и отецъ Сергія Βαρνούχιος въ дѣйствительности одно и то же лицо, и не является ли подлинною формою его имени Λεβάρνούχιος. По поводу этого имени можно вспомнить еще мірское имя царевича Петра Ивира въ сирийскомъ текстѣ его житія «Набарнугіос» (изд. Raabe, 4; Набронугіос 86). «На» и «ле» въ сирийскомъ письмѣ, какъ извѣстно, могли быть смѣшиваемы, и въ виду существованія имени Λεβάρνικ[οῦ?]киосъ можетъ являться вопросъ, не стояло ли въ греческомъ оригиналѣ житія именно это имя, а не Набарнугіосъ нынѣшняго сирийскаго текста. Въ грузинскомъ переводѣ съ сирийскаго «Набарнугіосъ», однако, замѣнено чрезъ «Мурваносъ», и Н. Я. Марръ полагалъ, что оно могло произойти изъ «Мурваніосъ» въ сирийскомъ письмѣ (Житіе Петра Ивира, Палест. Сборникъ, XVI, 2 [1896], XXVIII—XXIX).

² Совершенно неяснымъ для меня остается, на чемъ основывается у Dubois de Montpéreux, II, 72: «Onkhimerion ou Marium».

³ La guerra Gotica di Procopio di Cesarea. Testo greco emendato sui manoscritti con traduzione italiana a cura di D. Comparesi. I—II—III. Roma 1895—6—8. Procopii Caesariensis opera omnia. Recognovit J. Hauriy. II. Lipsiae 1905. По вопросу о рукописномъ преданіи этой

ватиканскій — Vatic. gr. 1690, XIV в. — по Гаури [= *K*, фамилія *z*], начала XIII — по Компаретти [= *I*], половины XIII — по Крашенинникову, и флорентійскій — Laurent. 69, 8, XIV в. [= *L*, фамилія *y*, у Гаури, = *M* у Компаретти). Относительно разсматриваемаго названія лазской крѣпости, встрѣчаемаго у Прокопія 6 разъ, дѣло обстоитъ, по указаніямъ Компаретти и Гаури, въ поименованныхъ рукописяхъ слѣдующимъ образомъ¹:

	ed. Haury	cod. Vat. 1690 [= <i>K</i> = <i>V</i>]	cod. Laur. 69, 8 [= <i>L</i> = <i>M</i>]
1) VIII, 14,51	p. 565,15	φρούριον --, οὐδιμέρεος ἔνομα	οὐχειμέριον
2) 14,53	565,21	ἐς τὸ οὐδιμέρεος φρούριον	οὐχειμέρεος
3) 16,4	571,1	φρούριον ἐνδῶσειν τὸ οὐδιμέρεος	οὐχειμέριος ²
4) 16,12	572,15	ἐς τὸ οὐδιμέρεος ἐπεμψε	οὐχειμέρεος
5) 16,13	572,18	τὸ οὐδιμέρεος φρούριον ἔσχον	οὐχειμέρεος
6) 16,16	573,7	ἐν τε τῷ οὐδιμέρεος	οὐχειμέρεως ³

Такимъ образомъ, въ ватиканскомъ кодексѣ съ неизмѣнной послѣдовательностью проводится чтеніе οὐδιμέρεος, такъ какъ οὐδιμέρος (№ 3) нужно, очевидно, считать лишь за простую опіску, воспроизводимую и въ копіяхъ этой рукописи. Съ такимъ же почти постоянствомъ, если не въ самой флорентійской рукописи, то въ представляемой ею группѣ, предлагается, съ

тетрады и вообще сочиненія Прокопія о войнахъ ср. М. Крашенинникова, рецензію на I томъ изданія Компаретти въ ЖМНП, 1895, ноябрь, 123—158, статью «Къ рукописному преданію „Ἰπὲρ τῶν πολέμων“ Прокопія Кесарійскаго», въ Commentationes philologicae. Сборникъ статей въ честь И. В. Помяловскаго. СПб. 1897, 191—3, и статью «Къ критикѣ текста второй тетрады „Ἰπὲρ τῶν πολέμων“ Прокопія Кесарійскаго», въ ВВр, V, 1898, 439—482, съ дополненіемъ въ VI, 1899, 288—291 (ср. также XX, 1913, 216). Авторъ обѣщалъ, сверхъ того, особое изслѣдованіе съ детальнымъ опроверженіемъ построенія у Гаури общей стеммы рукописнаго преданія обѣихъ тетрадъ (ВВр, V, 474).

¹ У Гаури въ критическомъ аппаратѣ отмѣчаются псюду въ данномъ случаѣ только чтенія *K* и *L*, но если судить по изданію Компаретти, для *L* въ двухъ случаяхъ невѣрно (№ 3 и 6). Компаретти даетъ изъ использованныхъ имъ рукописей обильный матеріалъ, обременивъ его, однако, частью ненужнымъ балластомъ, какъ указалъ на это Крашенинниковъ въ своей рецензіи (128—9: *W* и *v* списаны съ *V*, *f* списано съ *m*, и отмѣчать ихъ варианты можно бы, для тѣхъ или иныхъ цѣлей, не всегда, а только въ случаяхъ какихъ-либо особо характерныхъ искаженій ими своихъ оригиналовъ; Компаретти же всюду ставитъ ихъ въ своемъ аппаратѣ). *W* у Компаретти (*f* у Гаури) есть Vatic. gr. 1301 в. XVI, *v* (*V*) — Vatic. gr. 152 XIV, *V* (*K*) — Vatic. gr. 1690 XIII, *f* (*d*) — Monac. 513 XVI, *Reg.* (*e'*) — Par. 1609 XV; *M* (*L*) — Laur. 69,8, XIV, *C* (*a*) — Ambr. A 182 XIV, *D* (*c*) — Ambr. A 52—55 XVI, *m* (*n*) — Monac. 87 XVI.

² У Гаури здѣсь показано подъ строкой οὐχειμέρεος *L*, но у Компаретти (III, 118,18) οὐχειμέριος *M* οὐχειμέρεος *CDmf* οὐδιμέρος *WvVf* (*margin.*) *L* [лейденская копія *Reg.*].

³ У Гаури οὐχειμέρεος *L*, но у Компаретти (III, 122,1) οὐχειμέρεως *M* οὐχειμέρεος *CDmf*. *H* [ed. Hösche] οὐδιμέρεος *WvVf* (*margin.*) *L*.

другой стороны, чтеніе *οὐχεμέρεος*, за исключеніемъ одного только случая, гдѣ стоитъ *οὐχεμέριον* (1); *οὐχεμέριος* (3) и *οὐχεμέρεω* (6) могутъ быть поняты какъ описки флорентійскаго кодекса, которыхъ притомъ же нѣтъ въ другихъ примыкающихъ къ нему рукописяхъ¹.

Что касается печатныхъ изданій, то текстъ прежнихъ издателей (Höschel 1607, Maltret 1662—3, Dindorf 1833) для второй половины труда Прокопія возводился къ двумъ лишь позднѣйшимъ рукописямъ. Изъ нихъ одна — Монах. 87, XVI в. примыкаетъ къ флорентійской, другая — Paris. 1699, XV в. (Höschel зналъ ее лишь по двумъ копіямъ) — къ ватиканской, но съ зависимостью и отъ флорентійской². Чтеніе *Οὐχεμέριον*, встрѣчающееся въ одномъ случаѣ (№ 1) въ Монах. 87, они ввели въ свой текстъ и въ дальнѣйшихъ мѣстахъ (№ 2—5; 6: *ἐν τε τῷ Οὐχεμέρῳ*), гдѣ въ рукописи читалось иначе. *Οὐδμέρεος* и *οὐδμμερος* (№ 3), изъ Paris. 1699 и копій его, отмѣчается лишь въ вариантахъ³. Изъ новѣйшихъ издателей, Компаретти въ данномъ случаѣ всецѣло послѣдовалъ старымъ. Гаури, напротивъ, ставитъ вездѣ въ текстѣ чтеніе ватиканской рукописи *Οὐδμέρεος*, замѣняя этимъ же чтеніемъ и единичное *οὐδμμερος*.

Едва ли нужно и говорить о томъ, что сдѣлавшееся обычнымъ, благодаря старымъ издателямъ, «*Οὐχεμέριον*» въ отношеніи къ окончанію настолько слабо засвидѣтельствовано въ рукописномъ преданіи, что эти издатели и Компаретти не должны бы ставить его на мѣсто чтеній съ окончаніемъ *-εος*. Неясно лишь, слѣдуетъ ли разсматривать слово съ этимъ окончаніемъ въ существующемъ текстѣ Прокопія, какъ несклоняемое, или же какъ родительный падежъ отъ именительнаго на *-ος*.

Но выборъ между *οὐχεи-* и *οὐδι-* затруднителенъ. Въ настоящее время единогласно, повидимому, признается важное значеніе для установленія текста второй тетрады труда Прокопія той группы рукописей, которая представлена ватиканскимъ кодексомъ. Это значеніе отмѣчено было уже Компаретти⁴, затѣмъ въ особенности разъяснено Крашенинниковымъ⁵. Съ аргументаціей послѣдняго долженъ былъ согласиться и Гаури, дер-

¹ Изъ нихъ значеніе для критики текста можетъ имѣть, по Крашенинникову, Ambrog. A 182. ЖМНП, 1895, ноябрь, 129, а.

² Ср. Compagetti, I, p. XIII—XVI; Крашенинниковъ въ ВВр, 1898, 475—6; Гаури, I, p. LV.

³ Ср. Dindorf въ Corpus scr. hist. byz. II, 2, 536, а, 536, в, 541, а, 542, а, 542, в, 543, в; въ послѣднемъ случаѣ указывается, что въ изданіи Höschel'я здѣсь принято *ἐν τε τῷ Οὐχεμέρεος*.

⁴ Compagetti, I, p. XVII.

⁵ ЖМНП, 1895, ноябрь, 132—3; статья въ Comment. philologicae; ВВр, 1898, 475.

жавшійся сначала другого мнѣнія; въ своемъ изданіи онъ вообще послѣдовательно проводитъ чтенія Vat. 1690¹, — этимъ объясняется появленіе у него и «Οὐδεμέρεος». Однако, преимущество въ общемъ преданія, выражаемаго ватиканской рукописью и ея копіями, не обуславливаетъ еще правильности его и во всѣхъ отдѣльных случаяхъ. Компаретти, говоря о превосходствѣ вообще чтеній этихъ рукописей, замѣчаетъ въ то же время, что «во многихъ мѣстахъ, чтеніе, даваемое ими, неправильно, и слѣдуетъ предпочесть ему чтеніе другихъ кодексовъ, — такъ что нельзя было бы дать текстъ цѣликомъ лишь по этимъ (ватиканскимъ) кодексамъ»². Почему именно и по отношенію къ «Οὐδεμέρεю» онъ хочетъ держаться флорентійскаго преданія и старыхъ изданій, а не принимаетъ чтенія ватиканской рукописи, неясно. Но во всякомъ случаѣ нужно признать, при имѣющихся нынѣ данныхъ рукописнаго преданія Прокопія, одинаково возможными и Οὐδεμέρεος, и Οὐδεμέρεος³.

Ясно, что расхожденіе двухъ группъ рукописей началось послѣ какого-то общаго для обѣихъ архетипа, въ которомъ -*χι*- или -*δι*- было написано такимъ образомъ, что можно было прочесть и такъ, и иначе; палеографически такое написаніе возможно. Было ли проведено то и другое чтеніе съ полною послѣдовательностью уже въ тѣхъ первыхъ копіяхъ этого архетипа, которыя легли въ основу нынѣшнихъ двухъ группъ рукописей, или же это единообразіе въ каждой изъ нихъ явилось результатомъ какихъ-либо дальнѣйшихъ исправленій, неизвѣстно.

Интересно то обстоятельство, что подобное же разногласіе рукописнаго преданія въ тѣхъ же книгахъ труда Прокопія имѣетъ мѣсто по отношенію и къ другимъ кавказскимъ географическимъ названіямъ, именно — къ упоминаемымъ наряду съ Οὐδεμέρεος — Οὐδεμέρεος Мухирисису и Кутансу.

Для перваго названія въ рукописяхъ стоитъ:

¹ Ср. Haury, I, p. LVIII.

² Comparetti, I, p. XVII; ср. у Крашенинникова въ ЖМНП, 1895, ноябрь, 127.

³ Если главною особенностью флорентійскаго преданія являются, какъ устанавливаетъ Крашенинниковъ, интерполяціи, то по крайней мѣрѣ первая копія съ предполагаемаго архетипа, дававшая поводъ своимъ двусмысленнымъ письмамъ къ недоразумѣніямъ, будучи родоначальницей флорентійской фамиліи въ отношеніи къ тѣмъ или инымъ разночтеніямъ, отъ этихъ интерполяцій могла быть еще свободна. Недоразумѣніе относительно нѣкоторыхъ собственныхъ именъ могло быть при этомъ на сторонѣ писца не этой копіи, а той, которая легла въ основу другой фамиліи, сохранившей въ другихъ отношеніяхъ первоначальный текстъ въ гораздо болѣе исправномъ видѣ.

	ed. Haury	K [V]	L [M]
1) VIII, 1,5	p. 488,18	μοχήρησις	μουχέρησις
2) 14,45	564,16	ἐς μοχέρησιν	μουχέρησιν
3) 14,45	564,19	μοχήρησις	μουχέρησις ¹
4) 14,54	566,1	ἐν μοχηρίσιδι ὄντων	μουχαίρισιδιόντων
5) 16,14	572,22	ἐκ μοχειρίσодος	μουχειρίсидος ²
6) 16,22	574,7	κατὰ τὴν μοχέρησιν	μουχέρησιν
7) 17,19	579,12	ἐπὶ - μοχέρησιν	μουχέρησιν

Съ одной стороны, въ ватиканскомъ кодексѣ выступаютъ *μοχήρησις* (№ 1,3), *μοχήρησις* (4,7), *μοχέρησις* (2), *μοχειρίσις* (5,6), съ другой, во флорентійскомъ регулярно повторяется *μουχέρησις*, за двумя лишь исключеніями—*μουχαίρησις* (4) и *μουχειρίσις* (5). Ватиканскій кодексъ, такимъ образомъ, здѣсь обнаруживаетъ уже, въ отличіе отъ постоянства, съ какимъ въ немъ проводится *οὐχίμερος*, довольно значительную непоследовательность. Вполнѣ устойчивымъ на той и другой сторонѣ является начало слова, *μοχ-* въ ватиканскомъ кодексѣ, *μουχ-* въ флорентійскомъ.

Старые издатели принимали вообще *Μουχέρησις*³, отмѣчая подъ строкой чтенія съ *μο-* изъ Paris. 1699 и его копій. Имъ слѣдуетъ и здѣсь Компаретти. Гаури, напротивъ, и здѣсь вводитъ чтеніе ватиканской рукописи въ формѣ *Μοχήρησις*.

Очевидно, въ томъ же архетипѣ, который далъ поводъ къ разнымъ чтеніямъ, *-χει-* и *-δι-*, въ *οὐχίμερος* — *οὐχίμερος*, и гласный звукъ въ первомъ слогѣ *μουχέρησις* — *μοχει[η]ρη[ι]σις* былъ изображенъ такъ, что можно было при извѣстныхъ условіяхъ прочитатъ и *ου*, и *ο*. Сочетаніе *ου* въ греческомъ письмѣ съ древнѣйшихъ временъ часто являлось въ видѣ лигатуры *ϝ*, въ комбинаціи же съ дальнѣйшимъ *χ* это *ϝ* дѣлалось весьма похожимъ на *ϗ*, отличаясь отъ послѣдняго лишь небольшою чертой сверху, направленною вверхъ налѣво. Кромѣ того, въ курсивномъ письмѣ *ου* нерѣдко являлось въ видѣ *ο* съ небольшою дугою или чертой надъ нимъ, обозначающей *υ* (*ο̂*, *ο̃*). Возможность смѣшенія *ου* и *ο* отсюда объясняется весьма легко.

Разсматриваемое названіе встрѣчается въ греческихъ памятникахъ и

¹ У Гаури подъ строкою показано только *μουχέρησις* L, у Компаретти (III, 110,6) *μοχέρησις* Wf (marg.) Reg. *μοχήρησις* vV.

² У Компаретти (III, 121,6) *μουχειρίсидος* MCDmf *μουχειρίсидος* WvVf (marg.) L. Не есть ли *μουχειρίсидος* у Гаури лишь опечатка?

³ При этомъ для № 4, по Dindorf, 536,14, Maltret *Μουχηρήσиди*, Höschel *Μουχερίσι*, самъ Dindorf *Μουχερήσι*.

помимо второй тетрады сочинения Прокопия. Но и здѣсь оказываются разногласія. Одинъ разъ оно упоминается въ первой тетрадѣ (имѣющей особое отъ второй рукописное преданіе), II, 29,12 (ed. Hauray, I, p. 297,17) въ видѣ *μοχῆρησις* въ Ottob. gr. 82, XIV в., и *μοχόρησις* въ Paris. gr. 1702, XIV в. *Μοχῆρησις* здѣсь оставлено въ текстѣ и у прежнихъ издателей; для Гаури оно, повидимому, служило частью основаніемъ предпочесть его другимъ чтеніямъ и въ самой ватиканской рукописи второй тетрады. Но иначе читается это названіе въ рядѣ мѣстъ (6) исторіи Агаѳіа. Здѣсь вездѣ, безъ отступленій, въ существующихъ изданіяхъ¹ засвидѣтельствована форма *μουχείρισις* (ed. Niebuhr, II, 19, 105,8, III, 6, 148,13-14, 29, 203,12, 203,21: *εἰς* [*εἰς*], *ἐπὶ μουχείρισιν*, III, 6, 149,19, 7, 150,22: *ἐκ μουχείρισιδος*). Для старыхъ издателей труда Прокопіа она могла служить подтвержденіемъ принятаго ими *Μουχείρησις* во второй тетрадѣ². Такимъ же подтвержденіемъ для чтенія съ *ου* въ первомъ слогѣ является и *μουχορίσιν* въ письмѣ Анастасія (Епифановичъ, 9,25).

Въ итогѣ, болѣе данныхъ за принятіе въ текстъ второй тетрады *μουχείρησις* или *μουχείρισις*, хотя остается неяснымъ появленіе *μοχῆρησις* въ первой тетрадѣ, а странное на первый взглядъ *μοχόρησις* находитъ даже какъ будто неожиданное подтвержденіе въ *μουχορίσιν* Анастасія для *о* во второмъ слогѣ.

Неменьшія затрудненія представляетъ и вопросъ о названіи Кутаиса у Прокопіа. Въ рукописяхъ читается:

	ed. Hauray	K [V]	L [M]
1) VIII, 14,48	p. 565,3	κοτάις αὐτὸ χαλοῦσι	κουτατοῦσιν
2) 14,48	565,14	τοῦ δὲ κοτάις ἄγγιστα	κουτατισίου
3) 16,16	573,5	ἐν κόταις	σκόταις
4) 17,19	579,11	ἐπὶ τε κόταις	κούταις

Ватиканскій кодексъ имѣетъ лишь несущественныя различія въ удареніи для проводимой имъ всюду формы *κοτάις* — *κόταις*. Но флорентійская

¹ Нибуръ имѣлъ для своего изданія (въ боннскомъ *Corpus scr. hist. byz.* III, 1828) *cod. Rehdigeranus* a. 1560, и *cod. Lugdun.* s. XIV, по которому раньше издалъ Агаѳіа *Vulcanius* (1594); ватиканскимъ кодексомъ, по которому сдѣлалъ нѣкогда переводъ Агаѳіа на латинскій языкъ *Perizon*, онъ не пользовался, но *Rehdigeranus*, по его предположенію, есть копія ватиканскаго. Диндорфъ въ своей перепечаткѣ (*Historici graeci minores*. II. Lipsiae 1871) лишь обѣщалъ въ предисловіи дать въ невышедшемъ III томѣ сличеніе кодексовъ, и ватиканскаго кодекса тоже не имѣлъ при печатаніи текста.

² Ср. ссылку на Агаѳіа *Maltret*, въ изданіи Прокопіа Диндорфа, II, 536,14.

рукописъ здѣсь во всѣхъ 4 случаяхъ даетъ частью весьма несходныя одно съ другимъ чтенія.

Въ текстѣ editio princeps Гёшелемъ и были нѣкогда приняты изъ его источника всѣ эти различныя чтенія. Мальтрэ и за нимъ Диндорфъ избрали для текста *Κουτατίσιον* (№ 1 и 4, 2: *Κουτατίσιου*, 3: *ἐν Κουτατίσιῳ*). Компаретти печатаетъ всегда *Κοταίς*, Гаури *Κόταίς*.

Κοταίς подтверждается чтеніями (5) въ рукописяхъ исторіи Агаѳіи (ed. Niebuhr, II, 19, 105,8, III, 6, 148,14: *ἐς κοταίσιον*, 7, 150,22: *ἐκ τε κοταίσιου*, 28, 203,11: *ἐπὶ κοταίσιον*, IV, 15, 237,22—238,1; *ἐς τε τὸ κοταίσιον*); прибавлено лишь греческое окончаніе *-ιον*, сократившееся въ *-iv* (въ такомъ видѣ и печатаетъ его Нибуръ, тогда какъ въ болѣе раннихъ изданіяхъ стоитъ *Κουτατίσιον*). Если это есть вѣрное чтеніе, въ такомъ случаѣ *κουτατίσιου*, равно какъ и *κουτατίσιον*, которое скрывается, вѣроятно, за искаженіемъ *κουτατῶσιον*, соотвѣствующія древнему грузинскому *Qida-disi* (нынѣшнее — *Qidaisi*), нужно будетъ считать позднѣйшею поправкою въ *L [M]* со стороны какого-либо переписчика или корректора, знавшаго современное ему грузинское названіе. Нужно также будетъ предположить, что у лазовъ употреблялась форма этого имени безъ суффикса *-ад-*, ближе стоящая къ современному, а не болѣе древнему виду его у грузинъ. Однако, остается еще вопросомъ, насколько можно довѣрять въ этомъ случаѣ, хотя бы и единообразному, чтенію въ *K [V]* и въ сохранившихся рукописяхъ Агаѳіи, не болѣе ли правильна, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ началу слова, не *хот-*, а другая форма, *хут-*, хотя одинъ разъ она искажена въ *L [M]* въ *схот-*¹. Расхожденіе двухъ преданій и здѣсь можетъ

¹ Нужно имѣть въ виду, что на чтеніе съ *хот-* могло вліять сближеніе греками этого кавказскаго названія съ гораздо болѣе извѣстнымъ имъ *Κοτιάειν* во Фригіи, причемъ оно могло отразиться уже на самомъ Прокопѣ. Самъ Прокопій именно и говоритъ даже (съ ссылкой на Аріана), что лазы собственно лишь исказили, будто бы, греческое названіе, когда стали называть этотъ городъ по своему. VIII, 14, 48—49, ed. Haury, II, 565: *Κοτιάειν [K Maltret, κοταίσιον L Hübisch. Dind. Compar.] δὲ τότε τὸ φρούριον ὀνόμαζετο τῇ Ἑλλήνων φωνῇ, νῦν μὲν τοι Κόταίς αὐτὸ καλοῦσι. Λαζοὶ τῇ τῆς φωνῆς ἀγνοίᾳ τὴν τοῦ ὀνόματος διαφθείροντες ἁρμονίαν. ταῦτα μὲν Ἀριανὸς οὕτως ἰστορήσεν. ἕτεροι δὲ φασὶ πολλὸν τε γεγονέναι ἐν τοῖς ἄνω χρόνοις τὸ χωρίον καὶ Κοταίσιον [L Hübisch, χίτεον K, Κουταίαν Maltre. Dind. Compar. — маргинальная поправка Hübisch'я] καλεῖσθαι. ἔνθεν τε τὸν Αἰτήτην ὠρμησθαι, καὶ ἀπ' αὐτοῦ τοὺς ποιητὰς αὐτὸν τε Κοταίᾳ [κοταίᾳ K, κοίτην L Hübisch., Κοταίᾳ Dind. Compar.] καὶ γῆν τὴν Κολχίδα Κοταίᾳ [K, κοταίᾳ (не L, какъ у Haury, но по Compar. Cdf=) acd Hübisch., κοταίγγιδα L, Κουταίδα Dind. Compar.] καλεῖν. У Стефана византийскаго, *Ethnicorum quae supersunt*, ed. Meinekii, 1849, p. 398—9: *Κύτα, πόλις Κολχικῆ, πατρὶς Μηδείας. - ὁ πόλις Κутаῖος, ἐξ οὗ καὶ Κутаίος. - τὸ Θηλυκὸν Κουταίᾳς. - λέγεται καὶ Κутаίς ἀπὸ τοῦ Κутаῖος. Фриγίскій Κοτιάις имѣется въ рукописяхъ труда Стефана въ формѣ Κοτιάσιον и Κοταίσιον (p. 379). О возможности объясненія названія *Κύτα* изъ абхазскаго языка см. Н. Я. Марръ, Изъ лингвистической поѣздки въ Абхазію, въ ИАН, 1913, № 6, 323.**

быть объясняемо двусмысленнымъ написаніемъ этихъ комбинацій въ архетипѣ.

Изъ сказаннаго можно видѣть, что данныя рукописнаго преданія Проконія по отношенію къ указаннымъ именамъ сами по себѣ, безъ постороннихъ аргументовъ въ пользу того или другого чтенія, оказываются далеко недостаточными для какихъ-либо твердыхъ выводовъ. Приходится лишь, съ очевидною необходимостью, предполагать въ одной изъ двухъ группъ рукописей искаженіе чтенія архетипа вслѣдствіе смѣшенія сходныхъ начертаній для комбинацій разныхъ буквъ (ϑ = χ ei, $\sigma\chi$ = $\sigma\chi$, $\sigma\tau$ = $\sigma\tau$).

Названіе крѣпости, куда заключенъ былъ св. Максимъ, сохранилось въ слѣдующихъ формахъ:

1) Въ запискѣ Θεοδοσία гангрскаго въ Vat. gr. 1671 л. 149, X в.: δ τοῦ αὐτοῦ κάστρου Σχημάρεως κόμης [κώμης изд.]¹.

2) Въ житіи, изданномъ у Комбейса по cod. Regius: εἰς ἐν τῶν κατὰ τὴν Ἀλανίαν κάστρων, Σχιμαρίν οὕτω λεγόμενον².

3) Въ житіи этой же редакціи, въ Моск. Син. рук. 391 л. 150 об., XV в. (копія, по Муретову, съ рук. XII—XIII в.), здѣсь читается Σχημάριον³.

4) Въ той же редакціи, въ cod. ducis Sabaudiae, по указанію Пинія: Σχημάριον⁴.

5) Въ житіи другой редакціи въ Моск. Син. рук. 380 л. 251 об., 1022 г., въ извлеченіи изъ письма Анастасія апокрисиарія: εἰς κάστρον λεγόμενον Σχιμαρίν⁵.

Въ латинскихъ переводахъ греческихъ текстовъ сверхъ того имѣется:

6) Въ переводѣ письма Анастасія у Анастасія Библиотекаря: in castro Schemari vocitato, in Schemareos castrum, a via -- Schemareos castri⁶.

7) Въ переводѣ приведеннаго выше мѣста изъ записки Θεοδοσία въ изданномъ текстѣ у него же читается: comes ejusdem Chemareos castri⁷.

8) Въ переводѣ житія той редакціи, какаѣ впервые была издана Ком-

¹ Епифановичъ, 16,31-2.

² Combefis, I, p. XXVII=PG, 90, 108B.

³ У Муретова, 166,4, невѣрно показано «σχημάριον».

⁴ AASS, aug. t. III, 181E (примѣчаніе Пинія). У Муретова, 166,4 ошибочное указаніе: «S [=Sabaudicus] P [рукопись Понтана]: Schemarium.

⁵ Муретовъ, 168; Епифановичъ, 9 (подъ строкой).

⁶ По изданію Sirmond'a, PL, 129, 660A=PG, 90, 178C, 662A=175B, 662B=175C.

⁷ 687A=198D.

бечисомъ, сдѣланномъ съ неизвѣстной рукописи Понтаномъ: in quodam Alaniae castro (Schemarium vocant)¹.

9) Но въ переводѣ этого же житія у Морина, пользовавшагося тремя ватиканскими рукописями, здѣсь читается: quod Schimaris appellatur².

Имѣются, такимъ образомъ, Σχημαρίς, Schemaris (1,6) и Σχημάριον, Schemarium (3,8), Σχιμαρίς, Schimaris (2,9) и Σχιμάριον (4) и наконецъ, Σχιομάρίς, или, можетъ быть, Σχιομάρι[ο]ν (5); въ латинскомъ переводѣ встрѣчается еще Chemaris (7).

Окончаніе -ις засвидѣтельствовано несравненно лучше, нежели -ιον, въ виду въ особенности род. падежа Σχημάριως — Schemareos (1, 6, 7). Если встрѣчается иногда -ιον, то оно легко объясняется какъ раскрытіе нецрѣпильно предположеннаго сокращенія (въ вин. падежѣ) -ιν вмѣсто -ιον. Подобныя сокращенія въ собственныхъ именахъ у грековъ нѣкогда были весьма обычны³.

Но начало слова и здѣсь возбуждаетъ недоумѣніе: σχη- или σχι- стояло здѣсь первоначально. Анастасій Библіотекаръ, у котораго sche=σχη-, правда, свидѣтель болѣе древній (IX в.), чѣмъ сохранившіеся греческія рукописи съ написаніемъ σχι-, и σχη- читается и въ наиболѣе древнемъ греческомъ cod. Vat. 1671. Но и въ греческомъ оригиналѣ Анастасія, и въ указанномъ кодексѣ, въ виду греческаго итацизма, η могло явиться въ замѣну другого знака, выражавшаго звукъ «и», вслѣдствіе сближенія, напр., иноземнаго названія съ греческимъ σχῆμα. Σχιо- стоитъ слишкомъ изолированно, чтобы придавать ему серьезное значеніе; можетъ быть, это есть не болѣе какъ описка, вмѣсто σχοι- или просто σχι-.

Если сопоставлять φροῦριον Οὐχιμέρεος — Οὐδιμέρεος Прокопія съ χάστρον Σχημάρεως — Σχιμάρεως памятниковъ о Максимѣ, можно не обращать особаго вниманія на разность окончаній, какъ бы ни понимать находимую въ текстѣ Прокопія форму. Что окончанія собственныхъ именъ въ подобныхъ случаяхъ могли приводиться въ концѣ концовъ къ одному

¹ AASS, aug. t. III, 130F.

² Baronii Annales eccles. a. 657, n. 27 (t. XI, 1867, p. 489).

³ Ср. объ этомъ F. G. Benseler, De nominibus propriis et Latinis in iā pro iūs et Graecis in iā iū pro iās iōv terminatis. Lipsiae 1870. Въ греческихъ именахъ сокращенія часто встрѣчаются въ написаніи въ періодъ отъ половины I в. по Р. X. до «византійскихъ» временъ, но имѣются и у нѣкоторыхъ византійскихъ авторовъ (169). Къ приведеннымъ у Бензелера (176) примѣрамъ изъ Proc. De aedif.: Ἰλλύριον, Κιόνιον, Δορράχιον, нужно присоединить еще Δολεβιον (ed. Naugy, III, 2, 117,17); но на ряду съ этимъ у Прокопія еще больше именъ на -ιον.

виду, это показываетъ и тотъ фактъ, что обоимъ названіямъ въ рукописяхъ иногда усвоилось и окончаніе *-ισυ*: *Οὐχεμέρειον* и *Σχημαρίον* (*Schematicum*) — *Σχημάριον*.

Препятствіемъ къ отождествленію является собственно начало того и другого слова. Но нужно лишь нѣсколько далѣе провести высказанный выше соображенія по вопросу о происхожденіи въ сохранившихся рукописяхъ сочиненія Прокопія разночтеній въ указанныхъ географическихъ названіяхъ, чтобы видѣть, что оно можетъ быть устранено безъ особаго труда.

Дѣло въ томъ, что если начертаніе *ου* въ нѣкоторыхъ случаяхъ могло давать поводъ къ смѣшенію съ буквою *ο*, то столь же легко въ курсивномъ и минускульномъ письмѣ оно могло быть смѣшиваемо съ *σ*, когда послѣдняя составляла лигатуру съ дальнѣйшимъ *χ* или *θ* (также, напр., съ *τ*, *π*, *ς*) и превращалась въ овалъ или кругъ, прикасавшійся верхнимъ краемъ къ послѣдующей буквѣ, или соединенный съ нею линіей¹. Возможно, такимъ образомъ, что въ текстѣ Прокопія было сначала не *οὐχεμέρειος* и не *οὐδμερείος*, а *σχεμέρειος*, но потомъ какимъ-то переписчикомъ оно было прочитано и написано какъ *οὐχεμέρειος*, и кромѣ того возникла — или уже изъ *οὐχεμέρειος*, или же, можетъ быть, прямо изъ *σχεμέρειος* — еще болѣе искаженная форма *οὐδμερείος*. Неправильность — *ου* вмѣсто *σ* — распространилась на всѣхъ безъ исключенія извѣстныхъ нынѣ представителей рукописнаго преданія Прокопія.

Не невозможно при этомъ, повидимому, даже и то, что уже самъ Прокопій, имѣя предъ собою тотъ или иной письменный источникъ при изложеніи исторіи лазской войны (архивные документы, или же мемуары), прочиталъ названіе неизвѣстной ему помимо этого источника крѣпости какъ *οὐχεμέρειος*, вмѣсто *σχεμέρειος*, и неправильная форма могла такимъ образомъ восходить уже къ рукописи самого автора, а потомъ еще явилось лишь чтеніе *οὐδμερείος*.

Оригинальная форма названія при этой гипотезѣ предполагается сохранившейся не въ текстѣ Прокопія, а въ текстѣ указанныхъ памятниковъ о св. Максимѣ. Но допустимо (если признавать вообще тождество крѣпости, о которой говорится у Прокопія и въ этихъ памятникахъ) и обратное предположеніе, что въ документахъ VII в. стояло сначала *οὐχ[ι]μαρίς*, но замѣ-

¹ Ср. V. Gardthausen, Griechische Paläographie. 2 Aufl. B. II. Lpz. 1913, для *σχ*: Taf. № 4b 633 г., № 5 914 г., № 6 990 г., № 7 1045 г., № 9 1196 г. Для *ουχ*: № 7 1027 г. (приведенъ лишь одинъ примѣръ). Для *σθ* ср., напр., № 9 1231 г., № 10 1296 г. Съ начертаніемъ *σχ* весьма сходно также *αχ* (№ 6 972 г., № 7 1037 г., № 10 1296 г.).

нилось потомъ, по сходству $\sigma\upsilon\chi$ и $\sigma\chi$, чрезъ $\sigma\chi\eta[\iota]\mu\alpha\rho\iota\varsigma$. Разсуждая теоретически, и здѣсь, конечно, можно предположить восхожденіе позднѣйшихъ чтеній къ одному очень рано искаженному архетипу — списку письма Анастасія и записки Θεοδοσία, послужившему источникомъ всѣхъ дальнѣйшихъ сообщеній. Но въ общемъ форма $\sigma\chi\eta[\iota]\mu\alpha\rho\iota\varsigma$ имѣетъ и болѣе древнее, и болѣе разнообразное засвидѣтельство (латинскій переводъ IX в. и греч. рукописи X и XI вв.), нежели текстъ Прокопія (рукописи XIII—XIV вв.), и при настоящемъ положеніи данныхъ преимущество при выборѣ нужно отдать чтенію $\sigma\chi$ - въ памятникахъ о Максимѣ предъ $\sigma\upsilon\chi$ - и тѣмъ болѣе $\sigma\upsilon\delta$ - у Прокопія. Нужно имѣть въ виду и то, что если возможность ошибки въ данномъ случаѣ допустима, какъ замѣчено, даже и для самого Прокопія, коль скоро онъ пользовался лишь чѣмъ-то письменными сообщеніями, то Анастасій апокрисиарій и Θεοδοσία слышали названіе крѣпости непосредственно изъ устъ лицъ, какъ нельзя лучше освѣдомленныхъ въ этомъ. Въ ихъ собственныхъ писаніяхъ поэтому никакой ошибки не могло быть, и если она могла появиться, то уже со стороны переписчиковъ.

Различіе остается еще въ гласныхъ предполагаемаго $\Sigma\chi\epsilon\iota\mu\epsilon\rho\iota\varsigma$ Прокопія и $\Sigma\chi\eta[\iota, \iota\omega=\alpha\iota?]\mu\alpha\rho\iota\varsigma$ памятниковъ о Максимѣ. Но относительно перваго слога можно замѣтить, что при позднѣйшемъ одинаковомъ произношеніи у грековъ ι , η , ϵ (частію уже съ II в. по Р. Х., особенно же съ IV), эти написанія легко могли замѣнять другъ друга въ малоизвѣстныхъ собственныхъ именахъ. Что касается различія ϵ и α во второмъ слогѣ, то оно можетъ быть отнесено насчетъ особаго произношенія его туземцами (могъ быть звукъ средній между ϵ и α) и неодинаковой передачи слышавшими его отъ нихъ лицами въ VI и VII вв.; могло произойти въ теченіе столѣтія и измѣненіе въ произношеніи (переходъ отъ ϵ къ α). Аналогію представляютъ въ данномъ случаѣ Μουχέρησις [Μοχῆρησις] — Μουχέρισις ; Прокопія и Αγαθία и Μουχορίσις Анастасія апокрисиарія, также Βούχλος Αγαθία и Βουχέλους того же Анастасія; въ обоихъ словахъ видимъ одинаковый и поэтому въ какомъ-то отношеніи закономѣрный переходъ прежняго χ въ κ , чѣмъ бы этотъ переходъ ни объяснялся¹.

Какимъ образомъ возникла грузинская передача для $\Sigma\chi\eta[\iota]\mu\alpha\rho\iota\varsigma$ у Евѳимія — «нимаръ», не ясно. Можетъ быть, и ея происхожденіе нужно

¹ Примѣромъ неодинаковой передачи туземнаго названія въ одно и то же почти время можетъ служить наименованіе крѣпости у Ργος. VIII, 10, 1; 17, 16: Τζιζλη (съ вариантами въ рукописяхъ) и у Αγαθ. IV, 16: $\text{τὸ φρούριον τὸ Τιβέλεος}$. Ср. также указанную выше неодинаковую передачу по-русски названій «Лафск[х]али», «Лаискальдъ», «Лапсхалдъ».

объяснять не изъ лингвистики, а изъ палеографіи. Весьма возможно, что въ основѣ здѣсь лежитъ тоже просто лишь неотчетливо написанное и неправильно прочитанное греческое <σ>υχη[ι]μαρις. Въ греческомъ письмѣ σ, сближаясь иногда по начертанію съ о и ου, могла принимать, между прочимъ, и слишкомъ миниатюрные размѣры почти точки, и потому при чтеніи малозвѣстнаго слова могла быть при случаѣ незамѣчена. Подобное же происхождение могъ имѣть и неизвѣстно откуда взятый «Химарь» славянскаго перевода дѣяній ап. Андрея. Въ томъ и другомъ случаѣ для уясненія вопроса требовалось бы прежде всего по возможности полное изслѣдованіе рукописнаго преданія соответствующихъ греческихъ текстовъ. Не менѣе необходимо подобное же изслѣдованіе и преданія грузинскихъ текстовъ какъ о Максимѣ, такъ и объ ап. Андрѣ. Въ Chetageos у Анастасія Библіотекаря нужно видѣть, вѣроятно, ошибку латинскаго писца.

Весьма важно было бы установить съ точностью отношеніе мѣстнаго, употребляемаго въ живомъ языкѣ кавказскаго названія «Мури» къ древнему Σχη[ι, ει, ιο=οι?]μα[ε]ρις. Вопросъ о мѣстѣ заключенія Максима рѣшался бы, можно сказать, окончательно, если бы оказалось возможнымъ научно доказать лингвистическое тождество этихъ названій и выяснить способъ возникновенія «Мури» изъ «Схимарисъ».

Прот. Кекелидзе попытался объяснить «Мури» какъ составную часть греческаго «Σχημαρις». «Σχημαρις» есть, по нашему, сумма двухъ чисто грузинскихъ словъ измѣнившихся въ греческомъ произношеніи: Σ(ι)χη+Μουρις=Цихе-Мурисъ, изъ коихъ послѣднее, „Мурисъ“, есть форма родительнаго падежа отъ Мури. Цихе-Мурисъ значитъ крѣпость Мурская, или, точнѣе, крѣпость мѣстности Мури, крѣпость, находящаяся въ мѣстности Мури»¹.

Но Н. Я. Марръ, въ отвѣтъ на обращенный къ нему мною вопросъ о возможности такого словопроизводства, въ письмѣ отъ 9 декабря 1913 г. не нашелъ возможнымъ согласиться съ нимъ. «Этимологія Σ(ι)χη+Μουρις остроумна, но не вижу для нея ни почвы, ни поддержки: 1) что значитъ въ такомъ случаѣ Mur-? 2) Поставивъ этотъ вопросъ, становимся передъ другимъ: какого времени терминъ? а) Если позднѣйшаго, то есть послѣ VII—VIII-го вѣка, то слѣдовало бы ему звучать Muris-siqe (Μουρις σ(ι)χη), а не Siqe-Muris; б) если это древнѣй терминъ, до VII-го вѣка, то ни въ Лечхумѣ,

¹ ТрКА, 1912, сентябрь, 35.

ни вообще въ западной Грузіи географическіе термины нельзя объяснять коренными грузинскими (картскими) словами, во всякомъ случаѣ надо привести спеціальное обоснованіе исканія картской этимологіи, а раньше всего надо бы исчерпать средства тубал-кайнскихъ языковъ, т. е. лазскаго и мингрельскаго, да и сроднаго съ ними доброй половиной своей природы сванскаго или специфически сванскаго коренного слоя... Засимъ, почему расклинивать вновь вводимымъ гласнымъ (i) согласные sq (sx), когда это — обычная излюбленная тубал-кайнская (лазская=чанская, мингрельская, а отчасти и сванская) группа согласныхъ».

Въ дѣйствительности, при объясненіи названій «Схимаристъ» и «Мури» не должно, казалось бы, упускать изъ виду, и того факта, что частью рядомъ съ нынѣшнимъ Мурп, частью въ сосѣдней Сваніи, можно встрѣчать географическія наименованія, которыя звучатъ весьма сходно съ древнимъ Схимарисомъ. Верстахъ въ двухъ къ с. отъ Мури отмѣчается рѣчка «Цхмелури» (на 5-верстной картѣ 1912 г.). Въ княжеской Сваніи, какъ уже было указано, имѣется общество «Цхмари» или «Цхма», или, по написанію на иконахъ, «Цхемирисское». Начальные звуки въ «Схимаристъ» напоминаютъ также Сухумъ—«Цхумъ», хотя онъ находится уже довольно далеко отъ Мури.

Относительно этихъ аналогій Н. Я. Марръ въ упомянутомъ письмѣ замѣчаетъ, что «греческое sx можетъ передавать не только sq (sx), но и шq (шх), посему основа sxom || sxim || sxm [я бы сказалъ и: *sxum]¹ могла

¹ Σχοm поставлено здѣсь у Н. Я. Марра въ виду сообщеннаго мною, на основаніи Кекелидзе, 34, чтенія Моск. Син. рук. 380, но на дѣлѣ здѣсь оказалось sxom̄r̄m̄, и sxom̄r̄m̄ остается, такимъ образомъ, пока не засвидѣтельствованнымъ. Такое чтеніе, между тѣмъ, представляло бы особый интересъ. Двугласное oi въ греческомъ языкѣ, какъ извѣстно, долгое время звучало сходно съ u (франц. и, среднее между русск. и и ю), и только уже послѣ IX—X в. оба они окончательно отождествились съ i. Византійцы рассматривали u какъ ἀντίστοιχον — равнозначущее по звуку — въ отношеніи къ oi, и отсюда именно утвердилось въ греческомъ алфавитѣ названіе, очевидно — крайне условное, u ψιλόν — u простое — въ отличіе отъ oi δίφθογγος, подобно тому какъ и ε стали называть ψιλόν въ отличіе отъ совершенно тождественнаго съ нимъ въ позднѣйшія времена по звуку двугласнаго ai. См. R. Kühner, Ausführl. Grammatik der griech. Sprache. Bearb. von F. Blass. I, 1. Hannover 1890, 53, 51, 41. Σχοm являлось бы точнымъ эквивалентомъ предполагаемому Н. Я. Марромъ sxum. Естественно при этомъ вспомнить Скимнію, Σχιμνία, поставляемую у Проконія въ связи съ Сваніей и обычно раньше послѣдней (VIII, 2, 28 [въ рук. здѣсь, по Наугу, II, 494, 10, σχιδία K, σχιδία L], 16, 14; но 14, 53, Сванія раньше), едва ли не тождественную, по видимому, лингвистически съ Лечхумомъ, территориально совпадающую, можетъ быть, съ южной частью Сваніи (Дадіановская Сванія). Равенство u=oi можетъ, между прочимъ, объяснять Κότα=Κοίτατον. Значеніе основы ḡum, ḡum (въ Цхумъ=Сухумъ и Лечхумъ) пытается опредѣлить, между прочимъ, I. Орбели, Городъ близнецовъ Διοσχοῦρις и племя возницъ Ἰνίσχοι, въ ЖМНП, 1911, май, 202—209, и полагаетъ, что она означаетъ «близнецы, двойни» (Сухумъ=Διοσχοῦρις).

быть представлена въ мѣстныхъ языкахъ не только $sq̄əm < sq̄im || sq̄um > sq̄wm$, но и $шq̄əm < шq̄im || шq̄um > шq̄wm$, а съ подъемомъ $s > š || ш > ʃ$, праформы должны были или могли звучать $šq̄um$ (цхум-) || $ʃq̄um$ (чхум-). Что касается суффикса -аг, то «онъ рѣшаетъ вопросъ въ смыслѣ отрицательномъ для картской (коренной груз.) этимологии. Это — суффиксъ мн. числа сванскаго языка. Онъ бываетъ представленъ, какъ и въ абхазскомъ, и въ видѣ -га, особенно въ названіяхъ деревьевъ; такъ слово *гробъ* св. $šq̄wm-ag$ могло звучать по свански и $šq̄wm-га$ ($< šq̄um-ag$). Однако, искать этимологию нашего географическаго термина пока рано, сопоставить же его я скорѣе могъ бы, подобно Вамъ, съ сванскимъ названіемъ селенія $šq̄umag$ съ одной оговоркой, именно съ той, что $šq̄umag$ ’овъ, географическихъ пунктовъ, могло быть нѣсколько; кромѣ того, взявъ разновидность $šq̄um$ (чхум), мы невольно становимся передъ вопросомъ о связи термина съ $le-šq̄um$ (Лечхумъ), что какъ извѣстно представляетъ сванскую форму именно мѣста ($le-$) отъ той же въ такомъ случаѣ основы ($šq̄um = чхум$), отъ которой образовано сванское мн. число на -аг: $šq̄um-ag$. Впрочемъ $šq̄um-ag$ (цхум-аг) по существу не измѣняетъ дѣла, это лишь карттизованная форма тубалкаинской основы $šq̄um$ (ц вмѣсто ч), очевидно, усвоенной и сванами. Замѣна -аг суффиксомъ -el на сванской діалектической почвѣ обычное явленіе (въ лашхскомъ говорѣ, напр., и въ другихъ) при образованіи мн. числа, посему $šq̄um-ag$ ($> šq̄umag$) || $šq̄um-el$ ($šq̄m-el$), а отсюда съ позднѣйшимъ грузинскимъ окончаніемъ прилаг. -иг совершенно правильно сопоставляемое Вами $šq̄m-el-иг$. Я беру лишь въ основныхъ точкахъ, притомъ одну линію, воздерживаясь пока по вопросу о соотношеніяхъ $šq̄umag$ и $himag$ и mig [во всякомъ случаѣ не на картской почвѣ, гдѣ эти величины несоизмѣримы] и не касаясь $Σχου(ι||η)μαρ-ις$ $Ουχημερις$ — Охвамеріани и Дехвири, гдѣ серьезный интересъ представляетъ лишь Ваше предположеніе объ опискѣ $ουχ$ вмѣсто $σχ$ ».

Вопросъ о лингвистическомъ тождествѣ «Схимарисъ» и «Мури» остается, такимъ образомъ, пока неяснымъ; рѣшить его можетъ лишь научно поставленная лингвистика, и рѣшенія нужно ожидать, разумѣется, прежде всего отъ дальнѣйшихъ изслѣдованій Н. Я. Марра.

Для неспеціалиста было бы, можетъ быть, слишкомъ рискованнымъ пытаться предупреждать это рѣшеніе. Но если имѣть въ виду, что недалеко отъ Мури сохранились названія, имѣющія одинаковое происхожденіе и значеніе съ древнимъ наименованіемъ этой крѣпости и болѣе или менѣе точно соответствующія первоначальной формѣ его, между тѣмъ нынѣшнее ея названіе является въ весьма измѣненномъ видѣ, то можно бы, повидимому,

сдѣлать предположеніе, не произошло ли это измѣненіе древняго названія вслѣдствіе какихъ-либо особыхъ обстоятельствъ, именно — вслѣдствіе посторонняго вліянія. Возможность въ данномъ случаѣ лингвистическаго воздѣйствія сторонняго фактора на мѣстную географическую номенклатуру, какъ кажется, вполне допустима, при имѣвшихъ на Кавказѣ мѣсто перѣднихъ передвиженій и взаимныхъ вліяній разныхъ народностей.

Кромѣ болѣе ранняго общаго движенія всѣхъ яфетидовъ — тубал-каиновъ (лазовъ и мингреловъ), свановъ и картовъ (грузинъ), Н. Я. Марръ отмѣчаетъ относящееся именно къ VII в. по Р. Х. и сопровождавшееся важными слѣдствіями движеніе картовъ на западъ¹. Но если Фіімаг и тиг на картской почвѣ оказываются несоизмѣримыми, то можно поставить, по крайней мѣрѣ, вопросъ, не должно ли считаться въ настоящемъ случаѣ съ фактомъ утвержденія на южномъ склонѣ Кавказскаго хребта «алановъ» именно въ данную эпоху. Если при этомъ аланы вообще подвергались вліянію окружающей ихъ среды, то въ свою очередь не могли ли и они оставить, въ лингвистическомъ отношеніи, слѣдовъ своего пребыванія, между прочимъ, и чрезъ видоизмѣненіе на свой ладъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ названій, именно — тѣхъ пунктовъ, которыми они болѣе всего могли интересоваться, хотя бы сами они потомъ совсѣмъ исчезли въ той или иной мѣстности, смѣшавшись съ инороднымъ преобладающимъ населеніемъ². Видоизмѣненное,

¹ Изъ поѣздокъ въ Сванію, ХВ, 1913, II, 33.

² Если допустить, что «аланы», находившіеся вблизи крѣпости Схмаристъ, были осетины, то объясненіе происхожденія «Мури» изъ «Схмаристъ» нужно искать въ осетинской фонетикѣ. Въ осетинскомъ языкѣ, хотя въ числѣ немногихъ группъ согласныхъ, допускаемыхъ въ началѣ словъ, имѣется и группа с+к, 'к, q, х, но сочетаніе схм невозможно, В. Миллеръ, Осетинскіе этюды. II. М. 1882, 91. Если древнее произношеніе названія лазской крѣпости, переданное у грековъ какъ схим-, было въ дѣйствительности близко къ схм (соотвѣтственно нынѣшнее картизонанное Цхмари и Цхмелури), такъ что могло слышаться и просто см-, то, предполагая, что и здѣсь нашла примѣненіе особенность осетинскаго языка (92) отбрасывать начальное с въ комбинаціяхъ с+и, с+м (хотя она констатируется собственно для индоевропейскихъ словъ), можно такимъ образомъ объяснить утрату у алановъ начала слова сх. Что касается гласной у въ «Мури», то переходъ а (иранскаго) въ у подвліяніемъ губной м (нерѣдкій вообще и въ разныхъ другихъ языкахъ) замѣчается въ дигорскомъ говорѣ, который именно и стоитъ ближе къ праосетинскому, нежели иронскій съ его туальскимъ подрѣзіемъ (44). Конечно, эти соображенія требовали бы подтвержденія прежде всего чрезъ указаніе какихъ-либо аналогичныхъ случаевъ въ отношеніяхъ осетинскаго языка къ другимъ, съ какими онъ входилъ въ соприкосновеніе. Но они, очевидно, устраняются въ томъ случаѣ, если вполне твердо будетъ доказано положеніе Н. Я. Марра, что кавказскіе ал(ан)ы не тождественны съ осетинами, и объясненія тогда нужно будетъ искать въ фонетикѣ того народа, съ которымъ аланы отождествляются. Сама по себѣ возможность утвержденія мѣстнаго названія въ искаженной стороннимъ вліяніемъ формѣ едва ли можетъ быть отвергаема. Извѣстно, напр.,—хотя это примѣръ нѣсколько иного рода,— что даже «Россіей» вмѣсто чисто русской «Руси» мы обязаны грекамъ.

гевр. искаженное, названіе подобнаго пункта могло затѣмъ утвердиться въ мѣстномъ населеніи, тогда какъ аналогичныя или тождественныя названія другихъ пунктовъ могли сохраняться въ то же время въ древней формѣ. Крѣпости, несомнѣнно, въ свое время и привлекали особенное вниманіе алановъ. Для Схимариса же Анастасіемъ апокрисиаріемъ отмѣчается, какъ особо отличающій его топографическій признакъ, близость его къ «народу такъ назыв. алановъ».

А. Бриллиантовъ.

Изъ аѳіопской отреченной литературы.

І. Псалмы, какъ заговоры.

Суевѣрное употребленіе Псалтири извѣстно едва ли не во всѣхъ странахъ христіанскаго міра — вся она служить для гаданія, отдѣльные псалмы имѣютъ спеціальное назначеніе, какъ заговоры и талисманы. Въ Абиссиніи, вслѣдствіе какъ необычайнаго развитія и прочности суевѣрій, такъ и исключительности мѣста, какое занимаетъ Псалтирь въ духовномъ обиходѣ, ея характеръ, какъ магической книги особенно замѣтенъ. Ея чтеніе, храненіе, ношеніе въ цѣломъ и частяхъ, считалось чудодѣйственнымъ. Что касается отдѣльныхъ псалмовъ, то ниже приводимый текстъ, является ихъ перечнемъ съ магической точки зрѣнія и даетъ предписанія объ ихъ употребленіи въ качествѣ заговоровъ.

Текстъ этотъ, написанный на 7 небольшихъ листахъ въ одинъ столбецъ четкаго, но поздняго (XIX в.) письма, и довольно неисправный, помѣщенъ въ принадлежащей мнѣ рукописи, полученной отъ М. И. Лебединскаго и содержащей значительное количество отреченныхъ молитвъ и заговоровъ, частью извѣстныхъ, частью еще не изданныхъ. Онъ писанъ разными чернилами и почерками и начинается съ половины строки, непосредственно примыкая къ предшествующему.

በስሙ : አብ : ወቀለዮ : ወዮንፈስ :
ቃይስ : ያእዮላዓ ::

ወዮንዮ : ሱበ : ትተኅለ : ሰፀ :
ወዒደ : በዐንሰት : ጸሐፈኅ : አስር :
በኅሳደ¹ ::

Во имя Отца и Сына и Св. Духа,
Единого Бога.

Первый (псаломъ) повторяй, когда
будешь садить дерево, а также при
беременности; написавъ, привяжи на
шею

---

¹ Sic.

፲፬ቀብእ : ቀተቀብእ¹ : ሶበ :
ይፋቱ : ፋቅረ : ሙሉ : ጥሉ : ሰብእ :
ድገዮ : ፯ጊዜ ::

፱ሶበ : ይጾጽእን : ለጸዮ :
ወጾንሱት : ድገዮ : ፯ጊዜ : ለጽዮ :
ጸይ : ወሰተይ : ወትድግን :: ለዘይ
ሰነር : ድገዮ : ፯ጊዜ : በጽዮ :
ጸይ : ወጾንድን ::

፲ሶበ : ይጾጽዮ : ሰብእ : ወይትፋ
ገረን : በሐሠዮ : ፯ጊዜ : ድገዮ :
ወስዮን : ወደፋቅረን : እንበለ² :
ትጥዕዮ : እነለ ::

፲፱፱ : ሶበ : ትቁድከ : ድገዮ :
፯ጊዜ : ወሊድብለን ::

፲፱፲ድገዮ : ፯ጊዜ : ሶበ : ይጾጽእ :
ፋርሃት : ወዳዲ : ድገዮ : ሶበ : ትበወእ :
ወስተ : ሀገር : ወደሀፈ : ለን ::

፲፱፯ድገዮ : ፯ጊዜ : ወጸሐፋ :
ወሶበ : ተሰርቀን : ንዋዋ : ወአስጸ
ተሆዮ : ዘተሐጸ : ወአኩበድ :
በጽብር : ወተወደ : ላዕለ : ለነታከ :
ወስተ : ጾቅፀተ : ጸይ : ወደይ :
ዘንተ : ጾከዮ : ወረቆ : ላዕለ :
ጸታለ : ወደሀፈ : ለን ::

፲፯ሶበ : ይትባላሰን : ሰብእ :
ወደፋቅድ : ይጽናከን : ድገዮ : ወይነረወ ::

፲፰ሶበ : ስእነት : ወለደ : ስእሲት :
ወንሀእ : ጾረተ : ጸዕተበ : ጾንገድ :

8-й. Надъ елеемъ и помазался,
когда хочетъ любви со всѣми людьми;
повтори 7 разъ.

9-й. Когда найдетъ на тебя порча
зубовъ³ (?) и искушеніе, повтори
7 разъ надъ чашей воды и вышей, и
спасешься. Для опившагося повтори
7 разъ надъ чашей воды и его отпу-
стятъ.

10-й. Когда удручить⁴ или бу-
детъ дурно говорить съ тобою, по-
втори 7 разъ и имя твое (?), до вку-
шенія пищи и онъ полюбитъ тебя.

12-й. Когда служишь литур-
гію(?), повтори 7 разъ, и не ска-
жетъ тебѣ(??).

13-й. Повторяй 7 разъ, когда
найдетъ страхъ; также повторяй,
когда входишь въ городъ, и будетъ
тебѣ хорошо.

15-й. Повтори 7 разъ и напиши,
когда у тебя будетъ похищено до-
стояніе, имена тѣхъ, кого ты про-
клинаешь; наполни глиной и положи
на lektās въ горшокъ съ водою и
положи этотъ псаломъ и окропи и
будетъ тебѣ хорошо.

17-й. Когда будутъ враждовать
противъ тебя люди и захотятъ схва-
тить тебя, повтори, и они расточатся.

18-й. Когда женщина не можетъ
родить, возьми прахъ.. (?) дороги,

¹ Повидимому текстъ не въ порядкѣ, что то пропущено.

² Если текстъ вѣренъ, то амхарское слово, означающее порчу зубовъ, какъ признакъ
близкой смерти. См. Guidi, Vocabolario s. v.

³ ? м. б. надо читать ይጾጽዮ.

⁴ አለ всг. Вѣроятно послѣдняя фраза должна стоять передъ ወደፋቅረን.

ወጸከፋ : ደበ : ጸሐለ : ወአኅበር :
ላዕለ : ርእሳ : ወተወለደ፡፡

፲፱ሶበ : ተሐውር : ኅበ : ነገሠተ :
ወጭሳንንት : ደ : ፻፺ዜ : በዚያት :
ወትረኢ : ዓበደ : ጮረተ¹፡፡

፳፱በእንተ : ንክሰተ : ወአረዊተ :
ሰብእ : ወእንሰሳ : ወይን : ወዔው :
አንበረኅ : ላዕሌሀ : ፻፺ዜ : ደ : ወዋሐዩ፡፡

፳፲ሶበ : ዋሐዩ : ሰብእ : ወይት
ጭጥ² : ጮንገለ : ጭሠረቅ : ደ፡፡
፻፺ዜ : ላዕሌሀ : ወዋሐዩ : ፡፡ ዓዲ :
ደ፡፡ ወስተ : ሴትኅ : ወአይዋርኅ :
አቀርብት፡፡

፳፻ሶበ : ደጭጽእ : ፋሊፍ : እኅደ :
አንብብ : በጋዋ : እጸፋኝዎ : ፻፺ዜ :
ወተኛፀብ : ኅሉእንታኅ : ወተሐዩ፡፡

[፳፭]ወሶበ : ደረቅዶ : ዋእኅ (?) :
ደ፡፡ ፻፺ዜ : ደ : ላዕሌሀ : ዘይት :
ወተቀላእ : ወእገዚአብሔር : ይሁብኅ፡፡

፳፯ሶበ : ትረኢ : አረዊተ : ጭርር
ሃን : ወሶበሂ : ትሰጾዕ : አውዋተ :
አንብብ : በኅሉሉ : ሠናይ : ወሶበሂ :
ይእኛዝ : ጋፈን : አንብብ : ለሰብእ :
በጋይ : ወዋሐዩ : ወጻፀብ፡፡

፳፰ : ሶበ : ገብረ : ለኅ : ፋውሰ :
አንብብ : በሴትኅ : እንበለ : ትጥዕጾ :
እክለ : ተኛፀብ : ወተሐዩ፡፡

፳፱ :: ሶበ : ዋሐዩ : ሰብእ :
አባሉ : ደ : ፻፺ዜ : በቅብእ : ወዕጥፍ :
ዓዲ : ደ : ለዘአኅ : ጋፈን : ጸሐፈኅ :
በተሰሸ : በጎዕ : ተባዕተ³ : ወአንብብ :

напиши на чашѣ, помѣсти на ея го-
лову, и родишь.

19-й. Когда пойдешь къ царямъ
и владыкамъ, повтори 7 разъ надъ
еелемъ, и узришь великую милость.

22-й. При укушеніи звѣрями
людей и животныхъ. Приложи на
него вино и соль, повтори семь разъ,
и будетъ живъ.

23-й. Когда захвораетъ человекъ
и обратится къ востоку, повтори
7 разъ надъ нимъ, и будетъ живъ.
Также повтори у себя въ домѣ, и
не приблизится скорпіоны.

24-й. Когда явится дурная мысль,
произнеси при богоявленской водѣ,
омойся весь, и будешь живъ.

25-й. Когда захотятъ тебя задер-
жать (?), повтори 7 разъ надъ еелемъ,
помажь себя, и Богъ дастъ тебѣ.

26-й. Когда увидишь страшныхъ
звѣрей и когда услышишь вопли,
произнеси во всемъ благолѣпіи, и
когда овладѣетъ демонъ человекомъ,
произнеси надъ водою, и онъ будетъ
живъ. Омойся.

27-й. Когда дѣлають тебѣ лѣ-
карство, произнеси у себя въ домѣ до
вкушенія пищи; омойся и будешь
живъ.

28-й. Когда заболитъ у чело-
вѣка тѣло, повтори 7 разъ надъ
еелемъ, помажь и окади его; также
повтори надъ одержимымъ демономъ,

¹ ጮረተ scr.

² ወተጭጥ scr.

³ ተባዕተ scr.

ጸሐፊ : ሐፍ : ነቢይት : አጽር :
ዐዲ : ወመዋድ : ሴተ'ሰ¹ : ወአደቀ
ርሰ'ሰ : ተ'ሰላ : ሴተ : አባገዐ ::

написавъ на . . . ягненка мужескаго
пола, и произнеси Книгу Анны Про-
рочицы, заставивъ его носить. Также
обойди домъ твой, и не приближайся
волки къ овчарнѣ.

፳፱ወ'ሰላ : ሰረሐ'ሰ : ዶግ :
፯ጊዜ : ወደቀድሞ'ሰ : ዶ : ፯ጊዜ :
በዐላት : ወ፯በሌሊት : ወሶስ :
ይትሐስር : ሰብእ : አገዛአብሐር :
ይፈትሐ :: በዕንግዜ : ለጥሂ : ዕንቡዝ :
ወበእንተ : ጋረን : ዶ : ፯ጊዜ : አጥጥፍ :
ወዋሐድ ::

29-й . . . . . повтори 7 разъ
днемъ и 7 разъ ночью, и если свя-
занъ человекъ, разрѣшить его Гос-
подь. При безуміи сердца безумнаго
и противъ демона повтори 7 разъ,
погрузи его, и будетъ живъ.

፴፱ : ሶስ : የሐዋዋ : ሰብእ :
ዶ : ፯ጊዜ : ወ'ሰላ : ፋረ : ሆሳዕፍ :
ወደደ : ወስተ : ሀዕጥ'ሰ : ጽዋሀ :
ወደን : ወይስተደ : ወዋሐድ : ዐዲ : ዶ :
ሶስ : ደበወእ : አዕህጥት : ወስተ :
ጉርዔሁ : ለሰብእ : ዶ : ፯ጊዜ : በቅብእ :
ይስተደ : ወዋሐድ ::

32-й. Когда заболѣетъ человекъ,
повтори 7 разъ и возьми «плоды
Осанны» и помѣсти на твою кость
(sic!) чашу вина; пусть онъ выпьетъ
и будетъ живъ. Также повтори,
когда упадутъ кости въ горло чело-
вѣка, повтори 7 разъ надъ елеемъ,
пусть онъ выпьетъ и будетъ живъ.

፴፱በእንተ : ዶንጋዔ : ፯ጊዜ : ዶ :
ሶስ : የሀዋዋ'ሰ : ዶ : ፯ጊዜ : እስ'ሰ :
ነሰ : ዶበለ : ለስተዋዎ² : በእንተ :
ሞገን : ጸሐፋ : ሐህረ : ንዋደ :
ወአነጥአዋ : ወሉደ : ለነፋስዋ ::

34-й — повтори 7 разъ противъ
смятенія; когда неправедны къ тебѣ,
повтори 7 разъ до: «оскорбляя ихъ»(?);
о мѣстѣ, напиши (какъ) ограду иму-
щества: «и безчадіе души моея».

፴፯ሶስ : የሀዋዋ'ሰ³ : ሰብእ :
ወዋሐዝነ'ሰ : ለሰ'ሰ : ቀትረ : ጥላት :
ወትደንን ::

35-й — когда несправедливы къ
тебѣ люди и печально сердце твое,
въ полдень, и спасешься.

፴፯ሶስ : የሐዋዋ : ሰብእ : ሀይኖ :
ቁጽለ : ብርሰኖት : ወገበር : ቀለፍ :
ወጸሐፋ : ወስተ : ገጽ'ሰ : ወእስር :
ወተሐድ ::

36-й — когда у человекъ заболѣтъ
глаза. Листъ чечевицы (. . . ?) и сдѣ-
лай трость и напиши на лицѣ твоемъ
(sic!). Привяжи и будешь живъ.

፴፯ሶስ : ፈቀድ'ሰ : ትርጌጌ :
ወእስጥተ : ቅንዋት ::

38-й — когда хочешь объясненія, и
имена гвоздей.

¹ ሴተ'ሰ : scr.

² Sic pro ለደሀዋዋ'ሰ : ? Ps. 34,5.

³ የሐዋዋ'ሰ : scr.

ወይሮበ : ደትበአሰኅበ : ላዕለ :
 ህሀዶ : ፀጥር : ዶ : ሂጊዜ : ወዘይት :
 እስር : ወከተ : ከርሃሳሳ : ወትድኅን ::

ወይሮበ : ትፋተ : ፋቅረ : ሰብእ :
 ዶ : ሂጊዜ : በቅብእ : ቅዱስ : ወተቀ
 ብእ : እድበ : ዘየግን : ወየርገወኅ ::

ወይሮበ : የሐዋዮ : ሰብእ : ዶ :
 ሂጊዜ : በቅብእ : ወየሐዮ : ወዊዲ : ዶ :
 ሰብ : ገብረ : ለኅ : ፈወሰ : ወወደዋሰ :
 በሐዲስ : ኮረ : ዶ : ሂጊ : ተጓፀብ :
 ወተሐዮ :: ወዲ : ሰብ : የአብዋሰ :
 ተዋፋን : ዶ : ወረቂ : ወየሐዋር ::

42-й?

ወዢ — ወይ : በእንተ : ብእሲት :
 ዘሊዋፋር : ጽተ : ወንሀእ : እጽጸጉረ :
 ርእሳ : ወዶ : ላዕሌሁ : ወቅብር : በአፈ :
 ሌት : ወዋፋር ::

ዓ፩ : በእንተ : ሕሠዮ ::

ዓ፪ — ዓ፭ : ሰብ : ደትበአሰኅበ :
 ሰብእ : ዶ : ወዲ : ሰብ : ትፈኢ :
 አረዋተ : ጽፋርሃን : ሂጊዜ : ወከርሐ ::

ዓ፮ : ሰብ : ደትበአሰኅበ : ሰብእ :
 ላዕለ : ወዶን : ወደከተዶ : ወደትሀረቁ :
 ወዲ : ዶ : ሰብ : ትፋተ : ለነገዶ (sic) :
 በሌሊት : ሂጊዜ ::

፮ : ሰብ : ትፋተ : ጽንገዶ :
 ዶገዮ : ሂጊ : ወደሀሊ : ለኅ : ወወዲ :

39-й. Когда враждуютъ противъ тебя, надъ бѣлой шерстью повтори 7 разъ и елеемъ, обвяжи на твоемъ мѣстѣ, и спасешься.

44-й. Когда захочешь любви человека, повтори 7 разъ при святомъ елеѣ и помажь руку твою правую, и откроетъ тебѣ (двери?).

45-й. Повторяй, когда захвораетъ человекъ, при елеѣ, и онъ выздоровѣетъ; также повторяй, когда для тебя приготовляютъ лѣкарство, положивъ (?) въ новый сосудъ, повтори 7 разъ, омойся и будешь здоровъ. Также когда не будетъ слушаться тебя волъ, повтори, окропи, и поидетъ.

ዘወይሮበ : የአብዋሰ : በደነኅ : ዶ :
 ሂጊ : ታሶት : ወተሐዮ ::

43—49. Для жены, которую не любить ея мужъ. Возьми нѣсколько волосъ съ ея головы, повтори надъ ними, закопай у входа въ домъ, и онъ ее полюбитъ.

51-й. О неправедномъ.

52—57. Когда препирается съ тобой человекъ, повтори; также когда увидишь страшныхъ звѣрей— 7 разъ, и . . . ?

59-й. Когда будутъ враждовать съ тобой люди, (повтори) надъ виномъ и выпей, и примирятся; также повтори ночью 7 разъ, когда захочешь путешествовать.

60-й. Когда захочешь путешествовать, повтори 7 разъ, и благо

ሶበ : ትስአሎ : ለሰብእ : ወኢይ
ካለ'ሰ ::

፮፬፬ : ሶበ : ይትበአሰ'ሰ : ሰብእ :
በአንተ : ሀፂጾት : ዶ : ፯፯ : አትሕት :
ርእሰ'ሰ : ወይነረወ' ::

፮፱ — ፮፯ : ሶበ : የሐ'ዘን : ልብ'ሰ :
ዶ : ፯፯ : በቅብእ ::

፮፯ : ሶበ : ትፋቱ : ነገረ : ጥብብ :
ንበር : ጸዓተተ¹ : እስ'ሰ : ይጠፋፅ :
ጸዓተተ : ወይጾጽ'ሰ : ሃሊፍ : ጥብብ :
ዘርሐቅ : ወዘቅረ : ሰ ::

፯፱ : ሶበ : የአፋዝ'ሰ : ነገሠት :
ወጾኮንንት : ወይፈቅዶ : ይቅተሉ'ሰ :
ዶ፯፯ : ወየጸዶጉ'ሰ ::

ሃ፱ : ሶበ : ይትበአሰ'ሰ : ሰብእ :
ነሀእ : ሀፀጾ : ርግብ : ወዶግጾ :
ላፅሌሀ : ፯፯ : በአፈ : ቤት'ሰ : እንተ :
በደጾ : ይወጽእ : ወይንንዩ : ለ'ሰ ::

ሃ : ሶበ : ይጠፋፅ : ለሰ'ሰእ :
አሐፋ : ዘንተ : ጾዝጾ፯ : ወዘቶ :
ወዘጠፋአ : ሰቅሎ : ወስተ : ሃለት :
ጾንገለ : ነፈስ : ወትረአ : እንዘአ ::

ሃ፬ : ሶበ : ይትበአሰ'ሰ : አሐፋ :
ዘንተ : ጾዝጾ፯ : ወቅብር : በአፈ :
ቤት : ወት'ዓለ : ለ'ሰ : ሕሠጾ ::

፮፬ : ሶበ : ተሐጾጾ : ለወሊዶ :
ለእጾ : አበዮተ² : ፯፯ : ዶ : በቅብእ :
ቅባእ : ከሀው : ትወለዶ ::

будеть тебѣ. Также, когда будешь
просить человека, онъ не осилить
тебя.

61-й. Когда будетъ кто-либо со-
перничать съ тобой изъ-за должно-
сти, повтори 7 разъ и преклони го-
лову — исчезнетъ.

63—66. Повтори 7 разъ при елеѣ,
когда будетъ скорбѣть сердце твое.

67-й. Когда захочешь мудраго
слова, устрой свѣтильникъ, пока не
угаснетъ свѣтильникъ, и придетъ къ
тебѣ мудрая мысль дальняго и ближ-
няго.

69-й. Когда схватятъ тебя цари
и владыки и захотятъ убить тебя,
повтори 7 разъ, и отпустятъ тебя.

59-й. Когда будутъ враждовать
противъ тебя люди, возьми кость го-
лубя, повтори надъ ней 7 разъ у
входа въ твой домъ, который въ
крови — выйдутъ и поклонятся тебѣ.

50-й. Когда пропадетъ (что-
либо) у человека, напиши этотъ пса-
ломъ и имя его, и то, что пропало,
повѣсь на тростникъ противъ вѣтра,
и увидишь его владѣльца (?).

51-й. Когда враждуютъ противъ
тебя, напиши этотъ псаломъ, закопай
у входа въ домъ и не возможетъ (?)
на тебя (?) злой (?).

71-й. Когда (женщина) стра-
даетъ родами и не можетъ (родить),
повтори 7 разъ при елеѣ, помажь,
полей (на нее), родить.

¹ ጾዓተተ scr.

² ሀበዮ scr.

፪፩ : ሶበ : ትፈቅድ : ትፋቅርኅ :
በእንግሊዝ : ደር : በእንግሊዝ¹ ::

፪፪—፪፫ : ሶበ : ይፈቅድ : ሰብእ :
ይደሰኝ : ሀገራትኅ : ሐዋርያትኅ : ንበ :
ፈለገ : ጃይ : ወአንብብ : ላዕሌሁ :
፩፯፮ : ተዳፀኝ : ከላንገታኅ : እንበለ :
ትጥቅ : እክለ : የ፳፭፻፲፱ ::

፪፬ : ሶበ : ትተኝት : ብዙኝ :
አንብብ : ፩፯፮ : እከኅ : ኃይለኅ :
አስተዋ : ወአጥፍፍ : ወይዳሪኝ ::

፲፬—፲፭ : ሶበ : ይተባበሩኅ : ሰብእ :
ሰብእ : ድ : ፩፯፮ : በቅብል : ቅዱስ :
ወትድኝ ::

፲፮ : ፩፯፮ : ድ : እንበለ : ትጥቅ :
እክለ : አለሀለኅ : ገጽኅ : ወሰፈሐኅ :
እድኅ : ወይሀፈ : ለኅ : ለከላንገታኅ ::

፲፯ : ሶበ : ይተባበሩኅ : ሰብእ :
ሀገራትኅ : ድ : ፩፯፮ : ወላትሐር :
ንበ : ሀሉኅ : ወትድኝ ::

፲፱—፺፱ : ሶበ : ይእኝክኅ : ዐይኝ :
ሰብእ : ድ : ፩፯፮ : ቅባእ : ከላንገታኅ :
ወተሐዩ ::

፺፯—፺፰ : ሶበ : ይትዳረግኅ :
ንዋሰ : ሰብእ : ላዕሌ : ጃይ : እንበለ :
እክለ : ትጥቅ : ፩፯፮ : ድ : በሀገራት :
ወተዳፀኝ : ከላንገታኅ : ወትረቅሶ² :
ወዐደ : ድ : ላዕሌሁ : ወይነረወ ::

፺፱—፻፶ : ሰበ : ተአቅ : ሶር

72. Когда хочешь, чтобы тебя полюбила женщина, носи на груди твоей.

73—74. Когда захочет человек взять твою должность, пойдикъ рѣкѣ, повтори 7 разъ надъ ней, омойся весь до вкушенія пищи, и устыдится тебя.

79-й. Когда (женщина) сильно страдаетъ кровотечениемъ, повтори 7 разъ, насколько хватаетъ силы, дай ей выпить и окропи ее, и оставь ее.

81—85. Когда враждуютъ противъ тебя люди, повтори 7 разъ надъ святымъ елеемъ, и спасешься.

86-й. Повтори 7 разъ натоцакъ, возведя лицо твое и простерши руки твои, и хорошо будетъ тебѣ въ судахъ.

88-й. Повторяй 7 разъ, когда человекъ будетъ оспаривать у тебя твою должность, и не уходи оттуда (?), гдѣ находишься, и³ побѣдишь.

89—94. Когда овладѣетъ тобой око человека, повтори 7 разъ, помажь себя всего, и будешь живъ.

97—98. Когда осилить тебя? — человека, повтори 7 разъ натоцакъ надъ водой днемъ, омойся весь и заговори (?), затѣмъ повтори надъ нимъ, и разсыпется.

99—104. Когда приведешь не-

¹ በእንግሊዝ : ссг.

² Текстъ испорченъ?

³ Sic, pro ወትረቅሶ?

ፌተ (sic) : ድ : በአፈ : ቤተ :
ፌተፈቅረኅ : ሮርሳትኅ ::

ፆ፩—ፆ፱ : ሶበ : ትትበለስ : ሞስለ :
ሰብእ : ድ : ፯፯ : ላህለ : ሮርሳ :
ፌዋዖን : ሰተዶ : ወይነረው : ሶቤሃ ::

ፆ፲—ፆ፲፭ : ሶበ : ተሐኸን : በጸዶ :
አንብብ : ወትትፈሀሽ : ሶቤሃ ::

ፆ፲፮ : በአፈትከኅር¹ : ድጎ : ፯፯ :
ከአንበለ : ትጥዕዎ : አካለ : አትከ
ኅር² ::

ፆ፲፯ : በሮንገዶ : ወይሀፈ : ለኅ ::

ፆ፲፰—ፆ፲፱ : ሶበ : ንብረ : ለኅ :
ፈውሰ : ድ : ቅብእ : ፯፯ : ወተሀቀብ :
ሠጋኅ : ወተሐዩ ::

ፆ፯፬—ፆ፯፱ : ሶበ : ፈቅዶ :
ዶከብሐኅ : ድ : ፯፯ : ወዖፋዶጎኅ ::

ፆ፯፭—ፆ፯፮ : ሶበ : ትፈተ :
በረኅት : ድ : በጸአዶኅ : ወይከውን :
በረኅት ::

ፆ፯፰—ፆ፯፯ : ሶተን : ድጎ :
ወይሀፈ : ለኅ ::

ፆ፯፯—ፆ፯፱ : ሶበ : ሮኅበረ :
ለኅ : ሐሠዎ : ድ : ጸው : ወዶን :
ሰተዶ : ወተሐዩ ::

ፆ፯፱ : ሶበ : ዶትበለሱኅ : ሰብእ :
ላህሌሆዎ : ወይነረው ::

ፆ፯፯—ፆ፯፮ : ሶበ : ታሰተጋብህ :
ጸአዶ : ድጎ : ወይጸገቡ : ከሉሎዎ ::

ፆ፯፮—ፆ፯፰ : ሶበ : ትሰርሕ :
ቤተኅ : ወይሀፈ : ለኅ ::

вѣсту, повтори у входа въ домъ, и
будеть любить тебя невѣста твоя.

105—109. Когда борешься съ
людьми, повтори 7 разъ надъ медомъ
и виномъ, выпей, и разойдутся тот-
часъ.

110—115. Когда скорбишь, про-
чти надъ водой, и тотчасъ возра-
дуешься.

116. Не вспоминая (?) ч. л., по-
втори 7 разъ до вкушенія пищи, чтобы
не вспоминать этого (?).

117 — въ путешествіи, и благо
будетъ тебѣ.

118—119. Когда приготавлиютъ
тебѣ лѣкарство, повтори, помажься
7 разъ, и сохранишь тѣло свое и бу-
дешь здоровъ.

121—124. Когда хотять убить
тебя, повтори 7 разъ, и тебя отпу-
стятъ.

125—127. Когда хочешь благо-
словенія, повтори за столомъ, и бу-
детъ благословеніе.

128—135. Повторяй ихъ, и благо
будетъ тебѣ.

136—139. Когда (кто либо) со-
вѣщаетъ на тебя злое, повтори, съ
солью и виномъ выпей, будешь живъ.

144. Когда люди ссорятся съ то-
бой, (прочти) надъ ними, разойдутся.

145—146. Повтори, когда собе-
решь къ себѣ обѣдать; насытятся всѣ.

147—148 — когда будешь тру-
диться надъ домомъ твоимъ; тебѣ бу-
детъ хорошо.

¹ በአፈትከኅር : scr.

² Текстъ не въ порядкѣ.

אֶחָד : אֶחָד : אֶחָד : אֶחָד : не коснулась вода; окади члены твои,
 תָּחִיב :: и будешь здоровъ.

«На одно слово псалма Давида будетъ плодовъ 76 тысячъ»¹.

«Рекли отцы наши, которымъ явилъ Господь Богъ тайны свои, что плодовъ одного Давида 900060. Мужъ, читающій псалтирь въ слезахъ и страхѣ Божиѣмъ ...будетъ охраняемъ по 201000 ангеловъ съ востока, съ запада, съ сѣвера, съ юга»².

Таковы нерѣдкія въ ээіонскихъ рукописяхъ заявленія о чудодѣйственномъ чтеніи Псалтири. Нашъ текстъ указываетъ на специальное магическое употребленіе отдѣльныхъ псалмовъ, причемъ чтеніе, болѣею частью семикратное, сопровождается въ огромномъ большинствѣ случаевъ магическими дѣйствіями, состоящими въ омовеніяхъ, употребленіи вина, елея (почти всегда, когда дѣло идетъ о примиреніи), освященныхъ предметовъ (напр. богоувоенской воды и «плодовъ Осанны» — вѣроятно вай) и въ различныхъ церемоніяхъ. Псалмы перечислены не всѣ; нѣкоторые изъ пропущенныхъ прибавлены въ концѣ, причемъ въ числѣ прибавленныхъ попадаются и уже встрѣчавшіеся, но съ другимъ текстомъ. Наряду съ отдѣльными псалмами даются группы псалмовъ, имѣющихъ общее магическое назначеніе и стоящихъ въ Псалтири подрядъ; послѣднее обстоятельство указываетъ на искусственность нашего списка. Вообще его авторъ мало считается съ содержаніемъ псалмовъ. Еще въ началѣ онъ старается приводить его въ связь съ назначеніемъ псалма и даже приводитъ подлинныя слова: чѣмъ дальше, тѣмъ онъ дѣйствуетъ болѣе и болѣе свободно. Конечно, большинство псалмовъ помогаетъ при личныхъ непріятностяхъ, гоненіяхъ, враждѣ и т. п. — это вполне соответствуетъ содержанію большей части псалтири. Въ другихъ, болѣе специальныхъ случаяхъ, иногда достаточно одного слова или намека для сообщенія псалму его магическаго назначенія. Напр., пс. 13 помогаетъ противъ страха, вѣроятно потому, что въ немъ есть стихъ: «тамо убояшася страха, идѣже не бѣ страхъ»; пс. 15 возвращаетъ похищенное достояніе въ силу ст. 5: «Господь часть достоянія моего»; пс. 21 спасаетъ отъ укушенія звѣрей, вѣроятно благодаря ст. 14. 17. 22; пс. 26 имѣетъ тоже назначеніе вслѣдствіе ст. 2; пс. 27 читается при приготовленіи лѣкарства м. б. изъ-за ст. 7 («и процвѣте плоть моя»); 19-й псаломъ общается «великую милость» отъ царей и владыкъ только потому, что въ концѣ его упоминается слово «царь», а пс. 60

¹ Ээіонскія рукописи Гатчинскаго дворца, ЗВО, XIII, 02.

² Ээіонскія рукописи въ Петроградѣ. Тамъ же, XVIII,

является напутственнымъ, вѣроятно въ силу того, что въ немъ псалмопѣвецъ взываетъ «отъ конецъ земли». И т. п.

II. Веліаль и его узы.

Въ собраніи Н. П. Лихачева имѣется амхарская рукопись догматическаго содержанія, содержащая катехизисъ «Слово Вѣры» = *Nagaḡa Nāj-tānot* на 135 ff. Послѣ этого текста на 4 ff. помѣщены тѣмъ же почеркомъ приписки на языкѣ *ge'ez* магическаго содержанія. Приводимый текстъ занимаетъ среди нихъ первое мѣсто и представляетъ длинное заклинаше, имѣющее форму не молитвы, а повѣствованія о низложеніи Сатаны, какъ бы препирательство Бога съ діаволомъ. Отраженія этого текста встрѣчаются во многихъ магическихъ свиткахъ и др. текстахъ.

በስ፡ አብ etc. ከንቲ፡ አስጻት፡
ሂይለ፡ ከወረደ፡ እጽሰጻዊት፡ ከነገር፡
ለተጻከ፡ ረድኦ፡ ለከነሰርቲ፡ ይደሉ፡
ከብሐት፡ ስላት፡ ያላዊ፡ አለዊ፡ አከቆ
ያስ፡ ከረባሌላዊ፡ አላዊ፡ አላላከረዊ፡
አላላከረሌላ፡ ብረሌላ፡ 'ቤኃዋዊ፡
ጸገኛዊ፡ ዐላዊ፡ ብኛጽዋዊ፡ ድዋጊረ
እድ፡ ዮብድዋዊ፡ ብኛ፡ አዮላዊ፡
ሌለዋቅ፡ አካዮስ፡ አካኛሲስ፡ ብኛ፡
ጸባርሳተ፡ ባኬኝ፡ አዕርካተሁ፡
ለጸዋቅሕት፡ ካቤኝ፡ አጽላላከ፡
በከንቲ፡ አስጻት፡ ከብር፡ ጸዋቅ
ሕተሁ፡ ለገብርከ፡...

Во имя... Сии имена Силы, сошедшей съ небесъ, которыя Онъ повѣдалъ апостолу Өомѣ, памяти коего подобаеъ поклоненіе: Салаоинловъ, Эліинъ, Эзекія, Зоровавелевъ, Эліинъ, Элеазаровъ, *Palāzrā'el*, *Berā'el*, *Kēnjāwī*, *Dēgnāwī*, *'Alwī*, *Benāsājāwī*, *Dejāgrā'ed*, *Jobedjādjāwī*, *Bena Ijōlāwī*, *Ēljāq*, *Akjos*, *Aknāsis*, *Bena* Свѣтильникъ Базена, союзники (?), *Kāzēp*... Сими именами Твоими сокруши узы раба Твоего и. р.

ርዕድኛዊ፡ ረሄላዊ፡ አድጻከ፡
ፈተሐ፡ አሐላዊ፡ ጽቅሕ፡ አከንዊ፡
ሊደላዊ፡ በስ፡ ደላዊ፡ ሊደላዊ፡
በስ፡ ደላዊ፡ ሊደላዊ፡ ጸዋቅሕት፡
አርኃዊ፡ በስ፡ አርደኛ፡ ደዋብሉስ፡
ጉዋ፡ ሶበ፡ ተኛቀዋ፡ ጸዋቅሕት፡
በስ፡ ፈደደለ፡ ወርዕደ፡ ደዋብሉስ፡
ሶበ፡ ርእዮ፡ አሠዋከ፡ ጸዋቅሕት፡
በስ፡ ጊጊኝ፡ ጸጉሐተ፡ ዮሐደኝ፡
ተኛቀዋ፡ ፈደደደ፡ ጸዋቅሕት፡ ከአጽ
ጽአ፡ በስ፡ ጋደኝ፡ ወአሰር፡ ለጸዋ
ቅሕት፡ ካብድ፡ ወይቤ፡ ደዋብሉስ፡

Re'ednāwī, *Rāhēlāwī*, Адамантъ, разрѣшитель *Ahēlāwī* узъ, *Azhāwī*, *Lidalāwī*. Во имя *Dalāwī* *Lidalāwī*, Отверзитель узъ. При имени *Ardēna* убѣжалъ діаволъ, когда зазвучали узы. При имени *Fedudil* вострепеталъ діаволъ, увидавъ иглы узъ. При имени *Guāguān Maguēḡati Io-fādin* зазвучало 500 тысячъ узъ, которыя онъ (?) принесъ во имя *Gā-dēp* и связалъ узы тяжкія. И сказалъ діаволъ: «у меня есть знаменіе».

И сказалъ Богъ: «какое это знаменіе твое?» И сказалъ онъ: «имя Твое — Gādēn». И сказалъ вождь: «Я дамъ тебѣ сонъ, да не возглаголаешь сего «Gādēn». И сказалъ діаволь: «воздвигни Твоихъ праведниковъ и отпусти моихъ грѣшниковъ». И сказалъ ему вождь: «да, Я воздвигну Моихъ праведниковъ и отпущу твоихъ грѣшниковъ и заключу ихъ именемъ Gādēn у семи оконъ неба по семи.. во имя Mēlos Delwākin». И принесли 500 тысячъ узъ изъ огня senguter¹⁾ во имя престола Mēlos Delwākin. И возгласилъ діаволь: «гдѣ сила моя, чтобы мнѣ сказать «Mēlos Delwākin»? И сказалъ вождь: «Mēlos Delwākin да будетъ печатью до вѣка, что ты зловольгъ ангеловъ твоихъ и, былъ лукавъ языкомъ твоимъ, помавалъ образомъ лица Моего». И разгнѣвался Богъ и сказалъ: «принесите узы во имя Fedādin». И явился огненный змій и сказалъ: «братъ мой, Веліалъ, гдѣ сила твоя и крѣпость твоя? Развѣ ты не могъ освободить связанныхъ?» И сказалъ діаволь: «(она) была у меня въ тотъ день, когда я разрѣшилъ сію цѣнь знаменіемъ». И слышали сіе Михаилъ и Гавріилъ, и сказали Господу своему. И сказалъ имъ Господь вождь: «связжите обоихъ и сего змія великаго, именуемаго Dafan». И сказали они: «что будетъ, когда

¹ Можесть быть = σπινθήρ или scintilla *искра, блеск*, ср. ниже, стр. 82: *sequanter*.

ስሙ : ፀፈኝ :: ወይሌለወ : ጥንተ :
 ይኸውን : ሶበ : ይጸርዓ : በስሙ :
 ከዋኪን : ዓውሉድላዋኪን : ወይ
 ሌሎሙ : ሶበ : ይጸርዓ : ይኸውን : ከሙ :
 ሕፃን : ረዕዳላዊኪን :: ወይሌለወ :
 ጥላእክት : ለጥንት : ይኸውረርወ :
 ለከንቱ : ከሉ : ቀላት :: ወይሌሎሙ :
 ከሙ : ይኸውን : ወደሱ : ለሴተ :
 ክርከቲዋን : ሕክከሰ : ከሙ : ይኸውህ :
 ዐቡራ : ወክብር : በበጎደሙ :
 በስሙ : ፈደላዊ : ዓውደ : ወሰን :
 አሀቅሮ : አውላላሌ : ቅብአ :
 ጥንፈስ : ለአለ : ረከሱ : በርከሱ :
 ወሶበ : ይጠጥቁ : በከንቱ : ግሶ :
 ጸሎት : እንደ : ይብሉ : በሀውደ :
 አውላላሌ : ወአውላውክሌ :
 ወአት : ጊዜ : ይነጽሉ : እጥንጢ :
 አትሙ : ወይሌሎሙ : ወሀበኔ : ከደፈ :
 አቡዋ ፡

በስሙ : etc. ከሙ : አዋከት :
 ፈርሙ : ወአይረደ : ወከተ : ከነዚ :
 በከንቱ : ቀላት : በበጋቱ : ጊዜ : አለ :
 ይጸውሁ : ከንተ : ከሙ : እንደ :
 ይብሉ : በሀውደ : አውላውክሌ :
 ለአሙ : አአሙ : እሉንተ : ቀላት :
 እጥላውወ : ሀዕረ : ወዐሀወ : ገደሙ :
 ወአሙክላ : ሀሳይ : ወወርዓ : ወእሙ
 አውሀቡ : አከግቲሆሙ : ወከዋክ
 ብትኔ : እጥላውወ : በሰረገላቲሆሙ :
 እሙ : ሶሙ : እሉ : ቀላት : ሶበ :
 ይጸርዓ : በስሙ : አደ : ጋደ : በዓው
 ሉፈን ::

ወይሌ : ደዋብሉስ : ንገረኔ :
 ጥቅሱት : አደግስ : ከአሰረኔ :
 ወለደ : ግርዶሙ : እንደ : ይብሉ :
 ዓውደ : ዓውደ : አውላላሌ : ከሃለ :
 ወከለሐ : ጥቅሱት : አደግስ :
 እንደ : ይብሉ : አትጥወን : እገዛሉ :

онъ возгласить имя Sewākin Awlo-
 delwākin?» И сказалъ Онъ имъ:
 «Когда возгласить, будетъ, какъ
 младенецъ Rabodalāwīkin». И ска-
 зали ему ангелы: «зачѣмъ нау-
 чился онъ всѣмъ симъ слово-
 самъ». И сказалъ имъ: «да бу-
 детъ слава Церкви и да услы-
 шить народъ о величїи и славѣ
 ихъ по племенамъ своимъ. Во имя
 Fadalāwī awda я охраню ихъ.
 Awlālāl'ēl, помазаніе Духа тѣмъ,
 которые осквернились нечистотою.
 Когда они окропятся сею водою мо-
 литвы, произнеся Baawda Awlā-
 lāl'ēl, тотчасъ очистятся отъ грѣ-
 ховъ своихъ. И сказалъ Онъ имъ:
 «даждь Мнѣ завітъ Отецъ Мой,
 да не посрамитъ ихъ и не
 сойдутъ въ осужденіе сими сло-
 вами седмижды (?) тѣ, кто при-
 зоветь сіе имя Мое, говоря:
 Baawda Awlālāl'ēl и Awlawe-
 ka'ēl. Если они знаютъ сіи
 слова, не сожгутъ солнце и
 луна травъ и древесъ пустыни
 и тернія и не дадутъ именъ
 ихъ, и звѣзды не будутъ
 стоять на своихъ колесницахъ,
 если въ нихъ будутъ тѣ слова,
 когда (ихъ) возгласятъ во имя
 Adā, Gādā, Bawlofen».

И сказалъ діаволъ: «скажи
 мнѣ о узахъ адамантовыхъ, ко-
 торыми связалъ меня Сынъ Ма-
 рин, говоря: Awda, Awda Awlā-
 lāk'ēl?» И воскликнули узы ада-
 мантовые, говоря: «и не пре-

ለገግሬ : በእንተ : ስጦታ : ወሐታ :
 ወርዶ : ወስተ : ደዶን : ጽሐለ :
 ዲዮብሉስ : እኩዶ : አጭ : ደባብዩ :
 'ቡሉ : ፋጥረት : አንብሀ : ጭረረ :
 'ባጭ : ጸዖ : 'ነረጽት :: ሀለወት :
 ሀለት : እንተ : አለባቲ : ጽጉዮዶ :
 ጸዳዶ : ለዲዮብሉስ : ለቆለቆዶላ
 ዋ'ቢን : ወረቀዶ : ይትጸክፀን : ሀወዶ :
 ጭንባረ : ወዶአንዝ : አገር : ወ'ባለሐ :
 ጭዋቅሕት : ወ'ባለሀወ : ጭላእነት :
 በጉጠተ : እነት : ወ'ባለሐ : ዲዮብሉስ :
 እንዝ : ደብላ : አዊን : አወዶን :
 አዊን : አወላላ'ክሌላ : ወአንቀለቀላ :
 ጭዋቅሕት : ወረቀዶ : ይፋትሐን :
 በእሉን : ቀላት : ወአለወለወ : ለሳኖ :
 ዲዮብሉስ : በታቀጽቦ : ወይቤ : ሊቅ :
 ት'ቡን'ባ : ርከተ : እስከ : ለሂለጭ :
 እስ'ባ : ይጭጽእ : ደገጭ : ወበ'ባጭ :
 ይወገርወ : ለሀብን : ወስተ :
 ቀለዖ : ባሕር : 'ባጸሀ : ይወገርወ :
 ለበርዶላ : ጽሐለ : ጭዋቅሕት :
 ከእነት : ለጭዋቅሕት : አወለሀ :
 ከፈጸጋዶዶን :: ወ'ባለሐ : ዲዮብሉስ :
 በቀዶዶ : ትእጭርቱ : እንዝ : ደብላ :
 አወሃሌላ : ወአለቦ : ከሰጭ : ወተ
 ፈጸጭ : አወለሉዶላዊ : ወይቤ :
 ዲዮብሉስ : እጭደእዚሰ : ጠፋአ :
 ትጭክሕትዖ : ወ'ባን'ባ : ሠሐቀ :
 ወስላቀ : ለእለ : ይጸወሁ : ስጭ :
 'ክርከተስ : ርገጭተ : ት'ቡን : ዛቲ :
 ሀለት : እንተ : ስጭዶ : በዲዶሌጭ :
 ለእጭ : አእጭር'ቡ : ከንተ : እጭሰ
 ገዶ'ቡ : ለጭረታዊ : ወእጭአ'ባበር
 'ክወጭ : ለጭላእነት : ወይ : ሊተ :
 አሌ : ሊተ : ወእጭተጸክፀን'ቡ : ንባ :
 ጭንባረ : እንተ : ስጭ : አላዶ : አንዶ :
 አፋላላ'ቢን : 'ባሂለ : አን : ወእቱ :
 አዮሱስ : 'ክርከተስ : 'ባሀሊ : ስጭዶዶ :

дай насъ, Господи, въ конецъ
 ради имени Твоего и не низ-
 рини насъ въ осужденіе съ діа-
 воломъ злымъ, да плачетъ вся
 тварь горькими слезами, водою
 дождливаго времени». Есть день
 безъ убѣжища для обителя діа-
 вола... и хотѣлъ онъ приобѣ-
 гнуть въ ограду обиталища сво-
 его. И схватили ногу его и воз-
 гласили узы, и удержали его
 ангелы огненными щипцами. И
 возгласилъ диаволъ, говоря: «Awin,
 Awajān. Awin, Awalālāk'el». И
 потряслись узы, и хотѣлъ онъ
 разрѣшить ихъ сими словами; и
 задвигалъ языкъ свой диаволъ
 вкрадчиво, и сказалъ вождь: «да
 будетъ тебѣ удѣлъ до вѣка, до
 второго пришествія. И какъ бро-
 саютъ камень въ пучину мор-
 скую, такъ бросятъ Велиара вмѣ-
 стѣ съ его узами огненными,
 узами изъ оливковаго дерева Fa-
 saguādādin». И воскликнулъ діа-
 волъ первымъ знаменіемъ своимъ,
 говоря: «Aw'a'el», и никто его не
 услышалъ. И окончилъ «Awlalo-
 dolāwi»; и сказалъ диаволъ: «от-
 селѣ погибло превозношеніе; я по-
 зорю и посмѣяніе для тѣхъ, кто
 призываетъ имя Христа. Про-
 кляты будь день, въ который
 меня нарекли Badidālēm! Еслибы
 я зналъ это, я бы поклонился
 перстному и почтилъ бы анге-
 ловъ. Увы мнѣ! Горе мнѣ! При-
 бѣгъ бы я къ престолу, я имъ

ነርስተስ : ወለደ : እንዚህብሔር :
 ጌሉስ : ዘይነድድ : አፋሐፍ : እሳት :
 ዘወጽአ : እዮአፈሀ : ወለእፍ : ህአቱ :
 ለሰብእ : እዮከንቱ : ሄለዮ : ይድጋዮ :
 ዘንተ : ዘእንበለ : ይተወጽዎ : አፈሀ :
 በቶት : 'በፍ : ኢዋዳከኖ : ግልአከ :
 ቶት : ወሶበ : ትወጽእ : ነፋሱ :
 እዮሠጋሁ : ይበለ : አጼኝ :: አዊኝ :
 አዊኝ : አዊኝ :: ወይስዶዶ : ግልእነተ :
 ጸላጭት : እዮ፪ወ፪ቱ : ጥዕረፈ :
 ዘግልእነት : 'በፍ : ኢይሕስወ :
 ስቶ : ለነርስተስ : ወይጥጽኡ : ግል
 እነተ : ብርሃኝ : ወይሴለዋ : ለይእኩ :
 ነፋስ : ንሄ : ነፋስ : ብርሃት :
 ዘነበርሲ : እንዘ : ትብሊ : ጌሉስ :
 ወጋዶኝ :: ወይሴለ : ግልአከ : ዘነበረ :
 ጥስሌሃ : ስንደ : ንበ : ፈጣሪነሲ :
 ወይወስዶዶ : ግልእነተ : ብርሃኝ :
 በፋሠሓ : ወበሐሀ፲ት : ንበ : ሀሌ :
 ፋንባ : ወተድላ : ወከብካበ : ስጋይ :
 ወዶአከነተወ : ስዩጋኝ : ስጋይ :
 በእንተሐሃ : እንዘ : ይብሉ : ቀለተላዊ :
 ቀተኛዊ : በከንቱ : ቃለ : ትብላ :
 ቅደስ : ቅደስ : ቅደስ : ሠላስ : ዘ[ኢ]ይት
 ጥዋእ : ለሀር : ወበከንቱ : ትኑበር :
 ወስተ : 'በከካበ : ለጥርቂዊ : በከንቱ :
 ቃለ : ሶበ : ትረኢ : ንስቲተ : ገጽ :
 ትብላ : ቀለላዊ : ቀተላዊ : ወበከንቱ :
 ቃለ : ጥርፍ : ለሕክበ : ነርስተስ :
 ወኢታወርዶ : ወስተ : 'በኝኝ :
 ወለእፍ : ኢፈቀዶ : ጥስረተ : ለሰብእ :
 ይረስህ : ዘንተ : ቃለ : ለጳጳሳት :
 ወለሊቃኝ : ጳጳሳት : ለቀሳወስተ :
 ወለደዋቆኝተ : ዘንተ : ቃለ : ጸሎት :
 ለእፍ : አእፍረ : ወለበወ : እዮአወ
 ረዶ : ወስተ : 'በኝኝ : ወኢጥኑሂ ::

ወተፈጸመ : ከንቱ : አስገተ :
 ይድጋዮ : ለለወርኝ : በርዳወ : ስጋይ :

сие, пока не заключатся уста его
 смертію и не опечалить (?) его
 ангелъ смерти, когда выйдетъ
 душа изъ тѣла его, да скажетъ:
 «Аминь. Awin. Awin. Awin!» И
 прогонятся ангелы мрака отъ 77
 покоевъ ангеловъ, да не со-
 лжетъ (?) имя Христово. И при-
 дутъ ангелы свѣта и скажутъ
 сей душѣ: «иди, душа свѣтлая,
 пребывавшая, говоря «Mēlos и
 Gādēn». И скажетъ ей ангелъ,
 находящійся съ нею: «поклонись
 Творцу твоему». И помѣстятъ ее
 ангелы свѣта въ радости и
 веселіи туда, гдѣ сладость и
 наслажденіе и бракъ небесный,
 и восхвалятъ Его небесныя чины
 ради нея, говоря: «Qalatalāwi,
 Qatanāwi», симъ словомъ говоря:
 «Святъ, Святъ, Святъ Троичный
 непобѣдимый врагами!» И симъ
 ты водворишься на бракѣ Же-
 ниха. И симъ словомъ, когда
 увидишь немного лицо Его, скажи:
 «Qalalāwi, Qatalāwi». И симъ
 словомъ спасаетъ людей Хри-
 стовыхъ и не даетъ имъ сойти
 въ осужденіе, а если не
 хочетъ спасенія людямъ, даетъ
 забыть сие слово архіереямъ
 и патріархамъ, іереямъ и
 діаконамъ. Сіе слово молитвы
 если знаютъ и разумѣютъ они,
 не сойдутъ въ осужденіе ни-
 кто.

Окончены сіи имена. Да повто-
 ряетъ каждый мѣсяцъ при отвер-

ԹԵՈՒԱ : ՀԻՆՆ : ՄԻՆԻ : ՆԻՆ : стія(?) небесъ и да говорить уче-
 ԴՆԻՆԻՆ : ՓԵՆՈՇ : ՄԻՆԻ : никъ въ церкви, и да сядетъ у
 ԽՆԶ : ԻՐԻ : ԽՆԻ : ԲԵՆԻ : подножія табота, преклонивъ главу
 ՇԽԻ : ՓԵՍԻ : ԽՆԻՆԻՆ : свою, и дастъ ему Богъ завітъ
 ԴԻՆ : ՈՍԼԻ : ՇԽ : ԴԻՆ : въ день отверстія небесъ, говоря
 ԽՆԻ : ԵՌԱ : ՈՓԼ : ԲԲԽԼ : голосомъ его учителя: «отнынѣ даю
 ՓԽԲԽԽԻ : ՓՍՆԻՆ : ԴԻՆ : Я тебѣ завітъ, какъ Стефану,
 ԴԻՆ : ԽՆԻՆԻՆ : ՓԵՐ : Моему первомученику, коему Я от-
 ԴԻՆԻՆ : ԽՆԻՆԻՆ : ԴԻՆ : открылъ сіи имена Мои чрезъ птицу,
 ԽՆԻՆ : ՈՓԼ : ՓԼԻՆ : и Маріи, Матери Мрей на Горѣ
 ԽՆԻ : ՈՓԼ : ԽՆԻ : Елеонской въ день субботній, и Թомѣ,
 ԴԻՆ : ՓԼԻՆ : ԴԻՆ : рабу Моему, которому я открылъ
 ԴԻՆ : ԴԻՆ : ԽՆԻՆԻՆ : послѣ того, какъ соевлекли съ него
 ԴԻՆ : ՈՓԼ : ԴԻՆ : кожу; такъ подобно имъ, даю Я
 ԴԻՆ : ՈՓԼ : ԴԻՆ : завітъ и тебѣ, возвышая тебя». И
 ԽՆԻ : ԽՆԻ : ԽՆԻՆԻՆ : скажетъ ученикъ: «ей, аминь, да
 ՓՍՆԻՆ : ԴԻՆ : ԴԻՆ : будетъ! Отсегѣ ты далъ мнѣ завітъ,
 ՄԻՆԻ : ԴԻՆ : ԽՆԻՆԻՆ : да не сойду въ осужденіе если со-
 ԽՆԻ : ԽՆԻՆԻՆ : ԽՆԻՆԻՆ : храню сіи имена во вѣки вѣковъ.
 ԽՆԻ : ԽՆԻՆԻՆ : ԽՆԻՆԻՆ : Аминь». И да поклонится, и да окро-
 ԽՆԻ : ԽՆԻՆԻՆ : ԽՆԻՆԻՆ : пится водой сей молитвы, да не го-
 ՓԵՐ : ԽՆԻՆԻՆ : ԽՆԻՆԻՆ : воритъ ничего и приметъ тѣло и
 ԽՆԻՆԻՆ : ԽՆԻՆԻՆ : ԽՆԻՆԻՆ : кровь Сына Божія. Храни сіе, и
 ԽՆԻՆԻՆ : ԽՆԻՆԻՆ : ԽՆԻՆԻՆ : живъ будешь во вѣки вѣковъ.
 ԽՆԻՆԻՆ : ԽՆԻՆԻՆ : ԽՆԻՆԻՆ : Аминь. Сими именами Твоими спаси
 ԽՆԻՆԻՆ : ԽՆԻՆԻՆ : ԽՆԻՆԻՆ : меня отъ искушенія тѣла и души,
 ԽՆԻՆԻՆ : ԽՆԻՆԻՆ : ԽՆԻՆԻՆ : раба Твоего Вальда-Іоханнеса съ
 ԽՆԻՆԻՆ : ԽՆԻՆԻՆ : ԽՆԻՆԻՆ : писавшимъ для него Вальда-Кида-
 ԽՆԻՆԻՆ : ԽՆԻՆԻՆ : ԽՆԻՆԻՆ : номъ. При отверстіи небесъ повто-
 ԽՆԻՆԻՆ : ԽՆԻՆԻՆ : ԽՆԻՆԻՆ : рий: въ 3 эпагомень, 20-го текемта,
 ԽՆԻՆԻՆ : ԽՆԻՆԻՆ : ԽՆԻՆԻՆ : 12-го техсаса, 27-го магабита,
 ԽՆԻՆԻՆ : ԽՆԻՆԻՆ : ԽՆԻՆԻՆ : 18-го генбота, 10-го хамлэ — въ
 ԽՆԻՆԻՆ : ԽՆԻՆԻՆ : ԽՆԻՆԻՆ : сіи вѣдомые дни молись сею мо-
 ԽՆԻՆԻՆ : ԽՆԻՆԻՆ : ԽՆԻՆԻՆ : литвою, и получишь великую пользу.

Этотъ нескладный и мало вразумительный текстъ, выдаваемый за
 откровение Апостолу Թомѣ и Богоматери, имѣетъ назначеніемъ содѣйство-
 вать при помощи магическихъ именъ побѣдѣ надъ злой силой въ сей жизни
 и въ будущей. О Велиалѣ, его непослушаніи, богоборствѣ и пизверже-

ни неоднократно повѣствуютъ апокрифы, дошедшіе до насъ на эоюпскомъ языкѣ, особенно Вознесеніе Исаи и Чудеса Св. Троицы. Последний, дошедшій въ одной рукописи Берлинской библіотеки и разобранный нами¹, даже содержитъ повѣствованіе о нежеланіи Веліала поклониться «перстному» Адаму², о чемъ упоминается и въ данномъ текстѣ. Ниже мы приведемъ сказаніе изъ другого извода «Чудесъ св. Троицы», гдѣ оно изложено иначе. Что касается 500 тыс. огненныхъ узъ Веліала, то о нихъ неоднократно упоминаютъ магическіе свитки³ и магическія приписки въ книгахъ. Приводимъ, напр. текстъ въ свиткѣ, принадлежащемъ акад. О. И. Успенскому.

Свитокъ этотъ, прибрѣтенный въ Константинополь, 178 × 10,2 см., писанъ въ одинъ столбецъ, новымъ тщательнымъ письмомъ XIX в. Содержаніе его довольно обычное — большую часть его занимаютъ извѣстные тексты о Сѣти Соломоновой и о Тиверіадскомъ морѣ (Šalota Nadagā)⁴; интересными особенностями являются своеобразное крупное воспроизводимое здѣсь изображеніе Архангела съ мечемъ, въ самомъ началѣ, исполненное черной

¹ ХВ I, 298—324.

² Стр. 306. Относительно имени Gādēn ср. «Gād.» въ житіи Филиппа Дабралибаноскаго. См. наши «Исслѣдованія въ области агіологическихъ источниковъ», 379.

³ См. Worrell, Studien zum abessinischen Zauberwesen, ZA XXIV, 62, S. 7. 90, XXV, 99, 111.

⁴ См. нашу статью въ Сборникъ въ честь гр. Уваровой «Абиссинскіе магическіе свитки», 181 и 194.

и красной красками, и затѣмъ, среди мелкихъ магическихъ текстовъ, помѣщенныхъ между двумя упомянутыми сказаніями, слѣдующее заклинаніе:

በስፍ : ከጥብብ : በታሕተ : በፍጥነ :	Во имя живущаго подъ небомъ,
ከእንባለ : ከፍ፡ ለእንዚእኛ : ለጥሱስ :	безъ (?) имени Господа нашего Иисуса
'ዳርስተስ : ገረገገ : ከተረፈ : በዐይነ :	Христа, демонъ, видящій окомъ сти-
ጠዓይህ : አሳተዋ : ተአሰር : ይቤለ'በ :	хия огненной, будь связанъ, говоритъ
ቃለ : እንዚአብሔር : 'በፍ : አገጥፈራበ :	тебѣ гласъ Божій, да не прибли-
ኃበ : ናፋሱ : ወሀጋሁ : ሊተገብር'በ ::	жаешься къ душѣ и тѣлу меня, раба
ከአሰር : ለቤላሀር : በፈጥሮአል :	Твоего (sic!) и. р. Связавшій Бельхора
አሳተ : ከግንፍረ : አሳተ : . . .	500 тыс. цѣпей изъ seguanter ¹ огня...

Далѣе слѣдуетъ рядъ магическихъ именъ, а затѣмъ подобная же формула обращается къ тремъ демонамъ, изъ которыхъ первый видитъ окомъ стихій земной, второй — воздушной, третій — водной; такимъ образомъ заклинаніе обращено ко всѣмъ четыремъ стихіямъ.

Въ иной связи встрѣчаемъ мы упоминаніе о томъ же Веліалѣ въ магической припискѣ на Псалтири, находящейся въ частномъ владѣніи въ Петроградѣ. Испорченный текстъ можегъ быть переведенъ приблизительно такъ:

«Господи мой, Иисусе Христе, Сыне Бога живаго, открывшій Соломону премудрость отъ четырехъ угловъ земли! Да не сокроетъ меня земля отъ груди (?) своей. Какъ угодно сердцу моему, я пройду среди Katāgi и вязателя (Asāgi), говоря: «да будутъ очи сердца ихъ темны, руки и ноги ихъ связаны. Jān (трижды), Atrājan (трижды). Силою сихъ Ты связалъ Беріала врага 500 тыс. цѣпей изъ seguanter огня; такъ связя Katāgi и вязателя и Кеманья, татя, Боже мой, Господи мой, спаси меня отъ оружія поражающаго, отъ метанія копыя, отъ ... железа, отъ стрѣлы горячія».

III. Новая рукопись Чудесъ Св. Троицы.

Три года тому назадъ нашъ представитель въ Абиссиніи Б. А. Чемерзинъ предоставилъ въ мое распоряженіе привезенную имъ рукопись новаго письма, едва ли не XX в., содержащую на 75 небольшихъ листахъ

¹ Ср. выше, стр. 75.

ⲕⲓⲛⲁⲛⲓⲛⲓⲥ : ⲛⲓⲛⲓⲛⲓⲛⲓⲥ : sic. ⲕⲓⲛⲁⲛⲓⲛⲓⲥ : ⲕⲓⲛⲁⲛⲓⲛⲓⲥ : sic. ⲕⲓⲛⲁⲛⲓⲛⲓⲥ : ⲕⲓⲛⲁⲛⲓⲛⲓⲥ :
 «Повѣсть о Нихъ (объ Отцѣ, Сынѣ и Св. Духѣ), которую писаніемъ мы не
 могли бы окончить безъ помощи Божіей, повѣдая славословіе Троицы, для
 которыхъ недостаточно земли и неба». Текстъ распадается на семь отдѣ-
 ловъ. Въ каждомъ изъ нихъ прежде всего повѣствуется о «чудѣ», затѣмъ
 идутъ длинныя, иногда рюмованныя славословія, начинающіяся съ «Salām»
 или Sebhat, или «Прибѣгаю» и т. п. Изъ семи «Чудесъ» три тождественныхъ
 съ напечатанными нами по рукописи Азіатскаго музея¹; изъ остальныхъ
 сообщаемъ слѣдующее, насколько вообще возможенъ переводъ этого крайне
 неисправнаго текста.

Послѣ вступительныхъ фразъ о единствѣ Св. Троицы, почти тоже-
 ственныхъ съ находящимися въ берлинской рукописи², слѣдуетъ краткое
 повѣствованіе о твореніи и паденіи сатаны.

«Рекли Отецъ, Сынъ и Св. Духъ вкупе: «сотворимъ человѣка по
 образу Нашему и по подобію Нашему». И положили Они число твореній —
 восемь (sic!) въ день единый отъ субботы, и сотворили свѣтъ и мракъ, воду
 и прахъ, вѣтеръ и огонь и положили четыре чина Ангеловъ. И Ангелы
 были Василій (sic!). Они собрались и покрылъ ихъ мракъ. Они говорили
 между собою: «кто создалъ насъ? И кто Господь нашъ?» Воззрѣвъ Діаволъ
 на Ангеловъ сюду и сюду — онъ былъ большій. И отвѣтилъ этотъ ангелъ и
 сказалъ: «я — вашъ создатель и вашъ господинъ и вашъ творецъ». И всталъ
 ангелъ по имени Гавріилъ, и воскликнулъ: «будемъ стоять, каждый по су-
 ществу своему, въ вѣрѣ нашей, не вѣрь, соборъ ангельской, этому ангелу».
 И тотчасъ открылся свѣтъ Троицы, когда Херувимы и Серафимы принесли
 престолъ, и сказалъ Свѣтъ міра. Тогда разрушена была власть Діавола и
 «связаны были руки его цѣпью огненною, удалась его одежда свѣта и...
 одежда мрака, и пошелъ на него огненный дождь, и познано было царство
 Троицы, и вселился въ сердце его страхъ. И повелѣлъ ангеламъ уйти отъ
 него, и они порицали его, говоря: «иди, проклятый отъ насъ». И сказалъ
 сей проклятый: «Вы — господа мои; у Васъ нѣтъ милости». И отвѣтили
 Отецъ и Сынъ и Св. Духъ: «ей, у насъ нѣтъ къ тебѣ милости». И сказалъ
 Имъ сей ангелъ: «не печаливаете ли Вы полноту (?), когда я одинъ выхожу
 изъ цѣлаго чина?» И сказалъ ему Отецъ и Сынъ и Св. Духъ: «Мы не пе-
 чаливаемъ тебя, грабившаго Наше царство: тѣ, кто вѣруетъ въ слово твое,

¹ № 40. См. ХВ I, 321—4.

² ХВ I, 300.

да идуть съ тобою... Сиди въ преисподней; пищей твоей да будетъ возже-
ніе огня». И былъ онъ низвергнутъ въ глубину. И проклялъ его Отецъ и
Сынъ и Св. Духъ: «гдѣ написано (?) ния Напе, не приближайся; присные
твои ангелы да идуть и поражаютъ главу духа твоего; убѣжище твое да
будетъ камень кремневый и пища — кипящее огня, путь твой да будетъ
посланъ огнемъ, сѣдалище твое да будетъ огненное колесо». И когда было
такъ сказано, онъ ушелъ со своими присными и вошелъ во вмѣстилище
огня, и кругъ дома его былъ огонь. Воззрѣлъ онъ и сказалъ: ....«я буду
сидѣть съ моими присными, какъ прежде сидѣлъ со всѣми ангелами; я
устрою входъ къ моему сѣдалищу и буду бесѣдовать съ Отцомъ и Сыномъ
и Св. Духомъ; принесу славословія Отцу и воцарюсь съ Нимъ. Онъ возлю-
битъ меня. На срѣтеніе мое выйдетъ Сынъ съ ангелами: я ... съ Нимъ и
сниму завѣсу съ очей Его. Онъ посадить меня одесную Себя, и я сяду на
спину Отца и возьму вѣнецъ съ главы Сына и увѣнчаюсь вѣнцомъ свѣта
отъ Духа Святаго.... И сказали Отецъ и Сынъ и Св. Духъ, да будетъ во
вѣки вѣковъ. Аминь».

Разсказъ о низверженіи Сатаны — совершенно отличный отъ пе-
реданнаго въ берлинской рукописи и не во всѣхъ своихъ частяхъ,
особенно въ послѣдней, вразумительный. Нелѣпо и происхожденіе этого
варианта сказанія о гордынѣ діавола бывшей причиной его паденія.

Слѣдующія два сказанія представляютъ варианты установленія празд-
ничнаго дня.

«Въ день онъ вошли Отецъ и Сынъ и Св. Духъ и возсѣли на престо-
лахъ Своихъ, и воззрѣли сюду и сюду и увидали сей день. Рекъ Отецъ:
«се есть праздникъ Мой и праздникъ Сына Моего и праздникъ Духа
Святаго, Кто почитаетъ его, подобно тому не будетъ (никто) почи-
таться (?); у него не будетъ печали; на небѣ и на землѣ будетъ покой,
на тверди небесной — радость; (ибо) сей день честенъ и святъ, онъ —
возстаніе. Продолжится время жизни (почитающаго его), а въ часъ смерти
его Мы придемъ къ нему за 7 дней до его преставленія и очистимъ
грѣхи его. Вы, люди неразумные сердцемъ, говорите сіе, да будете рода
Нашего и унаслѣдуете царство Наше. «И когда отойдетъ духъ вашъ», рекъ
Отецъ, «Я явлюсь и понесу его на Себѣ и дамъ ему въ наслѣдіе царство
Мое и сниму вѣнецъ съ главы Моей, и будетъ онъ равенъ Мнѣ во вѣки
вѣковъ. Аминь».

«Въ день онъ вошли на твердь Отецъ и Сынъ и Св. Духъ и отверзли
уста свои и рекли: «да слушаютъ всѣ народы! Каждый мѣсяцъ да будетъ
день праздника Нашего, какъ ссть день Воскресенія, приходящій каждый

годъ. Совершайте Wajzēta, говоря: «Гдѣ сѣсть бытіе ваше» до конца?» И святые, услыхавъ сей законъ, собрались въ монастыряхъ своихъ, и пустытники, собравшись, сотворили праздникъ въ одномъ мѣстѣ. И они разсмотрѣли и согласились между собою и затѣмъ совершили литургію и пошли въ мѣста свои. Потомъ Ангелы, собравшись на тверди, устроили веселіе въ радости въ день сей. И Мы сойдемъ съ высоты престола Нашего и сойдемъ во адъ и возведемъ души грѣшниковъ, которые на землѣ свободно (?) творили зло, и выведемъ ихъ въ сей день праздника. И они будутъ играть и веселиться. И возжелаютъ его грѣшники, говоря: «сей праздникъ Отца и Сына и Св. Духа—вино (?) для насъ, да взойдемъ имъ изъ рва преисподняго». И паки рекли Отецъ и Сынъ и Св. Духъ: «въ день праздника Нашего безъ поста творите пасху, какъ во едину отъ субботъ. Вкушайте хлѣбы, а если у васъ не будетъ пищи—вкушайте песокъ и пейте воду. Если вы этотъ песокъ сдѣлаете пищей, Мы дадимъ вамъ достойное воздаяніе въ царствіи небесномъ, а кто хочетъ пищи, получите. Если будетъ недостатокъ въ достояніи для совершенія памяти Нашей, да дастъ чистую воду и будетъ равенъ и войдетъ въ обитель небесную прекрасную, и не скончается и не пройдетъ радость его». И такъ сказавъ, ушли три Владыки въ Іерусалимъ небесный, весь облеченный въ ... огненный. — Конецъ сей главы во вѣки вѣковъ Аминь».

Первый изъ этихъ двухъ текстовъ — вариантъ установленія перваго дня, параллельный помѣщенному въ берлинской рукописи въ самомъ началѣ повѣствованія о твореніи¹. Второй представляетъ нѣчто новое и говоритъ объ установленіи ежемѣсячнаго праздника въ честь Св. Троицы въ духѣ евстаѳіанъ, которые, слѣдуя завету учителя, послѣдовательно проводили равенство Пятидесятницы и Пасхи². Ежемѣсячные праздники, не чуждые коптской церкви и столь привившіеся въ эоіонской, узаконены, какъ извѣстно, Зара-Якобомъ для дней въ честь Богоматери и Арх. Михаила³. Изъ людовольфовыхъ святцевъ мы знаемъ еще, что ежемѣсячно праздновались день Авраама, Исаака и Іакова и Рождество. Мы видѣли изъ житій современниковъ Зара-Якоба, что его мѣропріятіе нашло себѣ развитіе и что уже въ его время вводится ежемѣсячное празднованіе Страстей и Воскресенія Христова⁴. Нашъ текстъ, въ связи можетъ быть съ житіемъ Беду-Ам-

¹ XB I, 300—1.

² См. наши Исслѣдованія въ области агіологическихъ источниковъ ист. Эоіоніи 163—4. XBr, XI (1904), 827—832.

³ Dillmann, Zur Regierung... Zar'a Jacob., 50.

⁴ Наши Исслѣдованія, 223.

лака¹, устанавливаетъ тоже для дня въ честь Св. Троицы. Что этотъ ежемѣсячный праздникъ существуетъ и по настоящее время, можно видѣть изъ того же цѣннаго перечня праздниковъ въ книги Булатовича² (нынѣ іером. Анатоля), который уже два раза подтвердилъ намъ³ извѣстія аналогичнаго памятника.

Б. Тураевъ.

---

¹ ВВр XI, 373—6.

² Отъ Эпистола до р. Баро 168, гдѣ «праздникъ Св. Троицы указанъ подъ 7-мъ числомъ въ 5 мѣсяцахъ; и другіе, заведомо ежемѣсячные праздники также показаны не подъ всѣми мѣсяцами.

³ Наши Исслѣдованія, 223.

Разныя извѣстія и замѣтки.

— *Къ возрожденію грузинской церкви.* 12-го марта текущаго года грузинская церковь провозгласила въ первопрестольной Мцхетѣ возстановленіе былой своей свободы. Опредѣливъ затѣмъ, въ согласіи съ послѣдовавшимъ въ пасхальныя дни постановленіемъ Временнаго Правительства, свое мѣсто въ Россійскомъ государствѣ, грузинская церковь въ сентябрѣ возглавилась избраннымъ на помѣстномъ соборѣ патриархомъ въ лицѣ извѣстнаго епископа Киріона, нынѣ католикоса всея Грузіи Киріона II. Вышнія обстоятельства не дали событію вселенской церковной жизни протечь въ путяхъ общей безоблачной радости какъ живому свидѣтельству того, что нѣтъ смерти въ духовномъ человѣчествѣ, что гибнетъ матеріальный тѣлѣтъ.

«Христіанскій Востокъ» привѣтствуетъ отъ глубины своего убѣжденія въ неугасимости и творческой мощи восточной культуры и по силѣ научныхъ интересовъ, вызвавшихъ въ жизнь его самого, все то свѣтлое, что лежитъ въ основѣ происходящаго на нашихъ глазахъ въ духовной жизни Грузіи — наступающаго воскресенья изъ мертвыхъ грузинской церкви. Пока лишь первый шагъ къ этому воскресенью — работа надъ обезпеченіемъ за нею мірскихъ свободъ. «Христіанскій Востокъ» выражаетъ горячее пожеланіе, чтобы, по закрѣпленіи гражданскихъ формъ свободы, возрождающаяся церковь Христіанскаго Востока со славнымъ за все время ея исторически безспорнаго своеглавія прошлымъ явилась, свято огражденная отъ всякой преходящей мути, воскресительницею того завѣта Любви, исканія Вѣчной Правды и Ея раскрытія ближнимъ, — всего того свѣтлаго, что, кѣмъ бы и какъ бы оно ни забывалось, лежитъ въ основѣ настоящаго событія, имѣющаго, при сохраненіи грузинскимъ народомъ преемственности историческаго пути развитія развернуться въ дѣйствительное духовное торжество христіанской церкви вообще и христіанскаго Востока въ частности.

— *Изъ современной арабской литературы.* Настоящая замѣтка вызвана небольшою книжкой, какъ будто не имѣющей отношенія къ нашему научному органу, ибо тема — современная въ буквальномъ смыслѣ, современная поэзія, современное литературное творчество, а работа на эту тему, принадлежащая перу нашего ученаго И. Ю. Крачковскаго, озаглавлена «Огни одиннадцатая книга Аминъ Рейхани современная арабская литература». Однако мы ни въ моментъ возникновенія «Христіанскаго Востока», ни теперь, когда полны сознанія, что не

удалось пока его страницы довести до охвата реальныхъ предѣловъ культурной жизни христіанскаго Востока въ прошломъ и настоящемъ, не переставали думать, что органъ, издаваемый Академіею Наукъ, считать ли его лишь серіею, какъ онъ и именуется, или признавать въ немъ также средство для болѣе живого обмѣна мыслей по текущимъ въ опредѣленномъ направленіи работамъ, вовсе не является ни специально богословскимъ, ни тѣмъ менѣе церковнымъ или конфессіональнымъ, ни даже специально археологическимъ. Если въ нашемъ изданіи избытокъ археологіи, то причина та же, отъ чего въ немъ больше появляется статей по Арменіи и Грузіи, чѣмъ по остальнымъ странамъ христіанскаго Востока: больше у насъ пока работниковъ по описательной вещественной археологіи и по вѣроисповѣдно освѣщаемой исторіи церкви, чѣмъ по общей духовной культурѣ и свободно выясняемой исторіи религій въ ихъ положительныхъ взаимоотношеніяхъ, и больше пока работниковъ по болѣе близкимъ Россіи христіанскимъ народамъ. Быть можетъ, такъ и надлежитъ въ нашемъ органѣ—удѣлять больше мѣста матеріаламъ и работамъ, посвященнымъ частямъ Россіи или сопредѣльнымъ съ Россіею. Однако серія, какъ настойчиво повторяется пока, допустимъ, лишь декларативно на обложкѣ, посвящена «изученію христіанской культуры народовъ Азіи и Африки», и тамъ, гдѣ восточнохристіанскіе народы еще живы и стремятся къ еще большому утвержденію своей новой жизни, отмѣтати современность такъ же не входитъ въ нашу программу, какъ считать чуждыми намъ матеріалами все до-христіанское и не-христіанское вообще, поскольку мы въ нихъ находимъ или можемъ найти опору для изученія христіанской культуры занимающихъ насъ народовъ въ самомъ широкомъ жизненномъ ея пониманіи. Потому-то намъ чрезвычайно интересно отмѣтити, что, если книжный «Христіанскій Востокъ» хранить молчаніе пока по доброй части предмета его задачъ, то реальный христіанскій Востокъ не только и нынѣ живъ своей особой культурной жизнью на всемъ протяженіи его границъ, но направляетъ свое творчество на сродные вопросы, снова выбивается на путь самостоятельнаго мышленія сродными путями, и ему приходится работать въ сродной общественной обстановкѣ.

Такъ въ арабской средѣ въ Сиріи, пропитанной неоспоримыми пережитками христіанства, ставятся и такъ или иначе рѣшаются тѣ же крупныя проблемы, что въ христіанскомъ грузинскомъ или въ христіанскомъ армянскомъ народѣ. Освѣдомленіемъ яркимъ именно по этой части и дорога намъ книжка И. Ю. Крачковскаго, и она должна быть дорога для постоянныхъ читателей «Христіанскаго Востока». Хорошо извѣстно, какъ ревниво относятся и армяне, и грузины къ постановкѣ мірового вопроса о синтезѣ Востока и Запада: «это они только», думаетъ каждый изъ этихъ христіанскихъ народовъ, «въ которыхъ осуществляется слияніе Востока съ Западомъ». И то же самое мы наблюдаемъ однако въ Сиріи у арабовъ: «Роль Рейхани можно характеризовать», пишетъ И. Ю. Крачковскій (стр. 11), «какъ расширение рамокъ обычнаго въ современной арабской литературѣ матеріала до предѣловъ міровыхъ вопросовъ, какъ попытку объединенія двухъ противоположностей, которыми въ ходячемъ представленіи является Востокъ и Западъ».

Въ подробностяхъ любопытно отмѣтити «разцвѣтъ ново-арабской литературы послѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія» въ связи «именно съ эмиграціей, первоначально только въ ближайшую страну—Египетъ изъ Сиріи», впоследствии—«въ Америку» (п. с., стр. 12—13). Извѣстно, какое громадное

значеніе имѣли (и, несомнѣнно, продолжаютъ имѣть) на развитіе армянской литературы эмиграціи и вообще эмигранты.

Строки, которыми характеризуетъ И. Ю. Крачковскій языкъ Рейхави (ц. с., стр. 18), съ бѣглою оцѣнкой арабской критики на родинѣ, думается мнѣ, съ пользою могли бы быть прочитаны въ Сиріи, а одно время, отчасти, пожалуй, и нынѣ *mutatis mutandis* и въ армянскихъ литературныхъ кругахъ. У грузинъ возникновеніе современнаго литературнаго языка находится въ тѣсной преемственной связи съ развитіемъ свѣтской изящной литературы еще въ древности, съ XII—XIII вѣковъ, на особомъ языкѣ. Еще тогда грузинскій письменный языкъ былъ не обновленъ лишь струей народной рѣчи, сближеніемъ съ нею—это дѣлалось и раньше,—но перевоплощенъ, на основѣ опредѣленнаго говора, въ живую литературную рѣчь, дѣтище народной среды и могучее орудіе общенія въ самыхъ широкихъ народныхъ слояхъ. Вообще здѣсь дѣло обстоитъ иначе.

Сами произведенія (стр. 29—129) арабскаго писателя, гдѣ со статьями и рѣчами, въ числѣ ихъ и о Вольтерѣ и о Толстомъ, помѣщены и стихотворенія въ прозѣ, представляютъ интересъ для чисто литературныхъ сопоставленій и параллелей, требующихъ спеціальной работы.

Для насъ представило бы особую и культурно-историческую, и жизненную цѣнность разсмотрѣніе вопроса о взаимодѣйствіи христіанскаго и мусульманскаго культурныхъ теченій въ двухъ различныхъ условіяхъ: во-первыхъ, когда это взаимодѣйствіе происходитъ въ одной національной средѣ, какъ, напр., въ арабской — въ Сиріи; во-вторыхъ, когда оно совершается въ многонародной средѣ, гдѣ каждый народъ свое національное самоопредѣленіе неразрывно связываетъ лишь съ одной или христіанской или мусульманской культурой, какъ на Кавказѣ. Въ арабской общественности и современной рядомъ съ вліяніемъ христіанъ на мусульманъ замѣтно обратное воздѣйствіе мусульманскихъ духовныхъ интересовъ на духовные интересы вообще арабской среды, и это сказывается прежде всего во вниманіи образованнаго общества въ Сиріи къ этическимъ темамъ и выведенію религіозныхъ вопросовъ изъ тѣсныхъ рамокъ конфессіональныхъ интересовъ въ область философіи и общественной этики. Въ кавказской средѣ мусульманская мысль, не нашедшая еще общаго языка съ христіанскими культурными теченіями Кавказа, ни сама не чувствуетъ особаго творческаго подъема, ни въ отношеніи духовной жизни христіанскихъ народовъ-согражданъ на Кавказѣ не проявляетъ той силы оплодотворенія, въ которой ей не можетъ быть отказано по существу, а также исторически. Именно на Кавказѣ имѣются историческія традиціи для нахожденія такого общаго языка не только между грузинами-христіанами и мусульманами персами — въ поэзіи и свѣтской литературѣ, но и между армянами-христіанами и мусульманами какъ персами, такъ турками-сельджуками — въ свѣтской поэзіи и свѣтской или гражданской архитектурѣ. Конечно, сейчасъ дѣло давно-минувшихъ дней то, что было въ Арменіи въ эпоху разцвѣта Ани и позднѣе или въ Грузіи, собственно въ ея отрѣзкѣ — въ Месхіи — въ эпоху Шоты изъ Рустава, если имѣетъ основаніе и историческое оправданіе моя гипотеза о происхожденіи его творенія (Грузинская поэма «Витязь въ барсовой шкурѣ» Шоты изъ Рустава и новая культурно-историческая проблема, ИАН, 1917, стр. 415—446, 475—506), но въ томъ прошломъ, по существу отнюдь не проблематичномъ, много поучительнаго для настоящаго Кавказа, далеко не стоящаго на высотѣ призванія или требованій момента. Нынѣ въ странѣ, какъ извѣстно, нѣтъ

общаго языка не только у мусульманскаго культурнаго теченія съ христіанскими, но и у христіанскихъ — другъ съ другомъ. Н. М.

— Къ этимологіи названій «Мцхета» и «Цицамур-и». (Изъ лексическихъ матеріаловъ по грузинскимъ говорамъ). Въ докладѣ на тему «Въ поискахъ Страбоновой Севсаморы (къ вопросу о древне-грузинскихъ мѣстообитаніяхъ)», прочитанномъ въ засѣданіи Кавказскаго Отдѣленія Московскаго Археологическаго Общества 18 октября 1916 года¹, я, между прочимъ, касался этимологіи названія «Цицамур-и» (წიწამური), resp. «Севсамора» (Σευσάμορα), причемъ по этому вопросу мною, по приведеніи соотвѣтствующей литературы предмета, было высказано слѣдующее: «Очень можетъ быть, что въ основѣ названія წიწამური Цицамур-и имѣетъ терминъ, оставленный въ видѣ слѣда при движеніи лѣтчиковъ по Арагвскому ущелью, и вскрыть его, на мой взглядъ, было бы возможно не иначе, какъ въ одномъ изъ горскихъ говоровъ грузинскаго (картскаго) языка».

Докладъ мой вызвалъ нѣкоторый откликъ въ мѣстной (тифлисской) прессѣ. Въ одной изъ замѣтокъ, посвященныхъ этому докладу, авторъ ея, г. Бреговдзе, счелъ нужнымъ сдѣлать отъ себя нѣкоторыя дополненія къ сообщеннымъ мною матеріаламъ по вопросу объ этимологіи названія «Цицамур-и»². Независимо отъ означенной замѣтки, г. Бреговдзе любезно предоставилъ въ мое распоряженіе всѣ имѣвшіеся у него, матеріалы по тому-же вопросу. Въ связи съ матеріалами о «Цицамур-и», г. Бреговдзе предоставилъ также аналогичные матеріалы по вопросу о названіи сосѣдняго съ «Цицамур-и» города «Мцхета» (მცხეთა).

Всѣ эти матеріалы, собственно говоря, и легли въ основу слѣдующаго изложенія.

I. Въ Имеріи, по словамъ г. Бреговдзе, до настоящаго времени употребляются глагольные формы объективнаго строя (отъ მცხეთა მცხეთა):

- а) аористъ — ед. ч. — მემცხეთა, გემცხეთა, ემცხეთა,
 мн. ч. — გვემცხეთა, გემცხეთათ, ემცხეთათ,

или:

- б) наст. время — ед. ч. — მემცხეთება, გემცხეთება, ემცხეთება,
 мн. ч. — გვემცხეთება, გემცხეთებათ, ემცხეთებათ

и т. п.

Однако, спрашивается: въ какихъ случаяхъ употребляется этотъ глаголъ?

Представьте себѣ, говоритъ г. Бреговдзе, что босые ребята отираются въ лѣсъ за грибами; вдругъ ихъ ноги наступаютъ на какой-то мягкій и слизкій предметъ, и, къ ихъ ужасу, предметъ этотъ оказывается не чѣмъ либо инымъ, какъ змѣей; въ тотъ моментъ, само собою разумѣется, неминуемъ страхъ. И если нѣчто подобное случается въ присутствіи кого либо, послѣдній, если только онъ — имерецъ, непременно спроситъ:

— ძან არ გემცხეთებოდა შე საწულო?

— იმისთანა მცხეთა უნს მცერს, მე რომ მემცხეთა, — только и отвѣтитъ пострадавшій.

Изъ устъ имерца можно также услышать такого рода предложенія:

¹ Докладъ печатается въ Извѣстіяхъ Кавказскаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества (т. XXV, 1917 г., вып. 1).

² Гермогенъ Бреговдзе, მცხეთა, გემცხეთა, გავ. სპ. სპ. სპ., 1916 г. № 244.

«იმისთანა მცნეთა უნეს მტერს, მე რომ მაშიჩემის სიკვდილის გაგებაზე შემცნეთა».
«იმისთანა მცნეთა უნეს მტერს, ჩემ სახლს რომ ცეცხლი შეეკიდა, მე მაშინ შემცნეთა».
«იმისთანა მცნეთა უნეს მტერს, მე რომ ზარბაზნის ცუვიაშ თავზე გადმოვიარა, მე მაშინ შემცნეთა».

«თუ ზიჭი ვყოფილვარ, ვამცნეთებ მე იმას სანახავ (sic), თვარა დაღეწოს კალო ჩემს თავზე».

Во всѣхъ этихъ предложеніяхъ налицо термины *მცნეთა* *მცნება* (сущ.) и *მცნეთება* *მცნებება* (глагол.).

И отсюда, по мнѣнію г. Брегвадзе, слѣдуетъ прійти къ тому заключенію, что слово *მცნეთა* *მცნება* означаетъ неожиданное, необыкновенное и потрясающе дѣйствующее явленіе, каковымъ, по его словамъ, и представлялась, въ глазахъ непріятеля, твердыня твердынь Грузіи — Мцхета или Мцхетъ¹, когда къ ней приближалось непріятельское войско.

Кстати, не мѣшало бы отмѣтить, что у В. Беридзе *ცხეთა* (*მ-ცნეთა*) объяснено слѣдующимъ образомъ: «ძალზე გაოცება, გულის შეწუხება; შემცნეთა — გულს შეცა, შეოცა»²; т. е. сильное удивленіе, волненіе (обморокъ); «მემცხეთა» — меня поразило, удивило.

II. Какъ извѣстно изъ свидѣтельства Страбона (*Geographica*, кн. XI, гл. III, § 5), городъ Севсамора или Циѣамур-и былъ расположенъ на скалѣ.

И теперь, по словамъ г. Брегвадзе, въ Имеріи и Рачѣ неприступную скалу называютъ *ციცაბო* *ციცაბო*³.

«ისეთი ციცაბოა, რომ კაცი ჭვანტს (ბრჭყვალს) ვერ მოიკიდე», — нерѣдко можно слышать изъ устъ имерца-крестьянина.

Когда на «цицабо» нѣтъ ни растительности, ни голышней, т. е. скала черезчуръ повисла и совершенно оголена, то говорить:

«უჰ, რო მოწროვებული ციცაბოა».

Если же термину *ციცაბო* *ციცაბო* желаютъ придать форму множественности, то говорятъ *წრიპები* *წრიპებ-ი*; такъ что *წრიპები* *წრიპებ-ი* равносильно тому, что сказать *ციცაბოები* *ციცაბოებ-ი*.

Если же, наконецъ, гора отличается черезчуръ отвѣсными и оголенными склонами или, что то-же, «цицабо»-ами («წრიპ»-ами), то такую гору называютъ *წიწამური* *წიწამურ-ი* или *წიწამურ-მა* *წიწამურ-მა*, т. е. «циѣамур-гора».

И если древній городъ Циѣамур-и (Севсамора) на самомъ дѣлѣ былъ расположенъ на «циѣамуро»-образной горѣ, въ такомъ случаѣ, по мнѣнію г. Брегвадзе, необходимо прійти къ тому заключенію, что свое названіе городъ этотъ получилъ отъ того, что расположенъ былъ на скалѣ, которая представляла со-

¹ О происхожденіи названія «Мцхета» см.: Н. Марръ, Исторія термина «абхазъ», ИАН, 1912, стр. 704 и прим. 5 тамъ-же; Н. Марръ, Къ исторіи передвиженія яфетическихъ народовъ съ юга на сѣверъ Кавказа, ИАН, 1916, стр. 1400 и прим. 2 тамъ-же.

² В. Беридзе, Грузинскій (картскій) глоссарій по имерскому и рачинскому говорамъ, МЯЯ, VI (Пгр 1912), в. в.

³ Терминъ этотъ употребителенъ также въ другихъ говорахъ грузинскаго языка [къ происхожденію слова см. Н. Марръ, Халдская клинообразная надпись изъ села Леска Ванскаго округа, ИАН, 1915, стр. 1793. Для поддержки предполагаемаго сопоставленія *ციცაბო* *წი-ცაბო* (< *წიძაბო) съ формальной стороны можно еще прибавить, что исходный гласный -о въ немъ есть остатокъ окончанія мн. числа -ог; къ паденію *g* въ паузѣ ср. *ბო* *qbo* (< *qbor*), мн. ч. *ბობი* *qbor-e-b-i*, — слѣдовательно, полная форма слова *ციცაბო* **წიძაბ-ог* (< *წიძაბ-ог) *Red.*]

бою «цѣдамур-и», т. е. гору, характеризующуюся очень отвѣсными и совершенно оголенными склонами¹.

Этимъ же терминомъ წიქამური *цѣдамур-и*, по словамъ г. Брегвадзе, было названо то желѣзное приспособленіе, которое мѣстные жители (т. е. имерцы и раѣинцы) издавна прибавляютъ къ лаптямъ, благодаря чему они и получаютъ возможность, карабаясь, взбираться на «цѣдамуро»-образную гору. Это замѣчаніе г. Брегвадзе, по справедливости говоря, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, согласно И. Чконія წიქამური означаетъ წიქი (წიქა-ა? Л. М.-Б), რიბის ფეხსაცმელი მუქში სწიპრულთა², т. е. коньки, желѣзная обувь, предназначенная для хожденія по горамъ. Слѣдовательно, синонимомъ წიქამური *цѣдамур-и*, въ смыслѣ обуви, является также терминъ წიქი *цѣпи-и*.

Таковы толкованія географическихъ названій «Мцхета» и «Цѣдамур-и», выставлемыя г. Брегвадзе на основаніи данныхъ имерскаго и раѣинскаго говоромъ грузинскаго (картскаго) языка. Толкованія эти, конечно, далеки отъ истины; тѣмъ не менѣе я считаю полезнымъ ихъ опубликованіе, такъ какъ они попутно вскрываютъ интересный лексическій матеріалъ по живой грузинской рѣчи.

Л. Меликсетъ-Беновъ.

— *Никиты Стифата, іеромонаха Студійскаго, «Опроверженіе армянской ереси» (грузинская версія)*. Въ сборникахъ догматико-полемическаго содержанія, существующихъ на грузинскомъ языкѣ, видное мѣсто занимаютъ вообще противоярмянскія произведенія Θεодора Абу-Куры, епископа Харранскаго, и Никиты Стифата, іеромонаха Студійскаго, — каковыя произведенія переведены съ греческаго на грузинскій языкъ, судя по всѣмъ даннымъ, въ XI столѣтіи Арсениемъ Икалѣйскимъ (прот. Корн. Кекелидзе, *Грузинская версія арабскаго житія св. Іоанна Дамаскина*, XV, III, 1914, стр. 139—141). Эти произведенія за послѣднее время и составляли предметъ моего изученія. Но такъ какъ въ первую очередь мною намѣчены къ изданію лишь противоярмянскія произведенія Абу-Куры Харранскаго, кстати сказать уже приготовленные къ печати, изданіе же аналогичныхъ произведеній Никиты Стифата возможно что нѣсколько запоздаетъ, то я и счелъ небезынтереснымъ представить краткій отчетъ о второй изъ этихъ группъ произведеній.

Изъ произведеній Никиты Стифата, іеромонаха Студійскаго, касательно армянъ въ грузинскомъ переводѣ существуетъ лишь одно. Это — Слово въ опроверженіе богохульной ереси армянской. Текстъ сохранился во множествѣ списковъ, причемъ важнѣйшіе изъ нихъ суть: О-ва грамотности № 1463 (А) и Тифл. Церк. музея №№ 64 (В), 65 (С) и 205 (D).

Слово состоитъ изъ слѣдующихъ 5 писемъ:

1. ნიკიტა მონაზონისა და სუცისა სტუდიელთა მონასტრისა სტოასისა სიკუჲსა პირველი განსჯიქებელი მგმობრისა მის წვალეზისა სომეხთასა *Никиты Стифата, монаха и іерея Студійскаго монастыря, Слово—первое посрамленіе богохульной ереси армянской* (А 255a1—258a2, В 109b1—115a1, С 226—236, D 322—333).

2. მისივე დასამკობელად მგმობრისა წვალეზისა სომეხთასა განსჯიქებელი მეორე *Его-же — Второе посрамленіе въ опроверженіе богохульной ереси армянской* (А 258a2—260b1, В 115a1 сл., С 236 сл., D 333—345).

¹ Ср. также замѣтку Г. Брегвадзе, с. I. — Впрочемъ вопросъ о происхожденіи названія «Цѣдамур-и» до поры до времени все-таки долженъ оставаться открытымъ.

² И. Чконія, *Грузинскій глоссарій*, МЯЯ, I (Игр. 1910), в. v.

3. მისივე განსაკუთრებული გ უმადილებლობის სომეხთაგანა სამწმიდობისათჳს *Ею-же — III-е посрамление неправославия армянъ въ отношеніи трисвятой* (A 260b₁—261a₁, B 121a₁—122a₂, C 244—247, D 345—348).

4. მისივე განსაკუთრებული მეოთხე წვდობის სომეხთაგანა *Ею-же — Четвертое посрамление ереси армянской* (A 261a₁—262b₂, B 122b₁—127a₂, C 247—262, D 348—358).

5. მისივე განსაკუთრებული მეხუთე წვდობის სომეხთაგანა და ევგომოსათჳს *Ею-же — Пятое посрамление ереси армянской и объ оприснокахъ* (A 262b₂—264b₁, B 127a₂—132a₁, C 262—272, D 358—368).

По содержанію своему это Слово Никиты Стифата касается главнымъ образомъ армянской догматики, имѣя цѣлью путемъ противопоставленія діофизитскихъ положеній греко-каатолической церкви опровергнуть армянское «монофизитство». Мѣстами Слово касается также обрядовой стороны, напр. празднованія Рождества и Крещенія Господня, священныхъ хлѣба и крови Христа, трисвятого славословія и т. п. Въ общемъ же оно ничѣмъ особеннымъ не отличается отъ обычныхъ противоармянскихъ трактатовъ другихъ авторовъ.

Л. М.-Б.

— *Нисколько словъ о терминѣ «сомех»*. Первоначальное мнѣніе Н. Я. Марра (Исторія термина «абхазъ», ИАН, 1912, стр. 705) о терминахъ ლომე-სომეხ и восходящаго къ нему ლომე-სომეხ-სი, какъ извѣстно, зиждилось на томъ предположеніи, что какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ налицо названіе народа ლომე-სომეხ < ლომე-სომეხ, къ которому приставленъ префиксъ ლომე-სო-, представлявшійся ему, Марру, какъ діалектическая разновидность обычнаго префикса ლომე-სო-. Однако, впоследствии въ цѣломъ рядѣ своихъ работъ (Изъ поѣздокъ въ Сванію, ХВ, II, стр. 22—23 и прим. 4 id.; Яфетическія названія деревьевъ и растений, ИАН, 1915, стр. 945; Къ датѣ эмиграціи мосоховъ изъ Арменіи въ Сванію, ИАН, 1916, стр. 1690; Грузинская поэма «Витязь въ барсовой пикурѣ» Шоты изъ Рустава и новая культурно-историческая проблема, ИАН, 1917, стр. 439—442) вопросъ о происхожденіи указанныхъ терминовъ былъ перенесенъ Н. Я. Марромъ въ совершенно иную плоскость, и самый-то сомехъ объясненъ какъ сложный этнический терминъ, состоящій изъ наименованій двухъ этническихъ группъ ლომე-სომეხ-სი и ლომე-სომეხ-სი (отсюда ლომე-სომეხ-სი > ლომე-სომეხ-სი-სი), т. е. на подобіе того, какъ образованы термины «армено-халибы», «свано-колхи», «егер-сваны» и т. п. Здѣсь я не задаюсь цѣлью войти въ разборъ основательности или несостоятельности нынѣ высказываемаго Н. Я. Марромъ мнѣнія. Мнѣ только хотѣлось-бы указать на одно новое обстоятельство, въ силу котораго первоначальное мнѣніе о возможности образованія термина სომეხ-სი изъ префикса სომე- и названія племени სომეხ, кстати сказать отвергаемое нынѣ и Н. Я. Марромъ (Къ датѣ эмиграціи мосоховъ изъ Арменіи въ Сванію, п. м., стр. 1690, прим. 1), должно быть покинуто навсегда.

Въ подготовляемой мною къ печати грузинской версіи Посланія Фомы Іерусалимскаго армянскимъ еретикамъ, въ переводѣ Абу-Куры Харравскаго, имѣется упоминаніе ლომე-სომეხ-სი *სომეხ-სი* (рп.: О-ва грам. № 1463, стр. 252a₂; Церк. музея № 64, стр. 100b₁, № 65, стр. 207, и № 205, стр. 303), вмѣсто обычнаго ლომე-სომეხ-სი *სომეხ-სი*. Наличие же таковой формы — ლომე-სომეხ-სი *სომეხ-სი*, несомнѣнно, должна привести къ тому положенію, что въ ней, этой формѣ, мы

имѣемъ географическое названіе, образованное отъ основы *Եմջե* *soMex* (а не *ջե* *mex*), какъ этническаго термина, съ помощью префикса *Ե- sa-* (по аналогіи *Նաթգ- հյուս* *Самегрел-о*, *Նաեցղու* *Са-инил-о*) и обычнаго суффикса *-ո -о* въ дополненіе къ окончанію имени мѣста *յո- et-*. Такимъ образомъ, на основаніи одного лишь того, что въ названіи *Նաեմջու* *Са-сомх-+et-о* мы уже въ самомъ началѣ его имѣемъ префиксъ имени мѣста *Ե- sa-*, устраняется возможность, чтобы въ слѣдующемъ за этимъ префиксомъ слогъ *Ե- со-* признать вторичный префиксъ съ тѣмъ-же значеніемъ мѣста. Поэтому то въ терминѣ *Եմջե* *soMex* частица *Ե- со-* отнюдь не можетъ быть разсматриваема какъ префиксъ, въ какомъ бы значеніи мы его ни приняли, а скорѣе таковая частица должна быть признана принадлежащею къ составу основы самаго термина *Եմջե* *soMex*¹.

Л. М.-Б.

— *Гадженкъ* — *Гичианъ*. Въ своей статьѣ Къ вопросу о мѣстоположеніи Цуртава (Извѣстія Кавк. Отд. Русск. Геогр. О-ва, т. XXIV, 1916, стр. 341—345) я, къ сожалѣнію, не имѣлъ возможности процитовать подлинное свидѣтельство армянскаго историка X вѣка Ухтанэса относительно Цуртава, который имѣе отождествляется съ мѣстечкомъ «Гадшенкъ», геср. «Гадженкъ». Ухтанэсъ (*Գաժենի թիւն բաժանան գրաց 'ի հայոց*, Вагаршанатъ 1871, стр. 34) говоритъ:

Զի Եւրուան այն անուն' որ միշտ
Էւ յար յիշատակեցաք ի պատմութեան
սուս <եւ> յիշատակեմք. յայնմ ժամանակի այն
կոչէր անուն, իսկ այժմ որչորքեւլ կոչի
Գաջենք: Յայնժամ լի է Էւ բնդարձակ
մայրաքաղաք մեծ Էւ հռչակաւոր. իսկ
այժմ փոքրեւլ Էւ շափաւորեւլ քաղա-
քադեղ. յեղը դեպոյն' որ կոչի յիւր
անուն Գաջենդեա, ի նահանգին' որ
կոչի Վրաց-դաշն, որ է միջնահաման
երկուց աշխարհայն Հայոց Էւ Վրաց,
հայի հանդիպ լերինն Վաւկասու, որ
է սահմանակից հրաշալէն Էւ հրաշալի
հռչակաւոր Էւ աննաւոր մեծի մայ-
րաքաղաքին Յփինաց. Էւ եղեւլ Եւր-
ուան այն բնակարան բոկիւրի մեծի
'իսկ քաղաքաց:

Ибо Цуртавъ, подъ какимъ названіемъ постоянно приходилось упоминать о немъ въ настоящей исторіи и упоминаемъ, въ то время назывался такъ, нынѣ-же онъ извѣстенъ подъ названіемъ «Гадженкъ». Тогда густо населенный и, обширный столичный городъ (*букв.* метрополія)—прославленный, а нынѣ уменьшенное мѣстечко, въ умѣренныхъ предѣлахъ, на берегу рѣчки, которая называется по его имени «рѣчкой Гадженка» въ области, называемой «Врацдаштъ» [т. е. «грузинское поле»], составляющей собою границу между двумя странами—Арменіею и Грузіею, съ видомъ на супротивъ лежащія горы Кавказа, и сопредѣльной великолѣпному, чудному, славному и знаменитому столичному городу Тифлису. И былъ этотъ Цуртавъ мѣстопробываніемъ великаго «бденх»а Гугарин»².

[¹ Нисколько не думая поддержать правильность перваго толкованія *soMex*, какъ термина съ префиксомъ *so-* вм. *sa-*, хотимъ только предостеречь, что сама по себѣ повсе не исключается вторичная постановка префикса *sa-*, когда онъ уже существуетъ въ словѣ, напр. л. *sa-saqm-о* *занятіе*, *букв. чѣмъ слѣдуетъ заняться* отъ *sa-qme* *дѣло*. Очевидно, въ этомъ случаѣ забыто происхожденіе перваго слога въ *sa-qme*, и въ немъ префиксъ *sa-* воспринятъ какъ часть основы. Тѣмъ легче было бы допустить такое затемнѣніе того же префикса *sa-*, когда его огласовка, предполагалось, была видоизмѣнена (*sa- < so-*) въ томъ же еще спорномъ по происхожденію терминѣ *soMex*. *Ред.*]

² Букв. «гугарцевъ» или «области гугарцевъ».

Въ той же статьѣ мною отмѣчалось общепринятое мнѣніе о томъ, что «Гадшенкѣ», геср. «Гадженкѣ» Ухтанэса это — то же, что «Гачіант» Вахушта. И въ самомъ дѣлѣ: армянская форма названія — «Гадженкѣ» (Գաճ-են-դ Gađ-en-q) представляетъ собою не что иное, какъ *plurale tantum* отъ «Гадя» (Գաճ Gađ), причѣмъ և en и ր q суть показатели множественности (сугубое множественное число) подобно тому, какъ грузинская форма названія — «Гачіант» (გაჩ-ი-ან-ი Gač-i-an-i) является *plurale tantum* отъ «Гач» (გაჩ Gač), при чемъ ան — показатель множественности (простое множественное число), приданный къ основѣ со сращеннымъ гласнымъ, характеромъ им. падежа -ი -i. [Впрочемъ, и -en въ Գաճ-են-դ Gađ-en-q является, повидимому, ослабленіемъ если не -ean (*Gađ+e-an-q), то -eun (Գաճ-ე-უნ Gađ-eun-q), судя по удержанію «е» въ безударномъ слогѣ, такъ — въ названіи рѣчки Gađenaget]. Л. М.-Б.

— Къ вопросу о системахъ пунктуации въ древней Грузіи. Вопросъ о системахъ пунктуации въ древней Грузіи, какъ извѣстно, далеко еще не изученъ. Его касается, и притомъ лишь съ практической стороны дѣла. И. А. Джаваховъ въ брошюрѣ О знакахъ препинанія при изданіи древне-грузинскихъ текстовъ (Пособія для работъ по армяно-грузинской филологіи, изд. Акад. Наукъ. III, Пгр 1916), въ каковой брошюрѣ указываются системы знаковъ препинанія, введенныя Ефремомъ Малымъ и католикосомъ Антоніемъ. Существовали ли, кромѣ этихъ двухъ системъ, еще другія системы пунктуации, конечно, затруднительно сказать. Но при всемъ томъ, нельзя обойти молчаніемъ то обстоятельство, что въ эпоху католикоса Антонія, судя по рукописямъ того времени, существовала еще нѣсколько иная система пунктуации, очень можетъ быть привнесенная подъ вліяніемъ армянскихъ грамотеевъ того времени. Я имѣю въ виду отмѣтить недавно просмотрѣнные мною наличные рукописные экземпляры Сокращенія Толкованія Книгъ Нижереченія (შემოკლედი ახსნა პერიკლ-შენიანი წიგნთა), переведеннаго съ армянскаго на грузинскій языкъ, судя по имѣющейся въ концѣ этихъ экземпляровъ записи армянскимъ священникомъ Филиппомъ Кайтмазовымъ. Такъ, напримѣръ, въ этихъ спискахъ (№ 535 Тип. Церк. музея, № 278 О-ва грамотности и др.) сплошь и рядомъ попадаются такого рода знаки: ' (: -), ° (?), которые употребляются лишь въ армянскомъ письмѣ (' — арм. զո, - — арм. հարց-դան նշան). Вотъ и подлинныя выписки изъ рукописи: 1) «პირველად ესე აზრი. რამეთუ ყოველი განმარტება რაღაც არიან საქმეთაჲს დადებ სიტყვთ დასდებენ» или «კუალად მრავალ არიან სქესნი სიტყვათანი» и 2) «თქვენ ჩნდა სვედარელნი, მოყვარენი სიბრძნისანი, ვი ქართლოსიანნი პრძებნო»¹. Однако, отмѣчая эти явленія въ старинной грузинской письменности, трудно не считать ихъ нововведеніями армянскихъ книжниковъ эпохи Антонія I, въ частности священника Филиппа; хотя, впрочемъ, независимо отъ сего, не мѣшало бы заняться вообще изслѣдованіемъ вопроса — существовали ли подобныя знаки препинанія древнѣе эпохи вышеупомянутаго ученаго католикоса и его литературныхъ сподвижниковъ. Л. М.-Б.

— О «Набарнуги», мірскомъ имени Петра Исера. Въ помѣщенномъ выше обстоятельно изслѣдованіи о мѣстѣ кончины и погребенія св. Максима Исповѣдника брошенъ новый свѣтъ между прочимъ на имя «Набарнугіос», какъ въ

[¹ Здѣсь, надо думать, не вопросительный знакъ ? а восклицательный ? Ред.].

миру назывался палестинский дѣятель V-го вѣка Петръ Иверъ по сирийскому его Житію. Возведя двѣ разновидности $\Lambda\epsilon\beta\alpha\rho\nu\acute{\iota}\chi\iota\omicron\varsigma$, имя патрікія Лазики и $\text{В}\epsilon\rho\nu\acute{\omicron}\chi\iota\omicron\varsigma$, имя отца Сергія ($\acute{\omicron}$ τοῦ $\text{В}\epsilon\rho\nu\acute{\omicron}\chi\iota\omicron\varsigma$), также патрікія Лазики, къ подлинной формѣ $*\Lambda\epsilon\beta\alpha\rho\nu\acute{\omicron}\chi\iota\omicron\varsigma$, въ ней авторъ изслѣдованія А. И. Бриллиантовъ предлагаетъ признать прототипъ мірскаго имени «Набарнугіосъ» (ХВ, VI, стр. 47, прим. 1): „«На» и «ле» въ сирийскомъ письмѣ, какъ извѣстно, могли быть смѣшиваемы“, пишетъ А. И. Бриллиантовъ, и „въ виду существованія имени $\Lambda\epsilon\beta\alpha\rho\nu\acute{\omicron}\chi\iota\omicron\varsigma$ можетъ являться вопросъ, не стояло ли въ греческомъ оригиналѣ Житія именно это имя, а не «Набарнугіосъ» нынѣшняго сирийскаго текста“.

Предлагаемое сопоставленіе любопытно не только формально. Имя патрікія Лазики или его родни въ VII-мъ вѣкѣ насъстораживаетъ въ сторону отношенія его къ мѣстнымъ языковымъ матеріаламъ, прежде всего сванскимъ и мегрело-чанскимъ и потому, что сванизмъ, точнѣе сон-мехизмъ (со-мехизмъ) въ грузинскихъ историческихъ именахъ въ V-мъ вѣкѣ нынѣ представляется тѣсно сплетеннымъ съ вопросомъ о начальной эпохѣ христіанской культуры грузинъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ, когда я писалъ Предисловіе грузинской версіи Житія Петра Ивера царевича-подвижника и епископа Майумскаго (Правосл. Палест. Сборникъ, т. XVI, вып. II, 1896), народы, которые могли вліять на грузинскій составъ именъ царскаго дома въ Грузіи, въ нашемъ представленіи замыкались тѣснымъ кругомъ грековъ и особенно иранцевъ-персовъ съ придачею армянъ. Независимо отъ этой односторонности исходной точки зрѣнія, я не сумѣлъ тогда отмѣтить чрезвычайно характерный для яфетическаго міра суффиксъ $-ug < -uk$, эквивалентъ суффикса $-ik$, въ Nabarn-ug-i-os: это тотъ же суффиксъ, что въ именахъ, напр., у грузинъ — Bej-uk или вулгарно, съ вараченіемъ эмфатическаго «а», — Mat-uk-a , Bej-uk-a и т. п. Иначе я не искалъ бы выхода изъ затрудненія, созданнаго противорѣчіемъ двухъ показаній касательно мірскаго имени Петра Ивера, въ предпочтеніи иранскаго Мурвана грузинскаго источника казаншемуся страннымъ до степени нереальности «Набарнугіосъ»у сирийскаго источника и въ объясненія послѣдняго въ искаженіи, которое могло возникнуть на почвѣ сирийскаго письма. Теперь же, когда вариантъ сирийскаго источника А. И. Бриллиантовъ основательно сопоставляетъ съ $\Lambda\epsilon\beta\alpha\rho\nu\acute{\omicron}\chi\iota\omicron\varsigma$ или $*\Lambda\epsilon\beta\alpha\rho\nu\acute{\omicron}\chi\iota\omicron\varsigma$ (кстати, и расхожденіе $-ik || -uk$ въ этихъ двухъ разновидностяхъ реально-фонетическаго, а не графическаго происхожденія), то нѣтъ необходимости варіаціи начальнаго слога ($na-$, $le-$) въ сопоставляемыхъ именахъ — $\text{Lebarn-uk} || \text{Nabarnug}$ — возводитъ къ особенностямъ сирийскаго письма, къ тому, что „«на» и «ле» въ сирийскомъ письмѣ могли быть смѣшиваемы“. Нѣтъ необходимости въ условіяхъ сирийскаго письма искать и объясненіе отклоненія огласовки, «а» вм. «е», съ ссылкой на то, что въ сирийской транскрипціи, обходящейся безъ гласныхъ — $\omega\alpha\lambda\alpha\iota\alpha\iota$ N-b-r-n-w-g-y-w-s, интересующая насъ основная часть имени можетъ быть прочитана и Nabarnug и Nebarnug. Нѣтъ надобности вообще въ работѣ надъ графической стороной, такъ какъ, если въ лазскомъ имени мѣстнаго типа $\text{Na-barn-ug} || \text{Le-barn-uk}$ мы имѣемъ образованіе съ безспорно сванскимъ префиксомъ $na-$ || $le-$, всѣ отмѣчаемыя уклоненія могутъ найти объясненіе реально-фонетически. Прежде всего въ сванскомъ смягченный «а» (ä), иностранцами всегда воспринимаемый какъ простой «а», діалектически появляется и какъ «е». Затѣмъ, въ сванскомъ видъ съ и префикса ($na-$, resp. $l\ddot{a}- || le-$) есть архаическій сравнительно съ другимъ плавнымъ видомъ ($la-$, resp. $l\ddot{a}- || le-$), т. е. въ дѣйствительности на лицо у насъ, по всей видимости, не гра-

фическое искаженіе одного имени, а его двѣ сванскія реальныя звуковыя разновидности: въ сирійскомъ источникѣ V-го вѣка разновидность съ архаичнымъ префиксомъ *na-*, собственно *na-*: *Na-barn-ug-i-os*, въ греческомъ источникѣ о событіяхъ VII-го вѣка — съ вульгарнымъ, притомъ діалектическимъ *le-*: *Λε-βερνιχ-ι-ος*.
Н. М.

— *О транскрипціи кавказскихъ собственныхъ именъ.* Редакція проситъ постоянныхъ сотрудниковъ и вообще лицъ, помѣщающихъ свои работы въ ХВ, при передачѣ географическихъ названій Кавказа, а равно личныхъ именъ придерживаться нормъ, приближающихъ насъ къ сознательному воспріятію звуковыхъ или морфологическихъ особенностей того или иного языка Кавказа. Такъ, напр., въ отношеніи географическихъ названій Грузіи или вообще грузинскихъ названій надо считаться и съ разъясненіями, хотя лишь попутными, данными уже въ замѣткѣ О вкладѣ христіанскаго Востока въ древне-русское искусство (ХВ, т. V, стр. 222): нельзя окончаніе именительнаго падежа *-i* (русс. *-и*) удерживать въ русской передачѣ грузинскихъ названій и личныхъ именъ. То же самое съ еще большей силой приходится утверждать касательно грузинскихъ географическихъ названій съ *-j* *-ež*, когда хотимъ дать имъ гражданство въ русской рѣчи, а не транскрибировать лишь ихъ какъ экзотическую грузинскую форму. Передача грузинской буквы *j* русскою *e* даетъ въ свою очередь явно искаженное представленіе о звуковомъ ея значеніи — «э». Что касается аспиратовъ, въ частности и *j=k* (русс. *к*), то или надо ихъ вездѣ передавать въ точной транскрипціи или, указавъ лишь въ одномъ мѣстѣ особенность грузинскаго произношенія того или иного звука въ обсуждаемомъ терминѣ, довольствоваться затѣмъ систематическимъ проведеніемъ одной и той же русской приблизительной передачи специфическаго кавказскаго звука. Вопросъ, конечно, не столь простой, какъ онъ можетъ сразу показаться. Потому редакція считаетъ себя не въ правѣ дѣлать въ этомъ отношеніи исправленія помимо ясно выраженнаго желанія сотрудниковъ, особенно когда печатаемая работа — обширна и въ ней цитуются разные авторы, каждый своимъ особымъ пониманіемъ этой формальной стороны и безъ того вносящіе пестроту въ передачу собственныхъ именъ.
Н. М.

Критика.

Θ. И. Шмитъ. *Замѣтки о поздневизантійскихъ храмовыхъ росписяхъ*. (Отд. отт. изъ Византійскаго Временника, т. XXII, стр. 62—126).

Въ интересной, живо написанной, мѣстами рѣзко полемической статьѣ проф. Θ. И. Шмита Замѣтки о поздневизантійскихъ храмовыхъ росписяхъ¹ формулируется новая постановка вопроса объ источникахъ, о традиціяхъ начального русскаго искусства въ отношеніи церковныхъ росписей и мозаикъ. Съ большою рѣшительностью авторъ ополчается на «константинопольскій догматъ» (11, 15, 64) и требуетъ «если не окончательно отвергнуть его», «то, во всякомъ случаѣ, перестать признавать его догматомъ, который не требуетъ доказательствъ» (64). Источникомъ древнерусскихъ росписей онъ считаетъ подобно «пылкому І. Стржиговскому» (17)² «Востокъ, а не Византію» (64), признавая впрочемъ, что пока этотъ «воинственный кличъ» (64) является тоже «догматомъ, не доказаннымъ и въ настоящее время еще не доказуемымъ». «Такими общими боевыми словечками наука удовлетвориться не можетъ: нужны доказательства, нужны факты. Фактовъ, пока, мы имѣемъ мало въ нашемъ распоряженіи. Ихъ нужно добыть» (65). Последнее составляетъ своего рода дополнительный тонъ всей «статьи-вопля» (4): «надо настоять» на «научно-удовлетворительномъ изданіи» памятниковъ, «надо настоять» на изысканіи «и людей, и денегъ» для изученія ихъ (5 et pass.).

Если Стржиговскій до сихъ поръ «проповѣдывалъ» «новый догматъ о подавляющемъ культурномъ и художественномъ значеніи Египта и Месопотаміи, Сиріи, Малой Азіи» (18) и лишь постепенно за послѣднее время все охотнѣе и настойчивѣе обращается къ Кавказу, собственно къ Арменіи³, то Θ. И. Шмитъ опредѣленно занялъ въ реферируемой статьѣ позицію борца за кавказскій догматъ, примѣняя его выраженія. Правда, это сложившееся, видимо, еще до написанія статьи и прослѣженное — таково

---

¹ Введение и первая часть о Кіевскомъ Михайловскомъ Златоверхомъ Соборѣ въ ВВр, томъ XXII, вып. 1 и 2, 1915—1916 г., Петроградъ, 1916, стр. 62—126 (=отд. отт. стр. 2—66). Я цитирую по отдѣльному оттиску.

² Въ общемъ характерѣ написанія всей статьи тоже много общаго съ манерой Стржиговскаго — то же нагроможденіе разнороднаго матеріала по совершенно случайному поводу и развитіе общихъ положеній на отдѣльныхъ, частныхъ случаяхъ, та же легкость въ развертываніи горизонтовъ и скудость обосновыванія.

³ Ср. его *Kleinasien*, 1903, или *Amida*, 1910.

впечатлѣніе — по разнымъ направлєніямъ мнѣніе о зависимости русскаго искусства первоначальной поры отъ искусства Кавказа въ виду малой доказательности приводимыхъ фактовъ—вѣдь, по мнѣнію самого автора, «если мы чрезвычайно мало знаемъ о памятникахъ русскихъ, мы и того меньше знаемъ о памятникахъ Кавказа» (19)—смягчается въ большинствѣ мѣстъ, и къ нему выдвигаются даже оговорки или расширенія на Малую Азію (23). Но за то, съ другой стороны, выдвигается болѣе, въ сравненіи съ Константинополемъ, значеніе Кавказа съ его искусствомъ въ отношеніи, напр., Болгаріи (43, 35), т. е. значеніе искусства Кавказа приобретаетъ (какъ и по мысли Стржиговскаго) интернаціональное значеніе.

Для развитія своего положенія Ѳ. И. Шмитъ приводитъ какъ мнѣнія другихъ (о. Лебединцева, 18—19), такъ свѣдѣнія историческихъ источниковъ и, наконецъ, данныя раскопокъ могильниковъ (36—40). Но вся тяжесть вопроса лежитъ въ обсужденіи двухъ иконографическихъ сюжетовъ: Причащенія апостоловъ (22—34, 59) и Деисуса (60—64).

Изслѣдуя «эволюцію» сюжета Причащенія апостоловъ «въ восточномъ христіанскомъ искусствѣ», Ѳ. И. Шмитъ приходитъ «къ весьма поучительнымъ выводамъ» (22). Оказывается, что «въ цѣломъ рядѣ храмовъ кievской области XI и XII вѣковъ», а также въ рядѣ сѣверныхъ церквей, «въ алтарѣ на стѣнѣ изображено причащеніе Спасителемъ апостоловъ, между тѣмъ, какъ мы этого сюжета въ константинопольскихъ храмахъ того же времени не встрѣчаемъ» (22—23 и точнѣе формулировано на стр. 60), за единственнымъ, быть можетъ, исключеніемъ Серрской Митрополіи. «Но Причащеніе апостоловъ очень обычный въ алтаряхъ кавказскихъ храмовъ сюжетъ...» (23)¹. Сюжетъ этотъ «только въ Россіи и, опять, на Кавказѣ» «повторяется постоянно въ особой редакціи: «Христу прислуживаютъ ангелы-діаконы, чего мы нигдѣ въ раннихъ западно-византійскихъ памятникахъ не видимъ» (23). Ѳ. И. Шмитъ видитъ въ этомъ не «лишенную значенія» деталь, а «рѣшительный шагъ по пути къ выработкѣ дальнѣйшей — уже не догматической, а мистической—композиціи, извѣстной подъ названіемъ «Божественной литургіи», каковую «откуда-то» Византія принимаетъ потомъ въ готовомъ видѣ (23). Мы не можемъ входить здѣсь въ изложеніе взглядовъ автора, характеризованныхъ предикатами «догматической», «мистической» композицій, хотя это, видимо, и составляетъ въ дальнѣйшемъ для него самый вѣскій аргументъ считать родиною этихъ композицій Кавказъ или Малую Азію. Но считаемъ нужнымъ опредѣленно указать, что отъ разсмотрѣнія исторіи этой композиціи по его мнѣнію «мы можемъ ожидать указаній для разрѣшенія проблемы и происхожденія искусства русскаго, и корней искусства поздневизантійскаго» (23—24). На слѣдующихъ затѣмъ 10 страницахъ, трактующихъ эту же композицію, а тѣмъ болѣе на дальнѣйшихъ 25-ти, гдѣ говорится по поводу нея о связяхъ Кавказа съ Россіей, о Бол-

¹ Три точки принадлежатъ автору.

гарин, о Десятинной церкви, о Черниговскихъ церквахъ, о св. Софїи Кїевской — мы не находимъ фактическаго изслѣдованія по вопросу эволюціи даннаго сюжета и, за исключеніемъ долженствующихъ убѣдить читателя нѣсколькихъ перечней кавказскихъ храмовъ, въ росписи конхъ имѣется и данная композиція, никакихъ доказательствъ въ пользу ея кавказскаго происхожденія; малоазійское же происхожденіе держится только на «мистичности» ея (ср. стр. 34)¹. Въ виду этого мнѣ кажется необходимымъ хотя нѣсколько присмотрѣться къ этимъ кавказскимъ примѣрамъ: Зарзма, Пипунда, Греми, Кипцвиси (26 и 31), Ахтала, Гелати, Некреси (27), вакопецъ, Лехне, Ацхуръ, Атени, Икорта, три церкви Сафарскаго монастыря — Успенія, св. Саввы и св. Марины, Хони, Шемокмеди, Чулеби, перковы Тиграна и Оненца въ Ани (28) и кромѣ того еще одна митра и свитокъ литургіи Іоанна Златоуста въ Гелати (28—29). Изъ этого списка только въ росписяхъ Ахталы, Гелати и Некреси мы имѣемъ «мистическую» редакцію, т. е. съ служащими Христу ангелами; въ Зарзмѣ, Пипундѣ, Греми и Кипцвиси — редакція «догматическая»; а касательно остальныхъ неизвѣстно какая. Но не въ этомъ маломъ числѣ представителей дѣло, а въ томъ, что пока нѣтъ хронологическихъ данныхъ почти ни объ одной изъ росписей перечисленныхъ храмовъ. О. И. Шмитъ отмѣчаетъ единственный разъ, и то о самыхъ храмахъ (Пипунды, Греми и Кипцвиси), что о нихъ «я никакими точными хронологическими свѣдѣніями не располагаю» (26); относительно росписей всѣхъ прочихъ церквей по контексту выходитъ (прямо это не сказано), что онѣ относятся ко времени не позже XI—XII вв. А между тѣмъ церкви въ Чулеби и св. Саввы и св. Марины Сафарскаго монастыря основаны лишь въ началѣ XIV в., а Анійская церковь въ 1215 году. Что касается другихъ церквей списка, то кавказская археологія стоитъ сейчасъ какъ разъ на порогѣ общаго пересмотра и изслѣдованія всѣхъ связанныхъ съ этимъ данныхъ и вопросовъ. Такъ-что утверждать ту или иную древность тѣхъ или иныхъ росписей пока что мы можемъ только въ единичныхъ случаяхъ². Но тогда естественно все построеніе о кавказскомъ происхожденіи «мистическаго» извода композиціи до доказательства древности наличныхъ примѣровъ виситъ въ воздухѣ и никого убѣдить не можетъ; а именно таково положеніе касательно Ахталы, Гелати и Некреси, хронологія росписей конхъ никѣмъ не устанавливалась.

Другой иконографическій сюжетъ — Деисусъ — составляетъ еще опредѣленнѣе одну изъ базъ для обоснованія кавказскаго «догмата» (позволимъ себѣ это выраженіе, такъ какъ авторъ и самъ считаетъ, что его

¹ Не можетъ не отмѣтить здѣсь къ свѣдѣнію автора, что по лингвистическимъ сопоставленіямъ, произведеннымъ Н. Я. Марромъ надъ именемъ бога Савазія (Богъ *Տաճիւս* у армянъ, ПАН, 1911, стр. 759—774, Орако-армянскій *Sabadios-aswai* и сваяское божество охоты, ИАН, 1912, стр. 827—830), яфетическое, т. е. въ нашемъ случаѣ тѣмъ самымъ и кавказское его происхожденіе обеспечено.

² Между прочимъ, повидимому, поддаются опредѣленному датированію и тѣ «византійскаго письма» фрески съ церковно-славянскими надписями, находимыя въ Грузіи, которыя по мнѣнію О. И. Шмита «настолько интересны, что заслуживали бы большаго вниманія!» (21).

статья не разрѣшаетъ вопроса, а только служить «къ постановкѣ» его (64). «Денсусъ изрѣдка появляется въ византійскихъ росписяхъ, но не имѣетъ опредѣленнаго мѣста въ нихъ» (60). Онъ появляется «и въ полукуполѣхъ главныхъ апсидъ» (60) и «на стѣнѣ въ главной апсидѣ» (61, ср. 60) и «на триумфальной аркѣ» (61) и на ключахъ подкупольныхъ арокъ (61); даже въ самомъ главномъ куполѣ (62); затѣмъ «онъ довольно часто встрѣчается въ среднемъ отдѣленіи нарѣнка, передъ входомъ въ каюликонъ», что, по мнѣнію Θ. И. Шмита, тоже указываетъ «на принадлежность Денсуса къ циклу именно алтарной росписи» (61) и, наконецъ, надъ входными дверьми въ храмъ (62)¹. Ставя вопросъ «какъ же могло случиться, что столь важный въ догматическомъ отношеніи сюжетъ, какъ Денсусъ, не нашелъ себѣ опредѣленнаго мѣста въ системѣ церковной росписи» (62), Θ. И. Шмитъ даетъ прямой отвѣтъ, выводъ изъ разсужденій, «которые мы должны сдѣлать» (62), что «гдѣ-то въ предѣлахъ «византійскаго» культурнаго міра Денсусъ чрезвычайно прочно завоевалъ себѣ мѣсто въ схемѣ церковной росписи» (62), что «только въ константинопольскихъ росписяхъ то мѣсто, которое принадлежало Денсусу на родинѣ, было уже занято, и столь прочно, что Денсусъ не могъ вытѣснить общепринятую композицію съ традиціоннаго мѣста» (62) и что, наконецъ, на вопросъ «гдѣ родина Денсуса, и какое ему принадлежало мѣсто на родинѣ» отвѣчаетъ «длинный рядъ росписей кавказскихъ» (62—63). Такимъ образомъ Θ. И. Шмитъ утверждаетъ, что Кавказъ является тою страной, «гдѣ Денсусъ занималъ въ системѣ церковной росписи опредѣленное и весьма видное, центральное мѣсто и откуда онъ проникъ въ западно-византійскія росписи» (64), и что это мѣсто было «въ полукуполѣ главной апсиды» (63). Здѣсь опять необходимо присмотрѣться къ самимъ примѣрамъ: Эркети, Жибіани, Мацховари, Никапари, Сафарскаго монастыря церкви св. Саввы и св. Марины, Сахдари, Суни, Тбеті, Цроми, Хони, Чукули, Шемокмеди (63) и, наконецъ, армянская роспись XI вѣка въ Бѣломъ монастырѣ близъ Сохага (въ Египтѣ) (63—64). Характерно въ этомъ перечнѣ присутствіе пяти сванскихъ церковокъ съ ихъ поздней, хотя и интересной подчасъ, росписью (Жибіани, Никапари, Сахдари, Суни и Чукули), дагѣ гурійскихъ церквей съ росписью XVII—XVIII вѣка (Эркети, Мацховари, и, вѣроятно, также Шемокмеди)²; церковей Сафарскаго монастыря съ росписью XIV вѣка; Тбет-

¹ Въ Русскихъ Древностяхъ И. Толстого и Н. Кондакова (Вып. IV, СПб. 1891, стр. 124) отмѣчено, что «Денсусъ на иконостасѣ находился нѣкогда во многихъ древнихъ церквахъ Кавказа».

² Церковь въ Эркети по словамъ Д. З. Бакрадзе (Арх. пут. по Гуріи и Адчарѣ, 215)—«покрыта свѣжею живописью яркой краски» и расписана Бежаномъ Беридзе по повелѣнію Джуматели Максима, жившихъ во второй половинѣ XVIII вѣка (ib., 311). Въ церкви Мацховари въ Агеті къ вопросу о Денсусѣ имѣетъ слѣдующее описаніе Д. З. Бакрадзе (ib., 242): «фрески въ куполѣ Спаса въ полѣ съ ангелами кругомъ и въ горнемъ мѣстѣ І. Христа въ облаченіи». Что касается росписи въ Шемокмедской церкви Спаса, то она, вѣроятно, относится къ реставраціи Шемокмеды Якова Думбадзе, начала XVIII вѣка (ib., 116, 117);

скаго собора съ изображеніемъ вовсе не Деисуса, какъ видно по изображенію на табл. XIII МАК¹; и, наконецъ, Цромскаго храма тоже вовсе не Деисуса². Такимъ образомъ остается Деисусъ съ прибавленіемъ архангеловъ только въ небольшой Хонской церкви неизвѣстнаго времени, да подводящая подъ тотъ же сюжетъ роспись Бѣлаго монастыря³. Но тогда все построеніе о кавказскомъ происхожденіи композиціи Деисуса отпадаетъ, какъ отпадаетъ на первый взглядъ столь послѣдовательно произведенное здѣсь именно помѣщеніе ея въ алтарѣ. Такъ какъ примѣръ, приведенный и О. И. Шмитомъ, церкви въ Схалтѣ (62), гдѣ Деисусъ помѣщенъ надъ входомъ, является не единственнымъ: мы находимъ другой примѣръ въ церкви XIII-го вѣка въ Ани, построенной Бахтагейкой⁴; затѣмъ, рельефъ, поздній высѣченъ на восточной наружной стѣнѣ Мцхетскаго патріаршаго собора. Такимъ образомъ и относительно кавказскаго происхожденія композиціи Деисуса, также какъ относительно Причащенія Апостоловъ пока не приведено никакихъ положительныхъ доказательствъ.

На этомъ можно бы было и кончить разсмотрѣніе данной статьи, но есть еще въ ней нѣсколько хотя и второстепенныхъ, но всплывающихъ въ разныхъ ея мѣстахъ, мыслей, которыя являются при этомъ по всѣмъ даннымъ недоказуемой и для О. И. Шмита гипотезой. Къ числу таковыхъ прежде всего слѣдуетъ отнести вопросъ о связи между мозаиками кievскими и кавказскими, на которомъ попутно нѣсколько разъ останавливается О. И. Шмитъ. И въ этомъ вопросѣ онъ начинаетъ осторожно, издавѣка, констатированіемъ опять внѣшнихъ различій между «византійскимъ» искусствомъ въ смыслѣ «цареградскаго» (17) и «византійскимъ» въ смыслѣ вообще восточно-христіанскаго. И здѣсь О. И. Шмитъ замѣчаетъ, что всѣ росписи XI—XII в. «рѣзко дѣлятся на двѣ группы: въ однихъ храмахъ символическія композиціи занимаютъ только своды и стѣны выше карниза, идущаго на уровнѣ пять сводовъ, а въ другихъ мозаики или фрески заходятъ и на самыя стѣны» (16). Но это дѣленіе не ограничивается и указаннымъ временемъ, а можетъ быть прослѣжено на памятникахъ того же «географическаго распределенія» (16) и въ болѣе раннее время VI—VII-го вѣковъ (17). А именно: «они въ одной изъ росписей, зависящихъ отъ Константинополя, стѣнныхъ мозаикъ нѣтъ; онѣ есть въ храмахъ сѣверно-адриатической [Равенна, Паренпо], сичилійской (sic) и русской группъ» (16). «Если не слу-

---

слѣдуетъ отмѣтить, что «Спаситель въ архіерейскомъ облаченіи и митрѣ, правою рукою благословляющій, а лѣвою держащій раскрытое евангеліе съ греческимъ текстомъ» (ib.).

¹ У О. И. Шмита опечатка: стоитъ табл. III. — Описаніе не указываетъ Деисуса. Теперь же мы имѣемъ подробное описаніе въ Дневникѣ Н. Я. Марра (ТР, VII, 17).

² Чего и по описанію гр. Уваровой нельзя было вывести. Цромской мозаикѣ посвящено изслѣдованіе Я. И. Смирнова (ср. отчетъ засѣд. РАО, за 1916 г.).

³ О. И. Шмитъ пишетъ о ней «роспись эта, какъ показываютъ, между прочимъ, и надписи, армянская» (63). Интересно бы узнать, что еще доказываетъ, что она армянская?

⁴ См. табл. III въ Краткомъ каталогѣ Анійскаго Музея, Н. Я. Марра, СПб. 1906 (АС, I), 3.

чайно появленіе стѣнныхъ мозаикъ въ Равеннѣ, то не можетъ оно быть случайнымъ и въ Сичиліи, и въ Россіи» (17), продолжаетъ затѣмъ О. И. Шмитъ и, мелькомъ помянувъ Сирію, даетъ понять, что «едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что не Константинополь, а именно Востокъ долженъ былъ являться поставщикомъ произведеній искусства и художниковъ» (17). Въ частности, что касается Россіи, то кромѣ Константинополя «есть еще и Кавказъ, черезъ который Русь могла сообщаться непосредственно съ Востокомъ» (17); и именно здѣсь то впервые въ статьѣ выдвигается Кавказъ, искусству котораго и посвящены ближайшія 4—5 страницъ (17—22). Правда, не сказано, наблюдается ли такая система распределенія композицій и въ росписяхъ кавказскихъ или нѣтъ, но указывается на чрезвычайную скудость и отрывочность вообще нашихъ свѣдѣній о кавказскихъ росписяхъ. Вторично, уже подъ конецъ статьи, по поводу Кіевскаго Софійскаго собора авторъ отмѣчаетъ, что «часть храма расписана мозаиками, часть — фресками», въ то время какъ «ни въ одной церкви Константинополя или его культурной области мы такой смѣси не встрѣчаемъ» (58). И опять — въ отношеніи Кавказа — подкупающая читателя прямота: «я не знаю достовѣрно, встрѣчается ли указанная особенность въ кавказскихъ росписяхъ (данныя, которыми я располагаю, напримѣръ — о Гелати, и о Тироми, слишкомъ неполны и неточны)». Такимъ образомъ прямо на Кавказъ и здѣсь еще указанія нѣтъ, а только слегка дѣлается въ этомъ направленіи намекъ, и притомъ производящій впечатлѣніе, будто извѣстны еще какія-нибудь мозаики Кавказа, въ то время какъ въ дѣйствительности мы имѣемъ только нѣсколько случайныхъ почти извѣстій, а не самые памятники. И только, наконецъ, на послѣднихъ страницахъ прямо говорится о «мозаичномъ искусствѣ Кавказа», которому «мозаики св. Софійи могутъ стилистически соотвѣтствовать» (65), могутъ, если «изслѣдовать росписи Кавказа и провѣрить, такъ ли это на самомъ дѣлѣ, если только на Кавказѣ еще сохранились пужные намъ художественно-историческіе докуменгъ» (66). Т. е. почти одновременно съ постулированіемъ въ Кіевѣ «мастеровъ-мозаичистовъ, кавказцевъ» (64), авторъ собственнымъ своимъ признаніемъ въ заключительныхъ словахъ вырываетъ у себя изъ-подъ ногъ почву; правда, онъ подготовляетъ такой оборотъ уже 1½ страницами выше, резюмируя вопросъ о росписи св. Софійи Кіевской, гдѣ, начиная за здравіе словами «самый вопросъ ставится въ столь опредѣленную плоскость, факты такъ краснорѣчиво подсказываютъ, какъ именно разрѣшится со временемъ вопросъ», онъ кончаетъ однако за упокой, «что мы имѣемъ право» «перестать признавать» константинопольскій догматъ, не требуя доказательствъ (64). Такой только отрицательный выводъ изъ многообѣщающихъ посылокъ является совершенно неожиданнымъ въ виду того, что уже съ первыхъ страницъ авторъ выдвигаетъ и опредѣленно-положительный результатъ, именно свой иной, новый источникъ — кавказское искусство.

Постулированіемъ этого новаго источника отдана дань теченію нашего времени, какъ упоминалось уже, рѣзко формулируемому опять тѣмъ

же «пылкимъ» Стржиговскимъ, уже предположившимъ въ своей Амидѣ армянскихъ мозаичистовъ и т. д. И на статьѣ О. И. Шмита отразилось и это распространенное, опять, повидимому, все съ легкой же руки Стржиговскаго, мнѣніе о томъ, что задаетъ тонъ армянское искусство¹. Это особенно характерно, такъ какъ согласно армянскимъ канонамъ отвергнуты всякія изображенія, кромѣ креста, и росписи, появляющіяся въ Арменіи въ позднюю эпоху XIII вѣка, считаются показателемъ массоваго перехода въ православіе. Такимъ образомъ говорить о самостоятельности армянскаго искусства въ сферѣ церковныхъ росписей представляется совершенно невозможнымъ. А между тѣмъ О. И. Шмитъ стремится подчеркнуть значеніе Арменіи², указывая, «что именно Арменія и Кавказъ являются тою страной, гдѣ» и т. д. (64, 35).

Итакъ вся статья является, какъ намъ кажется, типичнымъ отраженіемъ моды, пожалуй даже торопливымъ забѣганіемъ впередъ нея. Благодаря этому становится возможнымъ такой хотя бы lapsus, какъ только что изложенный съ Арменіей. Но это еще не все. Ошибоченъ, мнѣ кажется, весь подходъ въ данныхъ «Замѣткахъ». Во-первыхъ, О. И. Шмитъ, какъ и самъ заявляетъ (15), даетъ только иконографическія соображенія, «вовсе, конечно, не потому, чтобы иконографіи принадлежало тутъ послѣднее слово», а потому, что для стилистическихъ «время еще не настало» (15)³. Но какъ же возможно добиться такимъ путемъ, при отсутствіи точныхъ историческихъ данныхъ для хронологіи, хотя бы тѣни правдоподобія тѣхъ или иныхъ конструируемыхъ связей или зависимостей. Такое опредѣленіе посредствомъ иконографическихъ деталей происхожденія памятника возможно только въ случаяхъ, подобныхъ разработаннымъ проф. Д. В. Айналовымъ специфическимъ палестинскимъ сюжетамъ, но не совершенно независимыми отъ такихъ элементовъ крупными композиціями общаго характера и значенія. И по самой статьѣ очевидно, что самъ О. И. Шмитъ тоже считаетъ невозможнымъ добиться научныхъ результатовъ безъ стилистическаго анализа (ср. 15). Но онъ не хочетъ примириться и на простой публикаціи памятниковъ и, за невозможностью дать стилистическій анализъ, онъ старается замѣнить его «построеніемъ характеристикъ народовъ» (33 прим.). По такимъ характеристикамъ распределяются затѣмъ тѣ или иные изводы композицій (напр., относительно Причащенія Апостоловъ: историческая версія — семитамъ, догматическая — эллинамъ, а мистическая — малоазійцамъ: 34). Я сказалъ только что: *замѣнить* стилистическій анализъ построеніемъ характеристикъ, но, пожалуй, это невѣрно, пожалуй, въ этомъ построеніи ему представляется нѣчто большее. О. И. Шмитъ требуетъ, чтобы исторія византий-

¹ Въ то время какъ Н. П. Кондаковъ пространно обосновывалъ преимущественное значеніе и роль грузинскаго искусства (Древняя архитектура Грузіи, 1876 г.).

² При этомъ упускаетъ изъ виду, что основатель грузинскаго Петрицонійскаго монастыря былъ по національности армяниномъ (см. Н. Я. Марръ, ВВр, т. XII, отд. отд., стр. 21 сл.).

³ Правда, кое-гдѣ онъ же упоминаетъ и о существующихъ стилистическихъ различіяхъ (напр., стр. 17, 65).

скаго искусства стала тѣмъ, «чѣмъ ей быть надлежитъ, — одною изъ главъ всемірной исторіи искусства» и стала «считаться съ психологическою основою всякаго художественнаго творчества» (32—33). Не будь къ этимъ словамъ дальнѣйшаго комментарія, и мы были бы готовы присоединиться вполнѣ и безъ всякой оговорки къ такому требованію¹. Но, по мнѣнію Ѳ. И. Шмита, «искусство вовсе не есть продуктъ сознательнаго творчества художниковъ, а есть отраженіе массовой, коллективной души народа» и «эта душа не измѣняется въ глубинахъ своихъ» (33). Для иллюстраціи этого положенія авторъ пытается тутъ же набросать основныя черты «художественной психологической семиты» (33), основанной «на всевозможныхъ обще-историческихъ и географическихъ данныхъ» (33)². И далѣе въ назиданіе: «историку искусства слѣдовало бы признать за своею наукою право на собственный методъ стилистико-психологическаго анализа, методъ, основанный на свойствахъ того именно матеріала, надъ которымъ работаетъ исторія искусства» (33—34). Итакъ, съ одной стороны, какъ будто признается необходимость стилистическаго анализа, а съ другой выставляется требованіе нѣкоего «собственного метода стилистико-психологическаго анализа», что есть построение характеристикъ народовъ. На дѣлѣ же «первостепенные вопросы разрѣшаются съ налета» (5), совершенно бездоказательно, благодаря, именно, отсутствію строгаго стилистическаго анализа сравниваемыхъ группъ памятниковъ.

Это, по нашему мнѣнію, одинъ въ корнѣ неправильный подходъ всей работы. Что касается другого, то онъ состоитъ въ слѣдующемъ. Увлеченный своимъ построеніемъ характеристикъ народовъ, подъ которое поверхностно ему безъ труда удастся подогнать наличные факты росписей, Ѳ. И. Шмитъ оперируетъ такимъ образомъ надъ матеріаломъ, въ которомъ продолжается по существу, по стилю искусство древнихъ съ несущественными и естественными мѣстными чертами, какъ то ясно видно на миниатюрахъ того же евангелія Рабулы. А между тѣмъ, если искать рѣзкихъ, опредѣленныхъ, *своихъ словъ* въ христіанскомъ искусствѣ, то это въ архитектурѣ его. Здѣсь несомнѣнно кардинальное отличіе однихъ странъ отъ другихъ и здѣсь несомнѣненъ творческій вкладъ Востока въ отличіе отъ Рима, и при томъ не только или, быть можетъ, не столько Востока въ лицѣ Константинополя, какъ христіанскаго Востока. Въ архитектурѣ именно и Кавказъ имѣетъ свои собственныя достиженія, которыя пріобрѣли значеніе и за предѣлами его. Вѣдь и самъ Ѳ. И. Шмитъ указываетъ на примѣръ церкви въ Мокви 957 года, планъ которой «почти въ точности совпадаетъ съ планомъ Деся-

¹ Еще въ примѣчаніи на стр. 15 онъ указываетъ на общераспространенный дефектъ, что произведеніе искусства разбирается не «какъ цѣлое, а какъ сборникъ деталей»; но для него разборъ, какъ цѣлаго, равнозначущъ разбору «какъ выраженію опредѣленнаго художественнаго (?) міросозерцанія».

² Стржиговскій тоже любитъ находить какія то подсознательныя залежи немѣняющихся художественныхъ формъ. У него это, пожалуй, еще менѣе согласуется съ данными психологическими, чѣмъ у Ѳ. И. Шмита, но за то подкупаетъ смѣлостью полета фантазій.

тинной церкви» (51), а столбы, на которыхъ держатся своды храма, имѣютъ «горизонтальное сѣченіе въ видѣ равноконечнаго креста о короткихъ рукавахъ» (57), такъ же какъ въ Кіевѣ и Черниговѣ. Стоитъ здѣсь же упомянуть, что еще Стржиговскій бросалъ мимоходомъ замѣчанія о зависимости Кіевского Софійскаго собора все отъ той же церкви въ Мокви¹. Въ планѣ Софійскаго собора Ѳ. И. Шмитъ отмѣчаетъ, что «съ сѣвера и юга къ зданію примыкаютъ широкія продольныя галлерей, нѣкогда открывавшіяся наружу аркадами на столбахъ» (55)², т. е. спеціально кавказская, правда, повидимому, древнѣйшаго періода, особенность. Вотъ, почему, думается мнѣ, правильно была понята задача исторіи искусствъ, когда «обращали вниманіе почти исключительно на кавказскую архитектуру» (20), вотъ почему правильно было въ 80-хъ годахъ «любовно» (22 прим.) разрабатывать архитектурные вопросы въ программѣ, а посвятить росписямъ одинъ только, суммарный вопросъ. Мы говоримъ правильно, тѣмъ болѣе что до самаго послѣдняго времени такъ называемое «византійское искусство» было занято въ концѣ концовъ исключительно только росписями, миниатюрами и т. д.

Мы считали нужнымъ подробно остановиться на разсмотрѣніи тѣхъ доводовъ, которые приводятся въ защиту положенія о связи, о зависимости русскаго начальнаго искусства отъ искусства кавказскаго, и затѣмъ о выходящемъ за мѣстные предѣлы значеніи послѣдняго. И если въ отношеніи перваго разсмотрѣнная статья не оправдала предвѣщавшихся перспективъ, то въ отношеніи второго, дѣйствительно, намѣчаются уже отдѣльныя линіи, но онѣ идутъ нѣсколько въ другомъ направленіи — и мы считали нужнымъ указать и на это. Тѣмъ болѣе это представлялось правильнымъ, что и самъ авторъ пишетъ (5): «я не имѣю претензіи разрѣшить окончательно поднимаемые мною вопросы, напротивъ, — я именно и стремлюсь показать, что вопросы эти очень важны, но не могутъ быть разрѣшены, потому что памятники недостаточно еще изслѣдованы».

Въ заключеніе мы считаемъ нужнымъ подчеркнуть, что своей замѣткой мы хотѣли именно привѣтствовать пробуждающійся такимъ образомъ широкій интересъ къ искусству Кавказа христіанской поры и высказать надежду, что оно и впредь будетъ привлекать къ себѣ вниманіе ученыхъ и что вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ воздѣлываться наша бѣдная еще работниками научная нива.

Г. Н. Чубиновъ.

Петроградъ 31 мая 1917.

¹ Kleinasien, 1909, стр. 176.

² Ср. стр. 48 о Десятинной церкви, гдѣ указаны «притворы-галлерей».

Къ исторіи сирійскаго сказанія о св. Мар-Евгенѣ.

І. Прозамическое Житіе Мар-Евгена.

1. Постановка вопроса: теорія Labourt'a. — 2. Не использованные списки житія Мар-Евгена и взаимоотношеніе сохранившихся редакцій. — 3. О судьбѣ легенды до IX вѣка.

1.

Общее несторіанамъ и яковитамъ преданіе, закрѣпленное въ богослужебномъ культѣ тѣхъ и другихъ, связываетъ важнѣйшіе факты начальной исторіи сирійской церкви съ именемъ св. Мар-Евгена¹, египетскаго монаха

¹ Пользуюсь для транскрипціи греческимъ прототипомъ сирійскаго не только какъ болѣе для насъ привычнымъ, но еще и потому, что вокализациа сирійскаго далеко не вполне устойчива какъ во второмъ, такъ и въ первомъ слоgѣ. Правда, несторіане по крайней мѣрѣ съ XI в. (см. напр. Wright, Catalogue of the Syriac Ms. of Brit Mus. 187a) употребляли принятую и теперь въ богослужебныхъ книгахъ вокализацию , что должно звучать по восточному произношенію какъ Aughen, или — скорѣе — какъ нѣчто среднее между Aughin и Aughen (Nöldeke, Syrische Gramm.², стр. 32³). Но современные несторіане произносятъ, повидимому, «Ogin» (Maclean and Brown, The Catholicos of the East and his People, London 1892, стр. 350). У монофиситовъ, даже изъ области маѳріана, въ XII—XIII вв. не было послѣдовательной вокализаци. Такъ, въ рп. Брит. Муз. Add. 14.788 отъ 1199 Р. X., писанной одною рукою монофисита изъ Тагрита (правда, въ Скитскомъ монастырѣ Богородицы), можно видѣть слѣдующіе образцы вокализаци: , , и, наконецъ, позднѣйшею рукою . Современные яковиты Тур-Абдина произносятъ въ соединеніи съ — «Maroge», что у курдовъ звучитъ какъ «Maròké» (Pognon, Inscriptions semitiques de la Syrie, de la Mesopotamie etc., Paris 1907, стр. 109). Нужно замѣтить, что имя «Евгенъ», всегда употребляемое въ соединеніи съ — «Мар-Евгенъ» (за исключеніемъ случаевъ, когда эта прибавка мѣшаетъ стихосложенію, или когда объ Евгенѣ говорятъ его враги), уже въ древнѣйшей относящейся къ Евгению рукописи IX—X в. Mus. Br. Add. 14.653 пишется слитно , а въ позднѣйшихъ памятникахъ (яковитскихъ съ XVII в.) имѣетъ

изъ обители св. Пахомія. «Во времена царя Константина» Мар-Евгенъ переселился со своими учениками въ Месопотамію, въ область г. Несибина (Бетъ-‘Арбайе), и здѣсь, на горѣ Изала, близъ селенія М’арре, основалъ первую на востокѣ обитель, которая стала разсадникомъ не только монашества, но и христіанства и правовѣрія для «всѣхъ странъ востока». Мар-Евгенъ обращалъ язычниковъ и боролся съ ересями (маркіонитствомъ и манихействомъ) въ странѣ Бет-‘Арбайе и прилегающихъ къ ней съ сѣверо-востока областяхъ Бет-Кардо и Бет-Забдай, а послѣ передачи г. Несибина ромеями персамъ (363 г.), уже незадолго до своей смерти, онъ получилъ у Шапура II разрѣшеніе строить церкви и монастыри во всемъ царствѣ персидскомъ и послалъ своихъ учениковъ, въ количествѣ 72-хъ (подобно Христу), въ разныя страны Месопотаміи и Персіи (а по монофизитскимъ преданіямъ и въ страны, лежащія далеко на западъ отъ Несибина) для устройства церквей и монастырей и для борьбы съ язычествомъ и ересями. Поэтому сирійцы съ полнымъ убѣжденіемъ называютъ Мар-Евгена «отцомъ всѣхъ монаховъ» востока, просвѣтителемъ или «учителемъ восточныхъ странъ», «строителемъ церкви» восточной и даже «вторымъ Христомъ» (ܡܪܝܬܐ ܕܡܢܚܐ или ܡܪܝܬܐ ܕܡܢܚܐ)¹.

Не такъ прочно дѣло обстоитъ въ исторической наукѣ. Отсутствие всякихъ упоминаній объ Евгенѣ въ источникахъ вполне достовѣрныхъ и обиліе разныхъ историческихъ несообразностей въ самой легендѣ объ Евгенѣ до сихъ поръ мѣшали признать въ ней хотя бы зерно истины, несмотря на то, что не было недостатка въ добромъ желаніи ее оправдать, къ

такой видъ: ܡܪܝܬܐ. Можетъ быть, въ древнѣйшее время имя ܡܪܝܬܐ произносилось ближе къ греческому εὐγενής: что сирійцы знали о происхожденіи ܡܪܝܬܐ отъ εὐγενής, это можно видѣть въ ихъ богослужбныхъ пѣснопѣніяхъ (Maclean, East syrian daily Offices, Lond. 1894, стр. 137). Но въ древнѣйшей относящейся къ Евгению рукописи Add. 14.653 это имя нигдѣ не вокализовано (за исключеніемъ единственнаго случая ܡܪܝܬܐ, можетъ быть не предумышленнаго). Точно также нельзя сказать съ увѣренностью, что въ древности сирійцы всегда произносили имя Евгенъ съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ. Если предположенія Grimme (Grundzüge der syrischen Betonungs- und Verslehre. ZDMG XLVII, стр. 279 ff.) относительно сирійскаго стихосложенія правильны, то авторъ печатаемой ниже мемры объ Евгенѣ долженъ былъ произносить это имя съ удареніемъ на *первомъ* слогѣ (penultima).—Не пишу «Евгеній», потому что въ сирійской агиологій встрѣчается другое имя ܡܪܝܬܐ или ܡܪܝܬܐ, хотя нужно замѣтить, что напр. у Іоанна Ефесскаго ܡܪܝܬܐ и ܡܪܝܬܐ, употребляются въ отношеніи къ одному лицу—Евгенію еп. Селевкии Исавр. VI в. (Cureton, The third part of the Eccles. History of John of Ephesus, стр. 309, ср. 314).

¹ Bedjan, Acta martyrum et sanctorum, t. III, стр. 480. Assemanus, Bibliothecae Vaticanae codicum mss. catalogus, t. II, стр. 493. Sachau, Verzeichniss der syrischen Handschriften v. E. Sachau, Berlin 1899, B. I, стр. 129.

чему побуждало импонирующее единодушіе касательно Евгена враждебныхъ другъ другу религіозныхъ сектъ, а также потребность заполнить чѣмъ-нибудь пустоту въ историческихъ свѣдѣніяхъ о той эпохѣ, которой касается легенда. Ассеманій, свѣдѣнія котораго объ Евгенѣ исчерпывались краткими извѣстіями арабскихъ хроникъ (Марія-ибн-Сулеймана и Амра-ибн-Матты) и религіознаго гимна Георгія Варды, пытался оправдать легенду путемъ отождествленія Мар-Евгена съ упоминаемымъ у Созомена (VI 33) Фаданскимъ отшельникомъ «Аономъ», при чемъ предполагалось, что греческое «Ἀώνης» есть сирійское , звучащее у «восточныхъ» сирійцевъ какъ «авун», и что сирійскіе монахи называли этимъ нарицательнымъ именемъ Евгена какъ родоначальника восточнаго монашества¹. Несмотря на искусственность этого отождествленія, которой не могъ не чувствовать и самъ Ассеманій, вынужденный присоединить къ «Аону» въ качествѣ двойниковъ Евгена еще подлиннаго св. «Абуна»² и даже св. «Абу»³, при чемъ каждый изъ этихъ предполагаемыхъ двойниковъ Евгена настойчиво предъявлялъ свое alibi⁴, — гипотеза Ассеманія стала нѣкотораго рода «общимъ мѣстомъ», которымъ охотно пользовались, хотя и съ оговорками, тѣ, кому приходилось касаться этого вопроса мимоходомъ, даже и тогда, когда были уже опубликованы болѣе обильные матеріалы, относящіеся къ Мар-Евгену⁵. Въ 1892 г. Р. Bedjan впервые издалъ пространное житіе Мар-Евгена, написанное, будто бы, ученикомъ его Мар-Михаиломъ⁶, по двумъ рукописямъ: — Лондонской (Add. 12.174) и Берлинской (Sachau 222), изъ которыхъ первая писана въ 1197 Р. Х. въ монастырѣ Бар-Саумы (близъ Мелитены) подъ непосредственнымъ руководствомъ знаменитаго яковитскаго патріарха Михаила I⁷, а другая представляетъ копію съ неизвѣстнаго намъ восточнаго оригинала, сдѣланную въ 1881 г. въ Алкопѣ⁸. Кромѣ того, въ 1890—1895 годахъ Беджаномъ были изданы житія шести учениковъ Мар-Евгена: Давида⁹, Шалиты¹⁰, Мики¹¹, Іоны¹²,

¹ Assemanus, Bibliotheca Orientalis, II: diss. «de monachis»; III 2, 862.

² Ibid. III 1, 343; III 2, 864.

³ Ibid. II, 228.

⁴ Ср. В. О. III 1, 94; 590 n. 2.

⁵ Нанр. О. Zöckler, Askese und Mönchtum, B. I, Frankfurt a. M. 1897, стр. 232.

⁶ Acta martyrum et sanctorum, tom. III, 376—480.

⁷ Wright, Catalogue of the Syr. Ms. in Br. Mus. 1138*.

⁸ Sachau, Verzeichn. II, 290—291.

⁹ Acta mart. III, 481—510.

¹⁰ Ibid. I, 424—465.

¹¹ Ibid. III, 510—534.

¹² Ibid. I, 466—525.

Малке¹ и Исаи², а нѣсколько позднѣ Scheil'емъ было опубликовано житіе еще одного ученика — Веніамина³ (оказавшееся, правда, тождественнымъ съ изданнымъ ранѣе житіемъ Мики). Большое значеніе для легенды о Мар-Евгенѣ имѣла, далѣе, изданная въ 1896 г. J.-В. Chabot «Книга цѣломудрія» Ишо'денаха митрополита Басры (Прат-Майшанъ)—автора, какъ предполагалось, VIII столѣтія⁴, который даетъ нѣсколько краткихъ, но съ виду вполне историчныхъ свѣдѣній объ Евгенѣ и нѣкоторыхъ его ученикахъ. Однако, опубликованіе этихъ новыхъ документовъ не столько разъяснило, сколько осложнило вопросъ о Мар-Евгенѣ. Правда, на первыхъ порахъ новые документы истолкованы были въ благопріятномъ для достовѣрности легенды смыслѣ. Въ такомъ именно смыслѣ высказался относительно основныхъ фактовъ легенды издатель «Книги начальниковъ» Оомы Маргскаго W. Budge⁵. Къ нему присоединился и Duval въ своемъ очеркѣ «Сирійской литературы»⁶. Но въ 1901 г. Westphal въ своихъ «ислѣдованіяхъ» объ источникахъ хроники Марія-ибн-Сулеймана и его эпиноматоровъ объявилъ легенду о Мар-Евгенѣ «не имѣющею совершенно никакой цѣнности» фабрикаціей позднѣйшихъ египетскихъ и сирійскихъ монаховъ и притомъ фабрикаціей дурного вкуса⁷. Правда, Westphal не углублялся въ историко-литературное изслѣдованіе легенды, и его отрицательное сужденіе о ней основывалось болѣе на эстетической и этической ея оцѣнкѣ. Но въ 1905 г., повидимому, независимо отъ Westphal'я⁸, аналогичное сужденіе о легендѣ высказалъ J. Labourt, ранѣе державшійся взгляда Budge'а⁹. Въ своей книгѣ о «христіанствѣ въ Персіи» Labourt впервые подвергъ легенду о Мар-Евгенѣ болѣе или менѣе подробному историко-литературному анализу¹⁰, и его выводы о ней, кажется, можно считать послѣднимъ словомъ науки по данному вопросу. Они заключаются въ слѣдующемъ.

Если исключить извѣстія Марія и Амра, не имѣющія самостоятельнаго значенія, мы имѣемъ три редакціи житія Евгена¹¹: лондонскій кодексъ Add.

¹ Ibid. V, 421—469.

² Ibid. III, 534—571. Не называемъ святыхъ, которые только именуются учениками Евгена, въ родѣ Финхеса (ib. IV, 208—218).

³ ZA XII (1897), 64—91.

⁴ МАН XVI.

⁵ Budge, Book of Governors, Lond. 1893, vol. I, стр. XLIV—XLV, CXXV.

⁶ Litt. Syr. ² 155, 179—181.

⁷ Untersuchungen über die Quellen und die Glaubwürdigkeit der Patriarchalchroniken des Mari ibn Sulaiman etc., Strassburg 1901, стр. 69—70.

⁸ J. Labourt, Le Christianisme dans l'Empire Perse, Paris 1904, стр. XVIII п. 1.

⁹ Revue d'Histoire et de Litt. religieuses, 1902. См. Labourt, ц. с., стр. 303, прим. 3.

¹⁰ Le Christianisme dans l'Empire Perse, стр. 302—315.

¹¹ Ib. 303, 309.

12.174, Берлинскій «Sachau 222» и краткое сообщеніе «Книги цѣломудрія» Ишо'денаха (гл. 1). Для оцѣнки сравнительной древности редакцій можетъ служить имѣющійся во всѣхъ редакціяхъ списокъ учениковъ Мар-Евгена, обнаруживающій постепенное нарастаніе именъ въ связи съ развитіемъ легенды¹. Берлинскій кодексъ, содержащій въ концѣ житія списокъ 72-хъ учениковъ Мар-Евгена съ прибавленіемъ еще двухъ сестеръ его, представляетъ самую позднюю изъ трехъ редакцій и именно не ранѣе XI вѣка, потому что въ этомъ спискѣ названы, между прочимъ, не только извѣстный подвижникъ X-го вѣка Іосифъ Бусная († 979), но и его ученикъ и біографъ Іоаннъ бар-Калдунъ². Напротивъ, Лондонскій, Add. 12.174 представляетъ самую раннюю редакцію, потому что имѣющійся здѣсь въ концѣ житія списокъ содержитъ всего лишь 9 именъ учениковъ и имя одной сестры Евгена. Наконецъ, третья редакція, данная въ краткомъ сообщеніи Ишо'денаха, занимаетъ среднее положеніе: находящійся здѣсь (гл. 1) списокъ называетъ 12 учениковъ и двухъ сестеръ Евгена³. Эта редакція, по Labourt'у, относится къ X вѣку: Labourt полагаетъ, что Ишо'денахъ писалъ не въ концѣ VIII в., а послѣ 900 года на томъ основаніи, что въ одномъ изъ его сообщеній (гл. 47) имѣется замѣтка о событіи 849—850 г. Р. X.⁴ Допуская, дажѣ, что Ишо'денахъ пользовался редакціей Add. 12.174, на томъ основаніи, что онъ прибавляетъ въ самомъ концѣ своего списка имя Михаила—предполагаемаго этою редакціей автора житія, Labourt охотно соглашается назначить по крайней мѣрѣ 100 лѣтъ промежутка между редакціей Add. 12.174 и «Книгою цѣломудрія»⁵. Такимъ образомъ древнѣйшая редакція житія, данная въ Add. 12.174, возникла, по Labourt'у въ IX вѣкѣ, но едва ли ранѣе «Книги начальниковъ» Өомы Маргскаго (т. е. 840 Р. X.), потому что послѣдній хранитъ объ Евгенѣ «абсолютное» молчаніе⁶. Можетъ быть, Өома былъ современникомъ возникновенія житія, но еще не зналъ его, или просто игнорировалъ, потому что легенда тогда не получила еще всеобщаго признанія⁷. — Имѣя въ виду, съ одной стороны, сравнительно позднее происхожденіе житія Евгена, съ другой стороны—абсолютное молчаніе о немъ источниковъ древнѣйшихъ (напр. Өеодорита и Созомена) и

---

¹ Ib. 310.

² Ib. 311.

³ Ib. 310.

⁴ Ibid. 308.

⁵ Ibid. 311.

⁶ Ibid. 309.

⁷ Ibid. 312.

особенно Оомы Маргскаго¹, Labourt приходитъ къ заключенію, что житіе не имѣетъ историческаго значенія, что оно вымыслено монахами со специальною цѣлью возвеличенія монастыря Мар-Евгена близъ М'арре². — Возникновеніе житія Labourt ставитъ въ связь съ возвышеніемъ этого монастыря при митрополитѣ Несибинскомъ Рузбиганѣ, который, по Ишо'денаху (гл. 107), былъ ранѣе настоятелемъ монастыря Евгена и, сдѣлавшись митрополитомъ, подарилъ ему помѣстье — селеніе Гизганъ (ܓܝܕܐܢ). Это произошло, по Labourt'у, между 750—800 годами³, такъ какъ тотъ же Ишо'денахъ (гл. 107) сообщаетъ, что Рузбиганъ принялъ монашество «изъ рукъ» Ишо'яба — племянника католикаса Слибазки, который умеръ въ 728 Р. Х.⁴ Тогда то и должно было появиться житіе Мар-Евгена во славу его монастыря. Но Labourt полагаетъ, что появившееся тогда житіе не было впервые сочинено, а представляло собою лишь развитіе и несторіанскую обработку существовавшей уже ранѣе и именно монофиситской легенды. Дѣло въ томъ, что по той же «Книгѣ цѣломудрія» (гл. 106) предшественникъ Рузбигана по управленію обителью Мар-Евгена Авраамъ изъ М'арре пришелъ въ обитель, когда она была въ «развалинахъ», и ее «возстановилъ». Отсюда Labourt заключаетъ, что монастырь Евгена принадлежалъ ранѣе монофиситамъ, и что только въ послѣдствіи несторіане, вытѣснивъ своихъ противниковъ изъ области М'арре, заняли брошенный ими монастырь, а вмѣстѣ съ монастыремъ взяли у монофиситовъ и легенду объ его основателѣ⁵. Въ подтвержденіе этого предположенія Labourt указываетъ слѣды монофиситскаго происхожденія легенды въ древнѣйшей, по его мнѣнію, редакціи житія Add. 12.174: молитвенное призываніе «Матери Божіей» въ концѣ житія, преобладаніе «западныхъ» именъ въ краткомъ спискѣ учениковъ Евгена (какъ Гурій, Серапіонъ, Ѳекла), а также и то обстоятельство, что Ишо'денахъ, перечисляя (по житію) учениковъ Евгена, не въ состояніи указать, какіе именно несторіанскіе монастыри ими были основаны⁶. Послѣдніе выводы изъ всѣхъ этихъ разсужденій таковы: «можно безъ всякой непоследовательности вычеркнуть имя Евгена изъ начальныхъ лѣтописей монашества»⁷; легенда о Мар-Евгенѣ относится къ эпониmu, а можетъ быть и къ дѣйствительному основателю монастыря близъ М'арре,

¹ Ibid. 308—309.

² Ibid. 311—312

³ Ibid. 314.

⁴ Ibid. 312.

⁵ Ibid. 314.

⁶ Ibid. 313.

⁷ Ibid. 314—315.

вѣроятно, монофиситу, жившему ранѣе VIII в.¹; въ дѣйствительности монашество египетскаго образца введено было у восточныхъ сирійцевъ согласно Оомѣ Маргскому, «не ранѣе конца VI в.» Авраамомъ Кашкарскимъ, «Великая обитель» котораго находилась на той же горѣ Изала, гдѣ и монастырь Евгена².

Въ настоящемъ случаѣ я имѣю въ виду исключительно литературную исторію легенды и не задаюсь цѣлью доказывать или опровергать ея историческую достовѣрность. Тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что доводы Labourt'a противъ достовѣрности легенды не достаточно убѣдительны. «Молчаніе» объ Евгенѣ древнѣйшихъ источниковъ могло бы имѣть значеніе, если бы дошедшіе до насъ обрывки древней сирійской агіологической литературы не были такъ бѣдны и такъ случайны, если бы сохранились такіе труды общаго характера какъ «рай восточныхъ» Іосифа Хаззая, или «Доблести аскетовъ, что въ землѣ восточной» Сагдоны³ и т. п. Что касается греческихъ историковъ (Ееодорита и Созомена)⁴, то нужно имѣть въ виду, что широкая извѣстность Евгена, какъ «отца» восточнаго монашества по самой легендѣ начинается съ 363 года, т. е. съ того времени, когда область Несибина навсегда отошла къ персамъ, и когда свѣдѣнія грековъ объ этой отдаленной странѣ, и прежде незначительныя, естественно стали еще болѣе бѣдными и случайными. Достаточно сопоставить, напр., молчаніе «хорошо освѣдомленнаго» Ееодорита о персидскихъ подвижникахъ⁵, и 1-ую главу VI-ой кн. Оомы Маргскаго⁶, чтобы убѣдиться, что этому молчанію нельзя придавать большаго значенія. Изъ той же главы совершенно очевидно, что монашество существовало въ Персіи задолго до Авраама Кашкарскаго, и что Оома называетъ Авраама отцомъ монашества не въ прямомъ смыслѣ. Другой аргументъ противъ достовѣрности легенды—наличность въ ней историческихъ несообразностей—значительно ослабляется уже въ построеніи Labourt'a тѣмъ предположеніемъ, что легенда прошла сложную литературную исторію, и что уже въ VIII в. она подверглась радикальной переработкѣ. Слѣдовательно, какова была ея первая редакція, мы не знаемъ.

Точно также и сужденіе Labourt'a о позднемъ происхожденіи житія Евгена, поскольку оно основывается на умолчаніи о немъ Оомы Маргскаго,

¹ Ibid. 314.

² Ibid. 31, 315 sqq.

³ Thom. Marg. Hist. Monast. I, 34, Budge I, 62. О богатствѣ сирійской агіологической литературы неоднократно упоминаетъ Оома Маргскій, см. напр. I 1, Budge I, 15.

⁴ Labourt, op. cit., 308.

⁵ Labourt, op. cit., 315—316.

⁶ Budge I, 328 sqq.

нельзя считать достаточно прочнымъ. Значеніе этого аргумента, впервые выставленнаго Ассеманіемъ¹, въ построеніи Labourt'a обезцѣнивается признаніемъ, что легенда уже въ видѣ пространнаго житія существовала ранѣе «Книги начальниковъ». Какъ ни старается Labourt приблизить эпоху Рузбигана ко времени появленія этой книги (840 г.), все таки ихъ раздѣляетъ періодъ по крайней мѣрѣ въ 60—100 лѣтъ², — время достаточное для распространенія извѣстности монастыря и его легенды. Значитъ, причину молчанія Өомы нужно искать не въ томъ, что онъ не зналъ о монастырѣ Евгена и его легендѣ³, а въ какихъ-нибудь особыхъ соображеніяхъ автора. Ссылку на то, что исторія Өомы имѣетъ мѣстный характеръ (дѣйствительно, онъ пишетъ въ сущности исторію только двухъ монастырей области Марги: Бет-‘Абе и св. Кипріана), Labourt считаетъ «не имѣющею силы»⁴, потому что во «введеніи» къ своей исторіи (I 3) Өома перечисляетъ всѣхъ вообще извѣстнѣйшихъ подвижниковъ древности и однако ничего не говоритъ объ Евгенѣ: онъ называетъ библейскія имена, потомъ имена египетскихъ подвижниковъ и затѣмъ прямо переходитъ къ основателю «Великой обители» Аврааму⁵. Однако и это указаніе Labourt'a, можно сказать, тоже «не имѣетъ силы»: въ VI книгѣ своей исторіи Өома называетъ цѣлый рядъ подвижниковъ и монастырей сѣверной Марги, которые были тамъ еще во времена Валента⁶, т. е. болѣе, чѣмъ за 100 лѣтъ до Авраама, да и самый монастырь Бет-‘Абе, какъ видно изъ I 14, возникъ еще до Авраама, потому что первые ученики Авраама, которые явились въ Бет-‘Абе ранѣе «основателя» этого монастыря (также ученика Авраама) Іакова Лашомскаго, пришли, по словамъ Өомы, въ существовавшую уже тогда «хирту» (μαύδρα, κοινόβιον) Бет-‘Абе⁷. Почему Өома не назвалъ въ своемъ «введе-

¹ В. О., III 1, 303.

² Если согласиться съ утвержденіемъ Labourt'a (op. cit., 812), — правда, ни на чемъ не основаннымъ, — что сообщеніе Марія о посвященіи Рузбигана Слизазкою (т. е. до 728 г.) невѣрно, то все таки остается непреложнымъ фактъ, что въ 790 г. митрополитомъ Несибинскимъ былъ уже не Рузбиганъ, а Іоханнанъ (J.-B. Chabot, Synodicon Orientale, Paris 1902, стр. 608 прим. 3).

³ Въ числѣ своихъ источниковъ Өома называетъ, между прочимъ, Житіе Бар'идты, составленное обою Іоханнаномъ VII в. (I 4, I 23, I 14 и др.). Житіе не дошло до насъ, но сохранившаяся стихотворная передѣлка житія, составленная нѣкимъ Авраамомъ (ранѣе XII в.) имѣетъ упоминаніе о «раббанѣ Мар-Евгенѣ великомъ» (Budge, The Histories of Rabban Hormizd and Rabban Bar-'Idta, vol. I въ Luzac's Semitic Text and Translation Series IX, London 1902, стр. 138, ср. стр. XXXII).

⁴ Labourt, op. cit., стр. 309.

⁵ Budge I, 21—22.

⁶ VI, 1, 12, Budge I, 328—333, 363 sqq.

⁷ Budge I, 37.

ніи» ни одного изъ извѣстныхъ ему Маргскихъ подвижниковъ IV в. и умолчалъ даже о подлинныхъ «основателяхъ» своего собственнаго монастыря Бет-‘Абе? Изъ самой «Книги начальниковъ» видно, что Авраамъ Кашкарскій былъ реформаторомъ монашества въ несторіанскомъ духѣ и могъ быть названъ отцомъ особаго *несторіанскаго* монашества: по словамъ Өомы, «истинные» (т. е. несторіанскіе) монахи были и до Авраама, но они даже наружнымъ своимъ видомъ не отличались отъ «стриженныхъ севирианъ»¹. Весьма вѣроятно, что Өома, явный поклонникъ своего особеннаго несторіанскаго монашества, говоря о его происхожденіи, хотѣлъ подчеркнуть значеніе Авраама и намѣренно оставилъ въ тѣни все предшествовавшее ему монашество, не отличавшееся отъ монашества монофиситскаго. Во всякомъ случаѣ Өома могъ умолчать въ своемъ «введеніи» объ Евгенѣ по тѣмъ самымъ мотивамъ, по которымъ онъ не упомянулъ здѣсь объ Іоаннѣ въ Нираб-Барзай (IV в.) — основателѣ монашества въ сѣверной Маргѣ, легенда котораго была ему хорошо извѣстна². Такимъ образомъ умолчаніе Өомы Маргскаго само по себѣ о позднемъ происхожденіи легенды Мар-Евгена говорить не можетъ. — Тѣмъ менѣе, конечно, возможны какіе либо выводы въ этомъ смыслѣ изъ показанія Ишо‘денаха о Рузбиганѣ. Оно не говоритъ ничего ни о легендѣ, ни даже о возвышеніи обители, а только о томъ, что Рузбиганъ подарилъ обители Евгена селеніе Гизганъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ простой конъектурой, которая могла бы имѣть значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы были на лицо другія положительныя данныя въ пользу того, что легенда возникла въ эпоху Рузбигана.

За отсутствіемъ всякихъ постороннихъ данныхъ, въ нашемъ распоряженіи остается только самая легенда, основою которой служить житіе Мар-Евгена, и изслѣдованіе ея является единственнымъ путемъ къ разрѣшенію вопроса объ исторической достовѣрности личности Евгена и его дѣятельности. Здѣсь требовалось бы прежде всего попытаться установить происхожденіе легенды и ея первоначальный составъ путемъ сравненія сохранившихся редакцій житія и изслѣдованія его источниковъ и затѣмъ, освободивъ первоначальное ядро житія отъ позднѣйшихъ наслоеній, оцѣнить его достовѣрность съ точки зрѣнія историческихъ условій IV вѣка. Поэтому вполне цѣлесообразна сдѣланная Labourt’омъ первая попытка разобраться въ редакціяхъ житія съ цѣлью установить его древность и происхожденіе. Но здѣсь у Labourt’a имѣется одно крупное недоразумѣніе, которое въ сущ-

¹ I, 4, Budge I, 23—24.

² VI, 12, Budge I, 368 sqq.

ности уничтожаетъ всё его выводы. Оцѣнивая редакціи по спискамъ учениковъ Евгена (методъ вполне рациональный), Labourt просмотрѣлъ то обстоятельство, что въ Add. 12.174, кромѣ краткаго списка изъ 9 именъ въ концѣ житія, списка дѣйствительно древняго, имѣется, какъ и въ Берлинскомъ кодексѣ, еще другой списокъ въ срединѣ житія, гдѣ насчитывается уже 29 именъ, т. е. значительно больше, чѣмъ у Ишо'денаха¹. Кромѣ того, въ Add. 12.174 есть уже рѣчь о «70-ти мужахъ», которые пришли съ Евгеномъ изъ Египта², тогда какъ у Ишо'денаха говорится только о «18-ти» спутникахъ Евгена³ и даже у Марія-ибн-Сулеймана только о «28-ми»⁴. Очевидно, порядокъ редакцій долженъ быть измѣненъ: на первомъ мѣстѣ будетъ Ишо'денахъ, за нимъ-столь пренебрегаемый Labourt'омъ Марій и только потомъ Add. 12.174 и Берлинскій кодексъ. Но отсюда слѣдуетъ, что и возрастъ древнѣйшей извѣстной намъ редакціи житія будетъ опредѣляться, по Labourt'у, не IX-мъ, а X-мъ вѣкомъ, и что всё соображеніе о монофиситскомъ происхожденіи житія отпадутъ сами собою: древнѣйшая извѣстная намъ редакція легенды будетъ несторіанскою. Впрочемъ, что касается вопроса о древности житія, то здѣсь преувеличенная оцѣнка Add. 12.174 съ избыткомъ покрывается у Labourt'а излишнимъ скептицизмомъ по отношенію къ Ишо'денаху. Но объ этомъ рѣчь будетъ ниже. Во всякомъ случаѣ, за исправленіемъ указаннаго недосмотра, отъ всего построенія Labourt'а остается одинъ только правильный выводъ о сравнительно позднемъ происхожденіи Берлинской редакціи, и литературная исторія легенды остается мало разъясненною.

2.

Въ интересахъ дальнѣйшихъ разысканій не бесполезно будетъ указать на нѣкоторые еще не использованные матеріалы, имѣющіе прямое отношеніе къ литературной исторіи житія Мар-Евгена. Имѣю въ виду прежде всего и главнымъ образомъ рукопись Mus. Brit. Add. 14.653, заслуживаю-

¹ Add. 12.174 fol. 267v—268r, ср. Bedjan III, 425—426. Этотъ недосмотръ объясняется, очевидно, способомъ изданія житія у Bedjan'а. Здѣсь не только невозможно установить, что къ какой рукописи относится, но иногда нельзя съ увѣренностью сказать, приводятся ли подъ строкой варианты или конъектуры издателя. Замѣчу кстати, что и имя Лазарь, на которое ссылается Labourt въ доказательство монофиситскаго происхожденія древнѣйшей редакціи (op. cit., 313), отсутствуетъ въ Add. 12.174, fol. 171v, a.

² Bedjan III, 387. Add. 12.174 fol. 261r.

³ Гл. 3, Chabot, стр. 2.

⁴ Maris, Amri et Slibae De patriarchis nestorianorum commentaria, ed. H. Gismondi, P. I (Romae 1899), versio, стр. 23.

щую особаго вниманія уже въ силу своей древности. Рукопись не датирована, но Wright по палеографическимъ основаніямъ относитъ ее къ IX—X в.¹ По содержанію она представляетъ сборникъ разнообразнаго содержанія, и въ самомъ началѣ сборника помѣщаются: житіе Мар-Евгена² и стихотворная мемра о Мар-Евгенѣ³. Рукопись писана какимъ то Сливою и по всѣмъ признакамъ — несторіанскаго происхожденія. На это указываетъ имя одного изъ авторовъ — Барсаумы Гузай, вѣроятно, тождественнаго съ упоминаемымъ въ каталогѣ 'Абдишо Барсаумою Каркскимъ⁴, а также нѣкоторыя подчистки, сдѣланныя позднѣйшей монофиситской рукой, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Позднѣе, какъ видно изъ записей, несторіанская рукопись попала въ Скитскій монастырь Богородицы, откуда и поступила въ Британскій Музей въ составѣ собранія, привезеннаго Таттамомъ⁵. Рукопись, къ сожалѣнію, дефективная, и значительная часть дефектовъ падаетъ на первые два памятника, чѣмъ, конечно, и объясняется, что она оставлена безъ вниманія Chabot и Bedjan'омъ⁶, а именно: недостаетъ всей первой тетради (10 листовъ), относящейся къ прозаическому житію Евгена, и 4-хъ листовъ изъ стихотворной мемры объ Евгенѣ.

Другая рукопись, можетъ быть, интересна не столько сама по себѣ, сколько для исторіи того же кодекса Add. 14.653. Это — cod. Mus. Brit. Add. 14.738, относящійся къ тому же собранію Таттама и представляющій сборникъ отдѣльныхъ тетрадей и листовъ, выпавшихъ изъ разныхъ рукописей⁷. Здѣсь (на лл. 90—104) имѣются, между прочимъ, 15 первыхъ⁸ листовъ какого то кодекса (по письму — XIII в.), содержащихъ начало житія Евгена. Листы сохранились въ крайне дефективномъ видѣ: вѣрнѣе, это клочки трехугольной формы, соотвѣтствующіе нижнимъ угламъ страницъ (отъ сгиба кодекса) и при весьма крупномъ почеркѣ сохраняющіе самое ничтожное количество словъ. Обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что текстъ послѣдняго изъ этихъ 15 листовъ оканчивается какъ разъ тамъ, гдѣ начинается cod. Add. 14.653, при чемъ не помѣстившіяся

¹ Wright, Catalogue, стр. 808a.

² Fol. 1—48r.

³ Fol. 48v—55r. Дальнѣйшее содержаніе рукописи: анонимная мемра о блудномъ сынѣ, молитва на рукоположеніе епископа, житіе Павла Онваидскаго, извлеченіе изъ Евагрія, формы писемъ къ разнымъ лицамъ, мемра о воскресеніи Бар-Саумы Гузай, анонимная мемра объ умершихъ, молитва мученику Оа[в]масію (Wright. Catal. 808—809).

⁴ В. О. III 1, 173. Бар-саума дКарка (Карка д.Теданъ?).

⁵ Wright, Catalogue 809b, ср. III, стр. XIII.

⁶ Bedjan III, стр. VII.

⁷ Wright, Catalogue, 1150b.

⁸ Какъ это видно изъ сохранившейся нумераціи тетрадей.

на послѣдней строкѣ два слова, которыхъ нельзя было прочесть въ Add. 14.653, добавлены подъ строкою. Это совпаденіе, которое едва ли можно объяснить простой случайностью, особенно если принять во вниманіе приблизительно одинаковый форматъ рукописей и принадлежность ихъ къ одному собранію, позволяетъ сдѣлать слѣдующее предположеніе. Начало cod. Add. 14.653 было утрачено давно, и въ XIII в. была уже предпринята его реставрація, т. е. были приложены въ началѣ новые листы, на которыхъ было скопировано или пересказано начало житія по какому-нибудь другому, какъ увидимъ далѣе, болѣе позднему изводу. Съ теченіемъ времени эти листы вновь оторвались и въ дефективномъ видѣ не узнаваемые попали въ число разрозненныхъ тетрадей и листовъ, которые потомъ были переплетены трудолюбивымъ монахомъ въ особый кодексъ. Последнее произошло, можетъ быть, въ 1493 Р. Х. въ Скитскомъ монастырѣ Богородицы, какъ можно догадываться по записи въ cod. Add. 14.737, по составу совершенно аналогичномъ кодексу Add. 14.738¹. Что касается предполагаемой реставраціи, то возможно, что она имѣла мѣсто въ 1222 Р. Х., когда коллективнымъ трудомъ братій «поновлены были книги монастыря дома Богородицы Сирійцевъ»². Но, конечно, это не болѣе, какъ предположеніе³.

Оставляя пока въ сторонѣ стихотворную мемру, посмотримъ, какое значеніе могутъ имѣть названные не использованные кодексы для литературной исторіи прозаическаго житія. Теперь мы имѣемъ четыре списка житія Мар-Евгена: 1) Add. 14.653, — назовемъ его *A*, 2) Add. 12.174 — *B*, 3) Sachau 222 — *C*, 4) фрагментъ въ Add. 14.738 — *D*, и этими списками, кажется, исчерпывается рукописный матеріалъ житія, имѣющійся въ европейскихъ библіотекахъ⁴.

Что касается списка *D*, то значеніе его, въ виду его фрагментарности, не велико. Тѣмъ не менѣе изъ него можно сдѣлать нѣкоторые не лишніе интереса выводы касательно отношенія между *B* и *C*. Насколько можно судить по сохранившимся отрывкамъ, изводъ *D*, не отличаясь отъ *B* и *C* по содержанию, представлялъ весьма значительныя особенности по изложенію, кото-

¹ Wright, Catalogue, стр. 1200^a.

² Ibid., стр. 74^b.

³ Съ трудомъ читаемая записъ на первомъ листѣ фрагмента Add. 14.738 (fol. 90^a), гдѣ названо имя какого то Маруеы [(ܡܪܘܝܐ) ܡܪܘܝܐ ܕܡܪܝܬܐ], который «купилъ» что то «для монастыря», писана другимъ, повидимому, позднѣйшимъ почеркомъ и, вѣроятно, не относится къ предполагаемой реставраціи Add. 14.653.

⁴ Въ рп. Брит. Муз. Add. 14.732 XIII в., какъ видно изъ приложеннаго къ рп. оглавленія, была когда то ܡܪܘܝܐ ܕܡܪܝܬܐ, ܡܪܘܝܐ ܕܡܪܝܬܐ, но въ настоящее время эта часть рукописи утрачена (Wright, Catalogue, стр. 1149¹).

рое здѣсь гораздо болѣе сжато¹. Далѣе, въ случаяхъ расхожденія между *B* и *C*, *D* почти всегда оказывается на сторонѣ *C*, при чемъ въ *D* имѣются и такія отличія *C* отъ *B*, которыя носятъ характеръ модернизации и могли бы быть отнесены на счетъ гораздо болѣе поздняго происхожденія *C* сравнительно съ *B*, хотя между *B* (1197 Р. Х.) и *D* лежитъ промежутокъ всего, можетъ быть, лѣтъ въ 25. Такъ, «архіепископъ» (ܐܪܚܝܥܝܫܩܐ ܩܝܝܝܐ) антиохійскій начала IV в.² называется въ *D*, какъ и въ *C*, «патріархомъ»³; рѣка близъ Несибина Нгар-Машакъ (ܢܗܪ ܡܫܚܐ)⁴, въ *C* именуемая ܡܫܚܐ⁵, въ *D* является даже еще въ болѣе модернизованномъ видѣ ܡܫܚܐ⁶, что соответствуетъ арабскому al Nîrmas⁷. Имѣются и другія вербальныя совпаденія между *C* и *D* противъ *B*, которыя трудно объяснить простою случайностью. Эти совпаденія заставляютъ предполагать наличность нѣкотораго связывающаго *C* и *D* источника, — скажемъ *z*, восходящаго ко времени не позднѣе начала XIII в., т. е. приблизительно современнаго списку *B*. Этотъ изводъ *z*, близкій къ *B* (на что указываетъ общее сходство *B* и *C*), но болѣе, чѣмъ *B*, модернизованный, былъ использованъ въ *C* цѣликомъ, а въ *D*, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, данъ въ сокращеніи. Такимъ образомъ, если *B* и *C* восходятъ къ общему источнику, то *C* связано съ этимъ источникомъ не непосредственно, а черезъ *z*.

Гораздо важнѣе для исторіи житія списокъ *A*, какъ по своей древности, которою онъ превосходитъ *B* лѣтъ на 300, такъ и по своимъ внутреннимъ качествамъ. Сравнивая *A* съ *B* и *C*, мы получимъ картину взаимоотношенія редакцій существенно отличную отъ той, какая представлялась Labourt'у. Вотъ самые общіе результаты наблюденій.

Прежде всего, по составу и содержанію, за нѣкоторыми исключеніями, указываемыми ниже, *A* вполне совпадаетъ съ *B* и *C*: объемъ житія во всѣхъ трехъ спискахъ приблизительно одинаковый. Это нужно предполагать и относительно утраченной части *A*, если сравнить количество выпавшихъ листовъ съ объемомъ соответствующей части *B* и *C*. Можно думать,

¹ Особенно это замѣтно на послѣднемъ листѣ (fol. 104), относительно котораго, впрочемъ, можно предполагать, что здѣсь переписчикъ старался закончить весь матеріалъ недостающій въ *A* и, можетъ быть, просто давалъ сокращенное изложеніе того списка, который былъ у него подъ руками.

² Add. 12.174, fol. 262v^a.

³ Add. 14.738, fol. 108. Bedjan III, 395.

⁴ Add. 12.174, fol. 261r^a.

⁵ Bedjan III, 387. Посредствующую форму см. въ Житіи Шалиты (Bedjan I, 442): ܡܫܚܐ, ср. Hoffmann, Auszüge aus syr. Akten pers. Märtyrer, Leipzig. 1880, стр. 171, 217.

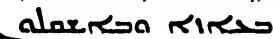

⁶ Add. 14.738, fol. 99 r.

⁷ Hoffmann, Auszüge, стр. 217.

что и предисловіе автора, опущенное въ *B*, въ которомъ замѣчается вообще тенденція къ сокращеніямъ, имѣлось уже въ *A*. Но при сходствѣ въ содержаніи встрѣчаются иногда довольно значительныя разности въ изложеніи. Эти разности прежде всего раздѣляютъ *A* отъ списковъ *B* и *C*, которые чаще между собою совпадаютъ¹. Но въ очень многихъ случаяхъ совпадаютъ *A* и *C* противъ *B*². Наконецъ, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ добавленій, о которыхъ рѣчь будетъ ниже) текстъ *C* стоитъ особнякомъ отъ *A* и *B*, да и въ этихъ случаяхъ почти всегда рѣчь идетъ о простомъ искаженіи, или неправильномъ чтеніи текста оригинала³. Почти вездѣ текстъ *A* носитъ характеръ болѣе древности и болѣе исправности въ сравненіи съ *B* и *C*, такъ что можно только пожалѣть о томъ, что онъ остался не использованнымъ въ изданіи Беджана.

Однако, взаимоотношеніе текстовъ нельзя представлять въ видѣ параллельной зависимости *B* и *C* отъ *A*: этому мѣшаетъ постоянное совпаденіе между *B* и *C* въ ихъ отклоненіяхъ отъ *A*. Объяснять это совпаденіе преемственною зависимою *C* отъ *B*, а *B* отъ *A* также нельзя, потому что въ очень многихъ случаяхъ, какъ было уже сказано, *C* совпадаетъ съ *A* противъ *B*. Остается одно: *B* и *C* имѣютъ въ основѣ нѣкоторый неизвѣстный намъ изводъ житія, скажемъ *y*, аналогичный списку *A*, но имѣвшій и свои особенности (при чемъ *C*, какъ было уже сказано, связано съ нимъ не непосредственно, а чрезъ *z*). Неизвѣстный намъ изводъ *y*, въ свою очередь, не стоялъ въ прямой зависимости отъ списка *A*: противъ этого говорить рѣдкіе случаи очевидныхъ пропусковъ въ *A*, которые согласно (слѣдовательно, на основаніи *y*) пополняются въ *B* и *C*⁴. Значить, *y* предста-

¹ Разница сводится большою частью къ замѣчаемымъ въ *B* и *C* сокращеніямъ противъ *A*. Напр., Add. 14.653, fol. 16r. — Bedjan III, стр. 424; fol. 25r — стр. 440; fol. 26v — стр. 444, fol. 27v — стр. 445; fol. 29r — стр. 447—448; fol. 45—48 — стр. 476—479 и мн. др. Ср. примѣры, приводимые ниже.

² Изъ многочисленныхъ примѣровъ, кромѣ приводимыхъ ниже, можно указать: на имя «Лазарь», которымъ названъ воскресенный Евангелиемъ юноша въ *A* и *C* (Add. 14.653 fol. 29v, Bedjan III, 448), и которое опущено въ *B* (Add. 12.174, fol. 271v*); на географическое опредѣленіе мѣста подвиговъ св. Иларіона (*A*: fol. 16v, *C* въ искаженной формѣ: Bedjan III, 425), также отсутствующее въ *B* (Add. 12.174 fol. 267v*), на опредѣленіе мѣста мученической кончины Милеса «Бет-Разикайе» (*A* fol. 20r, *C* стр. 432 п.), которому въ *B* соответствуетъ болѣе общее «страна персовъ» (Add. 12.174 fol. 269r*), на значительныя сокращенія *B* противъ *A* и *C* (ср., напр., Add. 12.174 fol. 263v, Add. 14.653 fol. 2v—3r, Bedjan III, стр. 401; Add. 12.174 fol. 274v, Add. 14.653 fol. 40r-v, Bedjan III, 466 п.) и т. п.

³ Примѣры см. ниже, стр. 121—123.

⁴ Примѣръ: имя , пропущенное въ краткомъ спискѣ учениковъ Еягена въ *A* и имѣющееся въ *B* и *C* (см. ниже, стр. 125, прим. 1). Ср. стр. 123, прим. 4.

И здѣсь испорченное въ *C* и невразумительное мѣсто о письмѣ изъ Рима просто опускается въ *B*.

Характерны варианты въ списокѣ 29-ти учениковъ Мар-Евгена. Этотъ списокъ, какъ и другіе два, нуждается въ особомъ изслѣдованіи. Я укажу здѣсь лишь нѣкоторыя сресіміна для характеристики взаимоотношенія текстовъ. При общемъ сходствѣ всѣхъ трехъ рукописей, можно, однако, замѣтить, что въ основѣ *B* и *C* лежитъ одна общая редакція, нѣсколько отличная отъ редакціи *A* (№№ 2, 4, 24). Эта общая редакція (*y*), можетъ быть, и сама не вполне исправная (№№ 4, 17, 24), въ *C* подвергается дальнѣйшимъ искаженіямъ (№№ 6, 21, 22), а въ *B* — корректурамъ, въ которыхъ непонятныя или искаженныя имена замѣняются болѣе или менѣе извѣстными (№№ 2, 10, 12, 17). Списокъ *A* отличается большою тщательностью: на это указываетъ вокализація рѣдкихъ именъ, въ другихъ мѣстахъ почти нигдѣ не встрѣчающаяся. Если *A* даетъ и сомнительныя чтенія (№ 10), то эти возможные ошибки оказываются общими съ *C* и слѣдовательно должны быть отнесены къ ихъ общему первоисточнику — *x*.

<i>A</i> , fol. 16v.—17r.	<i>C</i> , Bedj. III 426.	<i>B</i> , fol. 267v.—268r.
№ 2. ܐܡܝܢܐ ,ܝܚܐ	ܐܡܝܢܐ ,ܝܚܐ	ܐܡܝܢܐ
№ 6. ܬܚܝܒܐ ,ܝܚܐ	ܬܚܝܒܐ ,ܝܚܐ	ܬܚܝܒܐ ,ܝܚܐ
№ 4. ܬܠܝܬܐ ,ܝܚܐ	ܬܠܝܬܐ ,ܝܚܐ	ܬܠܝܬܐ ,ܝܚܐ
№ 10. ,ܝܚܐ ,ܝܚܐ	,ܝܚܐ ,ܝܚܐ	,ܝܚܐ ,ܝܚܐ
№ 12. ܬܚܝܒܐ ,ܝܚܐ	ܬܚܝܒܐ ,ܝܚܐ	ܬܚܝܒܐ ,ܝܚܐ
№ 17. ܬܚܝܒܐ ,ܝܚܐ	ܬܚܝܒܐ	ܬܚܝܒܐ
№ 21—22. ܬܚܝܒܐ ,ܝܚܐ ܬܚܝܒܐ ,ܝܚܐ	ܬܚܝܒܐ ܬܚܝܒܐ ,ܝܚܐ	,ܝܚܐ ܬܚܝܒܐ ,ܝܚܐ ܬܚܝܒܐ
№ 24. ,ܝܚܐ ,ܝܚܐ	¹ ܬܚܝܒܐ ,ܝܚܐ	ܬܚܝܒܐ ,ܝܚܐ

Сказанное касается литературной формы житія и состоянія текста въ трехъ извѣстныхъ намъ спискахъ *A*, *B* и *C*. Но между ними есть и болѣе существенныя различія, касающіяся содержанія житія и позволяющія говорить о трехъ редакціяхъ въ собственномъ смыслѣ слова. Исходя изъ критерія Labourt'a, мы должны бы причислить *A* и *B* къ одной редакціи, потому что въ томъ и другомъ имѣются два списка учениковъ Евгена:

¹ Объ этомъ вариантѣ см. ниже, стр. 126 прим. 1.

краткій изъ 9 (+2) именъ въ концѣ житія¹ и болѣе подробный изъ 29-ти именъ въ срединѣ житія, и нѣтъ списка 72-хъ (+2), имѣющагося въ *C*. Но разница заключается въ томъ, что *B* представляетъ монофиситскую редакцію, а *A* — несторіанскую или во всякомъ случаѣ не-монофиситскую. Правда, несторіанское происхождение *A*, которое можно бы предполагать по характеру всей рукописи Add. 14.653, не сказывается ярко на содержаніи житія: никакой несторіанской тенденціи здѣсь не замѣчается. Но нѣкоторые поправки, вносимыя въ текстъ опредѣленно монофиситскими *B* и *C*, показываютъ, что отдѣльныя выраженія *A* иногда звучали для монофиситскаго уха недостаточно благочестиво. Такъ вмѣсто *ܕܡܪܝܢܐ* въ отношеніи къ Дѣвѣ Маріи, въ *B* и *C* неизмѣнно употребляется *ܕܡܪܝܬܐ*²; выраженіе «Сынъ Твой возлюбленный Иисусъ» (въ молитвѣ къ Богу Отцу) замѣняется словами: «Сынъ Твой Единородный Господь нашъ Иисусъ Христосъ»³ и т. п. Но особенно характерна слѣдующая подробность. Въ разсказѣ о борьбѣ Евгена съ маркіонитами *A* два раза называетъ послѣдователей Маркіона, «стриженными» *ܕܡܪܝܬܐ*, при чемъ въ одномъ мѣстѣ поясняется, что они «стригутся» (*ܕܡܪܝܬܐ*) и одѣваются въ одежды сыновъ церкви⁴. Нужно замѣтить, что имя *ܕܡܪܝܬܐ* было презрительною кличкой, которую несторіанскіе монахи дали монофиситскимъ за то, что они постригали всю голову, тогда какъ несторіане со временъ Авраама Великаго носили только тоштуру⁵. Это непріятное для монофиситовъ слово и самое сопоставленіе «стриженныхъ» съ маркіонитами едва ли мыслимы были въ устахъ монофисита. И дѣйствительно, въ *B* упоминаніе о томъ, что маркіониты «стригутся» выпущено, и самое слово *ܕܡܪܝܬܐ* замѣняется словами «маркіониты» и «слуги Маркіона»⁶. — Тотъ фактъ, что эти корректуры отсутствуютъ въ *C*, даетъ

¹ Правда, краткій списокъ въ *A* и *B* не вполне тождественный. Изъ 11-ти въ общемъ счетѣ именъ (9-ти учениковъ и 2 сестеръ Евгена) въ *A* недостаетъ имени одного ученика — *ܕܡܪܝܬܐ*, а въ *B* — имени одной сестры Евгена — Стратоники. Но такъ какъ въ *C* (resp. *y*) имѣются оба эти имени, то нужно думать, что пропускъ по одному имени въ *A* и *B* — простая случайность. Въ частности имя *ܕܡܪܝܬܐ* могло быть легко пропущено по сходству начертанія со слѣдующимъ именемъ *ܕܡܪܝܬܐ*. Такимъ образомъ въ первоисточникѣ *x* краткій списокъ долженъ былъ имѣть такой видъ: Ома, [Гуріа *B*], Григоріусъ Ҡадла, Таба, Іагобъ, Іоаннисъ, Елиша, Серапионъ; Өекла, [Стратоника *A*]. Add. 14.653 fol. 44r, Add. 12.174 f. 275r^a.

² Add. 14.653 fol. 4v, 5v, ср. Bedjan III, 404, 405.

³ Add. 14.653 fol. 2v, ср. Bedjan III, 400.

⁴ Add. 14.653 fol. 4r—4v, 8r.

⁵ Thom. Marg. I, 4, Budge I, 23. Монофиситы, какъ и «роменъ», будто бы, — «по образу Іоанна апостола», а несторіане — «по образу Симона Кифы» (Wright-Cook, Catalogue of the Syr. Mss. of Cambridge I, 325).

⁶ Add. 12.174 fol. 269r^a; Bedjan III, 404, 410.

основаніе думать, что слова, выброшенные въ *B*, существовали въ источникѣ *B* и *C*, и что слѣдовательно этотъ источникъ (*y*) такъ же, какъ и *A*, былъ не-монофиситскій¹. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что существующія въ *B* и *C* монофиситскія добавленія распредѣляются такимъ образомъ, что добавленія *B* отсутствуютъ въ *C* и наоборотъ, и слѣдовательно ихъ нѣтъ нужды относить на счетъ *y*.

Въ *B* такихъ добавленій два. 1. Въ молитвенномъ заключеніи Житія, которое есть во всѣхъ трехъ редакціяхъ (при чемъ въ *A* и *C* текстъ очень близкій, а въ *B* сокращенный), въ *B* вставлены слова: «молитвами святой Богородицы Маріи»².—2. Нѣсколько выше, предъ разсказомъ о кончинѣ Евгена, внѣ связи съ ближайшимъ контекстомъ, въ *B* вставлено сообщеніе, будто царь Шапуръ, «увидѣвъ доблести святыхъ и чудеса», «призвалъ св. Мар-Евгена и далъ ему селеніе одно по имени или и мельницу ()³, что у селенія, чтобы были они для общежитія обители, и чтобы было ему (Шапуру) участіе въ молитвахъ ихъ; и далъ ему грамоту и печать, чтобы не боялись судей, приходя въ страны [Персіи]» и т. д.³. Въ *C* нѣтъ ничего соотвѣтствующаго этому разсказу. Въ *A* ему соотвѣтствуетъ помѣщенное нѣсколько выше, въ прямой связи съ контекстомъ (въ разсказѣ объ аудіенціи святыхъ у Шапура), замѣчаніе, что Шапуръ, «когда освѣдомился о мѣстѣ, въ которомъ они жили, насколько оно нуждается въ водѣ, и о томъ, что отъ дождя небеснаго они пьютъ, повелѣлъ и сдѣлалъ имъ ровъ () нѣкій великій, и вотъ называется ровомъ святого до сего дня»⁴.

¹ Противъ этого можно бы указать на одно имя въ спискѣ 29-ти, которое въ *B* и *C* (=y) выглядитъ совсѣмъ иначе, чѣмъ въ *A*, и похоже на монофиситское. Именно подъ № 24 вмѣсто (*A*) въ *B* и *C* стоитъ , которое естественно напоминаетъ о монофиситскомъ житіи ученика Евгена Исаи Халабаи (Bedjan III, 534 сл.). Но если предполагать здѣсь монофиситскую корректуру, непонятно, почему эта корректура коснулась только одного имени: почему не вставлено, напр., имя Мар-Малке, еще болѣе чтимаго у монофиситовъ ученика Евгена, и почему исключено имя , которое совсѣмъ не выглядитъ специфически несторианскимъ, а, наоборотъ, напоминаетъ встрѣчающееся и въ монофиситскихъ мѣсяцесловахъ имя (Nau, Un martyrologue et douze ménologues, P. O. X, стр. 45, ср. Sachau, Verzeichniss II, 558); кромѣ того это имя имѣется въ несомнѣнно монофиситскомъ спискѣ 72-хъ (Bedjan III, 479). Скорѣе можно думать, что данный вариантъ, какъ и другіе, объясняется или ошибкою, или желаніемъ угадать въ незнакомомъ имени общезвѣстное (и въ палеографическомъ смыслѣ не слишкомъ далеки другъ отъ друга).

² Add. 12.175, fol. 276r^a.

³ Ibid. fol. 275r^b—276v^a. Имя селенія можно читать и (какъ Wright, Cata-

logue, 1130^a), и . Едва-ли можно сомнѣваться въ тождествѣ этого имени съ Ишо 'денаха.

⁴ Add. 14.653, fol. 43v. Замѣчаніе написано на полѣ рукописи, но тою же рукой.

Мы видѣли, что въ несторіанскомъ преданіи права обители Евгена на селеніе ~~и~~ доказывались иначе: ссылкой на пожалованіе митроп. Рузбигана¹. Но затѣмъ потребовалась легенда о дарѣ Шапура монофиситамъ? Во время составленія редакціи В, можно сказать съ большою вѣроятностью, не было въ М'арре несторіанской обители Мар-Евгена. Это видно изъ того, что въ началѣ XIII в. несторіанскій митрополитъ Несибина Ишо'ябъ бар-Малконъ въ своей полемикѣ съ монофиситскимъ патріархомъ Игнатіемъ II, въ отвѣтъ на упрекъ противника, что у несторіанъ «нѣтъ монастырей», какъ учрежденій древнихъ, не могъ указать на существованіе у себя въ епархіи древнѣйшей обители Евгена, а ограничился указаніемъ на монастырь Бабая и историческою справкою, что первые монастыри на востокѣ были основаны Евгеномъ и его учениками ранѣе временъ Несторія и Кирилла². Не было тогда обители Евгена вовсе, или она временно принадлежала монофиситамъ, неизвѣстно: за XII, XIII и XIV вѣка, кажется, нѣтъ упоминаній объ этой обители; въ самомъ началѣ XII в.³ и въ XV—XVI вв.⁴ она извѣстна какъ несторіанская, а съ XVII вѣка — какъ монофиситская⁵. Извѣстно, что какъ разъ Михаилъ I перенесъ монофиситскую патріаршую кафедру изъ Амиды въ монастырь Хананія (Зафаранъ), на востокъ отъ Мардина⁶, и это, можетъ быть, симптоматично для усиленія монофиситскаго вліянія въ области Несибина въ концѣ XII в. Но если обители Евгена въ концѣ XII в. и не существовало, монофиситы могли претендовать на выморочное наслѣдіе Рузбигана въ пользу какого-либо другого своего учрежденія въ Несибинѣ, или въ М'арре и его окрестностяхъ⁷. Здѣсь за-

¹ Le Livre de la Chasteté 107, Chabot, стр. 57.

² В. О., III 1, стр. 300—301.

³ Pognon (Inscriptions semitiques, стр. 109) упоминаетъ о сохраняющейся доселѣ въ монастырѣ Евгена надписи, изъ которой видно, что въ 1420 г. (1109 Р. X.) здѣсь былъ погребенъ несторіанскій митрополитъ Несибина Сабрашо'.

⁴ По крайней мѣрѣ до 1558 Р. X. Wright-Cook, Catalogue, I, 358—359. A. Scher, Notice sur les Mss. syriaques conservés à l'Archevêché de Diarbekir. JA X (1907), стр. 354, 355, 389. Ср. В. О. III 1, 591—592; Assem. Catal. II, 493 и др.

⁵ По крайней мѣрѣ съ 1621 Р. X. Sachau, Verzeichn. I, стр. 130. Pognon (l. c. 109) сообщаетъ, что и въ 1905 г. въ монастырѣ жило нѣсколько яковитскихъ монаховъ.

⁶ В. О. II, стр. 363.

⁷ Вопреки утвержденію Labourt'a (п. с., стр. 313—314), часть Тур-Абдина между Несибиномъ и «великою обителью» Авраама со временъ Бар-Саумы была оплотомъ несторіанства противъ монофиситскаго натиска съ запада и сѣвера. Однако сфера вліянія монофиситовъ близко подходила къ М'арре и не столько съ запада, какъ полагаетъ Labourt, со стороны монастыря Зафаранъ, разстояніе до котораго было все таки значительно, сколько съ сѣвера, со стороны другого монофиситскаго центра — монастыря Картаминскаго. Въ этомъ направленіи совсѣмъ близко къ М'арре расположены были монофиситскіе монастыри «учениковъ Евгена» Мар-Малке и Исаи Халабаи.

служиваетъ, можетъ быть, упоминанія ближайшей къ обители Евгена монастырь св. Мар-Малке, который назывался у монофиситовъ не только ученикомъ, но и «племянникомъ» (ܡܪܝܬܐ ܕܡܠܟܐ) Мар-Евгена¹, хотя, нужно замѣтить, въ житіи самого Евгена ни о какомъ племянникѣ нѣтъ рѣчи, и самое имя Малке является только въ самой поздней редакціи списка учениковъ (въ числѣ 72-хъ)². Не потребовалось ли это родство для того, чтобы доказать право монастыря Малке на наслѣдіе Евгена? Нужно прибавить, что древнѣйшіе дошедшіе до насъ списки монофиситскаго житія Мар-Малке относятся какъ разъ къ послѣднему десятилѣтію XII вѣка³. Конечно, это не болѣе, какъ предположеніе, но монофиситское происхожденіе легенды о дарѣ Шапура едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Такимъ образомъ въ *В* мы имѣемъ монофиситскую обработку несторіанскаго извода житія Евгена, при чемъ характерною для нея является восточная Тур-Абдинская ориентація. Принадлежитъ ли эта обработка патр. Михаилу, который могъ принимать близкое участіе въ судьбѣ Тур-Абдинскихъ владѣній монофиситовъ, или она взята была Михаиломъ уже въ готовомъ видѣ изъ какого-нибудь Тур-Абдинскаго монастыря, сказать съ увѣренностью нельзя, хотя первое весьма вѣроятно.

С представляетъ гораздо болѣе позднюю и, вѣроятно, «западную» монофиситскую обработку несторіанскаго извода житія. Для *С* характерны слѣдующія вставки и добавленія. 1. Здѣсь имѣется прежде всего отсутствующая въ *А* и *В* дата смерти Евгена: «21 нисана 674 года діаунайе»⁴. Происхожденіе «года» не представляетъ особаго интереса: это — хорошо извѣстный годъ передачи Нешибина персамъ. Что касается дня смерти, то онъ несомнѣнно заимствованъ изъ монофиситскаго мѣсяцеслова и притомъ довольно поздняго происхожденія. Несторіане праздновали память Евгена (не въ числахъ мѣсяца, а въ «кругѣ худры») въ «первую пятницу Обновленія или Освященія храма»⁵ (что соответствуетъ началу ноября). Этотъ день былъ избранъ, очевидно, не по историческимъ, а по идейнымъ соображеніямъ: «седмица Обновленія» посвящалась воспоминаніямъ о торжествѣ христіанства надъ язычествомъ и объ основаніи и утвержденіи Церкви, а такъ

¹ Bedjan V, 423, 433.

² Bedjan. III, 471.

³ Paris. 236 (1194 P. X.). Zotenberg, Catalogue des Mss. Syriaques de la Bibl. Nationale, Paris 1874, стр. 187. Br. Mus. Add. 14.733 (1199 P. X.). Wright, Catal. 1140*.

⁴ Bedjan III, 477.

⁵ См. нестор. лекціонарій 1074 P. X. Add. 17.923. Wright, Catal. 187*. Нынѣ несторіане празднуютъ память Евгена въ «третью пятницу Освященія», см. ܕܠܠܐ ܕܢܝܝܐ, Urmi 1894, стр. 4.

какъ всѣ памяти святыхъ («въ кругѣ худры») праздновались у несторіанъ по пятницамъ, то естественно было первую пятницу Обновленія посвящать именно Мар-Евгену, какъ первому «строителю церкви восточной». Но и монофиситская память «21 нисана» вовсе не соотвѣтствуетъ дѣйствительному дню кончины Евгена, а просто приурочена ко дню смерти ученика его Мар-Малке, который согласно его житію умеръ тоже 21 нисана¹, и который въ монофиситскихъ мѣсяцесловахъ оказывается гораздо болѣе у себя дома, чѣмъ его учитель и «дядя» (ܡܠܟܐ). Нѣкоторые мѣсяцесловы имѣютъ подъ 21 нисана память только Мар-Малке², другіе совсѣмъ неестественно ставятъ имя Малке на первомъ мѣстѣ³, и, насколько извѣстно, нѣтъ ни одного мѣсяцеслова, гдѣ память Евгена стояла бы подъ 21 нисана отдѣльно отъ памяти Мар-Малке⁴. Этому удивляться не приходится, потому что монастырь Мар-Малке былъ извѣстенъ уже въ VII в. и всегда былъ монофиситскимъ монастыремъ⁵. — 2. Въмѣсто краткаго списка 9-ти (+2), въ концѣ житія С имѣетъ пространнѣйшій списокъ учениковъ Евгена въ количествѣ 72-хъ съ прибавленіемъ двухъ сестеръ Евгена⁶. Монофиситское происхожденіе этого списка также едва ли подлежитъ сомнѣнію, хотя въ немъ встрѣчаются и несторіанскія имена. Подавляющее большинство именъ, являющихся здѣсь впервые, или монофиситскія, или общія несторіанамъ и монофиситамъ. А немногія чисто несторіанскія имена (какъ Мика и Іона Анбарскій, имѣющіе несторіанскія житія цикла Евгена, или Саргисъ Дада и Іоаннъ бар-Калдунъ, несторіанскіе святые VII и XI в.) привлечены съ явною цѣлью во что бы то ни стало довести число учениковъ до 72-хъ безъ точнаго знанія значенія этихъ именъ (когда сюда включаются святые XI в.), а, можетъ быть, и съ прямымъ намѣреніемъ рецепировать несторіанскія преданія. Подобные случаи рецепціи въ позднѣйшую эпоху бывали, какъ это видно изъ сообщаемаго ниже случая съ житіемъ Дады. Не входя

¹ Bedjan, V, стр. 467, 468.

² Add. 17.232, 1210 P. X. (Nau, Un martyrologue et douze ménologues, PO, X, стр. 121), Vatic. 37 «мартирол. Слибы» (AB XXVII) и др.

³ Paris. 146, Vatic. 69 (Nau, ц. с., стр. 76) и др. Исключеніе — Add. 14.719, 1184 P. X., гдѣ подъ 21 нисана значится: ܡܠܟܐ ,ܝܫܘܥ ܡܠܟܐ.

⁴ Ср. своеобразную корректуру въ «Sachau 234» (1822 P. X.): 20 нисана — Мар-Евгенъ, 21 нисана — Мар-Малке, Sachau, Verzeichn. II, 486^b. Въ позднѣйшихъ моноф. мѣсяцесловахъ (отъ XVI в.) память Евгена помѣщается еще подъ 2 тешрина II вмѣстѣ съ никейскими отцами (можетъ быть, подъ вліяніемъ несторіанскаго календаря) и подъ 3 адара, Nau, ц. с., стр. 65, 73.

⁵ См. запись въ Vatic. 158, отъ 645 P. X. (Assem., Catalog. III 306), Add. 14.660, отъ IX—X в. (Wright, Catal. 1162) и т. д.

⁶ Bedj. III, стр. 474 сл.

въ подробности (потому что списокъ требуетъ особаго изслѣдованія), здѣсь достаточно будетъ указать на общій методъ составленія списка. Авторъ переписываетъ прежде всего старые списки (сначала списокъ 9-ти, потомъ списокъ 29-ти) и лишь изрѣдка вставляетъ при этомъ новыя имена, руководствуясь неизвѣстными намъ, но, повидимому, случайными ассоціаціями. Напр., послѣ имени Іоханнана [Сабы], который здѣсь называется «Апамейскимъ», вставляются кстати еще три Іоханнана (Нахлая, Дайломая и Таяя), къ имени присоединяется для счета и другая форма того же имени ¹ и т. п. Затѣмъ, начиная съ № 43, идутъ исключительно новыя имена: здѣсь сначала названы монофиситскіе святые, дѣйствительно съ давнихъ поръ связанные съ цикломъ Евгена, но не вошедшіе ранѣе въ списки (какъ Малке, Исаія, Финхесъ и др.), но далѣе (приблизительно съ № 50) составъ именъ совершенно случайный, при чемъ встрѣчаются и несторіанскія имена; въ самомъ концѣ (№№ 73 и 74), какъ и въ краткомъ списокѣ, помѣщаются имена Θεκλѣ и Стратоники. Что списокъ поздняго происхожденія, это уже установлено Labourt'омъ. Но terminus a quo его возникновенія не XI вѣкъ, какъ полагаетъ Labourt, а по крайней мѣрѣ конецъ XV вѣка. Это видно изъ того, что въ числѣ первыхъ именъ (подъ № 6) здѣсь называется нѣкій «Дада». Между тѣмъ изъ продолженія хроникъ Бар-Эбра² видно, что до 1474 Р. Х. монофиситы даже въ Тур-Абдинѣ не знали ничего о Дадѣ—ученикѣ Евгена. Въ этомъ году въ селеніи (нынѣ Bassibrina, или Bassogino, въ 3 часахъ на востокъ отъ Картаминскаго монастыря)³ случайно открыты были гробницы трехъ святыхъ, изъ которыхъ одна имѣла на себѣ надпись съ именемъ «Дады»⁴. Открывшіе были въ полномъ недоумѣніи, кто такой былъ Дада, пока изъ разспросовъ не узнали, что у несторіанъ въ селеніи Сидосъ близъ Тавриза есть монастырь Мар-Дады, а въ этомъ монастырѣ есть житіе Дады—ученика Евгена⁵. Тогда «одинъ изъ нашихъ, имя котораго Гавріилъ Аспесая, — продолжаетъ монофиситскій лѣтописецъ, — пріялъ ревность и пошелъ въ Сидосъ» и, выдавъ себя за несторіанскаго инока изъ Несибина,

¹ Ср. муч. акты Кардага, Bedjan, II, 488—489.

² В. О., III 2, стр. 146—147.

³ Rognon, Inscriptions semitiques, стр. 116, ср. 109. По Rognon'у и теперь (1905 г.) въ Бассибринѣ существуетъ «старый яковитскій монастырь св. Додо» (т. е.).

⁴ Можетъ быть, это былъ «Дада, монахъ испытанный изъ селенія въ области Амиды», о которомъ, какъ современникъ имп. Аркадія и Θεодосія, упоминаетъ Псевдо-Захарія (I, 9), Land, Anecdota Syriaca, t. III (Lugduni Batav. 1870), стр. 84.

⁵ Можетъ быть, здѣсь разумѣется мученикъ при Шапурѣ «въ землѣ Мадайей» (Bedjan, IV, 141—145). Другой —тоже мученикъ при Шапурѣ въ Бет-Кардо (ibid. 218).

«списалъ и принесъ намъ исторію Дады», а «пресвптеръ Іешу... составилъ изъ исторіи чинъ и седры и хусайи и мимры и молитвы...»¹. Такимъ образомъ редакция *С* появилась не ранѣе 1474 Р. Х., но она могла появиться, конечно, и значительно позднѣе, — тѣмъ болѣе, что не исключена возможность постепеннаго нарастанія списка отъ 9+29 до 72-хъ.

Есть еще два добавленія въ *С*, которыя говорятъ, повидимому, о «западной» ориентации редактора.—3. Послѣ разсказа о просвѣщеніи Евгеномъ страны Бет-Арбайе въ *С* вставлено общее замѣчаніе о границахъ миссіонерской дѣятельности Евгена: «онъ крестилъ всѣ страны Бет-Кардо и Сенн'аръ и Мардинъ и даже до горы высокой Сисиніи» (ܩܝܕܐ ܕܫܢܝܐ ܕܫܝܨܝܢܝܐ)². Въ Бет-Кардо Евгений дѣйствительно проповѣдовалъ по Житію³. Сенн'аръ (Вавилонъ) могъ быть названъ потому, что и сюда должны были направиться, по Житію, ученики Евгена⁴. Но ни въ *А*, ни въ *В* нѣтъ ни малѣйшихъ намековъ, чтобы Евгений, или его ученики проповѣдовали на западъ отъ Несибина. Поэтому уже упоминаніе Мардина представляется нѣсколько тенденціознымъ. А «гора высокая Сисинія», судя по ходу рѣчи, скорѣе всего должна мыслиться лежащею далеко на западъ или сѣверъ отъ Мардина, хотя самое имя «Сисинія» представляется загадочнымъ. Можетъ быть, этимъ именемъ авторъ хотѣлъ назвать горную область киликійскаго города Сисъ ܫܝܨܝܢ (τὸ Σίσιον χάστρον), который (въ XI—XIV вѣкахъ) былъ столицею киликійскаго армянскаго царства и важнымъ церковнымъ центромъ Арменіи⁵. Нужно замѣтить, что монофиситскія житія учениковъ Евгена переносятъ иногда дѣятельность ихъ и самого Евгена на отдаленный западъ: въ Халабъ⁶, Хемсъ и даже Тарсъ⁷. — 4. Въ разсказѣ о «нѣкоемъ братѣ», который въ присутствіи царя Шапура, по повелѣнію Евгена, вошелъ въ огонь и остался невредимымъ, въ *С* имѣется замѣчаніе, что этимъ братомъ «былъ Муше изъ Телл-Бакре» (ܡܘܫܐ ܕܬܠܠ ܒܚܝܩܐ)⁸. Къ сожалѣнію, мои розыски относительно мѣстонахожденія Телл-Бакре остались безуспѣшными. Но достойно замѣчанія то, что «восточные» монофиситы съ

¹ В. О. III 2, 147.

² Bedjan, III, 451.

³ Ibid. 446.

⁴ Ibid. 471.

⁵ Ramsay, The historical Geography of Asia Minor, London 1890, стр. 384, 658. Ritter, Erdkunde, т. X, стр. 916, ср. 622. Едва ли здѣсь можетъ быть рѣчь объ армянской области «Сисаканъ» «на Араксѣ». Hübschmann, Altarmenische Ortsnamen, Strassb. 1904, стр. 264—265. Marquart, Eranšahr, Berlin 1901, стр. 120 сл.

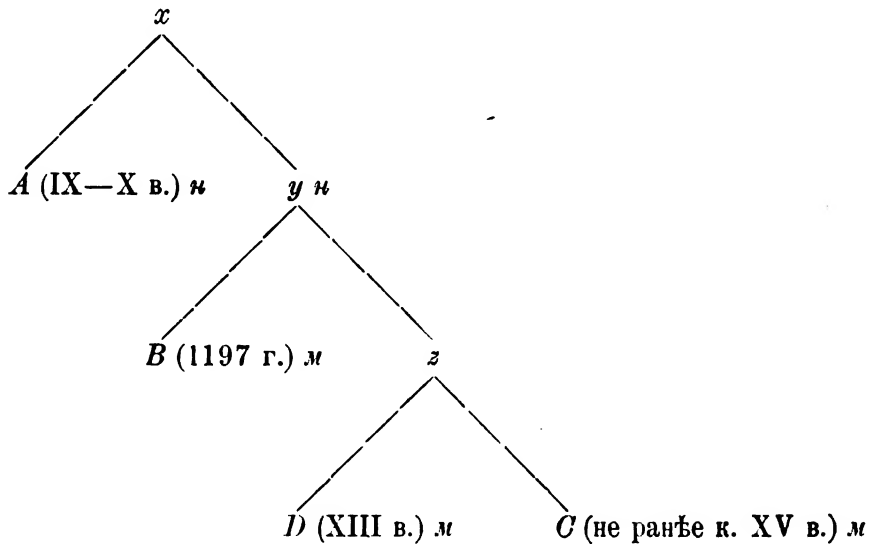
⁶ Bedjan, III, 538 сл., 561 сл. Житіе Исаи.

⁷ Scheil, ZA, XII (1897), 76—77, 79—80. Житіе Веніамина.

⁸ Bedjan, III, 467.

именемъ «Мар-Муше ученика Евгена» связывали происхождение монастыря не въ Телл-Бакре, а въ «селеніи Ноя Гасанъ» (نور حسن) въ области Джезире-ибн-Омаръ¹. А по несторіанскому преданію братомъ, вошедшимъ въ огонь, былъ Іона Анбарскій². — 5. Наконецъ, не лишено значенія и то обстоятельство, что въ замѣткѣ о первомъ вселенскомъ соборѣ къ имени Іакова Несебинскаго, какъ представителя сирійскаго Востока на этомъ соборѣ, въ *С* присоединяется имя Мар-Афрема Эдесскаго³. — Все это дѣлаетъ вѣроятнымъ, что редакція *С* возникла гдѣ-нибудь западнѣ Тур-Абдина. То обстоятельство, что западная монофиситская редакція оказалась потомъ въ несторіанскомъ Алкошѣ, а несторіанская — въ Скитскомъ монастырѣ Богородицы, наглядно показываетъ, что между монофиситами и несторіанами происходилъ живой обмѣнъ житійной литературой.

Въ результатѣ взаимоотношеніе сохранившихся редакцій Житія Мар-Евгена можетъ быть представлено въ нижеслѣдующей схемѣ (буквы *м* и *н* обозначаютъ монофиситское или несторіанское происхождение редакцій).

3.

Обозрѣніе сохранившихся списковъ Житія Евгена показываетъ, что ранѣе пзвѣстной намъ редакціи *A* должна была существовать редакція *x*, которая по своему составу и содержанію, за немногими исключеніями,

¹ Sachau, Verzeichn. I, 129.

² Bedjan, I, 515. Житіе Іоны.

³ Bedjan, III, 428.

совпадала съ редакціями *A* и *B* и въ частности уже включала въ себя кромѣ краткаго списка 9-ти и списокъ 29-ти учениковъ Евгена. Если списокъ *A* появился около 900 года Р. Х. (немного ранѣе, или немного позднѣе), то редакция *x* должна была возникнуть во всякомъ случаѣ не позднѣе IX вѣка. Но эта редакция не могла быть первоначальною. Въ самомъ дѣлѣ, авторъ, съ одной стороны, называетъ себя ученикомъ Евгена, говоритъ, что «долгое время былъ вмѣстѣ съ нимъ»¹, соотвѣтственно этому ведетъ рассказъ въ первомъ лицѣ, начиная отъ событій, имѣвшихъ мѣсто ранѣе 325 года², и кончая событіями послѣ 363 года³, и наконецъ перечисляетъ по именамъ 28 (кромѣ себя) учениковъ Евгена, которыхъ онъ самъ видѣлъ въ обществѣ учителя ранѣе 325 года⁴. Съ другой стороны, въ концѣ Житія, желая дать возможно полныя свѣдѣнія о всѣхъ вообще ученикахъ Евгена, авторъ выражается такимъ образомъ: «слѣдующія изъ именъ ихъ я разыскалъ», и перечисливъ всего 9 (—2) именъ, частью уже названныхъ ранѣе въ списокѣ 29-ти, опять скромно замѣчаетъ: «память ихъ во благословеніе и молитвы ихъ со всѣми нами, аминь; вотъ что небольшое изъ именъ ихъ, сколько нашелъ, я записалъ въ исторіи сей; да дастъ намъ Господь здравіе и спасеніе молитвами ихъ, аминь, аминь»⁵. Очевидно, нельзя допустить, чтобъ тамъ и здѣсь говорилъ одинъ и тотъ же авторъ, и предположеніе о одновременныхъ наслоеніяхъ въ редакціи *x* совершенно неизбежно. Здѣсь можно предполагать одно изъ двухъ.

1. Краткій списокъ принадлежитъ подлинному автору Житія. Въ такомъ случаѣ мы должны будемъ отнести на счетъ позднѣйшей редакціи не только списокъ 29-ти, но и все литературное построеніе Житія въ формѣ рассказа очевидца: подлиннымъ авторомъ будетъ, можетъ быть, и Михайлъ (или *ܡܝܚܝܐ*)⁶, но только не непосредственный ученикъ Евгена и не очевидецъ.

2. Въ первоначальной редакціи Житія не было ни того, ни другого списка: подлинный авторъ, бывшій дѣйствительно ученикомъ Евгена, или выдававшій себя за такого, просто забылъ назвать хотя бы одного изъ

¹ Bedjan, III, 478. Add. 14.653, fol. 47r.

² Bedjan, III, 428.

³ Ibid. 474 сл.

⁴ Ibid. 425, cf. 428.

⁵ Add. 14.653, fol. 44r-v. Add. 12.174, fol. 275r^b, ср. Bedjan, III, 474, прим. 1.

⁶ Такъ послѣдовательно пишется это имя въ *A*. Add. 14.653, fol. 16v., 47r-v. Въ *B*, напротивъ, пишется *ܡܝܚܝܐ*. Add. 12.174, fol. 276r^a, 267v^b. Что должна обозначать собою форма *ܡܝܚܝܐ*: просто орфографическую или фонетическую неправильность (въ родѣ «Юліанъ — Луліанъ»), или что-нибудь болѣе важное, — судить не берусь.

учениковъ Евгена, и только позднѣйшіе редакторы, болѣе его интересовавшіеся именами, вставили сначала краткій списокъ («сколько можно было разыскать»), а потомъ и болѣе подробный. — Последнее объясненіе проще и естественнѣй, но и первое вовсе не исключается. Дѣло въ томъ, что рѣчь автора въ первомъ лицѣ далеко не вездѣ выдержана, и очень часто вмѣсто «мы» употребляется третье лицо — «святые». Ключъ къ разрѣшенію поставленной альтернативы можно бы искать въ приведенной выше¹ записи автора, гдѣ говорится, что житіе составлено по спеціальному заказу и именно «по повелѣнію царскому» и по «письму» какого то «святаго (или святыхъ) изъ Рима»². Если принять во вниманіе, что Михаилъ «былъ вмѣстѣ съ Евгеномъ» не менѣе 40 лѣтъ, и что, по его собственному Житію, онъ пришелъ къ Евгению въ 30-лѣтнемъ возрастѣ³, то онъ не могъ надолго пережить Евгена, и трудно предположить, чтобы чрезъ какія нибудь 10 лѣтъ послѣ 363 г. извѣстность Евгена настолько распространилась, что спросъ на его Житіе появился даже въ Римѣ, тѣмъ болѣе, что историческая обстановка 364—379 Р. Х. мало благоприятствуетъ такому предположенію. Выходитъ какъ будто, что авторъ приведенной записи не могъ излагать Житіе въ формѣ разсказа очевидца. Но, съ другой стороны, мы не знаемъ, принадлежитъ ли эта записъ подлинному автору Житія, или она вставлена, какъ и краткій списокъ, позднѣйшимъ редакторомъ, который могъ имѣть подъ руками уже готовое Житіе въ видѣ разсказа очевидца. Однако, вопросъ объ авторѣ Житія пока не входитъ въ нашу задачу. Во всякомъ случаѣ, какое бы изъ двухъ объясненій мы ни приняли, необходимо признать, что Житіе Евгена еще до IX вѣка пережило весьма сложную литературную исторію.

Нѣкоторые свѣтъ на эту исторію проливаютъ показанія Ишо'денаха.

Время жизни этого автора нельзя считать прочно установленнымъ и послѣ разъясненій Labourt'a. Конечно, его нельзя относить къ концу VIII вѣка: въ хроникѣ Михаила Сирійца имѣется буквальная выдержка изъ 17 гл. X-ой кн. «церковныхъ исторій» Денахишо', т. е. Ишо'денаха, относящаяся къ основанію въ 1104 селевк. (793 Р. Х.) извѣстнаго монастыря Зафаранъ, при чемъ Ишо'денахъ замѣчаетъ, что этотъ монастырь «назы-

¹ Стр. 123.

² Записъ имѣется во всѣхъ трехъ редакціяхъ (Add. 14.658, fol. 31r, Add. 12.174, fol. 272r^a, Bedjan, III, 451), а въ А вторично подтверждается въ концѣ Житія (fol. 47v).

³ Sachau, Verzeichn. I, 237. Впрочемъ, показаніе автора Житія Евгена о 40-лѣтнемъ пребываніи его съ учителемъ совершенно не согласуется съ данными Житія самого Михаила, которое сохранилось въ стихотворной обработкѣ 'Абдишо'-бар-Шааръ (X в.), Cardahi, Liber Thesauri de arte poetica Sytorum (1875), стр. 136—137. Sachau, ц. и.

вается монастыремъ Хаянанъ до сего дня»¹. Хотя это самая поздняя цитата изъ Ишо'денаха, сохраненная позднѣйшими авторами, тѣмъ не менѣе нужно полагать, что между 793 Р. X. и составленіемъ «церковныхъ исторій» прошелъ болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени. Но, съ другой стороны, указываемое Labourt'омъ упоминаніе въ «Книгѣ цѣломудрія» о событіи 849—850 Р. X., если оно дѣйствительно принадлежитъ автору², вовсе не обязываетъ относить происхожденіе этой книги къ X вѣку: авторъ могъ упомянуть въ своей книгѣ и о событіи текущаго года. Повидимому, правильнѣе относить Ишо'денаха къ IX вѣку. Но въ данномъ случаѣ важно не столько время происхожденія самой «Книги цѣломудрія», сколько древность той редакціи легенды, которою пользовался Ишо'денахъ. А эта редакція по внутреннимъ признакамъ оказывается безспорно болѣе древнею не только въ сравненіи съ редакціей А, приблизительно современною Ишо'денаху, но и съ редакціей x, которая явилась, можетъ быть, ранѣе Ишо'денаха.

Въ «Книгѣ цѣломудрія», изложенной въ видѣ краткихъ главъ (فصلنامه), имѣють отношеніе къ нашей легендѣ: 1-я глава, посвященная самому Евгѣну, и еще восемь главъ, посвященныхъ дѣйствительнымъ или мнимымъ его ученикамъ (гл. 2—7, 84 и 109)³. Первая глава содержитъ краткое изложеніе извѣстнаго намъ житія Евгѣна, заканчивающееся спискомъ его учениковъ изъ 14 именъ (включая и двухъ сестеръ Евгѣна). Отношеніе этого списка къ краткому списку редакціи *x* (A+B) слѣдующее:

 x^4

Ишо'днахъ гл. 1 5.

<i>ආයුර්වේදය</i> <i>ආයුර්වේදය</i> <i>ආයුර්වේදය</i> <i>ආයුර්වේදය</i> <i>ආයුර්වේදය</i> <i>ආයුර්වේදය</i> <i>ආයුර්වේදය</i> <i>ආයුර්වේදය</i> <i>ආයුර්වේදය</i> <i>ආයුර්වේදය</i> <i>ආයුර්වේදය</i> <i>ආයුර්වේදය</i> <i>ආයුර්වේදය</i> <i>ආයුර්වේදය</i> <i>ආයුර්වේදය</i>	<i>ආයුර්වේදය</i> <i>ආයුර්වේදය</i> <i>ආයුර්වේදය</i> <i>ආයුර්වේදය</i> <i>ආයුර්වේදය</i> <i>ආයුර්වේදය</i> <i>ආයුර්වේදය</i> <i>ආයුර්වේදය</i> <i>ආයුර්වේදය</i> <i>ආයුර්වේදය</i> <i>ආයුර්වේදය</i> <i>ආයුර්වේදය</i> <i>ආයුර්වේදය</i> <i>ආයුර්වේදය</i> <i>ආයුර්වේදය</i>

¹ Chronique de Michel le Syrien, XII, 5, ed. Chabot, III₁ (Paris 1905), стр. 20, сур. 489а.
Форма ⲕⲁⲓⲁ не говорить, конечно, о другомъ лицѣ. Райтъ, Ист. сир. лит., 138.

² Рѣчь идетъ о перенесеніи мощей св. Ишо'эки изъ основаннаго имъ монастыря въ монастырь Іоны Хдайабскаго чрезъ 260 лѣтъ послѣ его смерти въ царствованіе Га'Фарабар-Мо'атсема. Краткое замѣчаніе объ этомъ фактѣ прибавлено въ концѣ главы, посвященной этому сянтому (гл. 47), послѣ того, какъ выше было сказано, что онъ погребенъ въ собственномъ монастырѣ. Но въ одномъ изъ несторіанскихъ гимновъ объ основателяхъ монастырей, который составленъ прямо по «Книгѣ пѣломудрія», о св. Ишо'эки сказано только, что онъ похороненъ въ собственномъ монастырѣ. Sachau, Verzeichn. I, 235^b.

³ О гл. 12-й см. ниже, стр. 141, прим. 1.

⁴ Add. 14.653, fol. 44r. Add. 12.174, fol. 275r^a.

³ Chabot, стр. 1.

имѣеть въ 1-ой главѣ «Книги цѣломудрія». Если предположить, что Ишо'денахъ не зналъ все таки редакціи *x*, и что у него подъ руками случайно оказалась болѣе древняя редакція, тогда остается не вполне понятнымъ слѣдующее. Передѣлка пространнаго Житія въ краткое сообщеніе предполагаетъ во всякомъ случаѣ активную редакторскую работу. Естественно было бы ожидать, что при условіи такой активности Ишо'денахъ дополнитъ свѣдѣнія Житія новыми ему извѣстными данными. И однако этого мы не видимъ, а видимъ довольно странное явленіе, что въ одной и той же «Книгѣ цѣломудрія» легенда о Мар-Евгенѣ является одновременно и въ явно позднѣйшей распространенной формѣ (гл. 84, 109), и въ элементарномъ почти зачаточномъ состояніи (гл. 1-ая). Такое странное противорѣчіе можетъ имѣть, кажется, только одно естественное объясненіе: въ 1-й главѣ мы имѣемъ дѣло не съ активной работой Ишо'денаха, а съ пассивнымъ, можетъ быть, даже буквальнымъ воспроизведеніемъ готовой уже обработки Житія въ краткое сообщеніе, которая была произведена въ то время, когда Житіе существовало только въ очень древней редакціи. Это едва ли не единственно возможное предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ показаніи «сирійскаго лексикона» Ишо' бар-Бахлула (ܝܫܘܒܪܬܐܝܬܐ) X в., откуда мы узнаемъ, что извѣстія Ишо'денаха заимствованы имъ изъ аналогичнаго «Книгѣ цѣломудрія» древнѣйшаго сборника, именно изъ «Рая восточныхъ» Іосифа Хаззан, автора начала VII вѣка¹. Эта утраченная теперь книга, составленная, очевидно, въ *pendent* къ «Раю» египетскихъ отцовъ Палладія, судя по описанію 'Абдишо'², должна была представлять пространную исторію сирійскаго монашества и церкви сирійской. Вполнѣ естественно, что въ ней отведено было мѣсто и исторіи Евгена, отца сирійскаго монашества и «строителя церкви» восточной. Это тѣмъ болѣе естественно, что самъ Іосифъ Хаззанъ значительную часть жизни провелъ въ монастыряхъ областей Бет-Кардо и Бет-Нухадра, съ которыми тѣсно связаны легенды цикла Евгена, и самымъ своимъ обращеніемъ въ христіанство обязанъ былъ монастырю Іоханнана Камульскаго³, который считался ученикомъ Евгена, и которому у Ишо'денаха посвящена особая глава (7-я). Характерно, что первое имя, добавленное къ списку 9-ти (+2) у Ишо'денаха

¹ Duval, Litt. Syr. 3, стр. 216.

² «Книга исторій Рая восточныхъ, двѣ части, одна книга, въ которую вплетена церковная исторія». В. О. III 1, 102.

³ Подробныя свѣдѣнія объ Іосифѣ Хаззанѣ имѣются у Ишо'денаха (гл. 125), при чемъ послѣдній обнаруживаетъ явную симпатію къ Іосифу, хотя онъ былъ отлученъ католикосомъ Тимоеемъ.

(resp. Иосифа Хаззая), есть имя «Иоханнанъ». Правда, происхождение легенды отодвигается такимъ образомъ въ большую древность, но это не должно представляться неприемлемымъ, разъ установлено, что еще до IX вѣка легенда должна была пережить сложную литературную исторію.

Что Иосифъ Хаззая пользовался легендой въ формѣ житія Евгена, это видно изъ явной зависимости его списка учениковъ Евгена отъ краткаго списка Житія и изъ имени «Михаилъ», которое у него прибавляется въ самомъ концѣ списка, при чемъ, нужно замѣтить, Ишо'денахъ (resp. Иосифъ) не знаетъ объ этомъ Михаилѣ ничего кромѣ имени: повидимому, оно заимствовано просто изъ авторской подписи Житія. Последнее обстоятельство говоритъ за то, что у Иосифа Хаззая было Житіе съ краткимъ спискомъ 9-ти (—2), и что добавленіе трехъ именъ, а также и замѣна двухъ (хотя послѣдняя представляется болѣе загадочною) должны быть приписаны Иосифу. Оставляя въ сторонѣ имя «Михаила», источникъ котораго уже указанъ, мы имѣемъ въ списокѣ Иосифа четыре новыхъ имени (два Иоханнана, Шери и Шаллита), которымъ соответствуютъ у Ишо'денаха четыре отдѣльныя сообщенія, а именно: гл. 2 — о Мар-Иоханнанѣ, «основателѣ обители» «вблизи Кастра Забдае», гл. 3 — о Мар-Шери (,ix или ,i~~ix~~), «основателѣ обители на горѣ города Дары», гл. 5 — о Мар-Шаллитѣ, «основателѣ обители въ странѣ Кардо и Забдай» (ܡܪܝܬܐ ܕܫܠܝܬܐ), и гл. 7 — о Мар-Иоханнанѣ, основателѣ обители Камульской «тамъ, гдѣ остановился ковчегъ [Ноя]». Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе два обстоятельства. Во-первыхъ, всѣ четыре сообщенія относятся къ сѣвернымъ областямъ Бет-Арбайе, Бет-Забдай и Кардо, которыя были особенно хорошо знакомы и близки Иосифу Хаззая¹. Во-вторыхъ, всѣ они носятъ характеръ большой древности. Относительно Иоханнана Забдайскаго извѣстно, что сказаніе о немъ, какъ ученикѣ Евгена, и притомъ въ болѣе распространенной, чѣмъ у Ишо'денаха, формѣ, около половины VII в. было уже обработано въ «мемру» (вѣроятно, стихотворную) раббаномъ Афинимараномъ изъ несторианскаго монастыря Зафаранъ (въ Бет-Нухадра)². Сообщеніе о Мар-Шери имѣетъ признакъ большой древности въ томъ указаніи, что Шери, пришедши въ Несибинъ къ Евгению, «былъ однимъ изъ 18-ти братій» его обители (только 18-ти, а не 29-ти, или 70-ти). Что касается сообщеній о Шаллитѣ и Иоханнанѣ Камульскомъ, то оба эти сообщенія въ изложеніи

¹ Le livre de la Chasteté, № 125.

² A. Scher, Histoire Nestorienne (Chronique de Séert) I 2, гл. 86, PO V 2, 251. Объ Афинимаранѣ и его сочиненіяхъ см. Thom. Marg. I, 82, II 3 (Budge II, 108, 121—122, cf. Budge I, p. LXXIII); 'Abdišo' y Assem. B. O. III 1, 187, cp. Duval, Litt. Syr.³, стр. 212.

Ишо'денаха имѣютъ одну характерную особенность, которая выдаетъ съ головою ихъ истинное происхождение: заглавія этихъ сообщеній, принадлежащія, конечно, Ишо'денаху, рѣшительно расходятся съ ихъ содержаніемъ, при чемъ заглавія явно отражаютъ позднѣйшую фазу въ развитіи легенды, а содержаніе — гораздо болѣе древнюю. Шаллита въ заглавіи названъ «основателемъ обители въ странѣ Кардо и Забдай», т. е. на границѣ этихъ двухъ странъ¹; между тѣмъ въ самомъ сообщеніи ни о какой обители нѣтъ рѣчи, а говорится только о «храмѣ (ܡܠܟܐ), который онъ создалъ». Согласно его собственному Житію, Шаллита былъ отшельникъ, и монастырь былъ созданъ послѣ его смерти на мѣстѣ его подвиговъ². Иоханнанъ Камульскій, по заглавію, «основалъ обитель въ Камулѣ»; между тѣмъ самое сообщеніе говоритъ, что онъ подвизался одинъ «въ пещерѣ», въ которой и былъ похороненъ, и что только впоследствии, во времена Авраама Великаго, ученикъ послѣдняго раббанъ Уккама пришелъ сюда и построилъ здѣсь храмъ³. Все это показываетъ, что названныя сообщенія Ишо'денаха заимствованы имъ, какъ и глава 1-я о Мар-Евгенѣ, изъ древняго источника, т. е. изъ Іосифа Хаззаи. Правда, относительно обители Иоханнана Камульского извѣстно, что она уже существовала во времена Іосифа, но она только-что была основана (Уккама былъ, можетъ быть, старшимъ современникомъ Іосифа), и ея истинное происхожденіе было слишкомъ хорошо извѣстно для того, чтобы можно было тогда уже приписывать ея основаніе самому Иоханнану, въ память котораго она была создана. — Но, кромѣ названныхъ четырехъ, у Ишо'денаха имѣются еще четыре отдѣльныя сообщенія о другихъ ученикахъ Евгена: объ Іонѣ Анбарскомъ (гл. 4), Ахѣ (гл. 6), Іезекилѣ (гл. 84) и Сафрѣ (гл. 109). Можетъ быть, и здѣсь, въ отношеніи къ Іосифу Хаззаѣ, остается въ силѣ возраженіе, поставленное ранѣе относительно Ишо'денаха: почему не включены въ списокъ гл. 1-ой эти ученики? Однако, не подлежитъ сомнѣнію, что не всѣ отдѣльныя сообщенія

¹ Ср. Житіе Шаллиты, Bedjan, I, 461—462.

² Bedjan, I, 462—463.

³ Ср. Thom. Marg. I, 14, Budge, I, 37. Нѣкоторое несоотвѣтствіе между заглавіемъ и содержаніемъ замѣчается также и въ сообщеніяхъ объ Иоханнанѣ Забдайскомъ и о Шери. Тамъ и здѣсь въ заглавіяхъ фигурируетъ ܡܠܟܐ (обитель), а въ самыхъ сообщеніяхъ — ܡܢܐܣܬܪܐ (монастырь), при чемъ о «монастырѣ» Шери сказано, что позднѣе на его мѣстѣ была основана «обитель» ܡܠܟܐ митрополитомъ несибинскимъ Сабришо', а относительно Иоханнана Забдайскаго сказано только, что онъ погребенъ въ Дайра дКастра, и что потомъ тѣло его перенесено въ «обитель, что у Зарнуки». Нужно отмѣтить, что названія ܡܠܟܐ и ܡܢܐܣܬܪܐ обычно строго различаются и не употребляются безразлично въ отношеніи одного и того же монастыря.

Ишо'денаха объ ученикахъ Евгена заимствованы изъ «Рая восточныхъ» Іосифа Хаззаи. Іезекииль (ܐܝܬܝܬܝܝܠ) Бет-Гармайскаго (гл. 84)¹ въ дѣйствительности самъ жилъ въ первой половинѣ VII в., какъ это видно изъ Өомы Маргскаго², и могъ прослыть за ученика Евгена развѣ лишь въ самое близкое къ Ишо'денаху время. То же нужно сказать о Сафрѣ (ܣܦܪܐ), «основателѣ обители на горѣ Изалы» (гл. 109)³, имя котораго, какъ и Іезекиля, не встрѣчается даже въ позднѣйшихъ спискахъ учениковъ Евгена. Имя «Ахи», который называется у Ишо'денаха основателемъ обители Зарнуки (гл. 6), встрѣчается въ спискѣ 72-хъ⁴, но его принадлежность къ циклу Евгена, несомнѣнно, поздняго происхожденія и обязана тому обстоятельству, что, какъ разсказывается въ гл. 2-й, настоятель этой обители раббанъ Гавріилъ перенесъ въ нее мощи ученика Евгена Іоханнана Бет-Забдайскаго: послѣ этого обитель получила названіе обители Іоханнана и Ахи, которые стали затѣмъ называться «естественными братьями» и соучениками⁵. Въ главѣ 6-й «Книги цѣломудрія» имѣется уже упоминаніе о св. Ишо'сабранѣ изъ обители Изалы (т. е. изъ обители Авраама), чудесно источившемъ воду для братіи. Этотъ Ишо'сабранъ не поименованъ у Өомы Маргскаго въ числѣ учениковъ Авраама⁶ и, вѣроятно, жилъ въ значительно болѣе позднее время. Съ другой стороны, въ гл. 2-й, гдѣ также названа обитель Зарнуки, нѣтъ ни малѣйшаго намека на легенду о Мар-Ахѣ, и самое названіе этой обители («что у Зарнуки» ܡܪܝܬܐ ܕܙܪܢܘܟܐ) нѣсколько иное, чѣмъ въ гл. 6-ой (ܡܪܝܬܐ). Нужно замѣтить, что легенда о Мар-Ахѣ толковала имя «Зарнука» не въ географическомъ смыслѣ, а ставила его въ связь съ чудомъ Ишо'сабрана⁷. Такимъ образомъ и 6-я гл. «Книги цѣломудрія» заимствована, повидимому, не изъ «Рая» Іосифа, а изъ болѣе поздняго источника. Что касается гл. 4-й, относящейся къ Іонѣ Анбарскому, то, не касаясь вопроса о древности этого сказанія, здѣсь нужно принять во вниманіе слѣдующее: съ одной стороны, Житіе Іоны было извѣстно непосредственно Ишо'денаху, который самъ перелагалъ его въ стихотворную мемру⁸; съ

¹ Chabot, стр. 47.

² I, 31, Budge, I, 58.

³ Chabot, стр. 57.

⁴ Bedjan, III, 473.

⁵ B. O. III 1, 592; I, 537. Sachau, Verzeichn. I, 141*, 201^h и др.

⁶ Cp. I, 14, Budge I, 37—38.

⁷ Maris, Amri et Slibae De patriarchis Nestorianorum commentaria, ed. Gismondi, II (Rome 1899), стр. 22. A. Scher, Chronique de Séert, XXXVI, PO, V, 2, стр. 250. У того же Ишо'денаха въ гл. 14 «основателемъ» обители Зарнуки называется Ишо'сабранъ.

⁸ Wright-Cook. Catal. II, 1166.

другой стороны, въ географическомъ смыслѣ сказаніе объ Іонѣ выходило далеко за предѣлы предполагаемаго кругозора Іосифа Хаззая. Если принять, что поименованныя четыре сказанія не относятся къ «Рая восточныхъ», тогда получается полное соотвѣтствіе между дополненіями, внесенными Іосифомъ въ списокъ гл. 1-й, и тѣми отдѣльными сообщеніями объ ученикахъ Евгена, которыя заимствованы Ипо'денахомъ у Іосифа¹. Выходитъ такимъ образомъ, что Іосифъ Хаззая имѣлъ подъ руками Житіе Евгена древнѣйшей редакціи со спискомъ 9-ти (+2) и кромѣ того отдѣльныя сказанія о четырехъ ученикахъ Евгена (Іоханнанъ Камульскомъ, Іоханнанъ Бет-Забдайскомъ, Мар-Шери и Шаллитѣ). При воспроизведеніи списка учениковъ Евгена (гл. 1) Іосифъ воспользовался этими побочными свѣдѣніями, прибавивъ всѣ четыре имени къ списку и еще присоединивъ къ нимъ имя автора Житія, о которомъ онъ не имѣлъ особыхъ свѣдѣній, какъ и о другихъ святыхъ краткаго списка. Изъ четырехъ новыхъ именъ два прибавлены въ концѣ списка и два поставлены взамѣнъ выброшенныхъ именъ Іахоба и Кадлы. Позднѣе Ипо'денахъ использовалъ цѣликомъ свѣдѣнія Іосифа о циклѣ Евгена и затѣмъ прибавилъ къ нимъ новыя сказанія, извѣстныя ему изъ другихъ источниковъ (гл. 4, 6, 84 и 109). — Въ этомъ построеніи единственно загадочнымъ является то, почему выброшены имена Іахоба и Кадлы. Едва ли здѣсь можетъ быть рѣчь о случайномъ выпаденіи, подобномъ выпаденію имени «Гурія» въ А: они явно замѣнены новыми именами, потому что другія добавочныя имена поставлены послѣ окончанія списка (послѣ именъ сестеръ Евгена). Относительно ~~А~~ можно бы предполагать, что это имя, въ другихъ агіологическихъ памятникахъ, кажется, не встрѣчающееся, показалось Іосифу ошибочно написаннымъ, и онъ замѣнилъ его именемъ, по написанію наиболѣе близкимъ изъ тѣхъ именъ учениковъ Евгена, которыя ему были извѣстны (~~А~~). Но имя ~~сам~~ едва ли могло быть неизвѣстно Іосифу: съ этимъ именемъ въ VI вѣкѣ существовалъ древній монастырь въ Бет-'Арбайе (на р. Саріа, приблизительно на срединѣ пути отъ Несибина къ Тигру)². Можетъ быть, этотъ монастырь въ VII в. былъ монофиситскимъ, и имя Іахоба вычеркнуто по вѣроисповѣд-

¹ Оставляю въ сторонѣ отдѣльное сообщеніе о Григоріи Кипрскомъ (гл. 12), потому что онъ не называется здѣсь ученикомъ Евгена, а только говорится, что онъ «похороненъ у гроба Мар-Евгена». Возможно, что это несомнѣнно древнее сказаніе, вѣроятно, заимствованное изъ того же «Рая восточныхъ», относится къ тому именно «Григорію», который поименованъ въ краткомъ списокѣ. Но эта связь уже для Іосифа Хаззая была не ясна: имена краткаго списка были для него уже пустымъ звукомъ.

² См. Акты муч. Кардага при Шапорѣ, Bedjan, II, 488—489, ср. Hoffmann, Auszüge, прим. 175. Эти акты относятся къ VI в., A. Baumstark, Das christlich-aramäische Schriftum, Leipzig 1911, стр. 85.

нымъ соображеніямъ¹. То же возможно, конечно, и относительно Кадлы. Въ результатѣ мы имѣемъ въ качествѣ весьма вѣроятнаго предположенія, что къ началу VII вѣка существовало не только Житіе Евгена со спискомъ 9-ти (+2) учениковъ Евгена, но и отдѣльныя сказанія о нѣкоторыхъ его ученикахъ. Въ «Рая восточныхъ» Іосифа Хаззан скомбинированная изъ этихъ источниковъ легенда имѣла уже 12 (+2) именъ въ списокѣ и общее количество учениковъ Евгена исчисляла въ 18.

Исторія Житія Евгена до начала VII в. и послѣ этого времени остается неизвѣстною. Относительно древнѣйшей эпохи можно, однако, предполагать, что житіе съ краткимъ спискомъ существовало уже задолго до «Рая восточныхъ». Это видно изъ того, что ни объ одномъ изъ святыхъ краткаго списка Ишо'денахъ (геср. Іосифъ Хаззая) не можетъ сообщить никакихъ свѣдѣній². Очевидно, они были для Іосифа пустымъ звукомъ безъ всякаго содержанія. Имена остались, но біографія были забыты, и рядомъ со старыми именами, которыя не вызывали уже никакихъ ассоціацій, стали появляться новыя имена, соединенныя съ опредѣленными воспоминаніями. Отсюда нужно полагать, что между составленіемъ краткаго списка и «Раемъ восточныхъ» протекло minimum 100 лѣтъ, иначе говоря, Житіе съ краткимъ спискомъ должно было появиться не позднѣе начала VI вѣка, при чемъ далеко не исключается и болѣе раннее его происхожденіе.

Что касается исторіи Житія между VII и IX вв., то на это время падаетъ включеніе въ Житіе списка 29-ти. Относительно этого списка нужно сказать, что онъ не представлялъ собою дальнѣйшаго развитія списка 9-ти, а былъ просто внесенъ въ Житіе уже готовымъ изъ какого то посторонняго источника. Это предположеніе основывается на слѣдующихъ наблюденіяхъ. Списокъ является въ житіи совершенно неожиданно, внѣ всякой связи съ контекстомъ. «Въ одинъ день,—разсказываетъ авторъ,—собравшись у него (Мар-Евгена), мы попросили его сказать намъ слово жизни», и въ этой фразѣ, въ поясненіе къ «мы», вставленъ списокъ 29-ти, начинающійся словами: «я Михаилъ» и т. д.³. Далѣе, рядомъ со спискомъ 29-ти въ А и В продолжаетъ существовать въ концѣ житія списокъ 9-ти съ извѣстными намъ оговорками, какъ если бы авторъ попрежнему не могъ «разыскать» ни одного имени кромѣ этихъ 9-ти. Наконецъ, въ списокѣ 29-ти встрѣча-

¹ Едва ли возможна здѣсь ошибка: вм. *самъ* — [*самъ*]*ста* (форма, употребляющаяся иногда вм. *самъста*), потому что въ списокѣ «Іоханнанъ» и «Іоаннисъ» — разные имена, а въ данномъ случаѣ имя «Іахобъ» замѣняется именемъ «Іоханнанъ».

² О Григоріи Кипрскомъ (гл. 12) см. выше, стр. 141, прим. 1.

³ Add. 14 653, fol. 16v—17r. Bedjan, III, 425—426.

ются только 4 имени изъ списка 9-ти¹, остальные 5 въ немъ отсутствуютъ. Все это заставляетъ думать, что болѣе подробный списокъ вставленъ въ Житіе совершенно механически изъ посторонняго источника. Кромѣ того, нужно полагать, что въ этомъ источникѣ было лишь 28 именъ, и уже при включеніи списка въ Житіе къ нимъ прибавлено было въ началѣ имя составителя Житія Михаила. Именно цифра 28 фигурируетъ у Марія ибн-Сулеймана², и эта четная цифра болѣе отвѣчаетъ, вѣроятно, сложившемуся уже тогда преданію, что Евгений посылалъ своихъ учениковъ, какъ Христосъ, по два³. Характерная подробность сохранилась въ редакціи А: здѣсь всѣ имена раздѣлены особыми знаками попарно, и только впереди стоитъ одинокое *ܐܡܪܝܬܐ ܕܡܝܚܐܝܠ*⁴. Что касается источника, изъ котораго заимствованъ списокъ 29-ти, то имъ могло быть Житіе одного изъ учениковъ Евгена, но едва ли особая редакція Житія: въ послѣднемъ случаѣ списокъ долженъ бы стоять въ болѣе естественной связи съ контекстомъ.

Въ результатѣ мы получаемъ слѣдующіе этапы въ развитіи легенды до IX вѣка. [1. Житіе Мар-Евгена безъ списка учениковъ, — ступень только возможная⁵]. 2. Житіе съ краткимъ спискомъ 9-ти учениковъ и 2 сестеръ Мар-Евгена, — не позднѣе начала VI в. 3. Обработка легенды въ «Рабъ восточныхъ» со спискомъ 12-ти (+2), — нач. VII вѣка. 4. Появленіе списка 28 учениковъ отдѣльно отъ Житія, — около VIII в. 5. Редакція x со спискомъ 29-ти, — не позднѣе IX вѣка.

II. Θεοδορѣ Мервскій и стихотворная мемра о св. Мар-Евгенѣ.

1. Свѣдѣнія и предположенія о Θεοδορѣ Мервскомъ. — 2. Стихотворная мемра о св. Евгенѣ. Mus. Brit. Add. 14.653. — 3. Сирійскій текстъ и переводъ мемры.

1.

Обозрѣніе сохранившихся редакцій Житія св. Евгена приводитъ къ заключенію, что Житіе до IX в. прошло уже довольно сложную литературную исторію, а относящіяся къ циклу Евгена показанія Ишо'денаха (resp. Иосифа Хаззаи) дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что Житіе Евгена существовало уже по крайней мѣрѣ въ началѣ VI в., а можетъ быть и ранѣе. Противъ предположенія столь глубокой древности Житія, по-

¹ *ܐܡܪܝܬܐ ܕܡܝܚܐܝܠ ܕܡܝܚܐܝܠ ܕܡܝܚܐܝܠ ܕܡܝܚܐܝܠ ܕܡܝܚܐܝܠ* Add. 14.653, fol. 16v—17r.

² Maris etc. De patriarch. nestorianorum, I, versio, стр. 23.

³ См., напр., Житіе Давида (Bedjan, III, 495), Житіе Іоны Аньбарскаго (Bedj. I, 481) и др.

⁴ Add. 14.653, fol. 16v—17r.

⁵ См. выше, стр. 133—134.

видимому, стоитъ фактъ «абсолютнаго молчанія» о св. Евгенѣ другихъ древнихъ источниковъ (Labourt), — фактъ, которымъ нельзя рѣшительно опровергнуть это предположеніе, но тѣмъ менѣе можно его подтвердить. Однако это «молчаніе», къ счастью, не «абсолютное»: сохранилось одно указаніе, что въ VI в. Житіе Евгена было уже извѣстно. Изъ каталога 'Абдишо', который, нужно сказать, является единственнымъ свидѣтелемъ относительно многихъ утраченныхъ теперь произведеній древней сирийской литературы, мы узнаемъ, что около половины VI вѣка была предпринята уже стихотворная обработка Житія Мар-Евгена Θεοδορὸς Мервскимъ. Вотъ слова 'Абдишо' (форма стихотворная):

ܡܪܝܬܐ

ܡܪܝܬܐ | ܡܪܝܬܐ ܡܪܝܬܐ ܡܪܝܬܐ | ܡܪܝܬܐ ܡܪܝܬܐ

| ܡܪܝܬܐ | ܡܪܝܬܐ ܡܪܝܬܐ | ܡܪܝܬܐ ܡܪܝܬܐ | :ܡܪܝܬܐ ܡܪܝܬܐ

ܡܪܝܬܐ ܡܪܝܬܐ | ܡܪܝܬܐ ܡܪܝܬܐ ܡܪܝܬܐ | ܡܪܝܬܐ ܡܪܝܬܐ ܡܪܝܬܐ

«Θεόδωρος митрополитъ Мерва составилъ въ стихахъ исторію Мар-Евгена и греческихъ [отцовъ] и толкованіе Псалтири и мемры другія и разрѣшеніе 10-ти вопросовъ Саргиса и сочиненіе разнообразное [по содержанію], о которомъ просилъ его Мар-Аба католикосъ»¹. Это показаніе 'Абдишо' до сихъ поръ не пользовалось въ научной литературѣ доброй славой отчасти по винѣ Ассеманія, который по поводу упоминаемой здѣсь исторіи Евгена сдѣлалъ указаніе на существованіе въ cod. Vat. Syr. 90 «анонимнаго» гимна (ܡܪܝܬܐ) «о Мар-Евгенѣ и его товарищахъ»². Правда, это сопоставленіе было явно неудачно. Но Ассеманій вовсе и не «приписывалъ» этотъ гимнъ Θεοδορῷ Мервскому, какъ принято говорить³: онъ самъ сообщаетъ, что въ гимнѣ упоминается, напр., имя Бабая Несебинскаго, а о томъ, что Бабай жилъ послѣ Θεοδορα, Ассеманію было прекрасно извѣстно⁴. Кроме того, уже Ассеманію было извѣстно (хотя въ данномъ случаѣ и было упущено имъ изъ вниманія) то, что начальныя слова «анонимнаго» гимна буквально совпадаютъ съ начальными словами гимна Георгія Варды о томъ же предметѣ въ cod. Vat. Syr. 184: тѣ и другія слова приведены въ каталогѣ Ассеманія⁵. Такимъ образомъ уже во времена Ассеманія едва ли могло быть

¹ В. О. III 1, 147.

² Ibid. прим. 4.

³ Hoffmann, Auszüge aus Syr. Acten der Pers. Märt., стр. 171. Duval, Litt. Syr. 3, стр. 347—348.

⁴ Ср. В. О. III 1, 88, прим. 2.

⁵ Catal. Bibl. Vatic. III, 395, cf. II, 489: ܡܪܝܬܐ ܡܪܝܬܐ ܡܪܝܬܐ ܡܪܝܬܐ

ܡܪܝܬܐ.

сомнѣніе въ томъ, что анонимный гимнъ принадлежитъ Георгію Вардѣ. Между тѣмъ, критикой неудачнаго сопоставленія Ассеманія, которая какъ будто ставитъ подъ сомнѣніе правдивость самаго сообщенія 'Абдишо', обычно исчерпывается все отношеніе къ предполагаемой стихотворной исторіи Евгена, составленной Θεодоромъ Мервскимъ¹. Labourt, подчеркивая «абсолютное молчаніе» объ Евгенѣ древнихъ источниковъ, не считаетъ нужнымъ даже упомянуть о ней. Однако, если анонимное стихотвореніе не принадлежитъ Θεодору, это не значитъ, что онъ не писалъ другого, котораго мы пока не знаемъ. Равнымъ образомъ совершенно невѣроятно, чтобы самъ 'Абдишо' могъ смѣшать едва не современнаго ему автора (Варду) съ авторомъ VI в., тѣмъ болѣе, что и заглавія сопоставляемыхъ произведеній не совсѣмъ совпадаютъ (*ἡ δὲ βίβλος — ποῦ, ἡ δὲ βίβλος ποῦ, ποῦ δὲ βίβλος ποῦ*).

Хотя до насъ не дошло ни одно изъ перечисленныхъ у 'Абдишо' сочиненій Θεодора Мервскаго, и о самомъ авторѣ мы не знаемъ почти ничего, тѣмъ не менѣе сообщеніе 'Абдишо' не даетъ основаній сомнѣваться въ его достовѣрности. Существованіе отвѣта Θεодора на десять вопросовъ Сергія Риш'айнскаго давно уже не подвергается сомнѣнію, потому что философскіе трактаты Сергія и его переводы изъ Аристотеля и Галена адресованы къ «пресвитеру Θεодору»², который состоялъ въ перепискѣ съ Сергіемъ и посылалъ ему свои вопросы (*ἡρώματα*), а относительно этого Θεодора мы и теперь можемъ сказать только то, что было сказано Ренаномъ: «discipulum Sergii neminem novimus, nisi Theodorum dictum Maru, qui composuit, teste Ebedjesu, solutiones decem quaestionum Sergii»³. Возможность составленія особаго сочиненія по требованію Мар-Абы вполне оправдывается не только тѣмъ, что Θεодоръ былъ его подчиненнымъ, но и тѣмъ, что Мар-Аба, по его Житію, также былъ знакомъ съ Сергіемъ и также былъ въ курсѣ тѣхъ вопросовъ, которые интересовали Сергія и Θεодора⁴. Всего вѣроятнѣе, что Θεодоръ принадлежалъ къ кругу «учениковъ Мар-Абы»⁵, которые слушали его въ Несибинской школѣ, гдѣ онъ несомнѣнно былъ нѣкоторое время «толкователемъ» (*κλῆρο*)⁶, и потомъ занимались подъ его

¹ Duval, ц. м.

² Wright, Catalogue 1155—1157, 1187.

³ Renan, De philosophia peripatetica apud Syros, Paris 1852, стр. 29.

⁴ Данныя изъ Житія Маръ-Абы см. у Labourt'a, ц. с. стр. 164 слѣд.

⁵ Нѣкоторые изъ нихъ перечисляются у Амра. De patr. Nest., ed. Gismondi, p. II, Rome 1897, стр. 24.

⁶ Baumstark, «De causis festorum» OCh I, 322.

руководствомъ или по его порученію коллективною литературною работою¹; можетъ быть, Θεодоръ въ числѣ другихъ учениковъ Мар-Абы сопровождалъ своего учителя и въ его путешествіи на западъ. Извѣстно, что Мар-Аба со своими «учениками» Павломъ Несебинскимъ и Омою Эдесскимъ между 525 и 533 Р. Х. были въ Константинополѣ, при чемъ были тогда въ столицѣ и другіе восточные ученые². Эти предположенія относительно Θεодора сами собою напрашиваются не только въ виду засвидѣтельствованной 'Абдишо' ученой связи между Θεодоромъ и Мар-Абою, но еще и потому, что иначе трудно было бы объяснить интересъ Θεодора къ западной философіи и личное знакомство его, повидимому, очень близкое, съ западнымъ ученымъ Сергіемъ, дѣятельность котораго во всякомъ случаѣ протекала главнымъ образомъ между Рипс'айною и Константинополемъ³. Очевидно, «пресвитеръ Θεодоръ», ведшій философскую переписку съ Сергіемъ, прежде чѣмъ сдѣлаться епископомъ въ отдаленномъ Хорасанѣ, жилъ нѣкоторое время гдѣ-то ближе къ западу, гдѣ восточные сирійцы, можетъ быть, лишь случайно и спорадически, все-таки занимались западною философіей. Такимъ мѣстомъ могла быть только Несебинская школа, и можно сказать съ большою вѣроятностью, что Θεодоръ былъ если не учителемъ ея, то по крайней мѣрѣ ея «докторомъ»⁴ — *المعلم*. Последующее назначеніе Θεодора епископомъ въ Хорасанъ также не представляется страннымъ, потому что Мар-Аба, сдѣлавшись католикосомъ, какъ видно изъ другихъ примѣровъ, назначалъ своихъ учениковъ епископами въ разные города Персіи, и въ томъ же Хорасанѣ подлиннымъ «митрополитомъ Мерва» былъ другой «ученикъ» Мар-Абы—Давидъ⁵.

Отсюда получаетъ полную правдоподобность и то, что Θεодоръ, жившій въ Несебинѣ, могъ интересоваться св. Мар-Евгеномъ по крайней мѣрѣ какъ мѣстнымъ святымъ, если предполагать, что легенда не получила еще тогда всеобщаго распространенія. Въ качествѣ простой конъектуры, ни для кого не обязательной, можно привести еще слѣдующее соображеніе. Досто-вѣрно извѣстно; что изъ кружка Мар-Абы исходило опредѣленное тяготѣніе къ сближенію съ западомъ. Мар-Аба и его ученики путешествовали въ столицу съ явною цѣлью расположить колеблющееся правительство Юстиніана въ пользу несторианства. При этомъ естественно было стремле-

¹ В. О. III 1, стр. 86.

² Labourt, п. с., стр. 166.

³ Райтъ, Краткій очеркъ исторіи сирійской литературы, стр. 62—63.

⁴ Cp. Guidi, Gli statuti della scuola di Nisibi, I praef., II praef. GSAI IV (1890), стр. 169, 189.

⁵ В. О. III 1, 147 и др.

ніе ознакомить западъ съ восточнымъ богословіемъ и восточнымъ благочестіемъ, тѣмъ болѣе, что на это знакомство былъ большой спросъ. И дѣйствительно, Мар-Аба («Патрикій») охотно бесѣдовалъ съ «ромеями» о состояніи восточной церкви¹, а его «ученикъ» Павелъ Несибинскій усердно просвѣщалъ касательно восточнаго богословія самихъ императоровъ (Юстина I и Юстиніана I) и даже успѣлъ войти въ сношенія чрезъ quaestor'a sacri palatii Юнилія съ латинскимъ западомъ и заинтересовать несибинскою наукой и школой Африку и Римъ². Вполнѣ возможно, что тогда же возникъ спросъ и на сирійскую агіологію и прежде всего на житіе главы восточнаго монашества Евгена. Не тогда ли и появилась та редакція Житія Евгена, которая была изготовлена «по повелѣнію царскому» и по «письму святыхъ (или святого) изъ Рима»?³ Можетъ быть, она предназначалась для перевода на греческій или на латинскій языкъ: аналогіи для подобныхъ переводовъ имѣются какъ разъ изъ той же эпохи⁴. Правда, сохранившееся Житіе по своимъ литературнымъ качествамъ не стоитъ на уровнѣ литературныхъ вкусовъ ученаго кружка Мар-Абы. Но по сохранившемуся Житію трудно судить опредѣленно о древнихъ его редакціяхъ. Кромѣ того, составленіе, или редактированіе Житія могло быть поручено не «ученику» Мар-Абы, а монахамъ обители Мар-Евгена, особенно если они уже ранѣе имѣли это Житіе, и теперь нужно было его лишь вновь редактировать. Если подобное предположеніе возможно, то Θεодоръ Мервскій могъ имѣть особое побужденіе для составленія своей мемры въ появленіи новой редакціи Житія и въ томъ интересѣ, какой должно было тогда возбуждать въ кружкѣ Мар-Абы Житіе Евгена. Но, конечно, это не болѣе, какъ конъектура.

Что касается ближайшаго повода для составленія Θεодоромъ стихотворной «исторіи» Евгена, то, судя по аналогіи съ названною рядомъ исторіей «грековъ» (ܡܕܢܐ), можно думать, что она была составлена на празднованіе памяти Евгена: ܡܕܢܐ есть спеціальный календарно-литургическій терминъ, обозначающій «греческихъ отцовъ» несторіанской церкви Діодора, Θεодора и Несторія⁵. Стихотворная мемра, посвященная ܡܕܢܐ,

¹ О томъ свидѣтельствуетъ Козьма Индикоплевствъ, PG, LXXXVIII, 169.

² Н. Kihn, Theodor v. Mopsuestia und Junilius Africanus, Freib. i/B. 1880, стр. 259. Cassiodorus, De inst. div. lit., PL, LXX, 1105—1106, ср. Дьяконовъ, Типы высшей богословской школы въ древней церкви, СПб. 1913, стр. 62.

³ Add. 14.653, fol. 31r, Bedjan, III, 451, прим.

⁴ Напр., лат. переводъ «исагогики» Павла несибинскаго (Kihn, ц. с., 468, cf. 289), греч. переводъ исторіи персидскихъ царей (В. О. III 1, 87) и др.

⁵ См., напр., Wright, Catalogue, 183^b и др.

имѣется уже у Нарсаи (кон. V и нач. VI в.)¹. Правда, нѣтъ данныхъ утверждать, что память Евгена уже въ VI в. существовала въ несторианскомъ календарѣ. Но нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что св. Евгенийъ чествовался въ его собственной обители и въ Несибинѣ или въ особый ему посвященный день, или въ день общей памяти святыхъ, а такія общія памяти въ VI в. несомнѣнно уже были². Достойно замѣчанія, что въ VI в. именно въ Несибинской школѣ образовался особый родъ церковной литературы: поученія, посвященные объясненію «причинъ» церковныхъ праздниковъ (خلال), и первыми представителями этого рода литературы называются какъ разъ Несибинскій ~~Мар-Аба~~ Мар-Аба и его «ученикъ» Оома Эдесскій³. Что касается собственно стихотворной формы мемры, то она была хорошо извѣстна уже съ V в. и въ частности составляла славную традицію Несибинской школы отъ перваго ея раббана и «толкователя» Нарсаи. Такимъ образомъ и съ этой стороны показаніе 'Абдишо' о Θεодорѣ не представляетъ ничего неправдоподобнаго.

Единственная, можетъ быть, дѣйствительно допущенная у 'Абдишо' неточность заключается въ томъ, что онъ называетъ Θεодора «митрополитомъ Мерва» (ܡܝܬܪܡܝܐ). Въ дѣяніяхъ восточныхъ соборовъ мы не встрѣчаемъ митрополита Мервскаго съ этимъ именемъ, а въ дѣяніяхъ собора 534 г. при католикосѣ Іосифѣ, преемникѣ Мар-Абы, имѣется подпись Θεодора епископа ܡܝܬܪܡܝܐ (corr. ܡܝܬܪܡܝܐ), т. е. Merw er-Rud или Marw-i-Rod, епархіальнаго города въ Мервскомъ діецезѣ, находившагося въ разстояніи трехъ-четырехъ дней пути на югъ отъ Мерва⁴. Вполнѣ возможно, что 'Абдишо' смѣшалъ Marw-i-Šahagan и Marw-i-Rod и назвалъ простаго епископа Мервскаго привычнымъ «митрополитъ Мервскій». Но не исключена и такая возможность, что Θεодоръ позднѣе 554 г. былъ дѣйствительно митрополитомъ Мервскимъ послѣ смерти Давида, который также былъ ученикомъ Мар-Абы⁵: между 554 и 585 гг. имена митрополитовъ

¹ Narsai, Homiliae et carmina, ed. A. Mingana, Mausili 1905, vol. I, стр. 27.

² Ibid. стр. 27, 28. A. Baumstark, Die nestorianischen Schriften «de causis festorum» OCh I (1901), 329, 332.

³ Baumstark, ц. с., 320, 322—323.

⁴ Chabot, Synodicon Orientale, Paris 1902, стр. 109, 366, 677. Guidi. Ostsyrische Bischöfe und Bischofsitze im V—VII Jahrh. ZDMG XLIII (1889), стр. 412, ср. Marquart, Egraßabgr, Berlin 1901, стр. 70, 75.

⁵ Только не вмѣсто «низложеннаго», будто бы, Мар-Абою Давида, какъ полагалъ Ассеманій (В. О. III 1, 147), потому что Давидъ и Θεодоръ оставались на своихъ мѣстахъ и послѣ смерти Мар-Абы († 552). Самый фактъ низложенія Давида Мар-Абою, извѣстный только изъ арабскаго извода 6-го посланія Мар-Абы, едва ли не сомнителенъ. Ср. Chabot, Synod. Orient. 554; В. О. III 1, 80.

Мервскихъ не извѣстны. Но составленіе мемры о Мар-Евгенѣ, какъ ясно изъ сказаннаго ранѣе, скорѣе нужно относить еще къ несибинскому періоду жизни Θεодора (т. е. значительно ранѣе 554 г.): ее составлялъ не епископъ и не митрополитъ Мерва, а «пресвитерь Θεодоръ», вѣроятно, ܬܝܘܕܝܪܐ ܡܪܝܬܝܐ.

2.

Въ связи съ сообщеніемъ 'Абдишо' можно указать на одно произведение, которое во всякомъ случаѣ съ болышимъ правомъ, чѣмъ Vatic. Syr. 90, можетъ быть поставлено рядомъ съ именемъ Θεодора Мервскаго. Это—названная уже выше стихотворная мемра о Мар-Евгенѣ, слѣдующая непосредственно за прозаическимъ Житіемъ въ Add. 14.653¹. — Заглавіе ея такое: «мемра о доблестяхъ св. Мар-Евгена, составленная [размѣромъ Мар-Іакова учителя]»². Но послѣднія четыре слова, поставленныя въ скобки, написаны позднѣйшею рукою взаи́мъ тщательно выскобленныхъ. Точно также выскоблены два слова въ заключительной фразѣ мемры и вмѣсто нихъ написано «Тебѣ слава»: «Господи праведныхъ и благочестивыхъ, благослови наше собраніе, въ которомъ почтена память рабовъ Твоихъ [Тебѣ слава]»³. Если принять во вниманіе извѣстную намъ исторію кодекса Add. 14.653, то едва ли можно сомнѣваться, что выскобленные слова указывали на несторіанское происхожденіе мемры, которое не нравилось позднѣйшему владѣльцу рукописи — монофиситу. Въ заглавіи мемры, очевидно, было или имя несторіанскаго автора, или названіе несторіанскаго стихотворнаго метра (напр., ܬܝܘܕܝܪܐ ܡܪܝܬܝܐ). Въ заключительной фразѣ были, вѣроятно, имена двухъ несторіанскихъ святыхъ (или нарицательное опредѣленіе цѣлой группы несторіанскихъ святыхъ), которыми посвящено было богослужебное собраніе, гдѣ (въ концѣ собранія) читалась мемра. Такимъ образомъ несторіанское происхожденіе мемры едва ли можетъ подлежать сомнѣнію.

Мемра написана весьма распространеннымъ у сирійцевъ (съ конца V в.) размѣромъ, который у несторіанъ назывался ܡܪܝܬܝܐ ܡܪܝܬܝܐ (чтеніемъ Нарсаевымъ), а у яковитовъ — стихомъ (ܡܪܝܬܝܐ) или «размѣромъ (ܡܪܝܬܝܐ) Мар-Іакова»⁴. Оба знаменитые представители сирійской «поэзіи» V—VI в. пользовались большею частью одинаковымъ размѣромъ, и потому

¹ Fol. 48v.—55r. Между 54 и 55 листами недостаетъ 4 листовъ.

² Обычное у монофиситовъ названіе Іакова Серугскаго (кон. V—нач. VI в.). Fol. 48v.

³ Fol. 55r.

⁴ Narsai, Homiliae, ed. Mingana, I, стр. 19.

подчистка въ титулѣ мемры не изобличается стихотворнымъ метромъ произведенія. Другія названія размѣра Нарсая и Іакова указываютъ на его отличительныя особенности: онъ назывался *ܡܪܝܬܐ ܕܥܠܐ* («чтеніемъ двойнымъ») или «по два») и *ܡܪܝܬܐ ܕܥܠܐ ܕܥܠܐ* («стихомъ двѣнадцатисложнымъ»), потому что стихотвореніе должно было распадаться на строфы (*ܡܪܝܬܐ*) по двѣ строки или по два стиха (*ܡܪܝܬܐ ܕܥܠܐ*) въ каждой, и каждый стихъ долженъ былъ имѣть 12 слоговъ (*ܡܪܝܬܐ*)¹. Классическая форма (*ܡܪܝܬܐ ܕܥܠܐ*) стиха Нарсая и Іакова требовала кромѣ того, чтобы каждая строка раздѣлялась на три отдѣла по четыре слога въ каждомъ съ естественною (т. е. безъ дробленія цѣльныхъ словъ) паузою между ними, хотя допускались и отступленія отъ этого правила (*ܡܪܝܬܐ*) въ видѣ, напр., четырехъ трехсложныхъ отдѣловъ, или отдѣловъ не равныхъ по количеству слоговъ (4 + 5 + 3, или 3 + 5 + 4 и т. п.)². Наша мемра представляетъ именно классическую форму Нарсаева стиха безъ всякихъ *ܡܪܝܬܐ*, такъ что его, вѣроятно, долженъ бы былъ признать безупречнымъ (*ܡܪܝܬܐ*) со стороны размѣра и самъ авторъ діалоговъ «о поэтическомъ искусствѣ» Іаковъ Тагритскій, жестоко критиковавшій позднѣйшаго несторіанскаго стихотворца Ишо'яба бар-Малкона³. Каждый стихъ дѣлится неизмѣнно на три естественныя отдѣла, состоящіе изъ двухъ двухсложныхъ словъ, или трехсложнаго съ односложнымъ, или изъ двухсложнаго съ двумя односложными, или наконецъ изъ одного четырехсложнаго и допускающіе вполнѣ естественныя между собою паузы. Также естественно раздѣленіе строкъ и строкъ: каждая строфа представляетъ вполнѣ законченную мысль, которая обычно раздѣляется на двѣ половины, соотвѣтствующія двумъ стихамъ строфы⁴. Эта естественность формы, рѣдкія уклоненія отъ которой можно встрѣчать и у самого Мар-Нарсая⁵, должна указывать на большую древность мемры. О томъ же говоритъ полное отсутствіе риѐмы (*ܡܪܝܬܐ*) и другихъ искусственныхъ украшеній, свойственныхъ позднѣйшей поэзіи⁶. Рѣчь автора течетъ естественно и плавно безъ особеннаго злоупотребленія

¹ Ibid. Martin, De la metrique chez les Syriens (Диалоги о поэтическомъ искусствѣ Іакова Тагритскаго), Abhandlungen f. die Kunde des Morgenlandes, B. VII (1879), syr. t., стр. 69.

² Martin, ц. с., стр. 68—69, cf. 27, ср. Grimme, Grundzüge der syrischen Betonungs- und Verslehre, ZDMG XLVII (1893), стр. 302—303.

³ Martin, ц. с., стр. 68—69. По Grimme (ц. с., стр. 292) это были бы трохейскіе стихи съ 6 удареніями каждый. Однако и здѣсь Brockelmann (ср. Zur syrischen Betonungs- und Verslehre, ZDMG, LII, 1898, стр. 401 слѣд.) могъ бы указать не мало примѣровъ противъ теоріи Grimme.

⁴ Ср. Grimme, ц. с., стр. 301.

⁵ Mingana, ц. с., I, стр. 20.

⁶ Duval, Litt. Syr. 8, Martin ц. с., стр. 9—10.

частицами (*particulae expletivae*) въ родѣ *ܬܬܝܬܐ*, *ܬܬܝܬܐ*, *ܬܬܝܬܐ* и т. п. — По содержанію разсматриваемый памятникъ есть типичная «мемра», — произведение, какъ показываетъ самое названіе, аналогичное нашему «сказанію» или греческому *ἔπος* у¹. Позднѣйшая теорія, отвѣчающая и древней традиціи, требовала наличности въ мемрѣ двухъ элементовъ: повѣствованія о дѣйствительномъ историческомъ фактѣ (*ܬܬܝܬܐ*) и художественнаго вымысла (*ܬܬܝܬܐ*) въ видѣ сравненій и олицетвореній, воображаемыхъ діалоговъ и монологовъ дѣйствующихъ лицъ разсказа и т. п.². Наша мемра тоже состоитъ изъ *ܬܬܝܬܐ* и *ܬܬܝܬܐ*. Характерный образецъ *ܬܬܝܬܐ* представляетъ пространная жалобная рѣчь «князя міра» по поводу духовныхъ побѣдъ Евгена³.

Въ настоящемъ своемъ видѣ мемра, очевидно, предназначалась для употребленія за богослуженіемъ, или — точнѣе — по окончаніи богослуженія въ собственномъ смыслѣ⁴. На это, помимо самаго содержанія мемры, указываютъ: богослужебный «стихъ» (*ܬܬܝܬܐ*) и обращеніе къ «братіи» въ началѣ и приведенная выше молитва о только что закончившемся «собраніи» въ честь какихъ то святыхъ — въ концѣ мемры. Но именно эта молитва показываетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ первичнымъ, а со вторичнымъ и позднѣйшимъ приспособленіемъ мемры. Не подлежитъ сомнѣнію, что уничтоженныя монофиситскою рукой имена святыхъ, въ честь которыхъ было устроено собраніе, не были именами Евгена и Іакова, которымъ посвящено все содержаніе мемры, а были именами святыхъ несторіанскихъ, не принятыхъ монофиситскою церковью. Но едва ли возможно предполагать, чтобы мемра, посвященная Евгению и Іакову, была составлена на память какихъ то другихъ святыхъ, имена которыхъ настолько случайны въ мемрѣ, что ихъ легко было устранить путемъ подчистки. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ такимъ случаемъ, когда къ празднованію памяти какихъ то святыхъ (вѣроятно, въ ихъ монастырѣ или храмѣ) была приспособлена, за неимѣніемъ особой мемры въ честь этихъ святыхъ, существовавшая уже ранѣе мемра въ честь Евгена и Іакова, «исторія» которыхъ имѣла, можетъ быть, прямое или метафорическое отношеніе къ біографіи этихъ неизвѣстныхъ намъ святыхъ. О подобномъ случаѣ разсказываетъ Оома Маргскій: оказывается, что даже въ знаменитой обители Бет-‘Абе на ежегодномъ

¹ Baumstark, Zwei syrische Dichtungen auf das Entschlafen der allerh. Jungfrau. OCh, V, 83—84 (Ср. ero же Syrische und hellenistische Dichtung. Gottesminne, III, 570 сл.).

² Martin, ц. с., стр. 10—11.

³ Add. 14.653, fol. 53r—54v.

⁴ Mingana, ц. с., I, стр. 22. Baumstark, Zwei syr. Dicht., стр. 84—85.

«собраніи» въ память ея основателя рабб. Іакова Лашомскаго долгое время, за немѣніемъ собственной мемры, читалась «мемра Мики учителя, составленная имъ для другого лица» (ܡܝܟܐ ܡܥܬܝܠܐ), пока извѣстный Гавріиль Ракода (нач. VIII в.) не составилъ экспромтомъ особую мемру для Іакова¹. Такимъ образомъ заключительная молитва мемры принадлежитъ не автору мемры, а тому, кто приспособилъ ее для памяти какихъ то другихъ святыхъ, можетъ быть, считавшихся учениками Евгена. Вѣроятно, тогда же появились въ мемрѣ ܡܝܬܐ и обращеніе къ «братіи», тѣмъ болѣе, что послѣднее, первоначально въ рукописи пропущенное, поставлено затѣмъ на полѣ. — Однако это не значитъ, что и въ первоначальномъ своемъ видѣ мемра не назначалась къ прочтенію въ богослужебномъ «собраніи»; только это собраніе должно было имѣть прямое отношеніе къ Мар-Евгену и Іакову Несабинскому. Насколько можно судить по содержанію мемры, она была приурочена къ праздничному воспоминанію о торжествѣ христіанства въ Персіи, о всѣхъ святыхъ, которые распространяли и утверждали христіанство, и прежде всего о первомъ среди нихъ—Евгенѣ, а также о построеніи и освященіи первыхъ храмовъ и въ особенности объ освященіи церкви Іакова въ Несабинѣ. Всѣ эти воспоминанія лучше всего подходятъ къ празднику «обновленія» (ܡܠܬܐ) или «освященія» (ܡܠܬܐ) «церкви», носившему также названіе «вступленія» (ܡܠܬܐ). Прямые указанія на существованіе этого праздника, какъ общаго праздника несторианской церкви, восходятъ къ началу VIII в.² Но, можетъ быть, самое имя ܡܠܬܐ³ и все содержаніе праздничнаго воспоминанія, подходящее именно къ началу церковнаго года, указываютъ на то, что этотъ праздникъ, въ качествѣ общаго праздника, существовалъ уже ранѣе богослужебной реформы Ишо'яба III († 660), по которой начало церковнаго года совсѣмъ не естественно (и слѣдовательно не первоначально) приурочено было къ первой недѣлѣ

¹ Thom. Marg. II, 23, Budge, I, 112. «Было [это] въ день памяти раббана, и услышалъ [Гавріиль] нѣкоторыхъ эскалѣе, которые жаловались, что ничто не было бы такъ прилично всему этому именитому собранію, какъ если бы кто-нибудь изъ нихъ составилъ собственную мемру для св. Мар-Іакова, вмѣсто того чтобы какъ нищимъ читать надъ нимъ мемру Мики учителя, составленную имъ для другого лица. И съ легкостью, ради которой онъ былъ прозванъ Ракода (скакунъ), онъ тотчасъ вошелъ въ діаконикъ во время первой каеизмы и взялъ харти и написалъ ту мемру, которая теперь надъ раббаномъ произносится». Упоминаемая здѣсь мемра Мики есть, вѣроятно, мемра Мики Лашомскаго (V в.) о Сабришѣ Лашомскомъ. В. О., III 1, 170.

² Baumstark, Festbrevier und Kirchenjahr der syrischen Jacobiten, Paderborn 1910, стр. 168.

³ Буквально оно указываетъ на первое вступленіе въ освященный храмъ, а въ настоящее время—переходъ изъ лѣтней части храма въ зимнюю. Maclean and Brown, The Catholics of the East, стр. 350. Но этимъ не исключается и метафорическое значеніе слова.

«возвѣщенія» (ܠܘܬܐ)¹. Кромѣ того, не подлежитъ сомнѣнію, что въ основѣ общаго праздника «освященія» лежитъ еще болѣе древнее мѣстное ежегодное воспоминаніе объ «освященіи» какой то отдѣльной церкви важнаго значенія, какъ праздникъ ܝܚܕܝܢܐ (13 сент.) въ православномъ календарѣ относится къ «обновленію» Іерусалимскаго храма, построеннаго Константиномъ В³. Для восточно-сирійской церкви такимъ мѣстнымъ праздникомъ всего скорѣе могъ быть несибинскій праздникъ «освященія» церкви св. Іакова. Возможно, что и наша мемра относится къ этому безспорно древнему мѣстному празднику. Мѣстнымъ, или общимъ былъ праздникъ «освященія» въ эпоху происхожденія мемры, — это существеннаго значенія въ настоящемъ случаѣ не имѣетъ. Гораздо важнѣе то, что по всѣмъ признакамъ праздникъ «освященія» тогда еще не получилъ позднѣйшей дифференціаціи, съ раздѣленіемъ на «четыре недѣли» и съ отнесеніемъ памятей святыхъ на «пятницы» и въ частности памяти Евгена — на пятницу послѣ первой недѣли: мемра по основному своему содержанію относится къ самому празднику «освященія» (т. е. къ первой недѣлѣ), но въ то же время она говоритъ подробно о Мар-Евгенѣ и даже о Мар-Іаковѣ, память котораго въ позднѣйшемъ календарѣ вовсе не приурочивалась къ празднику «освященія»², хотя имѣла безспорную внутреннюю связь съ этимъ праздникомъ. Такимъ образомъ и здѣсь мы имѣемъ доказательство большой древности мемры. — Нужно прибавить, что уже у Нарсая имѣются двѣ мемры, по содержанію вполне подходящія къ празднику «освященія» и дѣйствительно употреблявшіяся потомъ въ недѣли «освященія»⁴. Здѣсь можно видѣть тѣ же мотивы, а иногда и тѣ же выраженія, что и въ нашей мемрѣ, которая, несомнѣнно, находится подъ вліяніемъ мемръ Нарсая. Для иллюстраціи можно сопоставить начало нашей мемры съ однимъ мѣстомъ изъ мемры 33-й Нарсая.

¹ В. В. Болотовъ, Изъ исторіи церкви Сиро-персидской, СПб. 1901, стр. 171.

² Несибинъ, какъ пограничный пунктъ, одинаково значительный и для несторіанъ, и для монофиситовъ, имѣетъ болѣе правъ на то, чтобы считаться колыбелью общаго тѣмъ и другимъ праздника «освященія», чѣмъ Эдесса или Селевкія-Ктисифонъ (ср. Baumstark, Festbrevier, стр. 168—169). Правда, дѣйствительный день освященія Несибинскаго храма не извѣстенъ: извѣстно только, что онъ былъ заложенъ «спредъ седмицею лѣта» (см. въ Житіи Евгена, Bedjan, III, 429) и строился семь лѣтъ (Eliæ Nisibeni Opus chronologicum, а. 624, CSCO ser. III, t. VII, 98). Но знаменателенъ фактъ широкаго распространенія легенды о постройкѣ Несибинскаго храма и объ Іаковѣ, какъ «авторомъ Зоровавель», одинаково у несторіанъ и у монофиситовъ (Bedjan, I, 446, Scheil, Житіе Веніамина, стр. 66) и при томъ не только въ границахъ шикла Евгена (см., напр., Житіе Евсевія Самосатскаго по рп. 1197 P. X., Bedjan, V, 350 сл.).

³ Она праздновалась въ пятницу послѣ 1-ой недѣли «лѣта» (см. лекціон. 1074 г., Wright 185).

⁴ Mingana, ц. с., II, 144, 156.

Add. 14.653, f. 48v.

Narsai, ed. Mingana, II, 148.

«Сокровище любви своей открылъ
Творецъ сынамъ дома своего, | и
обогатились праведные и обогатили
всѣхъ отъ даянія Его. || Богатство
свое онъ презлише показалъ доб-
рымъ, возлюбившимъ Его, | и добрые,
обогатившись, раздѣлили богатство
Его четыремъ странамъ [свѣта]».

«Черезъ людей открылъ [Богъ] со-
кровище свое людямъ, | и обогати-
лись люди отъ дара Божества Его. ||
Ключи любви своей далъ земнымъ,
какъ вѣрнымъ, | и открываютъ вся-
кій часъ сокровище любви Его вѣ-
рою».

И такъ, не имѣемъ ли мы въ «мемрѣ о доблестяхъ св. Мар-Евгена» Add. 14.653 «исторію Мар-Евгена» Θεοδωρα Μερβσκαго, о которой говорить 'Абдишо'? Сопоставленіе того, что извѣстно, или что можно съ вѣроятностью предполагать о Θεοδωρѣ Μερβσκѣ, съ содержаніемъ и литературною формою мемры, какъ видно изъ всего сказаннаго, не препятствуетъ утвердительному отвѣту на этотъ вопросъ. Здѣсь можно еще прибавить, что въ авторѣ мемры мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ богословски образованнымъ, хорошо знакомымъ съ богословской терминологіей¹, какимъ и долженъ былъ быть Θεοδωρъ Μερβσκій. Нѣкоторая разниа въ заглавіяхъ не можетъ имѣть существеннаго значенія, потому что 'Абдишо', связанный стихотворною формою своего каталога, не могъ всегда держаться точности въ заглавіяхъ, а въ данномъ случаѣ онъ самъ, назвавъ нѣсколько сочиненій Θεοδωра и въ томъ числѣ «исторію» Евгена, обобщаетъ ихъ въ терминъ «мемры» («и другія мемры»)². Мемра, какъ «сказаніе», ἔπος, и «исторія» (ἱστορία) — понятія, очевидно, синонимичныя, и «исторія греческихъ [отцовъ]», о которой говоритъ 'Абдишо', едва ли могла представлять что либо иное, чѣмъ «мемру». Единственно, что препятствуетъ рѣшить поставленный вопросъ съ полною опредѣленностью, — это то, что значительная часть мемры утрачена. Нельзя умолчать и еще объ одной мелкой подробности, которая свидѣтельствуетъ о томъ, что заглавіе мемры въ Add. 14.653 не имѣло того вида, какой можно бы предполагать, судя по каталогу 'Абдишо': . Последнее изъ четырехъ изглаженныхъ словъ, какъ можно догадываться по уцѣлѣвшей подъ строкою характерной линіи, имѣло на второмъ или третьемъ мѣстѣ букву ܥ. Однако, противъ авторства Θεοδωра это говорить не можетъ. Возможно, что въ заглавіи было не имя автора, а названіе стихотворнаго размѣра, какъ и въ

¹ Add 14.653, fol. 52r.² В. О. III 1, 147.

монофиситской поправкѣ (напр. ܬܝܥܝܢ [ܬܝܥܝܢ или] ܬܝܥܝܢ, ܬܝܥܝܢ ܬܝܥܝܢ); или, можетъ быть, и названъ былъ Теодоръ, но не какъ епископъ Мервскій, а какъ учитель или «докторъ» Несибинской школы (напримѣръ ܬܝܥܝܢ или ܬܝܥܝܢ ܬܝܥܝܢ ܬܝܥܝܢ). Последнее предположеніе до извѣстной степени объясняло бы происхождение возможной неточности 'Абдишо' въ наименованіи Теодора «майтраномъ»: титулъ Теодора могъ быть прибавленъ самимъ 'Абдишо' не на основаніи заглавія сочиненія, а на основаніи постороннихъ источниковъ, менѣе надежныхъ¹. — Во всякомъ случаѣ мемра Add. 14.653 носитъ черты большой древности, вполне соотвѣтствующія VI вѣку, и если она не принадлежитъ Теодору, то самымъ своимъ существованіемъ доказываетъ, что въ то время могло появиться подобное произведеніе, и что, слѣдовательно, показаніе 'Абдишо' о Теодорѣ не можетъ быть игнорировано при опредѣленіи древности легенды о св. Евгенѣ.

Остается еще сказать объ отношеніи мемры къ прозаическому Житію. Что мемра имѣетъ въ основѣ прозаическое Житіе, аналогичное сохранившемуся, но — конечно — болѣе древней редакціи, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Мемра затрагиваетъ какъ уже знакомые читателю или слушателю основные факты жизни Евгена, — тѣ самые, которые извѣстны изъ прозаическаго Житія, а именно: основаніе обители на горѣ Марды, полученіе особыхъ полномочій отъ Шапура II, сотрудничество Евгена со св. Іаковомъ Несибинскимъ (предсказаніе ему епископства и участіе въ построеніи Несибинскаго храма), борьбу ихъ съ аріанствомъ и язычествомъ, миссіонерское путешествіе въ страну Кардо (Араратъ). Такимъ образомъ мемра исчерпываетъ все самое существенное въ Житіи, и отсюда можно заключать, что утраченная часть мемры (конецъ) относилась болѣе къ элементу ܬܝܥܝܢ (который безраздѣльно господствуетъ уже съ fol. 53), чѣмъ къ ܬܝܥܝܢ. Вербальнаго сходства, конечно, напрасно было бы искать, но можно отмѣ-

¹ Конечно, нельзя предполагать, что въ заглавіи былъ названъ Ишо'денахъ, митрополитъ ܬܝܥܝܢ, хотя онъ писалъ подобныя мемры (В. О. III 1, 195), а одна изъ нихъ, посвященная ученику Евгена Іонѣ Анбарскому, сохранилась до настоящаго времени (Wright-Cook, Catal. II, 1166, ср. Guidi, ZDMG, т. 64, стр. 756). Самое поверхностное сравненіе нашей мемры съ мемрой Ишо'денаха объ Іонѣ Анбарскомъ показываетъ, что здѣсь рѣчь идетъ о разныхъ авторахъ, раздѣленныхъ не однимъ столѣтіемъ. Мемра Ишо'денаха, написанная четырехстрочнымъ семисложнымъ размѣромъ («размѣромъ Мар - Афрема») носитъ всѣ черты позднѣйшей искусственности: она имѣетъ риму, расположена въ т. н. «алфавитномъ порядкѣ», т. е. раздѣлена на 22 отдѣла по числу буквъ алфавита, при чемъ всѣ строки перваго отдѣла оканчиваются на ܐ, второго — на ܐ и т. д., весь стиль чуждъ естественности и простоты нашей мемры (образцы см. у Guidi, ZDMG, т. 64, стр. 757—758). Это сопоставленіе наглядно показываетъ, что послѣдняя значительно старше IX в.

тить нѣкоторые случаи совпаденія въ характерныхъ выраженіяхъ, при чемъ обнаруживается наибольшая близость мемры къ редакціи А¹. — Съ другой стороны, отступленія мемры отъ прозаическаго Житія легко объясняются или особыми задачами автора, или болѣе древней редакціей Житія, которую онъ имѣлъ подъ руками. Прежде всего бросается въ глаза перемѣна географическихъ названій: вмѣсто «Изала» ܐܝܠܐ — «Мардэ» ܡܪܕܐ, вмѣсто «Несибинъ» — «Соба» ܫܒܐ, вмѣсто «Кардо» ܩܪܕܐ — «Араратъ» ܐܪܪܐܬ, вмѣсто «Персія» ܦܪܫܝܐ — «Пареія» ܦܪܝܝܐ. Относительно первыхъ двухъ именъ можно бы подумать, что «Марда» указываетъ на западную оріентацію автора², а «Соба» — на сравнительно позднее происхожденіе мемры³. Однако, дѣло объясняется проще: авторъ на-мѣренно пользуется особыми именами, какъ библейскими или вообще не обыкновенно звучащими, въ интересахъ возвышенности стиля. Правда, сирійское отождествленіе горы Ноя съ горою Кардо (Джебелъ-эль-Джуди) зафиксировано уже въ Пешиттѣ, которая передаетъ еврейское Араратъ именемъ ܐܪܪܐܬ ܝܐܠܐ (впрочемъ на ряду съ ܐܪܪܐܬ)⁴; но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ ученымъ авторомъ, который, вѣроятно, зналъ, какъ читается это имя въ еврейскомъ, а можетъ быть и въ греческомъ текстѣ. Имя ܫܒܐ, дѣйствительно болѣе употребительное у позднѣйшихъ сирійцевъ, употреблялось, однако, и въ древности (напр. уже въ «Ученіи Аддая»)⁵, но—главное—сирійцы предполагали тождество этого города съ библейскою Собою (2 Цар. 8 в)⁶. По аналогичнымъ мотивамъ употребляется, вѣроятно, и ܦܪܝܝܐ въ соответствии съ Дѣян. 2 в. Что касается имени «Мардэ» въ приложеніи къ Изалѣ, то оно употреблялось и несторіанами, особенно въ торжественныхъ случаяхъ (напр. въ богослужебныхъ гимнахъ) съ цѣлью подчеркнуть неприступность (ср. ܡܪܕܐ — агх) и суровость (ܡܪܕܐ —

¹ Такъ, Евгенийъ говоритъ Іакову, что будетъ посланъ къ нему для указаній относительно постройки храма «яфкто духовный» ܡܫܝܚܐ ܕܡܫܝܚܐ вмѣсто «ангелъ» ܡܠܬܐ: это выраженіе (ܡܫܝܚܐ ܕܡܫܝܚܐ) встрѣчается только въ А (Add. 14.653, fol. 18v, ср. Bedjan, III, 429). Построенныя учениками Евгения обители, по мемрѣ, имѣли задачей, между прочимъ, «покоить прохожихъ» (ܡܫܝܚܐ ܕܡܫܝܚܐ, ܠܠܝܬܐ), — выраженіе, тоже встрѣчающееся только въ А (Add. 14.653, fol. 49v, 49v).

² Ср. Hoffmann, Auszüge, стр. 171, прим. 1328.

³ В. О. II, Diss. de monoph., v. «Nišibis».

⁴ Быт. 8,4, ср. 4 Цар. 19,37.

⁵ The Doctrine of Addai, ed. Phillips, Lond. 1876, ܡܪܕܐ, 18. Ср. Išo'yab III Epistolae. CSCO, ser. II, t. LXIV, стр. 284.

⁶ Payne Smith, Thesaurus Syriacus, s. v.

saevus) горы¹. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ авторъ самъ указываетъ, что имя «Мардэ» имѣло для него символическое значеніе по аналогіи съ *mar dā* «мятежникъ»: св. Евгенъ «наполнилъ гору Мардэ мятежниками, которые отложились отъ Злого» (*ܡܪܕܐ ܕܐܠܝܬܐ ܡܕܝܢܐ*)². — Далѣе, обращаетъ на себя вниманіе слѣдующая особенность: въ прозаическомъ Житіи говорится почти исключительно объ основаніи обителей, а мемра всюду подчеркиваетъ основаніе и освященіе храмовъ (*ܕܡܪܐ* и *ܡܪܐ*)³ и особенно вдохновенно говоритъ объ освященіи Несибинской церкви Іакова⁴. Но это объясняется, очевидно, спеціальнымъ назначеніемъ мемры: она написана на «освященіе церкви». Кромѣ того, она составлялась не въ обители Евгена, откуда, повидимому, вышло прозаическое Житіе, а вѣроятно въ «Несибинской школѣ». — Соотвѣтственно особому назначенію мемры и весь планъ ея не совпадаетъ съ планомъ Житія: авторъ не слѣдуетъ хронологическому порядку, а выставляетъ на первый планъ послѣдній въ жизни Евгена, но важнѣйшій съ точки зрѣнія торжества христіанства и устроенія церкви фактъ, — мирную побѣду Евгена надъ Шапуromъ. Всѣ эти особенности не заставляютъ предполагать для мемры какіе либо особые источники помимо Житія. — Болѣе значительное добавленіе представляетъ сообщеніе мемры о первомъ вселенскомъ соборѣ: въ прозаическомъ Житіи нѣтъ ни богословія противъ-аріанскаго, ни извѣстія о томъ, что св. Іаковъ «разразилъ Арія силою молитвъ своихъ»⁵. Послѣднее, очевидно, заимствовано изъ Житія Іакова (по Θεодориту)⁶ и, можетъ быть, не читалось въ древнѣйшей редакціи Житія Евгена, а просто добавлено авторомъ мемры. Что касается перваго, то его источникъ есть несомнѣнная богословская ученость автора, которой, очевидно, не доставало составителю прозаическаго Житія. Послѣдній явно уклоняется отъ трудной для него темы и, три раза дѣлая попытку начать рассказъ объ осужденіи Арія, каждый разъ бросаетъ свою попытку съ первой же фразы⁷.

Изъ того, что многія извѣстія прозаическаго Житія отсутствуютъ въ мемрѣ, конечно, нельзя дѣлать какихъ либо выводовъ относительно состава древнѣйшей редакціи Житія, которою пользовался авторъ мемры: не говоря уже о томъ, что полнота свѣдѣній не входила въ задачу автора мемры, не

¹ См., напр., Maclean, East Syrian Daily Office, Lond. 1894, стр. 137.

² Add. 14.633, fol. 53r.

³ Fol. 50r, cf. Bedj. III, 471; fol. 50v, cf. Bedj. III, 472 и др.

⁴ Fol. 51v.—52r.

⁵ Fol. 52r.

⁶ Bedjan, Acta sanct. et mart. IV, 269.

⁷ Bedjan, III, 428, 451, 453.

нужно забывать и того, что все-таки значительная часть мемры утрачена. Но нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что въ мемрѣ нѣтъ такихъ несообразностей, которыя давали бы основаніе оспаривать не только историческую достовѣрность сообщеній мемры, но и ея древность. Прежде всего, авторъ обходитъ молчаніемъ всю (особенно легендарную) египетскую эпоху жизни Евгена¹, ограничиваясь относительно нея лишь одною фразою, что Евгений «въ Египтѣ подъялъ доблесть жизни подвижнической»², и эта фраза гораздо болѣе согласуется съ сообщеніемъ Ишо'денаха (resp. Іосифа Хаззани), что Евгений «принялъ [иноческій] образъ въ монастырѣ абы Пахома»³, чѣмъ съ пространными повѣствованіями болѣе позднихъ редакцій (*B* и *C*) о томъ, что Евгений много ранѣе вступленія въ монастырь Пахомія имѣлъ на своей родинѣ (въ Клизмѣ) свою собственную «обитель монашескую»⁴. Далѣе, мемра не называетъ ни числа учениковъ Евгена, ни ихъ именъ, о которыхъ авторъ говоритъ только: «Господь знаетъ имена ихъ»⁵. Нѣтъ въ мемрѣ сомнительныхъ повѣствованій о Мани — будто бы современникъ Евгена⁶ и т. п. Конечно, можно оспаривать историческую вѣроятность самыхъ основныхъ фактовъ Житія, принятыхъ въ мемрѣ, а именно: возможность полученнаго будто бы Евгеномъ отъ Шапура полномочія строить церкви и монастыри во всемъ царствѣ персидскомъ и возможность сотрудничества Евгена съ Іаковомъ Несибинскимъ († 338), который представляется какъ будто даже младшимъ сравнительно съ Евгеномъ. Хотя есть серьезныя основанія предполагать, что монашество въ его общепринятой (египетской) формѣ стало распространяться въ Персіи именно около 363 года, но въ настоящемъ случаѣ оцѣнка исторической достовѣрности Житія не входитъ въ нашу задачу. Достаточно сказать, что въ VI в. могли уже существовать подобныя представленія. Версія Бар-Эбраи⁷, по которой Шапуръ II послѣ мира съ Іовіаномъ прекратилъ гоненіе на христіанъ и позволилъ имъ избрать новаго католикоса, имѣла для себя опору не только въ легендѣ о св. Евгени⁸, но и въ древнихъ спискахъ католикосовъ⁹, и — что особенно важно — даже въ древнѣйшихъ «актахъ персидскихъ мучениковъ», приписываемыхъ св. Маруеѣ. Хотя въ актахъ имѣются неоднократныя упоминанія, что го-

¹ Ibid. 379—386.

² Fol. 49r.

³ Le livre de la Chasteté, гл. 1, Chabot, стр. 1.

⁴ Bedjan, III, 381, 383.

⁵ Fol. 50 v.

⁶ Bedjan, III, 462—463, 468.

⁷ Gr. Barhebraei Chronicon Ecclesiasticum, ed. Abbeloos-Lamy, Paris 1874, t. II, 43.

⁸ Cp. ibid. I, 83.

⁹ В. В. Болотовъ, Изъ исторіи церкви Сиро-персидской, стр. 94 сл.

неніе продолжалось «40 лѣтъ» и именно до смерти Шапура II¹, однако нѣтъ и такое указаніе, что послѣ мученической смерти Барбашина (дек. 344 г.) кафедра католиковъ оставалась вакантною лишь «около 20 лѣтъ»², т. е. приблизительно до 364 Р. Х. Что касается сопоставленія Евгена и Іакова, какъ современниковъ, то оно восходитъ къ мѣстному преданію Несебинской церкви, записанному въ лѣтописи мѣстныхъ митрополитовъ³. Эта лѣтопись не дошла до насъ, но, судя по тому, что съ ней серьезно считался такой основательный хронистъ, какъ Ілія Несебинскій, нужно думать, что въ XI вѣкѣ ея показанія считались достаточно почтенными со стороны древности. Во всякомъ случаѣ давнее происхожденіе названнаго сопоставленія далеко не исключается.

3.

Мемра о св. Евгеніи издается здѣсь въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она дана въ оригиналѣ (Mus. Brit. Add. 14.653, f. 48v—55r), т. е. съ сохраненіемъ тѣхъ именно (немногочисленныхъ) диакритическихъ знаковъ, которые тамъ имѣются, и того же способа раздѣленія строкъ и стиховъ. (Прибавлено только раздѣленіе на болѣе крупныя отдѣлы соотвѣтственно содержанію мемры). Строчки, какъ и въ оригиналѣ, раздѣляются между собою точкою (.), а два стиха каждой строчки отдѣляются другъ отъ друга двоеточіемъ (:). Эти знаки являются въ то же время и единственными знаками препинанія, чтѣ, въ виду отиѣченнаго выше соотвѣтствія между формою и содержаніемъ мемры, не представляетъ особенныхъ неудобствъ для чтенія. Напротивъ, въ русскомъ переводѣ, въ виду болѣе широкаго и болѣе точнаго у насъ примѣненія знаковъ препинанія, пришлось воспользоваться для раздѣленія строкъ и стиховъ особыми знаками. — При переводѣ имѣлась въ виду прежде всего возможная близость къ подлиннику въложенію до расположенія словъ, чтѣ, впрочемъ, не представляло особенной трудности въ виду простоты и естественности слога мемры.

487. **הַחֵד מִן הַחֵד לִי שְׂמֵךְ דַּמְעָתָא⁴ מִי, אֶמְלִים. דַּחֲסֵד (חֲסֵדָא**
דַּמְי, מַעֲסֵד מַלְאֲכָא⁵).

حەسەن، لەبەر دانیشتن و ئامۆژگاری، کەسێکی حەقارەتکار و شەڕمەست.

کتاب: 6

ನಿಶ್ಚಯವಾಗಿರುವುದು : ನಮ್ಮ ಆತ್ಮ ಸಂಸ್ಕಾರದಿಂದಾಗಿ ನಾವು
 : ನಮ್ಮ ಆತ್ಮ ಸಂಸ್ಕಾರದಿಂದಾಗಿ ನಾವು

¹ Bedjan, II, 393 и др.

² Ibid. II, 296, 303.

³ Eliae Nisibeni Op. chronol. a. 620. CSCQ, ser. III, t. VII, 98.

⁴ Рп. **मम** **मम** **मम**.

⁵ Четыре слова написаны вновь вмѣсто выскобленныхъ.

⁶ Написано на полѣ рп.

[illegible]

¹ Рп.: *Кита.*

[illegible][illegible]

52v. 52v.
 1. 52v.
 2. 52v.
 3. 52v.
 4. 52v.
 5. 52v.
 6. 52v.
 7. 52v.
 8. 52v.
 9. 52v.
 10. 52v.
 11. 52v.
 12. 52v.
 13. 52v.
 14. 52v.
 15. 52v.
 16. 52v.
 17. 52v.
 18. 52v.
 19. 52v.
 20. 52v.
 21. 52v.
 22. 52v.
 23. 52v.
 24. 52v.
 25. 52v.
 26. 52v.
 27. 52v.
 28. 52v.
 29. 52v.
 30. 52v.
 31. 52v.
 32. 52v.
 33. 52v.
 34. 52v.
 35. 52v.
 36. 52v.
 37. 52v.
 38. 52v.
 39. 52v.
 40. 52v.
 41. 52v.
 42. 52v.
 43. 52v.
 44. 52v.
 45. 52v.
 46. 52v.
 47. 52v.
 48. 52v.
 49. 52v.
 50. 52v.
 51. 52v.
 52. 52v.
 53. 52v.
 54. 52v.
 55. 52v.
 56. 52v.
 57. 52v.
 58. 52v.
 59. 52v.
 60. 52v.
 61. 52v.
 62. 52v.
 63. 52v.
 64. 52v.
 65. 52v.
 66. 52v.
 67. 52v.
 68. 52v.
 69. 52v.
 70. 52v.
 71. 52v.
 72. 52v.
 73. 52v.
 74. 52v.
 75. 52v.
 76. 52v.
 77. 52v.
 78. 52v.
 79. 52v.
 80. 52v.
 81. 52v.
 82. 52v.
 83. 52v.
 84. 52v.
 85. 52v.
 86. 52v.
 87. 52v.
 88. 52v.
 89. 52v.
 90. 52v.
 91. 52v.
 92. 52v.
 93. 52v.
 94. 52v.
 95. 52v.
 96. 52v.
 97. 52v.
 98. 52v.
 99. 52v.
 100. 52v.

¹ Рп.: **κωκ**. Но рѣчь идетъ, очевидно, о путешествіи Іакова на Никейскій соборъ. См. Житіе Евгена Bedj. III, 458, Житіе Іакова Bedj. IV, 268. **κωκ** (Payne Smith. Thes. Syr. h. v.) или **κωκ** (ср. Thom. Marg. II, 29, Budge II, 233 п. 5), помимо соображеній о смыслѣ, нарушали бы размѣръ стиха.

² Рп. (на переносъ съ одной строки на другую): | .

четырехъ странахъ умножились и усилились друзья любви Его, | и богатство Его великое ими распространено было во всей твари. || Тварь приняла богатство, которое далъ ей Всеблагой сотворившій ее, | и начала сплетать вѣнцы славы Дающему ей честь. || Вѣнцы славы сплетаетъ церковь устами святыхъ, | Святѣйшаго во святыхъ Его превозноситъ церковь Его. || Отъ святыхъ начала церковь устанавливаться | и чрезъ нихъ возросла и возобладала во всѣхъ странахъ. || Апостолы положили въ ней какъ основаніе имя Христово, | и на немъ возвели [потомъ] зданія прекрасныя жизни праведной. || Проросло ученіе ихъ, ученіе Духа и украшеніе Его, въ землю, | и показались побѣги всякихъ цвѣтовъ посреди вселенной. || Наполнился востокъ лугами прекрасными — обителями праведныхъ, | также и западъ умножилъ монастыри во имя святыхъ.* || На югѣ упало сѣмя доброе евангелія жизни, | и началъ онъ приносить плоды славы имени Творца. || Сѣверъ суровый покорило слышаніе имени Іисуса, | и безъ числа умножились тамъ праведные и любящіе Господа своего. || Египеть, море всякихъ заблужденій, которыя избрѣли демоны, | сталъ источникомъ живой воды святости. || Въ немъ умножили [заблужденія] демоны и наводнили всѣ страны | изобрѣтеніями божковъ и богинь. || Отъ него началась ложь негѣпая, которую сочинили бѣсы, — | рѣчь, исполненная всякихъ гнусностей боговъ ихъ. || Въ Вавилонѣ воздвигли башню нечестія, чтобы попрасть высоту, | и страна египтянъ была началомъ къ воспитанію заблужденіи || Финикійцы, фригійцы и египтяне | были въ согласіи и прославили обманъ осудили правду. || Египеть, мать всякихъ нечестій и негѣпостей, | съ явленіемъ Сына сталъ начаткомъ къ служенію правдѣ. || Внутри его (Египта) впервые возникли сонмы благословенные иноковъ, | отъ него начались и возобладали во всей вселенной. ||

Изъ него вышелъ также и атлетъ праведности, | мужъ подвиговъ и исповѣдникъ испытанный завѣтовъ Сына. || Въ странѣ египтянъ принялъ доблесть жизни подвижнической¹, * | и въ Месопотаміи положилъ сокровища въ жизнь людямъ. || Знаменитый Евгенъ, — вотъ наименованіе мужа, о которомъ я сказалъ: | онъ есть причина жизни для обитателей страны нашей. || Послало его мановеніе [Божіе] изъ Египта въ страну пареянъ, | и пришелъ и поселился на горѣ Марды подлѣ Собы². || Въ этомъ городѣ умножилось ученіе его — ученика Истины, | и онъ (городъ) принялъ его въ началѣ пришествія его въ Месопотамію³. || Изъ него онъ восшелъ на гору

¹ Ср. Bedjan III, 378, 381, 383.

² Ib. 389.

³ Ib. 387, 388—389.

суровую, чтобы тамъ поселиться, | и умирить гору и сдѣлать ее обителью праведныхъ и чистыхъ. || Съ этой горы, какъ съ высоты, воспарили доблести его | во всѣхъ странахъ царства ромеевъ и царства Персіи. || Услышали вельможи вѣсть славную о силѣ чудесъ его, | и изумились и подивились образу подвиговъ его и силѣ знаменій его¹. || Ибо чуденъ былъ и, еще скажу, полонъ былъ чуда | мужъ, облеченный немощною плотью, который сталъ духовнымъ. || Духовенъ же сталъ не по природѣ, а по любви | и по дѣяніямъ своимъ, которыя были много выше человѣческихъ. || Человѣкъ былъ тѣломъ и душою, какъ всѣ люди, | а по дѣламъ своимъ [былъ] божествененъ выше всѣхъ людей.* ||

50г. Во дни царя Константина было прославленіе его, | во дни царя славнаго между царями, которые были и есть, || и во времена Шабора царя тирана онъ одержалъ побѣду, | чтобы создать храмы во всѣхъ странахъ во имя Творца. || Онъ получилъ это повелѣніе отъ власти, | и сообщники его исполнили и совершили согласно волѣ его². || Царь языческій, ненавидѣвшій народъ нашъ и жаждавшій крови нашей, | чрезъ Маревгена обратился отъ злобы къ благодати³. || Такъ умѣетъ молитва праведнаго смягчать | жестокосердіе людей злыхъ въ добротолубіе. || Гнѣвомъ на насъ воспламенялся царь тиранъ⁴, | пока не увидѣлъ мужа праведнаго, и тогда сталъ мирнымъ. || Сорокъ лѣтъ извлекалъ мечъ свой на пролітіе крови нашей | и не сжалился ни надъ священниками, ни надъ народомъ⁵. || Сонмы за сонмами, толпы за толпами сыны церкви | руками слугъ его губились безъ пощады. || Этотъ царь свирѣпый и злой и человѣконенавистникъ | увидѣлъ праведнаго и дѣла его и успокоился отъ гнѣва своего. || Далъ повелѣніе полное мира о церквахъ: | «тѣ, которыя разрушены, пусть вновь будутъ созданы и вновь освящены; || и если пожелаютъ также монастыри строить въ разныхъ мѣстахъ, | пусть не огорчаются тѣ, которые отъ нашего величества получили власть»⁶. || Получилъ святой и сообщники его 50г. это* повелѣніе, | и растеклись въ странѣ нашей и построили и увѣнчали храмы достопокланяемые. || Онъ остался на горѣ обитанія своего⁷, гдѣ онъ былъ [ранѣе], | а сыновъ своихъ послалъ⁸ какъ благовѣстниковъ мпра на

¹ Cp. *ibid.* 407, 421, 424—425.

² Cp. *Bedjan* III, 471—472.

³ Cp. *ibid.* 462, 466—471.

⁴ Cp. *ibid.* 470.

⁵ *Bedjan* II, 393.

⁶ Cp. *Bedj.* III, 471.

⁷ *Ibid.* 474.

⁸ *Ibid.* 472.

землѣ. || Они украсили и создали храмы славы во имя Творца, | и поставили священниковъ и діаконовъ въ украшеніе церкви¹. || Монастырь каждаго изъ нихъ свидѣтельствуєтъ о славѣ² того, | кто именно началъ, и кто закончилъ, построилъ и увѣнчалъ. || Они повиновались Господу своему, Господу ихъ и всѣхъ тварей, [Который сказалъ:] | «такова воля моя—любовь ко Мнѣ, Господу, и любовь къ людямъ, || —этими двумя [заповѣдями] связаны сыны царствія»³, | [повиновались] прославленіемъ Господа своего и упокоеніемъ людей⁴ въ храмахъ, которые они создали. || Эти двѣ [заповѣди] они положили какъ цѣль предъ очами своими, | —любовь къ Господу своему и миръ людей,—и побѣждали и достигли. || Положили основанія, возвели зданія, протянули кровлю, | чтобы было [тамъ] упокоеніе прохожимъ на пути⁴ и домъ исповѣданія. || Во времена [царя] жестокаго и злого въ ревности своей и превосмогавшаго насиліемъ своимъ | они были доблестны и прославились, побѣдили и посрамили злого. || [Что касается] именъ ихъ всѣхъ, то въ книгѣ жизни записана память о нихъ, | и Господь ихъ знаетъ имена ихъ и вѣнцы ихъ.* ||

Старець обратился къ наученію народовъ языческихъ⁵ | и не преста- 51r. валъ ни днемъ, ни ночью отъ этого труда. || Пришелъ въ Несибинъ къ сообщнику своему Іакову праведному⁶, | и они научили и крестили мужей и женъ и умножили церковь⁷. || Онъ былъ какъ отецъ этому святому, | и этотъ доблестный относился къ нему, какъ къ старшему. || По пророчеству его былъ избранъ праведный Іаковъ великій | къ пасенію стада овецъ словеснаго Собы великой. || Этотъ святой блисталъ изъ племени | Іосифа великаго, который Христа принялъ и воспиталъ⁸. || Онъ сказалъ въ пророчествѣ Мар-Іакову: | «пройдетъ» немного времени, и ты будешь пастыремъ для церкви Собской⁹. || Вотъ что узналъ тотъ святой объ этомъ праведникѣ, | и сдѣлалъ его товарищемъ и соучастникомъ во всей жизни своей. || Тотъ—совѣтникъ, этотъ—дѣлатель всякихъ благъ¹⁰, | а Богъ всей [твари] исполнилъ и совершилъ желаніе рабовъ своихъ. || Какое согласіе было у нихъ, когда они призывали имя Христово, | бѣжали болѣзни и немощи

¹ Ср. ib. 472.

² Или «о наименованіи».

³ Ср. Me 22,37-40.

⁴ Ср. Bedjan, III, 471. Add. 14.653, fol. 43v.

⁵ Ср. Bedjan, III, 390.

⁶ Ср. ibid. 399.

⁷ Ibid. 411—417.

⁸ Ср. Bedjan, III, 399: «изъ племени св. Мар-Іакова, брата Господня».

⁹ Ibid. 393.

¹⁰ Ср. ibid. 429, 436.

и исцѣлялись¹ | Демоны, увидѣвъ двоицу благословенную, которая воз-
 51v. стала* противъ нихъ, | бѣжали и скрылись и не смогли устоять противъ
 словесъ ихъ. || Врачами были святыя, цѣлившими людей | реченіями своими
 и словами своими и молитвами своими. || Обратили въ бѣгство бѣсовъ,
 изгнали демоновъ, исцѣлили болѣзни | и сдѣлали страну нашу знаменитую
 доблестями рабовъ Царя. ||

Открылъ праведникъ праведному другу своему, Іаковъ Евгѣну, | что
 храмъ хочеть онъ построить и уготовать Богу всѣхъ². || Получилъ старецъ
 откровеніе Духа и ободрилъ преподобнаго: | «вотъ посылается нѣкто ду-
 ховный, чтобы прійти къ тебѣ, || и онъ покажетъ намъ мѣсто храма, гдѣ
 ты построишь [его], | и сообщить тебѣ также, каковы будутъ размѣры
 его»³. || Сошелъ духовный по повелѣнію Господа своего къ Мар-Іакову | и
 открылъ и показалъ мѣсто храма и начерталъ размѣры его⁴. || Создалъ и
 увѣнчалъ домъ очищенія мужъ чистой памяти, | и назначилъ время и
 объявилъ ангеламъ и людямъ день освященія его. || Встали духовные и
 собрались и пришли изъ всѣхъ мѣстъ | сотворить праздникъ освященія
 церкви, созданной преподобнымъ. || Ряды за рядами, сонмы за сонмами,
 толпы за толпами, | пришли духовные для празднованія въ церковь Собы.* ||
 52r. Сошелъ Духъ Святый и освятилъ храмъ и помазалъ алтарь, | чтобы было
 святилище и святое святыхъ для родовъ грядущихъ. || Отецъ положилъ
 основаніе, Сынъ увѣнчалъ и Духъ освятилъ: | Троица, которую проповѣ-
 дали праведные, явила согласіе свое. ||

Войну сотворилъ въ странѣ грековъ съ аріанами⁵ [за то], | что не
 есть созданіе То Сіаніе Отца, но порожденіе Его; | также и Духъ не твореніе
 Сына, да не будетъ этого, | [но] единосущенъ Отцу и Сыну освящающій
 всѣхъ; || три имени, три ипостаси, также и [три] лица. || Ибо едино естество
 ихъ, едино господство ихъ, едина власть ихъ; || едина воля Трехъ и едино
 твореніе, | которое Онъ сотворилъ и уготовалъ во славу силы Своей и въ
 хвалу имени Своего. ||

Онъ есть Тотъ, Который прославилъ силою имени Своего двоицу бла-

¹ Ср. *ibid.* 401 сл.

² *Ibid.* 428.

³ *Ibid.* 429.

⁴ *Ibid.* 431.

⁵ Ср. *ibid.* 428, 453. Изъ дальнѣйшаго видно, что здѣсь разумѣется Іаковъ, но про-
 странное Житіе во всѣхъ сохранившихся редакціяхъ утверждаетъ, что Мар-Евгенъ также
 присутствовалъ на Никейскомъ соборѣ, *Bedjan*, III, 453; *Add.* 14.653, fol. 32r; *Add.* 12.174
 fol. 272r^b.

гословенную: | Іакова великаго и Мар-Евгена, дѣлателей¹ благословенныхъ. || Дѣлателями добрыми были воистину для церкви святой, | и искоренили изъ нея терніе и волчцы, сѣмя злого. || Этотъ вступилъ въ бой съ язычествомъ, и превозмогъ и побѣдилъ его, | а тотъ изболчилъ хулы сторонниковъ Аріа, || и самого главу ихъ разразилъ силою молитвъ своихъ² | и сдѣлалъ посмѣшищемъ имя* злого во всѣ роды. || Отъ Мар-Евгена, старца³ 527. благословеннаго, исполненнаго доблестей, | впервые произросъ плодъ монашества въ странѣ персовъ. || Онъ и ученики его пришли въ землю нашу и поселились въ странѣ нашей, | и уподобились какъ бы звѣздамъ, обладающимъ свѣтомъ. || Они растеклись по землѣ нашей, какъ посланники, сѣющие миръ, | и искоренили волчцы идолопоклонства и посѣяли истину. || Не по силамъ было естеству человѣческому сдѣлать все, что они сдѣлали | силою Духа, который сопутствовалъ имъ въ подвигахъ ихъ. || Господь ихъ, Котораго они возлюбили и любви Котораго предалися паче всего, | — именно Онъ прославилъ имя Свое чрезъ нихъ силою чудесъ Своихъ. || Молитва старца молитвъ апостоловъ подобна была⁴, | ибо онъ исцѣлялъ болѣзни, изгонялъ демоновъ и воскрешалъ мертвыхъ. ||

Побудила ревность раба добраго, любящаго Господа своего, | пойти на Араратъ и посѣять тамъ слово жизни⁵. || Встрѣтился ему случай, если это былъ случай, а не провидѣніе: | юноша, котораго похитилъ левъ и унесъ въ ровъ въ лѣсу своемъ⁶. || Онъ нашелъ его мертвымъ и оживилъ его силою молитвъ своихъ⁷, | и ожили* по причинѣ его мертвые по нечестію 531. отъ грѣховъ своихъ. || Все селеніе мертвеца воскрешаго онъ научилъ и крестилъ⁸, | и разлетѣлась вѣсть о томъ, что произошло, по всему Арарату⁹. || Многіе сонмы мужей и женъ приходили, | чтобы глазами своими увидѣть чудо и его совершителя. || Благомъ признали пришествіе праведника внутрь страны своей, | ибо ожили* чрезъ него отъ мертвенности грѣховъ своихъ. || Онъ возвратился оттуда, неся вѣнцы доблести подвиговъ своихъ: | славу Господу своему, жизнь людямъ и смерть бѣсамъ. || Охотнику подражалъ онъ, куда бы ни пришелъ, | закидывая сѣть слова устъ своихъ и уловляя людей. || Словомъ устъ его уловляемы были люди для жизни, | и

¹ Ср. Мо 9, 37-38.

² Bedjan, IV, 269. Житіе Іакова.

³ Ср. Bedjan, III, 400.

⁴ Ср. ibid. 437 слѣд.

⁵ Ср. ibid. 438.

⁶ Ibid. 440.

⁷ Ibid. 445.

⁸ Ср. ibid. 446.

Христіанскій Востокъ.

молитвами его они были исцѣляемы отъ болѣзней своихъ. || Онъ собралъ братій, населилъ обители и построилъ келліи, | и наполнилъ гору Марды мятежниками, которые отложились¹ отъ злого. |

Князь міра увидѣлъ и огорчился, пришелъ въ ярость и измѣнился, | и началъ возмущаться, потому что увидѣлъ слабость свою и униженіе свое. || «Что это такое, что не осталось мнѣ мѣста на землѣ? | ибо наполнилъ
53v. Иисусъ всю землю* ученіемъ Своимъ. || Я надѣялся, когда былъ изгнанъ съ запада, | что на востокѣ найду себѣ покой, чтобы жить. || Тамъ изгнали меня цари и священники, которые въ той землѣ; | также ученые побивали меня словами своими. || Здѣсь, понадѣялся я, не будетъ мнѣ тѣсноты и муки, | ибо христіане малочисленны въ [этой] землѣ, и язычники шумятъ [противъ нихъ]. || Пришелъ старецъ и сообщники его и поселился въ [этой] землѣ, | и вотъ они гонятъ меня отовсюду силою словесъ своихъ. || Куда пойду, гдѣ поселюсь и гдѣ скроюсь, | чтобы не слышать мнѣ вовсе имени Иисуса и хвалы Ему? || Я знаю, что я и воинства мои безсильны, | ибо, если праведные умножатся на землѣ, окончится власть наша. || Послушайте меня, друзья мои, послушайте внимательно, любящіе общеніе со мной: | уловляйте людей ко грѣху, сколько можете. || Праведность приобрѣла силу и не преодолевается, | и любящій человѣка любить правду и ненавидѣть беззаконіе. || [Но] какъ только согрѣшаютъ, упали въ сѣть нашу и стали нашими; | если же получаютъ оправданіе, къ Господу своему прилѣпляются и на насъ нападаютъ. || Развѣ вы не видѣли, какъ мы прежде
54r. чтились,* | и въ какомъ мы презрѣніи теперь, когда люди стали противъ насъ? || Иисусъ вложилъ ревность благую въ людей | любить Господа своего и быть рѣшительными врагами намъ. || Онъ и проповѣдники Его прогнали покой нашъ среди людей | и сдѣлали насъ изгнанниками отовсюду и презираемыми. || Жертвами прежде чтили насъ цари и нищіе | и богами своими считали насъ и имъ служили. || Прекратились теперь для нихъ (боговъ) почести и изображенія, | и если кто хочетъ быть нашимъ, стыдится всѣхъ. || Позоромъ явились и мы, и они, и всѣ, любящіе насъ, | и Тотъ, воплотившійся въ смиреніи, идетъ за нами. || О, что стало съ нами, [прежде] почетными, которые съ презрѣніемъ отвергнуты всѣми | и признаны рабами, ненавидящими Господа своего и ненавидящими себя самихъ! || О, какъ мы были превознесены и какому презрѣнію подверглись со стороны любив-

¹ Непереводимая игра словъ: она основана на совпаденіи трехъ коренныхъ (мрд) глагола *мрдъ* *неповиноваться*, отъ котораго произведены формы, означающія по-русски «мятежники» и «отложились», съ составомъ тѣхъ же трехъ согласныхъ въ названіи горы Марды.

шихъ насъ, | ибо вмѣсто боговъ и господъ стали считаться бѣсами! || Много [людей] мы обманули, много смутили и много развратили, | но былъ трудъ нашъ тщетенъ и безплоденъ. || Вотъ и этотъ старецъ Евгенъ сколько зла принесъ намъ! | ибо съ того дня, какъ пришелъ, онъ противъ насъ воюетъ и покой нашъ смущаетъ. || Онъ плѣняетъ плѣнъ нашъ, похищаетъ добычу нашу и беретъ наше, | и не переставалъ и не перестаетъ досаждать намъ онъ [самъ] и ученики его.* || Что дѣлать и гдѣ скрыть позоръ нашъ великій? | ибо духовныхъ преодолѣли тѣлесные и покорили и побѣдили. || Кто могъ сказать, что плотскіе будутъ духъ побѣждать? | и [однако] терпѣвшіе всегда пораженіе побѣдителей повседневно преодолѣваютъ и побѣждаютъ. || Кто въ мірѣ могъ возвѣститъ это въ роды прежніе. | что придетъ время, когда люди будутъ побѣждать демоновъ? || О, если бы мнѣ не вступать съ ними въ битву сначала | и не имѣть срама теперь вслѣдствіе пораженія отъ ихъ рядовъ! || Умножились среди побѣждаемыхъ побѣдители, которые встали среди людей, | и вотъ наполнилась вселенная вся обителями праведныхъ. || Въ горахъ одни, въ долинахъ другіе, на холмахъ третьи; | вовнѣ и внутри, въ жилищѣ и въ пустынѣ, [всюду] ихъ вижу я». ||

Вотъ что говорилъ князь бѣсовскій бѣсамъ товарищамъ своимъ, | испытывая муку предъ рядами сыновъ свѣта. || Бѣсъ, который дѣлаетъ жалкимъ, демонъ, который вводитъ въ заблужденіе, сатана, который совращаетъ¹, | увидѣлъ, что выведена ложь его наружу, и устыдился и покраснѣлъ. || Вышли проповѣдники на четыре стороны, чтобы обратить людей, | и ненавистникъ людей весьма опечаленъ былъ тѣмъ, что остался въ одиночествѣ. || Не уразумѣлъ слѣпой разумомъ того, что произошло: | что Слово единое родное <стало>² человѣкомъ...

...[Ученики Мар-Евгена обратили] множество людей, | и стали 55г. вмѣстѣ съ нимъ сонаслѣдниками славы грядущей. || О, ученики, какъ подражали они подвигамъ учителя своего! | Они начали и окончили какъ вожди служенія духовнаго. || Они нанялись на работу въ виноградникъ духовномъ, | и двѣнадцать часовъ безъ перерыва поработали и потщились³. || Динарій жизни, который назначилъ Спаситель нашъ, вы удостоились получить: | просите и за насъ, да будемъ съ вами на вечерѣ той. || Моли

¹ Непереводимая игра словъ, такъ какъ въ сирійскомъ языкѣ «бѣсъ» (ܒܝܫܬܐ) и «дѣлающий жалкимъ» (ܒܝܫܬܐ), «демонъ» (ܕܡܢܐ) и «вводящій въ заблужденіе» (ܕܡܢܐ), «сатана» и «совратитель» (ܕܡܢܐ) созвучны.

² Исправлено, можетъ быть, вмѣсто первоначальнаго (несторіанскаго): «<вошло въ>» «человѣка».

³ Мѡ 20, 1, 10.

за насъ, учитель испытанный съ учениками своими, | да будетъ съ нами Господь твари и сохранить насъ. || Молитва ваша да будетъ стѣною странѣ нашей и церквамъ нашимъ, | и да отступитъ отъ насъ злой, бодрствующій на погибель жизни нашей. || Истина, которая въ васъ, да пребудетъ у насъ до вѣка, | и славу Господа вашего да проповѣдуютъ уста наши во всѣ роды. || Господи праведныхъ и благочестивыхъ, благослови наше собраніе, | въ которомъ почтена память рабовъ Твоихъ <Тебѣ слава>.

Окончено слово о святомъ Маръ-Евгенѣ. Молитвами его да спасенъ будетъ писецъ и читатель. Аминь и аминь.

А. Дьяконовъ.

По поводу даты армянскаго перевода „Церковной Исторіи“ Сократа Схоластика.

Въ одной изъ послѣднихъ своихъ работъ І. А. Орбели¹ пытается доказать, что невозможно имѣть полное довѣріе къ извѣстной записи въ рукописяхъ армянскаго перевода Церковной Исторіи Сократа Схоластика. Полемизируя съ епископомъ Месропомъ, онъ говоритъ: «Въ этой записи больше всего подкупаетъ преосв. Месропа ея синхронистическое богатство; оно то даетъ ему основаніе считать ее точнѣйшей и неоспоримой. Между тѣмъ именно эти синхронизмы должны внушать сомнѣніе въ подлинности даты. Нагроможденіе синхронистическихъ датъ намъ неизвѣстно изъ древнихъ армянскихъ памятниковъ: въ нихъ, самое большее, упоминаются двѣ какихъ-либо даты. Позднѣе переписчики любили въ нагроможденіи синхронизмовъ проявлять свою ученость, какъ это видно изъ многихъ позднихъ рукописныхъ записей. Весьма вѣроятно поэтому, что въ подлинной записи перевода Сократа, если она существовала, была указана *одна* какая либо дата, а позднѣе, можетъ быть, именно въ этой одной изъ двухъ дошедшихъ до насъ рукописей, переписчикъ развилъ ее. Если отказаться отъ такого предположенія, намъ придется откинуть вовсе всю записъ: однѣ изъ датъ записи не вѣроятны по составу своему для указываемаго ими времени, другія далеко не совпадаютъ другъ съ другомъ». Въ примѣчаніи авторъ развиваетъ причины опороженія имъ записи. Во первыхъ, датировка по армянской эрѣ въ VII вѣкѣ кажется ему совершенно невѣроятной. Во вторыхъ, «въ коренной армянской средѣ датировка по христіанской эрѣ — явленіе весьма позднее; но если даже откинуть спеціальную армянскую практику, вообще появленіе даты отъ Р. X. на Востокѣ въ концѣ VII вѣка совершенно немыслимо».

Къ записи мы еще вернемся ниже: пока рассмотримъ поближе это послѣднее утвержденіе. Дѣйствительно, въ руководствахъ по хронологіи, и даже въ наиболѣе полномъ и послѣднемъ изъ нихъ², ничего не указано

---

¹ ХВ, III, вып. 3 (1915), стр. 296 слл. Двѣ строительскія надписи князей Камсаракановъ, см. особенно стр. 303—304.

² F. Ginzler, *Handbuch der technischen und mathematischen Chronologie* (Leipzig, 1906—1914, III, 178, слл.). Основателемъ эры по Р. X. является римскій монахъ, Dionysius Exiguus

по этому поводу изъ греческихъ источниковъ. Между тѣмъ, однако, существуютъ такія же датировки, которыя относятся не только къ седьмому вѣку, но даже и къ *шестому*.

Первыя двѣ датировки я приведу изъ Житій, принадлежащихъ перу Кирилла Скивопольскаго, извѣстнаго агіографа, составителя жизнеописаний великихъ подвижниковъ Саввинской лавры. Кириллъ славится среди всѣхъ византійскихъ писателей не только агіографовъ, но также и историковъ, своею тщательностью при опредѣленіи хронологіи событій. Недостатокъ риторическаго воспитанія у него, на который онъ жалуется, вполне искупается заботливостью, съ которою онъ собираетъ свои матеріалы, и здравымъ смысломъ, которымъ онъ руководствуется при составленіи своихъ повѣстей; Узенеръ говоритъ, что онъ вполне заслуживаетъ названія историка¹. Я сначала приведу дату изъ Житія святого Саввы².

Καὶ ἡ μὲν τελείωσις αὐτοῦ γέγονε κατὰ τὴν πέμπτην τοῦ δεκεμβρίου μηνὸς τῆς δεκάτης ἰνδικτιῶνος, ἀπὸ μὲν κτίσεως κόσμου, ἀφ' οὗπερ ἤρξατο χρόνος τῇ τοῦ ἡλίου φορᾷ μετρεῖσθαι, ἔτους τετάρτου εἰκοστοῦ ἐξακισχιλιοστοῦ. ἀπὸ δὲ τῆς τοῦ Θεοῦ λόγου ἐμπαρθένου ἐνανθρωπήσεως καὶ κατὰ σάρκα γεννήσεως, ἔτους τετάρτου εἰκοστοῦ πενταχοσιοστοῦ, κατὰ τοὺς συγγραφέντας χρόνους ὑπὸ τῶν ἁγίων πα-

«Кончина его произошла въ пятый день мѣсяца декабря, девятаго индикта, съ тѣхъ поръ, какъ время начало измѣряться теченіемъ солнца, въ лѣто шесть тысячъ двадцать четвертое: отъ вочеловѣченія же отъ святой Дѣвы и отъ рожденія во плоти — въ лѣто пятьсотъ двадцать четвертое: по временамъ, описаннымъ святыми отцами нашими, Ипполитомъ древнимъ и ученикомъ

(† 540—560). Первый, употребившій ее, былъ Кассіодоръ. Попадаютъ указанія по ней среди англосаксонскихъ документовъ въ VII вѣкѣ: немного чаще бываютъ онѣ (также и на континентѣ) въ VIII-омъ. Въ каролингскихъ законахъ эра появляется съ 810-го года: среди папскихъ документовъ мы ее находимъ впервые при Іоаннѣ XIII (968, 969, 970) гг. Потомъ она завоевала общее признаніе. Ср. также Ph. Jaffé, *Regesta Pontificum Romanorum* (Lipsiae, 1885), I², стр. IX; A. Giry, *Manuel de Diplomatique* (Paris 1894), стр. 89. Своимъ первенствомъ на Западѣ эра обязана Бедѣ, который воспользовался ею въ своихъ пасхальныхъ таблицахъ.

¹ H. Usener, *Der heilige Theodosios: Schriften des Theodorios und Kyrillos* (Leipzig, Teubner 1890). Einleitung, стр. XIX: «Was dem wackeren Kyrillos an höherer Schulbildung abgehn mochte, wird mehr als aufgewogen von Gaben, welche durch die damals übliche rhetorische Schulung nur hatten verkümmert werden können. Er nimmt in der erbaulichen Literatur eine Ehrenstelle ein, weil er ein echter Geschichtschreiber ist». Введеніе Узенера — лучшее описаніе жизни Кирилла, которое мы имѣемъ. Разборъ хронологіи, который Узенеръ тамъ общаетъ (стр. XX, прим. 22-ое), насколько мнѣ извѣстно, не появлялся. Ср. также K. Gumbacher, *GBL*², стр. 185/6.

² Текстъ у Cotelierius, *Ecclesiae Graecae Monumenta*, III (Lutetiae Parisiorum 1686), стр. 358—354=изд. Помяловскаго (СПб. 1890), стр. 446, 7—448, 13.

τέρων ἡμῶν Ἰππολύτου τε τοῦ παλαιοῦ καὶ γνωρίμου τῶν ἀποστόλων, καὶ Ἐπιφανίου τοῦ τῶν Κυπρίων ἀρχιερέως καὶ Ἡρώνος τοῦ φιλοσόφου καὶ ὁμολογητοῦ. Ὁ δὲ χρόνος τῆς αὐτοῦ ἐν σαρκὶ ζωῆς οὗτός ἐστιν. Ἦλθεν μὲν ἐν Παλαιστίνῃ ἐτῶν δεκάσκτώ, καὶ ἔμεινεν ἐν τῷ κοινοβίῳ ἔτη δεκάεπτά· καὶ ἐν τοῖς ἐρήμοις καὶ τῇ μεγίστῃ λαύρᾳ ἐποίησεν ἔτη πεντήκοντα ἑννεα. Τελευτᾷ δὲ τῷ ἐνενηχοστῷ τετάρτῳ τῆς ἑαυτοῦ ἡλικίας χρόνῳ, μετὰ τὴν ὑπάτειαν Λαμπαδίου καὶ Ὁρέστου τὸ δεύτερον, τῷ ἕκτῳ ἔτει τῆς παρούσης θεοφυλάκτου βασιλείας.

апостоловъ, и Епифаніемъ, архіепископомъ Кипрскимъ и Ирономъ философомъ и исповѣдникомъ. Время жизни его по плоти — такое. Прибылъ онъ въ Палестину на 18-омъ году своей жизни, и оставался въ обители семнадцать лѣтъ, и въ пустыняхъ и въ великой лаврѣ онъ прожилъ пятьдесятъ девять лѣтъ. Скончался онъ на девяносто четвертомъ году своей жизни, во второмъ году послѣ консульства Лампадія и Ореста, въ шестомъ году тепершняго богохранимаго царствованія».

Почти совершенно тождественной съ предыдущей датировкой является дата изъ Житія святого Евѳимія¹.

Ἦ δὲ τελείωσις αὐτοῦ γέγονε κατὰ τὴν εἰκάδα τῆς ἰαννουαρίου μηνὸς τῆς ἐνδεκάτης ἰνδικτιῶνος, ἀπὸ μὲν κτίσεως κόσμου, ἀφ' οὐπερ χρόνος ἤρξατο τῇ τοῦ ἡλίου φορᾷ μετρεῖσθαι, ἔτους πέμπτου ἐξηχοστοῦ ἐνναχοσιοστοῦ πεντακισχίλιοστοῦ. ἀπὸ δὲ τῆς τοῦ θεοῦ λόγου ἐκ παρθένου ἐνανθρωπήσεως καὶ κατὰ σάρκα γεννήσεως ἔτους πέμπτου ἐξηχοστοῦ τετρακισιοστοῦ, κατὰ τοὺς συγγραφέντας χρόνους ὑπὸ τῶν ἁγίων πατέρων Ἰππολύτου τοῦ παλαιοῦ καὶ γνωρίμου τῶν ἀποστόλων καὶ Ἐπιφανίου τοῦ Κυπρίωτου καὶ Ἡρώνος τοῦ φιλοσόφου καὶ ὁμολογητοῦ.

«Кончина его произошла въ девятый день мѣсяца января, одиннадцатаго индикта, отъ сотворенія міра, съ тѣхъ поръ, какъ время начало измѣняться теченіемъ солнца, въ лѣто пять тысячъ девятьсотъ пятое; отъ вочеловѣченія же отъ Дѣвы и рождества во плоти Бога Слова въ лѣто четыреста шестьдесятъ пятое, согласно указанію времени у святыхъ отцовъ Ипполита древняго и ученика апостоловъ, и Епифанія Кипрскаго и Ирона философа и исповѣдника».

¹ Изд. Montfaucon. *Analecta Graeca* I, стр. 1—99 (Paris 1688). Первая часть цитаты также приводится у Дюканжа, *Praefatio ad Chronicon paschale* ed. Bonn, II, стр. 25. Метаставровскій текстъ изданъ Котелеріемъ, *Ecclesiae Graecae monumenta*, II (Paris 1681 г.), стр. 210 сл. Тамъ же на стр. 293 А/В приводится дата. Разницы почти нѣтъ; только порядокъ словъ немного иной. Русскій переводъ Помяловскаго, *Палестинскій Патерикъ*, вып. 20 (СПб. 1892), стр. 68.

Совершенно ясно, что Стефанъ поставилъ себѣ образцомъ датировку Кирилла: конечно, какъ монахъ лавры св. Саввы, онъ зналъ Житія свв. Саввы и Евсемя превосходно. Хотя это уже à priori естественно, но сверхъ того онъ и прямо ссылается въ одномъ мѣстѣ на Житіе св. Саввы¹. Важность датировки Стефана заключается не просто въ томъ, что мы здѣсь имѣемъ повтореніе той же формулы, а скорѣе въ измѣненіяхъ, которыя Стефанъ счелъ нужнымъ сдѣлать въ отдѣльныхъ рубрикахъ. Датировка по императору отсутствуетъ, и прибавлено имя игумена. Интересно отмѣтить, насколько связь съ римской имперіей ослабѣла, и насколько выдвигается самостоятельность монастыря. Значеніе этого обстоятельства станетъ яснѣе, когда приступимъ къ разбору армянской записи.

Другихъ подобныхъ датъ въ сохранившихся житіяхъ, повѣстяхъ и остальныхъ сочиненіяхъ, принадлежащихъ перу саввинскихъ монаховъ, мнѣ не удалось отыскать². Даже въ другихъ житіяхъ, написанныхъ Кирилломъ Скиѳопольскимъ, попадаются лишь даты, исчисленные по индикту и по патріархамъ, бываетъ и по годамъ императора; годы отъ сотворенія міра и отъ Р. Х. отсутствуютъ.

Приведу списокъ датировокъ изъ житій и пр., которыя мнѣ извѣстны.

а) Acta Anastasii Persae (хотя это—не саввинскій текстъ по происхожденію, но все-таки онъ тѣсно связанъ съ Палестиной)³:

Τελειῶ δὲ τὸν ἀγῶνα τῆς εἰς Χριστὸν ὁμολογίας ὁ καλλίνικος μάρτυς Ἀναστάσιος κατὰ τὴν δευτέραν καὶ εἰκάδα τοῦ ἰαννουαρίου μηνὸς τῆς πρώτης ἰνδικτιῶνος ἔτους ἑπτακαιδεκάτου τῆς βασιλείας Ἡρακλείου τοῦ εὐσεβεστάτου καὶ πεντεκαιδεκάτου Κωνσταντίνου τοῦ θεοφυλάχτου υἱοῦ αὐτοῦ.	«Оканчиваетъ же подвигъ исповѣданія Христа добропобѣдный мученикъ Христовъ Анастасій въ 22-й день января мѣсяца, индикта первого, въ 17-й годъ царствованія благочестивѣйшаго Ираклія и 15-й богохраняемаго сына его Константина».

б) Въ Житіи св. Θεοδοσία, написанномъ Кирилломъ Скиѳопольскимъ, датировка проще⁴:

¹ Стр. 24, 13—15 цит. изданія.

² Въ Житіи св. Стефана Чудотворца, написанномъ саввинскимъ монахомъ Леонтіемъ (AASS Julii, III. стр. 487—584), приводится лишь годъ отъ сотворенія міра (стр. 580 С).

³ Цитую изданія текста по Α. Παπαδόπουλος-Καραμέυς, Ἀνάλεκτα Ἱερσολυμιτικῆς σταχυολογίας (Ἐν Πετροῦπόλει 1897), IV, стр. 146. Переводъ В. В. Латышева: Пал. Патерикъ. Вып. 14 (1907), стр. 25.

⁴ Изд. H. Usener, Der heilige Theodosios, Schriften des Theodoros und Kyrillos (Teubner, Leipzig, 1890), стр. 111. Русскій переводъ И. Помяловскаго, Палестинскій Патерикъ. Вып. 3 (СПб. 1895), стр. 90.

Ἐτελεύτηχεν ἐν χαρᾷ μηνὶ μαρτίῳ
κα τῆς πέμπτης ἰνδικτιῶνος.

«Онъ скончался въ радости мѣсяца
марта, 21-го, пятого индиктіона».

с) То же самое мы находимъ въ Житіи преп. Герасима, написанномъ св. Кирилломъ Скиѳопольскимъ¹:

Ἦ μέντοι τελείωσις τοῦ πατρὸς
ἡμῶν Γερασίμου γέγονε κατὰ τὴν πέμπ-
την τοῦ μαρτίου μηνὸς τῆς τρισκαίδε-
κάτης ἰνδικτιῶνος ἐν ἀρχῇ τῆς βασι-
λείας Ζήνωνος.

«Кончина отца нашего Гера-
сима случилась въ пятый день
марта мѣсяца тринадцатаго индик-
тіона, въ началѣ царствованія Зи-
нона».

д) Въ Житіи св. Кириака отшельника, написанномъ Кирилломъ Скиѳопольскимъ²:

Ἦ γὰρ ὧν (γονέων) ἐγενήθη περὶ τὸ
τέλος τῆς τοῦ Θεοδοσίου τοῦ νεοῦ βα-
σιλείας, μηνὶ Ἰαννουαρίῳ θ', τῆς δευ-
τέρας ἰνδικτιῶνος.

«Отъ коихъ (родителей) онъ ро-
дился въ концѣ царствованія Θεодосія
младшаго, мѣсяца января 9, второго
индиктіона».

Ср. также немного ниже:

Παρεγένετο εἰς Ἱερουσόλυμα, ὀκτώ
καὶ δέκατον μὲν ἔτος ἄγων τῆς ἡλικίας,
ἐν ὀγδόῳ ἔτει τῆς ἱεραρχίας ἐν Ἱερο-
σολύμοις Ἀναστασίου, ἐνάτῳ δὲ τῆς
βασιλείας Λέοντος τοῦ μεγάλου βασι-
λέως, ἐν ἀρχῇ τῆς ἰνδικτιῶνος³.

«Прибыль въ Иерусалимъ, на во-
семнадцатомъ году возраста, на
восьмомъ году святительства въ
Иерусалимѣ Анастасія, на девятомъ
царствованія великаго царя Льва,
въ началѣ индиктіона».

е) Въ Житіи св. Іоанна, епископа и молчальника лавры св. Саввы, на-
писанномъ Кирилломъ Скиѳопольскимъ, имѣется слѣдующая дата⁴):

¹ Изд. Α. Παπαδόπουλος-Καραμεύς, Ἀναλ. Ἱερ. Στχ. IV, 175—184. Русский переводъ И. Помяловскаго, Палест. Патерикъ. Вып. 8 (СПб. 1895), стр. 14.

² Изд. AASS, Sept. VIII, стр. 147B, 148A. Русский переводъ И. Помяловскаго—Палестинскій Патерикъ. Вып. 7 (СПб. 1895), стр. 1, 3.

Въ текстѣ — ἐν ἀρχῇ τῆς ἰνδικτιῶνος.

⁴ Изд. AASS. Maii T. III, стр. 16*—21*. Русский переводъ И. Помяловскаго: Палестинскій Патерикъ. Вып. 3. (СПб. 1893), стр. 1—2. Ср. также стр. 17 С текста = стр. 5 пере-
вода:

Ἦλθεν εἰς τὴν μεγίστην λύραν τοῦ ἐν
ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Σίβη, Σχλουστίου τοῦ τηνι-
καῦτα ἱεραρχοῦντος τῆς Ἱεροσολυμιτῶν ἐκκλη-
σίας ἐπὶ τῆς τεσσαρεσκαίδεκάτης ἰνδικτιῶνος,
τῇ τριακοστῇ ὀγδόῳ τῆς αὐτοῦ ἡλικίας χρόνῳ.

«Онъ пришелъ въ великую лавру иже
во святыхъ отца нашего Саввы, въ то время,
когда Иерусалимскимъ патріархомъ былъ
Саллюстій, въ четырнадцатый индиктіонъ,
на тридцать восьмой году жизни».

Τσιγαροῦν ἐγεννήθη ὡς αὐτός μοι «Родился онъ, какъ онъ самъ
ἐηγήσατο, κατὰ τὴν ὁγδόην τοῦ Ἰαν- рассказалъ мнѣ, въ восьмой день
νουαρίου μηνός, τῆς ἐβδόμης Ἰνδι- января мѣсяца, седьмого индик-
κτίωνος, τῷ τετάρτῳ ἔτει τῆς Μαρξια- тiona, въ четвертый годъ царство-
νοῦ τοῦ θεοφιλοῦς βασιλείας. ванiя боголюбиваго Маркіана».

f) Подобная датировка находится и у Антиоха Стратига¹ (текстъ, стр. 93.31—93.1; переводъ, стр. 15.25—27):

და იუღ დაწყებაჲ ბრძოლისაჲ «Начало борьбы персовъ съ
სპარსთა-გან ქრისტიანეთა მიმართ იე- христианами Иерусалима было 15-го
რუსელმისთა თუესა სპრილსა სთხუთ- апрѣля, 4-го индикта, на 4-мъ
მეტსა. ინდიკტიონის ორსა და მეოთ- году царствованiя Ираклiя».
ხეს წელსა ჭერაკელს მეფობისასა².

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы доказать, что 1) мы имѣемъ въ подобныхъ подробныхъ датировкахъ особенность³ саввинскихъ текстовъ, и 2) эта особенность восходитъ къ Кириллу Скиеопольскому. Не могу сказать, что я отыскалъ и привелъ всѣ тексты палестинскаго происхожденiя; есть еще нѣсколько, въ которыхъ датировка или отсутствуетъ, или исчисляется по другой системѣ, напр., въ весьма интересномъ житiи Порфирiя Газскаго⁴. Годъ тамъ опредѣляется по мѣстной газской эрѣ⁵.

Теперь мы разберемъ систему хронологiи, которой слѣдовалъ Кириллъ. Конечно, это — александрийская эра, введенная въ христiанское лѣтописанiе Африканомъ⁶. Кириллъ приводитъ имена трехъ авторовъ, которые, по его словамъ, такимъ же образомъ исчисляютъ время: Ипполитъ, Епифанiй и Иронъ. Первый изъ нихъ намъ очень хорошо извѣстенъ, и не предста-

¹ Антиохъ Стратигъ: Плѣненiе Иерусалима Персами въ 614 г. Грузинскiй текстъ изслѣдовалъ, издалъ, перевелъ и арабское извлеченiе приложилъ Н. Марръ. ТР, IX. СПб.—Тифлисъ, 1907—09.

² Интересно замѣтить сходство между этой датой и датой въ мученичествѣ Анастасiя Перса. Сами памятники очень близки по времени.

³ Всѣ изслѣдователи, которые занимались изученiемъ агиографическихъ памятниковъ, отлично знаютъ, насколько бѣдно рядовое житiе по отношенiю къ точнымъ хронологическимъ указанiямъ.

⁴ Изд. Moritz Haupt, AkB, стр. 1874, стр. 171—215. Русскiй переводъ И. Помяловскаго, Палест. Патерикъ. Вып. 6, СПб. 1895 г.

⁵ Тамъ же, гл. 103.

⁶ Ср. H. Gelzer, Sextus Julius Africanus und die byzantinischen Chronologie. Teubner Leipzig I, II, 1, 2, 1880—94. Объ этомъ мы имѣемъ точное указанiе хронографа Григорiя Синакелла, изд. Bohn, 31, 12 слл. Ср. Gelzer, l. c., I, 46. Этотъ самый годъ по нашей эрѣ—2 г. до Р. X. Gelzer, l. c., 1, 47.

вляеть трудности провѣрить сообщеніе Кирилла; упоминаніе же двухъ другихъ ставить передъ нами цѣлый рядъ запутанныхъ вопросовъ.

Называть Ипполита «древнимъ и ученикомъ (γυνώριμος) апостоловъ» значить допускать довольно крупное преувеличеніе, когда рѣчь идетъ объ авторѣ начала III-го вѣка по Р. Х.; но на этомъ не приходится останавливаться¹. Что Ипполитъ написалъ хронику, это давно извѣстно не только изъ одного упоминанія о хроникѣ въ его сочиненіи *Κατὰ πατῶν αἰρέσεων*², но также и изъ извѣстной надписи на его статуѣ, хранящейся нынѣ въ Латеранскомъ музеѣ. Со дней Дюканжа стало извѣстно, что эта самая хроника, оригиналъ которой считался потеряннымъ, составляетъ основу трехъ латинскихъ сочиненій. Первое изъ нихъ — такъ называемый *Barbarus Scaligeri*³, который является плохимъ переводомъ (VII—VIII в.) александрійской хроники, написанной въ пятомъ вѣкѣ. Этотъ текстъ стоитъ ближе всѣхъ къ греческому оригиналу: остальные два — такъ называемые *Libri Generationis* — даютъ намъ сильно сокращенную версію. Второй *Liber Generationis* вошелъ въ составъ работы хронографа 354-го года⁴, какъ 15 я рубрика. *Liber Generationis* первый отчасти передается отдѣльно въ рукописяхъ, отчасти въ видѣ приложенія къ такъ называемому Фредегару. Разысканія Дюканжа были подкрѣплены и развиты позднѣйшими изслѣдователями⁵. Лѣтъ десять тому назадъ, однако, грацскій профессоръ А. Бауэръ обнаружилъ значительную часть якобы потеряннаго оригинала въ одной эскупальской рукописи (№ 121 по каталогу Iriarte), которую онъ затѣмъ опубликовалъ въ *Texte und Untersuchungen*⁷. Сохранилась только часть греческаго текста, но она даетъ намъ возможность опредѣлить отношенія между латинскими текстами гораздо точнѣ чѣмъ раньше. Греческій текстъ

¹ Bardenhewer, *Geschichte der alt-christlichen Litteratur*, 2, 496 сл.

² Изд. Duncker et Scheidewin, *Gottingae* 1856, стр. 532, 48.

³ CIG, 8613. стр. 12; ср. A. Harnack, *Geschichte und Chronologie der alt-christlichen Litteratur*, 1. 605, 606 сл.; H. Achelis, *Hippolytstudien*, TU, 15 (N. F., 1. 4), Leipzig 1897, стр. 3/8.

⁴ Изд. у A. Schoene, *Chron. Euseb.* 1. 177 сл.; также у Mommsen, *Chron. Min.* 1. 91 сл. C. Frick, *Chron. Min.* 1. 184 сл.

⁵ Ср. O. Seeck, *PW* III, col. 2477—2481.

⁶ Du Cange, въ *Praef. ad. Chron. Pasch*, ed. Bonn 2. 23 сл.; Mommsen, *Abh. Sächs. Ges. d. Wiss.* 2 (1850), стр. 585 сл. = *Kl. Schr.* 7. 536—579; *Mon. Germ. Hist., auct. antiqu.* 9. 84 сл.; A. von Gutschmid, *Kl. Schr.* V, 240 сл.; 585 сл.; H. Gelzer, *Sextus Julius Africanus* 2. 1, стр. 1 сл.; A. Bauer (въ книгѣ приведенной ниже), стр. 140 сл. Остальная литература по предмету у A. Harnack, *Gesch. der altchristlichen Litteratur*, 1. 626 сл.; 2. 2. 236, 549 сл.

⁷ TU. N. F. 14. 1 (29. 1) A. Bauer, *Die Chronik des Hippolytos im Matritensis Graecus 121, nebst einer Abhandlung über den Stadiasmus maris magni von O. Cuntz. Mit einer Abbildung im Text und 5 Tafeln*: VI, 268 стр. Leipzig, J. C. Hinrichs, 1906.

не сохранилъ упоминанія о датѣ Рождества Христова, но въ латинскихъ версіяхъ мы находимъ слѣдующее: *Fiunt vero ab Adam usque ad nativitatum domini nostri Iesu Christi anni V milia quingenti*¹. Подобная датировка находится и въ другомъ сочиненіи Ипполита, а именно въ его комментаріи къ пророку Даніилу².

Теперь обратимся къ Епифанію. Сомнѣнія не можетъ быть въ томъ, что Кириллъ имѣетъ въ виду извѣстнаго ученаго и церковнаго борца Епифанія, епископа города Констанція (Саламиды) на островѣ Кипрѣ³. Насколько мнѣ извѣстно, Епифанію не приписывается никакихъ хронологическихъ сочиненій. Епифаній, однако, часто сообщаетъ въ трудахъ своихъ хронологическія данныя, которыя доказываютъ, что онъ былъ знакомъ съ хронографическими сочиненіями. Бауеръ доказываетъ⁴, что Епифаній, по всей вѣроятности, не пользовался хроникой Ипполита; сходство, замѣчаемое тамъ и сямъ между Епифаніемъ и Ипполитомъ, объясняется скорѣе тѣмъ, что Епифаній пользовался матеріалами, на которыхъ Ипполитъ осно-

¹ Это изъ *Excerpta Barbari* (C. Frick, *Chronica Minora*, 1. 338.15-16 = Mommsen, *Chr. Min.* I, 278). *Liber Generationis* даетъ 5502-й годъ. *Bar-Hebraeus* (ed. Bruns et Kirsch, p. 49) говоритъ: *secundum Hippolytum.... 5500*. Относительно того, какой былъ на самомъ дѣлѣ годъ Рождества Христова въ Ипполитовой хроникѣ въ ея первоначальномъ видѣ, имѣется весьма богатая литература, такъ какъ вопросъ этотъ — очень спорный. Последняя статья по этому поводу (тамъ указана и литература) принадлежитъ перу свящ. Д. Лебедева (ХрЧт, 1915, янв., 77—96), День Рождества Христова по хронологіи св. Ипполита римскаго. Оказывается, что дѣйствительно Ипполитъ опредѣлилъ Рождество Христово въ лѣто 5502-е отъ сотворенія міра, судя по замѣткѣ въ его таблицѣ пасхальныхъ датъ, начерченной на его статуѣ. Однако, младшіе компиляторы, воспользовавшіеся его сочиненіемъ, подсчитали пасхальныя разницы, и добились результата — 5500 г. (ср. H. Gelzer, l. c., 2. 1. 20). Дѣло имѣетъ для насъ значеніе въ томъ отношеніи, что самъ фактъ существованія ссылки на Ипполита у Кирилла свидѣтельствуетъ, что послѣдній черпалъ свои свѣдѣнія, какъ мы и увидимъ потомъ, не прямо изъ подлиннаго сочиненія Ипполита, а изъ какой-нибудь хроники, авторъ которой имѣлъ дѣло съ Ипполитовой хроникой въ уже исправленномъ видѣ.

² Ср. *Hippolyti Romani praeter canonem paschalem fragmenta chronologica*, у Frick, l. c., стр. 449, fr. 22: *Hippolyti ed. de Lagarde 153. 12=PG. X. 645 A. 'H γάρ πρώτη παρουσία τοῦ κυρίου ἡμῶν ἡ ἑνσαρκος ἐν Βηθλεὲμ ἐπὶ Αὐγούστου γεγένηται πεντακισχίλιοιστῶ καὶ πεντακοσιοστῶ ἔτει, ἑπταδὲ δὲ ἔτει τριακοστῶ τρίτῳ*. Тотъ же самый отрывокъ по-сирійски у Pitra, *Anal. Sacra* IV. 320. Кроме этого, имѣется еще болѣе подробное опредѣленіе (Frick, l. c., стр. 453, изъ книги E. Bratke, стр. 18, 35, *Das neuentdeckte vierte Buch d. Daniel-Kommentars von Hippolytus*, Bonn, F. Cohen 1891): *οἱ χρόνοι ἀπὸ καταβολῆς κόσμου ἀπὸ Ἀδὰμ ἀριθμούμενοι εὐδῆλα ἡμῖν παριστῶσι τὰ ζητούμενα. 'H γάρ πρώτη παρουσία τοῦ κυρίου ἡμῶν ἡ ἑνσαρκος, ἐν ἣ γεγένηται ἐν Βηθλεὲμ, ἐγένετο πρὸ ὀκτῶ καλανδῶν Ἰαννουαρίων, ἡμέρα τετράδι, βασιλεύοντος Αὐγούστου τεσσαρκοστὸν καὶ δεύτερον ἔτος, ἀπὸ δὲ Ἀδὰμ πεντακισχίλιοιστῶ καὶ πεντακοσιοστῶ ἔτει*. Повидимому, эти датировки также передѣланы.

³ См. литературу о немъ у Bardenhewer's *Gesch. d. alt-chr. Lit.* 3 (1912), стр. 293 слз.

⁴ l. c., стр. 163—167.

вывалъ свою хронпку. Разница въ подробностяхъ слишкомъ велика, чтобы допустить непосредственное списываніе.

Въ одномъ мѣстѣ Епифаній весьма подробно разбираетъ преданія о времени Рождества Господня, причемъ онъ приводитъ списокъ консуловъ за время жизни Спасителя, обнимающій часть царствованій Августа и Ти-верія¹. Онъ устанавливаетъ фактъ, что Рождество Господне произошло въ 42-мъ году царствованія Августа, и говорятъ объ этомъ еще въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій². Датировокъ по годамъ отъ сотворенія міра онъ, кажется, не даетъ. Относительно Мани, онъ говоритъ: *ὁμοῦ ἀπὸ ἀναλήψεως Χριστοῦ ἕως τοῦ Μάνη καὶ Αὐρηλιανοῦ καὶ Πρόβου βασιλέων ἔτη σοξ', κατὰ τινὰς χρονογράφους, κατὰ δὲ ἄλλους σμς'*³. Если мы хотимъ отнести упоми-наніе Кирилла объ Епифаніи къ способу исчисленія времени по годамъ отъ Рождества Христова, то, пожалуй, мы можемъ сослаться именно на это мѣсто у Епифанія; но если это упоминаніе относится ко всей формулѣ, то тогда у насъ достаточныхъ данныхъ нѣтъ, чтобы подтвердить ссылку Ки-рилла. Какъ мы увидимъ ниже, кажется гораздо болѣе вѣроятнымъ, что Кириллъ извлекъ это мѣсто цѣликомъ изъ какой-нибудь другой хроники.

Перейдемъ теперь къ третьему имени—«Ирону философу и мученику». Кто онъ такой, никто не знаетъ. Котелье⁴ съ большимъ сомнѣніемъ вы-сказалъ предположеніе, что, быть можетъ, рѣчь здѣсь идетъ о томъ Максимѣ, которому посвящена 26-я бесѣда Григорія Назіанзина⁵. Рѣчь эта озаглавлена въ рукописяхъ: *Εἰς Ἡρώνα τὸν φιλόσοφον*; но Иеронимъ въ своемъ трудѣ *de viris illustribus*⁶ отмѣчаетъ, что нѣкоторые неправильно связываютъ имя Ирона съ этой рѣчью. Было нѣсколько лицъ, носившихъ имя Ирона, намъ извѣстных⁷. Однако, ни одинъ изъ нихъ не подходитъ, ни по времени, ни по занятію; Дюканжъ⁸ приводитъ ихъ всѣхъ, но ни-

¹ Adv. Haer. 51: Dind. 2. 485 слл.=PG. 41. 903 слл.

² De mens. et pond. Dind. 4, 1. 16,13-15; Adv. Haer. 51=PG. 41. 906 B, 937 C.

³ Adv. Haer. 66: Dind. 3. 40,25-26=PG. 42. 64 A.

⁴ Cotelerius, Monum. Eccl. Gr. II, 640 B—C.

⁵ PG. XXXV, 1198 слл.

⁶ Hieronymi de viris illustribus liber, ed. E. C. Richardson Lipsiae 1896 (TU, XIV, I), гл. CXVII, стр. 52,8-7: *Laudes Maximi Philosophi post exilium reversi, quem falso nomine quidam Herona superscripserunt, quia est et alius liber vituperationem eiusdem Maximi continens, quasi non licuerit eundem laudare et vituperare pro tempore. Про Максима онъ немного дальше такъ выражается (l. c., гл. CXXVII, стр. 54,7-9): Maximus philosophus, natus Alexandriae, Constantinopolim episcopus ordinatus et pulsus, insignem de fide adversus Arianos scripsit librum, quem Mediolani Gratiano principi dedit. Все это очень хорошо, но вѣдь мы не знаемъ, что этотъ самый Максимъ сочинялъ хронологическія работы.*

⁷ Списокъ ихъ приводится у Pauly-Wissowa, s. v. Heron, VII. 2 col. 992 слл. Seeck (sub || (2)) ничего новаго не даетъ.

⁸ Praefatio ad Chronicon Paschale, стр. 25 слл. Bonn.

кого не отождествляетъ съ занимающимъ насъ лицомъ. Каве¹ излагаетъ мнѣнія своихъ предшественниковъ, но ничего новаго не можетъ добавить.

Сопоставленіе именъ Ипполита, Епифанія и Ирона у Кирилла мнѣ показалось довольно страннымъ, и у меня зародилось подозрѣніе, не черпалъ ли Кириллъ это мѣсто уже готовымъ изъ какой-нибудь хроники? И мнѣ дѣйствительно удалось наткнуться на слѣдующее мѣсто у Георгія Синкелла²:
 τῷ αὐτῷ ἐφ' ἔτει ἀπὸ χτίσεως κόσμου πληρουμένου. . . . .
 τῇ ἐπιούσῃ κε' ἐγεννήθη ὁ Κύριος ἡμῶν καὶ θεὸς Ἰησοῦς ὁ Χριστός, ὁ μονογε-
 νῆς τοῦ θεοῦ υἱός, ἐν Βηθλεὲμ πόλει τῆς Ἰουδαίας, κατὰ τὸ μγ' ἔτος τῆς Αὐ-
 γούστου Ῥωμαίων Καίσαρος βασιλείας, ἐν ὑπατείᾳ Σουλπικίου Καμερίνου καὶ
 Γαίου Ποππαίου, ὡς ἐν ἀκριβέσι καὶ παλαιαῖς ἀντιγράφοις φέρεται. Ταῦτα οὐκ
 ἄφ' ἐαυτῶν συντετάχαμεν, ἀλλ' ἐκ τῶν παραδόσεων τοῦ μακαρίου ἀποστόλου
 καὶ ἀρχιεπισκόπου Ῥώμης Ἰππολύτου καὶ ἱερομάρτυρος Ἀννιανοῦ τε τοῦ ὁσιω-
 τάτου μοναχοῦ τοῦ συντάξαντος κύκλον (l. κυκλῶν, Gelzer,) ἱα' πασχάλια φλβ
 ἄμα σ/ολίοις ἀκριβέσι, καὶ Μαξίμου τοῦ ἀγιωτάτου μοναχοῦ καὶ φιλοσόφου
 μάρτυρος καὶ ὁμολογητοῦ καὶ μεγαλοδιδασκάλου τῆς ἐκκλησίας.

Приведенное мною мѣсто, я боюсь, скорѣе сбиваетъ съ толку чѣмъ разъясняетъ³. Вопросъ въ томъ: вся эта ученость принадлежитъ ли самому Синкеллу, или источнику его? Унгеръ⁴ и Гельцеръ⁵ доказывали, что нагроможденіе способовъ хронологическаго опредѣленія было свойственно Пандору. Анніанъ былъ значительно менѣе многословенъ. Я не берусь судить, имѣемъ ли мы дѣло здѣсь (кромѣ Анніана) съ Пандоромъ, но ясно одно — что Кириллъ и Синкеллъ восходятъ къ одному и тому же источнику — по всей вѣроятности, Анніану. Замѣтимъ мимоходомъ, что Кириллъ употребляетъ эру κατὰ τοὺς Ἀλεξανδρεῖς⁶. Почему появляется здѣсь Максимъ? Это очень странно, особенно въ связи съ вышеизложеннымъ, но я все-таки склоненъ думать, что мы имѣемъ здѣсь случайное совпаденіе. Максимъ у Синкелла, безъ всякаго сомнѣнія, — Максимъ Исповѣдникъ⁷.

¹ W. Cave. Scriptorum Ecclesiasticorum Historia Litteraria (Colón. Allobr., 1720), t. II, Dissertatio prima, стр. 172.

² 1. 596,10—597,15 Bonn.

³ Связь между этими двумя мѣстами уже была замѣчена Дюканжемъ, ср. Praef. ad. Chr. Pasch., 2. 27 Bonn.

⁴ Unger, G. F. Chronologie des Manetho (Berlin 1867), стр. 38.

⁵ Gelzer, H., Sextus Julius Africanus 2. 1, стр. 191 слл.

⁶ Ginzell, Handb. der Chron. 3. 289—291; чтобы получить дату по нашей эрѣ, надо прибавить 5492/3 съ даннаго числа.

⁷ Рѣчь идетъ о его Computus Ecclesiasticus PG. XIX, 1217—1280: М., по словамъ Дюканжа, славился, какъ исчислитель пасхальнаго времени среди грековъ, какъ Беда среди латинянъ (l. с., стр. 35).

Его имя появляется еще разъ у Синкелла¹. Приходится пока отказаться отъ отвѣта на поставленный выше вопросъ.

Приведемъ теперь запись къ переводу Сократа²:

Յամի վեցհազարերորդի երկեր-
որդի չորրորդի կենցաղում անցա-
ւորի որպէս ունի ժամանակա-
գրութիւն սուրբ Սոփի աւագ եկե-
ղեցի տիեզերական մայրաքաղաքին
կոստանդնուպաւսի: Եւ յեւթնհա-
րիւրերորդի չորրորդի ֆրիստոսի
գալստեանն և ի հարիւր քառասուն և
ի չորս թուականին, ի յիններորդումն
ընտիքտիոնին, յառաջնում մի թա-
գաւորութեանն եր'ր'որդ Ղեւոնի
ինքնաքալի Ազոստոսի թարգմանեաց
Փիլոն Տիրակացի . . . . .

«Въ лѣто шесть тысячъ двѣсти
четвертое жизни преходящаго (міра),
какъ имѣетъ лѣтосчисленіе (т. е.
по лѣтосчисленію) святая Софія,
старшая изъ церквей міровой сто-
лицы Константинополя, и въ семь-
сотъ четвертое пришествія Христа,
и въ сто сорокъ четвертое (армян-
скаго лѣтосчисленія) и въ девятый
индиктіона въ первый годъ царство-
ванія третьяго Льва, самодержца
Августа, перевелъ Филонъ Тирак-
скій . . . . .»³.

По моему, ясно, что переводчикъ, составляя эту запись, имѣлъ въ па-
мяти или передъ глазами шаблонъ Кирилловыхъ датировокъ. Сравнимъ ру-
брики обѣихъ записей:

Сократъ.

- a. Годъ отъ сотв. міра (по кон-
стантинопольскому лѣтосчисленію).
- b. Годъ отъ Р. Х.
- c. Индиктъ.
- d. Армянская эра.
- e. По годамъ императора.

Кириллъ.

- a. День и мѣсяцъ.
- b. Годъ отъ сотв. міра.
- c. Индиктъ.
- d. Годъ отъ Р. Х. (по Ипполиту,
Епифанію и Ирону).
- e. По консульству.
- f. По годамъ императора.

¹ 1. 577, 13-16 Вонп. Рѣчь идетъ о началѣ индикта — ἐν ᾧ καὶ ἡ ἰνδίκτος ἤτοι ἐπινέμησις ἐθεσπίσθη, ὡς ὁ μαχάριος ἐν τῷ περὶ τοῦ πάσχα λόγῳ. Мѣста, на которыхъ С. ссылается, нахо-
дятся у Максима, PG, XIX, 280 A: ἐν ἔτει β' τῆς βασιλείας Αὐγουστοῦ Καίσαρος αἱ ἰνδίκτοι ἤρ-
ξαντο ψηφίζεσθαι, καὶ οἱ τῶν Ῥωμαίων μῆνες οὐ πρότερον ἢ κατ' ἐκείνο χαιροῦ πρὸς αὐτῶν ἐπι-
νοηθέντες· ἦν δὲ τῶν ἀπὸ Ἀδὰμ τὸ, εὐξ'; ἐν ἔτει μγ' αὐτοῦ γεννᾶται καθ' ἡμᾶς ὁ ὑπὲρ ἡμᾶς μονογε-
νὴς τοῦ Πατρὸς υἱὸς Ἰησοῦς Χριστός, καὶ φύσει γίγνεται δι' ἡμᾶς τέλειος ἄνθρωπος. ἦν δὲ τῶν ἀπὸ
Ἀδὰμ τὸ, εἴα'.

² Սոկրատի Առաւելագործի եկեղեցական պատմութիւն, Թարգմանեաց Փիլոն Տիրակացի
եւ Պատմութիւն վարուց Սրբոյն Սեղբեստրոսի եպիսկոպոսի Հասկմայ, Թարգմանեալ արքային
Գրիգորի Ձորափորեցւոյ, արշաւանդութեամբ Մ. վ. Յէր Մովսէսեան, Վաղարշապատ, 1897 թ.,
стр. 44.

³ Переводъ І. А. Орбели. Еп. Месропъ читаетъ եր'ր'որդ.

Переводчикъ Сократа опредѣленно говоритъ, что онъ устанавливаетъ годъ по константинопольскому лѣтосчисленію, т. е. по хроникѣ св. Софіи¹. Кириллъ же употребляетъ такъ называемую александрійскую эру, какъ мы видѣли выше². Первое появленіе константинопольской эры относится къ началу VII-го вѣка, и находится въ пасхальной хроникѣ. Эта эра, однако, отличается отъ обыкновенной византійской эры: годы по Р. Х. исчисляются отъ 1-го марта 5509 вмѣсто 1-го сентября 5509³. Первые два случая употребленія рядовой эры относятся какъ разъ къ послѣднему десятилѣтію VII-го столѣтія⁴. Чтобы получить дату по нашей эрѣ изъ года отъ сотв. міра мы должны отнять 5509—8⁵ отъ даннаго числа=1 Сент. 695 г. — 31 Авг. 696 г. Тогда, однако, годы по Р. Х. не подходятъ. Почему? Потому, что, по моему, мы имѣемъ здѣсь lapsus calami со стороны автора записи. Армянскій переводчикъ имѣлъ въ виду шаблонъ Кирилла, замѣтивъ, что годъ по Р. Х. получается Кирилломъ сбавленіемъ 5500 лѣтъ, онъ и въ этомъ случаѣ такъ поступаетъ.

Вполнѣ понятно, что этимъ и не рѣшаются всѣ трудности данной записи. 144-й годъ армянской эры=695 г. по Р. Х. Конечно, можно предположить, вмѣстѣ съ І. А. Орбели⁶, что эта часть датировки — позднѣйшая вставка. «Третьяго Льва», однако, дѣйствительно смущаетъ. На самомъ дѣлѣ такой способъ обращенія къ живому Августу — просто немислимъ. Если же мы будемъ держаться датировки, то будемъ принуждены читать ՂԵԼԼԻ, Ġevond—Леонтія, вмѣсто ՂԵԼԼ, Ġevon—Льва, какъ уже дѣлалъ преосв. Месропъ⁷. І. А. Орбели относится скептически къ поправкѣ⁸: но этотъ скепсисъ вытекаетъ изъ его мнѣнія обо всей записи. Если она въ корнѣ своемъ подлинна, какъ мнѣ кажется, то мы имѣемъ право предложить тѣ поправки, которыя кажутся намъ нужными, но и вмѣстѣ съ тѣмъ мы обязаны сократить ихъ число до минимума. И тутъ отмѣтимъ, во-первыхъ, что имя Леонтія является исключеніемъ среди римскихъ царей, а Львовъ было нѣсколько; во-вторыхъ, въ армянскомъ шрифтѣ ничто не смѣшивается такъ легко какъ буквы զ Զ g и զ Զ d. Положимъ, что ՂԵԼԼԻ

¹ Ср. Gelzer, н. с., II, 1. 150.

² Ср. также Du Cange, Praef. ad. Chr. Pasch. 2. 29 слл. Bonn.

³ Ср. Gelzer, н. с., II, 1, 138 слл. Krumbacher, GBL². 337/339.

⁴ Они суть: въ дѣяніяхъ трулльскаго собора (Ματθι XII. Col. 50)—691 г.; надпись изъ Аемниъ, С. I. G. N. 9350. Μ(ηνὶ) ὀκτω(βρίῳ) καὶ ἡμέρῃ δ' ἑνδ(εκατηῶνος) ζ' ἐτελειώθη Ἀνδρέας ὁ ἀγιώ-τ(ατος) ἡμῶ(ν) ἐπίσ(ο)π(ος), ἔτους 583' (6202=694 г.), ср. Ginzell, н. с. III, 297.

⁵ Ср. Ginzell, н. с. III, 290 слл.

⁶ Н. с., стр. 304 прим.

⁷ Н. с., стр. 24.

⁸ Н. с., стр. 304 прим.

Христіанскій Востокъ.

искажалось въ $\eta\epsilon\lambda\epsilon\gamma$: слѣдующій писецъ принялъ бы η какъ числительное, — то мы сейчасъ и получаемъ *Льва Третьяго*.

Я, конечно, вполне сознаю, что путь исправленія вообще весьма скользокъ, и поэтому не настаиваю на второй части разбора записи. Мнѣ лишь хотѣлось доказать, что возможно спасти подлинность записи, отчасти путемъ толкованія, отчасти же при помощи маленькаго, палеографически легко объясняемаго исправленія, причемъ я отнюдь не отрицаю возможности позднѣйшихъ передѣлокъ. Что касается, однако, до датировки по годамъ по Рождествѣ Христовѣ, то приведенные мною тексты вполне подтверждаютъ существованіе таковой на христіанскомъ Востокѣ въ указанное время.

Теперь возникаетъ другой вопросъ: можемъ ли мы, на основаніи вышеизложеннаго, вывести заключеніе, что армянскій переводчикъ принадлежалъ къ армянской колоніи въ Саввинской лаврѣ? Мнѣ думается, что нельзя. Въ этомъ отношеніи крайне поучительно сравненіе записи армянина и датировки Стефана Мансура съ Кирилловыми опредѣленіями. Послѣдній не исчисляетъ времени по годамъ императоровъ, хотя въ то время, когда онъ писалъ свою повѣсть¹, православная Ирина сидѣла на константинопольскомъ престолѣ. Тотъ фактъ, что переводчикъ указываетъ на константинопольскую эру, убѣдительно, по моему, доказываетъ, что онъ находился въ предѣлахъ Имперіи². Что онъ хорошо зналъ составленныя Кирилломъ житія, — не странно, ибо самъ Евѣмій былъ армянинъ³, и Кириллъ говоритъ про Іоанна Молчальника, что ходилъ среди грековъ и среди армянъ много разсказовъ о его родителяхъ⁴. Другіе изъ саввинскихъ подвижниковъ были изъ армянъ⁵, и о существованіи армянской колоніи въ самой лаврѣ хорошо извѣстно. Конечно, не исключается возможность того, что самъ Филонъ Тиракскій побывалъ тамъ, но мы не располагаемъ никакими данными по этому поводу.

Р. П. Блэйнъ.

¹ Видно изъ самаго текста, что Житіе написано немного спустя послѣ нападенія.

² Или, по крайней мѣрѣ, въ мѣстности, гдѣ константинопольское вліяніе было преобладающимъ.

³ *Analecta Graeca*. I, стр. 6: πατρίδα καὶ οἴκησιν ἔχοντων Μελετήνην τὴν τῶν Ἀρμενίων περιφανῇ μητρόπολιν.

⁴ *AA.SS. Maii* III, стр. 16 В' *Ἰωάννης* ὁρμάται μὲν ἐκ τῆς κατὰ Ἀρμενίων Νικοπόλεως, γονεῶν γεγονώς Ἐγκρατίου καὶ Εὐφημίας ὀνομαζομένων, πλουτῶ δὲ καὶ περιφανείᾳ γένους κομούντων, καὶ ἐν πολλαῖς ἀρχαῖς πολιτικαῖς διαπρεφάντων, ἐν τε στρατηγίαις καὶ δημαγωγίαις καὶ δυναστείαις ἐν βασιλείαις αὐταῖς: περὶ ὧν πλεῖστα προβάλλονται διηγήματα καὶ κατορθώματα οἱ τε Βυζαντίων παῖδες καὶ Ἀρμενίων.

⁵ Ср. Житіе св. Саввы, *Cotelerius*, I. c., III, стр. 264—5.

О переводѣ Библии на арабскій языкъ при халифѣ ал-Ма'мунѣ.

Въ богатой разнообразными матеріалами работѣ В. В. Бартольда: «Къ вопросу о сабіяхъ»¹ есть не мало деталей, будящихъ мысль у всѣхъ, кто можетъ интересоваться какъ исторіей возникновенія ислама, такъ и всей пестрой культурной жизнью халифата въ эпоху 'аббасидовъ. Къ числу такихъ деталей, которыя и раньше уже привлекали вниманіе автора настоящей замѣтки, относится упоминаніе про переводчика одной религіозной книги сабіевъ². Дѣло въ томъ, что съ именемъ этого переводчика — Ахмеда-ибн-'Абдаллāха-ибн-Селāма — связывается въ то же время и переводъ всей Библии на арабскій языкъ. Хотя на этотъ фактъ обращено вниманіе даже и въ популярномъ сводѣ³, но въ выводѣ вкралось довольно крупное недоразумѣніе, и поэтому вопросъ заслуживаетъ нѣкотораго пересмотра. Источникомъ этого свѣдѣнія является то же самое мѣсто *ал-Фихриста*, которое говоритъ о сабейской книгѣ⁴. Такъ какъ сколько-нибудь детальнаго анализа его, повидимому, не существуетъ, то я начну свои соображенія съ перевода основного отрывка, тѣмъ болѣе что нѣмецкій переводъ Sprenger'a⁵ въ настоящее время почти позабытъ.

«Говорилъ Мухаммед-ибн-Исхāкъ⁶. Я читалъ въ попавшейся мнѣ книгѣ стараго письма, похожей на происходящія изъ сокровищницы ал-Ма'мūна, что переводчикъ упоминалъ имена «свитковъ» и число ихъ, ниспосланные книги и количество ихъ, какъ тому вѣритъ и считаетъ догматомъ

---

¹ Отд. отд. изъ «Мусульманскаго міра» за 1917 годъ, годъ I, вып. 1 (Всѣ русскіе востоковѣды, конечно, съ грустью узнали, что уже второй разъ русскій научный органъ по исламовѣдѣнію долженъ прекратить свое существованіе на первомъ году изданія).

² Op. cit. 11.

³ A. Baumstark, Die christlichen Litteraturen des Orients — II, Lpz. 1911, стр. 12—13.

⁴ Изд. Flügel'я 21,38—22,15.

⁵ Das Leben und die Lehre des Mohammad — I, 46 сл.

⁶ Авторъ *ал-Фихриста*.

большинство хашвитовъ¹ и простонародія. Изъ этого я рѣшилъ упомянуть то, что связано съ моей настоящей книгой. Вотъ повтореніе нужнаго изъ этого съ сохраненіемъ выраженій самой книги.

Говорилъ Ахмед-ибн-'Абдаллах-ибн-Селамъ, кліентъ эмира правовѣрныхъ Хārūна — я полагаю ар-Рашīда. Я перевелъ эту книгу изъ книги ханіфовъ, они же сабіи авраамовскіе, которые вѣровали въ Авраама — да будетъ ему миръ — и сохранили его «свитки», ниспосланные ему Аллахомъ. Книга эта очень длинна, но я извлекъ изъ нея самое необходимое, чтобы сдѣлать извѣстной причину упомянутыхъ мной ихъ различій и раздѣленій. Я присоединилъ къ этому необходимые доводы объ этомъ изъ Корана и преданій, которыя передаются со словъ посланника — да будетъ надъ нимъ благословеніе Аллаха и его привѣтъ, — со словъ его сподвижниковъ и принявшихъ исламъ людей писанія, какъ 'Абдаллах-ибн-Селамъ, Йамин-ибн-Йаминъ, Вахб-ибн-Мунаббихъ, Кя'бъ ал-ахбаръ, Ибнат-Таййаханъ и Бахйра монахъ².

Говорилъ Ахмед-ибн-'Абдаллах-ибн-Селамъ. Я перевелъ начало этой книги, «свитки», тору, Евангеліе, книги пророковъ и учениковъ съ языка еврейскаго, греческаго и сабейскаго — а это языкъ послѣдователей каждой изъ этихъ книгъ — на языкъ арабскій буквально, не стремясь при этомъ къ улучшенію выраженій или къ разукрашиванію изъ боязни исказить. Къ найденному мной въ книгѣ, которую я переводилъ, я не прибавлялъ ничего и не убавлялъ за исключеніемъ нѣкоторыхъ выраженій, которыя ставятся впереди на языкѣ послѣдователей этой книги, но при переводѣ на арабскій словесная форма будетъ неправильной, если ихъ не отодвинуть назадъ, или тѣхъ, которыя ставятся позади, но будутъ неправильны, если не поставитъ впередъ, чтобы выраженіе стало возможнымъ по-арабски. Примѣромъ этого могутъ служить слова говорящаго *'ēt māyim tēn*³, переводъ которыхъ по арабски будетъ *mā'a* xāti*, но я ставилъ позади *mā'a**, а впереди *xāti*. То же и въ прочихъ языкахъ въ случаяхъ, требующихъ исправленія при передачѣ на арабскій. У Аллаха я прошу защиты отъ того, чтобы не прибавить чего-нибудь въ этомъ, иначе какъ такимъ путемъ, про который я упомянулъ и разъяснилъ въ этой книгѣ».

¹ Хашвиты الحشوية — сторонники крайнихъ антропоморфическихъ теченій въ мусульманскомъ преданіи (см. *Enzyklopaedie des Islām* — II, 304).

² Традиціонныя свѣдѣнія о большинствѣ этихъ лицъ собраны у Sprenger'a, *op. cit.*, I, 54—55.

³ Въ текстѣ сильно искаженная арабская транскрипція еврейской фразы *יָד בְּיָד לַמַּיִם* (дай воды), восстановленной издателемъ.

Дальше авторъ *ал-Фихриста* приводитъ изъ той же книги фактическія свѣдѣнія о числѣ пророковъ и ниспосланныхъ имъ свыше книгъ¹ съ легендой о зеленыхъ скрижаляхъ торы (22,15-28). Другихъ упоминаній объ Ахмедѣ въ *ал-Фихристѣ*, судя по указателю, нѣтъ.

Оставляя въ сторонѣ всѣ апокрифическія подробности этого сообщенія и не затрагивая вопроса о «свиткахъ», часто всплывающихъ въ мусульманской богословской и легендарной литературѣ², мы возьмемъ только самый фактъ упоминанія про переводъ Ветхаго («тора» и «пророки») и Новаго Завета («Евангеліе» и «ученики»), равно какъ личность переводчика.

Съ внѣшней стороны нѣтъ особыхъ основаній заподозривать это сообщеніе автора *ал-Фихриста*. Сочиненіе, составленіе котораго относится приблизительно къ 377/987 году, до сихъ поръ остается однимъ изъ главнѣйшихъ нашихъ источниковъ для знакомства съ арабской наукой и литературой до половины X вѣка. Отношеніе автора къ своимъ источникамъ, характерно сказывающееся и въ переведенномъ отрывкѣ, вообще стоитъ на извѣстномъ уровнѣ критичности³. Его извѣстіе о старой рукописи изъ «сокровищницы» ал-Ма'мұна (813—833 г.) само по себѣ носитъ нѣкоторые признаки вѣроятія. «Сокровищницу» можно сопоставить безъ особыхъ натяжекъ съ тѣмъ «домомъ мудрости» (*бейт-ал-хикма*), основаніе котораго въ Багдадѣ связывается обыкновенно съ его именемъ, хотя по нѣкоторымъ сообщеніямъ онъ существовалъ уже при Хārūn-ар-Рашидѣ. Одной изъ функций этого «дома мудрости» было именно сниманіе копій съ цѣнныхъ сочиненій⁴.

Переходя къ анализу внутренней стороны этого сообщенія, надо отмѣтить прежде всего, что оно является упоминаніемъ о первомъ по времени *полномъ* переводѣ Библіи, какъ уже указалъ Baumstark въ упомянутомъ мѣстѣ. Едва ли, конечно, нужно идти такъ далеко за послѣднимъ, чтобы второй примѣръ отодвигать до XVII вѣка, когда маронитскій митрополитъ Сергій ар-Риззй далъ полный переводъ на основаніи вульгаты, тогда же изданный въ Римѣ (1671 г.). Не моложе XI вѣка хотя бы та рукопись трехтомной арабской Библіи, которая была поднесена антиохійскимъ патріар-

¹ Излюбленная тема мусульманскаго богословія (ср. В. Бартольдъ, *Исламъ*, II. 1917, стр. 77).

² Ср. А. Шмидтъ въ ЗВО — XXIV, стр. 3. Изъ старыхъ изслѣдователей болѣе детально на этомъ вопросѣ останавливался Sprenger, *op. cit.* I, 49—60.

³ Ср. отзывъ объ этомъ сочиненіи у историка арабской астрономіи Nallino въ его каирскихъ лекціяхъ *علم الفلك تأريخه عند العرب في القرون الوسطى*, Римъ 1911, стр. 49.

⁴ См., напр., *ал-Фихристъ* 105,24: *وكان . . . ينسخ في بيت الحكمة للرشييد والمأمون والبرامكة*.

хомъ Григоріемъ вмѣстѣ съ другими книгами бывшему императору Николаю II и находилась въ Зимнемъ Дворцѣ. Возможно, конечно, что она составлена изъ текстовъ разнороднаго происхожденія, но объединеніе ихъ въ одинъ сводъ однимъ лицомъ заставляетъ предполагать если не однородный источникъ, то во всякомъ случаѣ нѣкоторую редакторскую работу.

Вторымъ важнымъ пунктомъ сообщенія является установленіе болѣе или менѣе *точной* даты перваго перевода — не позже халифата ал-Ма'мұна, т. е. первой половины IX вѣка, а быть можетъ даже второй VIII вѣка. Всѣ доступныя намъ данныя до сихъ поръ заставляютъ отодвигать эту дату до второй половины IX вѣка; всякія попытки найти болѣе раннія до сихъ поръ не увѣнчались успѣхомъ. Изъ такихъ попытокъ наиболѣе извѣстны двѣ: одна давно сдана въ архивъ, другая выдвинута недавно вновь съ новыми важными данными. Первое сообщеніе, основанное на неточномъ толкованіи свѣдѣній латинскихъ лѣтописей, говоритъ о переводѣ Библии на арабскій съ латинскаго епископомъ Іоанномъ севильскимъ въ 737 году. Это сообщеніе считалось аксіомой почти во всѣхъ общихъ курсахъ срединны прошлаго вѣка¹ и было воспринято за таковую еще епископомъ Порфириемъ². Однако, послѣ того какъ истинная сущность латинскихъ извѣстій была разъяснена de Lagard'омъ³ и Gildmeister'омъ⁴, дѣятельность Іоанна севильскаго освѣщается правильно даже въ общихъ сводахъ⁵. Это, конечно, не мѣшаетъ старой легендѣ выплывать иногда еще и теперь въ работахъ, не считающихся со спеціальной литературой⁶.

Второе сообщеніе относится къ переводу Евангелія и переноситъ насть въ Сирію на вѣкъ раньше. Мусульманскій эмиръ 'Амръ приказалъ (яковитскому) патріарху Ханнѣ (631—648) перевести Евангеліе на арабскій языкъ, опустивъ упоминаніе про Иисуса Христа, крещеніе и крестъ. Когда патріархъ отказался измѣнить хоть іоту въ священномъ для него текстѣ, эмиръ, пораженный его твердостью, сказалъ: «Иди и пиши, какъ знаешь»⁷. Источникомъ этого разсказа для большинства писавшихъ объ арабскихъ переводахъ Евангелій служилъ Бар-Гебрей⁸. Его свѣдѣнія заимство-

¹ Напр., Hug, Einleitung in die Schriften des neuen Testaments, I⁴, Stuttgart 1847, 325.

² Книга бытія моего — III, 325.

³ Die vier Evangelien arabisch, Lpz. 1864, XI—XVI.

⁴ De Evangelii in arabicum e simplicis syriaco translatis, Bonnae 1865, 42—48.

⁵ Напр., Nestle въ Realencyklopaedie für protestantische Theologie und Kirche — III, 1897, 91 или Coussen, Beiträge zur christlich-arabischen Literaturgeschichte, Heft IV, Lpz. 1909, 17—18.

⁶ Ж. Зейдъянъ تاریخ آداب اللغة العربية IV, Каиръ 1914, 222—223.

⁷ См., напр., G. Graf, Die christlich-arabische Literatur, Freiburg 1905, стр. 4.

⁸ Chron. eccles., изд. Abbeloos et Lamy, I, 275.

ваны несомнѣнно у Михаила Сирійца, говорящаго вполне опредѣленно объ исполненномъ послѣ этого разговора переводѣ Евангелія¹. Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что оба они — и Бар-Гебрей (ум. 1286) и Михаилъ Сиріецъ (ум. 1169) — авторы достаточно поздніе по отношенію къ описываемому событію, оба — яковиты и, быть можетъ, придали опредѣленную окраску сообщенію *ad majorem Jacobitarum gloriam*. Мысль объ этомъ возникаетъ потому, что самый фактъ бесѣды эмира съ патріархомъ нашелъ себѣ недавно неожиданное подтвержденіе въ одной сирійской рукописи 874 года, изданной и анализированной аббатомъ F. Nau въ 1915 году². Она даетъ, конечно, гораздо болѣе твердую почву для сужденій о зависящихъ, вѣроятно, отъ того же источника показаніяхъ Михаила и Бар-Гебрея. На основаніи этой рукописи Nau устанавливаетъ точную дату диспута — 9 мая 639 года³; въ эмирѣ онъ хочетъ видѣть извѣстнаго завоевателя Египта 'Амра-ибн-ал-'Аса⁴. Патріарху приходилось демонстрировать во время собесѣдованія греческій и сирійскій текстъ Евангелія⁵, такъ какъ арабскаго по заключенію Nau не было⁶. Отсюда онъ дѣлаетъ очень смѣлый выводъ о томъ, что переводъ и былъ исполненъ именно въ 639 году⁷. Но нужно отмѣтить, что для этого послѣдняго заключенія вновь изданная рукопись не даетъ никакихъ основаній, такъ какъ послѣднія слова Михаила Сирійца — объ исполненномъ переводѣ — не находятъ въ ней подтвержденія. Такимъ образомъ, новое свидѣтельство, несмотря на его первостепенную важность, все же не даетъ возможности отнести переводъ Евангелій на арабскій языкъ къ первой половинѣ VII вѣка.

Болѣе твердые опорные пункты для датировки мы получаемъ, какъ я отмѣтилъ, только во второй половинѣ IX вѣка. Именно, къ этому времени относятся древнѣйшія датированныя рукописи съ отрывками переводовъ какъ каноническихъ, такъ и не каноническихъ книгъ священнаго писанія. Полнаго перевода этого времени пока не найдено, но возможность его суще-

¹ Изд. Chabot II, 431—432. Ср. Caetani, *Annali dell' Islām* — III, Roma 1910, стр. 942—943.

² Un colloque du Patriarche Jean avec l'émir des Agariens et faits divers des années 712 à 716 d'après le Ms du British Museum Add. 17193 (JA, серія 11, т. V, 1915, стр. 225—271).

³ 227, прим. 3, 257, прим. 4.

⁴ 227, прим. 1. У Бар-Гебрея и Михаила Сирійца имя эмира 'Амр-ибн-Са'дъ, не находящее себѣ подтвержденія въ мусульманскихъ источникахъ (ср. Caetani, *op. cit.* III, 943, прим. 1).

⁵ Nau, *op. cit.* 233, 235.

⁶ Ibid. 257, прим. 5, 261, прим. 1.

⁷ Ib. 240, 257, прим. 5.

ствованія доказывается самымъ количествомъ и разнообразіемъ переводовъ отдѣльных частей. Изслѣдованіе текста исторіи мусульманина ал-Йа'қубъи (ум. 891) дало возможность установить, что въ его распоряженіи былъ еще другой переводъ Евангелій съ сирійскаго на арабскій помимо того, который намъ извѣстенъ¹. Въ эту же эпоху, наконецъ, переводъ связывается съ именами опредѣленныхъ лицъ: такъ говорится, что переводъ текста 70 толковниковъ далъ между прочимъ Хунейн-ибн-Исхакъ², извѣстный ученый этого времени.

Такимъ образомъ, важность сообщенія *ал-Фихриста* не можетъ подлежать сомнѣнію: оно отодвигаетъ дату перевода, и при томъ полного, по меньшей мѣрѣ на полвѣка назадъ. Остается только обратиться къ проверкѣ достовѣрности сообщенія съ внутренней стороны, для чего къ сожалѣнію у насъ нѣтъ никакихъ источниковъ, кромѣ упомянутого мѣста въ *ал-Фихристѣ*³. Сообщение о переводѣ съ еврейскаго подтверждается въ текстѣ коротенькимъ примѣромъ, который въ возстановленномъ издателями видѣ представляетъ правильное еврейское выраженіе; нѣсколько страннымъ кажется то, что именно этой фразы въ Библии нѣтъ⁴. Конечно, не исключена возможность, что переводчикъ взялъ первый попавшійся ему примѣръ, чтобы не подыскивать въ священномъ текстѣ подтверждающій его мысль случай. Съ личностью переводчика въ европейской наукѣ произошло крупное недоразумѣніе, уже закрѣпленное и въ популярномъ обзорѣ Baumstark'a⁵. Называя его по недосмотру 'Абдаллах-ибн-Селамъ съ опущеніемъ имени Ахмедъ⁶, онъ считаетъ его «сыномъ умершаго въ 663 году, принявшаго исламъ еврея», вѣроятно повторивъ ошибочное заключеніе Nestle⁷, который и самый переводъ относилъ поэтому ко второй половинѣ VII вѣка. Изъ приведеннаго отрывка *ал-Фихриста* недоразумѣніе дѣлается совершенно понятнымъ: совпаденіе имени отца переводчика съ именемъ извѣст-

¹ См. Klamroth, Der Auszug aus den Evangelien bei den arabischen Historiker al-Ja'qūbi, Hamburg 1895 (Festschrift der Wilhelm-Gymn., стр. 117—128).

² Ал-Мис'удъ كتاب التنبيه والإشراف (BGA, т. VIII) 112,15-17. Ср. Saïga de Vaux, Maçoudi, Le livre de l'avertissement et de la revision, Paris 1896, стр. 159.

³ Sprenger, op. cit. I, 56, прим. 1 сопоставляетъ Ахмеда-ибн-'Абдаллаха съ нѣкимъ Ахмедомъ ибн-'Абдаллахомъ ал-Инджили (=евангелистомъ), главнымъ источникомъ Ибн-ал-Мунаджжима (ок. 231/845—846 г.), но основанія для этого и теперь такъ же шатки, какъ въ 60-хъ годахъ.

⁴ *Ал-Фихристъ* II, 12 къ стр. 22, прим. 5.

⁵ Op. cit. II, 12.

⁶ Та же неточность у Зейдана, op. cit. IV, 222, хотя имъ приводится и вѣрная форма II, 155.

⁷ Realencyclopaedie etc. III, 91.

наго ученаго мусульманина изъ евреевъ, упоминаемаго имъ въ качествѣ источника, побудило принять ихъ за одно и то же лицо¹. Отъ такого сопоставленія наотрѣзъ заставляеть, конечно, отказаться хронологическая несообразность: сынъ умершаго въ 663 году человѣка не могъ быть кліентомъ Хārūна-ар-Рашīда, правившаго халифатомъ болѣе ста лѣтъ спустя. 'Абдаллāх-ибн-Селāmъ, дѣйствительно, представляетъ личность очень известную въ исторіи первоначальнаго ислама. Родомъ изъ мединскихъ евреевъ² онъ является ученымъ такого же типа, какъ Кя'бъ ал-ахбārъ или Вахб-ибн-Мунаббихъ³, вмѣстѣ съ ними онъ служитъ однимъ изъ источниковъ ранняго мусульманскаго экзегеза⁴. Что переводчикъ Ахмедъ не былъ его сыномъ — это несомнѣнно, но не исключена возможность, что онъ былъ его потомкомъ. Объ этомъ говоритъ его знакомство съ еврейскимъ языкомъ, почти не встрѣчающееся у чистокровныхъ арабовъ-мусульманъ, и совпаденіе именъ, быть можетъ, сохранявшихся по традиціи въ родѣ, какъ бываеетъ иногда въ мусульманскихъ фамиліяхъ.

Признавая переводъ Ахмеда, повидимому, за несомнѣнный фактъ, Baumstark пишетъ⁵: «Мы, однако, не въ состояніи хоть какой либо сохранившійся арабскій текстъ какой бы то ни было библейской книги признать съ извѣстной опредѣленностью остаткомъ его создавшей эпоху работы». Если бы это произошло, тогда конечно свидѣтельство *ал-Фихриста* не могло бы вызывать никакихъ сомнѣній. Въ настоящій моментъ я хочу указать только на интересную параллельную деталь, которой обязанъ великому «соглядатаю востока» еп. Порфирію Успенскому. Въ вывезенномъ имъ съ Синая списокѣ рукописей монастыря св. Екатерины имѣется упоминаніе о такомъ кодексѣ⁶: «Книга тора—пять книгъ. Въ ней говорится: «Переведена⁷ эта тора съ языка еврейскаго на языкъ арабскій для 'Абдаллāха повелителя правовѣрныхъ ал-Ма'мūна въ Багдадѣ въ 205 году по годамъ арабовъ». Въ этой записи мы видимъ, такимъ образомъ, двоякую параллель къ сообщенію *ал-Фихриста* — во-первыхъ, упоминаніе про переводъ части

¹ Быть можетъ, стоитъ отмѣтить, что наука 900-хъ годовъ совершила такимъ образомъ ту ошибку, отъ которой предостерегалъ еще въ 60-хъ Sprenger, op. cit. I, 56.

² Н. А. Мѣдниковъ, Палестина (переводъ), стр. 1483.

³ Enzyklopaedie des Islām I, 32.

⁴ Goldziher, Islam fordom och nu, Stockholm 1915, стр. 42.

⁵ L. cit.

⁶ П. Сырку, Описаніе бумагъ епископа Порфирія Успенскаго, СПб. 1891, стр. 326.

№ 2: كتاب التوریه خمسة أسفار ويقول به نقله هذه التوریه من اللغة العبرانیة الى اللغة العربیة لعبد الله أمير المؤمنين المأمون ببغداد سنة ۲۰۵ من سنی العرب.

⁷ Въ арабскомъ текстѣ трехъ послѣднихъ словъ какое то искаженіе.

Ветхаго Завѣта съ еврейскаго, и, во-вторыхъ, указаніе на то, что онъ былъ исполненъ для халифа ал-Ма'мұна, въ 820—821 году¹. Конечно, это не даетъ еще права заключать, что на Синаѣ имѣлась именно версія Ахмед-ибн-'Абдаллāха, хотя совпаденіе въ двухъ несомнѣнно независимыхъ другъ отъ друга источникахъ въ высшей степени показательно. Во всякомъ случаѣ, и на основаніи этихъ скудныхъ данныхъ мы можемъ установить уже теперь съ несомнѣнностью тотъ фактъ, что при ал-Ма'мұнѣ Библия (или по меньшей мѣрѣ часть ея) дѣйствительно была переведена съ еврейскаго языка на арабскій. Этимъ самымъ повышается вѣроятность того, что переводчикомъ былъ именно упоминаемый въ *ал-Фихристѣ* Ахмед-ибн-'Абдаллāхъ. Если рукопись, видѣнная еп. Порфириемъ на Синаѣ сохранилась², то изслѣдованіе ея когда-либо покажетъ, не представляетъ ли она остатки этой работы Ахмеда. Это даетъ еще лишній поводъ вспомнить про заслуги еп. Порфирія, который съ большимъ проникновеніемъ съумѣлъ поставить нѣсколько вѣхъ для позднѣйшихъ изслѣдователей и въ области христианско-арабской письменности.

И. Крачковскій.

II. Апрель 1918.

---

¹ На основаніи этой записи у еп. Порфирія въ Книгѣ бытія моего — IV, 57 странный lapsus съ переводомъ даты на христианскую эру — «въ 205 году отъ Магомета (790 или 827 по Р. X.)»!

² Отсутствіе упоминанія о ней въ каталогъ Gibson не можетъ еще считаться окончательно рѣшающимъ фактомъ.

Фрагментъ крестнаго камня съ арабской надписью въ Тифлисѣ.

Извѣстный армянскій поэтъ-ученый Іоаннъ Ерзынкайскій въ предисловіи къ своему космографическому трактату¹ излагаетъ подробно обстоятельства, побудившія его изложить письменно это произведеніе, сложившееся, по смыслу словъ его творца, въ опредѣленной формѣ задолго до того, какъ оно было записано. Въ предисловіи этомъ сообщается:

Ի Թվին չիք պատահեաց զալ ի կողմանս Թագաւորութեան անապահ աշխարհիս վրաց ի հռչակաւոր և ի մեծ ի մայրաքաղաքն ի Տփլիս, Փայտակարան կոչեցեն ի գիրս պատմողաց: Եւ հանդիպեցաւ խաւսել մեզ բանս քարոզութեան ի գուռն եկեղեցւոյն՝ մեծապատիւ և խոհեմամիտ և մեծ իշխան հայոց՝ պարոն Քարիմատինին: Զոր շինեալ էր անասէր և բարիհոգի հայր նորա պարոն Ուէկն:

Եւ էր խաւսեցեալ բանն՝ յաղաղս երկնային շարժմանն:

«Въ лѣто 733 [1284] случилось (мнѣ) прибыть въ предѣлы сего богочраимаго царства страны грузинской, въ прославленную и великую столицу Тифлисъ, называемую въ историческихъ книгахъ Пайтакаранъ. И случилось намъ произнести слово проповѣди подѣ сѣнью церкви досточтимого и мудраго и великаго армянскаго князя, парона Каримадина, которую построилъ боголюбивый и блаженный отецъ его паронъ Омэкъ.

И было сказанное слово о небесномъ движеніи.

¹ Պատմութիւն զերկնային մարմանց շարժմանէ, զլուսաւորացն՝ որ ի նմա: Եւ զհասարակութեան երկրի. տեղական համառոտ և լի իմաստներով բանիւք: Нахичеванъ и/Д., 1792. Переводъ у Н. О. Эмина, Всеобщая исторія Вардана Великаго, Прилѣчанія, стр. 16—31. Текстъ предисловія напечатанъ и у Алишана, Հայագրութիւն, стр. 511.

Остальная часть записи для насъ сейчасъ не интересна.

Запись Іоанна, особенно приведенный отрывокъ изъ нея, чрезвычайно заинтересовала меня еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, тогда — какъ матеріалъ для исторіи Хаченскаго владѣтельнаго дома ¹. Лѣтомъ 1909 года я старался опредѣлить на мѣстѣ, въ Тифлисѣ, какая именно церковь могла бы подразумѣваться въ записи Іоанна, но совершенно отчаялся въ этомъ, такъ какъ всѣ тифлисскія армянскія церкви въ ихъ нынѣшнемъ видѣ казались слишкомъ поздними, въ томъ числѣ и наиболѣе подходящая по своему положенію въ старѣйшей части города церковь св. Георгія на Майданѣ. Къ сожалѣнію, я не обратилъ тогда должнаго вниманія на надпись о возобновленіи церкви въ 1832 г., вырѣзанную на камнѣ, вложенномъ въ западную часть сѣверной стѣны; начало же этой надписи читается такъ:

ԱՅՍ ԵԿԵՂԵՑԻ ՀԻՄԵՆԱԿ Է ՅՈՒԹՅՈՒՆ ԹՈՒՄԱԿԱՆԻ ՀԱՅՈՑ ԻՈՎ Ի ՀԱՅՐԱԿԵՑՈՒԹՅԱՆ
ՀԱՅՈՑ ՏԵՍԱՆ ԵՐԿՀԱՆԵՆԻ ԿՈՆՏԵՑԱԿ ԿԱՌՈՂԻԿԷ....

Эта церковь основана въ восьмидесятомъ году армянскаго лѣтосчисленія [631 г. по Р. Х.], а въ патріаршество армянъ владыки Іоанна возобновленъ соборъ....

Представившаяся было заманчивая возможность исправить нелѣпую и невозможную дату основанія церкви и извлечь изъ надписи истинную дату, XIII вѣка, была слишкомъ мало обоснована и слишкомъ соблазнительна и отъ нея пришлось отказаться, хотя поправка казалась очень вѣроятной, въ предположеніи, что дата построенія взята изъ древней надписи: *восемьдесятъ* въ цифровомъ начертаніи выражается буквой 2, а весьма сходная по формамъ буква 4 означаетъ *семьсотъ*; такимъ образомъ вмѣсто 631 года основанія церкви получался бы вполне подходящий къ сообщенію Іоанна Ерзынкайца и ко времени жизни Умека (Омэка) 1251 годъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, когда я почти отказался отъ надежды найти церковь Умека, въ старомъ журналѣ *Црк. гл.* мнѣ попалась статья «Описаніе города Тифлиса», содержащая настолько интересныя свѣдѣнія объ этой церкви, называемой *ԲԵՐԴԻ ՏԷԺ ԵԿԵՂԵՑԻ* *большая крестовная церковь*, что я позволю себѣ привести наиболѣе существенный отрывокъ ².

«Снаружи церкви, къ востоку (букв. «съ верхней стороны») отъ правой двери имѣется памятка (*յԻշտաւի*), вырѣзанная на камнѣ. Изъ этой памятки становится извѣстнымъ, что, во-первыхъ, названіе церкви было Соборная,

¹ Орбели, Асатъ Джалалъ, князь Хаченскій (ИАН, 1909), стр. 420.

² *Црк. гл.* (изд. въ Тифлисѣ), 1855, сентябрь, № 4, стр. 51.

во-вторыхъ, строителемъ былъ армянскій князь Оmekъ (*Ումէք*), въ-третьихъ, построение церкви было въ 700-омъ (2) году армянскаго лѣтосчисленія. Но эта запись, какъ видно, съ злымъ умысломъ повреждена. Новая запись — на той же стѣнѣ, къ западу (въ нижнюю сторону) отъ двери, и тамъ написано, что эта церковь построена въ 80-омъ (2) году; и, чтобы подтвердить эту послѣднюю дату и показать церковь болѣе древнею, тотъ несравненный памятникъ стерли»¹.

Лѣтомъ 1910 г. я еще разъ посѣтилъ церковь на Майданѣ и, слѣдуя указаніямъ этой статьи, болѣе внимательно осмотрѣлъ ее, но не нашелъ никакихъ слѣдовъ древней надписи, о которой говорилось въ этой статьѣ, если не считать гнѣзда въ стѣнѣ, оставшагося незаполненнымъ послѣ того, какъ изъ стѣны былъ извлеченъ одинъ камень кладки; нашлось, быть можетъ, и объясненіе окончательному исчезновенію цѣнныхъ остатковъ надписи: на аркѣ надъ сѣверной дверью читается надпись объ устроении этой двери въ мартѣ 1881 г., когда, вѣроятно, dokonчили начатое въ 1832 г. умышленное уничтоженіе надписи.

Въ это свое посѣщеніе церкви на Майданѣ я болѣе внимательно обошелъ и дворъ и ограду, надѣясь найти случайно сохранившіеся обломки надписи Умека. Ихъ я не нашелъ, зато обнаружился, я думаю, болѣе цѣнный памятникъ².

Въ новой кирпичной стѣнѣ, ограждающей дворъ церкви съ востока, съ внутренней стороны оказался обломокъ большого крестнаго камня изъ желтоватаго известняка (табл. I). Обломокъ, вложенный верхомъ внизъ, представляетъ собою верхній правый уголъ крестнаго камня; наибольшая ширина сохранившагося куска — 0,53 м., наибольшая высота — 0,44 м.

Отъ главнаго креста сохранилась лѣвая половина верхней части верхняго крыла и край верхней почки лѣваго крыла; рядомъ съ верхнимъ крыломъ большая рельефная розетка изъ плетенія; рельефное обрамленіе на боковой части было украшено растительнымъ плетеніемъ, а вверху — процвѣтшимъ крестикомъ того же точно типа, что главный крестъ; болѣе рельефная верхняя полоса обрамленія была оставлена гладкой, какъ и бываетъ обыкновенно на именныхъ крестныхъ камняхъ — для начертанія надписи.

¹ Стр. 51. Приведенному отрывку предшествуетъ сообщеніе о пребываніи въ этой церкви Агванской патріаршей и Ахпатской епископской кафедрѣ, а за нимъ слѣдуетъ изложеніе свѣдѣній записи Іоанна по Чамчянцу (III, 272).

² Къ другимъ памятникамъ, которые сохранились въ церкви и ея оградѣ, какъ и къ самой церкви и ея древнѣйшимъ формамъ, я надѣюсь вернуться въ близкомъ будущемъ, такъ же какъ и къ вопросу о связи этой церкви съ потомствомъ Умека и съ родомъ князей Аргутинскихъ-Долгорукихъ.

Ширина всей стелы точно опредѣляется сохранившейся частью, составляющей намного больше половины камня, — 1,00 м.; высота благодаря остаткамъ лѣваго крыла можетъ быть опредѣлена приблизительно въ 1,40 м.

Судя по формамъ почекъ и распѣта и по орнаментациі крестнаго камня — онъ не долженъ быть древнѣе второй половины XIII в. и едва ли новѣе начала XIV в., хотя, конечно, такое опредѣленіе въ известной мѣрѣ произвольно, такъ какъ у насъ нѣтъ сравнительнаго матеріала изъ Тифлиса или его ближайшихъ окрестностей.

Наиболѣе интереснымъ въ этомъ обломкѣ мнѣ показалось наличіе на верхней полосѣ обрамленія, т. е. именно тамъ, гдѣ подобаетъ быть ктиторской или поминальной надписи, — надписи арабскими буквами. Хотя буквы эти врѣзаны недостаточно глубоко по сравненію съ рѣзьбой всего креста и недостаточно «моументальны» по сравненію съ тѣми нормами, къ которымъ я привыкъ въ армянской эпиграфикѣ, мнѣ казалось и кажется несомнѣннымъ, что эта арабская надпись не случайна, а начертана на крестномъ камнѣ, какъ таковомъ, именно тамъ, гдѣ ей подобаетъ быть, тѣмъ болѣе, что никакихъ рѣшительно слѣдовъ какой либо другой надписи, прежде бывшей на этомъ мѣстѣ, — нѣтъ; арабская надпись вырѣзана на чистомъ, приготовленномъ для нея мѣстѣ. Отъ надписи сохранился лишь конецъ, половина послѣдней строки; строкъ было не менѣе двухъ, сохранились нижніе края буквъ предыдущей строки; сохранившаяся часть поля надписи имѣетъ въ ширину 0,47 м., въ вышину — 0,12 м.

Снятый мною тогда же, въ 1910 г., не вполне удачный эстампажъ не далъ возможности прочесть надпись, лѣвая половина которой, какъ теперь выяснилось — болѣе интересная, видна недостаточно отчетливо.

Лѣтомъ 1916 года я опять побывалъ въ церкви св. Георгія, совмѣстно съ Г. Н. Чубиновымъ и Г. М. Гянджецяномъ. И на этотъ разъ намъ не удалось обнаружить ни остатковъ надписи о построеніи церкви, ни другихъ частей описаннаго крестнаго камня; разспросы священника и церковнаго сторожа тоже не привели ни къ чему. По моей просьбѣ Г. Н. Чубиновъ сфотографировалъ обломокъ крестнаго камня, а Г. М. Гянджецянъ снялъ съ него эстампажъ.

Остатки надписи на крестномъ камнѣ И. Ю. Крачковскимъ и В. В. Бартольдъ читаются такъ:

.... غفر الله في محرم سنة اربع و تسعين و ستمائة

«... да помилуетъ Богъ. Мухарремъ шестьсотъ девяносто четвертаго года».

Конечно, по этому обрывку очень трудно судить о содержаніи надписи, но не лишено интереса, что датѣ предшествуетъ поминальная формула. Надпись даетъ очень немного; цѣннымъ остается лишь самый фактъ ея существованія и дата надписи — 1294 г., совпадающая съ вѣроятной датой крестнаго камня (что подтверждаетъ, какъ и поминальный характеръ надписи, ея изначальность) и со временемъ строительства Умека и его сына.

Какъ ни досадно, что не сохранилось имя ктитора креста или того, въ память кого онъ былъ сооруженъ, все же, если бы даже оно дошло до насъ, оно едва ли безъ другихъ данныхъ помогло бы рѣшенію вопроса о національности этого лица¹, вопроса весьма интереснаго во многихъ отношеніяхъ.

Арабская надпись на предметѣ христіанскаго культа, притомъ — явно армянскаго происхожденія и въ армянской (если не географически, то топографически) средѣ, если бы удалось доказать принадлежность креста армянину, такъ кстати расширила бы намѣчаемые предѣлы (не только географическіе) вліянія мусульманской культуры и ея носителей на христіанскую Арменію и еще болѣе опредѣляла бы степень тяготѣнія армянскихъ высшихъ классовъ (въ противоположность низшимъ), при всей вѣрности своей церкви, къ мусульманскому обличью, тяготѣнія, сказавшагося сначала, правда, въ мелочахъ (сколько можно пока судить прежде всего — въ именахъ, которыя могли, однако, проникать и не изъ мусульманской, а изъ христіанско-арабской среды), а затѣмъ — проявившагося во всѣхъ сторонахъ общественной жизни, особенно въ жизни городовъ, и такъ ярко выразившагося въ армянскомъ, въ частности — анійскомъ, гражданскомъ и полугражданскомъ зодчествѣ.

Наиболѣе простымъ, но конечно далеко не непреложнымъ, объясненіемъ находженія арабской надписи на армянскомъ крестномъ камнѣ при современной ему армянской церкви было бы признаніе въ надписи первой, если не считать декоративной надписи на платѣ знатной дѣвочки въ Ани², письменной параллели гражданскимъ и полугражданскимъ архитектурнымъ памятникамъ Арменіи.

Этотъ обломокъ креста обязываетъ не спѣшить съ опредѣленіемъ мусульманскаго происхожденія находимыхъ на Кавказѣ «мусульманскихъ»

¹ Будь это даже опредѣленно-арабское имя: уже неоднократно писалось и говорилось о пристрастии армянской знати поздняго средневѣковья къ арабскимъ, заимствованнымъ изъ мусульманскаго обихода, именамъ; достаточно вспомнить, что хотя бы то лицо, у котораго гостилъ Іоаннъ Ерзынкайскій, носило имя Каримадинъ, а его родной дѣдъ былъ ЫАсанъ Джаляль Давла.

² Орбели. Каталогъ Анійскаго Музея Древностей. I (АС IV), стр. 36.

по обличью памятниковъ¹. Армянскія полуцерковныя сооруженія, которыя такъ похожи на чисто мусульманскіе памятники (ср., хотя бы, — притворъ церкви св. Апостоловъ въ Ани и мечеть Мануче), не достаточно убѣдительны, на нихъ нѣтъ арабскихъ надписей.

Сейчасъ мы располагаемъ тремя болѣе убѣдительными документами, если не говорить объ обрывкахъ надписи изъ церкви Шушаны Пахлавуни въ Ани²: купленная мною въ Ванѣ бронзовая лампада съ христіанскими изображеніями, грузинскими пояснительными и арабскими декоративными благопожелательными надписями изъ Ахлата³, указанный мнѣ Я. И. Смирновымъ потиръ съ христіанскими изображеніями и арабской чисто декоративной надписью изъ Сваніи⁴, и наконецъ — безспорно армянскій крестный камень уже не съ декоративной, а съ ктиторской, во всякомъ случаѣ чисто служебной, арабской надписью, побуждаютъ съ большей осторожностью присваивать мусульманскому мастерству всѣ художественныя произведенія съ арабскими надписями, находимыя на Кавказѣ.

Съ другой стороны, если крестъ въ церкви Умека дѣйствительно принадлежалъ армянину, въ немъ надо видѣть одну изъ немногочисленныхъ вѣхъ, намѣчающихъ пути безслѣднаго, но отнюдь не катастрофическаго, исчезновенія армянской знати въ коренной армянской средѣ.

І. Орбели.

¹ Ср. Н. Марръ. XI-я археологическая кампанія въ Ани, стр. 59—59.

² Г. Н. Чубиновъ. Отчетъ Анійскаго Музея древностей за 1916 г., стр. 12—13. Мнѣ далеко не представляется несомнѣнной принадлежность надписи къ XI вѣку.

³ Описаніе этой лампы будетъ напечатано въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ «Христіанскаго Востока».

⁴ Въ церкви въ Жибиани, см. фотографіи Ермакова № 548—622—17625, № 548—17811, № 569—17882.

(Фотографія камня перевернута).

70 VINI
ANABORLLO

Халифъ Омаръ II и противорѣчивыя извѣстія о его личности.

Трехлѣтнее правленіе халифа Омара II (717—720) было совершенно исключительнымъ эпизодомъ не только въ исторіи династии Омейядовъ, но вообще въ исторіи мусульманской государственной жизни. Омейяды, по отзыву историковъ, превратили религіозную общину въ свѣтское государство и правили, какъ «цари», въ отличіе отъ праведныхъ «халифовъ»; Омара II иногда называли пятымъ праведнымъ халифомъ¹, т. е. ставили его наравнѣ съ Абу-Бекромъ, Омаромъ, Османомъ и Алиемъ. Для послѣдующихъ временъ онъ остался идеаломъ благочестиваго мусульманскаго государя, какого не могъ создать воцарившійся послѣ паденія Омейядовъ «домъ посланника Божьяго». Прославляя кратковременное правленіе одного изъ послѣднихъ аббасидскихъ халифовъ, Захира (1225—26), Ибн-ал-Асиръ говоритъ, что этотъ халифъ напомнилъ мусульманамъ времена Омара II².

Европейскіе историки-ориенталисты, писавшіе объ Омарѣ II, обыкновенно изображали его искреннимъ, но непрактичнымъ, даже ограниченнымъ идеалистомъ, который былъ готовъ принести въ жертву своимъ религіознымъ утопіямъ всѣ интересы созданной его предшественниками имперіи. Въ противоположность этому, Вельхаузенъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ, вышедшемъ въ 1902 г.³, видитъ въ халифѣ идеалиста-реформатора, ста-

¹ Goldziher, Muh. Studien, II, 84. Выраженіе *وهو واحد الخلفاء الراشدين* также у Павани, Biogr. diction., p. 464; ссылка на Суфьяна тамъ-же, p. 465.

² Ibn el-Athir ed. Tornberg XII, 287; ср. Миръ Ислама, I (1912), 225.

³ Das Arabische Reich und sein Sturz, S. 166 f.; особенно стр. 190: «Wie vieles auch unklar bleibt, eins ist doch ziemlich klar, dass man nämlich sich lächerlich macht, wenn man diesen Chalifen mit überlegenem Spotte behandelt, wozu schon Dozy das Signal gegeben hat». Вельхаузенъ больше всего полемизируетъ съ Кремеромъ и А. Мюллеромъ и не упоминаетъ о выраженіи Нельдеке (Or. Skizzen, S. 87 f.): «des äusserst braven, aber beschränkten Idealisten Omar II».

вившаго себѣ вполне разумныя цѣли, хотя иногда превышавшія его силы. Вельхаузенъ старается доказать, что благочестивый халифъ заботился не только о спасеніи своей души, но и о благѣ своихъ подданныхъ, что его стремленіе оградить подданныхъ отъ притѣсненій и примирить съ династіей, безъ существеннаго ущерба для государства и казны, всѣ оппозиціонныя элементы отнюдь не свидѣтельствуешь ни объ ограниченности, ни о политической близорукости. Доводы Вельхаузена не имѣли большого успѣха; въ популярной, но составленной специалистомъ книгѣ объ исламѣ, вышедшей въ свѣтъ въ 1914 г., Омаръ II изображается, какъ *Idealerscheinung eines unmännlichen Schwärmers*¹.

Вельхаузенъ, дѣйствительно, приписываетъ Омару II черты, едва ли совмѣстимыя въ одномъ лицѣ. Халифъ изображенъ какъ искусный политикъ и въ то же время какъ стойкій и послѣдовательный идеалистъ, еще въ ранней молодости усвоившій тѣ религіозныя традиціи, которыми потомъ служилъ всю жизнь и которыя получили господство въ его царствованіе. Омаръ II, по словамъ Вельхаузена, родился въ Мединѣ, провелъ тамъ большую часть своей молодости и вполне проникся «традиціями города пророка»². Послѣ смерти его отца Абд-ал-Азиза халифъ Абд-ал-Меликъ вызвалъ его въ Дамаскъ и выдалъ за него свою дочь; впоследствии, при халифѣ Валидѣ I (705—715) онъ вернулся въ Медину въ качествѣ намѣстника, причемъ халифъ этимъ назначеніемъ хотѣлъ привлечь на свою сторону религіозные круги. Черезъ нѣсколько лѣтъ Валидъ былъ принужденъ низложить Омара по требованію Хаджжаджа, такъ какъ подъ управленіемъ Омара Хиджазъ сдѣлался убѣжищемъ для всѣхъ спасавшихся отъ преслѣдованій Хаджжаджа религіозныхъ элементовъ Ирака; вообще Омаръ въ Мединѣ поддерживалъ связи съ представителями религіознаго благочестія, не обращая вниманія на ихъ враждебное отношеніе къ омейядскому правительству. Когда халифъ Сулейманъ передъ смертью не зналъ, кого назначить своимъ наслѣдникомъ, придворный богословъ Раджа ибн-Хайва убѣдилъ его совершить богоугодное дѣло и завѣщать халифатъ своему благочестивому двоюродному брату³.

Вельхаузенъ воспроизводитъ традицію, переданную у Табари и восходящую къ Вакиди (умеръ въ 823 г.); умалчивается о томъ, что рядомъ съ этой традиціей существуетъ другая, по которой Омаръ II послѣ вступле-

¹ Tr. Mann, *Der Islam einst und jetzt*, S. 86. Ср. также слова А. Е. Крымскаго Исторія арабовъ, изд. 1912 г., ч. II, стр. 128) о «святошѣ Омарѣ II».

² *Das Arab. Reich*, S. 166: «Er nährte sich an der Tradition der Stadt des Propheten».

³ *Ibid.*, S. 165.

ніи на престолъ сдѣлался совсѣмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ былъ раньше. Между тѣмъ эта вторая традиція, восходящая, повидимому¹, къ современнику Вакиди, Мадаини, находится въ большемъ согласіи съ фактами, изъ которыхъ нѣкоторые были настолько извѣстны, что о нихъ не могъ умолчать даже Вакиди. Самый яркій изъ этихъ фактовъ — казнь Хубейба, сына Абдаллаха ибн-Зубейра. По разсказу Я'куби², Омаръ получилъ отъ халифа Валида приказаніе расширить «мечеть посланника Божьяго» и для этого разрушить находившіяся рядомъ съ мечетью хижины женъ пророка. Когда приступили къ работѣ, Хубейбъ сталъ заклинать Омара не трогать построекъ, упоминаемыхъ въ Коранѣ³; Омаръ велѣлъ дать ему сто ударовъ кнутомъ и потомъ вылить на него ушатъ холодной воды, что повлекло за собой смерть (дѣло происходило зимой). Историкъ прибавляетъ: «Когда Омаръ сдѣлался халифомъ и достигъ той степени подвижничества, которой достигъ, онъ говорилъ: «Кто поможетъ мнѣ противъ Хубейба?» (подразумѣвается, конечно, въ день суда Божьяго). У Вакиди также говорилось о передѣлкахъ, произведенныхъ Омаромъ по приказанію Валида въ мединской мечети (Я'куби и Табари даже цитуютъ текстъ Вакиди почти въ одинаковыхъ словахъ) и о казни Хубейба, Вакиди только не связывалъ одного событія съ другимъ и относилъ ихъ къ разнымъ годамъ; по его разсказу, передѣлки были начаты въ 707⁴ и закончены въ 709 г.⁵, казнь Хубейба произошла въ 93 г. х., т. е. въ 711 или 712 г.; при этомъ говорится только, что Хубейбъ былъ подвергнутъ такому наказанію по приказанію Валида; чѣмъ вызвалъ Хубейбъ гнѣвъ халифа, не сказано⁶. О подробностяхъ наказанія у Вакиди говорилось почти въ тѣхъ же словахъ, какъ въ источникѣ Я'куби, причемъ Вакиди передастъ эти подробности со словъ человѣка, ссылавшагося на разсказъ очевидца⁷.

¹ Ср. характерныя ссылки на Мадаини (علي بن محمد) у Ибн-Са'да (VIII, 246,7; 249,20; 254,12) и у Мас'уди (Prairies d'or V, 424).

² Годъ смерти Мадаини, какъ извѣстно, указывается различно; у Якута въ біографіи Мадаини (The Irshad al-Arib, ed. Margoliouth, V, 309) 225 г. (840), у Табари (II, 1330,8) — 228 г. (843).

³ Hist. ed. Houtsma II, 339 сл.

⁴ Кор. 49,4.

⁵ По Табари въ раби' I (II, 1192,18) или въ сафарѣ (II, 1194,4) 88 г.

⁶ 90 г. у Я'куби, II, 340.

⁷ Ср. разсказъ Fragm. hist. arab. I, 4, гдѣ говорится, что صاحب البريد извѣстилъ халифа о протестѣ Хубейба противъ разрушенія хижины, вслѣдствіе чего Валидъ послалъ Омару приказаніе дать Хубейбу 100 ударовъ кнутомъ и вылить на него ушатъ холодной воды. По этому разсказу Омаръ впослѣдствіи только жалѣлъ, что не ограничился тѣлеснымъ наказаніемъ.

⁸ Табари II, 1255,3.

Омаръ II былъ «единцемъ» только для такого представителя мусульманскаго благочестія, какъ Бухари¹, но изъ біографическихъ свѣдѣній о халифѣ не видно даже, чтобы въ Мединѣ жила его мать, Уммъ-Асимъ или Лейла, внучка халифа Омара I; по біографическому словарю Навави² она поселилась въ Дамаскѣ, гдѣ съ ней, очевидно, сошелся отецъ Омаръ II Абд-ал-Азизъ, сынъ халифа Мервана I и братъ халифа Абд-ал-Мелика. Говорится, что Абд-ал-Азизъ очень высоко ставилъ этотъ союзъ съ родомъ халифа Омара и велѣлъ своему домоправителю (قبیم) приготовить для свадьбы сумму въ 400 динаровъ³. У того же Навави⁴ сказано, что Омаръ II родился въ Египтѣ, по одному извѣстію въ 61 г. хиджры (т. е. 680—1), по другому (именно по Ибн-Са'ду) въ 63-мъ (682—3). Въ томъ и другомъ случаѣ это событіе послѣдовало за нѣсколько лѣтъ до назначенія его отцомъ правителемъ Египта; но въ египетской исторіографіи⁵ есть извѣстіе, что Абд-ал-Азизъ пріѣзжалъ въ Египетъ и раньше, во время намѣстничества Масламы ибн-Мухаллада (667—682). Изъ разсказа Табари⁶ можно заключить, что въ 61 г. Абд-ал-Азизъ находился съ отцомъ въ Мединѣ и вмѣстѣ съ Абд-ал-Меликомъ принималъ участіе въ посольствѣ въ Мекку къ Абдаллаху ибн-Зубейру; но въ разсказѣ о событіяхъ 63 г., когда Мерванъ вмѣстѣ съ Абд-ал-Меликомъ и другими Омейядами были осаждены въ «домѣ Мервана» въ Мединѣ и потомъ вынуждены покинуть городъ⁷, Абд-ал-Азизъ не упоминается; возможно, что онъ въ это время ѣздилъ въ Египетъ. Въ слѣдующіе годы Абд-ал-Азизъ снова находился при отцѣ и принималъ дѣятельное участіе въ тѣхъ битвахъ, которыя спасли отъ гибели династію Омейядовъ. Въ битвѣ при Мерджъ-Рахитѣ въ 684 г., обезпечившей за Омейядами господство надъ Сиріей, Абд-ал-Азизъ былъ сброшенъ съ коня⁸; при завоеваніи Египта онъ находился во главѣ отряда, вторгнувшагося въ эту область черезъ Айлу⁹, т. е. по дорогѣ къ сѣверу отъ Синайскаго полуострова. Покидая Египетъ въ февралѣ 685 г.¹⁰, Мерванъ назначилъ правителемъ страны Абд-ал-Азиза, который управлялъ Египтомъ до своей смерти,

¹ Ср. ссылку на него у Навави, Biogr. dict., p. 466.

² Biogr. dict. p. 464.

³ Ибн-Са'дъ VIII, 243 сл. Навави, Biogr. dict., p. 466.

⁴ Biogr. dict., p. 465 сл. 63 г. также у Ибн-Са'да VIII, 243,7; 62 г. у Табари II, 1182,18.

⁵ Кинди, ed. Guest, 54,12.

⁶ Табари II, 397,18.

⁷ Табари II, 405 сл.

⁸ Табари II, 479 ult.

⁹ Кинди 42,8 и 43,12.

¹⁰ Реджебъ 65 г. у Кинди 48,8.

послѣдовавшей по Кинди въ 705¹, по Табари² и другимъ источникамъ³ въ 704 г. За все это время онъ только два раза, въ 80-хъ и 90-хъ годахъ VII в., ѣздилъ въ Сирію къ своему брату халифу Абд-ал-Мелику, гдѣ принималъ участіе въ усмиреніи возстанія одного изъ Омейядовъ, котораго Абд-ал-Меликъ оставилъ своимъ представителемъ въ Дамаскѣ⁴. Въ Египтѣ Абд-ал-Азизъ правилъ вполнѣ самостоятельно и полновластно распоряжался доходами этой области; ему была подчинена также сѣверная Африка⁵. На находившіяся въ его распоряженіи средства онъ, между прочимъ, построилъ «позолоченный домъ» (الدار المزعبة) въ Каирѣ, къ западу отъ мечети Амра, которая также была при немъ расширена и перестроена, и произвелъ рядъ построекъ (домъ и мечети) и насажденій (виноградники и пальмовыя рощи) въ сосѣднемъ Хульванѣ, куда онъ въ 689 г. перенесъ свое мѣстопробываніе и гдѣ его впослѣдствіи застигла смерть⁶. Его личный образъ жизни, однако, не отличался пышностью; оставшаяся послѣ него одежда частью была въ заплатахъ⁷; въ его казнѣ было найдено всего 7000 динаровъ⁸. Абд-ал-Азизъ отличался болѣе мягкимъ характеромъ, чѣмъ его братъ Абд-ал-Меликъ, котораго онъ старался удержать отъ слишкомъ суровой расправы съ врагами⁹, и не былъ также чуждъ религіознаго благочестія. Передъ смертью онъ, очевидно, боясь суда Божьяго, говорилъ, что хотѣлъ бы быть полнымъ ничтожествомъ, горстью праха, или вести жизнь пастуха верблюдовъ на окраинѣ Хиджаза¹⁰.

Будущему халифу Омару II было уже болѣе 20 лѣтъ, когда умеръ Абд-ал-Азизъ. Вѣроятно, онъ провелъ по крайней мѣрѣ часть своей молодости при дворѣ своего отца въ Египтѣ; среди наслѣдства, полученнаго имъ отъ отца, были нѣкоторые предметы, происходившіе, по преданію, изъ сокровищницы Фараона¹¹. Въ разсказахъ о происходившихъ тогда въ Египтѣ

¹ Кинди 55,1 (джумада I 86 г.).

² Табари II, 1165,17 (джумада I 85 г.).

³ 85 г. у Я'куби, 335.

⁴ Табари II, 788 сл., объ Абд-ал-Азизѣ 789,10. Кинди 49,з.

⁵ Ср. статью объ Абд-ал-Азизѣ (K. V. Zetterstéen) въ *Enz. des Islam*, I, 38; также II, 6 (в. v. Egypten, C. Becker).

⁶ О постройкахъ Кинди 49 сл.

⁷ Кинди 55,14.

⁸ Ibid: 55,10.

⁹ Разсказъ у Табари II, 789 сл. Ср. приведенныя у Я'куби (II, 334 внизу) слова الشعبي объ Абд-ал-Азизѣ какъ «самомъ великодушномъ по характеру изъ царей», которыхъ онъ зналъ.

¹⁰ Кинди 55,з.

¹¹ Табари I, 486,12.

событіяхъ упоминается только одинъ сынъ Абд-ал-Азиза, Асбагъ¹, любимецъ отца, который хотѣлъ назначить его своимъ наслѣдникомъ², но лишился его незадолго до своей собственной смерти. Ибн-Кутейба говоритъ объ Асбагѣ, что онъ былъ ученымъ человекомъ и могъ предсказывать будущее; онъ будто бы предсказалъ будущую судьбу своего брата Омара, когда тотъ получилъ отъ лошади ударъ копытомъ, знакъ котораго сохранилъ на всю жизнь³. Историки приписываютъ Омару I предсказаніе, что одинъ изъ его потомковъ, на лицѣ котораго будетъ знакъ, наполнить землю справедливостью; говорится также о преданіи, будто этотъ «носящій знакъ» долженъ былъ быть изъ Омейядовъ⁴; ученые увѣряли, что такое предсказаніе находится въ книгѣ Даниила⁵. По словамъ Табары, этотъ случай произошелъ съ Омаромъ въ Дамаскѣ⁶; больше о его молодости у Табары ничего не говорится⁷. Всего у Абд-ал-Азиза было десять дѣтей, семь сыновей и три дочери⁸, изъ которыхъ одна была выдана за сына Абд-ал-Мелика, будущаго халифа Валида.

Послѣ смерти Абд-ал-Азиза Абд-ал-Меликъ назначилъ намѣстникомъ Египта своего сына Абдаллаха, которому было поручено по возможности уничтожить всѣ слѣды управленія Абд-ал-Азиза⁹. Дѣти Абд-ал-Азиза, очевидно, не могли оставаться въ Египтѣ; повидимому, они переселились въ Дамаскъ. Абд-ал-Меликъ выдалъ за Омара свою дочь Фатиму, которой было суждено пережить своего мужа и принять его послѣдній вздохъ, хотя она далеко не была его единственной женой¹⁰. Омаръ приобрѣлъ расположеніе своего тестя; есть извѣстіе, что онъ сидѣлъ выше всѣхъ сыновей халифа, кромѣ наслѣдника, Валида¹¹. Еще болѣе высокое положеніе занялъ Омаръ въ царствованіе Валида (705—715). Въ 706 г. Омаръ былъ назначенъ намѣстникомъ Медины и поселился въ домѣ своего дѣда Мервана; багажъ молодого намѣстника прибылъ на 30 верблюдахъ, что отмѣчаетъ и

¹ О немъ у Кинди, 51 и 54; Северъ, ed. Seybold, 133 ult.

² Табары (II, 1167, 10) говоритъ то же самое о другомъ сынѣ, Абу-Бекрѣ.

³ Ибн-Кутейба, كتاب المعارف, ed. Wüstenfeld, 184.

⁴ Выраженіе ابن مروان въ كتاب الاغانى, VIII, 151.

⁵ У Ибн-Кутейбы (I. с.) слова كتاب دانيال الدردوق الاشج, съ ссылкой на Асма'и.

⁶ Табары II, 1362, 18. По Fragm. hist. arab. I, 39 въ Египтѣ.

⁷ Разсказъ о томъ, какъ Омаръ съ разрѣшенія отца ѣздилъ учиться въ Медину, есть въ Fragm. hist. arab. I, 40.

⁸ Перечисленіе ихъ у Ибн-Кутейбы, I. с.

⁹ Кинди 58, 7.

¹⁰ Ср. перечисленіе женъ и дѣтей Омара у Ибн-Са'да, VIII, 242 сл.

¹¹ كتاب الاغانى, VIII, 151.

Вакиди¹. Изъ этого видно, что Омаръ своимъ роскошнымъ образомъ жизни выдѣлялся даже среди представителей династіи Омейядовъ. О томъ же свидѣлствуетъ рядъ разсказовъ историковъ. Говорили, что никто не тратилъ такъ много денегъ на духи, одежду и лошадей, какъ Омаръ². Изъ-за его духовъ люди платили деньги въ прачешной, чтобы ихъ одежду стирали вмѣстѣ съ одеждой Омара, такъ чтобы она пропиталась тѣмъ же запахомъ³. Поставлявшій ему одежду торговецъ Хадждаджъ разсказывалъ, что до вступленія Омара на престолъ его одежда обходилась ему въ 400 дирхемовъ, и то онъ находилъ ее слишкомъ грубой; послѣ вступленія на престолъ онъ покупалъ одежду за 14 дирхемовъ, и то находилъ ее слишкомъ тонкой⁴. Мас'уди разсказываетъ то же самое о плащѣ (حَلَّة) въ 1000 динаровъ и рубакѣ (قميص) въ 10 дирхемовъ⁵. Омаръ въ Мединѣ щедро награждалъ поэтовъ за привѣтственные стихи; одинъ изъ нихъ получилъ отъ намѣстника за свое стихотвореніе 15 верблюдицъ⁶.

Предшественникъ Омара Хишамъ ибн-Исмаиль Махзуми былъ тестемъ халифа Абд-ал-Мелика и дѣдомъ его сына, будущаго халифа Хишама⁷. Несмотря на это высокое положеніе, Омаръ по приказанію халифа поставилъ своего предшественника у дома Мервана къ позорному столбу. Хишамъ во время своего намѣстничества всячески притѣснялъ представителей религіи, во главѣ которыхъ находился Са'идъ ибн-Мусейябъ, и Алидовъ, изъ которыхъ главнымъ былъ Алій, сынъ Хусейна; теперь Са'идъ и Алій будто бы запретили своимъ приверженцамъ оскорблять павшаго врага словомъ или хотя бы взглядомъ⁸.

По разсказу Вакиди⁹, Омаръ тотчасъ послѣ вступленія въ должность созвалъ къ себѣ мединскихъ факиховъ и объявилъ имъ, что во всемъ будетъ поступать по ихъ указаніямъ. Среди нихъ упоминаются два внука халифа Омара I, благочестивый внукъ халифа Абу-Бекра Касимъ и братъ Абдаллаха ибн-Зубейра, историкъ Урва. Не упоминается въ этомъ спискѣ Са'идъ

¹ Табари II, 1182, 18. Ср. Я'куби, Hist., II, 339.

² Полифе всего у Ибн-Са'да, VIII, 244, 26: وهو احسن الناس لباسا ومن اطيب الناس ريحا ومن اخيل الناس في مشيه.

³ كتاب الاغانى VIII, 155.

⁴ Ибн-Са'дъ VIII, 246, 7 сл.

⁵ Prairies d'or V, 424. Въ Fragm. hist. arab. I, 40 говорится объ одеждѣ въ 100 динаровъ и меньше чѣмъ въ 1 динаръ.

⁶ كتاب الاغانى VIII, 155.

⁷ Табари II, 1174, 6 сл.

⁸ Табари II, 1183, 12 сл. Я'куби, Hist., II, 339.

⁹ Табари II, 1182 ult. сл. О Касимѣ часто у Ибн-Са'да. Въ указателѣ къ изданію Табари факихъ Касимъ ошибочно отличается отъ внука Абу-Бекра.

ибн-Мусейябъ; судя по разсказу о приѣздѣ въ Медину въ 710 г. халифа Валида¹, Са'идъ и во время намѣстничества Омара оставался въ такомъ же отчужденіи отъ властей, какъ прежде. Чтобы связать Са'ида съ Омаромъ, преданіе только могло приписать Са'иду предсказаніе будущаго; Са'идъ будто бы послалъ одного изъ своихъ учениковъ въ домъ Мервана посмотри́ть на «махдія»; ученикъ вернулся и объявилъ, что въ домѣ Мервана никакого махдія не оказалось; только тогда Са'идъ объяснилъ ему, что махдіемъ будетъ сидящій теперь въ домѣ Мервана Омаръ ибн-Абд-ал-Азизъ². Разсказъ о суровой расправѣ съ сыномъ Абдаллаха ибн-Зубейра показываетъ, что и вліяніе остальныхъ факиховъ на Омара преданіемъ значительно преувеличено.

Омаръ былъ въ Мединѣ вѣрнымъ исполнителемъ предназначеній халифа Валида. Исполняя повелѣніе халифа, Омаръ произвелъ въ Мединѣ набѣръ и назначилъ 2000 (изъ нихъ отправились 1500) мединцевъ на сѣверъ для участія въ набѣгѣ на византійскія владѣнія³. Впослѣдствіи, будучи халифомъ, Омаръ не одобрялъ пышности построенной Валидомъ знаменитой «мечети Омейядовъ» въ Дамаскѣ; будучи намѣстникомъ Медины, онъ, по желанію Валида, разрушилъ простую мечеть пророка и выстроилъ вмѣсто нея пышное зданіе. Есть извѣстіе, что византійскій императоръ прислалъ для этой постройки, по желанію халифа, сотню рабочихъ, 100.000 золотниковъ золота и сорокъ верблюдовъ, нагруженныхъ мозанкой, выломанной изъ развалинъ старыхъ городовъ⁴. На полу мечети мозанкой было выложено имя Валида; впослѣдствіи халифъ Махдіи уничтожилъ эту надпись и замѣнилъ имя Валида своимъ⁵, какъ въ IX в. Мамунъ замѣнилъ своимъ именемъ имя Абд-ал-Мелика въ іерусалимской мечети⁶. Передѣлки, произведенныя въ мединской мечети при Махдіи, снова потребовали большого количества золота, мрамора и мозанки; по ироніи судьбы, въ этихъ работахъ принималъ участіе потомокъ Омара II⁷, какъ самъ благочестивый халифъ, врагъ всякой пышности въ религіозномъ культѣ, въ дни своей молодости обратилъ въ пышное зданіе простую мечеть пророка.

Во время своего намѣстничества Омаръ не покидалъ Хиджаза и нѣсколько

¹ Табари II, 1232 ult. и сл. Я'куби, Hist., II, 340.

² Ибн-Са'дъ VIII, 245, 4 сл.

³ 2000 по Я'куби, II, 339; 1500 у Табари II, 1192, 10.

⁴ Я'куби, Hist., II, 340. Табари II, 1194.

⁵ Табари III, 535. Ссылка на это мѣсто должна быть прибавлена къ указателю къ изданію Табари, стр. 628, при имени الوليد بن عبد الملك.

⁶ Mirr. Islama, I, 204.

⁷ Beladsori 7.

лѣтъ къ ряду, съ 706 г., стоялъ во главѣ паломничества. Въ 710 г. паломничество было совершено подъ руководствомъ самого халифа, который прибылъ въ Мекку и Медину, чтобы лично осмотрѣть производившіяся по его приказанію работы, и былъ торжественно встрѣченъ Омаромъ¹. Въ 711 г. паломничествомъ снова руководилъ Омаръ. Время его отозванія изъ Медины опредѣляется различно; указываются 93 и 94 г. хиджры, т. е. 712 и 713 гг.². Тотчасъ послѣ своего отозванія онъ принялъ участіе въ набѣгѣ на византійскія владѣнія, повидимому, единственный разъ въ своей жизни. О причинѣ его отозванія рассказываютъ, что Хаджжаджъ пожаловался халифу Валиду, что въ Хиджазѣ, именно въ Меккѣ и Мединѣ, находятъ убѣжище всѣ бѣглецы изъ Ирака. Халифъ попросилъ его назвать двухъ угодныхъ ему людей; Хаджжаджъ указалъ на Халида ибн-Абдаллаха ал-Касри и Османа ибн-Хайяна; Валидъ назначилъ Халида намѣстникомъ Мекки, Османа — намѣстникомъ Медины и отозвалъ Омара. По другому извѣстію того же Табари, однако, Халидъ уже былъ намѣстникомъ Мекки въ 708 г.³. Достовернымъ можетъ считаться фактъ, что въ Хиджазѣ въ то время были бѣглецы изъ Ирака; по разсказу Я'куби, приказаніе выселить ихъ было дано халифомъ Халиду, который уже отъ себя послалъ въ Медину Османа ибн-Хайяна⁴. Омаръ, во всякомъ случаѣ, покинулъ Медину до прибытія новаго намѣстника, оставивъ тамъ своимъ замѣстителемъ назначеннаго имъ-же казія Абу-Бекра ибн-Хазма⁵. Казій Абу-Бекръ считался однимъ изъ благочестивыхъ факиховъ и происходилъ изъ ансаровъ; фактъ его назначенія является едва ли не единственнымъ доказательствомъ, что Омаръ еще во время своего намѣстничества сблизился съ мединскими религіозными кругами; Абу-Бекръ, однако, не связалъ своей судьбы съ судьбой Омара и остался казіемъ при его преемникѣ.

Враждебное отношеніе Омара и его семьи къ Хаджжаджу могло быть вызвано не только религіозными причинами. По своимъ взглядамъ и образу жизни Омаръ долженъ былъ больше примыкать къ культурнымъ кельбнитамъ, чѣмъ къ грубымъ кайситамъ, представителемъ которыхъ былъ Хаджжаджъ; взгляды Омара вполне раздѣляла его сестра Умм-ал-Бининъ, жена халифа Валида. Ибн-Кутейба разсказываетъ, что Хаджжаджъ однажды пришелъ

¹ Разсказъ по Вакиди у Табари, II, 1232, 10 сл. Я'куби II, 340.

² Табари II, 1255. Омаръ прибылъ въ Медину въ раби' I 87 г. (Табари II, 1182, 17; Ибн-Са'дъ VIII, 244, 4), по Ибн-Кутейбѣ (كتاب المعارف, 182) онъ пробылъ въ Мединѣ 7 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ, что указывало бы на набѣгъ 94 г.

³ Табари II, 1199.

⁴ Я'куби II, 347.

⁵ Эта подробность у Табари II, 1255, 14 сл.

къ Валиду въ панцырѣ и черной чалмѣ, съ арабскимъ лукомъ и колчаномъ; Умм-ал-бининъ послала спросить халифа: «Что это за бедуинъ пришелъ къ тебѣ въ грубой одеждѣ, при оружіи, и ты самъ принимаешь его безъ верхней одежды?». Узнавъ, что это—Хаджжаджъ, Умм-ал-бининъ велѣла передать мужу: «Я охотнѣе узнала бы, что ты бесѣдуешь наединѣ съ ангеломъ смерти, чѣмъ что ты бесѣдуешь наединѣ съ Хаджжаджемъ». Дальше говорится, какъ Хаджжаджъ предупредилъ халифа противъ опасностей женскаго вліянія и какъ Умм-ал-бининъ за это вызвала его къ себѣ и въ рѣзкихъ словахъ отчитала его¹.

Въ послѣдніе годы царствованія Валида, повидимому, между семьей Абд-ал-Азиза и Хаджжаджемъ произошло примиреніе. По распоряженію халифа Абд-ал-Мелика, халифатъ послѣ Валида долженъ былъ перейти къ его брату Сулейману; Валидъ хотѣлъ заставить Сулеймана отказаться отъ своихъ правъ въ пользу Абд-ал-Азиза, сына Валида и Умм-ал-бининъ. Сторонникомъ этой кандидатуры былъ и Хаджжаджъ, для котораго вступленіе на престолъ Сулеймана было еще менѣе желательно, чѣмъ переходъ власти къ сыну Умм-ал-бининъ и племяннику Омара. Сулейманъ упорно отказывался исполнить желаніе халифа, и Валидъ умеръ прежде, чѣмъ успѣлъ осуществить свой планъ; но о кандидатурѣ Абд-ал-Азиза говорили открыто, и поэтамъ было приказано приготовить къ этой перемѣнѣ общественное мнѣніе. Табари приводитъ стихи поэта Джерира, гдѣ между прочимъ говорится: «Если спросятъ, кто изъ людей — лучший изъ халифовъ, всѣ пальцы укажутъ на Абд-ал-Азиза. Они считаютъ его самымъ достойнымъ халифата изъ всѣхъ людей и въ этомъ не ошибаются; торопитесь принести ему присягу»². Распоряженіе Абд-ал-Мелика осталось, однако, неотмѣненнымъ и вступило въ силу тотчасъ послѣ смерти Валида, послѣдовавшей въ концѣ января³ или въ концѣ февраля 715 г. Омаръ былъ тогда въ Дамаскѣ и, повидимому, считался первымъ лицомъ послѣ халифа; имъ была произнесена молитва надъ тѣломъ умершаго халифа, и онъ же привелъ населеніе Дамаска къ присягѣ законному наслѣднику, находившемуся тогда въ Палестинѣ⁴. Омару удалось сохранить такое же вліятельное положеніе при Сулейманѣ и въ то же время остаться другомъ своего племянника Абд-ал-Азиза. Послѣ смерти Сулеймана войско, не зная о его завѣщаніи, принесло присягу Абд-ал-Азизу; самъ Омаръ выражалъ готовность отказаться въ

¹ Ujûn al Ahbâr ed. Brockelmann, p. 206,3 сл.

² Табари II, 1283,7 сл.

³ Середина джумадâ I у Я'куби, II, 349 и 351; джумадâ II у Табари, II, 1269,14 и др.

⁴ Я'куби, Hist., II, 349 и 351.

пользу Абд-ал-Азиза отъ своихъ правъ; но Абд-ал-Азизъ объявилъ, что вполне одобряетъ провозглашеніе халифомъ Омара¹.

Хаджжаджъ умеръ еще въ 714 г., не доживъ, къ своему счастью, до вступленія на престолъ его врага Сулеймана².

Сулейманъ, подобно Валиду, любилъ воздвигать постройки; съ его именемъ связано основаніе Рамлы, сдѣлавшейся потомъ главнымъ городомъ Палестины; но больше всего онъ любилъ женщинъ и пиршествъ, и ему подражали его приближенные³. Очень вѣроятно, что такую же жизнь велъ въ эти годы Омаръ. Ибн-Са'дъ приводитъ разсказъ челоуѣка, видѣвшаго Омара при дворѣ Сулеймана; Омаръ не выдѣлялся отъ окружающихъ по своей одеждѣ и производилъ впечатлѣніе сильнаго, крѣпкаго⁴ и, конечно, жизнерадостнаго мужчины. Вельхаузенъ полагалъ, что образъ жизни Омара представлялъ полную противоположность образу жизни Сулеймана: Sulaiman war ein üppiger Wüstling, Umar fast ein Ascet⁵. Въ дѣйствительности Омаръ, не дожившій до 40 лѣтъ, имѣлъ по Ибн-Кутейбѣ 14⁶, по Ибн-Са'ду — 16 дѣтей⁷, изъ нихъ 9 отъ рабыни-наложницы, что, во всякомъ случаѣ, не свидѣтельствуетъ объ аскетическомъ образѣ жизни.

По разсказу Я'куби⁸, Сулейманъ въ 97, т. е. въ 716 г. совершилъ паломничество въ Мекку; съ нимъ былъ и Омаръ. Еще раньше Сулейманъ смѣнилъ назначенныхъ Хаджжаджемъ намѣстниковъ Мекки и Медины; намѣстникомъ Медины теперь сдѣлалось то же лицо, которое при Омарѣ было назначено казіемъ. Новый намѣстникъ долженъ былъ построить для Сулеймана дворецъ въ Джурѣ, въ 3 миляхъ къ сѣверу отъ Медины⁹; постройка, однако, не удовлетворила халифа. На пути изъ Медины въ Мекку паломниковъ застигла гроза съ такими ударами молніи, что Сулейманъ испугался; Омаръ сказалъ ему: «Такова милость (Господня), каково же будетъ наказаніе!» Изъ этого можно было бы заключить, что Омаръ уже тогда предавался благочестивымъ мыслямъ. Приводятся нѣкоторыя подробности о паломничествѣ и о бесѣдахъ между халифомъ и факихами. На обратномъ пути Сулейманъ былъ въ Іерусалимѣ; здѣсь ему надоѣли своими колокольчиками

¹ Ibid. 361. Табари II, 1345.

² Объ этой враждѣ характерный разсказъ у Джахиля, *البيان والتبيين*, I, 149 сл.

³ Табари II, 1273 наперху.

⁴ Ибн-Са'дъ VIII, 297, 14.

⁵ Das Arabische Reich 167.

⁶ كتاب المعارف 184.

⁷ Ибн-Са'дъ VIII, 242 сл.

⁸ Ja'qubi Hist. II, 358.

⁹ О мѣстоположеніи Якутъ II, 62, 19.

прокаженные, и онъ велѣлъ-было ихъ сжечь, причемъ сказалъ: «Если бы въ нихъ было что нибудь хорошее, Богъ не наслалъ бы на нихъ такого испытанія». Омаръ уговорилъ халифа отмѣнить это жестокое повелѣніе, и прокаженные были только посланы въ уединенную деревню, гдѣ бы они не общались съ другими людьми.

О паломничествѣ Сулеймана въ 97 г. и объ участіи въ этомъ паломничествѣ Омара говоритъ и Табари¹. Въ паломничествѣ принимали участіе также поэты. На обратномъ пути, въ Мединѣ, къ халифу привели 400 плѣнныхъ грековъ; халифъ и его спутники начали избивать ихъ, причемъ честь нанести первый ударъ досталось молодому потомку Алія Абдаллаху ибн-Хасану, сидѣвшему ближе всего къ халифу. Въ избіеніи должны были принять участіе всѣ присутствовавшіе; неловкость поэта Фераздака вызвала смѣхъ халифа². Не сказано, какое впечатлѣніе произвела эта сцена на Омара и принималъ ли онъ также участіе въ избіеніи. Такія сцены не мѣшали Сулейману считаться благочестивымъ человѣкомъ и произносить назидательныя проповѣди; Маданинъ приводитъ его проповѣдь о Коранѣ, гдѣ онъ увѣщевалъ своихъ слушателей во всѣхъ своихъ поступкахъ руководствоваться книгой Божіей, которая отмѣнила прежнія книги и сама не будетъ отмѣнена никакой другой³.

О путешествіи Сулеймана и Омара по Палестинѣ источники, кромѣ Я'куби, сообщаютъ мало подробностей. Извѣстно, что его строительная дѣятельность въ Рамлѣ продолжалась и послѣ его вступленія на престолъ⁴; но долго ли онъ тамъ жилъ, не говорится. На пути въ Іерусалимъ онъ проѣхалъ мимо Хеврона, но не заѣзжалъ туда, такъ какъ съ этимъ городомъ было связано дурное предзнаменованіе⁵. Путь изъ Іерусалима онъ совершилъ по обычному въ арабскій періодъ маршруту, черезъ мѣстность къ востоку отъ Іордана, гдѣ останавливался въ одномъ христіанскомъ монастырѣ; здѣсь онъ будто бы велѣлъ оскопить одного человѣка, ухажившаго за одной изъ его рабынь, вслѣдствіе чего монастырь былъ прозванъ «монастыремъ евнуховъ»⁶. Осенью 716 г.⁷ онъ прибылъ въ лагерь Дабикъ въ сѣверной Сиріи, недалеко отъ Халеба. Отсюда было снаряжено войско, подъ началь-

¹ Табари II, 1313, 10.

² Ibid. 1338 сл.

³ Fragm. hist. arab. I, 35 (по Маданинъ).

⁴ Ср. напр., слова Балазури 143; переводъ П. А. Мѣдника, Палестина, II, 84.

⁵ Балазури 129; Мѣдниковъ, Палестина, I, 703 и II, 67.

⁶ Якутъ II, 657 сл.; Мѣдниковъ, Палестина, II, 1026.

⁷ Табари II, 1315, 13 о прибытіи въ Дабикъ въ 98 г. (послѣ 25 авг. 716) и Fragm. hist. arab. I, 25 о выступленіи Масламы до начала зимы.

ствомъ брата халифа, Масламы, выдѣлявшагося среди сыновей Абд-ал-Мелика своими военными доблестями, для завоеванія Константинополя. Столица Византіи еще ни разу не подвергалась такой опасности; она была осаждена съ суши и съ моря; арабы переправились черезъ Дарданеллы на Балканскій полуостровъ и одержали побѣду во Фракіи. Сулейманъ оставался въ Дабикѣ; для подкрѣпленія Масламы имъ былъ посланъ флотъ (греческій флотъ передъ этимъ совершилъ удачное нападеніе на сирійскую гавань Ладикію)¹ и сухопутный отрядъ; во главѣ послѣдняго былъ Амръ ибн-Кайсъ, выступившій, повидимому, уже при новомъ халифѣ². Войско Масламы цѣлый годъ осаждало Константинополь, но безуспѣшно; столица была спасена военнымъ и особенно дипломатическимъ искусствомъ императора Льва III; кромѣ того арабы не нашли для себя достаточно продовольствія во Фракіи, вообще считавшейся плодородной областью, но въ то время опустошенной предшествующими военными событіями³.

Сулейманъ послѣ вступленія на престолъ назначилъ своимъ наслѣдникомъ своего сына Эйюба, и это назначеніе, какъ въ свое время назначеніе Абд-ал-Азиза, также было воспѣто поэтомъ Джериромъ⁴; но молодой человекъ умеръ раньше отца. Осенью 717 г. Сулейманъ въ Дабикѣ былъ разбитъ параличемъ⁵; передъ смертью онъ, по совѣту своего руководителя, Раджъ ибн-Хайвы, назначилъ своимъ преемникомъ Омара. Вельхаузенъ полагаетъ, что это назначеніе было неожиданнымъ для всѣхъ, въ особенности для самого Омара⁶. Такое впечатлѣніе, дѣйствительно, можно получить отъ разсказа Вакиди. По Мадаини кандидатура Омара, какъ перваго послѣ халифа лица, казалась настолько естественной, что Омаръ обратился къ Раджъ съ настойчивой просьбой не предлагать этой кандидатуры и не поддерживать ея, если ее предложитъ самъ халифъ. Раджъ понялъ эти слова такъ, какъ ихъ, вѣроятно, надо было понимать, и сказалъ Омару: «Я вижу, что тебѣ очень хочется сдѣлаться халифомъ». Омару, какъ прибавляетъ историкъ, «стало стыдно»⁷.

¹ Ja'qubi Hist. II, 359.

² Такъ по Ja'qubi Hist. II, 363. Едва ли можно предполагать, что Амръ передъ этимъ вернулся изъ Византіи въ Сирію.

³ Эта подробность въ Fragm. hist. arab. I, 27. Въ этомъ сочиненіи, какъ извѣстно, сохранился самый подробный въ арабской литературѣ разсказъ объ осадѣ Константинополя при Сулейманѣ.

⁴ Стихъ въ Fragm. hist. arab. I, 34.

⁵ Ibid. 33 внизу *وكانت علة ذات الجنب*.

⁶ Das Arab. Reich 166.

⁷ Ибн-Са'дъ VIII, 249, 30 сл.

Послѣ своего провозглашенія халифомъ Омаръ отказался отъ пользованія халифскими лошадьми и сѣлъ на своего мула, отвергъ предложеніе отпраздновать въ жилище халифа и вернулся въ свой шатеръ¹. Этимъ онъ сразу далъ понять, что будетъ жить и управлять иначе, чѣмъ всѣ его предшественники. Лозунгъ: «Книга Божія и сунна пророка Его», который сдѣлался потомъ лозунгомъ возстаній, при Омарѣ былъ девизомъ самого правительствa. Такая политика была лучшимъ средствомъ примирить съ династіей оппозиціонные элементы, тѣмъ болѣе, что населеніе халифата наканунѣ 100 г. хиджры переживало такой же религіозный психозъ, какъ населеніе католической Европы наканунѣ 1000 г. по Р. Хр. Мнѣніе, что арабской державѣ суждено просуществовать только 100 лѣтъ, было настолько распространено, что оно дошло до самаркандскаго князя, какъ видно изъ его письма китайскому императору; въ письмѣ упоминалось объ этомъ предсказаніи и говорилось, что поэтому именно теперь лучшее время для нападенія на халифатъ². Усиленію религіознаго и въ особенности покающаго настроенія могла содѣйствовать плачевная неудача предпринятаго съ большими силами похода на Константинополь.

Такому моменту въ жизни халифата вполне соответствовало появленіе халифа, какъ своимъ именемъ и происхожденіемъ, такъ и своимъ внѣшнимъ образомъ жизни напominившаго мусульманамъ патріархальныя времена Омара I. Людямъ, видѣвшимъ Омара въ Мединѣ или при дворѣ Сулеймана, трудно было узнать его въ блѣдномъ и похудѣвшемъ человѣкѣ³, походившемъ по внѣшности на монаха⁴, распоряжавшемся доходами міровой имперіи и отказывавшемся отъ всякихъ земныхъ наслажденій ради спасенія своей души. Самъ Омаръ будто бы говорилъ такимъ людямъ, что остается вѣрять себѣ; достигнувъ какой нибудь цѣли, онъ всегда стремился къ иной, болѣе высокой; сдѣлавшись халифомъ, онъ достигъ предѣла земныхъ желаній и потому стремится къ единственной цѣли, которая передъ нимъ еще осталась — къ райскому блаженству⁵.

Въ преданіяхъ объ Омарѣ II, какъ и въ преданіяхъ объ Омарѣ I, говорится преимущественно о внѣшнемъ образѣ жизни и личныхъ привычкахъ халифа, которыя описываются съ большими подробностями; говорится даже

¹ Ибн-Са'дъ VIII, 249, 2 сл. По Ибн-Са'ду и по Табари (II, 1345 наверху) Омаръ вернулся въ свой шатеръ впредь до выселенія изъ жилища халифа семьи Сулеймана.

² Ср. объ этомъ мою статью въ ЗВО. XVII, 0140 сл.

³ Ибн-Са'дъ VIII, 297, 17: قد نحل ودقت عنقه.

⁴ Ibid. 244, 27: يمشي مشية الرهبان.

⁵ Ibid. 296, 17 сл.; также كتاب الاغانى VIII, 155.

о томъ, какъ онъ шелъ отправлять свои естественныя надобности¹. Передатчики знаютъ, какъ одѣвался халифъ у себя дома², какого цвѣта была его одежда, верхняя и нижняя³, какой длины и ширины былъ его плащъ⁴, въ какую цѣну — именно въ 12 дирхемовъ — оцѣнивался его полный костюмъ, приготовленный изъ египетскихъ тканей: шапка (كبة), чалма (عمامة), рубаха (قميص), верхнее платье (قباء), туника (قرطق), башмаки (خفان) и плащъ (رداء)⁵. Гораздо меньшей ясностью и цѣльностью отличаются извѣстія о его государственныхъ мѣропріятіяхъ. Преданіе, между прочимъ, даетъ намъ каррикатурный образъ халифа, будто бы громко восклицавшаго въ большой мечети Дамаска: «Нѣтъ у насъ правъ на повиновеніе, когда мы нарушаемъ повелѣнія Божіи»⁶. Эти и подобныя имъ преданія, какъ мы увидимъ, опровергаются другими, болѣе достовѣрными, въ которыхъ Омаръ является передъ нами еще болѣе осторожнымъ и благоразумнымъ правителемъ, чѣмъ полагаетъ Вельхаузенъ.

Однимъ изъ первыхъ мѣропріятій новаго халифа было окончаніе несчастной войны съ Византіей. Имъ былъ посланъ отрядъ къ Константинополю, не для подкрѣпленія осаждавшей городъ арміи, но только для того, чтобы снабдить ее провіантомъ, одеждой и лошадьми и облегчить ея отступленіе. По Я'куби во главѣ этого отряда былъ Амръ ибн-Кайсъ⁷; Табарі и самъ Я'куби называютъ Амра ибн-Кайса начальникомъ отряда, дѣйствовавшаго еще при Сулейманѣ во Фракіи⁸; по самому подробному арабскому разсказу объ осадѣ порученіе вести къ Константинополю отрядъ и поддержать отступленіе Масламы было дано начальнику Малатіи. Арабскій авторъ увѣряетъ, что Маслама въ то время былъ близокъ къ успѣху и просилъ посла халифа дать ему еще небольшой срокъ для окончанія осады; но посолъ, дѣйствуя согласно данной ему инструкціи, не согласился ждать и часа⁹. По византійскимъ извѣстіямъ отступленіе Масламы началось уже въ августъ 718 г.¹⁰, т. е. еще при жизни Сулеймана, такъ что посланный Омаромъ отрядъ долженъ былъ застать армію Масламы уже на пути въ Сирію и могъ только облегчить ея отступленіе.

¹ Ибн-Са'дъ VIII, 265, 23 сл.

² Ibid. 297, 2 сл.

³ Ibid. 298, 7.

⁴ Ibid. 297, 6.

⁵ Ibid. 297, 20.

⁶ Ibid. 253, 7.

⁷ Ср. выше стр. 215, прим. 2.

⁸ Табарі II, 1317, 12; ср. Ja'qubi Hist. II, 359

⁹ Fragm. hist. arab. I, 33.

¹⁰ Очерки по исторіи Византіи, подъ ред. В. Н. Бенешевича, I, 63.

По словамъ Балазури¹, Малатія въ то время не имѣла военного значенія; пограничное укрѣпленіе было перенесено съ 702 г. на три дня пути дальше къ западу, въ Таранду (нынѣ Деренде); въ Малатіи оставалось немногочисленное армянское населеніе, и только лѣтомъ туда приходилъ отрядъ изъ Месопотаміи. Омаръ противъ желанія гарнизона велѣлъ покинуть Таранду и снова перенести пограничное укрѣпленіе въ Малатію²; отступленіе халифата въ этомъ мѣстѣ было окончательнымъ. Есть извѣстіе, что Омаръ и на берегу Средиземнаго моря думалъ отодвинуть границу до Антиохіи, и только ранняя смерть помѣшала ему выполнить это намѣреніе³. По другому извѣстію⁴ Омара убѣдили въ Масисѣ, куда онъ ѣздилъ лично, что очищеніе пограничныхъ крѣпостей подвергнетъ опасности Антиохію; Омаръ не только отказался отъ своего намѣренія, но построилъ въ передовомъ кварталѣ Кафарбайѣ, на западномъ берегу Джейхана, мечеть съ цистерной, причемъ на цистернѣ было вырѣзано его имя.

По преданію, Омаръ былъ противникомъ идеи джихада и находилъ, что мусульмане должны довольствоваться тѣмъ, что получили отъ Бога, не принимая новыхъ завоеваній⁵. Даже во время проповѣди въ мечетяхъ Омаръ, вопреки извѣстному обычаю мусульманъ въ завоеванныхъ областяхъ, не носилъ при себѣ меча⁶. При немъ, однако, былъ совершенъ побѣдоносный походъ на турокъ изъ Хорасана⁷, былъ взятъ и укрѣпленъ городъ Нарбонна во Франціи⁸; былъ посланъ даже отрядъ для набѣга на византійскія владѣнія изъ Химса⁹, куда пріѣзжалъ самъ Омаръ. Столь же замѣчательно, что самымъ приближеннымъ къ халифу лицомъ изъ сыновей Абд-ал-Мелика былъ не благочестивый Са'идъ, прозванный «добродѣтельнымъ» (سعيد الخير)¹⁰, но прославившійся своими военными доблестями Маслама¹¹. Маслама въ царствованіе Омара не принималъ участія во внѣш-

¹ Beladsori 185 сл.

² По *Fragm. hist. arab.* I, 63 Омаръ «кушилъ» у грековъ Малатію, отпустивъ на волю 100,000 плѣнныхъ.

³ Beladsori 167.

⁴ Ibid. 165. Также Ибн-ал-Факихъ, *Bibl. Geogr. Arab.* V, 112, 16.

⁵ Табарі II, 1365 внизу.

⁶ Ибн-Са'дъ VIII, 298, 19.

⁷ Ja'qubi Hist. II, 363.

⁸ Этотъ фактъ отмѣчаетъ и Вельхаузенъ (*Das Arab. Reich* 167, прим.).

⁹ Табарі II, 1349, 18.

¹⁰ Beladsori 179.

¹¹ О значеніи Масламы при Омарѣ особенно *كتاب الاغانى* VIII, 152; его считали شريك الخليفة في الخلافة.

нихъ войнахъ, но его военные таланты были использованы противъ внутренняго врага — хариджитовъ¹.

Не сочувствуя священной войнѣ, Омаръ старался распространить исламъ путемъ мирнаго миссіонерства и обращался къ нѣсколькимъ властителямъ съ предложеніемъ принять мусульманство — иногда, какъ увѣряетъ преданіе, съ успѣхомъ². Христіанскіе авторы³ говорятъ о перепискѣ по вопросамъ вѣры между Омаромъ и императоромъ Львомъ III, армянинъ Леонтіи приводитъ даже текстъ обоихъ писемъ — краткаго и сдержаннаго письма халифа и широковыщательнаго, рѣзко-полемическаго отвѣта императора⁴. Левъ III до своего вступленія на престолъ имѣлъ возможность ознакомиться съ исламомъ; есть извѣстіе, что онъ происходилъ изъ города Мар'аша и кромѣ греческаго образованія получилъ также арабское⁵. Въ письмѣ халифа любопытна ссылка на видѣніе пророка Исаи (XXI, 7), гдѣ говорится о ѣздившихъ на ослахъ и ѣздившихъ на верблюдахъ; эти слова истолкованы въ смыслѣ равенства Христа и Мухаммеда. Въ отвѣтѣ императора любопытно, что тотъ же Левъ III, который черезъ нѣсколько лѣтъ долженъ былъ положить начало иконоборству, въ то время считалъ нужнымъ защищать отъ нападокъ халифа почитаніе креста и иконъ.

Внутри государства Омаръ старался быть справедливымъ не только къ мусульманскому населенію. Христіане и другіе иновѣрцы, согласно Корану, считались податнымъ сословіемъ; но подати предписывалось взимать безъ притѣсненій⁶ и безъ нарушенія существовавшихъ договоровъ. Въ Египтѣ Омаръ, въ противоположность своему отцу Абд-ал-Азизу и брату Асбагу, освободилъ отъ податей церковь и духовенство; взиманіе этихъ податей было возобновлено только при его преемникѣ Іезидѣ⁷. За христіанами и евреями было признано право учреждать вакфы⁸, т. е. завѣщать въ пользу своихъ религіозныхъ учрежденій имущество. Съ другой стороны говорится, что при Омарѣ должностныя лица изъ коптовъ были замѣнены мусульманами; приводится даже мало вѣроятное извѣстіе, будто Омаръ предложилъ всѣмъ своимъ иновѣрческимъ подданнымъ или принять исламъ, или высе-

¹ Ибн-Са'дъ VIII, 263 сл.

² Wellhausen, Das Arab. Reich 184, по Beladsofi 426 и 441.

³ Кромѣ Леонтіи (см. ниже) также Агапіи Манбиджскій въ изд. А. А. Васильева, 243.

⁴ Гевондъ, перев. Патканова, 29 сл.

⁵ Fragm. hist. arab. I, 25. Ср. А. А. Васильевъ, Лекціи по ист. Византии, I, 219.

⁶ Напр., Табари II, 1366,4 (في غير ظلم).

⁷ Северъ, изд. Зейбольда, 143 сл.

⁸ Ибн-Са'дъ VIII, 262,14 сл.

литься¹. По Леонтію Омаръ, наоборотъ, въ концѣ своего царствованія относился къ христіанамъ лучше, чѣмъ прежде. Онъ разрѣшилъ вернуться въ Арменію плѣннымъ, уведеннымъ изъ этой страны въ концѣ царствованія Абд-ал-Мелика или въ началѣ царствованія Валида, послѣ вѣроломнаго избіенія нахараровъ намѣстникомъ Мухаммедомъ ибн-Мерваномъ². Есть извѣстіе³, что Омаръ послѣ своего вступленія на престолъ исполнялъ обязанности имама, т. е. совершалъ мусульманское богослуженіе въ христіанской церкви⁴.

Омаръ назначилъ намѣстникомъ Египта Айюба ибн-Шурахбиля; занимавшій эту должность съ декабря 714 г. Абд-ал-Меликъ ибн-Рфа'а былъ устраненъ⁵. Замѣчательно, что въ собраніи папирусовъ эрцгерцога Райнера имѣется документъ, рѣзко осуждающій намѣстника, назначеннаго благочестивымъ халифомъ, и прославляющій его предшественника⁶. Иногда Омаръ самъ признавался, что при назначеніи того или другого намѣстника сдѣлалъ ошибку. По словамъ Ибн-Кутейбы⁷, намѣстникъ Басры Адій ибн-Артатъ получилъ отъ Омара письмо, гдѣ говорилось: «Меня ввели въ заблужденіе твои постоянныя бесѣды съ чтецами Корана и твоя черная чалма; когда мы испытали тебя, мы нашли въ тебѣ противоположное тому, на что надѣялись». Черная чалма, за которую нѣкогда сестра Омара осуждала Хаджжаджа, теперь, очевидно, служила рекомендаціей, такъ какъ указывала на безпритязательный, бедуинскій образъ жизни своего носителя, похожій на образъ жизни самого халифа; но внѣшность, конечно, часто была обманчивой. Адій ибн-Артатъ оставался, однако, намѣстникомъ Басры до смерти Омара⁸. Омаръ успѣлъ смѣнить изъ назначенныхъ имъ самимъ намѣстниковъ только хорасанскаго намѣстника Джарраха ибн-Абдаллаха, который притѣснялъ инородцевъ, неохотно освобождалъ новообращенныхъ отъ уплаты податей и писалъ халифу, что Хорасаномъ можно управлять только при помощи меча и кнута. Джаррахъ, въ послѣдствіи снова призванный къ власти, считался однимъ изъ «мечей Хаджжаджа» и, подобно ему, отличался личнымъ безкорыстіемъ, но задачи правителя, очевидно, понималъ иначе, чѣмъ халифъ⁹.

¹ Северт, loc. cit.

² Гевондъ 22 сл., 29 и 70.

³ Ибн-Са'дъ VIII, 284, 18 сл.

⁴ Или въ синагогѣ (كنيسة).

⁵ Кинди, ed. Guest, 66 сл.

⁶ Papyrus Erzherzog Rainer. Führer durch die Ausstellung, Wien 1894, № 596.

⁷ عيون الأخبار, ed. Brockelmann, 78, 4 сл.

⁸ По Ибн-Са'ду (28927,) ему былъ подчиненъ также Фарсъ.

⁹ Табари II, 1354 сл.

Передачики извѣстій объ Омарѣ стараются доказать, что онъ ради торжества отвлеченной идеи справедливости готовъ былъ жертвовать всѣми интересами государства и династіи. Несомнѣнно, что Омаръ не заботился о пополненіи казны, щедро платилъ жалованіе войску, помогалъ нуждавшимся, не останавливался передъ отмычкой податей, считавшихся незаконными. Этимъ царствованіе Омара больше всего отличалось отъ царствованія одного изъ его ближайшихъ преемниковъ, халифа Хишама (724—743), который тоже считался богобоязненнымъ человѣкомъ¹, велъ такой же непритязательный образъ жизни и не тратилъ государственныхъ средствъ на свои личныя потребности², но заботился о финансахъ государства, находившихся при немъ въ образцовомъ состояніи³, и объ умноженіи имущества династіи⁴. Хишамъ, по словамъ Леонтія, «поричалъ щедрость Омара и обвинялъ его въ томъ, что онъ незаконно истратилъ сокровища, собранныя его предшественниками»⁵. Событія заставляютъ признать политику Омара болѣе правильной. Своимъ правленіемъ Омаръ поднялъ авторитетъ халифа на необычную высоту, и рѣдко мы въ литературѣ встрѣчаемъ такое единодушное прославленіе государя, какъ прославленіе Омара всѣми писавшими о немъ восточными авторами, мусульманскими и христіанскими. Съ другой стороны правитель, ставившій на первомъ мѣстѣ интересы казны, не могъ быть популяренъ, каковъ бы ни былъ его личный образъ жизни; въ царствованіе Хишама движеніе во имя книги Божіей и сунны пророка было движеніемъ противъ халифа, и его образцовое финансовое хозяйство не спасло его династіи. Что провозглашенный Омаромъ II призывъ къ книгѣ Божіей и суннѣ пророка не былъ только случайнымъ явленіемъ, вызваннымъ личными странностями халифа, лучше всего показали послѣдующія событія. При ближайшемъ преемникѣ Омара II тотъ же призывъ выставилъ своимъ лозунгомъ мятежный намѣстникъ Іезидъ ибн-Мухалабъ⁶, въ дѣйствительности, несомнѣнно, мало заботившійся о религіи; двадцать лѣтъ спустя, послѣ убійства Валида II и возведенія на престолъ Іезида III, посителемъ того же принципа снова сдѣлался представитель верховной власти, причемъ на этотъ разъ сторонникомъ идеи народовластія и патріархальныхъ отношеній между государемъ и народомъ объявилъ себя халифъ, гордившійся сво-

¹ Ср. особенно слова Севра (144, 16) رجل خائف من الله على طريق الاسلام.

² Табари II, 1730 сл.

³ Ibid. 1732, 16.

⁴ Ср. слова Агапія (245) о приумноженіи недвижной собственности.

⁵ Гевондъ 71.

⁶ Табари II, 1391, 13.

имъ происхожденіемъ отъ хосроевъ, кесарей и кагановъ¹. Одинъ изъ ораторовъ, отвѣчавшихъ Іезиду III на его вступительную рѣчь, былъ готовъ поставить его выше Омара II, потому что Іезидъ достигъ власти путемъ открытаго возстанія противъ нарушителя предписаній вѣры, а не тѣми темными путями, къ которымъ прибѣгъ Омаръ². Іезидъ, однако, счелъ нужнымъ использовать для своихъ цѣлей популярность имени Омара и назначилъ одного изъ сыновей Омара намѣстникомъ Мекки и Медины, другого — намѣстникомъ Ирака³. Но Іезидъ не раздѣлялъ отношенія Омара къ интересамъ казны и поспѣшилъ отмѣнить прибавки къ жалованію войску, установленныя его предшественникомъ⁴. Данное Іезиду III прозваніе الناقصъ («уменьшитель») показываетъ, что эта черта его кратковременнаго царствованія произвела гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ его ревность къ вѣрѣ, и лишила его всякой тѣни популярности.

Дѣйствія Омара были, такимъ образомъ, вполне цѣлесообразны, тѣмъ болѣе, что приписанныя ему преданіемъ крайности опровергаются другими, очевидно, болѣе достоверными извѣстіями. Преданіе увѣряетъ, что Омаръ не признавалъ за Омейядами никакихъ преимуществъ и отбиралъ у нихъ все неправильно ими захваченное, чѣмъ вызвалъ съ ихъ стороны рѣзкій протестъ, на который онъ въ свою очередь отвѣтилъ угрозой, что покинетъ Сирію, уйдетъ въ Медину или передастъ власть совѣту изъ нѣсколькихъ мусульманъ⁵. Омаръ будто бы собирался по требованію хариджитовъ, съ которыми велъ переговоры, отмѣнить завѣщаніе Сулеймана, лишить Іезида ибн-Абд-ал-Мелика правъ на престолонаслѣдіе и назначить своимъ преемникомъ одного изъ благочестивыхъ людей, не находившихся въ родствѣ съ династіей; Омейяды поспѣшили предупредить его и подали ему ядъ, отъ котораго онъ черезъ три дня умеръ⁶. Легенда опровергается уже тѣмъ, что предсмертная болѣзнь Омара продолжалась 20 дней⁷. Сверхъ того Табари приводитъ фактъ, установленный при халифѣ Махдѣи, что въ царствованіе Омара II даже ничтожѣйшій изъ Омейядовъ получалъ изъ казны высшій окладъ — 2000 дирхемовъ, тогда какъ шейхъ изъ Хашимидовъ, т. е. изъ

¹ Ibid. 1874, 14.

² Ibid. 1885, 17.

³ Ibid. 1870, 5, 1875, 1-4 и 1854, 11.

⁴ Ibid. 1874, 17.

⁵ Ибн-Са'дъ VIII, 253, 23 сл.

⁶ Ja'qubi Hist. II, 370 наверху. Табари, II, 1349, 10. Ср. также подробный разсказъ о диспутахъ между Омаромъ и хариджитами во Fragm. hist. arab. I, 41—47.

⁷ Табари II, 1862, 1.

дома пророка, получалъ всего 60 дирхемовъ¹. Омаръ во всѣхъ областяхъ, между прочимъ въ Египтѣ, увеличилъ жалованіе войску, и эти прибавки были отмѣнены при его преемникѣ²; но сирійскіе отряды при немъ, по словамъ Я'куби, получили еще особую прибавку, по 10 динаровъ на человѣка, не распространявшуюся на отряды, стоявшіе въ другихъ областяхъ³. Изъ этого видно, что въ планы Омара не входилъ разрывъ съ традиціями династїи.

Столь же противорѣчивы многія другія извѣстія. Изъ сочиненія Вакиди приводится разсказъ со словъ намѣстника Ирака, что вся казна его области была израсходована на удовлетвореніе имущественныхъ претензій обиженныхъ при прежнемъ строѣ, такъ что Омаръ долженъ былъ прислать деньги изъ Сирїи⁴. Между тѣмъ есть другія извѣстія, по которымъ Иракъ въ царствованіе Омара, благодаря его справедливому управленію, приносилъ гораздо болѣе дохода, чѣмъ при Хадждаджѣ⁵. Самъ Омаръ удивлялся искусству Зіяда, намѣстника Ирака при халифѣ Муавїи, умѣвшаго держать въ порядкѣ Иракъ при помощи мѣстныхъ элементовъ, не пужаясь въ поддержкѣ сирійцевъ, и довести ежегодный доходъ области до суммы 118 милл. дирхемовъ⁶.

Вопросъ о податяхъ былъ однимъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ въ мусульманскомъ государствѣ. По мысли Мухаммеда, государство должно было жить только военной добычей и сборами съ иновѣрцевъ; сборы съ имущества мусульманъ должны были итти исключительно въ пользу бѣдныхъ; религіозное право и общественное мнѣніе рѣшительно возставали противъ всякихъ косвенныхъ налоговъ, вообще противъ налоговъ на торговлю и промышленность. Въ дѣйствительности правительство халифа взидало въ нѣкоторыхъ областяхъ тѣ же налоги, которые взиимались прежними правительствами и теперь обратились въ незаконные поборы, формально отмѣнялись, когда правительство объявляло, что будетъ впредь строго придержи-

¹ Табарї III, 534,8 сл. О значенїи شرف العطاء между прочимъ Ибн-Са'дъ VIII, 255,6.

² Кинди, ed. Guest, 68,9 и 70,11.

³ Ja'qubi Hist. II, 367 наверху.

⁴ Ибн-Са'дъ VIII, 252,10 сл.

⁵ Фактъ отмѣненъ Вельхаузенемъ, Das Arab. Reich, 191. Крайне сомнительны цифры, приведенныя у Ибн-Хордадбека (Bibl. Geogr. Arab. VI, 4 сл.). Болѣе достоверно сообщеніе Баллазури (Beladsori 270), что доходъ съ Савада уменьшился при Хадждаджѣ до 40 милл. дирхемовъ. Въ Fragm. hist. arab. I, 33 сказано, что въ правленіе Сулеймана хараджъ Ирака находился въ такомъ же печальномъ состоянїи, какъ при Валидѣ; дальнѣе (47) говорится, что при Омарѣ хараджъ поднялся до 60 милл.; вѣроятно, и эта цифра относится къ Ираку, а не ко всему государству.

⁶ Мубарраджъ, الكامل, 595.

ваться предписаній религіи, но на самомъ дѣлѣ продолжали взиматься. Такая же отмѣна незаконныхъ податей произошла при Омарѣ, причемъ въ Персіи упоминается рядъ податей, большею частью носившихъ персидскія названія¹: сборы, опредѣлявшіеся обычаемъ (آیین)², сборы въ пользу монетнаго двора³, подарки по случаю двухъ главныхъ годовыхъ праздниковъ—науруза и михраджана, плата за документы (гербовая пошлина)⁴, плата въ пользу правительственныхъ гонцовъ⁵, налогъ на дома (квартирный налогъ), налогъ на браки. Неизвѣстно, дѣйствительно ли эти подати перестали взиматься на всемъ пространствѣ Персіи; возможно, что происходило то же самое, какъ въ XII в. въ Египтѣ при Саладинѣ, когда путешественники, по свидѣтельству Ибн-Джубейра, при въѣздѣ въ страну справедливаго султана, отмѣнивашаго всѣ незаконныя подати, подверглись прежнимъ поборамъ, причемъ Ибн-Джубейръ былъ увѣренъ, что султанъ ничего не зналъ о злоупотребленіяхъ чиновниковъ⁶.

Пока податнымъ сословіемъ считались только иновѣрцы, распространеніе ислама тяжело отражалось на интересахъ казны, тѣмъ болѣе, что, какъ теперь доказано, первоначально не существовало установленное впоследствии мусульманскимъ правомъ различіе между джизьей—подушной податью, которой облагались только иновѣрцы, и хараджемъ, которому подлежали всѣ земельные участки, когда либо принадлежавшіе иновѣрцамъ, хотя бы ихъ владѣльцы въ данное время были мусульманами. При Омейядахъ термины «джизья» и «хараджъ» употреблялись какъ синонимы; взиманіе хараджа съ землевладѣльцевъ, принявшихъ исламъ, считалось противозаконнымъ, и этотъ «хараджъ» также упоминается среди податей, отмѣненныхъ Омаромъ II⁷. Долгое время европейскихъ ученыхъ вводилъ въ заблужденіе законъ Омара I, извлеченный Кремеромъ изъ исторіи Дамаска Ибн-Асáкира. Омаръ I будто бы запретилъ арабамъ приобрѣтать въ покоренныхъ областяхъ недвижимую собственность; если землевладѣлецъ при-

¹ Текстъ Табари II, 1367 наверху; попытка его толкованія у Кремера, *Culturge-schichte*, II, 178, прим. 1 и Вельхаузена, *Das Arab. Reich*, 189.

² У Кремера пропущено, у Вельхаузена «möglichlicher Weise Zoll, wie das englische custom». Аналогія, конечно, мало убѣдительная.

³ أجور الضرائب, у Кремера «Taxen zur Bezahlung der Messbeamten», у Вельхаузена пропущено.

⁴ ثمن الصحف, Кремеръ «Papier-taxen», Вельхаузенъ «Aktenstempel».

⁵ أجور الفیوج, Кремеръ «Aufsperrgelder», Вельхаузенъ «Gebühren für Unter-beamten».

⁶ Ибн-Джубейръ, изд. Wright-de Goeje, 40, 11.

⁷ Табари II, 1367, в.

нималъ исламъ, онъ долженъ былъ передавать свою земельную и даже усадебную собственность своимъ прежнимъ единовѣрцамъ и уходить въ мусульманскіе города. При Омейядахъ законъ Омара былъ нарушенъ, и многіе земельные участки перешли изъ рукъ туземцевъ въ руки мусульманъ. Омаръ II не отменилъ тѣхъ покупокъ, которыя были сдѣланы до него, и предписалъ взимать съ такихъ земельныхъ участковъ, вмѣсто хараджа, только десятину; но съ 100 г. хиджры такія покупки вновь были запрещены, и это запрещеніе сохраняло силу при двухъ преемникахъ Омара, Іезидъ II (720 — 724) и Хишамъ (724 — 743).

Такъ говоритъ Ибн-Асâкирь. Вельхаузенъ¹ вполне основательно доказываетъ, что пріобрѣтеніе земельной собственности арабамъ никогда не запрещалось. Постоянно говорится, между прочимъ и при Омарѣ I², о раздававшихся въ ленъ земельныхъ участкахъ, قطائعъ, составлявшихъ наследственную собственность³ и переходившихъ отъ одного лица къ другому путемъ покупки.

Иначе Вельхаузенъ⁴ относится къ разсказу того же Ибн-Асâкира о законѣ Омара II; этотъ разсказъ признается достовѣрнымъ, и дѣлается выводъ, что Омаръ II принялъ мѣры противъ дальнѣйшаго перехода въ частныя руки государственной собственности, запретивъ продажу земли, обложенной хараджемъ, и прекративъ раздачу леновъ. Авторъ начала аббасидскаго періода Яхья ибн-Адамъ утверждаетъ, что при Омарѣ II земля новообращеннаго мусульманина переходила къ его оставшимся при своей прежней религіи односельчанамъ, если онъ переселялся къ мусульманамъ въ городъ; если же новообращенный оставался при своемъ капалѣ, т. е. при своей пашиѣ, то хараджъ взимался съ него по прежнему. Вельхаузенъ признаетъ, что слова Яхья ибн-Адама находятся въ полномъ противорѣчій со словами историковъ, что Омаръ II постоянно настаивалъ на запрещеніи взимать хараджъ съ новообращенныхъ мусульманъ; но, по его мнѣнію, противорѣчіе исчезаетъ, если предположить, что новообращенный, продолжавшій обрабатывать свою землю, рассматривался, какъ арендаторъ государственной собственности, и плата взималась съ него не какъ подать, но какъ аренда.

¹ Das Arab. Reich 172 сл.

² Что ранніе арабскіе авторы не видѣли въ этомъ отношеніи разницы между Омаромъ I и его преемникомъ, видно хотя бы изъ словъ Балазури (Beladsori 144) قطائع قطع بامر عمر وثمان. Ср. переводъ Н. А. Мѣдникова, Палестина, II, 85 сл. Есть, однако, извѣстіе (Beladsori 366 внизу), что Омаръ I никому не раздавалъ участковъ на Евфратѣ и Тигрѣ (على النهرين). Ср. еще Beladsori 350 сл.

³ Ср. слова طعمة و قطیعة, над. ванъ-Флотена; 60 о разницѣ между

⁴ Das Arab. Reich 182 сл.

Въ подтвержденіе приводятся слова того же Яхьи ибн-Адама о сходномъ распоряженіи халифа Алія. Едва ли необходимо прибѣгать къ такимъ натянутымъ предположеніямъ. Разсказъ Ибн-Асáкира, жившаго, какъ извѣстно, въ XII в., о законѣ Омара II и значеніи 100 г. хиджры стоитъ въ мусульманской литературѣ такъ-же одиноко, какъ его разсказъ о законѣ Омара I, и находится въ такомъ же противорѣчій съ показаніями болѣе раннихъ авторовъ. Самъ Вельхаузенъ¹ приводитъ разсказъ продолжателя Исидора Севильскаго, что именно при Омарѣ II земельные участки въ Испаніи съ соотвѣствующимъ инвентаремъ, раньше разсматривавшіеся какъ собственность всего арабскаго народа, были розданы по жребію отдѣльнымъ лицамъ, причемъ въ казну была отчислена только извѣстная часть, вѣроятно пятая. По словамъ Ибн-Са'да, Омаръ II разрѣшилъ землевладѣльцамъ продавать находившуюся въ ихъ рукахъ хараджную землю, такъ какъ «продаваемое ими есть только собственность мусульманъ, доставшаяся имъ путемъ войны (فئ السلبين), а джизья остается неизмѣнной»². Писавшіе въ IX в. въ азіатскихъ областяхъ халифата авторы также не видѣли ничего невозможнаго въ томъ, что и при Омарѣ II раздавались земельные лены. Балазури говоритъ о каналѣ близъ Ракки на Евфратѣ, связанномъ съ именемъ Са'ида, сына Абд-ал-Мелика, что по нѣкоторымъ извѣстіямъ этотъ участокъ земли былъ пожалованъ въ ленъ Са'иду его братомъ Валидомъ, по другимъ — Омаромъ II³. Я'куби говоритъ только, что Омаръ II утвердилъ земельные лены, пожалованные его предшественниками⁴, хотя Ибн-Са'дъ приводитъ разсказъ объ отобраніи леновъ у представителей династій⁵. Повидимому, Омаръ II не отказывался отъ земельной собственности и лично для себя. По словамъ Я'куби, его пребываніе въ сѣверной Сиріи въ нѣкоторыхъ источникахъ объяснялось тѣмъ, что у него тамъ былъ участокъ земли, унаслѣдованный имъ отъ матери, внучки Омара I⁶. Доводъ Вельхаузена въ пользу показаній Ибн-Асáкира, что они слишкомъ подробны, чтобы быть *aus den Fingern gezogen*⁷, для историка вообще мало убѣдителенъ; тотъ же доводъ могъ бы быть примѣненъ и къ показаніямъ о законѣ Омара I, отъ котораго Ибн-Асáкиръ былъ отдѣленъ немного только болѣе продолжительнымъ періодомъ, чѣмъ отъ Омара II.

¹ Das Arab. Reich 184 сл.

² Ибн-Са'дъ VIII, 277, 16 сл.

³ Beladsori 179.

⁴ Ja'qubi Hist. II, 367 наверху.

⁵ Ибн-Са'дъ VIII, 276, 10 сл.

⁶ Ja'qubi Hist. II, 368 въ серединѣ.

⁷ Das Arab. Reich 182.

На авторитетъ Омара II вообще любили ссылаться въ своихъ притязаніяхъ спорившія между собой стороны. Въ IX в. бывшее еврейское селеніе Фадакъ, въ двухъ или трехъ дняхъ пути отъ Медины¹, рассматривалось въ шіитскихъ кругахъ, какъ наслѣдственная собственность пророка, неправильно отнятая у его дочери Фатимы и ея потомковъ; эти притязанія были признаны въ 826 г. халифомъ Мамуномъ, но въ послѣдствіи вновь отвергнуты врагомъ потомковъ Алія, халифомъ Мутеваккилемъ (847—861)². О болѣе раннихъ распоряженіяхъ, въ томъ числѣ и о распоряженіяхъ Омара II, приводятся противорѣчивыя извѣстія. Есть извѣстіе, что Омаръ велѣлъ возратить потомкамъ Фатимы Фадакъ, который послѣ его смерти снова былъ отобранъ его преемникомъ Іезидомъ³; но есть и другой рассказъ, по которому Фатима просила пророка отдать ей Фадакъ, но получила отказъ; при жизни пророка и первыхъ халифовъ доходы съ Фадака шли въ пользу странниковъ; Муавія подарилъ Фадакъ Мервану, тотъ оставилъ его двумъ изъ своихъ сыновей, Абд-ал-Мелику и Абд-ал-Азизу, и ихъ потомкамъ; Валидъ и Сулейманъ, по просьбѣ Омара, уступили ему свои доли; сдѣлавшись собственникомъ всего Фадака, Омаръ обратилъ его доходы на первоначальную цѣль — содержаніе странниковъ⁴; то же самое назначеніе эти доходы получили при Мутеваккилѣ, ссылавшемся на примѣръ первыхъ халифовъ и Омара II⁵. Сумма доходовъ съ Фадака составляла при Мерванѣ 10,000 динаровъ⁶.

Вообще въ шіитскихъ кругахъ распространялись явно преувеличенные рассказы⁷ о симпатіи Омара къ Алидамъ и о преклоненіи его передъ ихъ родоначальникомъ. Достовернымъ можетъ считаться фактъ, что Омаръ лично, какъ послѣ него Хишамъ⁸, отказывался проклинать Алія съ каедры въ мечети, какъ дѣлалось со времени Муавіи; за это Омара прославляетъ шіитскій поэтъ Кусайиръ⁹. Мас'уди приводитъ преданіе, по которому Омаръ велѣлъ замѣнить эти проклятія произнесеніемъ двухъ стиховъ Корана

¹ О мѣстоположеніи Якутъ, III, 855, 12.

² Beladsofi 32 сл.

³ Якутъ III, 856, 9 сл.; также Ja'qubi Hist. II, 366 внизу. Вельхаузенъ (Das Arab. Reich 185) признаетъ это извѣстіе достовернымъ и даже не упоминаетъ о противоположныхъ преданіяхъ; также I. Goldziher, Muh. Studien, II, 103, прим. 1.

⁴ Ибн-Са'дъ VIII, 286, 15 сл.

⁵ Якутъ III, 858, 12.

⁶ Ибн-Са'дъ VIII, 286, 22.

⁷ Это преувеличеніе отрицаетъ и Вельхаузенъ, Das Arab. Reich 193, прим. 2.

⁸ Табари II, 1483, 4. Объ этомъ Міръ Ислама, I (1912), 208.

⁹ Стихъ въ Ja'qubi Hist. II, 366 и Fragm. hist. arab. I, 62 внизу. У Якута, II, 671, 17 приводится о томъ же стихъ шіитскаго имама Али Риза.

(16,92 и 59,10); при Мас'уди оба эти стиха провозносились совместно, но не знали точно, было ли такъ установлено при Омарѣ, или Омаръ велѣлъ произносить одинъ изъ этихъ стиховъ. Болѣе всего подходитъ для этой цѣли второе мѣсто (59,10), гдѣ говорится о любви и прощеніи¹. Если Омаръ, дѣйствительно, ограничивался чтеніемъ этого стиха, то ясно, что онъ только отказывался отъ ненависти къ Алію, не становясь его поклонникомъ. Настроеніе Омара, повидимому, правильно передано въ разсказѣ Навави², по которому Омаръ отвѣтилъ спрашивавшему его мнѣнію о «днѣ верблюда» и битвѣ при Сиффинѣ: «Мнѣ довольно что Богъ избавилъ мою руку отъ пролитія этой крови; я не жочу погружать въ нее свой языкъ». Приблизительно такой же отвѣтъ далъ Тимуру въ 1401 г. одинъ ученый въ Дамаскѣ: «То время прошло; Богъ избавилъ насъ отъ участія въ тѣхъ смутахъ и сохранилъ наши мечи чистыми отъ той крови³».

Слова Табари о высокихъ окладахъ Омейядовъ сравнительно съ Хашимидами наглядно показываютъ, насколько преувеличены разсказы о милостяхъ, которыми Омаръ будто бы осыпалъ Хашимидовъ. Въ отвѣтъ на ихъ благодарность за избавленіе отъ притѣсненій, которымъ они подвергались со времени Муавіи, Омаръ будто бы заявилъ, что уговаривалъ своихъ предшественниковъ, Валида и Сулеймана, сдѣлать то же самое, но встрѣтилъ отказъ⁴. Столь же преувеличены извѣстія о безусловномъ уравниеніи въ правахъ арабовъ и инородцевъ, считавшихся кліентами арабскихъ племенъ. Говорится, что кліенты были уравнены съ арабами въ продовольствіи, одеждѣ, вспомошествованіи и вознагражденіи; кромѣ того отпущенный на волю бывший рабъ получалъ 25 динаровъ⁵. Вознагражденіе за военную службу выдавалось людямъ, способнымъ носить оружіе, начиналъ съ пятнадцатилѣтняго возраста⁶; кромѣ того воинамъ выдавались средства на содержаніе ихъ семей, по числу наличныхъ душъ; принимались только мѣры противъ полученія денегъ за мертвыхъ⁷. Послѣдній вопросъ, вѣроятно, былъ связанъ съ вопросомъ о правѣ передавать получавшіеся изъ казны оклады по послѣдству. Омаръ хотѣлъ уничтожить это право и установить одинаковое для всѣхъ вознагражденіе за службу; на это ему замѣтилъ одинъ изъ его совѣтниковъ: «Я боюсь, что тѣ, кто будетъ править послѣ

¹ Prairies d'or V, 419.

² Biogr. diction. 471.

³ Ибн-Арабшахъ, каирское изд., 110

⁴ Ибн-Са'дъ VIII,9 289,9 сл.

⁵ Ibid. 277,8 сл.

⁶ Ibid. 258,24.

⁷ Ibid. 255,14.

тебя, будутъ слѣдовать твоему примѣру въ непризнаніи права послѣдованія и не будутъ слѣдовать твоему примѣру въ установленіи равенства». Омаръ призналъ справедливость этого замѣчанія и отказался отъ своего намѣренія¹.

Заботы о своевременной уплатѣ жалованія въ увеличенномъ размѣрѣ не могли не отразиться на расходахъ казны; въ то же время стремленіе избавить подданныхъ отъ всякаго несправедливаго обложенія должно было отразиться на уменьшеніи доходовъ. Омару приписывается отмена не только налоговъ, по существу несовмѣстимыхъ съ мусульманскимъ вѣроученіемъ, какъ хараджъ съ мусульманъ и поборы языческаго періода², но также отмена всѣхъ тѣхъ добавочныхъ сборовъ, которые были введены его предшественниками съ нарушеніемъ существовавшихъ договоровъ. При Абд-ал-Меликѣ дань съ острова Кипра была увеличена на 1000 динаровъ; при Омарѣ эта прибавка была отменена, вполнѣдствіи, при халифѣ Хишамѣ, восстановлена³. Жители города Айлы на Красномъ морѣ по договору съ пророкомъ были обязаны платить всего 300 динаровъ въ годъ; Омаръ запретилъ взимать съ нихъ что либо сверхъ этой суммы⁴. Жители христіанскаго промышленнаго города Неджрана въ Іеменѣ по договору съ пророкомъ должны были поставлять ежегодно 2000 плащей; при Омарѣ I, рѣшившемъ не допускать на арабскомъ полуостровѣ другихъ вѣръ, кромѣ ислама, неджранцы были выселены въ Иракъ, гдѣ ихъ число вслѣдствіе разныхъ бѣдствій и притѣсненій уменьшилось постепенно въ десять разъ. Омаръ II призналъ, что наложенный на нихъ сборъ есть подушный — джизья — а не земельный; джизьи съ мертвыхъ, какъ и съ принявшихъ исламъ, взимать пельзя; поэтому было предписано впредь взимать съ неджранцевъ только 200 плащей, стоимостью всего въ 8000 дирхемовъ⁵. Жители мусульманскаго Іемена при прежнемъ намѣстникѣ Мухаммедѣ ибн-Юсуфѣ, братѣ Хаджжаджа, были обложены добавочнымъ сборомъ, въ качествѣ хараджа; Омаръ II отменилъ этотъ сборъ и велѣлъ взимать съ іеменцевъ только десятину; при его преемникѣ Іезидѣ прибавка была восстановлена⁶.

¹ Beladsori 458 сл.

² Сюда, повидимому, причислялись и отмененные Омаромъ II, несмотря на его ненависть къ предметамъ роскоши, налоги на роскошь; прежде взимали по 1 динару за лошадь, по 1 динару за слугу, по 5 дирхемовъ за каждый фадданъ (0,45 дес.) земельной собственности (Ибн-Са'адъ VIII, 271,7 слѣд.).

³ Beladsori 154 сл.

⁴ Beladsori 59.

⁵ Ibid. 66 сл.

⁶ Ibid. 73.

Къ доходамъ казны въ строгомъ смыслѣ слова не могли быть причислены сборы съ имущества мусульманъ — *садака* — въ то время тоже принудительные, но предназначавшіеся, по крайней мѣрѣ въ теоріи, исключительно для помощи бѣднымъ. На дѣлѣ правительство часто распоряжалось и этими поступленіями по своему произволу; но сознание, что этимъ нарушаются предписанія ислама, было еще настолько сильно, что правитель, желавшій быть или казаться благочестивымъ, могъ расходовать садаку только на дѣла благотворительности. Когда въ серединѣ VIII в. движеніе во имя книги Божіей и сунны пророка привело къ низложенію Омейядовъ и воцаренію Аббасидовъ, новая династія тотчасъ пошла нужнымъ вернуть садакъ ея прежнее назначеніе¹ — разумѣется, только на короткое время. При Омарѣ II въ вопросѣ о назначеніи садаки, конечно, не могло быть колебаній; такъ сборы зерномъ и финиками, взимавшіеся въ Оманѣ, было предписано обращать исключительно въ пользу мѣстныхъ бѣдняковъ². Не вполне выясненъ былъ только вопросъ, какіе сборы должны быть отнесены къ этой категоріи. Мусульманское право при Аббасидахъ приняло формулу римскаго права объ *оскупатіо*, приравняло доходы съ рудниковъ къ военной добычѣ и предписало взимать съ нихъ въ пользу казны пятую часть — *хумсъ*³. При Омарѣ II вопросъ оставался спорнымъ, и самъ халифъ склонялся къ менѣе выгодному для казны рѣшенію вопроса; по его мнѣнію, сборы съ рудниковъ относились къ садакѣ, а не къ хумсу⁴. Въ вопросѣ о томъ, какія статьи дохода подлежатъ садакѣ, Омаръ, въ интересахъ бѣдныхъ, иногда шелъ дальше мусульманскаго права; такъ было предписано взимать садаку съ пчелныхъ ульевъ, между тѣмъ какъ впоследствии многіе изъ религіозныхъ авторитетовъ находили, что эта статья дохода садакѣ не подлежитъ⁵.

Изъ мѣръ для защиты неимущихъ противъ эксплуатаціи частными лицами упоминается только распоряженіе Омара II, изданное въ томъ же 100 г. хиджры, къ которому Ибн-Асâкиръ относитъ фантастическій земельный законъ; въ этомъ году жителямъ Мекки было запрещено взимать плату за сдачу въ наемъ своихъ помѣщеній и воздвигать постройки въ долину Мина⁶, гдѣ, какъ извѣстно, паломники бросаютъ камни, совершаютъ

¹ Кинди 100,15.

² Beladsoṛi 77 сл.

³ Міръ Ислама, I (1912), 133.

⁴ Ибн-Са'дъ VIII, 259,27 сл.

⁵ Beladsoṛi 57.

⁶ Ибн-Са'дъ VIII, 268,23 сл. О запрещеніи сдачи въ наемъ помѣщеній въ Меккѣ говорить и Балазури (Beladsoṛi 43), безъ указанія даты.

жертвоприношеніе и проводить двѣ ночи. Распоряженіе Омара, очевидно, было сдѣлано съ цѣлью защитить паломниковъ отъ эксплуатаціи мѣстными жителями; но сомнительно, чтобы оно могло получить практическое при-
мѣненіе.

Намѣстникамъ, кромѣ справедливости и защиты населенія отъ при-
тѣсненій, предписывалось также заботиться о чистотѣ нравовъ въ духѣ
предписаній ислама. Египетскому намѣстнику было предписано запретить
употребленіе вина, сломать и уничтожить лавки, гдѣ оно продавалось¹.
Женщинамъ было запрещено посѣщать публичныя бани², мужчины, посѣ-
щавшіе бани, обязательно должны были надѣвать *мизаръ*, нѣчто въ родѣ
купальнаго костюма³.

При дворѣ халифа благочестіе сдѣлалось обязательнымъ. Какъ при
Валидѣ разговоръ при дворѣ шелъ о постройкахъ, при Сулейманѣ — о
бракахъ и наложницахъ, такъ при Омарѣ придворные спрашивали другъ
друга о ночныхъ молитвахъ, изученіи и чтеніи Корана, о постѣ⁴. Благоче-
стивую жизнь, наравнѣ съ халифомъ, вела и его семья; его сынъ Абд-ал-
Меликъ, умершій въ царствованіе отца 17-ти или 19 лѣтъ⁵, считался чело-
вѣкомъ самой строгой нравственности.

Переменною въ образѣ жизни халифа менѣе всего могли быть довольны
поэты, которыхъ онъ нѣкогда такъ щедро награждалъ въ Мединѣ. Поэтъ
Джериръ упрекалъ халифа за щедрость къ бѣднымъ и скупость къ
поэтамъ⁶. Омаръ, однако, продолжалъ дѣлать подарки поэтамъ, но въ мень-
шемъ размѣрѣ, притомъ только изъ своихъ личныхъ средствъ, не изъ
средствъ казны. Иногда халифъ считалъ нужнымъ тайно награждать
поэтовъ болѣе щедро, чѣмъ публично. Въ *كتاب الاغانى* приводится рассказъ
о трехъ поэтахъ, посѣтившихъ халифа; двоимъ было разрѣшено произнести
свои стихи, и было приказано дать имъ по 150 дирхемовъ; третьяго ха-
лифъ совершенно отказался слушать. Поэтамъ намекнули, чтобы они оста-
лись и подождали; когда они вышли отъ халифа, двое получили по 300 дир-
хемовъ, третій — 150⁷.

Кромѣ поэзіи, халифъ былъ не чуждъ и науки; еврейскій врачъ изъ
Басры Масарджуя или Масарджисъ перевелъ для него съ сирійскаго языка

¹ Кинди 68,9.

² Ibid. 69,4.

³ Ибн-Са'дъ VIII, 263,16 сл.

⁴ Табари II, 1273,2.

⁵ 19½ у Ибн-Кутейбы, *كتاب المعارف*, 184; 17½ у Ибн-Аббаса, *Biogr. dict.*, 466.

⁶ *كتاب الاغانى* VIII, 154.

⁷ Ibid. 152 слѣд.

на арабскій медицинское сочиненіе александрійскаго врача и священника Аарона. По другому извѣстію, переводъ былъ сдѣланъ еще при Мерванѣ; Омаръ нашелъ его въ библіотекѣ своего дѣда, положилъ его къ себѣ на молитвенный коврикъ и 40 дней спрашивалъ Бога, вѣроятно посредствомъ гаданія по Корану, слѣдуетъ ли обнародовать этотъ трудъ¹. Во время своего царствованія Омаръ долженъ былъ ставить простодушную дѣтскую вѣру выше всякаго знанія; ему приписывается наставленіе: «Держись вѣры ребенка въ школѣ и бедуина и откажись отъ всего остальнаго»². Халифу приписывали изреченіе: «Кто сказалъ: я не знаю, тотъ упрочилъ за собой половину знанія»³. Свое стремленіе возстановить въ чистомъ видѣ жизнь первоначальной мусульманской общины халифъ умѣлъ выражать въ картинныхъ образахъ. Въ کتاب الاغانی ему приписывается сравненіе ислама съ рѣкой, протекавшей при пророкѣ и двухъ первыхъ халифахъ въ одномъ большомъ руслѣ; со времени Османа изъ рѣки начали отводить каналы, число которыхъ все увеличивалось; оттого главное русло высохло; между тѣмъ жажда живущихъ на этой рѣкѣ будетъ удовлетворена только тогда, когда главное русло снова наполнится водой, какъ прежде⁴.

Омаръ, повидимому, рѣдко бывалъ въ Дамаскѣ и не жилъ во дворцѣ Омейядовъ. Я'куби говоритъ, что онъ ненавидѣлъ постройки своихъ предшественниковъ, воздвигнутыя на средства, взятые изъ имущества Божьяго и государственной собственности мусульманъ⁵. Ему приписывается намѣреніе удалить изъ построенной Валидомъ мечети въ Дамаскѣ мраморъ, мозаику и золото, чтобы эта роскошь не отвлекала вѣрующихъ отъ молитвы; но это распоряженіе было отмѣнено, когда халифу рассказали, какое впечатлѣніе произвела мечеть на византійскихъ пословъ: византійцы сказали, что они прежде считали господство арабовъ только временнымъ, теперь великолѣпіе и прочность построенной ими мечети убѣдили ихъ въ томъ, что они ошиблись⁶. Начатая при Сулейманѣ мечеть въ Рамлѣ при Омарѣ, однако, была достроена, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ⁷. Любимымъ мѣстопребываніемъ халифа былъ укрѣпленный городокъ Хунасира въ

¹ Ибн-ал-Кифти, изд. Lippert, 324 сл. О врачѣ Ааронѣ и его переводчикѣ еще В. Райтъ, Сир. литер., перев. подъ ред. проф. П. К. Коковцева, 65, прим. 6. О Масарджисѣ также Filhrst 297.

² Ибн-Са'дъ VIII, 275, 27.

³ Джахизъ, کتاب البيان, егип. изд., I, 150.

⁴ کتاب الاغانی VII, 152.

⁵ Ja'qubi Hist. II, 368.

⁶ Якутъ II, 595. Иѣсколько иначе Ибн-ал-Факихъ, Bibl. Geogr. Arab. V, 108. Ср. еще Fragm. hist. arab. I, 5 сл.

⁷ Beladkori 143; перев. П. А. Мѣдникова, Палестина, II, 84.

сѣверной Сиріи, въ двухъ дняхъ пути отъ Халеба, по направленію къ сѣверо-западу, на краю пустыни¹. Еще нѣсколько дальше къ сѣверо-западу, на берегу моря, въ горной мѣстности близъ Масиса, находилась крѣпость Мусаккабъ (مُثَقَّب), постройку которой нѣкоторые приписывали Омару II², другіе — Хишаму³; въ X в. въ Мусаккабѣ показывали мимбаръ и Коранъ Омара II.

По разсказу Я'куби, Омара убѣдили, что его пребываніе на краю пустыни вредно отражается на интересахъ государства. Онъ отправился въ Дамаскъ и прожилъ тамъ 20 дней въ домѣ своего отца Абд-ал-Азиза, близъ мечети⁴. Въ XII в., при Ибн-Джубейрѣ⁵, въ Дамаскѣ показывали небольшую мечеть Омара II и домъ его; послѣдній находился къ сѣверу отъ главной мечети и впоследствии былъ обращенъ въ ханаку для суфиевъ. Однако и для столицы царствованіе Омара II не прошло безслѣдно, въ смыслѣ насажденія благочестія и справедливости; назначенный имъ въ Дамаскъ казій оставался въ этой должности⁶, какъ говоритъ Якутъ, 30 лѣтъ, при его преемникахъ Іезидѣ и Хишамѣ или, если указанное число лѣтъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, даже послѣ Хишама, почти до конца правленія Омейядовъ.

Изъ Дамаска Омаръ ушелъ въ Халебъ, потомъ въ Химсъ, но на пути туда заболѣлъ и остановился въ монастырѣ Дейръ-Сим'анъ, гдѣ купилъ себѣ у одного монаха за 10 динаровъ⁷ мѣсто для погребенія. Какъ въ этомъ разсказѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ предполагается, что Дейръ-Сим'анъ находился въ сѣверной Сиріи⁸; только Бекри⁹ и Якутъ помѣщаютъ его въ окрестностяхъ Дамаска¹⁰. Самъ Якутъ говоритъ, что монастырь

¹ Якутъ I, 151,16 и II, 473.

² Истахри, Bibl. Geogr. Arab. I, 63.

³ Beladsofi 166 внизу.

⁴ Ja'qubi Hist., II, 368.

⁵ Ибн-Джубейръ, изд. Wright-de Goeje, 269,11 и 271,11.

⁶ Якутъ II, 536 внизу.

⁷ Такая сумма указана въ كتاب الاغانى VIII, 159, гдѣ нѣтъ названія монастыря. Въ Fragm. hist. arab. I, 63 говорится о двухъ динарахъ, причеъ въ мѣсто одного халифъ отдалъ свою рубашку.

⁸ Напр. Fragm. hist. arab. I. с. من ارض المعرة; Мас'уди, Prairies d'or V, 416 من اعمال حمص.

⁹ Переводъ извѣстія Бекри у Н. А. Мѣдниковъ, Палестина, II, 905.

¹⁰ Якутъ II, 671,2. Н. А. Мѣдниковъ, Палестина, I, 719 ссылается также на Евтихія, но Евтихій помѣщаетъ монастырь въ землѣ химской (ibid. II, 276). Монастырь, въ которомъ былъ погребенъ Омаръ, во всякомъ случаѣ не тождественъ съ болѣе извѣстной обителью, носившей то же названіе, на пути изъ Халеба въ Антіохію. Ср. Якутъ II, 672,2 бар. В. Розенъ, Василій Болгаробойца, стр. 168.

давно пришелъ въ разрушеніе, и въ его время даже его мѣстоположеніе не было точно извѣстно; приводятся стихи поэта Абу-Фираса, видѣвшаго монастырь въ развалинахъ. Во времена Якута могила Омара находилась въ другомъ монастырѣ сѣверной Сиріи, Дейръ-Мурранъ, близъ Ма'арры, и была мѣстомъ паломничества¹.

Преданія о послѣднихъ минутахъ халифа и о его погребеніи носятъ такую же легендарную окраску, какъ многіе рассказы о его жизни и царствованіи. У Табари говорится со словъ Фатимы, жены Омара, что послѣдними словами Омара были слова стиха Корана (28,88) «Это будущее жилище мы предназначаемъ для тѣхъ, которые не стремятся ни къ возвышенію, ни къ разврату, и будущая жизнь принадлежитъ благочестивымъ»². По легендѣ, рассказанной въ کتاب الاغانی, Фатима и Маслама слышали не земной голосъ, произнесшій этотъ стихъ Корана въ комнатѣ умершаго халифа, который испустилъ духъ со словами حَيِّ الْوَجْوهَ حَيِّ الْوَجْوهَ³. По کتاب الاغانی Омаръ рассказывалъ Масламѣ, что при погребеніи Абд-ал-Мелика у него было видѣніе, показавшее ему судьбу халифа послѣ смерти и побудившее его не подражать Абд-ал-Мелику. Самъ Маслама, когда завернулъ тѣло Омара въ саванъ, имѣлъ видѣніе, показавшее ему халифа въ раю⁴. Крайнимъ безвкусіемъ отличается легенда, рассказанная у Ибн-Са'да, что во время погребенія Омара съ неба упала бумажка съ надписью: «Избавленіе (امان) отъ Бога для Омара ибн - Абд - ал - Азиза отъ (адскаго) пламени»⁵.

В. Бартольдъ.

¹ Якутъ II, 697,9. Могилу Омара показывали при Якутѣ еще въ третьемъ монастырѣ Накирѣ (دير النكير), также близъ Ма'арры, на горѣ (ibid. 704,10).

² Табари II, 1372,12.

³ کتاب الاغانی VIII, 158.

⁴ Ibid. 156 сл. Ср. сходную легенду во Fragm. hist. arab. I, 61 наверху. Омаръ видѣлъ, какъ лицо Валида въ могилѣ почернѣло; рассказчикъ (Маймунъ ибн-Михранъ) видѣлъ, какъ лицо Омара въ могилѣ стало еще лучше, чѣмъ было въ дни счастья.

⁵ Ибн-Са'дъ VIII, 301,17 сл.

Фаустъ Византійскій, какъ историкъ¹.

Фаустъ Византійскій—древнѣйшій памятникъ армянской исторической литературы — излагаетъ событія IV вѣка, останавливаясь преимущественно на дѣлняхъ преемниковъ великихъ просвѣтителей Арменіи, Григорія и Тирдата. Трудъ его не дошелъ до насъ въ первоначальномъ видѣ, въ каковомъ имѣлся въ рукахъ еще въ VI вѣкѣ у Прокопія Кесарійскаго, извѣстнаго историка Юстиніана². Но и наличная редакція представляетъ высокій интересъ и заключаетъ въ себѣ такія характерныя особенности, которыя выдѣляютъ его среди другихъ историческихъ памятниковъ.

Фаустъ свободенъ отъ ученой схоластики, присущей въ большей или меньшей мѣрѣ другимъ армянскимъ историкамъ. Онъ не пользовался письменными документами³ и своими свѣдѣніями обязанъ, главнымъ образомъ, живымъ воспоминаніямъ и преданіямъ. Близость Фауста къ дѣйствительной жизни страны — главное его преимущество передъ другими историками.

Значеніе труда Фауста, богатого цѣнными реаліями изъ среды современной ему нахарарской Арменіи, достаточно признано и оцѣнено нѣмѣ спеціалистами. Но сравнительно мало вниманія удѣлено находящимся у него же матеріаламъ по внѣшней исторіи Арменіи. Свѣдѣнія его о политическихъ событіяхъ, касающихся византійско-персидскихъ отношеній въ Арменіи, носятъ легендарный характеръ и потому нелегко поддаются точной оцѣнкѣ въ отношеніи исторической ихъ основательности. Намъ хотѣлось бы подойти къ Фаусту пока именно съ этой стороны и разсмотрѣть, насколько историчны его сказочныя повѣствованія и есть-ли въ нихъ положительныя данныя, пригодныя для исторіи.

---

¹ Настоящій этюдъ написанъ давно и печатаемая нынѣ часть доложена еще 21 декабря 1906 года въ засѣданіи Восточнаго Отд. Русск. Арх. Общества, подъ названіемъ: «*Римско-персидскія отношенія за первую половину IV в. и армянскія о нихъ преданія*». (ЗВО, т. XVII, стр. XLII—XLIII). Статья эта находится въ связи съ задуманной тогда большой работой, имѣвшей цѣлью собирать важнѣйшіе разбросанные у классиковъ матеріалы по исторіи армянъ въ оригиналѣ съ русскимъ переводомъ.

² См. Начальная исторія Арменіи, Виз. Врем. 1911, VIII, 1—2.

³ Вліяніе литературныхъ источниковъ сказывается въ частяхъ, касающихся жизни патріарха Нерсеса. Но весьма сомнительно, чтобы эти части входили въ первоначальную редакцію труда Фауста.

Христіанскій Востокъ.

I.

Въ перипетіяхъ безконечной борьбы за Арменію между Византіею и Персіею отмѣчаются два важныхъ момента, 298 и 363 гг. Обстоятельства этихъ моментовъ достаточно извѣстны изъ западныхъ источниковъ и даютъ отчетливое понятіе о положеніи двухъ соперницъ по отношенію къ предмету спора, Арменіи. Что же касается событій, происшедшихъ между 298 и 363 годами, то свѣдѣнія о нихъ у западныхъ историковъ очень скудны. У армянскаго Фауста имѣются кое-какія сказанія, которыя относятся къ названному періоду и историческая основа которыхъ вскрывается при близкомъ знакомствѣ съ обстоятельствами дѣла, сообщаемыми западными авторами.

Въ концѣ третьяго столѣтія Арменія признавала верховное покровительство римлянъ. Въ 294 году на персидскій престолъ вступилъ царь Нарсей. По примѣру отца своего Шанура и изъ явнаго желанія подражать ему, какъ говоритъ Лактанцій¹, онъ сдѣлалъ большія приготовленія къ войнѣ и въ слѣдующемъ 295 году вторгся въ Арменію и занялъ ее. «Narseus primus, свидѣтельствуесть Аммианъ, Armeniam Romano juri obnoxiam occupat²».

Оборона Арменіи противъ персовъ выпала на долю Галеріа Максиміана, зятя и соправителя Діоклетіана. Послѣдній, выступая въ Египетъ для подавленія возстанія Ахиллея, приказалъ цезарю Галерію, правившему тогда Иллиріей, отправиться немедленно противъ персидскаго царя. Неопытный и пылкій цезарь отважился завязать бой съ превосходными силами врага въ Месопотаміи между Калиникой и Каррами и потерпѣлъ страшное пораженіе. Презрительный пріемъ, оказанный ему, побѣжденному вождю, Діоклетіаномъ, вызвалъ въ немъ рѣшимость еще разъ попытать счастье въ войнѣ. Галерій перенесъ военныя дѣйствія изъ месопотамскихъ равнинъ на высоты Арменіи, которая считалась «ferme sola seu facilius vincendi via». Новый бой въ горахъ Арменіи увѣнчался блестящимъ успѣхомъ для римлянъ и покрылъ имя оскорбленнаго цезаря громкой славой.

Войны Галерія описаны современными историками, Авреліемъ Викторомъ, Евтропіемъ и Руфомъ Фестомъ, писателями IV вѣка. Мнѣ сдается, что память о послѣднемъ сраженіи Галерія и Нарсея сохранилась и у

¹ Lactantius, De morte persecutorum, c. 9.

² Ammian XXIII, 5. Cp. Eutrop. XXII: Narseus Orienti bellum inferret; а также Aur-Vict. XXXIX: Eodem tempore Orientem Persae ...quatiebant.

армянскаго Фауста. Прежде чѣмъ привести относящійся сюда, на мой взглядъ, разсказъ Фауста, познакомимся съ обстоятельствами войны по даннымъ упомянутыхъ историковъ.

Аврелій Викторъ, написавшій свой трудъ въ 360 году, говоритъ:

«Въ то время, когда Ювій (=Діоклетіанъ) отправился въ Александрію (противъ самозванца Ахиллея), онъ далъ цезарю Максиміану приказъ оставить свои предѣлы (т. е. Иллирію) и двинуться въ Месопотамію для отраженія натиска персовъ. Вначалѣ онъ потерпѣлъ тяжкое пораженіе, но успѣшно образовавъ новую армію изъ ветерановъ и новобранцевъ, онъ бросился на врага черезъ Арменію, что является надежной базой и болѣе легкимъ путемъ побѣды. Наконецъ, тамъ же Галерій разбилъ царя Нарсея, взявъ въ плѣнъ его дѣтей и женъ и весь царскій дворъ. Побѣда была такъ блистательна, что если бы Валерій (=Діоклетіанъ), по приказанію котораго все дѣлалось, не противился бы, невѣдомо, по какой причинѣ, то римская власть простерлась бы на новую провинцію. Впрочемъ, часть земель, для насъ болѣе важная, все-таки была приобрѣтена; и такъ какъ персы настойчиво требовали ихъ обратно, то снова вспыхнула война, тяжелая и весьма гибельная» — *Interim, Jovio Alexandriam profecto, provincia credita Maximiano Caesari, uti relictis finibus in Mesopotamiam progredieretur, ad arcendos Persarum impetus. A quis primo graviter vexatus, contracto confestim exercitu e veteranis ac tironibus, per Armeniam in hostes contendit — quae ferme sola seu facilius vincendi via est. Denique ibidem Narseum regem in ditionem subegit, simul liberos coniugesque et aulam regiam. Adeo victor, ut ni Valerius, cujus nutu omnia gerebantur, incertum qua causa abnuisset, Romani fasces in provinciam novam ferrentur. Verum pars tamen nobis utilior quaesita, quae quum acrius reposcuntur, bellum recens susceptum est, grave admodum perniciosumque. Aur. Victor. De Caesaribus, XXXIX.*

Нѣсколько обстоятельнѣе сообщеніе Евтропія:

«Галерій Максиміанъ сначала имѣлъ очень неудачное сраженіе съ Нарсеемъ, встрѣтившись между Калиникой и Каррами, такъ какъ онъ дрался скорѣе необдуманно, чѣмъ малодушно. Съ ничтожнымъ отрядомъ онъ вступилъ въ бой съ многочисленнымъ врагомъ. Обращенный въ бѣгство, Галерій отправился къ Діоклетіану и настигнувъ его на пути (въ Египетъ), былъ принятъ, говорятъ, съ такимъ высокомеріемъ, что нѣсколько тысячъ шаговъ бѣжалъ въ порфирѣ, какъ разсказываютъ, за его колесницей.

Вскорѣ, однако, набравъ войско въ Иллиріи и Мизіи, Галерій вторично сразился съ Нарсеемъ, дѣдомъ Ормизда и Шапура, въ Великой Арменіи съ

очень большимъ успѣхомъ, благодаря обдуманному плану, а равно храбрости, при чемъ онъ принялъ на себя даже обязанность развѣдчика съ двумя или тремя всадниками. Отбросивъ Нарсея, Галерій разгромилъ его лагерь, захватилъ женъ сестеръ, дѣтей его и кромѣ того множество лицъ изъ персидской знати и персидскую богатѣйшую сокровищницу. Онъ самъ убѣжалъ въ окраинныя пустыни своего государства. Поэтому когда Галерій явился съ триумфомъ къ Діоклетіану, стоявшему тогда въ Месопотаміи съ войскомъ, то былъ принятъ съ огромнымъ почетомъ. — *Galerius Maximianus primo adversus Narseum minime secundum proelium habuit inter Callinicum Carrasque congressus, cum inconsulte magis, quam ignave dimicasset. Admodum enim parva manu cum copiosissimo hoste commisit. Pulsus igitur et ad Diocletianum profectus cum ei in itinere occurrisset, tanta insolentia a Diocletiano fertur exceptus, ut per aliquot passuum milia purpuratus tradatur ad vehiculum cucurrisset.*

Mox tamen per Illyricum Moesiamque contractis copiis rursus cum Narseo, Hormisdæ et Saporis avo, in Armenia Majori pugnavit successu ingenti, nec minore consilio simulque fortitudine, quippe qui etiam speculatoris munus cum altero ac tertio equite susceperit. Pulso Narseo castra ejus diripuit. Uxores, sorores, liberos cepit, infinitam extrinsecus Persarum nobilitatem, gazam Persicam copiosissimam. Ipsum in ultimas regni solitudines egit. Quare ad Diocletianum in Mesopotamia cum praesidiis tum morantem ovans regressus ingenti honore susceptus est. Eutropii breviarium historiae Romanae. l. IX. c. 24 — 25.

Третій историкъ Р. Фестъ о тѣхъ же событіяхъ рассказываетъ въ слѣдующихъ словахъ:

«При императорѣ Діоклетіанѣ имѣла мѣсто блестящая побѣда надъ персами. Цезарь Максиміанъ въ первой схваткѣ, сражаясь при незначительныхъ силахъ съ несмѣтными полчищами, пораженный отступилъ. Онъ былъ принятъ съ такимъ негодованіемъ Діоклетіаномъ, что впереди его колесницы нѣсколько тысячъ шаговъ бѣжалъ въ порфирѣ. Когда же онъ съ трудомъ добился разрѣшенія, набравъ армію изъ предѣловъ Дакіи, вновь попытать счастья въ войнѣ, то самъ цезарь лично предпринялъ развѣдку въ Великой Арменіи вмѣстѣ съ двумя всадниками; и во главѣ 25000 войскъ настигъ непріятельскій лагерь, внезапно напалъ на безчисленные отряды персовъ и предалъ ихъ истребленію. Персидскій царь Нарсей убѣжалъ; жена и дочери его попали въ плѣнъ и охранялись съ бережнымъ вниманіемъ къ ихъ стыдливости. Восхищенные такимъ отношеніемъ персы сознавались, что римляне не только оружіемъ, но и морально выше ихъ.

Месопотамію вмѣстѣ съ пятью затигрскими областями они отдали назадъ. Миръ былъ заключенъ и продолжается до нашего времени на благо имперіи»¹. — Sub Diocletiano principe, pompa victoriae nota de Persis est. Maximianus Caesar prima congressione, quum contra innumeram multitudinem cum paucis acriter dimicasset, pulsus recessit: ac tanta indignatione a Diocletiano susceptus est, ut ante carpentum ejus per aliquot millia passuum cucurrerit purpuratus: et quum vix impetrasset, ut reparato de limitaneis Daciae exercitu eventum Martis repeteret, in Armenia Majore ipse Imperator cum duobus equitibus exploravit hostes: et cum viginti quinque millibus militum superveniens castris hostilibus, subito innumera Persarum agmina adgressus, ad internecionem cecidit. Rex parsarum Narseus effugit; uxor ejus et filiae captae sunt, et cum maxima pudicitiae custodia reservatae. Pro qua admiratione Persae non modo armis, sed etiam moribus, superiores esse Romanos confessi sunt; ac Mesopotamiam cum Transtigritanis quinque regionibus reddiderunt. Pax facta, usque ad nostram memoriam Reipublicae utilis perduravit¹. Rufi Festi Breviarum, c. XXV.

Какъ можно видѣть, рассказы трехъ историковъ очень близки другъ къ другу и сходятся даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Возможно, что всѣ они пользовались общимъ, для насъ нынѣ утеряннымъ, источникомъ². Во всякомъ случаѣ достовѣрность ихъ сообщеній не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Отзвуки описанныхъ событій, какъ мнѣ кажется, слышатся и въ армянской литературѣ, именно, у Фауста. Позорное плѣненіе семейства грознаго царя царей было такое необычайное явленіе, что не могло изгладиться изъ памяти страны, служившей мѣстомъ этого позора, не оставивъ слѣда.

Фаустъ рассказываетъ объ одномъ интересномъ эпизодѣ, который имъ приурочивается ко времени царя Тирана, но въ дѣйствительности въ немъ имѣемъ отраженіе занимающихъ насъ событій.

У армянскаго царя Тирана былъ необычайный конь, «весь въ яблокахъ, отливающихъ разными тонами, полный отваги, хорошей породы, красиво сложенный, необыкновеннаго роста и длины», словомъ, своей дивною красотою составлялъ предметъ общаго изумленія и восхищенія. Изъ-за этого коня испортились отношенія между царемъ Тираномъ и персидскимъ правителемъ Атропатены, Шанух-Варазомъ. Послѣдній пожелалъ имѣть прославленную лошадь. Владѣльцу ея Тирану жалко было съ ней разстаться.

¹ Ср. также гл. XX, гдѣ то же самое приводится сжато.

² См. Martin Schanz, Geschichte der röm. Litteratur, München, 1904, стр. 67 и 76.

На требованіе Вараза, онъ послалъ ему другого, подходящаго по цвѣту и вѣшности, коня. Подмѣна раскрылась. Обманутый Варазъ пришелъ въ ярость. Онъ еще болѣе воспылялъ негодаваніемъ, когда ему стали шептать о томъ, что человекъ, которому жалко было уступить ему какую-то кожу (рѣчь о конѣ), рассчитывая на императора и его силы, замышляетъ отнять персидское царство отъ рода Сасанидовъ, говоря: «это принадлежало раньше намъ и нашимъ предкамъ».

Варазъ повѣрилъ доносамъ и доложилъ обо всемъ персидскому царю Нарсею, на что послѣдовалъ приказъ покончить съ неблагонадежнымъ царемъ Тираномъ. Съ этой цѣлью Атропатенскій правитель явился къ нему въ Арменію, якобы для улаженія недоразумѣній. Довѣрчивый царь принялъ его дружелюбно, оказалъ всяческія почести, между прочимъ, пригласилъ его на охоту. Коварный гость, уловивъ минуту, захватилъ Тирана и отогналъ его въ плѣнъ къ персидскому царю, послѣ того какъ выжегъ ему глаза раскаленнымъ желѣзомъ.

Расправа вѣроломнаго правителя съ Тираномъ вызвала въ странѣ сильное движеніе противъ персовъ. Собрались владѣтельные князья нахарары и на совѣщаніи рѣшили обратиться къ греческому императору за помощью, чтобы отомстить за несчастіе родного царя. Послами были избраны Сюнійскій князь Андокъ и Аршарунійскій князь Аршавиръ Камсараканъ. Они прибыли въ столицу и вручили императору грамоту съ подарками.

Тѣмъ временемъ персидскій царь Нарсей во главѣ большихъ силъ вступилъ въ Арменію и сталъ опустошать ее. Услышавъ объ этомъ, императоръ собралъ войско и двинулся противъ персовъ. Онъ остановился лагеремъ подъ городомъ Саталой. Императоръ выбралъ двухъ знатныхъ лицъ изъ армянъ, Аршавира и Андока, тѣхъ самыхъ князей, которые были посланы къ нему, и вмѣстѣ съ ними, самъ переодевшись крестьяниномъ подъ видомъ торговца капустой, проникъ въ лагерь непріятеля. Персы стояли въ Басіанской области, въ селѣ Осахъ. Лазутчики явились къ нимъ, осмотрѣли все, развѣдали количество силъ и ихъ расположеніе и вернулись обратно къ себѣ въ лагерь. Послѣ того греческія войска набросались врасплохъ на персовъ и разбили ихъ на голову. Рѣзня была страшная; едва удалось царю спастись бѣгствомъ въ сопровожденіи единственнаго всадника. Греки взяли персидскій лагерь, и въ числѣ прочихъ къ нимъ попали въ плѣнъ жены царя и первая жена съ прислужницами. Побѣдоносный императоръ назначилъ князей Андока и Аршавира правителями Арменіи и, осыпавъ ихъ и другихъ князей щедрыми подарками, возвратился къ себѣ въ столицу.

Персидскій царь Нарсей собралъ своихъ приближенныхъ для выясненія причинъ постигшаго его несчастія. Тутъ обнаружилась настоящая подкладка доносовъ Атропатенскаго начальника Шапух-Вараза: изъ-за одного коня онъ вовлекъ своего государя въ войну съ императоромъ и послужилъ виновникомъ неслыханнаго пораженія. Разгнѣванный царь приказалъ немедленно казнить Вараза; затѣмъ послалъ людей къ императору съ предложеніемъ мира и съ просьбой отпустить изъ плѣна по крайней мѣрѣ женъ его.

Въ отвѣтъ на это императоръ Валентъ требовалъ въ особой грамотѣ, чтобы сначала персы освободили плѣнныхъ, уведенныхъ ими изъ Арменіи, и прежде всего армянскаго царя Тирана, обѣщая тогда исполнить просьбу персидскаго царя. Послѣдній согласился и сейчасъ же отпустилъ Тирана изъ заключенія; такъ какъ онъ былъ лишенъ зрѣнія, то по его же просьбѣ преемникомъ былъ назначенъ сынъ его Аршакъ. Послѣ того были освобождены и возвращены въ Персію семья царя и другіе плѣнные¹.

Разсказъ Фауста носить нѣсколько сказочный характеръ. Въ немъ сплетены событія разныхъ временъ: персидскій царь Нарсей, правившій отъ 293 по 302 годъ, выставляется современникомъ Тирана, царствовавшаго въ Арменіи въ 40-ыхъ годахъ IV вѣка и оба они ведутъ дѣла съ императоромъ Валентомъ, занимавшимъ престолъ отъ 364 по 368 годъ. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать здѣсь отголоска вѣрнаго историческаго событія, именно, войны 298 года, имѣвшей несчастнымъ исходомъ плѣненіе семьи персидскаго царя. Сообщенія Фауста объ обстоятельствахъ развѣдки императора достаточно, чтобы отнести его разсказъ къ Галерію. Мы видѣли выше, что и западнымъ историкамъ извѣстенъ фактъ развѣдыванія самимъ императоромъ вражескаго лагеря въ сопровожденіи двухъ всадниковъ. Изъ рѣчи Синесія узнаемъ, что Галерій выдавалъ себя за посла отъ императора къ персамъ для переговоровъ: *Ἐτέρων δὲ τούτου νεώτερον ἀκούεις, ὅμαι καὶ γὰρ οὐδὲ εἰς ἀνῆκοον τίνα εἶναι βασιλέως αὐτὸν ἐπιδόντος εἰσω τῆς πολεμίας γενέσθαι ἐν χρεῖα κατασκούσης μνησμένου σχῆμα πρεσβείας*, Syn. X.

По армянскому же преданію, сохранившемуся у Фауста, императоръ съ той же цѣлью явился въ персидскій лагерь подъ видомъ крестьянина, торгующаго капустой. Сопровождавшіе его всадники были, по Фаусту, армянскіе князья Андокъ и Аршавиръ, тѣ самыя лица, которыя были посланы къ императору съ важной миссіей. У нашего историка указана и мѣстность

¹ Фаустъ, III, 21.

въ Арменіи, гдѣ произошло сраженіе, именно, въ деревнѣ Осахъ въ области Басіанъ.

Разсказъ Фауста, какъ мы отмѣтили, страдаетъ анахронизмами. Это обстоятельство бросилась въ глаза еще Хоренскому. По свѣдѣніямъ послѣдняго, при армянскомъ царѣ Тиранѣ въ Персіи правилъ не Нарсей, а Шапухъ. Чтобы сгладить анахронистическія данныя Фауста, Хоренскій готовъ Фаустова Нарсея превратить изъ персидскаго царя въ брата его и претендента на армянскій престолъ. «Персидскій царь Шапухъ, разсказываетъ Хоренскій, услышавъ о смерти Хосроя и о томъ, что сынъ его Тиранъ отправился къ императору, собираетъ большое войско подъ начальствомъ брата своего Нарсея, какъ будто полагалъ посадить его на армянскій престолъ, и посылаетъ въ нашу страну, думая, что она безъ хозяина. Но противъ него выступаетъ доблестный Аршавиръ Камсараканъ вмѣстѣ съ армянскимъ воинствомъ и даетъ сраженіе въ полѣ Мрулъ. Хотя и много армянскихъ знатныхъ нахараровъ пало въ бою, но все же армяне взяли верхъ и изгнали персидское войско и защищали страну до возвращенія Тирана¹».

Имя Аршавира Камсаракана, т. е. того лица, которое согласно Фаусту и Хоренскому было послано къ императору — вѣрный залогъ, что рѣчь идетъ о тѣхъ событіяхъ, о которыхъ подробно повѣствуетъ Фаустъ. Хоренскому извѣстенъ также эпизодъ о чудномъ конѣ Тирана; но въ видахъ опять же устраненія анахронизма Фауста, онъ относитъ эпизодъ къ болѣе древнему времени, полагая, что существовалъ еще другой Тиранъ, одинъ изъ сыновей Арташеса и преемникъ его. У этого Тирана было, по Хор., «два коня, по безмѣрной быстротѣ бѣга болѣе легкихъ, чѣмъ Пегасъ; казалось, что они не ступали по землѣ, а неслись по воздуху. Однажды нѣкій князь Бузнуни, Датабей²» выпросилъ позволенія выѣхать на нихъ и хвалился, что онъ великолѣпнѣе царя». Первый Тиранъ, обладатель пары коней — искусственный литературный отпрыскъ Фаустова Тирана. Это видно еще изъ того, что Датабей, который, по Хоренскому³ жилъ якобы при первомъ Тиранѣ, на самомъ дѣлѣ никто иной, какъ извѣстный князь Бузнуни, полководецъ отца Тирана Хосроя; по разсказу Фауста, Датабей измѣнилъ Хосрою и за это расплатился смертною казнью⁴.

¹ Хоренскій, III, 10.

² Хоренскій, II, 62.

³ Фаустъ, III, 8.

⁴ Фаустовъ Тиранъ, по Хоренскому, вступилъ на престолъ на 17 году Констанція (III, 11). Во II вступительной главѣ у Себеоса, стр. 16, говорится «на 12 году Тирана, на

Чѣмъ же объяснить анахронизмъ у Фауста, почему событіе 298 года отнесено ко времени Тирана? Чтобы отвѣтить на поставленный вопросъ и тѣмъ самымъ, какъ увидимъ, дать новое доказательство справедливости нашихъ соображеній по разбираемому вопросу, мы должны остановиться на договорѣ 298 года и прослѣдить послѣдующія событія до воцаренія Аршака.

О результатахъ войны Галерія съ Нарсеемъ Фаустъ не вполне освѣдомленъ. Цѣнные извѣстія имѣются у Петра Патрикія, писателя и дипломата VI вѣка. Въ фрагментахъ утеряннаго историческаго труда его сохранился отрывокъ, касающійся договора 298 года.

Послѣ пораженія персидскій царь вступилъ въ сношеніе съ императоромъ для заключенія мира. Было снаряжено посольство, во главѣ коего стоялъ любимецъ царя Аффарбанъ. Патрикій приводитъ рѣчь, которую держалъ персидскій посолъ передъ Галеріемъ:

«Ясно всему человѣчеству, что римское и персидское государства — словно два свѣтила; и подобно очамъ должно каждое изъ нихъ красоваться блескомъ другого, а не свирѣпствовать всячески для взаимнаго истребленія. Это не называется доблестью, а скорѣе легкомысліемъ и слабостью. Ибо, полагая, что потомки не смогутъ помочь сами себѣ, они спѣшатъ покончить со своими противниками. И не слѣдуетъ, однако, думать, что Нарсей слабѣе всѣхъ другихъ царей, но что Галерій настолько превосходитъ другихъ царей, что имъ однимъ Нарсей по справедливости былъ побѣжденъ, хотя и онъ ничуть не уступаетъ своимъ предкамъ въ достоинствахъ.

Послѣ этого Аффарбанъ сказалъ, что имѣетъ порученіе отъ царя, что онъ почитаетъ справедливымъ довѣрять судьбу своего царства гуманности римлянъ, потому онъ и не разбираетъ условій, на коихъ долженъ состояться миръ, и все предоставляетъ усмотрѣнію императора. Одна у него просьба — возвратитъ ему дѣтей и женъ, и увѣряетъ, что въ случаѣ отдачи ихъ, онъ сочтетъ это за гораздо большее благо, чѣмъ если бы онъ одержалъ верхъ оружіемъ. И сейчасъ онъ не можетъ достойно благодарить за то, что они, будучи въ плѣну, не подвергались никакимъ обидамъ, но съ

---

7 году Нарсей персидскаго царя и на первомъ году Констанція и Костанта, сыновей Константина благочестиваго императора (447 г. *Константинъ и Костантъ сыновья Константина Великаго*), пошелъ (?) на него въ Гасіанъ иль село Осху, откуда онъ не возвратилъ царя Тирана вмѣстѣ со всѣми плѣнными и не назначилъ царемъ Аршака, сына его, отпустивъ его въ Арменію». Хотя изъ этой фразы и не явствуетъ, кто на кого шелъ, но не трудно догадаться, что подъ сраженіемъ при Осхѣ разумѣется здѣсь событіе 297 г. У Себеоса Тиранъ является съ одной стороны современникомъ Нарсея, согласно Фаусту, а съ другой — онъ по времени ближе къ Констанцію согласно Хоренскому, а не къ Валенту, какъ у Фауста.

ними обходились такъ, какъ съ людьми, которые должны были вернуться къ своему (царскому) положенію. Онъ не преминулъ напомнить и объ измѣнчивости человѣческихъ судебъ.

На это императоръ, видимо, разсердился и, дрожа всѣмъ тѣломъ, сказалъ, что не къ лицу персамъ напоминать другимъ о превратности человѣческихъ судебъ, покуда сами, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, не перестаютъ бить людей въ несчастіи: «хорошо соблюли вы при Валеріанѣ умѣренность въ побѣдѣ, вы, которые, обманувъ его коварствомъ, захватили и не отпускали его до крайней старости и безславной смерти. Даже послѣ смерти какимъ то постыднымъ образомъ сохраняли его кожу, и смертному тѣлу нанесли безсмертную (для васъ) гнусность».

Такъ возразилъ императоръ. Онъ сказалъ, что онъ уступаетъ, но не потому, что персы черезъ свое посольство напоминаютъ о томъ, что надо считаться съ измѣнчивостью человѣческаго счастья (въ этомъ случаѣ надо было еще болѣе возмущаться, если бы принять во вниманіе все сотворенное персами), а слѣдуя по стопамъ своихъ предковъ, у которыхъ принципъ — ицадить побѣжденныхъ и бороться противъ непокорныхъ, и приказалъ послу передать царю о великодушіи римлянъ, доблестъ коихъ испытана имъ, и обнадѣжить, что въ скоромъ времени придутъ къ нему также плѣнные, согласно приказанію императора»¹.

Объ условіяхъ мира тотъ же историкъ сообщаетъ слѣдующее:

«Когда Галерій и Діоклетіанъ съѣхались въ Низибинѣ, то, посовѣщавшись вмѣстѣ, отправили въ Персію посломъ Сикорія Прова, магистра меморіи.

Нарсей принялъ его радушно въ надеждѣ на то, что было ему обѣщано, но откладывалъ ауденціи. Точно желалъ утомить ожиданіемъ посольство Сикорія и тѣмъ сдѣлать его сговорчивѣе, Нарсей повезъ съ собой Сикорія, который догадывался, въ чемъ дѣло, до мидійской рѣки Аспрудія, пока собрались разсѣянные походами въ разныя стороны войны. И наконецъ во внутреннихъ покояхъ дворца, удаливъ всѣхъ остальныхъ и довольствуясь присутствіемъ Аффарбана, Архапета и Варсаворса, изъ коихъ одинъ былъ *praefectus praetorio*, а другой имѣлъ власть Сумія, приказалъ Прову доложить о своей миссіи.

Главныя положенія посольства слѣдующія: чтобы 1) римлянамъ имѣть на востокѣ Ингелену съ Софеной и Арзанену съ Кордуеной и съ Забдикеной; 2) рѣкѣ Тигру быть границей обоихъ государствъ; 3) крѣпости

¹ Excerpta Petri Patricii, Ad Romanos, c. XII.

владѣній армянскихъ Аршакидовъ, которые тоже признавали верховную власть императоровъ наравнѣ съ иберійскими царями.

Армянскіе Аршакиды владѣли также Атропатеной и держали гарнизонъ, какъ видно изъ неоднократнаго заявленія Фауста, въ городѣ Гандзакѣ.

Положеніе, установленное въ 298 году, осталось въ силѣ до 363 года. Все, что въ сообщеніяхъ Фауста не соответствуетъ или явно противорѣчитъ договорному положенію 298 года, слѣдуетъ признать лишеннымъ историческаго значенія.

Въ приведенномъ выше разсказѣ о Тиранѣ владѣтелемъ Атропатены выставляется персидскій царь въ лицѣ намѣстника Вараз-Шапуха, виновника несчастія Тирана. Нѣтъ основанія допустить, что персы успѣли отбить отъ армянъ Атропатену, ибо таковой захватъ, какъ явно противорѣчащій договорамъ актъ, вызвалъ бы отпоръ со стороны императоровъ. Между тѣмъ отношенія двухъ государствъ были мирныя, какъ увидимъ, по крайней мѣрѣ, до смерти Константина Великаго. Правда, со словъ Фауста знаемъ, что при армянскомъ царѣ Хосроѣ, сынѣ и преемникѣ Тирдата, персы пытались возстановить свои права на Атропатену, но попытка ихъ не увѣнчалась успѣхомъ. Нашествіе горскихъ племенъ на Арменію, имѣвшее мѣсто въ царствованіе Хосроя, видимо было сочтено персами за благоприятный моментъ, и Шапухъ во главѣ войска вторгся въ пограничныя области Херъ и Заревандъ. Посланное противъ него войско подъ начальствомъ князя Буззуни перешло на сторону враговъ. Персы прошли побѣдноносно вглубь страны, но на берегу озера Буззунійскаго (т. е. Ванскаго) потерпѣли пораженіе и покинули предѣлы Арменіи¹.

Вскорѣ, вѣроятно, по кознямъ того же Шапуха послѣдовало возстаніе князя окраинной области Арзанены, но и оно было подавлено и не оправдало надеждъ его вдохновителей².

Эти эпизоды, грозящіе нарушеніемъ мирныхъ отношеній, прошли безрезультатно. Даже Фаустъ не придаетъ имъ серьезнаго значенія и утверждаетъ, что страна пребывала въ покоѣ со времени Тирдата до воцаренія Тирана, преемника Хосроя³.

Заявленіе Фауста совпадаетъ съ тѣмъ, что мы знаемъ изъ западныхъ источниковъ. По общему ихъ признанію миръ былъ нарушенъ передъ смертью Константина. Одинъ Евсевій расходится съ ними въ томъ, что

¹ Фаустъ, III, 8.

² Id. III, 9.

³ Id. III, 17.

Послѣ краткаго обзора римско-персидскихъ отношеній, упомянувъ о заключенномъ въ 298 г. мирѣ, говоритъ Юліанъ:

«Не вѣдаю, какимъ образомъ персы нарушили миръ еще при жизни отца твоего и избѣгли мщенія вслѣдствіе кончины его среди военныхъ приготовленій. Ты же позднѣе наказалъ ихъ за дерзость. Такъ какъ мнѣ придется еще часто касаться войнъ, которыя ты велъ противъ нихъ, то пока считаю нужнымъ обратить вниманіе слушателей моихъ на то, что ты сдѣлался владыкой трети имперіи въ такое время, когда казалось, что ты не былъ положительно подготовленъ къ войнѣ ни въ отношеніи оружія, ни людей и ни вообще тѣхъ средствъ, которыя необходимо имѣть въ изобиліи для такой серьезной войны. Кромѣ того, никто изъ братьевъ тебя не поддерживалъ въ этой войнѣ по какимъ то непонятнымъ причинамъ. Не найдется, однако, человѣка въ такой степени безстыднаго и завистливаго клеветника, который бы не сознался, что ты главный виновникъ существующаго между ними единенія. Начинается война, думаю тяжелая сама по себѣ; взбунтовались войска по поводу переворота и оплакивали смерть прежняго своего начальника, обнаруживая желаніе командовать вами, братьями; тысяча другихъ неблагопріятныхъ и тяжелыхъ обстоятельствъ всплывали отовсюду и представляли надежды на войну все болѣе мрачными.

«Армяне, старинные наши союзники, терзаемые раздорами, и значительно частью перешедшіе къ персамъ, разоряютъ собственныя границы. То, что при настоящихъ условіяхъ являлось единственнымъ спасеніемъ, именно, тебѣ принять бразды правленія и дѣйствовать властно, долѣ не могло послѣдовать по причинѣ переговоровъ съ братьями въ Пеоніи, которые ты личнымъ присутствіемъ своимъ велъ такъ, что не далъ имъ повода къ порицаніямъ» — Ἀρμένιοι παλαιοὶ σύμμαχοι στασιάζοντες καὶ μοῖρα σφῶν οὐ φαύλη Πέρσαι προσθήμενοι, τὴν ὁμอรὸν σφίσι λησταῖς κατὰτρέχοντες· καὶ ὅπερ ἐν τοῖς παροῦσιν ἐφαίνετο μόνον σωτήριον, τὸ σὲ τῶν πραγμάτων ἔχεισθαι καὶ βουλευέσθαι, τίως οὐχ ὑπῆρχε διὰ τὰς πρὸς τοὺς ἀδελφοὺς ἐν Παιονίᾳ συνθήκας, ἃς αὐτοὶ παρὼν οὕτω διόκησας, ὡς μηδεμίαν ἀφορμὴν ἐκείνοις παρασχεῖν μέμψεως. Jul. Imp. Orat. I. ed. Teub. p. 21 — 22.

Далѣе, изображая критическое положеніе, въ которомъ засталъ имперію Констанцій послѣ смерти отца — возгорѣвшаяся война, постоянныя нашествія, отпаденіе союзниковъ, деморализація войска и общій безпорядокъ въ государственныхъ дѣлахъ — тотъ же авторъ продолжаетъ:

«Послѣ того, какъ ты покончилъ переговоры съ братьями, настало желанное время отдаться находившимся въ опасности государственнымъ дѣламъ и привести ихъ въ порядокъ. Быстрымъ ходомъ изъ Пеоніи пока-

зался ты въ Сиріи съ такой скоростью, что даже трудно выразить словомъ. Но для тѣхъ, кто знаетъ, достаточно и попытка. Кто въ состояніи разсказать, какимъ образомъ при твоёмъ появленіи все измѣнилось живо, все улучшилось; и не только избавилъ ты насъ отъ давившаго страха, но и вселилъ лучшія надежды на все грядущее. При одномъ твоёмъ приближеніи войска оправились отъ деморализаціи и порядокъ былъ восстановленъ».

«Тѣ изъ армянъ, которые перешли къ врагамъ, вернулись немедленно, когда ты изгналъ виновниковъ бѣгства къ намъ (царя) начальника этой страны, и убѣжавшимъ обезпечилъ безопасный возвратъ въ свои дома. Такъ гуманно обошелся ты съ тѣми, которые пришли недавно къ намъ и ласково сносился съ тѣми, которые возвратились изъ бѣгства вмѣстѣ со своимъ начальникомъ, что одни расказывались въ томъ, что раньше отпали отъ насъ, другіе же настоящую свою судьбу предпочитали прежнему правленію. Бѣжавшіе раньше признавали, что на дѣлѣ научились благоразумію, иные — что они за вѣрность получили слѣдуемое имъ вознагражденіе. Ты отличился такой щедротой подарковъ и почестей по отношенію къ вернувшимся, что имъ нечего досадовать или завидовать своимъ противникамъ, которые благоденствуютъ и удостоены должныхъ почестей» — Ἀρμενίων δὲ οἱ προσθήμενοι τοῖς πολεμίοις εὐθὺς μετέστησαν, σοῦ τοὺς μὲν αἰτίους τῆς φυγῆς τῷ τῆς χώρας ἐκείνης ἄρχοντι παρ' ἡμᾶς ἐξαγαγόντος, τοῖς φεύγουσι δὲ τὴν ἐς τὴν οἰκίαν κάθοδον ἄδεᾶ παρασκευάσαντος. οὕτω δὲ φιλανθρώπως τοῖς τε παρ' ἡμᾶς ἀφικομένοις ἄρτι χρησαμένου καὶ τοῖς ἐκ τῆς φυγῆς μετὰ τοῦ σφῶν ἄρχοντος κατεληλυθόσι πρῶως ὁμιλοῦντος, οἱ μὲν, ὅτι καὶ πρότερον ἀπέστησαν, αὐτοὺς ἀπωλοφύραντο, οἱ δὲ τὴν παροῦσαν τύχην τῆς πρόσθεν ἡγάπων μᾶλλον δυναστείας. καὶ οἱ μὲν φεύγοντες ἔμπροσθεν ἔργῳ σωφρονεῖν ἔφασαν ἐκμαθεῖν, οἱ δὲ τοῦ μὴ μεταστῆναι τῆς ἀμοιβῆς ἀξίας τυγχάνειν· τοσαύτη δὲ ἐχρήσω περὶ τοὺς κατελθόντας ὑπερβολῇ δωρεῶν καὶ τιμῆς, ὥστε μὴδὲ τοῖς ἐχθίστοις σφῶν εὖ πράττουσι καὶ τὰ εἰκότα τιμωμένοις ἄχθεσθαι μὴδὲ βασκαίνειν. Jul. Orat. I. p. 24 — 25.

Слова Юліана, намеки на какія то событія въ Арменіи, несовсѣмъ ясны. Изъ нихъ можно заключить, что у армянъ были партіи, состоявшія изъ приверженцевъ персовъ и римлянъ. Персидская партія взяла верхъ и и изгнала противниковъ; тѣ вмѣстѣ съ царемъ (= архонтомъ) нашли убѣжище въ римской территоріи. Императоръ Констанцій примирилъ партіи и восстановилъ миръ къ общему удовольствію обѣихъ сторонъ. Но кто же былъ этотъ архонтъ - царь армянскій? Фаустъ не знаетъ случая бѣгства царя къ императору. Онъ разсказываетъ о плѣненіи персами царя Тирана,

какъ мы видѣли. При этомъ царѣ происходили смуты и тренія между нахарарскими семействами, и вѣроятно все это къ этому времени относятся событія, упоминаемыя Юліаномъ. По словамъ Юліана, смуты въ Арменіи были подавлены Констанціемъ, послѣ того какъ онъ «быстрымъ ходомъ изъ Пеоніи показался въ Сиріи». Въ Пеоніи же находился Констанцій вмѣстѣ съ братьями по дѣлу раздѣла отцовскаго наслѣдія.

Константинъ Великій, какъ извѣстно, раздѣлилъ имперію между тремя сыновьями и двумя племянниками, при чемъ восточныя владѣнія достались сыну Констанцію и двумъ племянникамъ. Послѣ смерти Константина произошло избіеніе членовъ боковой линіи императорской семьи, во время котораго погибли также его племянники Далматій и Аннибалианъ¹. Вотъ тогда сыновья Константина съѣхались въ Пеонію для новаго раздѣла имперіи. Весь востокъ остался за Констанціемъ. Переговоры, начавшіеся между братьями послѣ смерти Константина по этому дѣлу, въ 338 году были закончены. Имѣется указъ отъ имени Константина и Константа, изданный въ Сирміи, городѣ Пеоніи, въ концѣ іюля мѣсяца 338 года: D. VI k. Aug. Sirmi Urso et Polemio conss (338) Imp. Constantinus et Constans AA. ad Catulinum².

Указъ подписанъ двумя братьями; отсутствіе подписи Констанція можно объяснять тѣмъ, что онъ выѣхалъ на Востокъ. Дѣйствительно, 11 октября того же 338 года онъ находился въ Антиохіи, какъ видно изъ указа его имени отъ означенной даты. Юліанъ подчеркиваетъ скорость, съ которой Констанцій, послѣ того какъ покончилъ дѣло съ братьями, пересѣкъ пространство отъ Пеоніи до Сиріи. Возможно, что онъ выѣхалъ изъ Сиріи незадолго до іюля 338 года, въ каковое время еще не успѣли разѣхаться его братья.

Констанцій пребывалъ на Востокѣ и въ слѣдующіе годы, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ указы, изданные имъ въ Лаодикіи отъ 339 года и въ Антиохіи отъ 341 года³. Появленіе Констанція на Востокѣ было вызвано войной, объявленной персами. Враждебныя дѣйствія со стороны персовъ начались еще при жизни Константина, и, по словамъ Евтропія и по

¹ Zosime, p. 98.

² Cod. Just. VIII xi 1. ed. Krüger p. 338. Въ индексѣ того же изданія интересующій насъ законъ носитъ имена Constantius (зм. Constantinus.) et Constans p. 499. Издатели замѣчаютъ, что въ рукописяхъ часто смѣшиваются имена трехъ братьевъ, и законы, изданные ими, приписываются то одному, то другимъ изъ братьевъ. Въ данномъ случаѣ чтеніе Constantinus вмѣсто Constantius предпочтительнѣе. Имѣется декретъ Констанція аналогичнаго содержанія на имя того же Катуллина, X XLVIII 7. = p. 420.

³ Cod. Just. VI IX 9 и XI, LXVI 1.

Пасхальной хроникѣ, Константинъ принялъ вызовъ и, выступивъ въ походъ, умеръ на пути въ Никомидіи въ 337 году 22 мая въ день Пятидесятницы¹.

Пользуясь благопріятнымъ моментомъ, когда наслѣдники Константина были заняты въ Сиріи, персидскій царь Шапуръ (= Шапухъ) перешелъ Тигръ и осадилъ Низибинъ, сердце Месопотаміи. Осада не имѣла успѣха и персы принуждены были снять ее и уйти: *Σαπῶρις ὁ Περσῶν βασιλεὺς ἐπὶ ἤλθεν τῇ Μεσοποταμίᾳ πορθήσων τὴν Νίσιβιν, καὶ περικαθίσας αὐτὴν ἡμέρας ζυ' καὶ μὴ κατισχύσας αὐτῆς ἀνεχώρησεν*².

Это — первая осада Низибина и относится, вѣроятно, къ 338 году.

Въ связи съ персидскими побѣдами находятся и тѣ событія въ Арменіи, о которыхъ говорятъ Юліанъ. Въ столкновеніяхъ двухъ сосѣднихъ державъ Арменія играла большую роль, въ большинствѣ случаевъ она и служила яблокомъ раздора.

Естественно, что при открытіи военныхъ дѣйствій каждая изъ сторонъ старалась заручиться расположеніемъ страны и использовать ея военныя силы. Возможно, что къ этому времени относится и возстаніе Бакура, о которомъ рассказываетъ армянскій историкъ. Надо полагать, что персидская партія въ Арменіи при появленіи войскъ Шапура одержала верхъ и изгнала своихъ политическихъ противниковъ, приверженцевъ имперской власти, которые вмѣстѣ съ царемъ перешли на римскую территорію. Слова Юліана не допускаютъ сомнѣній въ томъ, что партійные раздоры въ Арменіи были улажены именно Констанціемъ послѣ того, какъ онъ прибылъ на Востокъ изъ Сиріи въ 338 году. Быстрое возстановленіе порядка и возвращеніе царя въ страну, которое Юліанъ ставитъ въ исключительную заслугу Констанцію, объясняется отчасти уходомъ персидскихъ войскъ послѣ неудачной осады Низибина.

Юліанъ не указываетъ имени царя; но по условіямъ времени, поскольку можно судить о нихъ по армянскимъ даннымъ, въ немъ нельзя не узнать царя Тирана. Очень странно, что Фаустъ ничего не знаетъ о бѣгствѣ Тирана и его партіи на римскую территорію. Быть можетъ, въ связи съ бѣгствомъ находится пребываніе Тирана въ замкѣ Бнабелѣ³, лежавшемъ на южной окраинѣ области Софены — сейчасъ небольшая деревня недалеко

¹ Eutrop. X 8, bellum adversus Parthos molliens qui iam Mesopotamiam fatigabant XXXI anno imperii aetatis sexto et sexagesimo Nicomediae in villa publica obiit. Chr. Pasch. p. 532, Πέρσαι πόλεμον ἐδήλωσαν πρὸς Ῥωμαίους καὶ ἐπιβὰς Κωνσταντίνος λβ' ἐν αὐτῷ τῆς αὐτοῦ βασιλείας ὁρμήσας ἐπὶ τὴν ἀνατολὴν κατὰ ἐλλῶν ἕως Νικομηδείας ἐνδοξῶς καὶ εὐσεβῶς μεταλλάττει τὸν βίον ἐν πρασπείῳ τῆς αὐτῆς πόλεως. Отсюда беретъ и Θεοφανὲς р. 50, подъ годомъ 5828.

² Chr. Pasch. p. 538. Отсюда беретъ Θεοφανὲς, р. 52, подъ годомъ 5829.

³ Фаустъ, III, 12.

Христіанскій Востокъ.

отъ Мардина. Констанцій возстановилъ его на престолѣ. Вскорѣ персы ворвались въ страну и захватили его, какъ сторонника императорской власти, въ плѣнъ. Возстановленіе его относится, такимъ образомъ, къ 338 году, когда императоръ явился изъ Сирміи. Годъ же плѣненія его выясняется изъ отчета Сингарскаго или Нарсейскаго боя.

Обстоятельства этого сраженія извѣстны намъ изъ той же Юліановой рѣчи о Констанціи. «Я знаю прекрасно, говорить нашъ панегирикъ, что всѣ склонны считать сраженіе передъ Сингарой торжествомъ варваровъ (персовъ); я же полагаю, что это сраженіе было одинаково несчастно для обѣихъ армій, но твоя доблесть одержала верхъ надъ ихъ счастьемъ, какъ слѣдовало»—Οὐχοῦν εὖ οἶδα, ὅτι πάντες ἂν μέγιστον φήσειαν πλεονέκτημα τῶν βαρβάρων τὸν πρὸ τῶν Σιγγάρων πόλεμον. ἐγὼ δὲ ἐκείνην τὴν μάχην ἴσα μὲν ἐνεχεῖν τοῖς στρατοπέδοις τὰ δυστυχήματα, δεῖξαι δὲ τὴν σὴν ἀρετὴν περιγενομένην τῆς ἐκείνων τύχης φαίην ἂν εἰκότως¹.

Римляне не хотѣли сами наступать, «дабы не дать повода считать ихъ нарушителями мира» (οὐχὶ δὲ αὐτοὶ πολέμου μετὰ τὴν εἰρήνην ἀρχόντες φανέιν). Наконецъ персидскій царь далъ сигналъ къ наступленію, но при видѣ боевого строя римлянъ, испугался и «думалъ убѣжать поспѣшно, сообразивъ, что его спасло бы только то, если бы онъ заблаговременно перешелъ рѣку, которая издревле составляетъ границу между нашей и ихъ земель. Разсудивъ такъ, царь далъ знакъ сначала къ отступленію задомъ, а потомъ надбавляя постепенно скорость подъ конецъ пустился въ настоящее бѣгство, имѣя при себѣ нѣсколько всадниковъ и передавъ все войско сыну своему и самому вѣрному изъ друзей»—φεύγειν ᾤετο χρεῖναι διὰ τάχους καὶ τοῦτο μόνον οἱ πρὸς σωτηρίαν ἀρχέσειν, εἰ φθήσεται τὸν ποταμὸν διαβῆναι, ὅσπερ ἐστὶ τῆς χώρας ἐκείνης πρὸς τὴν ἡμετέραν ὁρος ἀρχαῖος. ταῦτα διανοηθεὶς ἐκεῖνος πρῶτον ἐπὶ πόδα σημαίνει τὴν ἀναχώρησιν, καὶ κατ' ὀλίγον προστιθεὶς τῷ τάχει τέλος ἤδη καρτερῶς ἔφευγεν, ἔχων ὀλίγους ἱππέας ἀμφ' αὐτόν, τὴν δύναμιν ἅπασαν τῷ παιδί καὶ τῷ πιστοτάτῳ τῶν φίλων ἐπιτρέψας ἔχειν².

Замѣтивъ отступленіе персовъ, римскія войска набросались на нихъ. «Схватка имѣла послѣдствіемъ то, что съ нашей стороны пало трое или четверо, а со стороны парянъ (sc. персовъ) наслѣдникъ престола, захваченный въ плѣнъ, погибъ вмѣстѣ со многими изъ его свиты. При всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ персидскій царь не присутствовалъ даже во снѣ и не остановилъ бѣгства раньше, чѣмъ оставилъ за собою рѣку, ты же наоборотъ

¹ Orat. I, p. 27.

² Ib., p. 28.

раздѣлили всѣ тягости» — τοῦτο τέλος τῆς μάχης ἐκείνης γέγονε, τρεῖς μὲν ἡ τέτταρας ἀφελομένης τῶν παρ' ἡμῖν, Παρθυαίων δὲ τὸν ἐπὶ τῇ βασιλείᾳ τρεφόμενον ἀλόντα πρότερον, καὶ τῶν ἀμφ' αὐτὸν παμπληθεῖς ξυνδιαφειράσης. τούτοις δὲ ἅπασι δρωμένοις ὁ μὲν βαρβάρων ἡγεμὼν οὐδὲ ὄναρ παρῆν· οὐδὲ γὰρ ἐπέσχε τὴν φυγὴν πρὶν ἢ κατὰ νότου τὸν ποταμὸν ἐποίησατο¹.

О сингарскомъ сраженіи упоминаеть и Евтропій. По его словамъ, военная дѣятельность Констанція противъ персовъ вообще была неудачна, кромѣ сраженія подъ Сингарой: nullumque ei contra Saporem prosperum proelium fuit, nisi quod apud Singaram haud dubiam victoriam ferocia militum amisit².

О немъ знаетъ также Амміанъ. Извѣстный купецъ Антонинъ, перебѣжавъ къ Шапуру, и желая возбудить его противъ римлянъ, говоритъ между прочимъ «о сороковыхъ годахъ, когда послѣ цѣлаго ряда поражений, дано было ожесточенное сраженіе при Илеѣ и Сингарѣ»: quadragesimi anni memoriam replicabat, post bellorum adsiduos casus et maxime apud Hileiam et Singaram, ubi accerima illa nocturna concertatione pugnatum est³.

Цѣнное показаніе находимъ и у Феста. Сраженіе на Илейскомъ полѣ вблизи Сингары называется у него также Нарсейскимъ по имени командующаго со стороны персовъ Нарсея, павшаго въ бою: Narsensi autem bello, ubi Narseus occidit, superiores discessimus. Nocturna vero in agro Eleiensi prope Singaram pugna, ubi praesens Constantius adfuit⁴.

Нарсей Феста и есть персидскій наслѣдникъ, сынъ Шапура, тотъ самый, которому поручилъ отецъ команду во время интересующаго насъ боя. Исходъ сраженія римляне считали для себя сравнительно удачнымъ въ виду именно плѣненія Нарсея и его гибели⁵.

Указанное обстоятельство разбѣшаетъ, какъ намъ кажется, загадку, почему событія 298 года въ приведенномъ выше разсказѣ Фауста низведены въ царствованіе Тирана. При Галеріи въ 298 году велъ войну съ римлянами персидскій царь Нарсей, сынъ котораго вмѣстѣ съ женой и другими членами царской семьи попалъ въ руки императора. Въ сингарскомъ же бою Констанціемъ былъ захваченъ въ плѣнъ царевичъ, носившій то же имя Нарсей. Въ армянскомъ преданіи у Фауста эти два происше-

¹ Ib. p. 29—30.

² Eutr. X, 10.

³ Amm. XVIII, 5.

⁴ R. Fest. XXVII.

⁵ Успѣхъ былъ скорѣе на сторонѣ персовъ; и если они тѣмъ не менѣе отступили, то это объясняется отчасти, какъ полагаетъ Раулинсонъ, смертью наслѣдника Нарсея; Шапуръ былъ потрясенъ печальной участью сына. The scventh, p. 161.

ствія, относящіяся къ разнымъ моментамъ исторіи, слились, при чемъ камнемъ преткновенія служили имя Нарсей и аналогичная въ обоихъ случаяхъ судьба наслѣдниковъ персидскаго трона.

Если анализъ нашъ вѣренъ, а сомнѣваться въ немъ нѣтъ основанія, то мы должны признать, что во время сингарской битвы армянскій престолъ занималъ именно Тиранъ. Иначе трудно будетъ объяснить, почему интересующій насъ рассказъ у Фауста приуроченъ ко времени Тирана. Съ установленіемъ времени означенной битвы, получимъ важную точку опоры для хронологіи аршакидскихъ царей.

Свѣдѣнія историковъ, касающіяся римско-персидскихъ отношеній за данной періодъ, вообще сбивчивы. Ни Теофанъ, ни Пасхальная хроника, данными коихъ обыкновенно пользуются изслѣдователи, не могутъ считаться рѣшающими. Въ рѣчи Юліана имѣется опредѣленное указаніе на годъ сингарскаго боя и это указаніе должно быть признано вѣрнымъ. Рассказывая объ одной осадѣ Низибина, которая имѣла мѣсто, по его же указанію, въ годъ возстанія Магненція и убійства Константа, т. е. въ 350 году, Юліанъ замѣчаетъ, «сингарскій бой произошелъ лѣтъ за шесть до этой осады Низибина». Стало быть, означенный бой надо отнести къ 345 году.

Въ этомъ году Констанцій, принимавшій участіе въ бою, дѣйствительно находился въ Низибинѣ, какъ видно изъ изданнаго имъ указа:

Imp. Constantius A. Nemesiano com. larg. a. 345. III, IV id. Mai Nizibi. Amantio et Albino cons¹.

Пребываніе императора въ Низибинѣ находилось въ связи съ персидской войной и ближайшимъ образомъ съ сингарской битвой. Сингара лежала къ югу отъ Низибина въ горахъ одноименныхъ, называемыхъ нынѣ по арабскому произношенію Синджаръ; на южныхъ склонахъ этихъ горъ было расположено и мѣстечко Nilea, приурочиваемое Кипертомъ къ нынѣшнему Тере Нил². Въ слѣдующемъ 346 году мы застаемъ Констанція уже въ Медиоланѣ, какъ явствуетъ опять же изъ обнародованнаго имъ указа отъ декабря мѣсяца того же года³. Къ этому времени операція подъ Сингарой были закончены и вообще война съ персами прекращена, разъ императоръ удался въ Медиоланъ.

По рассказу Фауста армянскій царь Тиранъ былъ взятъ въ плѣнъ персами до сраженія, въ которомъ палъ Нарсей, и лишь послѣ заключенія мира на его мѣсто былъ назначенъ сынъ его Аршакъ. Значитъ, если не

¹ Cod. Just. X, XIX, 3. p. 403:

² Kleinasien Nesebin.

³ Cod. Just. X, IX, 30.

паденіе Тирана, то во всякомъ случаѣ вступленіе Аршака на престолъ должно быть отнесено къ 345 году. Вѣроятно же всего Тиранъ палъ въ предыдущемъ 344 году. Выводы, къ которымъ мы пришли, находятъ подтвержденіе и въ разборѣ нѣкоторыхъ послѣдующихъ фактовъ.

II.

Вскорѣ возобновились военныя дѣйствія. Шапуръ во главѣ войска осадилъ Низибинъ. Осада эта относится къ 350 году. Время было очень благоприятно для персовъ, въ виду политическихъ смуть, волновавшихъ тогда Римскую имперію. Нѣкто Магненцій, начальникъ отрядовъ, былъ провозглашенъ августомъ въ Галліи и жертвой его самозванства палъ Константъ въ 350 году. Другой самозванецъ захватилъ власть въ Иллиріи. Въ этотъ трудный для имперіи моментъ персы открыли военныя дѣйствія осадой Низибина. Несмотря на чрезвычайныя приготовленія Шапура, превосходившія всѣ прежнія, персы не имѣли успѣха и на этотъ разъ. Осажденные отразили атаки непріятеля, который послѣ 3-4 мѣсячныхъ тяжелыхъ трудовъ вынужденъ былъ снять осаду и уйти. Обстоятельства осады изображены у Юліана.

Послѣ описанія упомянутой сингарской битвы, нашъ панегирикъ переходитъ къ разсказу о томъ, какъ Констанцій «ставъ противъ всѣхъ, отразилъ и толпу тирановъ и силы варваровъ; зима была уже на исходѣ, спустилось шесть приблизительно послѣ той битвы, о которой была рѣчь выше (sc. сингарской), пришло извѣстіе, что Галатія (sc. Галлія) примкнула къ самозванцу, возстала противъ твоего брата и убила его — ἦν μὲν γὰρ ὁ χειμῶν ἐπ' ἐξόδου ἤδη, ἔκτον ποῦ μάλιστα μετὰ τὸν πόλεμον ἔτος, οὐ μικρὸν πρόσθεν ἐμνήσθην, ἦκε δὲ ἀγγέλων τις, ὡς Γαλατία μὲν συναφραστῶσα τῷ τυραννικῷ ἀδελφῷ ἐβούλευσέ τε καὶ ἐπέτελεσε τὸν φόνον»¹.

То же самое творилось и въ Иллиріи другимъ узурпаторомъ.

«Персы же, продолжаять Юліанъ, выжидавшіе съ того времени благоприятнаго случая, чтобы при первомъ же нападеніи захватить Сирію, подняли на насъ людей всякаго возраста, цола и состоянія; двинулись мушцины и дѣти, старики и множество женщинъ и рабовъ и не только для обслуживанія арміи, но большинство было излишнее: персы размышляли, о томъ, какъ они, взявъ наши города и завладѣвъ страной, оснуютъ у насъ колоніи — Πέρσαι δὲ ἐξ ἐκείνου τὸν καιρὸν τοῦτον παραφυλάξαντες, ὡς ἐξ ἐφόδου τὴν Συρίαν ληφόμενοι, πᾶσαν ἐξαναστήσαντες ἡλικίαν καὶ φύσιν καὶ τύχην ἐφ' ἡμᾶς ὠρμηντο,

¹ ib. p. 32.

ἄνδρες, μεράκια, πρεσβῦται καὶ γυναικῶν πλῆθος καὶ θεραπεύοντων, οὐ μόνον τῶν πρὸς τὸν πόλεμον ὑπουργῶν χάριν, ἐκ περιουσίας δὲ πλεῖστον ἐπόμενον. διενεοῦντο γάρ ὡς καὶ τὰς πόλεις καθεξόντες καὶ τῆς χώρας ἤδη κρατήσαντες κληρούχους ἡμῖν ἐπάξουσι¹.

Персамъ не удалось взять городъ. Къ осадѣ города Юліанъ возвращается еще во II рѣчи, но ничего новаго не сообщаетъ, кромѣ мелкихъ деталей по чисто технической части осады. Интересны заключительныя слова его о томъ, что съ того времени Шапуръ «соблюдаетъ миръ и не нуждается ни въ клятвахъ ни въ договорахъ, а предпочитаетъ оставаться дома, если не пожелаетъ императоръ пойти на него и отомстить за смѣлость и безразсудство» — καὶ ἄγει πρὸς ἡμᾶς εἰρήνην ἐκ τούτου, καὶ οὔτε ὄρων οὔτε συνθηκῶν ἐδέησεν, ἀγαπᾷ δὲ οἴκοι μένων, εἰ μὴ στρατεύοιτο βασιλεὺς ἐπ' αὐτὸν καὶ δίκην ἀπαιτοῖ τοῦ θράσους καὶ τῆς ἀπονοίας².

Армянское преданіе сохранило память объ осадѣ Низибина 350 года и участникомъ ея выставляетъ армянскаго царя Аршака въ качествѣ союзника Шапура. По вступленіи на престолъ Аршакъ, по словамъ Фауста, послалъ почетное посольство къ императору, «чтобы возобновить договоръ согласія и мира»³. Аршакъ находился въ персидскомъ плѣну вмѣстѣ съ отцомъ Тираномъ, и послѣ мира, какъ думаетъ Фаустъ, а по нашему, послѣ Сингарской неудачи, Шапуръ согласился, вѣроятно, по настоянію императора возстановить порядокъ въ Арменіи и посадилъ на престолъ вмѣсто Тирана его сына Аршака⁴. Посольство Аршака, видимо, имѣло миссію завѣрить имперскія власти въ томъ, что хотя армянскій царь и является какъ бы ставленникомъ Шапура, но что онъ желалъ бы жить въ мирѣ съ обѣими державами согласно договору 298 года.

Къ сожалѣнію, исторія Аршака у Фауста переплетена съ легендарнаго характера житіемъ патріарха Нерсеса. Сейчас не входитъ въ нашу задачу анализъ житія Нерсеса; замѣтимъ только, что оно, не чуждое обоснованія на письменныхъ источникахъ, повидимому, существовало отдѣльно и затѣмъ вставлено въ исторію Аршака. Этимъ объясняются нѣкоторые анахронизмы, искажающіе историческую обстановку. По Фаусту, въ посольство Аршака входилъ также Нерсесъ; онъ въ столицѣ выступилъ противъ аріанизма и аріанствующаго императора Валента, за что навлекъ на себя гнѣвъ его и былъ задержанъ и потомъ сосланъ. Фаустъ увѣряетъ, что задержка Нер-

¹ ib. p. 33.

² Orat. II, p. 85.

³ Фаустъ IV, 5.

⁴ Id. IV, 1.

сеса послужила причиной разрыва дружественныхъ отношеній, и Аршакъ, недовольный поведеніемъ императора, произвелъ набѣги на имперскія земли и опустошалъ въ теченіе шести лѣтъ страны Гамирскія (= Каппадокійскія) до города Анкири¹.

Участіе Нерсеса въ аріанскихъ спорахъ и ссылка его — легенда, имѣющая тенденцію выставить главу армянской церкви въ качествѣ поборника православія. Приключенія Нерсеса не могли случиться при Валентѣ потому, что тогда армяне находились въ союзѣ съ нимъ и воевали противъ персовъ. Легенда, если только она имѣетъ какую нибудь историческую основу, сложилась, вѣроятно, вокругъ аріанскихъ споровъ времени Сардикскаго собора 346 г., когда нѣкоторые изъ аріанскихъ прелатовъ были сосланы въ Арменію.

Какъ бы мы ни относились къ разсказу Фауста, но несомнѣнно вѣрно въ немъ одно, что Аршаку не удалось держаться нейтралитета, и онъ склонился хотя бы временно въ сторону Шапура. По смыслу словъ Фауста, Аршакъ колебался въ своей политикѣ и не рѣшался стать на ту или другую сторону. Увѣщеванія или старанія со стороны заинтересованныхъ державъ могли повернуть его въ соотвѣтствующую сторону. Онъ ожидалъ, что подобныя шаги будутъ сдѣланы со стороны императора; и передъ персидской осадой Низибина Аршакъ выжидалъ, «кто изъ нихъ призоветъ его на помощь, говоритъ Фаустъ; самъ склоненъ былъ итти охотно на помощь греческому императору, но греки не просили его и не оказали ему вниманія и почета».

Совершенно обратно дѣйствовалъ Шапуръ; по увѣренію того же историка, онъ послалъ къ Аршаку людей и уговаривалъ всячески принять участіе въ кампаніи противъ грековъ. Тогда Аршакъ собралъ войско и черезъ Арзанену спустился въ Арвастанъ, т. е. (= въ сѣверную часть Месопотаміи) и расположился передъ Низибиномъ. По преувеличенному представленію Фауста, армяне не хотѣли дожидаться прибытія персидскихъ силъ, одни завязали бой и одержали побѣду. Въ благодарность Аршаку за такой подвигъ, персидскій царь Шапуръ пригласилъ Аршака къ себѣ въ столицу и заключилъ съ нимъ союзъ «нерасторжимой дружбы на вѣчныя времена». Онъ предложилъ свою дочь Аршаку въ жены и подарилъ ему большую область въ такихъ предѣлахъ, чтобы Аршакъ, проѣзжая изъ Арменіи въ Ктесифонъ, все время пути находился на собственной территоріи².

¹ Фаустъ IV, 11.

² Фаустъ. IV, 20.

Въ разсказѣ Фауста скрывается извѣстная доля исторической правды. У Амміана имѣются, какъ мы увидимъ ниже, данныя, подтверждающія слова Фауста. Амміанъ свидѣлствуетъ, что Шапуръ всѣми мѣрами старался добиться дружбы Аршака, прибѣгая то къ коварству и обману, то къ обѣщаніямъ. Подъ Низибинскимъ сраженіемъ, гдѣ участвовалъ Аршакъ, надо понять осаду Низибина 350 года. Возможно, что къ обѣщаніямъ Шапура относятся тѣ территоріальныя уступки, о которыхъ говоритъ Фаустъ нѣсколько сказочно. Въ другомъ мѣстѣ нашъ историкъ указываетъ болѣе опредѣленно на земли, обѣщанныя Шапуромъ. Рѣчь шла объ Атропатенѣ¹, которая по договору 298 года принадлежала армянскому царю, но впоследствии, со времени возникновенія войны, именно съ 337 года, видимо, была отпята персами. Такъ или иначе Шапуру удалось отторгнуть Аршака изъ подъ вліянія императора.

Союзъ Аршака съ Шапуромъ не длился долго. О разрывѣ его говоритъ Фаустъ, при чемъ причину разлада ищетъ по своему обыкновенію въ интригахъ и соревнованіи заинтересованныхъ лицъ изъ числа армянскихъ феодаловъ. Но поворотнымъ пунктомъ въ политикѣ Аршака послужилъ вѣроятнѣе всего пріѣздъ въ Арменію квестора Тавра съ особой миссіей. Амміанъ передаетъ, что въ 17 году Констанція и въ 4 году цезаря Галла, т. е. 354 году, квесторъ Тавръ былъ посланъ въ Арменію: *eoque tempore Taurus questor ad Armeniam missus*². Къ сожалѣнію, историкъ замалчиваетъ цѣль поѣздки квестора, но изъ дальнѣйшихъ событій нетрудно догадаться, что она заключалась въ восстановленіи дружественныхъ отношеній между имперіей и Аршакомъ. Дѣло въ томъ, что и послѣ неудачной осады Низибина 350 года война еще не прекратилась. Обстоятельства сложились такъ, что обѣимъ сторонамъ выгодно было на время сложить оружіе. Констанція отвлекли возстаніе Магненція, погибшаго въ 353 году, и война съ аллеманами, а Шапуръ перенесъ свои силы на борьбу съ воинственными народностями на окраинѣ имперіи, которыя то враждовали съ персами, то въ союзѣ съ ними нападали на римлянъ³.

Вскорѣ вновь начались враждебныя набѣги персовъ въ Месопотамію. Персидскій вождь Ноходаръ занималъ угрожающее положеніе и искалъ удобнаго момента, чтобы ударить на наиболѣе уязвимыя мѣста въ направленіи Эдессы⁴. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что говоря о

¹ IV, 16.

² *Amm.* XIV, 11.

³ *Id.* XIV, 3.

⁴ *Nohodares quidam nomine e numero optimatum incursare Mesopotamiam quotiens copia dederit ordinatus, id.* XIV, 3.

набѣгахъ и разореніяхъ тѣхъ же персидскихъ вождей подъ 355 годомъ, Аммианъ добавляетъ «nunc et Armeniam», т. е. раньше въ 353 г. они опустошали Месопотамію, *incursare Mesopotamiam*, а въ 355 году распространили свои набѣги и на Арменію. *Persici duces vicini fluminibus, rege in ultimis terrarum suarum terminis occupato, per praedatorios globos nostra vexabant, nunc Armeniam, aliquotiens Mesopotamiam confidentius incur-santes*¹ — «персидскіе вожди, стоявшіе вдоль рѣкъ, отдѣльными отрядами безпокоили насъ, въ то время когда ихъ царь былъ занятъ войной на отдаленной окраинѣ собственныхъ земель, и нынѣ вторгаются дерзко въ Арменію, нѣсколько разъ въ Месопотамію». Очевидно, произошло въ короткій промежутокъ времени нѣчто такое, что заставило персовъ включить и Арменію въ районъ военныхъ дѣйствій. Секретъ находится въ отпаденіи Аршака отъ союза съ Шапуромъ, — результатъ дипломатическаго успѣха квестора Тавра.

У Фауста сохранились двѣ даты, которыя неожиданно подтверждаютъ наши выводы, касающіеся хронологіи. По его словамъ, послѣ разрыва Аршака съ Шапуромъ прошло восемь лѣтъ въ мирѣ², такъ какъ персидскій царь былъ занятъ войной съ императоромъ и не тревожилъ Аршака, но вражда началась, какъ только прекратилась война съ императоромъ. Какъ извѣстно, миръ былъ заключенъ между двумя воюющими державами лѣтомъ 363 года. Если ссора Аршака съ Шапуромъ имѣла мѣсто лѣтъ за 8 до мира, то, значитъ, она падаетъ на 354 годъ — дата, выведенная нами по инымъ, изложеннымъ выше, соображеніямъ.

Далѣе, Фаустъ же передаетъ, что вражда Аршака съ императоромъ продолжалась шесть лѣтъ, въ теченіе коихъ онъ опустошалъ имперскія земли до Анкиріи³.

Если примиреніе съ императоромъ состоялось въ 354 году, то начало разрыва, по этому счету, восходитъ къ 348 году. Аршакъ вступилъ на престолъ въ 346 году, какъ мы видѣли; первые годы были посвящены упорядоченію страны, по словамъ Фауста же; а затѣмъ уже было отправлено посольство къ императору, приведшее къ печальному разрыву. Интересно, что Иеронимъ, кромѣ извѣстныхъ уже намъ осадъ Низибина, упоминаетъ еще объ одномъ сраженіи имперскихъ войскъ съ персами въ 348 году: Сраженіе было мѣсто при Сидгарѣ, но это не то сраженіе, которое мы на основаніи словъ Юліана отнесли къ 345 году. Р. Фестъ тоже свидѣтель-

¹ Амм. XV, 13.

² Фаустъ, IV, 21.

³ Ib. IV, 11.

ствуешь, что подъ Сингарой произошло два сраженія. По его счету при Констанціи имперскія войска выдержали 9 битвъ, кромѣ легкихъ пограничныхъ стычекъ, изъ нихъ семь вели его вожди, а двѣ произошли подъ Сингарой подъ его личной командой: «*novies decertatum est; per duces suos septies, ipse praesens bis adfuit veris et gravibus pugnīs. Nimirum Singarenae praesente Constantio et iterum Singarenae Constantinensi quoque*»¹.

Весьма вѣроятно, что первое выступленіе Аршака противъ императора въ союзѣ съ Шапуромъ относится именно къ 348 г. Такимъ образомъ, указаніе Фауста подтверждаетъ наши выводы, къ которымъ мы пришли инымъ путемъ.

Фаусту хорошо извѣстенъ мирный договоръ 363 года, заключенный между двумя государствами. Онъ подробно рассказываетъ о послѣдовавшей послѣ того враждѣ и войнахъ Аршака съ персидскимъ царемъ, но ничего не знаетъ о событіяхъ, предшествовавшихъ миру, несмотря на то, что въ нихъ принималъ дѣятельное участіе Аршакъ, какъ союзникъ императора. Армянскій историкъ увѣряетъ, что до заключенія мира лѣтъ восемь Шапуръ скрывалъ свою вражду къ Аршаку и ласковымъ обращеніемъ старался держать Аршака на своей сторонѣ въ виду войны съ императоромъ. Въ дѣйствительности, Аршакъ въ тѣ годы находился въ лагерѣ, дѣйствовавшемъ противъ Шапура. Событія за это время описаны историкомъ Амміаномъ, современникомъ и даже участникомъ военныхъ дѣйствій.

Несмотря на то, что Шапуръ самъ былъ занятъ подавленіемъ возстанія на отдаленной окраинѣ имперіи, его отряды не переставали тревожить врага въ Месопотаміи². Префектъ преторіи Музоніанъ узнавъ о томъ, что персидскій царь ведетъ войну противъ непокорныхъ народностей и несетъ большія потери, хотѣлъ использовать моментъ для заключенія мира съ персами. Съ этой цѣлью онъ вошелъ въ тайные переговоры съ Тамсапоромъ, командующимъ персидской арміей. Тамсапоръ отнесся сочувственно къ шагамъ Музоніана и доложилъ обо всемъ Шапуру, находившемуся тогда еще въ странѣ Хіонитовъ, съ кѣмъ онъ воевалъ. Письмо дошло до Шапура поздно въ 358 году (въ консульство Даціана и Цереалія)³. Онъ уже копчалъ кампанію и, заключивъ миръ, хотѣлъ вернуться домой, когда получилъ письмо Тамсапора. Шапуръ не былъ противъ мира, но полагая, что дѣла противника, очевидно, не важны, разъ онъ идетъ на миръ, онъ хотѣлъ использовать предложеніе римлянъ и прекратить войну на наиболѣе выгодныхъ условіяхъ.

¹ R. Fest. XXVII.

² Amm. XVI, 9.

³ Id. XVII, 5.

Онъ послалъ къ Констанцію нѣкоего Нарсея съ подарками и письмомъ, написанномъ въ очень высокоумномъ тонѣ:

«Царь царей Шапуръ, причастникъ звѣздъ, братъ солнца и луны, шлю Констанцію Цезарю горячій привѣтъ. Я радъ и мнѣ пріятно видѣть, что ты наконецъ вступилъ вновь на желанный путь и выслуша чистому голосу справедливости, наученный самой жизнью въ томъ, какія бѣдствія иной разъ порождаетъ настойчивая страсть къ чужой собственности. И вотъ, такъ какъ слово правды должно быть непринужденнымъ и свободнымъ, а особамъ высокаго положенія подобаетъ говорить то, что они чувствуютъ, то предложеніе свое я оформлю въ краткихъ словахъ, напоминая, что все то, что я собираюсь изложить, часто развито мною. Что до рѣки Стримона и Македонскихъ предѣловъ владѣли мои предки, о томъ свидѣлствуютъ и ваши древности. Вотъ это надлежитъ мнѣ требовать, мнѣ — да не будетъ высокоумно то, что я говорю — стоящему блескомъ и рядомъ замѣчательныхъ подвиговъ выше прежнихъ царей. Но мнѣ дорога всюду прямота мысли, къ чему привыкши съ молодыхъ лѣтъ, я не совершалъ ничего такого, въ чемъ приходилось бы когда нибудь раскаиваться. Поэтому я долженъ получить *обратно Арменію вмѣстѣ съ Месопотаміей, захваченную обманнымъ образомъ при моемъ дѣдѣ*. У насъ никогда не было принято то, что вы утверждаете, ликуя, что долженъ быть одобренъ всякій благополучный исходъ войны, безразлично отъ доблести ли онъ, или отъ коварства. Наконецъ, если захочешь поступать правильно согласно моему совѣту, брось ничтожную часть, приносящую всегда горе и кровопролитіе, чтобы владѣть остальной частью въ безопасности: разсуждай благоразумно; вѣдь и мастера врачебнаго искусства иной разъ и жгутъ и рѣжутъ, или ампутируютъ части тѣла, чтобы имѣть возможность пользоваться остальными здоровыми частями. То же самое дѣлаютъ и звѣри, которые, какъ только замѣчаютъ, для чего главнымъ образомъ ихъ ловятъ, покидаютъ то добровольно, дабы имѣть возможность жить далѣе внѣ страха. И то, конечно, я объявляю, что если мое посольство возвратится ни съ чѣмъ, то по исходѣ времени нимаго отдыха, во всеоружіи всѣхъ силъ, я поспѣшу выступить по возможности скорѣе, надежду на успѣшный исходъ полагая на свое счастье и справедливость выставленныхъ условій»¹.

«Rex regum Sapor, particeps siderum, frater Solis et Lunae, Constantio Caesari fratri meo salutem plurimam dico. Gaudeo tandemque mihi placet

¹ Переводы изъ Амміана сдѣланы мною еще въ 1901—2 годахъ; послѣ того вышелъ прекрасный переводъ всего Амміана проф. Кулаковскаго, по которому я исправлялъ свой переводъ при печатаніи статьи.

ad optimam viam te revertisse et incorruptum aequitatis agnovisse suffragium rebus ipsis expertum, pertinax alieni cupiditas quas aliquotiens ediderit strages. Quia igitur veritatis oratio soluta esse debet et libera et celsiores fortunas idem loqui decet atque sentire propositum meum in pauca conferam, reminiscens haec quae dicturus sum me saepius replicasse. Ad usque Strymona flumen et Macedonicos fines tenuisse maiores meos, antiquitates quoque vestrae testantur: haec me convenit flagitare — ne sit adrogans, quod affirmo — splendore virtutumque insignium serie vetustis regibus antistantem. Sed ubique mihi cordi est recta ratio, cui coalitus ab adolescentia prima nihil umquam paenitendum admisi. Ideoque Armeniam recuperare cum Mesopotamia debeo, avo meo composita fraude praereptam. Illud apud nos numquam in acceptum feretur, quod adseritis vos exultantes nullo discrimine virtutis ac doli prosperos omnes laudari bellorum eventus. Postremo si morem gerere suadenti volueris recte, contemne partem exiguam semper luctificam et cruentam, ut cetera regas securus, prudenter reputans medelarum quoque artifices urere non numquam et secare et partes corporum amputare, ut reliquis uti liceat integris; hocque bestias factitare: quae cum arvertant cur maximo opere capiantur, illud propria sponte amittunt ut vivere deinde possint inpavidae. Id sane pronuntio quod, si haec mea legatio redierit inrita, post tempus hiemalis quietis exemptum, viribus totis accinctus, fortuna condicionumque aequitate spem successus secundi fundante venire, quoad ratio siverit, festinabo.

На письмо Шапура императоръ Констанцій отвѣтилъ слѣдующими строками:

«Побѣдитель на сушѣ и на морѣ Констанцій, вѣчно Августъ шлю горячій привѣтъ брату своему царю Сапору. Я поздравляю тебя съ благополучіемъ твоимъ, какъ будущій, если пожелаешь, другъ; но алчность твою всегда неуклонную и все обильнѣе раздвигавшуюся я сильно порицаю. Ты требуешь Месопотамію, какъ свою собственность, и кроме того еще Арменію, и совѣтуешь отнять у здороваго тѣла нѣкоторые члены, чтобы здоровье его въ дальнѣйшемъ было упрочено твердо — все это слѣдуетъ скорѣе отклонить чѣмъ одобрить какимъ-нибудь согласіемъ. Такъ вотъ послушай правду, не прикрытую задними мыслями, но прозрачную и не болящую пустыхъ угрозъ. Мой префектъ преторія, думая, что начинаетъ дѣло, ведущее къ общей пользѣ, заговорилъ съ твоимъ вождемъ безъ моего вѣдома и черезъ какихъ-то неважныхъ людей относительно мира. Мы не отвергаемъ и не отталкиваемъ мира, лишь бы былъ онъ заключенъ прилично и почетно и ничего не отнялъ бы отъ нашей чести и величія. Вѣдь негѣпо

я непристойно въ то время, когда рядомъ моихъ подвиговъ открыты уши, которыя зависть къ намъ много разъ закрывала, когда съ уничтоженіемъ самозванцевъ весь Римскій міръ подчиняется намъ, уступить то, что мы долго, еще замкнутые въ восточныхъ тѣснинахъ, хранили въ неприкосновенности. Да прекратятся также, прошу, угрозы, которыя мечутся на насъ по обычаю: ибо нельзя сомнѣваться, что не изъ трусости, а изъ скромности мы иногда скорѣе принимали вызовъ на войну, чѣмъ начинали мы сами. Когда же насъ вызываютъ, то мы защищаемъ свое имущество крѣпкимъ духомъ готовности на все, зная по опыту и традиціи, что рѣдко въ какихъ нибудь сраженіяхъ не было удачи римскому дѣлу, а результаты войны никогда не кончались въ ущербъ имъ»¹.

«Victor terra marique Constantius semper Augustus fratri meo Saporі regi salutem plurimam dico:

Sospitati quidem tuae gratulor ut futurus, si velis, amicus, cupiditatem vero semper indeflexam fusius que vagantem vehementer insimulo. Mesopotamiam puscis ut tuam perindeque Armeniam et suades integro corpori adimeri membra quaedam, ut salus ejus deinceps locetur in solido, quod infringendum est potius quam ulla consensione firmandum. accipe igitur veritatem non obtectam praestigiis sed perspicuam nullisque minis inanibus perterrendam. Praefectus praetorio meus opinatus adgredi negotium publicae utilitati conducens eum duce tuo per quosdam ignobiles, me incon-sulto, sermones conseruit super pace. Non refutamus hanc nec repellimus: adsit modo cum decore et honestate nihil pudori nostro praereptura vel majestati. Est enim absonum et insipiens cum gestarum rerum ordine placatae sint aerae invidiae, quae nobis multipliciter inluserunt, cum deletis tyrannis totus orbis Romanus nobis obtemperat, ea prodere, quae contrusi in orientales angustias diu servavimus inbibita. Cessent autem quaeso formidines quae nobis intentantur ex more, cum ambigi nequeat non mertia nos sed modestia pugnas interdum excepisse potius quam intulisse et nostra, quotiens lacescimus, fortissimo benevolentiae spiritu defeusare, id experiendo legendoque scientes in proeliis quibusdam raro rem titubasse Romanam, in summa vero bellorum numquam ad deteriora prolapsam».

Отвѣтное письмо свое Констанцій послалъ вмѣстѣ съ дарами Шануру черезъ особое посольство, состоящее изъ комита Проспера, трибуна и нотарія Спектата и философа Евстаѳа, мастера убѣдительною рѣчи. Посольство имѣло инструкцію задержать всячески походъ Шанура, чтобы укрѣпить сѣверныя провинціи.

¹ Ibidem.

Послы представились Шапуру въ Ктесифонѣ, передали ему дары и «просили мира при неизмѣнномъ сохраненіи существующаго положенія; помня порученіе императора, послы ни въ чемъ не поступились ни интересами, ни достоинствомъ Римской имперіи и стояли на своемъ, что мирный договоръ долженъ быть заключенъ съ тѣмъ, чтобы ни коимъ образомъ не поднять вопроса объ измѣненіи положенія Арменіи и Месопотаміи. Они, задержавшись тамъ долго, когда замѣтили, что настойчивый царь упрямится принять миръ иначе, какъ при условіи признанія его власти надъ этими областями, вернулись обратно не совершивъ своего дѣла»: *poscebantque rebus integris pacem et mandatorum memores nusquam ab utilitate Romanae rei maiestateque discedebant, amicitiae foedus sub hac lege firmari debere adseverantes, ne super turbando Armeniae vel Mesopotamiae statu quidquam moveretur. Diu igitur ibi morati, cum obstinatissimum regem, nisi harum regionum dominio sibi adiucato, obdurescentem ad suscipiendam cernerent pacem, negotio redierunt infecto*¹.

Еще разъ пытался Констанцій черезъ другихъ пословъ добиться мира у персовъ, но вновь потерпѣлъ неудачу. Шапуръ не хотѣлъ мириться съ римской властью въ Арменіи и Месопотаміи и рѣшилъ завладѣть ими открытой силой. «Горя сверхчеловѣческой страстью расширить свое царство, говоритъ историкъ, онъ сталъ готовить оружіе, войска и продовольствіе, взывалъ къ подземнымъ духамъ, вопрошалъ всѣхъ маговъ касательно грядущаго», чтобы съ началомъ весны открыть враждебныя дѣйствія. «*Consilia tartareis manibus miscens et praestigiatore omnes consulens de futuris*»² — слова, вполне подтверждающія, замѣтимъ вскользь, характеристику Шапура у Фауста.

Воинственный пылъ Шапура поддерживалъ нѣкто Антонинъ; богатый купецъ, служившій раньше по счетоводной части у дука Месопотаміи и впавшій въ долги по винѣ нѣкоторыхъ лицъ, онъ вынужденъ былъ убѣжать къ персамъ, не имѣя возможности расплатиться съ казною, куда были занесены его долговые обязательства. Онъ собралъ подробныя свѣдѣнія о военныхъ и продовольственныхъ силахъ римлянъ и сообщилъ обо всемъ персидскому вождю Тамсапору, чтобы тѣмъ отомстить своимъ соотечественникамъ за незаслуженную имъ обиду. Антонинъ перешелъ въ Персію со своимъ семействомъ, представился царю въ его зимней резиденціи и былъ принятъ имъ очень радушно и «пожалованъ почетной тіарой, дававшей ему

¹ Id. XVII, 14.

² XVIII, 4,1.

право участвовать въ совѣщаніяхъ и высказывать свои мнѣнія»: *et apicis nobilitatus auctoritateque honore participantur mensae regales et meritorum apud Persas ad suadendum ferendasque sententias in contionibus ora panduntur*¹.

Мстительный Антонинъ всѣми силами возбуждалъ Шалпура противъ своего отечества. Человѣкъ образованный и обладающій краснорѣчіемъ, онъ умѣлъ говорить и производить впечатлѣніе. За царской трапезой, «гдѣ у нихъ, какъ у древнихъ грековъ, обсуждались военные и другіе важные вопросы», перебѣжчикъ, всегда трезвый, подбивалъ царя взяться за оружіе съ вѣрой въ свое счастье; а самъ съ своей стороны обѣщалъ поддержку во всемъ (*inter epulas sobrius perfuga, ubi de apparatu bellorum et seriis rebus apud cos Graecorum more veterum consultatur*²).

Имперія не была подготовлена къ войнѣ; положеніе ея было очень неважно въ особенности на Востокѣ. Начальникъ края, префектъ преторія Музоніанъ, отличался безпечностью и пользовался репутаціей продажнаго человѣка. Наканунѣ войны въ 359 году его смѣнилъ Гермогенъ; родомъ изъ Понта, онъ зналъ Востокъ, но не проявлялъ военныхъ способностей. Наиболѣе подходящимъ для даннаго момента человѣкомъ былъ Урзицинъ, но его преслѣдовали придворныя интриги. Въ 354 году онъ состоялъ начальникомъ конницы въ Низибинѣ, въ слѣдующемъ году его перевели въ Галлію, гдѣ онъ удачно справился съ самозванцемъ Сильваномъ. Въ 357 году въ должности начальника конницы вновь прибылъ на Востокъ въ сопровожденіи нашего историка Амміана. Противъ Урзицина интриговалъ особенно Евсевій, глава царскихъ покоевъ, *praepositus cubiculi*. Пользуясь расположеніемъ императора, онъ добился удаленія Урзицина съ Востока въ Италію и назначенія на его мѣсто своего любимца Сабиніана. Удаленіе Урзицина Амміанъ считалъ крупной ошибкой: по его мнѣнію, въ эту критическую минуту личность такого боевого вождя, какъ Урзицинъ, прекрасно знакомаго при томъ съ тактикой персовъ, была болѣе чѣмъ необходима. Смѣлый проектъ Антонина, одобренный Шапуромъ, былъ разсчитанъ на отсутствіе Урзицина и на неспособность его преемника. Онъ предлагалъ персамъ не тратить времени и силы на осаду укрѣпленій, а стремительнымъ маршемъ перейти Евфратъ и занять цвѣтущія провинціи Сиріи, не тронутыя войной со времени Галліена³.

Императоръ Констанцій неожиданно отмѣнилъ приказъ и Урзицинъ

¹ XVIII, 5, a.

² XVIII, 5, b.

³ XVIII, 6.

съ послути вернулся обратно въ Месопотамію, съ назначеніемъ начальникомъ пѣхоты. Положеніе его было трудно, тѣмъ болѣе, что армія фактически осталась въ распоряженіи другого лица.

Урзицинъ поспѣшилъ въ Низибинъ и сталъ укрѣплять городъ. Вскорѣ показались изъ-за Тигра со стороны крѣпости Мавровъ и Сисары передовые отряды непріятеля. Урзицинъ и Аммианъ вышли за городъ, чтобы загородить шмъ путь, но вынуждены были убѣжать черезъ Амудій и Мелкариръ въ Амиду.

По распоряженію Урзицина Аммианъ отправился къ сатрапу Кордуены Ювиніану, питавшему тайно симпатіи къ римлянамъ. Побывавъ заложникомъ въ Сиріи, онъ занимался науками и нынѣ пылалъ желаніемъ вернуться къ римлянамъ. Поѣздка Аммиана имѣла развѣдочныя цѣли. Проводникъ сатрапа повелъ его на высокій пунктъ, откуда видно было на горизонтѣ приближеніе вражескихъ полчищъ. Во главѣ шелъ самъ царь въ блестящихъ одѣяніяхъ, имѣя по лѣвую сторону царя Хіонитовъ Грумбата, а по правую — царя Албаніи; за ними шли другіе мелкіе князья и знатныя лица изъ сосѣднихъ племенъ.

Урзицинъ, располагая всего двумя конными отрядами въ 700 ч., долженъ былъ отступить изъ Амиды къ Самосатѣ. Персидскіе вожди Тамсаноръ и Находаръ во главѣ 20000 войска, пытались отрѣзать ему путь, настигли его въ горахъ близъ Амиды, разбили отрядъ Урзицина, который едва спасся въ Милитену.

Между тѣмъ главныя силы подъ начальствомъ Шапуръ дошли до предѣловъ Низибина, а отсюда, по совѣту Антонина, повернули на сѣверъ и, проходя черезъ Bibases, Nagren, Maïasagire и Charcha¹, очутились передъ отѣнами Амиды. Мужественное сопротивленіе города было сломлено упорствомъ персовъ и послѣ 73 дневной обороны онъ палъ. Аммианъ убѣжалъ въ Милитену, откуда вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ Урзициномъ поѣхалъ въ Антиохію².

Изъ Амиды Шапуръ пронесся на югъ къ Сингарѣ, очень важному стратегическому пункту, чтобы, захвативъ его, обезпечить себѣ тылъ со стороны врага, сосредоточивавшаго свои силы въ Антиохіи. Овладевъ городомъ, Шапуръ вновь устремился на сѣверъ и осадилъ передовое укрѣпленіе на Тигрѣ Безабде, древнюю Фенику (Phoenica)³, нынѣ Джезирэ-ибн-Омаръ. И эта крѣпость пала.

¹ Эти пункты существуютъ и понынѣ и лежатъ на главномъ пути отъ Дары къ Амидѣ.

² Ib. XIX, 8.

³ XX, 7.

Персидскіе успѣхи побудили императора Констанція стать лично во главѣ арміи. Въ томъ году, когда римскія крѣпости пали одна за другой, Констанцій съ войскомъ прибылъ въ Кесарію (Каппадокійскую), *Mazacam antehac nominatam* (XX, 9). Здѣсь онъ узналъ, что галльскіе легіоны, недовольные приказомъ о переводѣ ихъ на Востокъ, провозгласили Юліана императоромъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, продолжать-ли путь или идти противъ Юліана, Констанцій послалъ людей къ нему съ предложеніемъ довольствоваться титуломъ цезаря, и самъ готовился къ походу.

Ходили слухи, что персы принимаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы заставить армянскаго царя Аршака отпасть отъ римлянъ и перейти къ Шапуру. Констанцій прекрасно понималъ, что если интриги персовъ въ Арменіи достигли бы цѣли, то римское оружіе лишится серіозной поддержки; поэтому онъ старался обезпечить себя съ этой стороны, заручившись прочностью союза съ Аршакомъ.

«Констанцій, говоритъ Амміанъ, призвалъ къ себѣ армянскаго царя Арсака, принялъ его необыкновенно радушно и убѣдительно просилъ и увѣщевалъ, чтобы тотъ остался намъ другомъ и вѣрнымъ (союзникомъ). Онъ слыхалъ, что персидскій царь не разъ пытался, дѣйствуя то обманомъ, то угрозами, то коварствомъ, чтобы Арсакъ, отпавъ отъ союза съ римлянами, перешелъ на его сторону. Арсакъ многократно клялся, что онъ скорѣе положитъ жизнь свою, чѣмъ позволить себѣ взмѣну; и осыпанный дарами вмѣстѣ со спутниками, которыхъ привелъ съ собой, Арсакъ вернулся въ свое царство. Впослѣдствіи онъ не рѣшался нарушать данныя обѣщанія, будучи связанъ съ Констанціемъ многими узами признательности, между коими самое важное было то, что императоръ выдалъ за него Олимпиаду, дочь Аблабія, нѣкогда префекта преторія, бывшую невѣсту брата своего Константа. Отпустивъ Арсака, Констанцій выступилъ изъ Каппадокіи и черезъ Милитену, городъ Малой Арменіи, перешедши Евфратъ, прибылъ въ Эдессу» — *Constantius aditum Arsacen, Armeniae regem, summaque liberalitate susceptum praemonebat et hortabatur, ut nobis amicus esse perseveraret et fidus. Audiebat enim saepius eum temptatum a rege Persarum fallaciis, et minis, et dolis, ut Romanorum societate posthabita, suis rationibus stringeretur. Qui crebro adjurans animam prius posse amittere, quam sententiam, muneratus cum comitibus, quos duxerat, rediit ad regnum, nihil ausus temerare postea promissorum, obligatus gratiarum multiplici nexu Constantio, inter quas illud potius excellebat, quod Olimpiada Ablabii filiam praefecti quondam praetorio, ei copulaverat conjugem, sponsam fratris sui*

Constantis. Quo dimisso a Cappadocia ipse per Melitinam minoris Armeniae oppidum, et Lacotena, et Samosata, transito Euphrate, Edessam venit¹.

Здѣсь онъ простоялъ нѣкоторое время въ ожиданіи подкрѣпленій и вышелъ въ Амиду. Видъ разгромленнаго персами города непріятно подѣйствовалъ на императора. Изъ Амиды Констанцій пошелъ къ Безабде и, послѣ слабой и неудачной попытки овладѣть имъ, удалился въ Антиохію. Здѣсь ему донесли, что Юліанъ идетъ на столицу. Всю зиму 360—361 г. онъ провелъ въ необходимыхъ приготовленіяхъ для веденія войны противъ внутренняго и вѣшняго враговъ.

Весной ожидалось наступленіе персовъ и императоръ еще разъ дѣлаетъ шаги для укрѣпленія союза съ армянскимъ царемъ и сопредѣльными властителями. Такъ какъ опасались нападенія персовъ съ наступленіемъ весны, то, по словамъ того же историка, «были посланы къ затигрскимъ царямъ и сатрапамъ послы со щедрыми подарками, чтобы просить и увѣщевать ихъ держаться нашей стороны и не замышлять никакого обмана или коварства. Прежде всего Арсака и Мерибана, царей Арменіи и Иберіи, старались подкупать роскошными одѣяніями и разнообразными дарами, какъ людей, могущихъ нанести ударъ римскому дѣлу, если бы въ такой критическій моментъ перешли на сторону персовъ» — *ad Transtigritanos reges et satrapes legati cum muneribus missi sunt amplis, monituri cunctos et hortaturi nostra sentire et nihil fallax temptare vel fraudulentum. Ante omnia tamen Arsaces et Meribanes, Armeniae et Hiberniae reges, cultu ambitioso indumentorum emercabantur et multiformibus donis damna negotiis Romanis illaturi, si rebus tum etiam dubiis descivissent ad Persas*².

Вскорѣ римскіе военачальники, стоявшіе въ Месопотаміи, донесли, что персидскія войска, стянутыя къ берегамъ Тигра, собираются открытъ военныя дѣйствія. Констанцій поспѣшно выѣхалъ изъ Антиохіи въ Эдессу навстрѣчу врага. Однако персы раздумали и неожиданно отошли обратно въ свои предѣлы. Императоръ вернулся въ Антиохію и отсюда выѣхалъ въ Константинополь, но въ дорогѣ заболѣлъ лихорадкой въ Тарсѣ и умеръ на станціи Мопсукренѣ 5 октября 361 года³.

Императоромъ былъ провозглашенъ Юліанъ. Рѣшивъ продолжать войну съ персами, онъ выѣхалъ въ Антиохію въ іюнь мѣсяцѣ 362 года. Слава его и страхъ передъ нимъ распространились далеко и дошли до Востока; отовсюду явились мирныя посольства: «просили о мирѣ также за-

¹ id. XX, 11.

² id. XXI, 6.

³ XXI, 15.

тигріскіе народы и армяне» *Transstigritanis pacem obsecrantibus et Armeniis*¹.

Юліанъ легѣяль грандіозныя планы и думалъ однимъ ударомъ положить конецъ вѣковой враждѣ персовъ и сокрушить мощь государства, причинившаго столько бѣдствій, въ особенности за послѣднія 60 лѣтъ, и неразъ истребившаго римское войско до единого человѣка².

Самоувѣренный императоръ, правда, принималъ радушно предложеніе разныхъ народовъ о присылкѣ ему помощи, но съ гордостью давалъ имъ знать, что римской державѣ не подобаетъ пользоваться внѣшней поддержкой, а, наоборотъ, она готова защищать друзей и союзниковъ, если они обратятся къ ней за помощью. «Только Арсаку, царю Арменіи, продолжаетъ историкъ, предписалъ, чтобы онъ, собравъ значительное войско, дѣйствовалъ такъ, какъ ему будетъ приказано: куда ему направиться и что онъ долженъ будетъ дѣлать, вскорѣ узнаетъ—*Solum Arsacem monuerat Armeniae regem ut collectis copiis validis iubenda operiretur, quo tenderet, quid deberet urgere propere cogniturus*»³.

Послѣ высокомернаго заявленія о нендобности посторонней помощи, такое исключеніе по отношенію къ армянскому царю служить лучшимъ доказательствомъ, какую роль играла тогда Арменія и какъ дорожили ея позиціей воюющія стороны.

Въ сочиненіяхъ Юліана сохранилось письмо его, адресованное Аршаку и гласящее:

«Арсаку, сатрапу Арменіи.

Поспѣши въ бой противъ враговъ, Арсакъ, скорѣе чѣмъ слово, поднявъ руку противъ персидскаго сумасшествія. Наше вооруженіе и усердіе ставятъ себѣ задачей одно изъ двухъ: или отдать должное (т. е. погибнуть), совершивъ великіе подвиги на парянской землѣ и причинивъ ужасное <зло> противникамъ, или же, укротивъ ихъ при помощи боговъ, вернуться побѣдителями къ себѣ домой, воздвигнувъ памятникъ побѣды надъ врагами. Брось поэтому небрежность и обманъ и <забуди> того блаженнаго и обильные дары высокихъ лицъ, расточаемые на тебя и на тебѣ подобныхъ варваровъ при щедромъ и расточительномъ Констанціи, и нынѣ подумай обо мнѣ, Юліанѣ, верховномъ жрецѣ, о цезарѣ, Августѣ, о служителѣ боговъ и Марса, о сокрушителѣ франковъ и варваровъ, объ освободителѣ гал-

¹ XXII, 7.

² XXII, 12.

³ XXIII, 2.

ловъ и италійцевъ. Если ты замышляешь что нибудь другое — вѣдь я знаю, что ты лукавъ, дурной воинъ и хвастунъ, какъ эго показываютъ настоящія дѣла, такъ какъ ты пытаешься скрыть у себя прячущагося врага общей пользы — пока ты откладываешь это (т. е. замыслъ) до выясненія судьбы войны. Намъ довольно союза съ богами для уничтоженія враговъ. Если же судьба рѣшила нѣчто другое — рѣшеніе ея и есть желаніе боговъ — то я приму эго безстрашно и мужественно. Знай же, что ты падеши отъ руки персовъ и въ борьбѣ погибнешь окончательно твой домъ и армянское царство. Раздѣлить съ тобою невзгоды также городъ Низибинъ, какъ объ этомъ вѣщали намъ давно небесные боги.

Ἀρσάκη Ἀρμενίων σατράπῃ.

Ἐπείχθητι πρὸς τὴν τῶν πολεμίων παράταξιν, Ἀρσάκιε, θάττον ἢ λόγος, τὴν δεξιὰν κατὰ τῆς Περσικῆς μανίας ἐπλίσας. ἡ γὰρ ἡμετέρα παρασκευὴ τε καὶ προθυμία δυοῖν θάτερον βεβούλευται, ἢ τὸ χρεὼν ἀποδοῦναι ἐπὶ τῆς Παρθυαίων ἐνορίας τὰ μέγιστα διαπραξαμένους καὶ τὰ δεινότερα διαδεμένους τοὺς ἀντιπάλους, ἢ τούτους χειρωσαμένους, πρυτανεύοντων ἡμῖν τῶν θεῶν, καλλινίκους ἐπανελθεῖν ἐπὶ τὴν ἐνεγκαμένην, τρόπαια κατὰ τῶν πολεμίων ἐγείραντας. πᾶσαν οὖν ῥαστώνην καὶ φενακισμόν ἀποδέμενος, καὶ τὸν μακαρίτην ἐκεῖνον καὶ τὰς τῶν εὖ γεγονότων περιουσίας τὰς εἰς σέ τε καὶ τοὺς ὁμοτρόπους σοι βαρβάρους ὑπὸ τοῦ ἀβροτάτου καὶ πολυτελοῦς Κωνσταντίου κενωθείσας, νῦν μοι τὸν Ἰουλιανόν, τὸν ἀρχιερέα, τὸν καίσαρα, τὸν αὐγουστον, τὸν θεῶν τε καὶ Ἄρεος θεραπευτὴν ἐννόησον, τὸν Φραγκῶν τε καὶ βαρβάρων ὀλετῆρα, τὸν Γάλλων τε καὶ Ἰταλῶν ἐλευθερωτὴν. εἰ δὲ ἕτερόν τι βουλευσαιο πυθάνομαι γὰρ εἶναι σε πανοῦργον καὶ κακὸν στρατιώτην καὶ ἀλαζόνα, ὡς τὰ παρόντα μοι πράγματα δείκνυσιν· ἐχθρὸν γὰρ τινὰ τῆς κοινῆς λυσιτελείας λανθάνοντα ἀποκρύπτειν παρὰ σοὶ πειρᾶσθαι· τέως μὲν τοῦτο ὑπερτίθεμαι διὰ τὴν τοῦ πολέμου τύχην· ἀρκεῖ γὰρ ἡμῖν ἡ τῶν θεῶν συμμαχία πρὸς τὴν τῶν πολεμίων καθάρεισιν. εἰ δέ τι τὰ τῆς εἰμαρμαρμένης κρίνει· θεῶν γὰρ βούλησις ἢ ταύτης ἐξουσία· ἀδεῶς καὶ γενναίως οἶσω τοῦτο. ἴσθι δὲ ὡς σὺ μὲν πάρεργον ἔση τῆς Περσικῆς χειρός, συναφθείσης σοι παγγενεὶ τῆς ἐστίας καὶ τῆς Ἀρμενίων ἀρχῆς· κοινωνήσει δέ σοι τῆς δυστυχίας καὶ ἡ Νισιβίων πόλις, τῶν οὐρανίων θεῶν τοῦτο πάλαι ἡμῖν προαγορευσάντων. *Juliani opera, vol. I, epistola 66, p. 589—590.*

Письмо это и по формѣ и по содержанію вызываетъ серіозныя сомнѣнія: необыкновенно грубый тонъ считается недостойнымъ пера Юліана да и не соотвѣтствуетъ реальному положенію вещей. Императоръ не могъ такимъ оскорбительнымъ языкомъ говорить съ властителемъ, помощь кото-

раго онъ очень цѣнялъ, какъ видно изъ словъ Амміана. Последняя фраза письма, касающаяся паденія Аршака и его дома и вообще армянскаго царства, указываетъ скорѣе на то, что документъ составленъ послѣ совершившагося факта гибели аршакидской короны въ Арменіи. Кромѣ того, въ письмѣ подѣ τῶν μαχαρίτην ἐκείνων «того блаженнаго», подразумевается, повидимому, Константія Великій, при которомъ Аршакъ не могъ быть на престолѣ — обстоятельство, тоже поддерживающее сомнѣнія въ подлинности документа.

Въ тонѣ письма сказалась, безспорно, та злоба, которую долженъ былъ испытать Юліанъ отъ того, что Аршакъ при всемъ желаніи, какъ вышло въ послѣдствіи, не могъ оказать помощи римлянамъ. Когда Юліанъ прибылъ въ Карры, то узнавъ о томъ, что врагъ уже перешелъ границу, выдѣлилъ отрядъ въ 30.000 человекъ и передалъ его Прокопію съ приказаніемъ маневрировать по берегамъ Тигра и зорко слѣдить за движеніемъ врага. «Онъ поручилъ также соединиться, если будетъ возможно, съ Аршакомъ и съ нимъ вмѣстѣ пройти быстрымъ набѣгомъ черезъ Кордуену, Моксоену, опустошить богатую провинцію Мидіи, Хиліокомъ, и другіе районы ея и затѣмъ поспѣшить къ нему въ Ассирію для оказанія ему помощи, если будетъ нужда» — *mandabatque eis ut, si fieri potius posset, regi sociarentur Arsaci cumque eo per Corduenam et Moxoenam Chiliocomo uberi Mediae tractu partibusque alliis praestricto cursu vastatis apud Assyrios adhuc agenti sibi concurrerent necessitatum articulis adfuturi*¹.

Въ этомъ заключалась военная помощь Аршака и на это указываютъ приведенныя выше слова историка, что Юліанъ приказалъ Аршаку готовиться и ждать его распоряженій.

Юліанъ самъ съ главными силами двинулся по теченію Евфрата на югъ къ столицѣ персидскаго царя. Онъ прошелъ побѣдоносно до Ктесифона и несмотря на то, что въ генеральномъ сраженіи на Наармалхѣ, по увѣренію Амміана, Юліанъ разбилъ персовъ, послѣ того римскія войска предпочитаютъ взять обратный путь. При этомъ однимъ изъ обстоятельствъ, ухудшавшимъ положеніе Юліана, выставляется та «не малая бѣда, что не явился отрядъ, который ожидался съ Арсакомъ и съ нашими вождями, задержанный причинами, указанными выше» — *haud exiguum malum, quod nec adminicula, quae praestolabamur cum Arsace et nostris ducibus, adparebant ob causas inpedita praedictas*². Къ сожалѣнію, въ наличномъ текстѣ

¹ XXIII, 3.

² XXIV, 7.

Амміана не имѣется указанія насчетъ причинъ, задержавшихъ Аршака, на что ссылается авторъ. Изъ этихъ словъ видно, во-первыхъ, какое большое значеніе придавалось помощи Аршака, во-вторыхъ, Аршакъ вовсе не былъ виновенъ въ томъ, что не могъ прійти на помощь Юліану. Смѣлое предпріятіе Юліана кончилось плохо; при отступленіи онъ палъ, пронзенный стрѣлой врага 26 іюня 363 г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. Адонцъ.

Христіане и христіанскіе термини у мусульманскаго поэта XII вѣка въ Багдадѣ.

Для характеристики христіанско-мусульманскихъ отношеній въ эпоху арабскаго халифата до сихъ поръ очень рѣдко привлекаются произведенія арабовъ-мусульманъ. Я не говорю о сочиненіяхъ специалистовъ и такихъ авторовъ, какъ ал-Біруніи или ал-Мас'удіи, которые близко касаются этихъ вопросовъ и поэтому всегда пользовались извѣстнымъ вниманіемъ ученыхъ, хотя быть можетъ не въ такой мѣрѣ, какъ этого заслуживаетъ сообщаемый ими матеріалъ. Я имѣю въ виду богатую литературу по такъ пазываемому *адабу* съ беллетристическимъ оттѣнкомъ, которая оптомъ оставляется въ сторонѣ по апіорному предположенію, что она ничего не можетъ дать. Мнѣ уже неоднократно приходилось обращать вниманіе на тѣ интересныя детали, которыя выплываютъ при изученіи работъ писателя IX вѣка ал-Джа'иза¹; теперь я хочу привести одинъ примѣръ изъ другой области, которая (нужно оговориться) остается въ пренебреженіи и у самихъ арабистовъ-мусульманистовъ, — области поздней арабской поэзіи. Для древней поэзіи работа въ указанномъ направленіи частью произведена L. Cheikho, главнымъ образомъ въ двухъ арабскихъ монографіяхъ², къ сожалѣнію и до сихъ поръ не вполне вошедшихъ въ обиходъ европейской науки. Воплѣ вѣроятно, что аналогичный трудъ надъ произведеніями болѣе поздняго времени, начиная съ омейядской эпохи, далъ бы столь же цѣнные результаты. Въ данный моментъ я не имѣю въ виду ставить вопросъ

---

¹ XV, III, 231 и IV, 302 сл.

² Les récits bibliques et les allusions chrétiennes dans la poésie préislamique, Beyrouth 1904 (Оттискъ изъ *ал-Маурика*, въ дальнѣйшемъ Шейхъ¹) и Le christianisme et la littérature chrétienne en Arabie avant l'Islam, II partie (въ *ал-Маурике* за 1913 годъ; въ дальнѣйшемъ Шейхъ²).

сколько-нибудь широко, а лишь хочу привести одинъ примѣръ, подвернувшийся мнѣ, — не скрою, — нѣсколько случайно.

Изучая для своихъ цѣлей произведенія одного поэта XII вѣка, я обратилъ вниманіе на встрѣчающійся у него терминъ изъ области христіанскаго культа — برشان panis eucharisticus, который былъ мнѣ извѣстенъ до тѣхъ поръ только въ діалектическомъ употребленіи современной Сиріи, но не зарегистрированъ, какъ мнѣ казалось, въ литературныхъ памятникахъ. Это обстоятельство заставило меня болѣе внимательно просмотрѣть произведенія, именно съ указанной точки зрѣнія. Сколько-нибудь полной картины, конечно, не получилось, такъ какъ и самый матеріалъ средняго качества, но нѣкоторыя черточки не лишены интереса и своимъ наброскомъ я хочу подѣлиться съ читателями Христіанскаго Востока.

Сибт-ибн-ат-Та'āwīzī (ум. 583/1187 г.), одинъ изъ многихъ поэтовъ эпохи упадка 'аббасидской династіи¹, своимъ талантомъ не выделяется среди другихъ. Если нѣкоторые арабскіе ученые признаютъ его крупнѣйшимъ поэтомъ за два предшествовавшихъ ему вѣка², то вѣроятно все это объясняется тѣмъ, что трудно найти хоть одного арабскаго поэта, о которомъ не существовало бы аналогичнаго отзыва какого-нибудь ученаго. Изученіе его произведеній, изданныхъ D. S. Margoliouth'омъ въ Каирѣ въ 1903 году³, говоритъ скорѣе за то, что они болѣе интересны для историка, чѣмъ для изслѣдователя поэзіи. Ибн-ат-Та'āwīzī былъ современникомъ знаменитаго Салāх-ад-дīна (ум. 589/1193 г.), которому адресовано нѣсколько хвалебныхъ пьесъ; въ придворной бюрократіи Багдада онъ занималъ до постигшей его слѣпоты довольно видный постъ, и въ его стихахъ изрѣдка проскальзываетъ тотъ или другой намекъ на современность. Определенное положеніе въ обществѣ позволяетъ считать и отношеніе его къ христіанамъ обычнымъ для средней интеллигенціи багдадскаго мусульманства въ XII вѣкѣ.

¹ О немъ см. Brockelmann, Geschichte der arabischen Litteratur — I, 1898, 248—249 и Зейдāнъ, تاريخ آداب اللغة العربية — III, Каиръ 1913, 24 (Указанную здѣсь литературу о немъ можно дополнить ссылкой на ас-Сафадї, نكت الهميان في نكت العميان, Каиръ 1911, 259—263).

² Иначе говоря, эти критики считаютъ его наиболѣе выдающейся величиной послѣ ал-Мутанаббї.

³ Изданіе выпущено въ 1905 году и въ Европѣ съ другой обложкой подъ заглавіемъ: Carmina Muhammadis Ubaidallahi f. dicti Sibti ibn-al-Ta'āwīdhi ex codicibus Bodleianis edita et vocalibus indicisque instructa a D. S. Margoliouth, Hali Saxoni 1905 (Отъ каирскаго оно отличается только коротенькимъ предисловіемъ и спискомъ Corrigenda in vocalibus. Само изданіе носитъ нѣсколько «восточный» характеръ: исполнено оно только по нѣсколькимъ изъ извѣстныхъ рукописей, текстъ комбинируется по этимъ источникамъ субъективно, варианты не приводятся, нѣкоторые стихи опускаются لعدم منفعتها и т. д.).

Если поставить вопросъ, какія понятія соединялись съ представле-ніемъ о христіанахъ въ древней Аравіи, можно не колеблясь отвѣтить — грамотность и вино. Оба фактора шли къ центру съ сѣвера и юга Аравіи изъ болѣе культурныхъ странъ; носителями обонхъ являлись представители чуждыхъ религій — въ большей мѣрѣ христіанской, въ меньшей іудейской. После Мухаммеда съ распространеніемъ ислама обстоятельства перемѣнились. Если у поэта омейядской эпохи ал-Фераздака во 2-ой половинѣ VII вѣка *raḥīm* (раисодомъ) былъ попрежнему христіанинъ¹, такъ какъ на обязанности его лежала и запись произведеній, то съ другой стороны его современникъ, истый бедуинъ, З̣у-р-Румма уже самъ умѣлъ писать, хотя и считалъ нужнымъ это скрывать для поддержанія своего престижа². Грамотность, такимъ образомъ, начинала распространяться и переставала считаться отличительной особенностью представителей другой религіи. Характернымъ признакомъ христіанъ въ 'аббасидскомъ халифатѣ служить теперь знакомство съ «пришлыми» (по терминологіи арабовъ) науками: математикой, медициной, философіей и пр. Уже съ начала IX вѣка этотъ признакъ надолго остается за ними, какъ въ извѣстной мѣрѣ за евреями и сабйями³. Поэтому мы видимъ, что и въ XII вѣкѣ Ибн-ат-Та'аввизі не находитъ лучшей похвалы для своего мецената, какъ сказать (188,32)⁴: «Благодаря ему всѣ мои жалобы прекратились: я удалялъ ихъ точно при помощи самого Бохтйшū»⁵.

Въ противоположность грамотности, вино продолжаетъ соединяться въ мусульманскомъ представленіи съ христіанами и во времена нашего поэта. Связанные съ этими образы и картины настолько разнообразны и субъективны, что нѣтъ никакой возможности видѣть въ нихъ только литературный пріемъ или шаблонъ. Въ грустную минуту своей жизни Слбтъ обращается къ пріятелю-христіанину съ просьбой прислать вина «изъ запаса монаховъ, безъ котораго до окончанія вѣка не обойдется ни одна келлія католикоса» (207,5). Онъ готовъ поклониться вину, какъ іерей, на зарѣ и вечеромъ (ib. 6). Вино это — «дочь епископовъ и діаконъ» (192,15), «воспитанница іерей и діакона» (320,9). Для загородныхъ покоевъ горожане арабы чаще всего направлялись въ монастырь еще со временъ омейядскихъ халифовъ; у Ибн-ат-

¹ И. Крачковскій, Абū-л-Фараджъ ал-Ва'вй дамасскій, II, 1914, 70, стр. 3.

² Ибн-Кутейба *كتاب الشعر والشعراء* (изд. de Goeje), 333,3-4.

³ Ср. XB. IV, 304 сл.

⁴ Ссылки даются по изданію Margoliouth'a съ указаніемъ номера стихотвореній и стиха.

⁵ Извѣстная фамилія врачей-исторіанъ при первыхъ 'аббасидскихъ халифахъ (см. *Enzyklopaedie des Islām* — I, 626).

Та'авйэй мы находимъ живую картину того, какъ сонный монахъ выносить неожиданному ночному посѣтителю вино (154,14-18):

«Не разъ я останавливался въ монастырѣ, когда хозяинъ монастыря уже дремалъ.

И вставалъ онъ ко мнѣ, спросонокъ торопливо выскылая огонь.

Языкъ его, связанный напиткомъ, какъ будто бы постигала нѣмота.

И приносилъ онъ его (= вино), какъ солнце, посылавшее въ наполненные имъ кубки утреннюю зарю.

Я не торговался съ нимъ за вѣсь, и онъ не жадничалъ, отиѣривая...».

Блескъ и великолѣпіе христіанскихъ празднествъ влекли несомнѣнно и мусульманъ на богослуженіе; Ибн-ат-Та'авйэй не можетъ забыть про видѣннаго имъ въ «Лисичьемъ монастырѣ» (Дейр-ас-са'йлиб) красавца-послушника «въ одѣяніи монаха» (33,2). Какъ христіане справляютъ свои разговорины, онъ тоже хорошо знаетъ: другому своему пріятелю онъ пишетъ, что готовъ пропоститься съ нимъ хоть пятьдесятъ дней лишь бы потомъ получить въ награду, какъ монаху, христіанскаго вина, сладостей и просфоръ (260,4 сл.):

4. «Я буду поститься ради вашего поста пятьдесятъ дней, удаляясь отъ всего запретнаго, недозволеннаго.

5. Я буду избѣгать (мяса) заколотыхъ, не по необходимости, а ради своего обязательства;

6. добровольно, не оставляя себѣ никакого извиненія, я даже брошу изъ сочувствія къ вамъ пить вино,

7. пока дни не соберутъ насъ вмѣстѣ съ вами межъ кувшиномъ и чашей....

13. И если ты завершишь (постъ) сладостями — а вѣдь твоя щедрость не можетъ остаться безъ завершенія —,

14. то получишь отъ меня свободную хвалу и избавишься отъ всякихъ упрековъ.

16. Сильна жадность у меня еще и къ просфорѣ, но теперь не время говорить».

Другой разъ, недовольный отсутствіемъ болѣе реальныхъ подарковъ, онъ пишетъ тоже къ другу (288,4-9):

«Прошелъ уже годъ и повернулся вслѣдъ за нимъ неторопливо второй,

а отъ него нѣтъ у меня ничего, кромѣ посылокъ съ просфорными хлѣбами,

точно я монахъ въ келліи среди какихъ-нибудь келлій Наджрѣана.

Послушай же — да будетъ тебѣ благо! — поэта, который продаетъ тебѣ стихи за лешки:

Разговѣйся и отпразднуй свою задержку отпирать мнѣ должно за 1000 нисановъ (= апрѣлей)!

Нѣтъ у меня жадности къ сладостямъ, а о тебѣ и просфорѣ (довольно сказать) два слова.

Титулъ католикоса отмѣченный выше и мѣсто дѣйствія — Багдадъ даютъ намъ возможность опредѣлить, хотя и приблизительно, съ какими христіанами преимущественно имѣлъ дѣло Ибн-ат-Та'аввѣй. Одинъ современный ему писатель Ибн-Хамдунъ¹ сохранилъ въ своей «памяткѣ» (*Тазкира*) интересную жалованную грамоту, данную халифомъ католикосу несторіанъ въ Багдадѣ 'Абдѣш². Такъ какъ по другимъ источникамъ намъ извѣстно, что онъ былъ избранъ въ 533/1139 году³, то этотъ документъ несомнѣнно характеренъ и для времени нашего поэта. Изъ него вытекаетъ, что въ Багдадѣ главную роль среди христіанъ въ XII вѣкѣ играли несторіане, и ихъ католикосъ считался даже официально признаннымъ главой всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, кромѣ своего собственнаго, — яковитовъ, мелькитовъ и «румовъ»⁴. Вѣроятно, и Ибн-ат-Та'аввѣй находился по преимуществу въ общеніи съ несторіанами.

Воздѣйствіе христіанскаго міра на нашего поэта послѣ приведенныхъ общихъ замѣчаній еще отчетливѣе выступаетъ⁵ при простомъ перечнѣ словъ, имѣющихъ отношеніе къ христіанамъ и отмѣченныхъ мною при знакомствѣ съ его произведеніями⁶.

أُسَافِی (множ. отъ أُسْفَى) — епископъ (192,16 вино — «дочь епископа»).

Слово греческое, перешедшее черезъ арамейскій (ср. Шейх², 592); коптское

¹ Ум. 562/1167 г. (Brockelmann, op. cit. I, 280—281, № 8).

² Ее издалъ съ англійскимъ резюме Amedroz въ JRAS за 1908 годъ, стр. 447—450 (изложеніе) и 467—470 (текстъ по лондонской рукописи). Издателя осталось неизвѣстнымъ, что текстъ былъ напечатанъ по двумъ рукописямъ (берлинской и лондонской) въ *ал-Машрикѣ* еще за 1899 годъ. — т. II, 353—355.

³ Amedroz, l. cit. 450.

⁴ Ib. 448 и 450, текстъ — 468.

⁵ Въ связи съ этимъ характерно, что ничего подобнаго нельзя установить по отношенію къ евреямъ, хотя они тоже играли извѣстную роль въ Багдадѣ. Единственный разъ лицо одного еврея по безобразію сравнивается (162,7) съ лицомъ Мардохея (? مُرْدَقَتْسِ).

⁶ Кромѣ двухъ упомянутыхъ уже сокращеній въ дальнѣйшемъ сокращенно цитуются слѣдующія работы: Belot [*Vocabulaire arabe-français*, 6-me éd., Beyrouth 1899], Dozy [*Supplément aux dictionnaires arabes*], Fränkel [*Aramäische Fremdwörter im Arabischen*].

посредство, которое допускаетъ Fränkel (275), менѣе вѣроятно, такъ какъ слово имѣется уже въ до-исламской поэзіи (Шейхѹ², ib.). Употребляемая поэтомъ форма множественнаго рѣдка; обыкновенно **أَسَافَةٌ**.

بُرْشَان — просфора, хлѣбъ евхаристіи (260,16 288,5, 9 — упоминаніе какъ лакомства). Арабизованная форма арамейскаго **ܠܚܝܢܐ** (Payne Smith, Thesaurus Syriacus 3305). До сихъ поръ слово было извѣстно только изъ современнаго арабскаго діалекта въ Сиріи (Dozy I, 72; Fränkel 278; Belot 27, 1007), гдѣ оно употребляется какъ въ упомянутомъ значеніи, такъ и въ смыслѣ аптечной облатки. Въ литературныхъ арабскихъ памятникахъ, тѣмъ болѣе старыхъ, насколько мнѣ извѣстно, оно не было зарегистрировано.

جَائِلِيق — католикосъ (207,6 — въ его келліи вино не переводится). Слово греческое, перешедшее черезъ арамейское посредство (Fränkel 275 — 276; Belot 70, 1008); въ старой поэзіи извѣстно (Шейхѹ² 592).

مَحَارِيب (множ. отъ **محراب**) — святилище (11,1, 45 58,32 — въ нихъ находятся изображенія и лампы). Слово, не имѣющее удовлетворительнаго этимологическаго объясненія изъ арабскаго языка. Соблазнительная гипотеза Fränkel'я (274) о передачѣ имъ эѳіопскаго **ጢጥራ** — **məḳṣərāb** (= южн. араб. **مكراب**), принятая рядомъ ученыхъ (въ томъ числѣ Шейхѹ, Chrestomathia arabica, Beryti 1897, 210 прим. д; ср. Dillmann, Lexicon linguae aethiopicae, 836—837), отвергнута Praetorius'омъ (ZDMG — LXI, 621) и Nöldeke (Neue Beiträge zur semitischen Sprachwissenschaft — 52 прим. 3) по фонетическимъ соображеніямъ. Такимъ образомъ, попрежнему продолжаетъ оставаться неясной семасическая исторія слова, имѣющаго слишкомъ разнообразныя значенія (ср. Шейхѹ² 430 и Nöldeke, l. cit.); не менѣе поразительно, что корень **كرب** игравшій такую важную роль въ южно-арабскомъ лексиконѣ, не оставилъ никакихъ слѣдовъ въ сѣверно-арабскомъ (ср. Бартольдъ, Исламъ, II. 1918, стр. 10). Слово хорошо извѣстно въ ст.-арабской поэзіи (Шейхѹ¹ 31, Шейхѹ² 430).

دُمِّيَّة (140,13), множ. **دُمِّي** (11,1) — изображеніе, статуя (идеалъ красоты). Слово арамейское (Fränkel 272), хорошо извѣстное въ старой поэзіи (Шейхѹ¹ 32, Шейхѹ² 681—682).

دَبْر — монастырь (154,14 — тамъ производится покупка вина; 33,1 — въ собственномъ имени «Лисичій монастырь»). Слово арамейское (Fränkel 275), рано вошедшее въ языкъ (Шейхѹ¹ 34, Шейхѹ² 774).

دُمِّي — находящійся подъ защитой договора, не мусульманинъ

(140,48 — сравненіе съ его костюмомъ). Слово арабское, закрѣпленное въ употребленіи юридической терминологіей.

راهب (33,2 288,6), множ. رُهبان (207,6) — монахъ. Слово арабское (см. Fränkel 267—268, Бартольдъ, *op. cit.* 10), играющее большую роль въ поэтической терминологіи древней эпохи (Шейхѹ¹ 36—38).

زُنَّار — поясъ (33,4 140,13 — принадлежность костюма монаха). Слово, повидимому, греческаго происхожденія (Шейхѹ, Chrestomathia 441 s. v.); о его роли въ одеждѣ см. Dozy, Dictionnaire des vêtements 196. Въ старой поэзіи встрѣчается рѣдко (Шейхѹ² 856).

شَمامِس (192,15), множ. شَمَامِس (320,9) — діако́нь (вино — его «дочь»). Слово арамейское (Fränkel 276, Belot 387, 1010); форма множественнаго числа *ви.* обычнаго شَمَامِس до сихъ поръ зарегистрирована только у поэта IX вѣка ал-Бухтурі (Йаку́тъ, изд. Wüstenfeld'a II, 830 = Шейхѹ¹ 36). Само слово встрѣчается и въ древнемъ періодѣ (Шейхѹ² 594).

غِيَار — отличительный знакъ (140,48 — въ одеждѣ зиммиевъ). Слово арабское, того же порядка, какъ и ذِمِّي.

قَس (207,7) и قَسِيس (320,9) — іерей. Слово арамейское (Fränkel 275, Belot 636), въ обѣихъ формахъ извѣстное въ старой поэзіи (Шейхѹ¹ 35, Шейхѹ² 593).

قَلَابَة (207,6 288,6), множ. قَلَابَات (288,6) — келлія. Слово греческое, перешедшее черезъ арамейское посредство. Fränkel (275) знаетъ только форму قَلْبَة, на основаніи Castell'я; только ее упоминаетъ и о. Anastase (ал-Маширикъ III, 1900, 69). Dozy (II, 401—402) настаиваетъ по неизвѣстнымъ основаніямъ на формѣ قَلَابَة, отрицая другія (рас قَلْبَة ni قَلَابَة), по ср. еще Belot 658. Въ старой поэзіи слово встрѣчается очень рѣдко (Шейхѹ² 775).

قَنَادِل (множ. отъ قَنْدِيل) — лампы (11,45 58,32 — сравнивается съ ними блескъ красивыхъ лицъ). Слово греческое, перешедшее черезъ арамейскій (Fränkel 95). Болѣе старыя цитаты мнѣ неизвѣстны.

كَنَائِس (множ. отъ كَنِيسَة) — церковь. Слово еврейское (Fränkel 275), перешедшее черезъ арамейскій (Nöldcke, Neue Beiträge... 37, *nr.* 3).

Въ до-исламской поэзіи неизвѣстно и замѣняется обыкновенно *بیعة* (Шейх¹ 29—30, Шейх² 677).

نوافیس (множ. отъ *نافوس*) — било (49,6). Слово арамейское (Fränkel 276, Nöldeke, op. cit. 188), очень распространенное въ старой поэзіи (Шейх¹ 33—34, Шейх² 682—684).

И. Крачковскій.

II. Январь 1918 г.

Къ біографіи священника Филиппа Кайтмазова (XVIII вѣка)¹.

Со времянъ Антонія I, католикоса Грузіи, какъ извѣстно, начинается новая эра въ исторіи грузинской литературы. Это была эпоха, когда пышно расцвѣтшая, начиная съ XII—XIII столѣтій, грузинская свѣтская подражательная литература какъ-будто совершенно заслонила теченія философско-богословской мысли, бывшія въ ходу особенно съ конца X вѣка, — эпоха, когда почти считались забытыми традиціи отцовъ святогорцевъ и петриціонцевъ. И вотъ въ такую именно эпоху умственного затишья на грузинскомъ литературномъ небосклонѣ появляется яркая звѣзда, въ лицѣ католикоса Антонія, который благодаря присущимъ ему глубокому уму и железной волѣ, соединеннымъ съ благороднымъ патріотизмомъ и истинною преданностью Христову ученію, сумѣлъ предохранить грузинскую философско-богословскую мысль отъ паденія и направить ее, эту мысль, по новому жизненному пути, приведшему изстрадавшійся подъ постояннымъ персидско-турецкимъ игомъ народъ къ нѣкоторому религіозно-умственному подъему. Между прочимъ, по почину Антонія I, въ Тифлисѣ и Телавѣ были открыты духовныя семинаріи, имѣвшія цѣлью готовить грузинскихъ юношей къ церковно-общественной и учено-педагогической дѣятельности, и, такимъ образомъ, грузинская образованность была поставлена на должную высоту.

Однако, задавшемуся «мыслью обновить школу и внести новый лучъ просвѣщенія въ общественную жизнь», «Антонію I», — выражаясь словами А. С. Хаханова, — «необходимо было воспользоваться услугами армян-

---

¹ Настоящая статья составляетъ собою одну изъ главъ доклада моего на тему «Арменовѣды-грузины и грузиновѣды-армяне на поприщѣ древнегрузинской литературы», прочитаннаго, на армянскомъ языкѣ, 1 ноября 1916 г. въ засѣданіи Армянскаго Этнографическаго Общества.

скихъ и католическихъ духовныхъ особъ»¹. И вотъ мы видимъ, какъ онъ, Антоній, приближаетъ къ себѣ, съ одной стороны, «іерея Филиппа, родомъ изъ армянъ» (ფილიპე სომეხი გვარისგან), а съ другой — «нѣкоего іеромонаха Іоанна изъ латынъ» (იოანე ვინმე ზეცეს-მონაზონი ლათინთ-გან²). При этомъ особенно цѣнны были для Антонія услуги, оказываемыя ему священникомъ Филиппомъ, который, кстати сказать, былъ не только его ближайшимъ сотрудникомъ въ сферѣ учено-литературной дѣятельности, но и его задушевнымъ другомъ.

Насчетъ священника Филиппа мы, къ сожалѣнію, не располагаемъ почти никакими біографическими матеріалами. Извѣстно только, что онъ, будучи выходцемъ изъ владѣній князей Орбеліани, являлся — по національности природнымъ армяниномъ, по происхожденію же своему грузинскимъ дворяниномъ. Что же касается его фамиліи, то она указывается въ нѣкоторыхъ источникахъ, какъ «Кайтмазашвили» (ყაითმაზაშვილი), гср. «Кайтмазиншвили» (ყაითმაზინშვილი), — очевидно, отъ арм. «Кайтмазянъ» (Կայր-Մազեան), т. е. «Кайтмазовъ» (если въ основѣ ея принять имя «Кай-Тгамазь»).

Извѣстная въ печати историко-литературная статья анонимнаго автора подъ заглавіемъ მცირე უწყობა ქართველთა მწერალთათვის *Краткій очеркъ о грузинскихъ литераторахъ*, изданная Е. С. Такайшвили и приписываемая послѣднимъ царевичу Теймуразу (съ пріуроченіемъ времени написанія ея къ 1820—1827 гг.), при обрисовкѣ заслугъ каждаго изъ дѣятелей на поприщѣ грузинской литературы не оставляетъ безъ вниманія и этого Филиппа. Здѣсь Филиппъ упоминается въ ряду «армянскихъ ученыхъ [, пребывающихъ] въ Тифлисѣ» (ტფილისს შინა სომეხნი მეცნიერნი), каковыми были: вардапетъ Захарій, тер-Филиппъ, тер-Петросъ, тер-Давидъ и тер-Самуилъ³. Говоря о вардапетѣ Захаріи Матинянѣ или Мадинашвили (ზაქარია ვარდაპეტის მადინაშვილისთვის) и объ его школѣ, авторъ *Краткаго очерка* далѣе продолжаетъ:

ტერ-ფილიპესთვის. ესე იყო ზედ მიწეწილი ფილოსოფოსი მსჭგავსი ზემოხსენებულის ვართაპეტისა. ამანაც მრავალნი მოწაფენი გასწავლნა და შეეწია რაოდენიამე წიგნთა თარგმანებათა შინა კათოლიკოს ანტონი პირველსა⁴.

¹ А. Хачаповъ, Очерки по исторіи грузинской словесности, вып. 3, Москва 1901, стр. 251.

² Ср. უკუყვებულ ქმარი ანტონი I სეპატოვლის კათოლიკოსისგან, подъ ред. свящ. П. Карбелова, Тфл. 1892, стр. 4—5.

³ «Древняя Грузія», т. I, отд. 3, стр. 45—46.

⁴ Ibid., стр. 46.

«О тер-Филиппѣ».

Онъ былъ глубокой философъ, подобно вышеупомянутому вардапету. Онъ также воспиталъ многихъ учениковъ и помогъ католику Антонію Первому въ переводѣ нѣсколькихъ книгъ».

Прежде всего, Антоніемъ въ сотрудничествѣ со священникомъ Филиппомъ, была переведена съ армянскаго на грузинскій языкъ Грамматика Мыхитара Севастійскаго. Переводный текстъ былъ снабженъ Антоніемъ обширнымъ предисловіемъ; изъ предисловія мы, собственно говоря, и узнаемъ не только о причинахъ перевода этой Грамматики на грузинскій языкъ, но и объ обстоятельствахъ, побудившихъ Антонія сблизиться съ армянскимъ священникомъ Филиппомъ.

«Упомянемъ обстоятельство, подавшее намъ поводъ къ составленію настоящаго труда», — такъ начинается свою «исповѣдь» Антоній, и далѣе продолжаетъ (приводимъ въ переводѣ А. А. Цагарели съ сохраненіемъ стиля переводчика): «Богъ ниспослалъ царствованіе царей Теймураза [II, 1744—1761] и сына его Ираклія [II, 1761—1798]; оба эти царя сильно желали найти (изслѣдовать) правила грузинской грамматики, но они не могли найти [въ видѣ сотрудника] знатока грамматики какого-нибудь изъ иностранныхъ языковъ. Я же, будучи хорошо знакомъ съ нашимъ языкомъ, пожелалъ еще больше изслѣдовать его. Спустя нѣсколько лѣтъ я познакомился съ однимъ священникомъ Филиппомъ Кайтмазашвили; [онъ былъ] по происхожденію Ерманынъ (армянинъ), т. е. Гайосіанъ, дворянинъ изъ владѣній князя Орбеліани; съ нимъ я очень подружился, и стали [мы] заниматься каждый день вмѣстѣ изслѣдованіемъ предложеній (словъ) каждого отдѣльно. Прежде всего я перевелъ съ армянскаго языка категоріи Аристотеля въ двухъ частяхъ [разсуждающія] о словосочиненіи и предложеніи, т. е. о силлогизмѣ, — чему я былъ весьма радъ и благодарилъ Бога моего св. Духа. Бесѣдуя между собою, мы стали говорить о томъ, чтобы сдѣлать и переводъ грамматики, но меня удерживало то, что умъ мой не имѣлъ грамматическаго образованія, между тѣмъ священникъ Филиппъ былъ весьма близко знакомъ съ грамматическимъ искусствомъ; [такимъ образомъ] положившись на премудрость Божию, согласно съ повелѣніемъ царя Теймураза (II) и сына его (Ираклія II) предприняли мы это дѣло (составленіе грамматики). Филиппъ познакомилъ меня сначала кратко съ частями рѣчи, затѣмъ съ опредѣленіями и свойствами грамматики, буквъ, слоговъ, словъ и предложеній, и постепенно излагалъ мнѣ части рѣчи и принадлежности ихъ, вводя меня незамѣтно въ дверь мудрости. И поелику благодать [Бо-

Два грузинских архитектурных термина — „ачрдил“ и „балавар“.

I.

Въ Грузинскихъ лѣтописяхъ читаемъ про царя Арчила, сына Стефана (Stepan-oz) II-го въ VII вѣкѣ («639—663» гг.), что онъ —

საგანძურნი უოგელნი (М уогеелта) «Сокровищницы всѣ (М всѣхъ)
ქართლის ეკლესიათანი დაუღნა აზრ- церковей Картліи зарылъ въ боль-
დიღს დიდს სიონის მცხეთისს¹. шомъ აჭრდილ Мцхетскаго Сіона.

Древнел. აჭრდილ обыкновенно въ грузинской рѣчи нынѣ воспринимается какъ синонимъ слова ჭრდილ || ჭდილ *тѣнь*²; съ нимъ связывается лишь представленіе о разновидности слова, принадлежащей къ высокому стилю, а не выражающей особое понятіе. Вульгарно слово появляется не только безъ префикса а- и безъ слогообразующаго г, звуча ჭდილ, но съ паденіемъ перваго коренного ჭ въ низшую его ступень ш — შდილ или шტილ въ живой діалектической рѣчи, причемъ оно всегда означаетъ «тѣнь»; это трехслагный корень ჭდი (< ჭდილ)³, яфетическій эквивалентъ семитическаго tī въ словѣ того же значенія арб. ظِل, евр. לֵצ, сир. ܬܝܠ, и т. д. Основа грузинскаго построена по формѣ qʼəʼmɪn, то съ потерей огласовки перваго коренного (ჭდილ, шдиლ), то съ замѣною ея плавнымъ г (ჭრდილ). Префиксъ а- можетъ быть воспринятъ какъ образовательный элементъ имени безъ особаго назначенія, слѣдовательно, и а-ჭრდილ можетъ означать лишь «тѣнь», какъ по

¹ Brosset, I, стр. 172=списокъ ц. Маріи, стр. 200.

² Даже Орб. не указываетъ иного значенія. Вносимое Ч₂ новое толкованіе «полу тѣнь» есть претензія на особое пониманіе или новотворчество, древними текстами не подтверждаемое.

³ Діалектически (въ живой рѣчи) и у яфетидовъ имѣемъ тотъ же корень безъ дифференціаціи двухъ плавныхъ (ll > dl), причемъ однако вмѣсто l появляется плавный г съ утратой удвоенія: имер. ჭეგ-ო (< *ჭეგ-ო) *тѣнь*. На разновидностяхъ этого корня, да и самого слова по другимъ яфетическимъ языкамъ мы сейчасъ не останавливаемся.

нимаютъ обычно его современные грузины, но въ нашемъ древнемъ текстѣ рѣчь явно о части храма; такъ и понялъ слово Brosset въ слѣдующемъ французскомъ переводѣ¹:

«Quant aux richesses des églises de la Géorgie, peu de jours après les avoir cachés dans la grand coupole de Sion, à Mtskhéta. . .»

Brosset вынужденъ былъ оправдать свой вольный переводъ слова «тѣнь» терминомъ «куполъ» слѣдующимъ примѣчаніемъ (ц. с., прим. 4):

«Слово ზრდოლი [a-ʒrdil-1], которое я передаю такъ, означаетъ собственно *тѣнь*; но такъ какъ смыслъ получился бы малоудовлетворительный, я воспринялъ другое значеніе, предоставленное мнѣ устнымъ преданіемъ грузинъ. Я часто слышалъ, что купола перквей, т. е. пустыя пространства между кровлею и нижней частью свода являются обычными тайниками для церковныхъ сокровищъ. Къ тому же кровля, выступая наружу, за поддерживающую ее стѣну, образуетъ настоящій *зонтикъ* или *шатеръ* (*parasol* ou *ombrelle*), который прикрываетъ (*abrite*) церковь: я думаю, что это истинный смыслъ слова ზრდოლი [a-ʒrdil-1], и его надо прибавить къ трехязычному Словарю [Чубинова=Ч₁].»

Въ существующіе грузинскіе словари, дѣйствительно, надо внести слово, собственно особое его значеніе, но не предложенное Brosset толкованіе, основанное прежде всего—на непониманіи переводившагося имъ мѣста, затѣмъ — на нереальномъ представленіи о куполахъ грузинскихъ церквей и объ ихъ кровляхъ. Brosset даетъ настоящее толкованіе въ 1849 году, за нѣсколько лѣтъ до его путешествія по Грузіи и Арменіи.

Въ цитованной фразѣ aʒrdil по контексту представляется безспорно имѣющимъ архитектурное значеніе какъ названіе какой-то опредѣленной конструктивной части храма, хотя оно отсутствуетъ въ специальной работѣ И. А. Джавахова о грузинскихъ терминахъ искусства². Понятіе «тѣнь» могло бы получить такое развитіе по аналогіи съ тѣмъ, что мы наблюдаемъ въ русской рѣчи. Въ русской церковной рѣчи для сроднаго по значенію «сѣни» Даль указываетъ въ числѣ старинныхъ значеній «архіерейское подворье», но въ примѣрахъ имѣемъ «у церкви на сѣняхъ» съ поясненіемъ «на паперти, или въ отдѣльномъ, крѣпкомъ притворѣ». Еще болѣе возбуждающе-любопытна для толкованія нашего мѣста въ Грузинскихъ лѣтописяхъ слѣдующая цитата, приведенная тамъ же: «*казна* и *граматы*, рѣше-

¹ Стр. 237.

² Термины искусства и главнѣйшія свѣдѣнія о памятникахъ искусства и матеріальной культуры въ древнегрузинской литературѣ, именно въ I-мъ отдѣлѣ — «Архитектура» (ХВ, III, 1914, стр. 19—31).

нія вѣща, въ Новгородѣ хранились *«на сняхъ у св. Софїи»*, во Псковѣ въ Лаврѣ у св. Троицы»¹. Поскольку «сѣни» или «сѣнь» отождествляется съ «теремомъ», М. Н. Бережковъ даетъ разъясненіе «теремъ — сѣнь, навѣсъ, балдахинъ надъ гробницей съ мощами святыхъ», но это отводитъ насъ отъ конструктивныхъ частей храма; М. Н. Бережковъ категорически отвергаетъ возможность отождествленія терема съ какой-либо архитектурной частью древне-русского храма, ему дѣло представляется вполне яснымъ и разрѣшаемымъ, когда по его же словамъ вопросъ о связывавшихся съ теремомъ «напертяхъ и придѣлахъ» требуетъ новаго разслѣдованія»².

Если идти въ сторону *«снѣи»* съ реальнымъ значеніемъ «шатра», «навѣса», «балдахина», «киворія»³, то работнику по древне-кавказской терминологіи христіанскаго зодчества словарно естественнѣе всего и правильнѣе вспомнить сирійскіе архитектурные термины, произведенные отъ корня *ʾtl*, эквивалентнаго яфетическому корню *ʾdl*.

1. Отъ этого корня происходитъ то слово со значеніемъ «шатеръ», «палатка», «куща»⁴, основа котораго *tal-* налицо въ составѣ и армянскаго и грузинскаго термина *talavar*, восходящаго, по всей видимости, къ первоначальной кавказской версіи св. Писанія, переводамъ съ сирійскаго языка и на армянскій (*talawar*, resp. *taḡawar*⁵), и *via armeniaca* (*suanicaque*) на грузинскій (*talavar-i*⁶) языкъ. Расхожденіе стиховъ въ использованіи этого термина въ сирійскомъ подлинникѣ и въ армянской и грузинской версіяхъ есть результатъ позднѣйшихъ измѣненій всѣхъ трехъ текстовъ, интересный для ихъ исторіи, но нашего вопроса не касается. Древность

¹ Въ матеріалахъ древне-русскаго словаря по письменнымъ памятникамъ И. И. Срезневскаго (Пб. 1906) отмѣчается «сѣнь церковная» съ одной цитатой, но реальнаго объясненія религіозно-архитектурнаго значенія не получаемъ.

² Къ исторіи черниговскаго Спасскаго собора (Труды четырнадцатаго археологическаго сѣзда въ Черниговѣ 1908, т. II, Москва 1911), стр. 19. Приношу благодарность Н. П. Сычеву за указаніе этого изслѣдованія по вопросу.

³ Кстати, «киворій» бывалъ въ реальности большой и малый (Martigny, Dictionnaire des antiquités chrétiennes, v. v.: «Quelquefois, au-dessous du grand ciborium, dont les colonnes portaient sur le sol, il y en avait un autre qui appuyait ses piliers sur l'autel même»).

⁴ Быт. 38,17, II Ц 22,12, Пс 131,9 (въ послѣднемъ случаѣ въ зависимости отъ евр. .

⁵ Быт. 31, 34, Лев. 23, 42, 43, Неем. 8, 14—17, Юд. 8, 5, 34, Ис. 1, 8; 24,20; 38,12, Мих. 1,6; 3, 12, Мо 17,4, [Мк 9,4, Лк 9,33].

⁶ Ис. Н. 2,6 (bis), Мо 17,4, Мк 9,5, Лк 9,33. Ч. поясняетъ *talavar-i* синонимомъ *sisikon-i*, что Орб. приводитъ на своемъ мѣстѣ, но безъ всякаго объясненія, а Ч (Д. Чубиновъ), въ первомъ изданіи своего словаря совершенно опускающій его, во второмъ изданіи переводитъ словами «сѣнь, шатеръ, наметъ», ссылаясь на словарь Н. Чубинова. Въ *sisikon*ѣ, по всей видимости, имѣемъ искаженіе *sisikon*, передачи греч. *σίσκιον* *тѣнь* или *сѣ-*

употребленія этого термина сирійскаго происхожденія въ кавказской версiи библейскихъ текстовъ, раннее полученіе терминомъ правъ гражданства въ кавказскихъ письменныхъ языкахъ явствуетъ и изъ наличія производныхъ отъ него словъ грузинскихъ *talavt-ob-a-y*¹ *праздникъ куцей* и особенно армянскаго въ томъ же значеніи, скроеннаго по греческому шаблону *σκηνοπηγία*—*taḷawarahaḡ-q*, и тѣмъ не менѣ нельзя не считаться также съ тѣмъ, что у грузинъ *talavar* встрѣчается и въ живой рѣчи (такъ, напр., въ гурійскомъ говорѣ въ значеніи *бесѣдки* изъ виноградной лозы, пущенной на столбы и перекладины ихъ, какъ синонимъ г. *fanḡatur*), да и образованіе само *talavar* не представляется книжнымъ. Слово можетъ оказаться изъ той категоріи заимствованныхъ словъ, изъ арамейскаго въ армянскій, изъ армянскаго въ грузинскій, которыя сначала были народно усвоены въ пограничной съ языкомъ источника этнически гибридной средѣ и лишь затѣмъ проникли въ письменность;

б) отъ того же корня происходитъ, вмѣстѣ съ со значеніемъ уже инымъ — «кровь», «кровля»², другое слово исключительно со значеніемъ «крыша», «кровля».

Собственно въ обоихъ случаяхъ сирійскія слова, т. е. и и , въ корнѣ означаютъ «осѣняющій», «осѣненіе», «служащій для тѣни». Въ значеніяхъ мы находимъ и *umbraculum*, т. е. все «то, что производитъ тѣнь, доставляетъ прохладу», «навѣсъ», «тѣнистое мѣсто», «бесѣдка» и т. п. Грузинской лексикографъ Ч₂ такъ и объясняетъ терминъ *talavar*—1 словомъ *sa-ḡrdil-obel*—1 «служащій для тѣни», «осѣняющій», «защищающій отъ яркаго свѣта или знойныхъ лучей» и т. п. Но *sa-ḡrdil-obel*, грузинское и по образованію слово, представляетъ лишь синонимъ термина *a-ḡrdil*, между тѣмъ *a-ḡrdil* можетъ быть безукоризненнымъ по спирантному типу образованія двойникомъ грузинскаго слова *sa-ḡrdil*³, параллельной формы и синонима *sa-ḡrdil-obel*: префиксъ *a-* (< *ha-*) въ немъ легко воспринять какъ частицу для образованія имени мѣста, эквивалентъ грузинскаго *sa-*. Слѣдовательно, словарно грузинское *aḡrdil* могло бы означать

σκιος тѣнистый, осѣненный, защищенный отъ яркаго свѣта въ формѣ вин. падежа. Въ греческомъ употребленіе этого слова въ указанномъ грузинскими лексикографами значеніи не отмѣчено въ словаряхъ. Неизвѣстно мнѣ и то, изъ какого текста извлечено грузинское слово *visikon*, гезр. *visikop*, приводимое Д. Чубиновымъ (Ч₂) безъ цитаты и безъ всякой ссылки.

¹ По цитатѣ Орб. «З Эздр. 5,51», но имѣемъ его и въ каноническихъ частяхъ Библіи Второз. 16,18, 16; 31,10 et pass.

² Въ Пс 131,3 потому-то и армянская версія имѣетъ разночтеніе *յարգ արող* *кровь*, воспроизводящее это именно значеніе того же сирійскаго слова, противъ всѣхъ другихъ версій, въ которыхъ рѣчь о шатрѣ жилищъ (*σκηνομα*, *saḡofel* въ зависимости отъ евр. *שֹׁכֵן*).

³ По Ч₂: «шалашъ. шатеръ, бесѣдка; для тѣни».

любую часть храма съ защитою, дающею тѣнь, любую пристройку съ навѣсомъ и самъ навѣсъ, шатерь, какъ «сѣнь» въ древне-русскомъ, реально же въ терминологіи религіозной архитектуры древнихъ грузинъ აჭრდილ съ полнымъ правомъ могло бы означать «*портикъ* съ колоннадой» типа Эре-руйской базилики или Текорской (до ея перестройки) въ Арменіи, а этого типа портики строились и въ Грузіи, притомъ въ Грузіи не только въ древне-христіанское время, но и позднѣе, даже въ XI-мъ вѣкѣ, въ частности выведенъ былъ онъ и въ мцхетскомъ храмѣ¹. Эти портики съ колоннадой древне-армянскихъ и грузинскихъ храмовъ (въ болѣе поздней терминологіи—«стоа») были, дѣйствительно, величественныя обширныя постройки, потому did *большой* въ приложеніи къ აჭრდილ Мцхетскаго собора въ цитованной въ началѣ настоящей работы фразѣ изъ Грузинскихъ лѣтописей былъ бы вполне соответственнымъ эпитетомъ *огнапс*, и переводъ въ такомъ случаѣ долженъ бы гласить: «Сокровищницы всѣ церквей Картліи (царь Арчилъ) зарылъ въ большомъ портикѣ Мцхетской базилики»².

Въ древнелитературномъ армянскомъ языкѣ также существуетъ словарно однозначущій эквивалентъ этого термина—*հօսան*, это по словарю—«тѣнь; навѣсъ, шатерь», «скинія, шатерь» и переносно молъ встрѣчается въ выраженіяхъ «подъ сѣнью руки Его», «подъ сѣнью св. Богородицы въ монастырѣ Цорцора» и т. п. Лишенное письменныхъ документовъ и актовъ, современныхъ даже раннему средневѣковью, тѣмъ болѣе древнехристіанской эпохѣ развитія армянской культуры и армянскаго зодчества, арменовѣдѣніе, къ тому же развившееся вдали отъ армянской реальности, отъ памятниковъ матеріальной культуры Арменіи, да еще съ теоретическимъ уклономъ къ исторіи и словесности безъ реального вещевѣдѣнія, не располагаетъ возможностью указать, какое религіозно-архитектурное значеніе имѣло слово *հօսան* у древнихъ армянъ. У насъ нѣтъ пока средствъ указать и то, какія мѣста армянскихъ авторовъ и армянскихъ надписей подтверждаютъ подобное специальное значеніе, если, понятно, оно дѣйствительно имѣется у него. Можно только сказать, что если бы за *հօսան* утвердилось значеніе портика, то реально мы могли бы имѣть его использованнымъ не только въ смыслѣ *стоа* какъ въ базиличныхъ храмахъ древнехристіанскаго типа въ родѣ Эреруйской базилики, но и въ смыслѣ притвора съ колоннадами, армянскаго *gawid*, получающаго особое развитіе съ X вѣка.

¹ И. Джаваховъ, ц. с., стр. 27—28.

² О томъ, что *Сіонъ* въ древнегрузинской терминологіи религіозной архитектуры означаетъ базилику, см. И. Джаваховъ, ц. с., стр. 22—23.

Наконецъ, вопросъ иной еще, представляютъ ли термины др.-литературный грузинскій აფრდილ и армянскій հօրանі плодъ переводческаго словарнаго творчества, вновь сочиненныя для христiанской письменности слова по шаблону термина подлинника, съ котораго переводили армяне и грузины библейскіе книги или вообще памятники христiанской литературы? Или, какъ то замѣчаемъ нерѣдко въ другихъ случаяхъ, и აფრდილ, и հօրանі были, задолго до возникновенiя христiанства у кавказскихъ народовъ, мѣстными терминами зодчества, наслѣдіемъ архаичной яфетической культуры, и переводчики армянскіе и грузинскіе взяли ихъ изъ живой обиходной рѣчи?

II.

Лексикографъ Орбеліанъ balavaḡ толкуетъ словами სპილენძის ქვის ფუძე — «камень основанiя громаднѣй». Это толкованіе и повторилъ Чубиновъ въ первомъ изданiи своего словаря — «большіе камни для фундамента», во второмъ же изданiи, воспроизводя по-грузински то же толкованіе Сулхана Орбеліана, въ русскомъ текстѣ разъясняетъ реально словами «бутовая плита», очевидно, потому, что этотъ терминъ означаетъ, какъ то разъяснили мнѣ специалисты, лишь известняковый плитнякъ, въ Россіи на самомъ дѣлѣ идущій также на фундаментъ, по balavaḡ ни въ какомъ случаѣ не означаетъ ни бутовой плиты, ни иной породы камня. Это архитектурный терминъ, нынѣ у грузинъ, дѣйствительно, воспринимаемый въ общемъ значенiи *фундамента* или *основанiя*. Потому то проф. А. А. Цагарели встрѣтившееся ему впервые въ житiи святогорца Евѣмiя Грузина созвучное Balavaḡ (←Balahwaḡ ∞ Balawhaḡ)¹, передачу арабскаго Ві-

¹ А. Хахановъ вноситъ поправку въ чтеніе имени, устанавливая Balhwaḡ [Balhwaḡ] вм. Balahwaḡ (Балхваръ) и Иудасафъ. Грузинскій текстъ по рукописямъ XI—XII вв. (съ приложеніемъ двухъ палеографическихъ таблицъ), Труды по востоковѣдѣнію, изд. Лазаревскимъ Инст. Вост. яз., вып. IX, Москва 1902, стр. IX). Однако, судя по приложеннымъ таблицамъ, нѣтъ основанiя утверждать о принадлежности «рукописей» къ «XI—XII» вѣку, мотивировка же самого А. Хаханова въ пользу такой датировки тѣмъ, что приписки военнаго письма относятся моглъ «къ XI—XII в.», свидѣтельствуетъ о незнакомствѣ автора съ тѣмъ, что военное письмо того же характера было въ ходу и въ XIII вѣкѣ, вѣроятно, и въ XIV-мъ (о такой же отчасти тенденціи къ арханизированію грузинскихъ приписокъ военнаго письма того же характера см. у меня въ работѣ Грузинскія приписки греческаго Евангелiя изъ Кориди, ИАН, 1911, стр. 214—217). Въ то же время не учтена возможность, что чтенiя съ пропускомъ гласныхъ часто результатъ опусканiя титла; не учтено также то, что при передачѣ не только собственныхъ, но и нарицательныхъ именъ изъ языковъ культурно господствовавшихъ мусульманскихъ народовъ, арабскаго и персидскаго, грузинскія заимствованiя проявляютъ полногласіе сравнительно съ подлинной огласовкой (см. Н. Марръ, Грузинская

lawhar (بلاور), изъ заглавія «Мудрость Балавара», особой версіи повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ, перевелъ черезъ «фундаментъ»¹. А. А. Цагарели предполагать, очевидно, что рѣчь идетъ о «фундаментъ вѣры». Тѣмъ болѣе имѣлъ основанія Е. С. Такайшвили въ народномъ четверостишіи о построеніи Зарзмской церкви² понять его діалектическую форму balaver, какъ фундаментъ. Это было въ 1905-мъ году, но позднѣе — въ переводѣ надписей Зарзмской въ 1909-мъ и особенно Гомаретской въ 1913-мъ году Е. С. Такайшвили переходить къ реальному опредѣленію значенія термина примѣнительно къ тексту: «ბალავარი [balavar-i]», читаемъ у Е. С. Такайшвили въ разборѣ гомаретской надписи³, «обыкновенно означаетъ фундаментъ, но въ старину, видимо, означало еще тотъ громадный камень, который ставили надъ дверью церкви, т. е. наверхіе двери. Такое предположеніе высказалъ И. Джаваховъ въ своей лекціи о грузинскомъ искусствѣ, и смыслъ нашей надписи оправдываетъ это»⁴. Однако текстъ именно этой гомаретской надписи представляется спорнымъ, наименѣе подходящимъ въ смыслѣ окончательнаго установленія за balavar опредѣленнаго значенія, или «фундамента» или, какъ выражается Е. С. Такайшвили, «навершія». Гомаретская надпись (IV-я), что на стр. 83-й, можетъ и оправдать предлагаемое Е. С. Такайшвили толкованіе, но не въ предложенномъ имъ переводѣ. Текстъ по раскрытіи титула Е. С. Такайшвили читаетъ სსხელითა ღმრთისა[მ]თა მას ჟამსა ოდეს ძრეელმან და ჟღერეღმან გიორგი აფხაზთა მეფემან შეიპყრნა ზვიად მარუშიანი, მასინ ესე ბალავარი იდგა კელითა ცოდვილის მიქელ ხუცეს-გაღატონისათა.

Въ текстѣ имѣемъ такой явный вульгаризмъ, если вѣрно чтеніе, какъ ძრეელმან (подъ титуломъ — ძრეღმან) вм. ძღერემან, тѣмъ не менѣе стоящее подъ титуломъ ღთა слѣдуетъ читать не ღმრთისათა, какъ то у Е. С. Такай-

---

поэма «Витязь въ барсовой шкурѣ» Шоты изъ Рустава и новая культурно-историческая проблема, ИРАН, 1917, стр. 480). Совершенно упущено изъ виду, наконецъ, то, что при установленіи правильнаго грузинскаго чтенія въ отношеніи огласовки существенное значеніе имѣетъ живая традиція: имя Балаваръ съ полногласіемъ и по наше время сохранилось въ соответственной діалектической разновидности — Балаверъ (Н. Марръ, Мудрость Балавара, грузинская версія «душеполезной исторіи о Варлаамѣ и Іоасафѣ», стр. 2).

¹ А. А. Цагарели, Свѣдѣнія о памятникахъ грузинской письменности, Пб. 1886, стр. 54, см. В. Р. Розенъ въ рецензіи на изслѣдованіе Н. Zotenberg'a Notice sur le livre de Barlaam et Joasaph (ЗВО, II, 1887), Пб. 1883, стр. 172).

² См. ниже, стр. 296.

³ Археологическія экскурсіи, разысканія и замѣтки. Вып. IV (Отд. отт. изъ СМ, вып. XLIII), Тифлисъ 1913, стр. 84, прим.

⁴ Въ работѣ И. А. Джавахова о терминахъ искусствъ и т. д., цитованной выше, терминъ balavar отсутствуетъ.

швили, а ღმრთისათა, разъ имѣемъ такое полное чтеніе окончанія той же формы въ გლგოტისათა (подъ титуломъ გლგოტისათა)¹. Переводъ Е. С. Такайшвили гласитъ: «Во имя Бога въ то время, когда сильный и непобѣдимый Георгій, царь абхазовъ, взялъ въ плѣнъ Звіада Марушіани, тогда онъ положилъ сіе наверхіе двери рукою грѣшнаго священника-каменщика Микелъ»². Весь интересъ нашъ сейчасъ сосредоточивается на подчеркнутой нами фразѣ, гдѣ наличный въ подлинникѣ терминъ balavaг переводится словомъ «наверхіе», а не «фундаментъ». «Если бы въ данномъ случаѣ рѣчь шла о «фундаментѣ», дополнительно намѣчаетъ Е. С. Такайшвили³, «то мы бы имѣли фразу: შიშობ შიშის კვლესიის ბაღვარს დგა—«тогда положилъ [онъ] фундаментъ сей церкви». Такой переводъ, независимо отъ перевода самого термина balavaг, совершенно искажаетъ смыслъ подлинника, вводя новое лицо въ качествѣ субъекта («онъ», т. е. царь абхазовъ Георгій), а именно: при томъ толкованіи, какое предлагаетъ Е. С. Такайшвили, нѣтъ возможности въ постройку церкви вмѣшивать царя Георгія въ качествѣ активного лица, имя царя съ упоминаніемъ историческаго событія служить лишь датой. Въ подлинникѣ наличнаго состоянія слѣдуетъ читать не ბაღვარს დგა balavaг-i dga «онъ положилъ balavaг», а ბაღვარს იდგა balavaг i-dva «въ балаварѣ былъ положенъ (იქნა есе «этотъ», подразумѣвается «храмъ»). Фраза съ цитованнымъ мѣстомъ полностью, при наличномъ чтеніи, въ переводѣ можетъ гласить или «тогда эта (церковь) была основана («заложена основаніемъ») Михаиломъ, священникомъ-каменщикомъ», если balavaг понимать «обычно» какъ «фундаментъ»⁴, или «тогда это (мѣсто, гдѣ помѣщается надпись) было заключено balavaг'омъ рукою Михаила, священника-каменщика», если balavaг понимать въ смыслѣ верхней перекладины 'двери, какъ бы архитравной плиты, или, какъ выражается Е. С. Такайшвили, «наверхіи». Если же отрицать возможность существованія такого составного глагола въ томъ или иномъ смыслѣ («заложенъ основаніемъ», «заключенъ перекладиной» и т. п.), и мѣстоименіе იქნა относить къ наличному въ текстѣ слову balavaг какъ его опредѣленіе—«этотъ balavaг», то, въ такомъ случаѣ, чтеніе дефектно, а именно опущено окончаніе им. падежа въ словѣ balavaг, и прежде всего слѣдуетъ возстановить чтеніе balavaგი idva;

¹ У насъ съ другой стороны подъ сомнѣніемъ сама основа, должна ли она быть раскрыта по древне-литературной книжной нормѣ გლგო- или по средневековой народной — გუ- въ согласіи съ народной формой ღლგლ, да и, несомнѣнно, съ мѣстнымъ народнымъ терминомъ ბაღვარს balavaг.

² Ц. с., стр. 83—84.

³ Ц. с., стр. 84, прим.

⁴ Ср. арм. հիշարկան (вульг. հիշարկան), հիշ եղան.

въ данномъ мѣстѣ получится собственно не случайный пропускъ, а какъ будто грузинскій примѣръ одного эпиграфическаго приѣма, отмѣченнаго мною въ армянскихъ надписяхъ, когда одна и та же буква используется двукратно, разъ въ качествѣ окончанія предыдущаго слова, другой разъ въ качествѣ начала послѣдующаго слова¹; въ нашемъ грузинскомъ чтеніи буква *i* — разъ въ качествѣ суффикса, характера им. падежа предшествующаго слова (*balava*i**), другой разъ въ качествѣ префикса, характера породы глагола въ послѣдующемъ словѣ (*i-dva*). Словомъ, придется возстановить чтеніе ქე ბლავარი იდვა *ese balava*i* i-dva*, и тогда все мѣсто въ переводѣ будетъ гласить: «этотъ *balava*i** былъ положенъ рукою Михаила, священника-каменьщика». Такое чтеніе можно поддержать и параллельнымъ мѣстомъ въ VIII-й гомаретской надписи²: ღადვა იდვა ქე *da-idva balava*i* ese* «этотъ *balava*i** былъ положенъ». И здѣсь, конечно, рѣчи не можетъ быть о «фундаментѣ»: надпись VIII-я гомаретская помѣщается направо отъ рѣзного креста на названной мною архитравной надпролетной плитѣ южной двери (Е. С. Такайшвили переводитъ своимъ терминомъ «навершіе»), какъ не можетъ быть рѣчи о фундаментѣ и въ кумурдойской надписи, гдѣ тотъ же терминъ Е. С. Такайшвили перевелъ *краеугольнымъ камнемъ*³. Что же въ концѣ концовъ реально значить грузинскій архитектурный терминъ *balava*i**? «Фундаментъ», какъ «обычно» принято понимать (и это пониманіе косвенно поддерживаетъ такой знатокъ грузинскихъ реалій какъ лексикографъ Сулханъ Орбелианъ)⁴, «навершіе», собственно «архитравная плита», или «краеугольный камень»? Слово, по всей видимости, живое народное, какого бы оно ни было происхожденія, и въ качествѣ народного, притомъ мѣстнаго, месхійскаго, оно появляется и въ надписяхъ гомаретскихъ и кумурдойской. Надпись кумурдойская требуетъ пересмотра чтенія и перевода.

¹ Камень съ арм. надписью изъ Ани въ Азіатскомъ Музѣѣ (ИАП, 1910), стр. 1151.

² Строки 2—3 на стр. 87 ц. с. Е. С. Такайшвили.

³ Такое специальное значеніе наддверной части выявляется для этого термина и въ надписи или Боци-джварской или Тбетской церкви въ Горійскомъ уѣздѣ, изданной Brosset (VI Rapp., p. 57), на которую обратилъ мое вниманіе І. А. Орбели: здѣсь въ надписи, помѣщенной на южной двери, читается «этотъ *balava*i** (ქე ბლავარი) положилъ я (გადვა), Гамрекель, сынъ Кавтара» (გვ¹ გადვე ქე ბლავარი... ქე ზღა² ქავთარა³ ბა⁴), а не «*Gasal Kawthrovap*», какъ переводилъ Brosset; надпись эта, непонятая Brosset, требуетъ особаго разъясненія и въ другихъ частяхъ по особому ея значенію для грузинскихъ лѣтописей.

⁴ За то же значеніе стоитъ и М. Г. Джанашвили, однако въ такомъ текстѣ, гдѣ о фундаментѣ не можетъ быть рѣчи, именно въ разбираемой ниже Кумурдойской надписи (см. Царевичъ Вахуштъ. Географія Грузіи. Введеніе, переводъ и примѣчанія М. Г. Джанашвили, Тифлисъ 1904, стр. 169, прим.).

Кумурдойская надпись тѣмъ и цѣнна, что въ ней обстоятельностью изложенія дѣла строительства, упоминаніемъ двухъ моментовъ — закладки основанія и выведенія затѣмъ одной подробности, именно *balavaq*, исключается возможность и толкованія термина въ смыслѣ фундамента. Къ сожалѣнію, самъ текстъ оказался не точно воспроизведеннымъ не только у Grosset¹, но и у И. П. Ростомова², и у Е. С. Такайшвили³, какъ то оказалось при лично произведенномъ мною на мѣстѣ лѣтомъ 1917 г. сличеніи изданій съ подлинникомъ. У Е. С. Такайшвили вмѣсто классическаго ჰალავაკი вульгарное начертаніе ჰალავაკ , подъ титломъ ჰალავაკი (также у Grosset съ опечаткой ჰალავაკ вм. ჰალავაკი). За одно съ Grosset ни И. П. Ростомовъ, ни Е. С. Такайшвили не обратили вниманія на то, что во всѣхъ случаяхъ сокращенія подъ титломъ титла опущены, и къ такимъ случаямъ надо отнести и имя ზვიადის , стоящее въ Р. падежѣ съ Д. отношенія; слѣдовательно, его полное чтеніе, безъ сокращенія подъ титломъ: ზვიადისი *Zviada*; имя эристава, слѣдовательно — Звѣадъ, а не Звіа, какъ то вычитывали и Grosset и И. П. Ростомовъ и Е. С. Такайшвили⁴. Но главнымъ камнемъ преткновенія явилось прочтеніе, а въ связи съ нимъ и переводъ фразы со словомъ *balavaq* въ составѣ, собственно прочтеніе и переводъ сокращенія подъ опущеннымъ титломъ ჰალავაკ , чтѣ И. П. Ростомовъ читаетъ ჰალავაკ *тамъ* (переводитъ же совершенно произвольно «здѣсь»), а Е. С. Такайшвили, судя по его переводу «тотъ», подобно Grosset— ჰალავაკ , каковая форма исключается при аор. страд. залога ჰალავაკი ; если же признать глаголѣ аористомъ дѣйст. залога II-й породы, формально можно это оправдать, но по существу получимъ то расхожденіе съ контекстомъ и ту неловкость изложенія, которые чувствуются особенно въ грузинскомъ подлинникѣ при принятіи перевода Е. С. Такайшвили⁵.

¹ II Rapport, стр. 167.

² Ахалкалакскій уѣздъ въ археологическомъ отношеніи (СМ, XXV, 1898), стр. 84.

³ Матеріалы по археологіи Кавказа. Вып. XII, Москва 1909, стр. 37.

⁴ Такайшвили довольствуется разъясненіемъ, что Звіа и Звѣадъ одно и то же лицо (также и Д. Бакрадзе, Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства, стр. 36), но этого мало. Если бы въ надписи мы имѣли названную форму отъ предполагаемаго * ზვიადი , то и тогда она должна бы звучать полнѣе, именно ზვიადისი . Р. вычитываетъ совершенно невозможную ზვიადის . Имя это есть грузинизованное въ мѣстной диалектической средѣ арабское *Ziād*, съ такимъ же перерожденіемъ і въ ѡ, какое наблюдаемъ въ гур. *ташпир* *тогда* сравнительно съ литературнымъ *ташпир*. Въ ново-грузинскомъ и нарицательное имя арабское زباد , собственно персидская форма араб. زباد *увеличеніе*, *излишество* используется въ тождественной формѣ *zwiaḍ* какъ основа для образованія глагола *ga-zwiaḍ-eb*-а *преувеличивать*, *утрировывать*.

⁵ Или Grosset, который еще сильнѣе ударяетъ на это невѣрно вычитываемое мѣстоименіе (ц. с., стр. 168): «c'est lui qui a posé cette grande pierre».

Фактъ тотъ, что ბб есть сокращеніе ბბბბ, и вся фраза должна быть прочтена и переведена такъ: ქსე ბალავარი ბბბბ დაიდა «этотъ balavar тогда былъ положенъ»¹; то, что предшествуетъ въ надписи, изложеніе обстоятельствъ основанія церкви, служить лишь хронологическимъ опредѣленіемъ момента — «съ Божьею помощью епископъ Іоаннъ положилъ основаніе этой церкви рукою грѣшнаго Скѣопра при царѣ Леонѣ, да возвеличить его Богъ; въ хрониконъ 174 [+ 780 = 954 по Р. Х.] въ мѣсяцъ майскій въ день субботній 1-й луны въ эриставство Звіада. Этотъ balavar тогда былъ положенъ. Христе, помоги рабу Твоему. Аминь».

Balavar, очевидно, не особая порода камня (Ч.: «бутовая плита») и не просто «большой камень» (Вг.: «cette grande pierre»), а весьма существенная часть зданія, если его закладка упоминается наравнѣ съ закладкой фундамента. Это если не завершеніе дѣла, то завершеніе какого либо важнаго момента въ процессѣ строительства церкви, имѣющее значеніе для всего зданія. Такимъ моментомъ можетъ считаться, какъ мнѣ любезно подсказываетъ К. К. Романовъ, «заканчиваніе двери» церковной. По мѣсту нахождения надписи на плитѣ, архитравно утвержденной надъ двернымъ пролетомъ, въ словахъ «этотъ balavar» мы имѣемъ безспорно указаніе именно на надверную часть. И все-таки вопросъ, что реально значить вообще и въ частности въ данной надписи самъ терминъ balavar. Такъ какъ это слово безспорно народнаго обихода, мы должны исходить при его толкованіи прежде всего изъ народныхъ матеріаловъ занимающей насъ месхійской области или сродной этнографической среды. Въ нашемъ распоряженіи прежде всего гурійское четверостишіе о построеніи Зарэмской церкви —

სამმა ძმამა ბალაქმა
ზარემას დადგა ბალავენი:
ვინც თორმეტი ჩამოიღებს,
იგი არის ფალავენი.

Е. С. Такайшвили ფალავენი falavend-ი снабдилъ вопросительнымъ знакомъ. Это, дѣйствительно, не литературная форма². Прежде всего огласовка, какъ и въ риномушемъ съ нимъ ბალავენი balaver-ი, проявляетъ вліяніе имеро-гурійской діалектической перегласовки, притомъ въ данныхъ

¹ Ср. въ гомаретской надписи (Е. Такайшвили, Археол. экск., разыск. и зам. Вып. IV, стр. 83, ср. выше, стр. 292) — ბბბ ქსე ბალავარი და «тогда былъ заложенъ этотъ тимпанъ».

² Слово въ литературѣ у грузинъ появляется лишь свѣтской, по ея возникновенію, следовательно, съ поздняго средневѣковья, и оно и въ письменности звучитъ безъ h: falavan || falavan.

словахъ перегласовка можетъ быть основана на языковой психологiи одного изъ трехъ этническихъ слоевъ, отложившихся въ имерахъ, какъ и въ гурійцахъ, поскольку они по языку огрузинившіеся народы шипящей группы — нынѣ лазы-чаны и мегрелы (по-свански — *zap-āg*, т. е. *заны*), которые въ свою очередь по языку являются претворенными или перерожденными въ народности шипящей группы племенами спирантной вѣтви, именно племенами прослѣживаемой нынѣ въ сванахъ группы спирантной вѣтви яфетическихъ языковъ. Слѣдовательно, въ нашихъ словахъ мы имѣемъ или пережитокъ сванской огласовки «е» при грузинскомъ «а» и при мегрело-чанскомъ «о», какъ полагалось бы, если бы располагали и третьей соотвѣтственной разновидностью, или пережитокъ второй эпохи, именно мегрело-лазскую огласовку «е» при грузинскомъ «а», или, наконецъ, по третьему закону звуковыхъ корреспонденцій — соотвѣтствіе «е» свистящей группы гласному «а» шипящей группы, и въ такомъ случаѣ это будетъ возобладаніемъ народно-основныхъ фонетическихъ нормъ этнологически позднѣйшей въ краѣ грузинской рѣчи. Послѣ того, какъ у насъ выяснилась въ яфетическихъ языкахъ возможность фонетической діалектизаціи заимствованныхъ словъ, существа нашего подхода не касается то, что обсуждаемыя слова могутъ быть и заимствованными словами; они, къ тому же, заимствованы, а *falavend* безспорно заимствовано изъ опредѣленнаго источника: это — перс. *فهلوان* *fehlevān* въ грузинской народной передачѣ — *falavand*, съ утратой спиранта *h*, но съ усиленіемъ *n* въ *nd*¹, и мегрело-чанскимъ, и сванскимъ, какъ то наблюдаемъ въ нашей разновидности и по огласовкѣ — *falavend*. Въ сванскомъ такое же осложненіе звукомъ *d* наблюдаемъ и съ плавнымъ *g* именно въ интересующемъ насъ терминѣ — *balverd* при той же переогласовкѣ «а» въ «е» въ данномъ случаѣ, понятно, по сванской нормѣ². И огласовка «е» въ обоихъ примѣрахъ восходитъ, по всей видимости, къ сванской звуковой природѣ, слѣдовательно, при сванскомъ *balwerd* и г. *balavar* (и сванизованномъ въ отношеніи огласовки діалектическомъ грузинскомъ, именно гурійскомъ *balaver*) мы ожидали бы мегрело-лазскую разновидность *balawog*, что дѣйствительно имѣется

¹ Армянское фамильное названіе *Fahlauni* (< *Fahlav-un*), образованное отъ одной основы съ *fahlavān*, у грузинъ появляется съ тѣмъ діалектическимъ осложненіемъ *n* < *nd* въ видѣ *Fahlaundi*, что налицо въ грузинскомъ уже древне-литературномъ текстѣ — житіи Серапіона, строителя все той же Зарзмы, причѣмъ въ древней письменности спирантъ *h*, естественно, сохраняется.

² Такая же утрата внутреннего «а» изъ *falavan* (< *fahlavān*) должна была бы дать *falvan*, *gesp. palvan* или *balvan*.

на лицо, но не у мегреловъ или лазовъ, а у древнихъ армянъ. Въ то же время у армянъ же, уже современныхъ, діалектически прослѣживается, судя по словарю Сабака Аматауни въ айратскомъ нарѣчїи — *balavar* || *balawar* и въ мушскомъ — *balawor* [*balawār?*]¹. Къ сожалѣнію, толкованіе С. Аматауни «послѣдній рядъ [кладки] верха стѣны, по-русски *карнизъ*» возбуждаетъ сомнѣніе использованием термина «карнизъ». Цитаты имъ приведены не изъ текстовъ на мушскомъ и айратскомъ нарѣчїяхъ, а изъ литературно изложенной собственной статьи². Что касается др.-литературнаго *balawor*, наличнаго въ Исх. 12,7, 22, 23, то преждевременно снѣщать съ его этимологіею по обыкновенію лишь по созвучію, какъ это дѣлаетъ Hübschmann³, когда не установлено реальное значеніе термина⁴. Литературные памятники, въ томъ видѣ, какъ они дошли до насъ, не достаточно надежны въ области реалій. Установленіе значенія по иноязычными параллельнымъ чтеніямъ Библии чрезвычайно опасно, поскольку ея армянскій текстъ именно въ частяхъ съ терминами матеріальной культуры представляетъ мозаику, сложенную изъ элементовъ различнаго происхожденія, различной переводческой школы и по различнымъ иноязычнымъ подлинникамъ. Судя по Исх. 12,7, 22, 23, гдѣ наличныя грузинскія версіи (М, О) даютъ въ своихъ чтеніяхъ одинаково *zğrubi poroğ*, а не *balavar*, h. *bagawor* есть передача *բարձր*, т. е. означаетъ «перекладину двери», «верхній порогъ». У свановъ *balwerd* означаетъ и «порогъ» и «притолоку». Вообще въ сванскомъ языкѣ «порогъ», «притолока», «косякъ» выражается еще другимъ однимъ и тѣмъ же словомъ, именно *lakōga* на халдскомъ и мулахскомъ говорахъ сванскаго языка «притолока», «порогъ», на лашскомъ — «косякъ». Слово, по всей видимости имѣетъ первоначальное реальное значеніе «завязки», «сведенія двухъ концовъ», «перекладыны». Отсюда съ одной стороны, если вѣрно толкованіе С. Аматауни⁵ и усвоенное имъ въ армянскихъ діалектахъ ар. *balawar*, мш. *balawor* значеніе *карниза*, какъ

¹ Հայոց բառ. ու. բառ., 1912, s. v.

² Հայոց երեք Աղօթից պահեր եւն. Араратъ 1902, стр. [794,81] 795,4 и 16. Что слово налично въ живой араратской рѣчи, это независимо подтверждаетъ и вардап. Сюнь Тэръ-Манвелянъ въ списокѣ араратскихъ словъ безъ перевода (Արարատեան բարբառի ժողովրդական բառերի ցանկ բառափնդի), Вагаршапатъ 1911, стр. 5.

³ AG, I, стр. 119,106.

⁴ Особенно слѣдовало бы быть осторожнымъ и индоевропенстамъ съ архитектурными терминами армянъ, хотя бы наличными и въ персидскомъ.

⁵ См. выше, стр. 297; по записи, сдѣланной мною въ 1916 г., къ сожалѣнію, безъ указанія, въ какой мѣстности и съ чьихъ словъ, բալավար *balavar* въ живой армянской рѣчи означаетъ «уголъ кладки, вообще ту часть постройки, гдѣ кладка одвой стѣны сходится съ кладкой другой стѣны».

обрамляющей или выступающей отдѣлки, тѣмъ болѣе, что въ народной армянской рѣчи русское слово «каґпиз» используется для обозначенія всякаго рельефа, какъ то лично приходилось слышать въ армянской средѣ рабочихъ крестьянъ. Съ другой стороны, въ связи съ первоначальнымъ значеніемъ *завязки* въ грузинскомъ языкѣ могло возникнуть пониманіе *balavağ* и какъ *основанія*, *фундамента*, такъ какъ понятія «начало», «основаніе» въ семасіологіи яфетическихъ языковъ, въ частности грузинскаго выражается корнемъ, означающимъ «завязывать»¹. Однако спеціально въ гурійскомъ говорѣ *balavağ* могло получить значеніе «фундамента» въ иномъ пути семасического развитія слова благодаря особымъ условіямъ реалій деревяннаго зодчества гурійцевъ. Фундаментомъ гурійскаго дома *òda*² служатъ бревна, толстые длинные брусъ, пролагаемые по деревяннымъ столбикамъ или устоямъ, вбитымъ въ землю, т. е. это на дѣлѣ перекладки, возложенные на столбы. *Balavağ* въ каменномъ зодствѣ, по всей видимости, означаетъ и большія плиты, покрывающіе архитравно пролеты дверей, тоже своего рода *перекладки* и *завязки*. Въ рѣчи о Зарзмской церкви, построенной изъ камня, подразумѣвается такая именно плита, камнь-перекладка или архитравная плита, и въ гурійскомъ народномъ четверостишіи, приведенномъ выше, соотвѣтственно о *balavağ* говорится, какъ о громадномъ предметѣ и въ то же время предметѣ, который можно взять *сверху* и поставить или положить *снизу* (*ǰa-mo-iǰeb-s*). Очевидно, здѣсь рѣчи не можетъ быть не только о фундаментѣ, но и о притолкѣ или косякѣ или порогѣ.

И всетаки вопросъ объ архитектурномъ терминѣ *balavağ* вообще не разъясненъ. Окончательное его рѣшеніе мыслимо лишь тогда, когда, прежде всего, исчерпывающе будетъ зарегистрированъ весь этнографическій матеріалъ по этому *balavağ* и сроднымъ не только по созвучію, но и по реальному значенію словамъ и явленіямъ. Не исчерпанъ въ этой части, по всей вѣроятности, и литературный матеріалъ. И въ то же время необходимо углубить разысканія по архитектурнымъ терминамъ народовъ Кавказа.

Н. Марръ.

¹ Пока см. Яфет. элементы въ языкахъ Арменіи, X (ИРАП, 1918), стр. 329, 336.

² Въ гурійской рѣчи *òda* отличается отъ общаго понятія *saql dom* также какъ отъ спеціального *faǰja izba-plstenka*; кромѣ того, гур. *òda* реально не имѣетъ ничего общаго съ арм. тур. *odâ*.

Древности Гулекарской церкви.

Селеніе Гуле-каръ расположено на лѣвомъ берегу Ріона, въ Сенакскомъ уѣздѣ Кутаисской губерніи, у самой границы Озургетскаго уѣзда, и входитъ въ Абашское приставство. Церковь этого селенія — въ честь св. Георгія, повидимому, не особенно старая, но построена изъ тесаныхъ камней на мѣстѣ древней церкви, съ обширнымъ дворомъ и вѣковыми липовыми и чинаровыми деревьями. Она безъ купола, покрыта дранью, въ планѣ четырехугольна, съ полукруглымъ алтарнымъ выступомъ съ востока. Длина церкви 22 аршина 2 вершка, ширина 16 аршинъ 2 вершка. Двери имѣются со всѣхъ сторонъ, кромѣ восточной. Оконъ восемь, по три съ востока и запада, по одному съ сѣвера и юга. Окна узкія, небольшія. Общій видъ церкви воспроизводится нами на табл. II.

1. Серебряный образъ-складень св. Георгія, въ $19,5 \times 15$ сантиметра, весьма грубой работы. Украшенъ драгоценными камнями. На створкахъ съ наружной стороны въ медальонахъ представлены попарно святые: Маркъ и Θεодоръ съ надписями заглавнымъ церковнымъ письмомъ: **ᲘᲚ ᲕᲟᲕᲗᲚᲚ** — «святый Маркъ», **ᲘᲚ ᲒᲗ** — «святый Θεодоръ» (табл. III). На среднемъ тяглѣ внутри представленъ святой Георгій, стоя, съ копьемъ въ рукѣ, крайне уродливаго рисунка; техническое исполненіе плохое (табл. IV).

Надпись имени некрасивыми буквами заглавнаго церковнаго письма: **ᲘᲚ ᲕᲗ** — «св. Георгій». Ниже: **ᲕᲗᲚᲚᲚᲚ** (вѣроятно **გულეკარისა** = **გულეკარისა**). На оборотѣ образа на серебряномъ листѣ надпись заглавными буквами церковнаго письма, но очень некрасивыми и еле разбираемыми. Буква **Ი** всегда писана наоборотъ, нѣкоторыя строки еле замѣтны (табл. V). Нечего и говорить, что чтеніе нѣкоторыхъ словъ этой надписи гадательное, что и отмѣчено вопросительнымъ знакомъ. Надпись я читаю такъ:

Ժ ՅԻ ԶԷՕ ԶԷԾԺՕ Բ
 ԲԾՕ ՂՅՂ: ՂՂ: Ղ
 3 ՕՆԻՆՆՕ ԶԴՕԷ Ծ ԶՓԻՆ
 ԴԻԶԴԻ: ԶՕԲԸՆԸ ՅԲՆ
 ԶՆԷԺԺ ՕԷՕԸԴԸՆՆ Դ
 6 ՅԻԺՆՆԻԺԻ: ԾՆ ԺԲ ԶԴԸ
 ԷԾԺԻ: ԶԻՆԸ ԾՆԾԻՆԸՆՆ ԸՆՕԻՆ
 ԶՆԺԴԸՆ ԾՆ ԶԴԺՆ ԶԻՆԺՆ ԴՆԺ(Ն)
 9 ԷԷՆԺԻ: ԴՕԶԶՆ ՂՅՂՆ Օ
 ԺԺՕԶԾԴԾԴԻՆՆ...

«Յի Յնյու¹ Յեղաթու Բմինդաթու Գուրգու, Գուրգու Եղլեղլիսաթու, Յուծ ծաղաղլ յիմեն մոնսն Յենս մսնթու շեղլլլ(ս) լ(ս)միրսնլաթ(ս) (?) և տան Յեղլլլլլլլլլլ միս ճաճանիս ճեղլլ մարլլև և ժոտ միստա. լլլլլ(ս), Նլլլլ(ս), լլլլլլ, Գուրգու, լլլլլլլլլլլլ... Ըաղլլլ լլլլ լլլլլլլլ լլլլլլլլլլլլ».

«О ты, мужественный святой Георгій — Георгій Гулевлисскій, будь утѣшителемъ и защитникомъ рабу твоему мсахурт-ухуцесу Лаширсалару (?) и супругѣ его, дочери Дадіана, Марехѣ, и сыновьямъ его: Липару, Хатару (?), Ломму, Георгію (и) золотыхъ дѣлъ мастеру»... (здесь одно слово совсѣмъ стерто).

Лица, упомянутыя въ этой надписи, изъ другихъ источниковъ неизвѣстны.

2. Храмовая икона св. Георгія описываемой церкви, считающаяся чудотворною (табл. VI), чеканная, серебряная позолоченная, имѣетъ въ вышину 95, въ ширину 68 сантиметровъ. Ее недавно возобновили и тѣмъ изрядно испортили; кайма совершенно новая; на задней части лошади видна грубая нашивка, то же самое въ передней части; нетронутыми остаются голова и корпусъ св. Георгія, голова и средняя часть коня; драконъ подъ ногами лошади подправленъ. Нимбъ св. Георгія украшенъ драгоценными камнями. Поле иконы украшено разводами. Надпись имени святого красивыми буквами церковнаго заглавнаго письма: ԲԾ ՂՂ — «св. Георгій».

Другая надпись, налѣво отъ корпуса святого, не такъ красива, немного попорчена и съ трудомъ поддается разбору² (табл. VII).

¹ Раньше я читалъ Յյու, но даю предпочтеніе Յյու.

² И въ этой, и въ слѣдующей надписи начертаніе креста, въ данномъ случаѣ и не похожаго на букву, воспринимается какъ Ժ, т. е. начальная буква имени Христа (Յիսուս Խրիստե). Едва ли это правильно. Во всякомъ случаѣ мы хотѣли бы обратить вниманіе на необходимость безспорнаго установленія этой палеографической детали. Пред.]

1 ተ፡ ዩሕንደ **፪** ለ
 2 ሊነወራሊነ፡ ሊላ
 3 ሌገጥሌነረዕ፡ ሃገ
 4 ነዩሻኔገ ሃዕጥሌ
 5 ሙረ፡ ርዕ፪ጥቼሙ
 6 ለዋሐዕ፤ ርዕ፪
 7 ጥነኑነ፡ ሊነ፡ ሊገሐረ፡
 8 ከነሕገ፡ ዋገሐነሐገ፡ ሕተ
 9 ከ፡ ፀገሃዩኑነ፡ ለ
 10 ተሐዕ ሕፃፀኑነ
 11 ነሃጥዩ ረሕዩነ፡ ሃገ
 12 ሕረዕሐዩነ፡ ዩረ
 13 ሊገዩ ሊረሕዞነ፡
 14 ፀረ ሙረዋረዩነ፡
 15 ኑሂገፀገ፡

ქ. წმინდაო
გიორგი გუ-
ლეგლისა, შე-
იწყალე ყოველ-
თა ცოდვილთ
უფროს ცოდ-
ვილი გიგერა-
სიმე¹ ფერიძე. პაქ-
ვის დეკანოზი. იქ-
რომჭედელ(ს)ი
იყვნენ ამისნი, შე-
მაურსი სა-
ბა² გამკარია
და თათანია
ჩიხიძე.

«Святой Георгій Гулевисскій, помилуй изъ всѣхъ грѣшниковъ наигрѣшнѣйшаго Гигерасима² Перидзе, мовкскаго деканоза. Золотыхъ дѣлъ мастерами (и) украсителями сего были: Нагецъ Гамхарія и Топанія Зебеде»³.

Групуу оуэб збѣо я читаю какъ оуэбѣб зѣѣѣѣ. Въ словѣ Зѣдзѣѣѣ пятая буква съ конца не ясна въ надписи. Если даже правильно я читаю Зѣдзѣѣѣ,

¹ Въ своей статьѣ на грузинскомъ языкѣ я ошибочно написалъ такъ: 8000000.

² [Намъ бы казалось лучше держаться дѣленія именъ въ самомъ подлинникѣ (по фотографіи): д. д. 44.2.2. «Георгіѣ Герасимѣ». Ред.].

³ [Имя Zevedeia (Zebede) въ мегрельской бытовой средѣ намъ представляется сомнительнымъ по существу, не говоря о томъ, что въ соответственномъ словѣ мы вычитываемъ лишь ჯედე. Чтеніе Е. С. Такайшвили не считается, какъ будто съ тѣмъ, что въ этой инициальной надписи, какъ видно по фотографіи, буква *O* (≈, русск. о) пишется *O*₂, что обыкновенно есть начертаніе для звука «у» (ჟ). Слѣдовательно, ჯედე-ჯედე можно прочесть какъ два слова ჯე, ჯე; правда, при такомъ чтеніи (даже понявъ ჯე два или двое какъ предикать ჯე мастерамъ: «золотыхъ дѣлъ мастерами (букв. золотокователями) были двое» (≈ჯე), какъ на самомъ дѣлѣ и есть, остается странное слово ჯე, но вѣдь и ჯე-ჯედე, какъ читаетъ Такайшвили, не менѣе странное слово; еще болѣе затрудняемся принять чтеніе его въ видѣ ჯე-ჯეჯედე, терминъ самъ по себѣ сомнительный въ нашемъ текстѣ, ибо онъ значить собственно «бальзамирующіе». Между тѣмъ, по фотографіи первая часть какъ будто читается ჯე, что можетъ быть сокращеніемъ ჯეჯე ჯე *дворовый слуга*; послѣдняя фраза съ такимъ чтеніемъ гласила бы: «златокователями были сего (образа св. Георгія) *дворовые люди* *двое* — Нагегѣ Гамхарія и Топавія Ахведи». Такія народно-редактированныя мѣстные надписи иноязычной области, какъ настоящая, представляющія рядомъ съ культурно-историческимъ большое этническо-культурное значеніе, лучше въ сомнительныхъ частяхъ оставлять безъ перевода, пока большая этнографическая освѣдомленность по краю не дастъ ключа къ разрѣшенію нашихъ недоумѣній, такъ еще въ отношеніи, напр., имени Nagci. *Ред.*].

оно должно равняться ჭეშმარიტები — украсители. Группа გამკობი может означать и გამკობი.

Въ старинныхъ своихъ частяхъ образъ лучшей поры грузинскаго искусства, не позднѣе XIV вѣка.

Мы не знаемъ, когда жилъ моковскій деканозъ Гигерасимъ Перидзе, намъ неизвѣстный изъ другихъ источниковъ. Имена и фамилии золотыхъ дѣлъ мастеровъ — мингрельскія.

3. Образъ-складень св. Георгія и Димитрія серебряный, позолоченный, въ 30,5 × 26 сант., грубой работы, украшенъ драгоценными камнями. На створкахъ лицевой стороны (табл. VIII) св. Георгій и св. Димитрій стоя, одинъ съ мечомъ, другой съ копьемъ. Внутри на среднемъ тяглѣ (табл. IX) представленъ св. Георгій верхомъ на конѣ, подъ ногами котораго поверженъ *человекъ* въ воинскихъ доспѣхахъ. На новой работы обрамленіи разводы и четыре святыхъ воина. На створкахъ съ внутренней стороны опять св. Георгій и св. Димитрій. Весь образъ крайне грубой работы неумѣло обновленъ, что особенно замѣтно на среднемъ тяглѣ внутри складня. Образъ, повидимому, начала XIX вѣка.

4. Въ Гулекарской церкви хранится сабля, порядкомъ покрытая ржавчиною, безъ ноженъ, но съ красивою рукояткою. Она извѣстна подъ названіемъ сабли Мурвана Глухого. Рассказываютъ, что когда этотъ арабскій полководецъ завоевалъ Грузію, онъ прибылъ и въ Гулекаръ и вошелъ въ церковь, чтобы посмотрѣть на чудотворный образъ святого Георгія. Не вѣря въ чудо, онъ сталъ насмѣхаться надъ образомъ; тогда настала тьма, двери церкви закрылись, и никакими усиліями предводитель арабовъ не могъ выбраться изъ нея. Испуганный этимъ обстоятельствомъ, Мурванъ смирился, призналъ икону чудотворною и обѣщалъ оставить въ церкви свою саблю, которою дорожилъ больше всего на свѣтѣ, если святой Георгій его выпуститъ изъ церкви. Мракъ смѣнился свѣтомъ, двери растворились, и Мурванъ былъ освобожденъ. Сабля осталась у святого Георгія, получившаго названіе Гулевел-и (გულეველი), т. е. გულევისი gulovan-i, что значить «храбрый», «съ несокрушимымъ сердцемъ».

Сабля имѣетъ въ длину 115 сантим.; рукоятка ея изъ слоновой кости съ двумя желѣзными полосками, украшенными золотой насѣчкой. Желѣзные выступы у основанія рукоятки кончаются змѣевидными головками. На одной желѣзной полоскѣ — изображеніе солнца золотомъ.

Указанная сабля не можетъ быть отнесена къ эпохѣ арабскаго завоеванія Грузіи; она скорѣе всего персидская или сельджукская.

Христосъ-плотникъ.

Когда Христосъ, по завершеніи служенія своего въ Галилеѣ, пришелъ въ свой родной городъ Назаретъ и выступилъ тамъ въ синагогѣ съ проповѣдью, многіе изъ присутствовавшихъ іудеевъ въ изумленіи задавали вопросы: откуда эта премудрость? какъ можетъ онъ творить такіе чудеса? «Не плотникъ ли онъ, сынъ Маріи, братъ Іакова, Іосіи, Іуды и Симона? Не здѣсь ли, между нами, его сестры? И соблазнялись о немъ». Οὐχ οὗτός ἐστιν ὁ τέκτων, ὁ υἱὸς τῆς Μαρίας καὶ ἀδελφὸς Ἰακώβου καὶ Ἰωσήφου καὶ Ἰούδα καὶ Σίμωνος; καὶ οὐκ εἰσὶν αἱ ἀδελφαὶ αὐτοῦ ὡς πρὸς ἡμᾶς; καὶ ἐσχανδαλίζοντο ἐν αὐτῷ. — Мк. 6, 3.

Въ соотвѣтствующемъ разсказѣ у Мѳ. 13, 54-57 не говорится, что самъ Христосъ былъ плотникомъ, но только, что отецъ его, Іосифъ, былъ плотникомъ¹. «Не плотниковъ ли онъ сынъ? Не его ли мать называется Марія, и братья его Іаковъ и Іосифъ и Симонъ и Іуда? И сестры его не всѣ ли между нами? Откуда же у него все это? И соблазнились о немъ». Οὐχ οὗτός ἐστιν ὁ τοῦ τέκτονος υἱός; οὐχ ἡ μήτηρ αὐτοῦ λέγεται Μαρία καὶ οἱ ἀδελφοὶ αὐτοῦ Ἰάκωβος καὶ Ἰωσήφ καὶ Σίμων καὶ Ἰούδας, καὶ αἱ ἀδελφαὶ αὐτοῦ οὐκ ἅσαι πρὸς ἡμᾶς εἰσιν; πόθεν οὖν τοῦτο ταῦτα πάντα; καὶ ἐσχανδαλίζοντο ἐν αὐτῷ².

---

¹ Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ начало приведенной цитаты изъ Мк. читается такъ: οὐχ οὗτός ἐστιν ὁ τοῦ τέκτονος υἱὸς καὶ τέκτων и пр. Это чтеніе, отнесенное Westcott-Hort'омъ къ числу тѣхъ, которые они назвали «западными» (Western), отвергается при установленіи текста второго евангелія.

² Кто кого «перерабатываетъ»? Матоей Марка, или Маркъ Матоея? По Holtzmann'у, Hand-Commentar zum Neuen Testament, Tübingen u. Lpzg. 1901, I. 1, 136, Матоей — Маркъ, по Usener'у, Geburt und Kindheit Christi. Vorträge u. Aufsätze, Lpzg. u. Berl. 1907, 171, Маркъ—Матоея. Если во что бы то ни стало стремиться искать «переработку», то хронологическій приоритетъ Марка говорилъ бы противъ Узенера. Но вопросъ о взаимоотношеніяхъ синоптиковъ на основаніи однихъ формальныхъ соображеній и доводовъ врядъ ли можетъ и долженъ быть рѣшаемъ и, во всякомъ случаѣ, не долженъ быть рѣшаемъ для всѣхъ случаевъ совпаденія и различія въ передачѣ преданія, которыми пользовались синоптики, одинаково. По отношенію къ занимающимъ насъ мѣстамъ второго и перваго евангелій можно представить и такое объясненіе: Маркъ не называетъ Христа сыномъ плотника Іосифа (а, можетъ быть, и называетъ, если слѣдовать «западному» чтенію) потому, что у него вообще объ отцѣ Христа нѣтъ рѣчи (Swete, Marcus, Lpzg. 1898, — цитирую по Holtz-

Въ евангеліи отъ Луки (4, 22) іудеи ограничиваются вопросомъ: «Не Іосифовъ ли это сынъ»? Οὐχὶ υἱὸς ἐστὶν Ἰωσήφ οὗτος; О занятіяхъ плотничествомъ ни самого Христа, ни отца его рѣчи нѣтъ¹.

Въ евангеліи отъ Іоанна (I, 45) сомнѣніе въ томъ, что Христосъ — обѣщанный Мессія, вложено въ уста Наованаила изъ Вивсаиды; братъ его, Филиппъ, говоритъ ему: «Мы нашли того, о комъ писали Моисей въ законѣ и пророки, Иисуса, сына Іосифова, изъ Назарета». Ὁν ἔγραψεν Μωϋσῆς ἐν τῷ νόμῳ καὶ οἱ προφῆται εὐρῆκαμεν, Ἰησοῦν υἱὸν τοῦ Ἰωσήφ τὸν ἀπὸ Ναζαρέτ. У Іоанна центръ тяжести лежитъ въ томъ, что Христосъ происходитъ изъ Назарета, ибо Наованаиль отвѣчаетъ Филиппу словами: Изъ Назарета можетъ ли что добро быть.

Да и вообще, если принять въ соображеніе специфическія особенности четвертаго евангелія, умолчаніе о социальномъ положеніи Христа могло бы, если бы это понадобилось, найти себѣ надлежащее объясненіе. Но чѣмъ объяснить то, что третій изъ синоптиковъ, любящій обо всемъ повѣствовать подробно и обстоятельно, не говоритъ о плотническихъ занятіяхъ ни Христа, ни его отца? На этотъ вопросъ попытаемся дать отвѣтъ ниже, а теперь займемся скучною, но необходимою филологическою работою: въ какомъ значеніи у Марка и Маттея надо понимать слово τέχτων? Должно ли переводить его обязательно словомъ «плотникъ», какъ оно переводилось и переводится на всѣ европейскіе живые языки?²

Τέχτων — исконное греческое слово³. Основное его значеніе соответствуетъ нашему «мастеръ», безотносительно къ тому матеріалу, въ кото-

---

тапп'у — мудрствуетъ лукаво, думая, что у Марка называется одна только мать Иисуса потому, что Иисусъ сталъ плотникомъ вмѣсто умершаго уже Іосифа), Матеемъ же называетъ Христа сыномъ плотника Іосифа именно потому, что у него, какъ извѣстно, въ начальныхъ главахъ повѣствуется объ обстоятельствахъ рожденія и дѣтства Христа. Источникъ недомыслия въ вопросе иудеевъ, какъ для Марка, такъ и для Маттея, былъ, вѣроятно, одинъ и тотъ же: приводимое, съ незначительными отклоненіями, изреченіе Христа: οὐκ ἐστὶν προφήτης ἄτιμος и пр.

¹ Источникомъ и для Луки послужило, конечно, передаваемое имъ ниже (4, 24) изреченіе Иисуса: οὐδεὶς προφήτης δακτύς ἐστιν ἐν τῇ πατρίδι αὐτοῦ. Комментаторы (см. Holtzmann) усматриваютъ въ вопросѣ иудеевъ «не Іосифовъ ли это сынъ» презрительное обозначеніе низкаго сословія вообще и ссылаются на I Царствъ 10, 11 («что это случилось съ сыномъ Кисовымъ? Неужели и Саулъ во пророкахъ?»). 20, 30 («развѣ я [Саулъ] не знаю, что ты [Іонаанъ] подружился съ сыномъ Іесеевымъ на срамъ себѣ и на срамъ матери твоей?»). И тутъ лукавое мудрствованіе комментаторовъ! И откуда можно заключать, что естественный въ устахъ иудеевъ вопросъ долженъ содержать въ себѣ непременно отбѣнокъ презрѣнія?

² Латинскій переводъ Библіи передаетъ τέχτωνъ чрезъ *faber*, славянскій переводъ оставляетъ τέχτωνъ безъ перевода («Не сей ли есть тектонъ? Не сей ли есть тектоновъ сынъ?»).

³ Prellwitz, Etym. Wörterbuch d. griech. Sprache², Göttingen 1905, 454, возводитъ τέχτωνъ къ корню *tekso*, *fertigen*, *künstlich wirken*, *zimmern*.

ромъ онъ работаетъ, но при этомъ не всякій мастеръ, а мастеръ искусный, «мастеръ своего дѣла» — сказали бы мы. Такъ понимали τέχτων уже древнiе лексикографы (ср. Hesych. τέχτων· πᾶς τεχνίτης. Suid. κοινός τεχνίτης, ὁ λαοξόος καὶ ὁ τῶν ξύλων εἰδήμων). Въ частности τέχτων можетъ обозначать и плотника, и кораблестроителя, и строителя вообще, и рѣзчика, и ковача и т. д. Въ переносномъ значенiи даже поэты называются τέχτονες σοφοὶ ἐπέων, τέχτονες ὕμνων, даже Асклепiй называется у Пиндара τέχτων νοδυνῖαν ἄμερος. Въ одномъ мѣстѣ Одиссеи (ρ 384) наряду съ τέχτων δοῦρων сопоставляются μάντις, ἱητὴρ κακῶν, θεσπὶς ἀοιδός — и всѣ они причисляются къ разряду такъ называемыхъ δημιουργοί. Спрашивается: въ виду такого широкаго значенiя слова τέχτων въ приложенiи ко всякаго рода мастерству, есть ли основанiе передавать его въ указанныхъ евангельскихъ текстахъ неперемѣнно словомъ «плотникъ»?

Въ новозавѣтныхъ книгахъ τέχτων встрѣчается всего только дважды, въ приведенныхъ выше мѣстахъ евангелiй отъ Марка и Маттея. Въ ветхозавѣтныхъ книгахъ, въ переводѣ Семидесяти, словомъ τέχτων пользуются неоднократно, и притомъ или самостоятельно, или съ присоединенiемъ родительнаго опредѣлительнаго. Разсмотримъ сначала послѣднiе случаи употребленiя τέχτων:

I Царствъ 13,19: καὶ τέχτων σιδήρου οὐχ εὕρισκετο ἐν πάσῃ γῇ Ἰσραήλ; τέχτων σιδήρου здѣсь значитъ кузнецъ.

II Царствъ 5,11: καὶ ἀπέστειλεν Χειράμ βασιλεὺς Τύρου... τέχτονας ξύλων καὶ τέχτονας λίθων — плотниковъ и каменщиковъ.

III Царствъ 7,12 (14): ὁ πατὴρ αὐτοῦ ἀνὴρ Τύριος, τέχτων χαλκοῦ — мѣдникъ.

IV Царствъ 12,11 (12): καὶ ἐξέδосαν τοῖς τέκτοσιν τῶν ξύλων — плотникамъ.

I Паралип. 14,1: καὶ ἀπέστειλεν Χειράμ... οἰκοδόμους καὶ τέχτονας ξύλων — плотниковъ.

I Паралип. 22,15: τεχνίται καὶ οἰκοδόμοι λίθων καὶ τέχτονες ξύλων — мастера, каменотесы, плотники¹.

Переходимъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ τέχτων употреблено безъ опредѣленiя.

IV Царствъ 22, 6: первосвященникъ Хелкiа, по приказанiю царя Iосiа, отдаетъ серебро, пожертвованное въ храмъ, производителямъ работъ въ храмѣ (τοῖς ποιοῦσιν τὰ ἔργα ἐν οἴῳ Κυρίου), τοῖς τέκτοσιν καὶ τοῖς οἰκοδόμοις καὶ τοῖς τεχνισταῖς, на покупку дерева и тесанаго камня. Въ русскомъ переводѣ Библии

¹ Ср. Исх. 31, 5: τὰ ἔργα τὰ τεχτονικὰ τῶν ξύλων. Иносказательно въ Притч. 14, 22: οὐκ ἐπίστανται ἔλεον καὶ πίστιν τέχτονες κακῶν, ἐλεημόσυναι δὲ καὶ πίστει παρὰ τέκτοσιν ἀγαθοῖς.

греческіе термины переданы такъ: «плотникамъ и каменщикамъ и дѣлателямъ стѣнъ». Сомнѣваюсь въ правильности этого перевода: прежде всего врядь ли οἰκοδόμοι въ данномъ мѣстѣ значить «каменщики»; скорѣе здѣсь имѣются въ виду «строители» въ общемъ смыслѣ¹. Въ такомъ случаѣ и подъ τέκτονες нѣтъ нужды понимать «плотниковъ», а лучше переводить это слово чрезъ «мастера», «рабочіе». Переводъ навѣянъ, очевидно, послѣдующими словами: τοῦ κτῆσασθαι ξύλα καὶ λίθους λατομητοῦς τοῦ κραταίωσαι τὸ βέδεκ τοῦ οἴκου. На самомъ дѣлѣ, если прочитать внимательно всю фразу (καὶ ἔδωκεν αὐτὸ τοῖς ποιούσιν τὰ ἔργα τοῖς ἐν οἴκῳ Κυρίου, τοῦ κατισχυῆσαι τὸ βέδεκ τοῦ οἴκου, τοῖς τέκτοσιν καὶ τοῖς οἰκοδόμοις καὶ τοῖς τεχνισταῖς, καὶ τοῦ κτῆσασθαι ξύλα и пр.), то ясно станетъ, что Хелкія отдалъ деньги 1) производителямъ работъ, а именно: мастерамъ (рабочимъ), строителямъ (наблюдателямъ за производствомъ работъ, по нашему: десятникамъ) въ храмѣ и «дѣлателямъ стѣнъ» и 2) на покупку лѣса и камня.

IV Царствъ 24, 14: Навуходоносоръ ἀπόκισεν τὴν Ἱερουσαλὴμ καὶ πάντας τοὺς ἄρχοντας καὶ τοὺς δυνατοὺς ισχύι... καὶ πᾶν τέκτονα καὶ τὸν συνκλείοντα. Русскій переводъ «всѣхъ плотниковъ» невѣренъ; очевидно, имѣется въ виду, судя по контексту, «всѣхъ мастеровъ». То же IV Царствъ 24, 16, гдѣ русскій переводъ τὸν τέκτονα передаетъ уже словомъ «художниковъ».

I Паралип. 4, 14: Καὶ Σαραϊὰ ἐγέννησεν τὸν Ἰωβάβ πατέρα Ἀγεαδδαίρ, ὅτι τέκτονες ἦσαν. Чтобы уяснить значеніе τέκτονες въ данномъ мѣстѣ, инте-

¹ Значеніе слова οἰκοδόμος въ ветхозавѣтныхъ книгахъ не всегда возможно установить съ точностью. Оно встрѣчается: 1) въ приведенномъ выше мѣстѣ IV Царствъ 12, 11 (12)-13 (14) въ такомъ сочетаніи: καὶ ἐξέδωσαν τοῖς τέκτοσιν τῶν ξύλων καὶ τοῖς οἰκοδόμοις τῶς ποιούσιν ἐν οἴκῳ Κυρίου καὶ τοῖς τεχνισταῖς καὶ τοῖς λατόμοις τῶν λίθων, τοῦ κτῆσασθαι ξύλα καὶ λίθους λατομητοῦς τοῦ κατασκευῆναι τὸ βέδεκ οἴκου Κυρίου; здѣсь въ русскомъ переводѣ сказано правильно: издерживали (серебро) на плотниковъ и строителей, работавшихъ въ домѣ Господнемъ, и на дѣлателей стѣнъ и на каменотесовъ, также на покупку деревъ и тесаныхъ камней, для починки поврежденій въ домѣ Господнемъ. 2) II Паралип. 34, 11, см. ниже. 3) I Паралип. 29, 6: принесли пожертвованія на храмъ ἄρχοντας πατριῶν καὶ οἱ ἄρχοντες τῶν υἱῶν Ἰσραὴλ καὶ οἱ χιλιάρχοι καὶ οἱ ἑκατόνταρχοι καὶ οἱ προστάται τῶν ἔργων καὶ οἱ οἰκοδόμοι τοῦ βασιλείως; такъ какъ чтеніе даннаго мѣста не установлено прочно (рукопись А вмѣсто οἰκοδόμοι дваетъ οἰκονόμοι; этого чтенія придерживается и русскій переводъ: «начальники надъ имѣніями царя»), то его можно было бы и не касаться; во всякомъ случаѣ, въ данномъ мѣстѣ, какъ видно изъ контекста, подъ οἰκοδόμοι слѣдовало бы разумѣть не простыхъ мастеровъ или рабочихъ, а вѣчто въ родѣ нашихъ архитекторовъ. 4) I Ездры 5, 58: καὶ οἰκοδόμησαν οἱ οἰκοδόμοι τὸν ναὸν τοῦ Κυρίου; очевидно, здѣсь οἰκοδόμοι—строители. 5) То же значеніе 6, 4: καὶ τίνες εἰσὶν οἱ οἰκοδόμοι οἱ ταῦτα τελοῦντες. 6) Исаіа 58, 12: καὶ κληθήσῃ οἰκοδόμος φραγμῶν—строитель. 7) Иезек. 40, 8: καὶ ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ ἦν σπαρτίον, σπαρτίον οἰκοδόμων—строителей. Въ Новомъ Завѣтѣ οἰκοδόμος встрѣчается лишь однажды въ Дѣяніяхъ Апост. 4, 11: ὁ λίθος ὁ ἐξουθενηθεὶς ὑφ' ὑμῶν τῶν οἰκοδόμων—перифразъ Псал. 117, 22, гдѣ стоитъ, однако, причастная форма: οἱ οἰκοδομοῦντες. И въ томъ и въ другомъ случаѣ имѣются въ виду «строители».

ресна справка, наведенная Н. Я. Марромъ въ еврейскомъ оригиналѣ, мнѣ недоступномъ (русскій переводъ: родоначальника долины плотниковъ, потому, что они были плотники)¹.

II Паралип. 24, 12: производители работъ ἐμισθοῦντο λατόμους καὶ τέκτονας ἐπισκευάσαι τὸν οἶκον Κυρίου, καὶ χαλκεῖς σιδήρου καὶ χαλκοῦ ἐπισκευάσαι τὸν οἶκον Κυρίου; исходя изъ контекста возможно, хотя и не обязательно, понимать здѣсь подъ τέκτονας «плотниковъ», какъ дано и въ русскомъ переводѣ; не исключена, однако, возможность усматривать въ данномъ случаѣ въ τέκτονας вообще «мастеровъ», особенно если слѣдовать, при установлении текста, codex Alexandrinus, въ которомъ слова καὶ χαλκεῖς . . οἶκον Κυρίου опущены².

II Паралип. 34, 11: производители работъ ἔδωκαν (деньги) τοῖς τέκτοσι καὶ τοῖς οἰκοδόμοις, καὶ ἀγοράσαι λίθους τετραπέδους καὶ ξύλα εἰς δοχοὺς στεγάζειν τοὺς οἴκους; чтò разумѣть здѣсь подъ τέκτονες, специально ли «плотниковъ», или вообще «мастеровъ»³?

I Ездры 5, 53 (54). Рѣчь идетъ о подготовительныхъ работахъ по возстановленію храма, когда даны были деньги τοῖς λατόμοις καὶ τέκτοσι καὶ ποτὰ καὶ βρωτὰ καὶ χάρα τοῖς Σειδωνίοις καὶ Τυρίοις εἰς τὸ παράγειν αὐ-

¹ «Плотники» представляеть уточненіе, не вполне соответствующее чтенію подлинника, гдѣ стоитъ терминъ **ܐܒܬܐܢܐ** «faber», «мастеръ», вообще «работникъ» обыкновенно съ прибавленіемъ названія матеріала—дерева, камня или металла, предмета специальности работника, когда имѣется въ виду точно опредѣлить видъ мастерства. Въ наличномъ текстѣ сирийскаго перевода, какъ и въ вульгатной армянской версіи стоятъ слова **ܐܬܐܢܐ**, **ܕܠܐܬܐܢܐ**, который обычно дѣйствительно понимаются въ значеніи «плотникъ», но въ древнѣйшей армянской версіи, восходящей къ сирийскому тексту, чтеніе—«какъ они были въ видѣннѣи». Объясняется это странное чтеніе тѣмъ, что первоначально въ сирийскомъ переводѣ былъ удержанъ упомянутый еврейскій терминъ, по составу коренныхъ тождественный съ сирийскимъ **ܐܬܐܢܐ** «искусство маговъ», понятое не только, какъ «магія», но и какъ «кудесничество», «спорицаціе», «видѣніе». Н. Марр.

² Въ еврейскомъ оригиналѣ названный выше терминъ; тотъ же терминъ во второй половинѣ стиха въ соответствии греческому χαλκεῖς, гдѣ древнѣйшій армянскій переводъ передаетъ его словомъ **tagtagaret** «мастеръ», «художникъ», «τεχνίτης», «artifex» (въ позднѣйшемъ употребленіи обыкновенно «архитекторъ»), и въ томъ же мѣстѣ сирийская версія переводитъ словомъ «дѣлатель», «производитель», «творецъ»; въ первой же половинѣ наличный текстъ сирийской версіи, какъ и вульгатная армянская версія, воспроизводя греческій подлинникъ въ позднѣйшемъ пониманіи, τέκτων передаютъ упомянутыми выше словами, обычно означающими «плотникъ», и такой переводъ внесенъ и въ наличный текстъ древнѣйшей армянской версіи изъ армянской вульгаты, гдѣ, кстати, какъ и въ codex Alexandrinus, нѣтъ новее второй части стиха, проникшей однако въ еврейскій текстъ LXX. Н. М.

³ Въ еврейскомъ оригиналѣ все тотъ же терминъ, но въ наличныхъ текстахъ сирийской и обѣихъ армянскихъ версій въ соответствии ему имѣются слова со значеніемъ обычно «плотникъ», присущія позднѣйшимъ вариантамъ, когда имѣются параллельныя чтенія для одного и того же мѣста и насколько прослѣживается пониманіе интересующаго насъ термина по сирийскимъ и армянскимъ его переводамъ въ различныхъ мѣстахъ. II. М.

τοὺς ἐκ τοῦ Λιβάνου ξύλα κέδρινα, διαφέρειν σχεδίας εἰς τὸν Ἰόππης λιμένα; и здѣсь окончательно высказаться въ сторону того или иного пониманія τέκτονες не рискую, хотя контекстъ говоритъ, пожалуй, скорѣе въ пользу пониманія подъ ними «плотниковъ». Ср. то же II Ездры 3, 7.

Осія 8, 6: καὶ αὐτὸ (идола) τέκτων ἐποίησεν, καὶ οὐ θεός ἐστιν; русскій переводъ правильно: «художникъ сдѣлалъ его, и потому онъ — не богъ». Ср. то же Осія 13, 2.

Захар. 1, 20: καὶ ἔδειξέν μοι Κύριος τέσσαρας τέκτονας. Καὶ εἶπα τί οὗτοι ἔρχονται ποιῆσαι; καὶ εἶπεν. . . ἐξηλθοσαν οὗτοι τοῦ ὀξύναι αὐτὰ (τὰ κέρατα) εἰς χεῖρας αὐτῶν τὰ τέσσαρα κέρατα, τὰ ἔθνη τὰ ἐπαιρόμενα κέρας ἐπὶ τὴν γῆν Κυρίου τοῦ διασκορπίσαι αὐτήν; русскій переводъ «показалъ мнѣ Господь четырехъ рабочихъ» едва ли правиленъ; скорѣе здѣсь τέκτονες употреблено метафорически, и, во всякомъ случаѣ, не въ смыслѣ «плотники».

Исаіа 40, 19-20: μὴ εἰκόνα ἐποίησεν τέκτων. . . ξύλον γὰρ ἄσχητον ἐκλέγεται τέκτων; здѣсь, конечно, τέκτων — художникъ.

Исаіа 41, 5-7: εἶδον ἔθνη καὶ ἐφοβήθησαν, τὰ ἄκρα τῆς γῆς ἠγγισαν καὶ ἦλθον ἅμα, κρίνων ἕκαστος τῷ πλησίον βοηθῆσαι καὶ τῷ ἀδελφῷ, καὶ ἐρεῖ Ἰσχυσεὶς ἀνὴρ τέκτων, καὶ χαλκεὺς τύπτων σφύρῃ, ἅμα ἐλαύνων. Русскій переводъ словъ ἀνὴρ τέκτων не передаетъ; славянскій переводъ — «древодѣлатель»; скорѣе понимать нужно въ общемъ значеніи «мастеръ».

Исаіа 44, 12-13: ὥσυνεν τέκτων σίδηρον. . . ἐκλεξάμενος τέκτων ξύλον ἔστησεν αὐτὸ ἐν μέτρῳ καὶ ἐν κόλλῃ ἐρύθμισεν αὐτό, καὶ ἐποίησεν αὐτὸ ὡς μορφὴν ἀνδρός καὶ ὡς ὠραιότητα ἀνθρώπου, στήσας αὐτὸ ἐν οἴκῳ. . . ἔκοψεν ξύλον ἐκ τοῦ δρυμοῦ. . . ἵνα ᾗ ἀνθρώποις εἰς καὺσιν. Въ первомъ случаѣ здѣсь τέκτων, несомнѣнно, значить «кузнецъ»; во второмъ случаѣ подъ τέκτων можно разумѣть и плотника и мастера вообще и даже художника.

Иерем. 10, 3: τὰ νόμιμα τῶν ἐθνῶν μάταια· ξύλον ἐστὶν ἐκ τοῦ δρυμοῦ ἐκκεκομμένον ἔργον τέκτονος καὶ χώνευμα; здѣсь контекстъ показываетъ, что τέκτων значить «плотникъ».

Посланіе Иерем. 7: γλῶσσα γὰρ αὐτῶν ἐστὶν κατεξυσμένη ὑπὸ τέκτονος; русскій переводъ правильно: «языкъ ихъ выстроганъ художникомъ». 45: ἰδοὺ у халдеевъ ὑπὸ τεκτόνων καὶ χρυσοχῶν κατεσκευασμένα εἰσὶν οὐδὲν ἄλλο μὴ γένηται ἢ ὃ βούλονται οἱ τεχνῖται αὐτὰ γενέσθαι; подъ τέκτονες здѣсь разумѣются, надо полагать, скульпторы, работающіе въ камнѣ (имъ противнополагаются χρυσοχοί — литейщики); τεχνῖται художники вообще¹.

¹ Прем. Солом. 13, 11-13 ὁλότομος τέκτων въ русскомъ переводѣ хорошо передано «древодѣлъ», т. е. всякій мастеръ, искусно работающій въ деревѣ. Прем. Сирах. 38, 27 (28) πᾶς τέκτων значить, конечно, не плотникъ, а ремесленникъ.

Сопоставленіе тѣхъ мѣстъ Ветхаго Завѣта, гдѣ встрѣчается τέχτων, убѣждаетъ насъ въ томъ, что, 1) когда хотѣли передать этимъ словомъ опредѣленно понятіе «плотникъ», къ нему прибавляли τῶν ξύλων, 2) τέχτων безъ опредѣленія и въ переводѣ LXX имѣло такое же широкое значеніе въ отношеніи обозначенія всякаго мастера, какое ему свойственно было въ греческомъ языкѣ вообще. Все это вмѣстѣ взятое не даетъ намъ основанія понимать подъ τέχτων евангельскихъ текстовъ непременно и исключительно «плотника».

И, тѣмъ не менѣе, освященная вѣками традиція представляла и представляетъ самого Христа (и, во всякомъ случаѣ, его отца Іосифа) плотникомъ. Откуда эта традиція ведетъ свое происхожденіе, объ этомъ рѣчь будетъ ниже; пока же достаточно отмѣтить, что, насколько оказывается возможнымъ прослѣдить, первое упоминаніе о томъ, что Христосъ занимался плотническимъ ремесломъ, восходитъ къ срединѣ II вѣка¹.

Іустинъ мученикъ въ своемъ «Диалогѣ съ Трифономъ іудеемъ» (Migne, P. G. VI, 685) пишетъ: Духъ Святой сошелъ на Іисуса, «когда онъ пришелъ къ Іордану, онъ, который считался сыномъ Іосифа плотника, являлъ себя, какъ провозглашало Писаніе, невзрачнымъ, считался плотникомъ (ибо, пребывая среди людей, онъ исполнялъ плотническія работы, плуги и ярма, показывая тѣмъ самымъ примѣры справедливости и дѣятельной жизни)». Καὶ ἐλθόντος τοῦ Ἰησοῦ ἐπὶ τὸν Ἰορδάνην καὶ νομιζομένου Ἰωσήφ τοῦ τέκτονος υἱοῦ ὑπάρχειν καὶ αἰδοῦς, ὡς αἱ Γραφαὶ ἐκήρυσσον, φαινομένου καὶ τέκτονος νομιζομένου (ταῦτα γὰρ τὰ τεκτονικὰ ἔργα εἰργάζετο ἐν ἀνθρώποις ὧν, ἄροτρα καὶ ζυγὰ διὰ τούτων καὶ τὰ τῆς δικαιοσύνης σύμβολα διδάσκων καὶ ἀργῇ βίῳ).

Изъ приведеннаго отрывка видно, что Іустинъ подъ τέχτων понимаетъ плотника — въ этомъ никакого сомнѣнія быть не можетъ. Исходя изъ того, что онъ какъ Іосифа, такъ и Христа называетъ плотниками, можно было бы заключить, что въ распоряженіи Іустина были евангельскіе тексты перваго и втораго евангелій. Но если присмотрѣться ближе къ тексту Іустина, выходитъ, что, называя Іосифа и Христа «плотниками», онъ основывался не на евангельскихъ текстахъ, а на ходившемъ преданіи. Въ самомъ дѣлѣ, лишь при упоминаніи о томъ, что Христосъ былъ невзраченъ, Іустинъ добавляетъ: ὡς αἱ Γραφαὶ ἐκήρυσσον², при упоминаніи же о томъ, что Христосъ

¹ Въ самомъ раннемъ источникѣ нашихъ свѣдѣній о Христѣ нѣтъ и намека на его социальное положеніе: имѣю въ виду посланія ап. Павла, хотя послѣдній, по преданію, самъ и былъ ремесленникомъ (σκηνοποιός), Дѣян. ап. 18, 3.

² Какіе Графаί Іустинъ имѣетъ въ виду? Конечно, ветхозавѣтные. Ср., напр., Исаян 53, 3: καὶ εἶδομεν αὐτὸν (Κύριον), καὶ οὐκ εἶχεν εἶδος οὐδὲ κάλλος, ἀλλὰ τὸ εἶδος αὐτοῦ ἄτιμον καὶ ἐκλιπὸν παρὰ τοὺς υἱοὺς τῶν ἀνθρώπων. Ср. Посл. кт. Филипп. 2, 7: Χριστὸς ἐκ αὐτὸν ἐκένωσεν μορφὴν δούλου λαβὼν.

считался сыномъ плотника Иосифа и самъ былъ плотникомъ, Иустинъ пользуется глаголомъ *υοιζέσθαι*. Этимъ Иустинъ какъ бы хочетъ сказать, что таково было преданіе, таковъ былъ общераспространенный взглядъ. Впрочемъ, быть можетъ, скажутъ, что мы слишкомъ педантично толкуемъ текстъ Иустина, хотя, съ филологической точки зрѣнія, его иначе понимать невозможно. Важно, во всякомъ случаѣ, установить, что въ срединѣ II вѣка создавалась уже традиція о занятіяхъ плотничествомъ Христа и отца его Иосифа. Была ли это традиція устная, или же она была зафиксирована въ письменномъ видѣ, вопросъ открытый¹.

Скорѣе, однако, приходится предполагать первое. Отъ средины III вѣка до насъ дошло замѣчательное свидѣтельство Оригена, этого величайшаго христіанскаго ученаго первыхъ столѣтій нашей эры. Въ сочиненіи «Противъ Кельса», написанномъ между 246 и 248 годами, Оригенъ, опровергая возраженія Кельса противъ христіанства, опредѣленно заявляетъ, что «нигдѣ въ евангеліяхъ, бывшихъ въ обращеніи въ церквахъ, самъ Іисусъ не называется τέχτων», причемъ подъ τέχτων, какъ видно изъ контекста, разумѣется «плотникъ»². Оригенъ былъ, какъ извѣстно, прекрасно освѣдомленъ о различныхъ христіанскихъ церквахъ, и освѣдомленность эта основывалась на личномъ знакомствѣ съ ними: изъ его біографіи мы знаемъ, что онъ, помимо Александріи, главнаго мѣста своей дѣятельности, былъ и въ Римѣ, и въ Палестинѣ, и въ Греціи, и въ Малой Азіи, и въ Сиріи и даже въ Аравіи. Оригенъ — добросовѣстный писатель; хотя то сочиненіе, откуда приведена выписанная нами цитата, полемическаго характера, но у насъ нѣтъ никакихъ основаній заподозрить, что категорическое утвержденіе Оригена заключаетъ въ себѣ что-либо преувеличенное; мы должны ему вѣрить, что въ тѣхъ евангеліяхъ, которые въ его время христіанскою церковью признаны были для церковнаго обихода «каноническими», нигдѣ не содержалось указанія на то, что Христосъ былъ τέχτων, «плотникъ».

А если такъ, то возникаетъ вопросъ: въ такомъ ли видѣ читался во время Оригена Мк. 6, 3, въ какомъ онъ читается теперь³. Если установле-

¹ Къ сожалѣнію, мнѣ была недоступна книга G. Archambault (Justin. Dialogue avec Tryphon. Texte grec, traduction française, introduction, notes et index, 2 тт., Paris 1909), гдѣ, быть можетъ, этотъ вопросъ разбирается.

² Origen. c. Cels. VI, 36 (II, p. 105 Koetschau): Кельзы, εἴτα παῖζων τὰ περὶ τοῦ ξύλου ἀπὸ δύο τόπων αὐτὸν χλευάζει λέγων διὰ τοῦτο αὐτὸ παραλαμβάνεσθαι, ἥτοι ἐπεὶ σταυρῶ ἐνηλώθη ὁ διδάσκαλος ἡμῶν ἢ ἐπεὶ τέχτων ἦν τὴν τέχνην, οὐχ ὁρῶν ὅτι τὸ ξύλον τῆς ζωῆς ἐν ταῖς Μουσεαῖς ἀναγράφεται γραμμασίην, ἀλλὰ καὶ οὐ βλέπων, ὅτι οὐδαμοῦ τῶν ἐν ταῖς ἐκκλησίαις φερομένων εὐαγγελίων αὐτός ὁ Ἰησοῦς ἀναγράφεται.

³ Что касается Мк. 13, 55—57, гдѣ говорится о «плотничествѣ» Иосифа, то Узенеръ, въ указанной выше статьѣ, доказалъ, что повѣствованіе о рожденіи и дѣтствѣ Христа—а съ

ніе, въ окончательномъ видѣ, новозавѣтнаго канона произошло, въ восточной половинѣ имперіи, лишь въ IV—V вѣкахъ, то и установленіе текста нашихъ каноническихъ евангелій, особенно синоптическихъ, врядъ ли совершилось заразъ, въ одинъ пріемъ. Впрочемъ, вопросъ этотъ — вопросъ слишкомъ важный и сложный, да къ тому же къ обсужденію его я не чувствую себя ни подготовленнымъ, ни призваннымъ.

И все-таки преданіе о томъ, что и Христосъ, по примѣру своего отца Іосифа, въ своей частной жизни, былъ τέχτων, плотникъ, несомнѣнно циркулировало въ христіанскихъ кругахъ уже въ довольно раннюю пору. Объ этомъ говорятъ и свидѣтельства Іустина мученика и Оригена, восходящіе ко II вѣку¹. Объ этомъ же, особенно что касается Іосифа, еще краснорѣчивѣе свидѣлствуютъ евангелія апокрифическія, въ частности та группа ихъ, которая обнимаетъ «Дѣтство Христа»². Фактъ этотъ — настолько общезвѣстенъ, что останавливаться на немъ излишне³.

Зато врядъ ли лишена интереса попытка разгадать, откуда и на какомъ основаніи могло попасть въ евангельскіе тексты указаніе о томъ, что Христосъ былъ τέχτων, безотносительно, пока, къ тому, что подъ этимъ терминомъ мы будемъ разумѣть.

Наши евангелія (особенно синоптическіе) заключаютъ въ себѣ сопоставленіе «словъ» и «дѣлъ» Христа. Это положеніе можно считать теперь фактомъ, научно обоснованнымъ⁴. Первые апостолы и вообще распростра-

---

этимъ повѣствованіемъ связано и все, относящееся къ личности Іосифа — представляетъ легенду, возникшую значительно позже того, какъ ученіе и исторія страданій Христа были зафиксированы въ письменной формѣ. См. мой очеркъ «Евангелія каноническія и апокрифическія», Птгр. 1919, 110 сл.

¹ Сочиненіе Кельса, съ которымъ полемизируетъ Оригенъ, появилось, какъ извѣстно, въ 70-хъ годахъ II вѣка.

² Ср. напр. Protoev. Jacobi 9, 1. 13, 1. Ps. Matth. 10, 37. Evang. Thomae latinum 11. Арабская «Исторія Іосифа плотника», армянская книга «Дѣтства» (см. P. Peeters, *Evangelis arseographes*, Paris 1914) и т. д.

³ Преданіе о томъ, что Христосъ, по примѣру отца своего Іосифа, былъ плотникомъ входило и входитъ, какъ вѣчто не подлежащее сомнѣнію и въ жизнеописанія Христа, появившіяся въ новое время. См. хотя бы A. Réville, *Jésus de Nazareth*, Paris 1897, I, 418 сл., гдѣ рисуется такая поэтическая картина-фантазія: «Le charpentier menuisier Joseph devait donc équarrir des poutrelles, fabriquer des meubles très simples, tables, lits, espèces de bahuts tenant lieu d'armoires, bois de charrue, bancs, échelles, etc. La famille était nombreuse. Jésus avait des frères et des sœurs dont il était l'aîné. Le travail du père devait subvenir aux besoins de cet humble ménage, et il y a tout lieu de croire que Jésus exerça pendant plusieurs années le métier paternel» и пр. и въ примѣчаніи «Cf. Mc. VI, 3. Il faut remarquer la légère modification introduite dans le texte parallèle de Mt. XIII, 53, comme si l'on eût repugné à admettre que le Christ eût jamais consenti à exercer lui-même une profession manuelle. Il est donc très vraisemblable que le fils aîné dut travailler pour les nourrir tous jusqu'à ce que ses frères fussent en état de suffire à leurs besoins».

⁴ См. указанный нашъ очеркъ, 15 сл., 109 сл.

питатели христіанскаго ученія передавали, конечно, устно своимъ слушателямъ рассказы о «словахъ» и «дѣлахъ» Христа, причежь болѣе, чѣмъ вѣроятно, приписывавшіеся Христу «слова» служили поводами, а иногда канвою, для приуроченія къ «словамъ» и соответствующихъ «дѣлъ». На томъ частномъ вопросѣ, которому посвящена настоящая замѣтка, это положеніе, думается мнѣ, можетъ быть доказано съ несомнѣнною очевидностью.

Когда Христа привели на судъ къ первосвященнику, стали искать свидѣтелей, показанія которыхъ должны были повлечь за собою смертный приговоръ. «И нѣкоторые, поднявшись со своихъ мѣстъ, стали лжесвидѣтельствовать на него, говоря: мы слышали, какъ онъ говорилъ: Разрушу храмъ этотъ рукотворный и въ теченіе трехъ дней построю другой нерукотворный» (ἐγὼ καταλύσω τὸν ναὸν τοῦτον τὸν χειροποίητον καὶ διὰ τριῶν ἡμερῶν ἄλλον ἀχειροποίητον οἰκοδομήσω). Такъ Мк. 14, 57-58. Ср. 15, 29: καὶ οἱ παραπορευόμενοι ἐβλασφήμουν αὐτὸν κινεῖντες τὰς κεφαλὰς αὐτῶν καὶ λέγοντες· οὐὰ ὁ καταλύων τὸν ναὸν καὶ οἰκοδομῶν [ἐν] τρισὶν ἡμέραις. У Мо. 26, 60-61 читается: ὕστερον δὲ προσελθόντες δύο (ψευδομάρτυρες) εἶπαν· οὗτος ἔφη δύναμαι καταλῦσαι τὸν ναὸν τοῦ θεοῦ καὶ διὰ τριῶν ἡμερῶν οἰκοδομήσαι. Ср. 27, 39-40: οἱ δὲ παραπορευόμενοι ἐβλασφήμουν αὐτὸν κινεῖντες τὰς κεφαλὰς αὐτῶν καὶ λέγοντες· ὁ καταλύων τὸν ναὸν καὶ ἐν τρισὶν ἡμέραις οἰκοδομῶν. Въ русскомъ переводѣ передача глагола οἰκοδομέω не выдержана (Мк. 14, 58 «воздвигнуть»; 15, 29, Мо. 27, 40 «созидать»; Мо. 26, 61 «создать»), хотя въ греческомъ текстѣ вездѣ употребленъ не допускающій пносказательнаго толкованія терминъ οἰκοδομεῖν, «строить»¹. Такъ понимали его, конечно, и лжесвидѣтели, выступавшіе на судѣ, и толпа, надругавшаяся надъ Христомъ, когда онъ висѣлъ на крестѣ.

Въ евангеліи отъ Луки, при описаніи суда надъ Христомъ въ синедрионѣ, лжесвидѣтели, выступающіе въ первомъ и второмъ евангеліяхъ, отсутствуютъ совершенно; не ставится въ вину Христу и похвальба его касательно разрушенія и постройки храма. У Луки старѣйшины, первосвященники и книжники прямо начинаютъ свой допросъ словами: Ты ли Христосъ? Скажи намъ. На что Христосъ отвѣчаетъ: Если я скажу, вы не по-

¹ Ср. Мо. 7, 24. 26. Лк. 6, 48. 49. Дѣян. 47, 49 (строить домъ). Мо. 21, 33. Мк. 12, 1. Лк. 14, 28 (строить башню). Мо. 23, 29. Лк. 11, 47, 48 (строить гробницы). Мо. 12, 18 (строить житницу). Лишь однажды въ евангеліяхъ οἰκοδομεῖν употреблено метафорически: Мо. 16, 18: ταύτη τῇ πέτρᾳ οἰκοδομήσω μου τὴν ἐκκλησίαν. Въ посланіяхъ ап. Павла οἰκοδομεῖν употребляется исключительно метафорически. Въ прямомъ смыслѣ οἰκοδομεῖν широко примѣняется и въ ветхозавѣтныхъ книгахъ, причемъ неоднократно также по отношенію къ храму Іерусалимскому.

вѣрите, а если я спрошу, вы мнѣ не отвѣтите. Отнынѣ сынъ человѣческій возсядетъ одесную силы Божіей (22, 67-69).

Точно также и въ четвертомъ евангеліи, при описаніи сцены суда надъ Христомъ у первосвященника, жесвидѣтели не выступаютъ, обвиненіе, касающееся храма, противъ Христа не выдвигается (Іо. 18, 19-24). Правда, слова Христа «Разрушьте храмъ сей, и я въ три дня воздвигну его» приводятся въ четвертомъ евангеліи, но при иной ситуациі: когда Христосъ предъ Пасхою пришелъ въ Іерусалимскій храмъ и изгналъ оттуда торговцевъ и ибнялъ, іудеи задаютъ ему вопросы: чѣмъ докажешь ты, что можешь такъ поступать. На что Христосъ отвѣчаетъ: «Разрушьте храмъ этотъ, и въ три дня я воздвигну его»—*λύσατε τὸν ναὸν τοῦτον, καὶ ἐν τρισὶν ἡμέραις ἐγερῶ αὐτόν* (Іо. 2, 19). Нужн обратить вниманіе, что здѣсь употребленъ не глаголь *οἰκοδομεῖν*, а глаголь *ἐγείρειν*, что придаетъ и всему изреченію, какъ это счелъ нужнымъ пояснить и евангелистъ (Іо. 2, 21: онъ говорилъ о храмѣ тѣла своего), иносказательный смыслъ — въ приложеніи къ воскресенію Христа (ср. Іо. 2, 2: *ὅτε οὖν ἡγέρθη ἐκ νεκρῶν, ἐμνήσθησαν οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ ὅτι τοῦτο ἔλεγεν* и пр.)¹. Но іудеи поняли изреченіе Христа буквально: «Въ теченіе 46 лѣтъ строился (*οἰκοδομήθη*) храмъ этотъ, а ты въ три дня воздвигнешь (*ἐγείρεις*) его» (Іо. 2, 20).

Итакъ, и первое и второе и четвертое евангелія свидѣтельствуютъ о томъ, что Христу приписывалось «слово»: «Разрушьте храмъ этотъ, и я въ три дня построю его»². Авторъ четвертаго евангелія, что и естественно ожидать отъ него, придалъ этому слову иносказательный смыслъ и истолковалъ его въ примѣненіи къ будущему Христа, т. е. къ его воскресенію. Авторы перваго и втораго евангелій (или ихъ источники, что для насъ безразлично) поняли «слово» Христа, что опять-таки вполне естественно для нихъ, въ прямомъ смыслѣ и сдѣлали изъ него соответствующій выводъ относительно прошлаго Христа, т. е. относительно того, чѣмъ онъ былъ въ своей частной жизни: коль скоро Христосъ можетъ построить храмъ, значитъ онъ *τέχτων*. Такъ по Марку. Матѳею, какъ мы видѣли, говорить

¹ *Ἐγείρειν* имѣетъ въ четвертомъ евангеліи значеніе «подниматься», «вставать» (5, 8. 11, 29. 13, 4. 14, 31), «пробуждать мертвыхъ» (5, 21. 12, 1. 9, 17. 21, 14), т. е. воскресить. Въ смыслѣ «возставать», «являться» *ἐγείρειν* употреблено у Іо. 7, 52 въ выраженіи: *ἐκ τῆς Γαλιλαίας προφῆτης οὐκ ἐγείρεται*.

² Само изреченіе Христа у Мѳ., Мк. и Іо. передается, какъ мы видѣли, не въ тождественныхъ выраженіяхъ. Каково оно было, доискиваться безплодно. Врядъ ли комментаторы правы (см. Holtzmann, Handcommentar къ Мк. 14, 58), когда они думаютъ, что первоначальную форму изреченія нужно усматривать у Мѳ. 26, 61. Скорѣе, она сохранена намъ у Мк. 14, 58, если отбросить слова *χειροποίητον* и *ἄλλον ἀχειροποίητον*, навѣянный, быть можетъ, при дальнейшей обработкѣ втораго евангелія, Іо. 4, 21. 23.

только о томъ, что отецъ Христа, Иосифъ, былъ τέχτων, а былъ ли такимъ же τέχτων самъ Христосъ, умалчиваетъ. Быть можетъ, это благочестивое, такъ сказать, умолчаніе, паходящее себѣ объясненіе въ той опредѣленной цѣли, которая руководила авторомъ перваго евангелія при его составленіи: доказать, что Христосъ — обѣщанный Мессія (второе евангеліе, какъ доказано, свободно отъ какой-либо тенденціозности)¹. Но самое характерное — повѣствованіе третьяго евангелія: въ немъ, какъ упомянуто, не приводятся «словъ» Христа касательно разрушенія и постройки храма, поэтому нѣтъ и указанія на то, что Христосъ, или хотя бы его отецъ, были τέχτορες. Такъ объясняю я себѣ возникновеніе легенды о томъ, что Христосъ былъ плотникомъ: изъ «слова», приписываемаго Христу, возникло и «дѣло», касающееся его жизни и дѣятельности.

Въ заключеніе позволю себѣ вернуться къ тому, съ чего началъ: къ пониманію въ евангельскихъ текстахъ слова τέχτων. Христосъ обѣщаетъ построить храмъ въ три дня. Чтобы построить храмъ, мало еще знать плотничье ремесло; къ тому же и храмъ, вѣдь, пужно было строить не изъ дерева, да и сама постройка храма — дѣло очень сложное, требующее и познаній техническихъ и опытности практической. И странно было бы предполагать, что іудеи, возмущенные похвалой Христа, подумали и сказали: въ три дня берется построить храмъ — видишь, какой плотникъ нашелся. Врядъ ли они подумали и сказали при этой похвалѣ Христа: смотрите, какой архитекторъ! Іудеи, конечно, знали, что архитекторъ составляетъ планъ, руководить работами, но самъ, своими руками, ничего не строить. Если не считать вообще празднымъ занятіемъ догадываться о томъ, что подумали и что сказали іудеи, когда слышали слова Христа: «Разрушьте храмъ этотъ, и я въ три дня построю его», то невольно хочется вложить въ ихъ головы и уста такое ироническое замѣчаніе: смотрите, какой мастеръ (въ смыслѣ «искусный мастеръ») нашелся! А такому пониманію и будетъ соответствовать примѣненный въ евангельскихъ текстахъ терминъ τέχτων. Былъ ли, однако, дѣйствительно таковымъ Христосъ въ своей частной жизни и дѣятельности, этого мы не знаемъ, да врядъ ли когда-либо и узнаемъ.

С. Жебелевъ.

¹ См. нашъ очеркъ объ евангеліяхъ, 28, 83. Возможно, Матей, упоминалъ о томъ, что отецъ Христа былъ τέχτων, предоставлялъ самому читателю заключать о томъ, что и сынъ занимался тѣмъ же ремесломъ, какимъ занимался отецъ, такъ какъ въ древности было обычнымъ явленіемъ переходъ занятій тѣмъ или инымъ мастерствомъ отъ отца къ сыну.

Фрагментъ грузинской версіи „Дѣтства Христа“.

О существованіи въ древнегрузинской письменности извѣстнаго въ различныхъ литературахъ апокрифа о Дѣтствѣ или Отрочествѣ Христа впервые, собственно говоря, стало извѣстно съ 1892 года со словъ Н. Я. Марра, который, въ одной изъ своихъ первыхъ работъ по армяно-грузинской филологіи, касаясь пріобрѣтеннаго имъ Каталога Грузинскихъ Книгъ, составленнаго въ концѣ XVIII или въ началѣ XIX столѣтія, указывалъ, что въ этомъ Каталогѣ «въ числѣ другихъ произведеній, переведенныхъ съ армянскаго на грузинскій языкъ, поименовано (№ 177) Дѣтство Господа (ხოუმე უფლის)»¹.

Въ данномъ случаѣ Н. Я. Марръ, очевидно, имѣлъ въ виду тотъ переводъ интересующаго насъ апокрифа, который приписывается извѣстному грузинскому дѣятелю XVIII вѣка Досифею (Черкезишвили), епископу Некресскому². Но помимо этой, примыкающей къ армянскому прототипу, версіи апокрифа о Дѣтствѣ Господа, вскорѣ была обнаружена также другая переводная версія того же апокрифа, восходящая, судя по всѣмъ даннымъ, къ греческому оригиналу³. Въ «Разсужденіи св. Евѣмія Святгорца съ Θεодоромъ, іереемъ Сабаминдскимъ», изданномъ М. Сабининымъ, подъ заглавіемъ: *ჟქმუღი მამის ჩუზნის ევთიმის მთაწმინდელის* *Сказанное отцомъ нашимъ Евѣміемъ Святгорцемъ*, интересующій насъ апокрифъ «Дѣтство Гос-

---

¹ Н. Марръ, Изъ лѣтней поѣздки въ Арменію. Замѣтки и извлеченія изъ армянскихъ рукописей, Х. ЗВО, т. VI (1891), стр. 135—136.

² А. Хахановъ, Очерки по исторіи грузинской словесности, в. III, Москва 1901, стр. 409, прим. 1.

³ Эту версію неоднократно упоминалъ А. С. Хахановъ; см. его: Памятники грузинской отроченной литературы (изъ ЖМНП. 1894 г., № 11), стр. 36; Очерки по исторіи грузинской словесности, в. II, Москва 1897, стр. 319—321, ქართული საგვარჯულის ისტორია, изд. 2-е Тфл. 1914, стр. 100—101, 106 и прим. тамъ-же.

пода» (სიუბჳე უგულისაჲ) упоминается въ числѣ апокрифовъ и вообще отреченныхъ книгъ, которыя переведены съ греческаго на грузинскій языкъ св. Евфиміемъ Святогорцемъ ¹.

Версія эта сохранилась въ рукописи Тифлискаго Церковнаго Музея № 95, относящейся къ X вѣку ² и представляющей собою сборникъ цѣлаго ряда (до 146) разнородныхъ произведеній ³.

Рукопись писана въ два столбца строчнымъ церковнымъ письмомъ конца X столѣтія, причѣмъ интересующій насъ апокрифъ помѣщается въ ней на столбцахъ 568b — 572b. Къ сожалѣнію, на 572-мъ листѣ апокрифическій текстъ обрывается, и далѣе идетъ «Житіе и Мученичество св. Эрены, дочери царя Ликинія». Нужно полагать, что соотвѣтствующіе листы, на которыхъ было изложено продолженіе апокрифа, вырваны впоследствии. Тѣмъ не менѣе, и въ подобномъ своемъ, фрагментарномъ, видѣ древнѣйшая грузинская версія апокрифа не лишена интереса.

Грузинская версія Дѣтства или Отрочества Христа, подлежащая въ рукописи Тифлискаго Церковнаго Музея № 95 и представляющая собою нѣкотораго рода unicum, озаглавлена такъ: სიუბჳე ოგულის ნუგის ოსოჲ ქრისტესი. ღვთისძის ოკითხეჲ ესე სკოთხუი ⁴ *Отрочество Господа нашего Иисуса Христа. Чтеніе это подобаетъ читать на Срѣтеніе* ⁵.

Эта версія издается ниже въ точной копіи съ оригинала, съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей послѣдняго какъ въ отношеніи стиля, такъ и орѳографіи. Русскій переводъ текста, хотя и сокращенный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неточный, былъ уже данъ А. С. Хахановымъ ⁶.

Встрѣчающіеся въ текстѣ грецизмы отмѣчены въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ (въ выноскахъ); таковы: ღღჳ — ἄλφα, ბჳტა — βῆτα, ბო — μτ'.

¹ М. Сабининъ, სიუბჳე უგულის სიუბჳე, стр. 432—433.

² По А. С. Хаханову (Очерки по исторіи грузинской словесности, в. II, стр. 319) — XII вѣка.

³ Подробное содержаніе рукописи см. у О. Д. Жорданія, Описаніе рукописей Тифлискаго Церковнаго Музея etc., кн. I, Тфл. 1903, стр. 96—114 (о Дѣтствѣ Христа см. стр. 105).

⁴ Ср. также прот. Корн. Кекелидзе, Иерусалимскій канонарь VII вѣка, Тфл. 1912, стр. 181 — 182 (кстати, съ неточной выпиской — *თიქნიშუი* вмѣсто *თიქნიშუი*).

⁵ ღვთისძის, гевр. *ღმთისძის* — праздникъ Срѣтенія Господня (см. прот. Корн. Кекелидзе, ц. с., стр. 331).

⁶ А. Хахановъ, Очерки по исторіи грузинской словесности, в. II, стр. 319—321. — Ср. славянскую версію апокрифа. М. Н. Сперанскій, Славянскія апокрифическія евангеліи, въ «Трудахъ VIII Археологическаго съѣзда въ Москвѣ, т. II», 1890, стр. 38—72.

⁷ Ср. ниже, стр. 345. *Ред.*

სიყრმე ოჯახის ჩუენისა იესოჲ ქრისტესი.

568^b

დაპრობას იკითხონ ესე საკითხავი.

1. ურმაღა იყო, ხუთ წლად მოდგებოდა იესოჲ, მისრულ იყო და იმღერდა იგი წარსავალსათანა წყალთა და ნაკადულთასა. მოზღუდვიდა და შეაყენებდა და იქმოდა ტბოერებსა. 8

2. და მოვიდის მეგრე გარდაუტევის და დასწმენ წყალსა მას ქვასა ზედა და ტბორად¹ განწმედილსა მას დაჰკრებდა.

3. მეგრე აღმოიღებნ თიკასა მას ჩხვლსა განწმედილისა მისგან და შექმნა იგი სირებად თორმეტად.

4. და იყო დღე იგი შაბათი და სხვანიცა მრავალნი ყრბანი იმღერდეს მისთანა.

5. და რაჟამს იხილა ერთმან ჭურიათაგანმან, რამეთუ იგი || ურმათათანა ამას 569^a იქმოდა, მიიშართა იოსებისა მამის მისისა და მიიუფანა და უჩუენა მას იგი და ეტყოდა: «კეთილმე არსა დღესა შაბათსა ესე ვითარი საქმე გამოსხვად მფრინ- 8 ველთა ამით თიკისგან?»

6. და მოვიდა იოსებ, ჭრისხვიდა მას და ჰქუა: «რამესთჲს იქმ შენ ამას დღესა შაბათსა?» ხალა მას ვითარცა ესმა ესე იწყო კელთა ურთიერთას შეტყუელებად და აღფრინვა სირები იგი წინაშე მათ ყოველთასა და ჰქუა: «ფრინედეო და 8 მომიკსენეთ მე ცხოველი». და რომელ იგი სირები აღფრინდა წარვიდეს წივილით.

7. იხილა რამ ესე ერთმან ფარისეველმან, შეწუჴნა და დავარდა და მეგრე წარვიდა მწრთულ თხრობად მეგობართა თჳსთა.

8. მაშინ ძე ანაჲსი მღდელთმოძღვრისაჲ², რამეთუ იგიცა თჳთ მოსრულ იყო იოსებისთანა და მუნქუესვე მოიღო მან რტოჲ ძეწინისაჲ | და გარდაასხა ტბო- 569^b რები იგი წყალთაჲ, რომელ იგი შეეკრიბა იესოჲს და შესაკრებელი იგი წყალთაჲ 8 განაკმო.

9. იხილა რამ იესოჲ, რამ იგი უო, მან ჰქუა: «ჲ ძელო ჲ ძეო რტოჲთურთ განკმელო შემწუარო ბუნითურთ ძალთა მით სულისა იონაჲსითა». და ურმა. 8 იგი შეესეულად დავარდა განკმელი.

10. მეგრე იესოჲ მივიდოდა იოსებისთანა, მოვიდოდა ყრმაჲ ერთი და ეკუეთა მკარსა მისსაი განრისხნა იესოჲ და ჰქუა: «ნუ მიხვდე გზასა მაგას შენსა». და შეესეულად მუნქუესვე დავარდა და მოკუდა ყრმაჲ იგი. 8

11. დადადებაჲ აღიღეს რომელნი იგი მუნ დგეს და იტყუდეს: «ვინაჲმე

¹ ტბორად повторяется дважды.

² Въ данномъ случаѣ иждивающій. — эквивалентъ арм. *განაგებელი* — «первосвященникъ».

არს ჩუენდა ურმაჲ ესე შობილი, რამეთუ ყოველნი სიტყუანი მაგისნი საქმს
3 არიან?

12. მოვიდეს და მოადგეს სახლეულნი მის მკჳდრისანი იოსებს და ეტყოდეს:
«ეგეთუ ეგე ურმაჲ შენთანა იუოს, გერ ეგების შენი ჩუენ შორის ცხარებაჲ.
8 570^ა აწ ასწავე მას, რაჲთა აკურთ||ხევდეს ყოველთა და არა სწუევდეს». მაშინ წარ-
მოდგა იოსებს, ასწავებდა მას და ეტყოდა: «რამსათჳს ბოროტს იტყოდე,
რამეთუ ამას კაცებსა ვსძულთ ჩუენ».

13. იწყო სიტყუად იესოჲ ურმამან მან და ჭჭუა: «ჟერად გონიერ არიან
სიტყუანი იგი შენნი. მე ვიცი შვილთა მაგათთა კჳალსა დგინებაჲ». და
3 მეჩმე იწყო ესრე სიტყუად: «წყევამდა თუ არა შეიწუნარონ ტანჯვამ შევე-
იწუნარონ».

14. მასვე ჟამსა რომელნი იგი ჰბასრობდეს ერთბამად დაბრმეს. ხოლო
იოსებს ვითარ იხილა, განრისხნა და უპურა ყური მისი და ჰზიდა.

15. ხოლო მან მიჭხედა და ჭჭუა იოსებს: «აჲ კმა არს შენდა ძიებაჲ ჩემი
და პოვნაჲ. შენ აწ მიზეზით მეცნიერებაჲ კელთა აღგიღებეს».

16. ზატქეს ვისმე, ესმოდა სიტყუაჲ ესე, რასა იგი ეტყოდა იოსებს, და ჭჭუა
იოსებს ზატქე: «ეგე ვითარისა მაგის ურმისა ფიცხლისა და ურიდისაჲ არა გნე-
3 570^ბ ბავსა მოძღუარსა მიცემად, რაჲთა ისწაოს სიყუარული მოყვასთაჲ | და თავისა
ყოფამ მოხუცებულთაჲ და ძიებაჲ აეროვნისა პირისაჲ მოხუცებულთაჲსა,
რაჲთა თჳსთა მათცა შვილთა მოწყალებამ აგოს შეწყნარებად და სწავლად
6 მათა».

17. და თქუა იოსებს: «ვინმე შეუძლოს ესე ვითარისა ამის ურმისა შეწყნა-
რებაჲ და სწავლაჲ? ნუმცა მცირისა რამს ჟერისაჲ შეგირაცხიეს იგი».

18. მიუგო მას ურმამან მან და ჭჭუა: «მაგათ სიტყუათაგან მოძღუარ რომ-
მელთა იგი აწ იტყჳ მე უცხოად შემირაცხიეს თავი ჩემი. რამეთუ გარეშს არს
3 თქუენსა და შინაგან თქუენდა».

19. «რამეთუ არა ვითარ კორცთა აზნაურებაჲ რამეჲ არს ჩემთანა, ხოლო შენ
ეგერა შჳულთა ზედა სდგა, რამეთუ შობასა მას ენასა მუნქუეს ვდეგ და შენ ვინ
3 უწუის ჰგონებდე ვითარმედ მამაჲ ვარ, რაჲთა ჰბოლო მოძღვრებაჲ ძისაგან,
რომელი იგი 'არა სადა ვინ' უწყოდა სხუა მათსავე, რომელიცა ასწავის სხუას».

20. «და ჟჳარსა 'მას, რომელს შენ სახელ სდეგ, აღგიღო ეგე შენ ვისი არს
571^ა შვილი ეგე, რამეთუ უმეტეს' || აღუმადლდე, მითხარდა ნიში იგი ნათესავისა მის
3 შენისაჲ, ვინ არს, ვითარ იგი უწუიან, მე მარტომან უწუი და თქუენ არა უწუითო,
ვინამა ყოფილ ხართ ანუ რადენ ჟამ ყოფად ხართ»,

21. ხოლო იგინი დგეს კერეთ დაკრგებულნი და კმითა მადლითა დაღაღებდეს
და იტყოდეს: «მრავალი ესე სმენამ და ახალი ხილვამ და ესე ვითარი ესე სიტ-
3 ყუამა არა სადა მასმიეს არცა მოძღუართაგან და არცა ფარისეველთაგან და არცა
სხუათა ნათესავთაგან. ვინამა ყოფილ არს ესე?».

22. «რამეთუ ხუთი წელი არდა აღსრულებულ არს ამისი და იხილეთდა ვითარ იგი გმოხს ესე. ესე ვითარი არა მიხილავს ჩუენ ურმამა».

23. მერმე იწყო სიტყუად და თქუა: «დაგიკვრდების ანუ უფრო ურწმუნო ხართ რომელსა გეტყვ თქუენ, რამეთუ გარქვ თქუენ რადესმე, რამ შობილ ხართ, უფრომს უწყი მე თქუენსა, ვიხილე მე და მესმა კმამა».

24. ხოლო მათ, ვითარცა ესმა კმამა ესე, პირი | დაიკრეს და სიტყუამ ვერ 571^b შეუძლეს თქვამად.

25. წარდგა იესოჲ მათ წინაშე და თქუა: «¹ოხადი მე თქუენ, რამეთუ თქუენ მიდბს აგინებთ, რამეთუ ხართვე უმჯულო გონებითა თქუენითა». ხოლო მან ვითარ ესრეთ უღბილესად იწყო სიტყუად მათა.

26. და ჰქუა ზაქე მოძღუარმან იოსებს: «მელა მომეც ურმამა ეგე და მე ვასწო მავას, რამ წეს იყოს სწავლად მაგისა». და თავსა კელსა უსვმიდა და მიიუფანა იგი სამწიგნობრედ და შევიდა და დადუმნა ურმამა.

27. ხოლო მოძღუარი იგი ზაქე მრავალ გზის მასვე წერილსა ასწავებდა და იწყო აღფაფტან¹ სწავლად მისა, მეორედ დააქცია მოგებად მისა და იგი დუმნა, მერმე განჩისხნა მოძღუარი იგი და სცა კელითა თავსა მისსა.

28. მიუგო ურმამან მან და ჰქუა: «განუზომელად გამიკვრდების სწავლად უსწავ-
ლელთა, მე უშემძლებელეს ვარ თქუმად ვიდრეგან, რომელსა იგი შენ || იტყვ, 572^a
ვითარცა რვალი ოხრეს და ვითარცა წინწილნი ვუყნიან, რამეთუ არა მოაკსე-
ნებენ კმას სიტყვს მოგონებისასა და არცა გონებასა მის გულისკმის უოთად
ძალისა».

29. და იწყო იესოჲ სიტყუად წერილისა მის ყოვლისა აღფაფტან მხო
ჰამდე² დიდითა გამოძიებითა.

30. მერმე თქუა: «რომელთა ეგე აღფაფ არა იცით, ბეტას³ მას ვარ მე ასწა-
ვებად? განლა მიმართით პირველად აღფაფ ესე, მაშინლა მრწმენეს თქუენი ბე-
ტასა თვსცა, რასა იგი იტყოდით».

31. და იწყო იესოჲ კითხვად ხატი და სახელი პირველისაჲ მის წერილისაჲ,
რამეთუ აქვდა მას სახელებსა მკედლებს, წარმატებულებს, იქცევისებს, ზეუზუნ კენი-
ლებს, მიმოქცეულებს, კვჩერის სცებს ფერად საფასწ მართლიად შობით.

32. ხოლო ზაქე მოძღუარი იგი მისი | დგა დაკვრებული ეგოდავსა მას სახე- 572^b
ლისდებასა, ხატ შეენიერებასა მას საკვრეულებასა, კმითა მალლითა დაღალებდა და
იტყოდა: «ვამ ჩემდა, რამეთუ თავით თვსით ესე ვითარი საქმე შევიმთხვე, გან-
მამორეთ ჩემგან, გვედრები თქუენ».

33. «რამეთუ ჟერვე არა არს მაგისი ქუეენისა ზედსლფამ, ჰუმარიტად
ღირს არს ესე დიდისა მის ჟვარისა. ამან ცაცხლისცა მას შეუძლოს შეწუ-

¹ Греч. ἄλφα.

² Греч. μτ.

³ Греч. βήτα.

8 ვად, მე ესრე მგონიეს, ფითარმედ ესე წყლითრღაუნისა მის წინა ნოფესა ყოფილ
არს».

პ4. «რამე საშოა ყოფილ არს, რომელსა ეტყრთა ეგე, ანუ რამე ყოფილი
არს იგი დიდეა, რომელსა ეპურა ესე წმიდაა».

პ5. «შესჯლებულ ვარ, დაუთმო ბონებასა, გარდასრულ ვარ. შევიტყუე
თავით თვსით, სიჭბილი შემეღვა. მე ესრე ვტკონებდ ფითარმედ მოწათს შემო-
8 ვიყვანე სახიდ ჩემდა | . . . . . ».

Л. Меликсетъ-Бековъ.

„Тронъ“ или „икона“?

Въ послѣднія два десятилѣтія грузинская эпиграфика значительно обогатилась и количественно и качественно, какъ тщательностью воспроизведенія, нерѣдко съ таблицами, такъ научностью толкованій, преимущественно впрочемъ историческихъ. Львиная доля въ этой работѣ, исполнялась ли она на грузинскомъ языкѣ или на русскомъ, принадлежитъ историку Е. С. Такайшвили. Критики отдѣльныхъ книгъ по этой работѣ почти не было, не было даже простыхъ о нихъ отзывовъ научныхъ, между тѣмъ ихъ длинный рядъ у одного Е. С. Такайшвили, этихъ обнародованныхъ группами, въ большинствѣ по мѣсту находженія, памятниковъ грузинской эпиграфики. Они появлялись главнымъ образомъ въ Извѣстіяхъ Кавказскаго Отдѣленія Московскаго Археологическаго Общества и въ Сборникѣ матеріаловъ для описанія племенъ и мѣстностей Кавказа. Такое молчаніе ни въ какомъ отношеніи не заслужено самими изданіями Е. С. Такайшвили, да и едва-ли желательно съ точки зрѣнія и общихъ, и специальныхъ интересовъ всей нашей области знанія. Молчаніе можетъ быть учтено не только какъ признакъ согласія. На лицо точно глубокое равнодушіе къ вопросамъ, возбуждаемымъ памятниками грузинской эпиграфики, между тѣмъ вопросы эти представляютъ живѣйшій интересъ, притомъ многосторонній, не для однихъ историковъ и археологовъ. Вѣдь до сихъ поръ съ точки зрѣнія историковъ и археологовъ, главнымъ образомъ историковъ, грузинскія надписи и подвергаются освѣщенію со времени Броссе, Иосселиани, Бакрадзе, тогда какъ онѣ не менѣе интересны для лингвистовъ и для этнографовъ. Руководители кавказской серіи СМ, по всей видимости, не чуяли, что въ ней именно, въ матеріалахъ для описанія племенъ и мѣстностей Кавказа, издававшихся Е. С. Такайшвили памятники находили вполнѣ соотвѣтственно ихъ природѣ помѣщеніе. Посильно я намѣренъ подѣлиться нѣкоторыми наблюденіями и вызванными ими мы-

слями, — наблюденіями надъ грузинскими эпиграфическими матеріалами, пущенными въ научный оборотъ Е. С. Такайшвили впервые или представляющими новостъ тщательностью воспроизведенныхъ подлинниковъ и описаніемъ ихъ самихъ или мѣстъ ихъ находженія. Въ богатой матеріалами и научно исполненной работѣ Е. С. Такайшвили есть однако нѣкоторыя пятна, случаи недосмотровъ, иногда способные создать значительныя недоразумѣнія за предѣлами ближайшихъ интересовъ грузинской эпиграфики, и на одинъ изъ нихъ я спѣшу указать сейчасъ. Въ I-мъ выпускѣ (1905) Археологическихъ экскурсій, разысканій и замѣтокъ (СМ, XXXV) въ числѣ надписей Зарзмскаго монастыря, «въ Ахалцихскомъ уѣздѣ», приводится одна X-го вѣка, «самая важная» по собственному опредѣленію Е. С. Такайшвили (ц. с., стр. 17). Въ русскомъ переводѣ этой надписи читаемъ (ц. с., стр. 19):

«Склиароса мы вывудили бѣжать. Въ той странѣ, которая называется Харсанани (у Lebeau, Hist. du Bas-Empire, t. XIV, p. 157: Charsiane), въ мѣстности, которая называется Сарвенисни, стоялъ тамъ тронъ (Броссе и Бакрадзе читаютъ: построилъ сей тронъ)».

Опредѣливъ время надписи по дѣяніямъ Склира съ установленіемъ даты построенія придѣла Зарзмской колокольни «нѣкіимъ Иванѣ, сыномъ Сулы» въ концѣ X-го вѣка, — тѣмъ именно Иванѣ, который выступаетъ въ первомъ лицѣ въ самой надписи, помѣщенной надъ дверью придѣла колокольни въ Зарзмѣ и есть строитель этого придѣла, Е. С. Такайшвили въ подтвержденіе своего чтенія и перевода пишетъ (ц. с., стр. 22): «Въ этомъ придѣлѣ, повидимому, хранился тронъ, привезенный Иване (sic) для куропалата Давида какъ воспоминаніе о побѣдѣ иверійскаго войска». Между тѣмъ въ грузинскомъ подлинникѣ про предметъ, «хранившійся въ этомъ придѣлѣ», сказано не «стоялъ», какъ переводитъ Е. С. Такайшвили, а «покоился» — ჟღერბ, какъ читаетъ вполне правильно и Е. С. Такайшвили въ своей военной транскрипціи надписи (ц. с., стр. 19; Броссе и Бакрадзе давали — Voyage archéol., II гарр., стр. 134, Кавк. въ др. пам. христ., стр. 70, первый — фантастическое чтеніе ჟღერბ и переводъ «j'ai construit», «я построилъ», второй — «Давидъ построилъ»).

Но ჟღერბ *покоился* никогда не говорится про неодушевленный предметъ, при немъ ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить подлежащимъ «тронъ», но ჟღერბ *покоился* обычно сказуемое, когда рѣчь о покойникѣ, объ иконѣ. О помѣщеніи и перемѣщеніи иконы, какъ и мертвеца, иначе по-грузински и нельзя выразиться какъ съ помощью глагола «покоиться», все равно рѣчь ли о *стоянн*и и *постановкѣ* иконы, о *перенесеніи*

ея и т. п., глаголѣ лишь снабжается требуемымъ предлогомъ — ღა-ბჟბჟბჟა, გა-ბჟბჟბჟა или მა-, гевр. მა-ბჟბჟბჟა, или обходятся безъ него — ბჟბჟბჟა, какъ въ нашемъ текстѣ, гдѣ рѣчь съ точки зрѣнія русской языковой психологiи дѣйствительно о стоянiи, хотя дѣло идетъ объ иконѣ, что въ грузинскомъ, да и вообще въ яфетическомъ этническомъ воспрiятiи, дающемъ себя знать и въ христiанской культурной рѣчи, есть существо одного порядка съ покойникомъ, въ глубинѣ племенныхъ народныхъ представленiй болѣе того — само живое божество, но отнюдь не неодушевленный предметъ. И въ грузинскомъ подлинникѣ надписи такъ и читаются ႱႱႱႱ ႱႱႱႱ ႱႱႱႱ ႱႱႱႱ *imida qat*-1 *святая икона* стоящiя подѣ титлами слова ႱႱ ႱႱ ႱႱ ႱႱ, прочитанныя Е. С. Такайшвили какъ ႱႱႱႱ *taqt* *тронъ* (такъ же читали Brosset и Бакрадзе). Копiя оригинала, воспроизведенная на стр. 18, не имѣетъ качествъ хорошаго эстампажа (Е. С. Такайшвили называетъ ее снимкомъ, но во всякомъ случаѣ это не фотографическiй снимокъ), и не могу отказаться отъ мысли, что и стоящiя подѣ титломъ буквы воспроизведены не вполне вѣрно, именно ႱႱ ႱႱ ႱႱ ႱႱ вм. ႱႱ ႱႱ ႱႱ ႱႱ = *imiday qat*, что для подлиннаго текста X-го вѣка было бы болѣе правильно. Какъ будто меня поддерживаетъ несовѣсть удачный или не вполне удачно воспроизведенный фотографическiй снимокъ той же надписи въ Материалахъ по археологiи Кавказа (вып. IV, 1894, табл. XXVIII), въ текстѣ впрочемъ вскользь упоминающихъ объ этой надписи или дающихъ совершенно невѣжественныя разъясненiя московскаго грузиновѣда, нынѣ покойнаго А. С. Хаканова, по другимъ эпиграфическимъ памятникамъ Зарзмы, въ частности по отвѣтственному тексту съ упоминанiемъ имени «Шота» (ц. с., стр. 52). Въ этомъ же воспроизведенiи фотографическаго снимка занимающей насъ надписи какъ будто и титло надѣ словомъ ႱႱ ႱႱ, принятое Е. С. Такайшвили за перекладину буквы Ⴑ. Главный источникъ недоразумѣнiя въ чтенiи — это принятiе начертанiя R i за букву R t въ словѣ ႱႱ ႱႱ, и — увѣренность историка-эпиграфиста въ томъ, что на лицо *scriptio plena*, когда на самомъ дѣлѣ это сокращенiя подѣ титлами, стершимися окончательно или чрезвычайно слабо сохранившимися для зрѣнiя даже такого искушеннаго эпиграфиста, какъ Е. С. Такайшвили.

Слѣдовательно, все цитованное мѣсто съ разъясненной нами частью въ точномъ русскомъ переводѣ гласить: «Склiароса вы вынудили бѣжать въ ту страну, которая называется Сарвенисн-и, тамъ стояла св. икона...». Однако, почему предполагается, что рѣчь о придѣлѣ? Благополучно ли съ чтенiемъ остальной надписи и ея пониманiемъ? А если нѣтъ, то какъ можно историкъ строить съ такимъ матеріаломъ что либо въ малѣйшей степени

прочное? Объ этомъ то слѣдовало бы спросить тѣхъ историковъ, которые уже не въ Тифлисѣ, а въ Москвѣ и Петроградѣ въ основу организаціи университетскаго преподаванія гуманитарныхъ наукъ кладутъ разлученіе историческихъ предметовъ съ филологическими, въ искреннемъ убѣжденіи, что это есть полезное для историческихъ, вообще общественныхъ наукъ новшество.

Н. Марръ.

Некрологи.

Оскаръ Эдуардовичъ Леммъ.

1856 — 1918.

21-го мая — 3-го июня 1918 г. скончался Оскаръ Эдуардовичъ Леммъ, (Oscar von Lemm).

На протяженіи одного года наша наука потеряла двухъ ученыхъ, съ именами которыхъ связано начало у насъ ученой традиціи въ представлявшихся имъ областяхъ научнаго знанія. Въ лицѣ М. В. Никольскаго сошелъ въ могилу первый русскій ассириологъ; съ О. Э. Леммомъ впервые въ аудиторію русскаго университета вошла египтологія; наука лишилась въ немъ авторитетнѣйшаго представителя христіанской отрасли египтологіи — коптовѣдѣнія.

Небогата внѣшними фактами угасшая преждевременно жизнь покойнаго. Онъ родился 5 сентября 1856 г. въ Петроградѣ, воспитывался въ Александровскомъ Лицеѣ, съ которымъ сохранилъ живую связь до кончины. Одинъ изъ его лицейскихъ товарищей, проводивъ его до обители вѣчности, говорилъ собравшимся у его могилы, какъ самъ почившій нашелъ себѣ призваніе и удовлетвореніе и какъ въ этомъ отношеніи онъ выдѣляется изъ ряда многихъ своихъ сверстниковъ. Дѣйствительно, еще на ученической скамѣ онъ проникся интересомъ къ Древнему Египту и, по окончаніи въ 1877 г. курса, отправился въ Германію для занятія египтологіей и семитовѣдѣніемъ. Здѣсь въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ подъ руководствомъ Эберса, Лепсіуса, Шрадера, Дильмана и др. зрѣло новое поколѣніе изслѣдователей классическаго Востока, которому нѣмецкая наука обязана своимъ успѣхами, доставившими ей исключительное положеніе. Достаточно сказать, что сверстниками и коллегами О. Э. были Эрманъ, Видеманъ, В. Максъ Мюллеръ, Штернъ, Бецольдъ и многіе другіе, имена которыхъ тѣсно связаны съ тѣмъ періодомъ въ исторіи науки, когда область изученія культуры Египта и Передней Азіи становится на прочныя филологическія основанія, когда строго проводится историческій методъ, когда акрибія классика сдѣлалась идеаломъ, не достижимымъ и для египтолога. И О. Э. былъ въ своей области яркимъ представителемъ этого направленія, усвоеннаго имъ въ аудиторіяхъ Лейпцигскаго и Берлинскаго Университетовъ. Въ 1882 году онъ былъ уже докторомъ перваго изъ нихъ. Его докторской диссертацией было небольшое изслѣдованіе. «Das Ritualbuch des Amondienstes». Ein Beitrag zur Geschichte der Kultusformen im al-

ten Aegypten. Съ 1883 г. О. Э. былъ ученымъ хранителемъ Азіатскаго Музея Академіи Наукъ и занималъ этотъ постъ до самой своей кончины. За все это время онъ отлучался изъ Петрограда только въ 1883 г. на международный конгрессъ ориенталистовъ въ Лейденъ и въ 1896 г. въ свою въ высшей степени плодотворную для науки заграничную командировку, когда ему удалось посѣтить библіотеки и музеи Европы, содержащія сокровища коптской письменности. Съ 1887 г. по 1891 г. онъ въ качествѣ приватъ-доцента преподавалъ въ Петроградскомъ Университетѣ (на факультетѣ восточныхъ языковъ) египтологію, коптскій языкъ и даже ассириологію. Съ 1901 г. онъ состоялъ почетнымъ членомъ Каирскаго Institut Égyptien, а въ 1906 г. избранъ въ члены-корреспонденты Академіи Наукъ.

Ученая дѣятельность О. Э. распадается на три періода. Сначала онъ работаетъ въ области Древняго Египта; по возвращеніи въ Россію переходитъ постепенно къ Египту христіанскому, разрабатывая коптскія рукописи здѣшнихъ библіотекъ; наконецъ, собранный во время заграничной командировки огромный матеріалъ далъ ему возможность далеко выйти за предѣлы петроградскихъ собраній, расширить и углубить свои изслѣдованія и сдѣлаться едва ли не первымъ авторитетомъ въ области коптовѣдѣнія, заставляя прислушиваться къ своему голосу специалистовъ всего ученаго міра.

Докторская диссертация О. Э. впервые обратила вниманіе на важный памятникъ древне-египетской храмовой литературы—хранившуюся въ Берлинскомъ музеѣ богослужебную книгу Амона храма въ Фивахъ, папирусъ № 55. Онъ далъ критическое изданіе съ переводомъ и комментариемъ только однихъ надписаній «главъ» этой книги, т. е. наименованіе церемоній и священныхъ дѣйствій ежедневнаго культа, совершенно основательно считая полное изданіе текста памятника еще преждевременнымъ и требующимъ сложныхъ и подготовительныхъ работъ. Дѣйствительно, только въ 1892 году появилось большое изслѣдованіе Moret, *Le Rituel du culte divin journalier en Égypte*, основанное отчасти на напечатанномъ только въ 1896 г. Берлинскимъ музеемъ официальномъ изданіи ритуальныхъ книгъ культа Амона и Мутъ, но привлекавшее къ изученію и другой обширный параллельный матеріалъ. Въ 1887 г. О. Э. еще разъ возвратился къ старой темѣ, напечаталъ въ *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde* небольшую замѣтку: «*Einige Bemerkungen zur Ceremonie des Lichtanzündens*» (XXV, 113—116). Здѣсь онъ даетъ текстъ и переводъ всей первой «главы» ритуала въ виду того, что на страницахъ названнаго журнала появились работы Эрмана и Дюмакена, посвященные церемоніи возженія огня. Какъ въ диссертации, такъ и въ этой статьѣ разсѣяны цѣнныя замѣтки лексическаго, палеографическаго и реального характера, иногда развивающіяся въ цѣлыя экскурсы, напр. на стр. 36—42 объ аллитераціяхъ, столь излюбленныхъ въ египетскихъ текстахъ, или на стр. 11—20, гдѣ впервые произведено изслѣдованіе о «діактрической» чертѣ. Замѣтимъ, что только въ 1908 г. Зете пришелъ къ тѣмъ же выводамъ объ ея употребленіи, забывъ конечно о своемъ предшественникѣ.

Другой трудъ, посвященный О. Э. древнему Египту—его *Aegyptische Lesestücke*¹, задуманный въ видѣ обширнаго пособия для начинающихъ египто-

¹ Leipzig. Hinrichs'sche Buchhandlung. 1893. I Theil. Schrifttafel und Lesestücke. Изданіе посвящено «*Seinem hochverehrten und lieben Lehrer Herrn Prof. Dr. Georg Kober*».

логовъ, съ таблицей знаковъ, многочисленными текстами и словаремъ. Ему удалось исполнить только половину этой задачи, выпустивъ первую часть, содержащую таблицу знаковъ, тексты іероглифическіе и іероглифическія транскрипціи нѣкоторыхъ іератическихъ текстовъ. Изданіе было встрѣчено сочувственно; Эрманъ¹, Эберсъ², Пиль³ и др. посвятили ему отзывы, въ которыхъ указывали на его своевременность, на большую пригодность, сравнительно съ единственной въ то время хрестоматіей Рейниша. Дѣйствительно, до самаго появленія трудовъ этого рода, принадлежащихъ Эрману и Мэллеру, хрестоматія О. Э. была начальной книгой для чтенія всѣхъ египтологовъ слѣдовавшаго за нимъ поколѣнія. Для потребностей своей петроградской аудиторіи О. Э. выпустилъ въ 1890 г. небольшое добавленіе къ своей хрестоматіи «*Excerpta e libris sacris veterum Aegyptiorum*», содержащее первую главу книги Мертвыхъ по критическому изданію Навилля, булаксій гимнъ Амону и плачь Исиды и Нептиды въ іероглифической транскрипціи.

Петроградскія египетскія собранія не могли серьезно заинтересовать О. Э. по его возвращеніи изъ-за границы тѣмъ болѣе, что эрмитажные папирусы изучались уже В. С. Голенищевымъ, равно какъ и древне-египетская часть его собственной, тогда еще бывшей въ начальномъ періодѣ своего образованія, коллекціи. Значительную часть интереса свѣжести и новизны потеряли петроградскія собранія и вслѣдствіе того, что самое важное изъ нихъ было, кромѣ папирусовъ, уже описано Либлейномъ. Кое-что О. Э. нашелъ въ частныхъ коллекціяхъ, но и изъ нихъ онъ не призналъ ничего заслуживающимъ изученія и изданія. За то въ Публичной Библіотекѣ его ожидали сокровища коптской письменности, поступившія въ 1853 г. изъ коптскихъ монастырей послѣ третьяго путешествія Тишендорфа. Это были пергаменные листы съ сахидскими и средне-египетскими отрывками изъ св. Писанія, апокрифическихъ дѣяній Апостоловъ, Апокалипсиса Арх. Михаила, житій св. мучениковъ, между прочимъ Виктора, исторія 'Александрійскихъ патріарховъ. Бокейрскія рукописи богослужебныхъ книгъ, гораздо болѣе поздняго происхожденія, но все же цѣнныя, нашлись въ Азіатскомъ Музеѣ Академіи Наукъ и въ Институтѣ Восточныхъ языковъ при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Коптскій матеріалъ здѣшнихъ собраній затѣмъ значительно увеличился, благодаря приобрѣтеніямъ В. С. Голенищева и экспедиціямъ В. Ю. Бока, предпринятымъ по почину Эрмитажа. Все это ждало изслѣдователя, такъ какъ В. С. Голенищевъ не интересовался коптовѣдѣніемъ, а единственный тогда русскій ученый, который могъ бы этимъ заняться, В. В. Болотовъ, имѣя опредѣленныя задачи церковно-историческаго характера, не располагалъ временемъ для работы надъ изданіемъ текстовъ.

Такимъ образомъ О. Э. выпала на долю почетная задача ввести въ научный оборотъ эти долго лежавшія втунѣ богатства и даже подвергавшіяся опасности погибнуть. Безцѣнной заслугой О. Э. было спасеніе ихъ отъ разрушенія. О коптскихъ рукописяхъ Публичной Библіотеки онъ пишетъ между прочимъ слѣдующее: «*Die Handschriften sind leider alle in einem schrecklichen Zustande; sie bestehen abgesehen von einer Anzahl grösserer Stücke aus unzähligen kleinen Stücken, die alle geordnet und an die richtige Stelle gebracht werden müssen. An*

¹ Deutsche Literaturzeitung. 1883, 421.

² Literar. Centralblatt. 1884. № 5.

³ Nordisk Revy. Sept. 1884.

manchen Stellen sind die Blätter durchlöchert, an anderen ist die Schrift schon fast erloschen, dazu kommt noch, dass ein guter Theil der Blätter ganz zusammen-geschrunpft ist und es oft nicht wenig Mühe kostet etwas aus den Falten heraus-zulesen. Die Handschriften haben durch langes Liegen und, wie es scheint, früher auch durch das Feuer stark gelitten¹».

Послѣ кропотливаго труда, О. Э. удалось спасти для науки рядъ цѣнныхъ памятниковъ, и уже въ 1883 г. онъ сдѣлалъ о нихъ докладъ на международномъ конгрессѣ ориенталистовъ въ Лейденѣ². Черезъ два года вышло въ Лейпцигѣ автографированное изданіе сахидскихъ тишендорфовскихъ библейскихъ отрывковъ Публичной Библіотеки съ описаніемъ и другихъ коптскихъ рукописей этого собранія³. Въ томъ же году за этимъ послѣдовало изданіе еще семи сахидскихъ библейскихъ фрагментовъ⁴ и девяти средне-египетскихъ текстовъ изъ того же источника⁵. Библейскіе отрывки петроградскихъ и иныхъ собраній бывали неоднократно предметомъ его занятій и въ послѣдующее время⁶.

Богѣ интересные тексты требовали и богѣ сложныхъ занятій и разысканій, привлеченія параллельнаго матеріала, поисковъ за другими частями тѣхъ же памятниковъ, расчлененныхъ въ видѣ отдѣльныхъ листовъ по музеямъ и бібліотекамъ всего міра — вѣдь вся древняя коптская литература дошла до насъ въ истерзанномъ видѣ. О. Э. стремится къ реконструкціи того, что имъ найдено и спасено и окончательно дѣлаетъ своей спеціальностью разработку коптскаго языка и письменности. Житіе Св. Виктора и Апокалипсисъ Арх. Михаила—двѣ темы, къ которымъ онъ непрерывно шелъ и для которыхъ онъ накопилъ огромный матеріалъ. Первую изъ нихъ ему удалось довести до конца, но еще не удалось увидѣть полностью въ печати.

Раньше всѣхъ увидѣли свѣтъ отрывки «Исторіи Патріарховъ»⁷, для которыхъ нашелся восполняющій матеріалъ въ изданныхъ Zoega и Rossi частяхъ того же памятника въ борджіанской и туринской рукописяхъ. О. Э. доказалъ, что этотъ памятникъ не исторія патріарховъ, а похвальное слово св. Аванасію Великому; фрагменты извѣстной исторіи патріарховъ Севира Ашмунейскаго онъ видитъ въ другой борджіанской рукописи (№ 160), которой въ той же работѣ и посвятилъ небольшое изслѣдованіе. Имъ были опредѣлены и мельчайшіе «сиротствующіе» («verwaiste») кусочки изданнаго Росси текста; они составили рядъ новыхъ фрагментовъ похвальнаго слова св. Аванасію⁸.

¹ Bruchstücke der Sahidischen Bibelübersetzung, XVIII.

² Actes du 6 Congrès des orientalistes. Comptes-rendus I, 143 (краткое упоминаніе).

³ Bruchstücke der Sahidischen Bibelübersetzung nach Handschriften der Kaiserl. Öffentlichen Bibliothek zu St. Petersburg. Lpz. 1885. XXIII + 32.

⁴ Sieben sahidische Bibelfragmente. Zeitschrift für ägyptische Sprache und Alterthumskunde XXIII (1885), 19 — 22.

⁵ Mittelägyptische Bibelfragmente. Études dédiées à C. Leemans (Leide 1886), 95—102.

⁶ Sahidische Bibelfragmente. I и II Изв. Акад. Наукъ XXIII (1889), 257 — 268. 373 — 381. (Изъ Собр. В. С. Голенищева и Музея Общ. Любит. Древ. Писъм.) III Ibid. XXV, (1907), 083 — 0187. (Изъ Собр. Голенищева. Cod. orient. Berol. fol. 1605, Paris. 1905, Brit. Mus. Or. 8479 A. Berol. fol. 1348, 1849, 1605, in 8°, № 409.

⁷ Koptische Fragmente zur Patriarchengeschichte Alexandriens. Mémoires de l'Académie des Sciences de St. Pétersbourg, t. XXXVI, № 11.

⁸ Nachtrag z. d. Kopt. Fragm. z. Patriarchengeschichte. Изв. Акад. Наукъ IV, (1896), 287 — 48.

Въ 1890 — 92 г.г. были изданы и изслѣдованы О. Э. нижне-сахидскіе отрывки апокрифическихъ дѣяній Апостоловъ Варооломея, Филиппа, Андрея, Маттея, а также Петра и Павла; послѣднія по приобрѣтеннымъ В. С. Голенищевымъ папирусамъ начала V в.¹ Сравненіе съ нѣкоторыми параллельными текстами, напр. эіопскими, дало иногда характерные для Египта варианты, напр. откликъ культа кобчика въ дѣяніяхъ ап. Филиппа. Такіе пережитки древне-египетской старины всегда интересовали О. Э., который указывалъ на то, что копты въ своихъ агіологическихъ писаніяхъ иногда заимствовали отдѣльныя черты и изъ легендъ объ апостолахъ, и изъ древнихъ мученическихъ актовъ, и изъ преданій языческаго времени². Подобный же пережитокъ онъ хотѣлъ видѣть и въ скитскомъ повѣствованіи о дочеряхъ императора Зинона, сопоставляя его съ извѣстной легендой о чудѣ бога Хонсу въ странѣ «Бехтенъ», рассказанной на «стѣлѣ Бентрешъ»³. Къ этому же періоду его дѣятельности относится и его докладъ въ Русскомъ Археологическомъ Обществѣ «Коптская легенда о нахожденіи гроба Господня», представляющей, главнымъ образомъ, переводъ изданной Росси туринской легенды. Докладъ имъ напечатанъ въ «Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Общества»⁴.

Богатый матеріалъ, собранный О. Э. во время заграничной командировки, особенно въ бібліотекахъ Рима, Турина, Неаполя, Парижа, постепенно имъ разрабатывался и издавался въ видѣ длиннаго ряда непрерывно слѣдовавшихъ другъ за другомъ трудовъ. Этотъ необычайный по интенсивности періодъ научной дѣятельности начался съ изданія двухъ сахидскихъ текстовъ парижской Bibliothèque Nationale, относящихся къ раннему христіанству: отрывковъ изъ житія св. Кипріана Антіохійскаго (исповѣдь и страданіе)⁵ и апокрифическаго сказанія св. Діонисія Ареопагита⁶ о распятіи Христовѣ, во время котораго онъ наблюдалъ въ Баальбекѣ содроганіе природы, и о проповѣди Ап. Павла въ Аѳинахъ. Если первый изъ этихъ текстовъ не вноситъ чего либо новаго, такъ какъ повторяетъ то, что извѣстно изъ греческаго, эіопскаго и другихъ житій св. Кипріана (издатель и напечаталъ подѣ строкой соотвѣтствующія мѣста греческаго текста), то второй является новостью апокрифической литературы.—За этими трудами послѣдовало исчерпывающее изслѣдованіе о немногочисленныхъ и болѣе чѣмъ скромныхъ остаткахъ коптской Александріи⁷, разсѣянныхъ въ видѣ девяти листовъ по бібліотекамъ Парижа, Лондона и Берлина. Всѣ прежнія попытки перевода и обработки фрагментовъ, не только Bouriant и Maspero, но даже Crum теперь должны быть признаны совершенно устарѣвшими; О. Э. отнесъ происхожденіе памятника къ VI в., рукопись—къ XI,

¹ Koptische Apokryphe Apostelacten, I, II. Изв. Акад. Наукъ, XXXIII (1890), 509 — 581, XXXV (1892), 233 — 326; 2 фототип. табл.

² Kleine Kopt. Studien, II, 7.

³ Die Geschichte von der Prinzessin Bentreß und die Geschichte von Kaiser Zeno und seinen zwei Töchtern. Изв. Акад. Наукъ XXXII (1888), 473 — 6.

⁴ т. IV (1889), 1 — 19.

⁵ Sahidische Bruchstücke der Legende von Cyprian von Antiochien. Зап. Им. Акад. Наукъ, VIII, Ист.-фил., IV, № 6, стр. XII + 90. 1899.

⁶ Eine dem Dionysios Areopagita zugeschriebene Schrift Koptischer Sprache. Изв. Акад. Наукъ 1900, 267 — 306. Рукопись XV в.л. Реч. К. Piehl, Sphinx IV, 44 — 5.

⁷ Der Alexanderroman bei den Kopten. Ein Beitrag zur Geschichte der Alexandersage im Orient. St. Petersburg. 1903. Стр. XVIII + 161 + 2 табл. Рецензія E. Anderson, Sphinx, IX, 133 — 136.

текстъ восходитъ къ греческому оригиналу, но отличному отъ псевдокаллисеевскаго; кромѣ того коптскій переводчикъ позволялъ себѣ большую свободу и находился подъ вліяніемъ Библіи. Языкъ не чистый сахидскій, а съ примѣсью среднеегипетскаго и со своеобразной орфографіей, что заставило посвятить ему особый этюдъ грамматическаго характера. Одновременно съ Александріей О. Э. обработалъ другой важный памятникъ копто-сахидской письменности, и притомъ одинъ изъ самыхъ позднихъ—XIII или XIV в., а именно странное религиозно-дидактическое произведеніе въ четверостишіяхъ, называемое по своей формѣ (каждые три стиха подъ одну рѣму, послѣдніе вездѣ на «онъ») «Триадонъ»¹. Этотъ текстъ, написанный искусственнымъ языкомъ времени упадка, изобилующій насиліями надъ грамматикой и словаремъ въ угоду рѣмѣ, состоялъ изъ 732 четверостишія и дошелъ до насъ въ $\frac{3}{5}$ своего настоящаго состава въ рукописи неаполитанской Національной бібліотеки. Когда то Зоega издалъ часть его, но безъ арабскаго перевода, который необходимъ для пониманія труднаго и запутаннаго текста. О. Э. далъ полное критическое изданіе сохранившейся части памятника съ арабскимъ переводомъ; послѣднее было исполнено при участіи покойнаго бар. В. Р. Розена. Къ сожалѣнію, обѣщаніе выпустить вторую часть съ нѣмецкимъ переводомъ и комментариемъ покойный не успѣлъ выполнить. Это изданіе особенно важно въ виду того, что «Триадонъ» представляетъ оригинальный памятникъ коптской письменности и, притомъ, относится уже со времени ея заката, обнаруживая вліяніе арабскаго языка.—Послѣднимъ большимъ изданіемъ О. Э. была работа о коптскихъ отрывкахъ актовъ мучениковъ: Θεοδωρα Восточнаго, Λεοντία аравитянина, Ιρακλῖδα и Ισιδωρα по рукописямъ борджіанскимъ, голенищевскимъ и др. И здѣсь покойному удалось опубликовать только часть собраннаго матеріала². Всѣ эти изданія исполнены съ необычайной тщательностью, можно сказать, съ любовью, проявляющейся даже и въ ихъ внѣшнемъ видѣ. Всѣ они снабжены превосходными указателями и, по большей части, прекрасными фототипическими воспроизведеніями отдѣльных страницъ рукописей.

Кромѣ этихъ отдѣльных изданій, О. Э. непрерывно обогащалъ науку множествомъ статей, изслѣдованій, замѣтокъ и т. п., которыя онъ или помѣщалъ въ разныхъ юбилейныхъ³ или иныхъ сборникахъ⁴, или постепенно печаталъ въ изданіяхъ Академіи Наукъ подъ общими заглавіями «Kleine Koptische Studien» и «Koptische Miscellen»⁵, соединяя затѣмъ въ большіе тома-сборники.

¹ Das Triadon. Ein sahidisches Gedicht mit arab. Übersetzung. I. Text. St. P. 1908. XVII + 251 + 3 табл. Рецензія E. Anderson, Sphinx, IX, 131 — 133.

² Bruchstücke Koptischer Märtyrerakten. I—V. Зап. Имп. Акад. Наукъ. XII, № 1. 1903. XII + 84 + 1 табл.

³ Miscellanea Coptica. Aegyptiaca. Festschrift für G. Ebers. 37 — 41. Zwei Koptische Fragmente aus den Festbriefen des heiligen Athanasius. Recueil de travaux redigés en mémoire du jubilé scientifique de M. D. Chwolson (Berl. 1899), 169 — 197. — Два фрагмента борджіанской рукописи изъ 1-го и 25-го пасхальнаго посланія св. Афанасія В.

⁴ Die Thalassios-Legende bei den Kopten. Corpus Hamleticum. Cf. Byzant. Zeitschr. IX (1900), 382 — 387.

⁵ Изв. 1907, 141 — 151, 495 — 510; 1908, 56 — 72, 191 — 208, 589 — 605, 1067 — 1089, 1923 — 1954; 1909, 341 — 364, 393 — 404; 1910, 61 — 86, 169 — 185, 347 — 370, 1097 — 1128, 1461 — 1468; 1911, 327 — 348, 453 — 468, 927 — 940, 1135 — 1158, 1237 — 1266; 1912, 163 — 180, 517 — 529; 1913, 538 — 554, 627 — 638; 1914, 485 — 513, 525 — 540, 915 — 934; 1915, 205, 226.

Съ 1899 года онъ напечаталъ 58 статей, какъ «Kleine Koptische Studien»¹ составившихъ большой томъ и два выпуска и 150 «Miscellen» въ двухъ томахъ. Это былъ какъ бы единоличный органъ по коптовѣдѣнію, въ которомъ О. Э., не откладывая до большого исчерпывающаго изданія, сообщалъ свои наблюденія надъ коптскими текстами, свои лексическія и грамматическія изысканія, конъектуры, восстановленія текстовъ, замѣчанія по поводу изданій, выходявшихъ за это время. Ни одна работа по коптовѣдѣнію не проходила мимо его критики, которая, при всей корректности тона, нерѣдко была безпощадна... «Im Laufe der letzten zwanzig Jahre sind nicht wenige Koptische Texte herausgegeben und übersetzt worden, doch können lange nicht alle den Anspruch erheben, grossen Nutzen gebracht zu haben. Ebenso wie auf dem Gebiete des hieroglyphischen ist auch auf dem Gebiete des Koptischen nicht wenig gesündigt worden. Es ist aber die höchste Zeit, dass auch hier mit dem alten Sauerteige aufgeräumt² werde» — таковы справедливыя слова строгой филологической школы, представителя того поколѣнія египтологовъ, которое дало Эрмана, Штейндорфа и ихъ учениковъ, успѣшно ведущихъ свою науку къ акрибіи классической филологіи. О. Э. неуклонно проводилъ эту программу въ своихъ работахъ, исправляя плохія изданія, очищая тексты, осторожно, остроумно и убѣдительно восстанавливая ихъ изъ жалкихъ остатковъ строкъ и словъ и возвращая наукѣ. И здѣсь ему помогало, между прочимъ, хорошее знаніе Библіи и необычайное терпѣніе въ поискахъ. Онъ неоднократно указывалъ на то, что безъ этихъ качествъ нечего приниматься за работу надъ коптскими текстами. Къ этому, конечно, необходимо прибавить, что слѣдуетъ обладать дѣйствительнымъ знаніемъ коптскаго языка и что такое знаніе его, какимъ отличался покойный, принадлежитъ къ числу исключительныхъ явленій — онъ понималъ и чувствовалъ всѣ тонкости этого языка, его грамматики и лексики.

Кромѣ мелкихъ замѣтокъ грамматическаго и лексическаго характера, кромѣ замѣчаній къ текстамъ и разборовъ изданій ихъ, въ сборникахъ мы находимъ и крупныя работы, лишь по недоразумѣнію причисленныя къ «Kleine Studien». Таковы, напр., этюды: XVIII. «Bemerkungen zum koptischen Kambyeses-Roman», XLIII «Zu einer Rede des Athanasius», XLV «Bemerkungen zu einigen Werken des Shenute», LVI «Zu einem Encomium auf den hl. Claudius», LVII. «Zu einem Encomium auf den hl. Athanasius». Первый, кромѣ многочисленныхъ текстуальныхъ замѣчаній къ памятнику, открытому и изданному Шеферомъ, кромѣ исправленій переводовъ, касается характера и источниковъ «романа о Камбизѣ». Онъ высказываетъ мнѣніе, что авторомъ былъ пламенный египетскій патриотъ, начитанный въ Библіи, особенно хорошо знавшій пророка Іеремію, знакомый съ классиками, напр. Геродотомъ и Ксенофонтомъ. Самое произведеніе не столько романъ о покореніи Египта, сколько похвальное слово египетскому народу. Онъ даетъ послѣ Пунтона и Эрмана новое доказательство въ пользу знакомства коптовъ съ греческой классической литературой. Другія большія работы, комбинируя собранный О. Э. матеріалъ съ изданнымъ, восстанавливаютъ большія части важныхъ памятниковъ святоотеческой и житійной литературы; въ послѣднемъ онъ снова возвращается къ старой темѣ о похвальномъ словѣ св. Афанасію

¹ Изв. Акад. Наукъ X (1899), 408—434. XIII (1900), 1—163. XIV (1901), 289—313. XXI (1904), 041—0289. XXV (1906), 01151—0193. Записки Имп. Акад. Наукъ. VIII, № 12 (1908), стр. 68. XI № 4 (1912), стр. 146 + 3 табл.

² Alexanderroman, XVI.

Христіанскій Востокъ.

В., для воссозданія котораго матеріалъ успѣлъ въ значительной степени увеличиться. Не будемъ останавливаться на многихъ другихъ, болѣе мелкихъ статьяхъ того же характера, столь же важныхъ не только для коптовѣда, но и для изслѣдователя древнехристианской письменности вообще, упомянемъ только объ этюдѣ IX «Zur Geschichte der Bekehrung der Iberer zum Christenthume», развитіемъ котораго было изслѣдованіе «Iberica»¹. Здѣсь авторъ указываетъ на хорошую взаимную освѣдомленность коптовъ и грузинъ, обусловленную іерусалимскими сношеніями, собираетъ соотвѣтствующій матеріалъ съ возможной полнотою и доказываетъ, что настоящимъ именемъ св. Нины было Θεογνοστα, Нина же является нарицательмъ ποππα=ὠβννα. Этюдъ IV собираетъ въ коптской письменности свѣдѣнія объ Индіи и т. п.

Труды О. Э. доставили ему почетное имя во всемъ ученомъ мірѣ и вызвали рядъ въ высшей степени благопріятныхъ отзывовъ въ ученыхъ изданіяхъ. Еще въ 1903 г. Seymour de Ricci посвятилъ его ученой дѣятельности специальную статью². Масперо въ рецензіи на *Kleine Koptische Studien* говоритъ, напр., слѣдующее: «M. de Lemm est sans contredit le mieux armé et le plus doué de sens critique de tous les savants qui depuis vingt ans se sont occupés de la dernière forme de la langue égyptienne. Non seulement il connaît ses textes à merveille, quand même ils sont encore cachés dans les bibliothèques les plus lointaines de l'Europe, mais il les manie avec une habileté et une sûreté de methode qui n'est qu'à lui. C'est plaisir de lui voir prendre un passage incomplet, ou mal publié, ou qui contient des mots absents du dictionnaire, puis, le restituer, le redresser, réunir des exemples en quantité et en tirer le sens qui avait échappé à ses prédécesseurs. Si l'on voulait lui adresser un reproche, ce serait peut-être de ne pas savoir s'arrêter à temps et de continuer son explication quand elle est déjà plus que suffisante à prouver sa thèse, mais dans un domaine aussi inexploré encore qui oserait dire qu'une démonstration est vraiment trop longue?»³... Покойный, шведскій египтологъ Karl Piehl въ своей рецензіи на одинъ изъ его трудовъ пишетъ, что онъ «mérit de servir de modèle à qui-conque est désireux d'apprendre comment on doit s'y prendre, lorsqu'il s'agit de composer un ouvrage de philologie copte»⁴.

Будучи большой ученой силой международнаго значенія, О. Э. и для русской науки оказалъ существенныя услуги, хотя только двѣ изъ своихъ статей написалъ на русскомъ языкѣ⁵. Онъ былъ первымъ у насъ университетскимъ египтологомъ и, несмотря на свою кратковременную преподавательскую дѣятельность, успѣлъ укоренить въ петроградскомъ, а чрезъ него и въ другихъ русскихъ университетахъ традиціи нашей науки, и притомъ въ то время, когда интересъ къ той области научнаго знанія былъ еще у насъ ничтожный, когда

¹ Зап. Акад. Наукъ, VII (1906), № 6. Рецензія Anderson, *Sphinx*, X, 35 — 38.

² Les études Coptes en Russie et les travaux de M. von Lemm. *Revue Archéologique* 1903, II, 302 — 318.

³ *Revue Critique* 1905, 323 — 4. Ср. *ibid.* 1907, 124. 1913, 403 — 4.

⁴ *Sphinx*, 4, 45.

⁵ Кромѣ указаннаго реферата «Коптская легенда о нахожденіи Гроба Господня» онъ помѣстилъ еще текстъ къ цвѣтной таблицѣ изъ коптской рукописи съ миниатюрами, напечатанной Московскимъ Музеемъ Изыщныхъ Искусствъ (6. колл. Голенищева), подъ заглавіемъ: Отрывокъ изъ посланія ап. Іакова на коптскомъ языкѣ. Изъ собр. В. С. Голенищева № 4786. Памятники Музея Изыщныхъ Искусствъ. I, 59, табл. X. См. еще его замѣчанія по поводу нашего доклада въ Русск. Археол. Общ. о препод. Кирѣ. Зап. Восточн. Отд. XV, XVIII.

занятія египтологіей считались чуть ли не чудачествомъ, если не чѣмъ либо худшимъ и когда даже въ ежедневной печати могли появляться подписанныя людьми, причастными наукѣ, статьи, въ которыхъ съ пренебреженіемъ говорилось, что въ университетѣ могутъ находиться и охотники заниматься египетскими іероглифами... Но не на одной университетской кафедрѣ О. Э. былъ представителемъ своей науки въ Россіи—всѣ мы были свидѣтелями его неутомимой, богѣе чѣмъ тридцатилѣтней дѣятельности въ Азіатскомъ Музеѣ Академіи Наукъ, учрежденіи, столь дорогомъ и близкомъ сердцу каждаго русскаго ориенталиста, порядокъ, богатство, гостепріимство и уютность котораго въ значительной мѣрѣ были обусловлены личностью и дѣятельностью покойнаго. Для благоустройства музея онъ не тяготился никакой работой, хотя бы она и не всегда, казалось, соответствовала ученому, и притомъ съ такимъ именемъ, какое было у него. Благодаря его стараніямъ, отдѣлы классическаго и христіанскаго Востока стоятъ въ Музеѣ на должной высотѣ. Наконецъ, сколько ученыхъ и не ученыхъ обращалось въ стѣнахъ Музея за совѣтомъ и справками къ О. Э. и сколько научныхъ свѣдѣній такимъ путемъ ему пришлось распространить. Отмѣтимъ еще одну черту научной дѣятельности покойнаго. Въ своихъ многочисленныхъ работахъ онъ привлекалъ и русскій и вообще славянскій матеріалъ и указывалъ на русскую ученую литературу, косвенно давая понять необходимость знанія того и другой для занимающихся письменностью христіанскаго Востока.

Ученое наслѣдство покойнаго чрезвычайно богато. Послѣ него осталось множество копій коптскихъ и эіопскихъ рукописей, сдѣланныхъ съ оригиналовъ въ библіотекахъ Берлина, Парижа, Лондона, Неаполя, Турина, собраній б. Голенищевскаго и Лихачевского, фотографіи различныхъ коптскихъ текстовъ, нѣсколько вполне законченныхъ работъ и огромное количество замѣтокъ. Такъ, имъ вполне приготовлены къ печати изслѣдованія о легендѣ объ обрѣтеніи гроба Господня, бывшей темой его доклада въ Археологическомъ Обществѣ, о коптскомъ переводѣ творенія Елифанія о 12 камняхъ, объ ахимискомъ заклинаніи, о страданіи Ап. Симона, замѣтки къ новому изданію коптскихъ текстовъ Budge, изданіе двухъ похвальныхъ словъ Іоанну Крестителю, серія новыхъ Кортише Miscellen и т. д. Весь этотъ матеріалъ, обогатившій Азіатскій Музей, потребуетъ многихъ лѣтъ для изданія и разработки.

Б. Тураевъ.

Памяти І. А. и Д. А. Кипшидзе и С. Ломія¹.

Случай, часто бывающій изумительнымъ, сдѣлалъ то, что я занимался армянскимъ терминомъ, названіемъ созвѣздія «трехъ маговъ», когда мнѣ вручили письмо отъ 24-го іюня 1919 г. изъ Тифлиса о смерти трехъ моихъ учениковъ, въ томъ числѣ и І. А. Кипшидзе. Кавказовѣдный небосклонъ не великъ, еще менѣе обширенъ онъ въ перспективѣ нашей школы, и я нисколько не смущаюсь на такомъ маломъ небосклонѣ, далеко не насчитывающемъ полноты созвѣздій, далеко вообще не звѣздномъ, и мелкія свѣтлыя точки приравнять къ свѣтиламъ. Для насъ, ищущихъ утѣшенія больше въ предпріятіяхъ будущихъ, чѣмъ стяжаніяхъ прошлаго, три покойныхъ работника были тремя звѣздами изъ пояса Оріона.

Случайно, конечно, совпаденіе ихъ смерти.

Смерть двухъ молодыхъ грузиновѣдовъ не имѣетъ какъ будто особаго отношенія къ смерти старшаго изъ почившихъ — І. А. Кипшидзе, развѣ она нарушаетъ и то, что казалось достаточно жизненно оправдываемымъ въ стихѣ Шоты изъ Рустава — «Встрѣчу устройтъ въ концѣ Земля юношамъ со старцами»: тутъ всѣ молодые, и старшій между ними І. А. Кипшидзе далеко былъ отъ грани старости, ему не было и сорока лѣтъ.

Однако І. А. Кипшидзе, несомнѣнно, былъ причиной или поводомъ къ тому, что къ кавказовѣдѣнію приобщился его младшій братъ, Д. А. Кипшидзе, тутъ по связи крови, по семейной связанности, да и С. Ломія, тутъ уже по кровной связи адепта съ предметомъ спеціальнаго изученія І. А. Кипшидзе — мегрельскимъ языкомъ; С. Ломія былъ мегрель.

С. Ломія былъ самымъ молодымъ изъ трехъ лишь въ качествѣ питомца Петербургскаго Университета. До вступленія его въ учащуюся среду Ломія учительствовалъ въ сельской школѣ. Онъ не былъ первымъ въ этомъ отношеніи: такова была жизненная школа и Вукола Беридзе, и изъ этой школы, со слабымъ еще тогда здоровьемъ, и тогда еще носившій въ себѣ болѣзнь, унесшую его въ могилу, скромный, спокойный, тихогласный Ломія настойчиво работалъ, методически припадая въ Петроградскомъ Университетѣ ко всему тому,

---

¹ Эти нѣсколько словъ памяти почившихъ моихъ учениковъ были прочитаны въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія Русскаго Археологическаго Общества, членомъ котораго состоялъ І. А. Кипшидзе.

что удавалось нашему бывшему факультету восточных языковъ, да и не одному нашему факультету, давать по части кавказовѣдѣнія или соприкасающихся съ нимъ наукъ. По окончаніи курса, владѣя въ достаточной для начинающаго работника мѣрѣ знаніемъ и грузинскаго, и армянскаго языковъ, онъ по своей инициативѣ занялся діалектическими изысканіями въ той живой средѣ мѣшаннаго населенія ахалцихскаго уѣзда, гдѣ исконная грузинская и исконная армянская рѣчь, да впоследствии внесенная турецкая и еще позднѣе вторично армянская рѣчь, не способствуютъ уясненію національных межъ, а скорѣе замѣтають слѣды дѣйствительныхъ межплеменныхъ демаркаціонныхъ линій. С. Ломія въ эту среду былъ направленъ не научной командировкой и не академической работой, а политической пропагандой, какъ партійный дѣятель: онъ былъ грузинскимъ социалистомъ-федералистомъ, и тѣмъ болѣе ему чести, что въ захватывавшей его политической борьбѣ онъ не упускалъ изъ виду научныхъ интересовъ, усвоенныхъ имъ въ пониманіи петроградской школы. Какъ живой стоитъ онъ передо мною, когда въ іюнѣ 1917-го года въ одной изъ комнатъ гостиницы «Сѣверные номера», въ Тифлисѣ, явившись подѣлиться своими наблюденіями по посѣщенному имъ Ахалцихскому, да и Ахалкалакскому околотку, тихо, но съ увлеченіемъ энтузіаста дешифрировалъ сокращенно занесенные имъ въ дневникъ лингвистическіе и археологическіе факты. Сообщенія его послужили лишнимъ стимуломъ, чтобы маршрутъ мой изъ Тифлиса въ Ани, вопреки привычкѣ пользоваться обычнымъ короткимъ желѣзнодорожнымъ путемъ по Карсской дорогѣ, направить на лошадахъ черезъ Боржомъ, Ахалцихъ, Ахалкалакъ и т. д. Для меня его устный докладъ сдѣлалъ вполне яснымъ, что въ Ломіа мы имѣемъ работника, способнаго не только подмѣчать въ натурѣ любопытные факты, но и производить научно важные наблюденія, да и самостоятельно намѣчать построенія, къ которымъ они клоняются. Потому естественно, что, не располагая лично достаточнымъ временемъ для предполагавшихся мною работъ по грузинскимъ говорамъ въ указанномъ районѣ, гдѣ господствовала нѣкогда мескійская грузинская рѣчь—*par excellence* литературная, и древняя, средневѣковая (достаточно сказать, что это рѣчь поэта Шоты изъ Рустава), я спокойно передоверилъ ему исполненіе намѣчавшейся мной въ общихъ чертахъ для себя программы, предоставивъ ему свободу въ конкретизаціи отдѣльныхъ заданий. Съ этой лингвистической программой онъ былъ первымъ, получившимъ научную командировку отъ Кавказскаго Историко-Археологическаго Института. Отчетная работа его по командировкѣ хранится въ названномъ Институтѣ, какъ то сообщаетъ Г. Н. Чубиновъ.

Въ заключеніе отмѣчу, что еще въ первыхъ попутныхъ своихъ наблюденіяхъ Ломіею было обращено вниманіе на Мурджахетскую стелу близъ Ахалкалака, въ описаніи Ростомова и въ опредѣленіи Е. С. Такайшвили (какъ фаллъ) вызывавшую сомнѣніе покойнаго Я. И. Смирнова и подозрѣніе, не имѣемъ ли въ ней вишапа. Совершенно ясно описанные и сопровождаемые рисункомъ ея детали въ первомъ, еще устномъ, докладѣ о личной его, Ломіи, побѣздкѣ меня убѣдили, что въ памятникѣ мы дѣйствительно должны имѣть дѣло съ вишапомъ. Въ дальнѣйшемъ это подтвердилось при личномъ осмотрѣ (стелъ оказалась пара), и, такимъ образомъ, благодаря покойному Ломіи днемъ раньше установилось, что районъ распространенія вишаповидныхъ стелъ не ограничивался Гехамскими горами въ Эриванской губерніи, доходя на сѣверо-западъ до верхняго теченія Куры, до Ахалкалака.

Я. И. Смирновъ въ моей памяти тѣсно связанъ и со спеціальнымъ направлѣніемъ, которое приняли работы Д. А. Кипшидзе—археологическія. Еще въ 1914-мъ году Д. А. Кипшидзе былъ однимъ изъ трехъ, которымъ было мною довѣрено производство раскопокъ въ селѣ Мурѣ (Mug-1), у вратъ Сваніи, въ поискахъ мѣста погребенія Максима Исповѣдника: это были Н. Н. Тихоновъ (убитый у Карпатъ въ великой войнѣ, 14-го мая 1915-го года), прошедшій техническую школу по производству раскопокъ въ Ани и въ то же время искусный исполнитель фотографическихъ снимковъ археологическаго матеріала, Е. Д. Микеладзе, грузиновѣдъ, принимавшій годомъ раньше, именно въ 1913-мъ году, участіе въ анійскихъ раскопкахъ, и Д. А. Кипшидзе, которому было поручено осмотромъ близлежащихъ памятниковъ и опросомъ окрестнаго населенія найти для освѣщенія древностей въ Мурѣ опору или пережиточныя ихъ самихъ отклики въ мѣстныхъ памятникахъ матеріальной культуры и мѣстныхъ народныхъ преданійхъ. Порученіе было выполнено съ добросовѣстностью, со скрупулезностью стараго опытнаго филолога (Е. Д. Микеладзе тогда было списано житіе Максима Исповѣдника по цѣнному тексту Мартвильской рукописи въ Мегреліи X-го вѣка). Д. А. Кипшидзе мнѣ казался боѣе по расположенію своему и подготовкѣ призваннымъ работать въ области письменныхъ или устныхъ литературно-филологическихъ изысканій. Но на государственномъ экзаменѣ у Я. И. Смирнова на меня произвели впечатлѣніе продуманные и совершенно зрѣло научно сформулированные отвѣты Д. А. Кипшидзе на задававшіеся ему вопросы по Уплис-цихскимъ пещерамъ, въ рисункахъ Dubois. Въ 1915-мъ году Д. А. Кипшидзе былъ приглашенъ мною въ Ани для описанія пещерныхъ построекъ средневѣковаго армянскаго городища. Д. А. Кипшидзе и въ этотъ разъ съ избыткомъ оправдалъ оказанное ему довѣріе. О результатахъ его анійскихъ работъ я имѣлъ честь обстоятельно докладывать въ Восточномъ Отдѣленіи въ одномъ изъ отчетовъ объ анійскихъ кампаніяхъ. Плодъ кропотливыхъ настойчивыхъ его работъ, въ видѣ весьма толстой рукописи, снабженной фотографическими снимками, лежитъ у насъ здѣсь въ Петроградѣ, въ архивѣ Кавказскаго Историко-Археологическаго Института. Мы всѣ, бывшіе въ Ани, были свидѣтели, какъ не щадя силъ, не жалѣя себя, Д. А. Кипшидзе, страдавшій туберкулезомъ, съ точностью хронометра выполнялъ дневныя задания своей обширной работы. Когда у меня возникла мысль, восполнить изслѣдованіе использованныхъ въ средніе вѣка для современнаго христіанско-культурнаго строительства пещерныхъ помѣщеній описаніемъ Вардзійскихъ пещеръ въ Грузіи, близъ Ахалкалака, и это предпріятіе сдѣлать однимъ изъ первыхъ въ работахъ Кавказскаго Историко-Археологическаго Института, мнѣ казалось, что лучшаго исполнителя я не могу найти, какъ описатель пещерныхъ помѣщеній Ани, и Д. А. Кипшидзе былъ командированъ Кавказскимъ Историко-Археологическимъ Институтомъ вмѣстѣ со спеціальнымъ фотографомъ. Онъ былъ командированъ одновременно съ Ломіа, вмѣстѣ съ Ломіа, и вмѣстѣ съ отчетной работой Ломіа хранится и отчетная работа Д. А. Кипшидзе въ Тифлисѣ въ Кавказскомъ Историко-Археологическомъ Институтѣ, какъ пишетъ Г. Н. Чубиновъ.

Д. А. Кипшидзе былъ захваченъ Вардзійскими пещерами. Его письма, получавшіеся мною въ Ани, были большимъ удовлетвореніемъ, внушавшимъ не только увѣренность въ успѣшности данной задачи по Вардзій, но и въ полученіи работника спеціалиста вообще по средневѣковымъ пещернымъ постройкамъ

Кавказа. Однако, Д. А. Кипшидзе отнюдь не терялъ интереса къ литературно-филологическимъ изысканіямъ. Заявившій себя еще на студенческой скамьѣ серьезнымъ отношеніемъ къ грузино-палестинскимъ разысканіямъ, когда изданный мною синодикъ Крестнаго монастыря былъ сдѣланъ предметомъ ряда докладовъ слушавшихъ одновременно лекціи по грузинскому языку и грузинской литературѣ Блейка, Ломія, Д. А. Кипшидзе, я передалъ Д. А. Кипшидзе мой списокъ житій грузинскихъ дѣятелей въ Палестинѣ для подготовки текста къ изданію и русскаго перевода. И здѣсь я имѣлъ лишній случай убѣдиться въ большой скрупулезности молодого работника, волновавшагося, что или въ переводѣ или въ подлинномъ текстѣ что либо имъ недосмотрѣно, что либо ускользнуло отъ его вниманія, и бравшаго не разъ готовую работу для пересмотра. Сейчасъ работа эта цѣликомъ набрана, давно набрана (всего 17 гранокъ Христіанскаго Востока), и давно была бы сверстана, напечатана и издана, если бы не переживаемые нами типографскія условія. Д. А. Кипшидзе, не чуждый родныхъ національныхъ интересовъ, по складу своего характера былъ типичнымъ ученымъ работникомъ, находившимъ полноту жизненнаго своего удовлетворенія въ научныхъ занятіяхъ.

Того же склада по существу былъ и І. А. Кипшидзе, со смертью котораго престарѣлый отецъ, священникъ, лишился единственной поддержки и остались вдова его самого съ малолѣтними дѣтьми. Если бы не семейныя обстоятельства и совершенно справедливыя опасенія одинаковыхъ трудностей для семьи пережить наступившія условія вмѣстѣ съ нимъ въ Петроградѣ или въ разлукѣ съ нимъ въ Тифлисѣ, І. А. Кипшидзе остался бы въ нашихъ рядахъ на своемъ посту ученаго работника, призваннаго углублять свою специальность отстаивать ея далеко не всѣми въ научномъ мірѣ признанные права все той же научной работой, онъ несъ бы вмѣстѣ съ нами всѣ тяготы петроградскаго сидѣнія ученыхъ.

Лишь по общественной средѣ, въ которой І. А. Кипшидзе росъ, онъ увлекаемъ былъ политическими интересами. Жизнь Кавказа была такова, что уроженецъ его безъ политическаго интереса, притомъ политическаго интереса съ національнымъ уклономъ, такъ же былъ бы не реалентъ, какъ въ настоящихъ нашихъ условіяхъ жизнь безъ спекулянтовъ.

І. А. Кипшидзе былъ воспитанникъ той православной семинаріи въ Кутаисѣ, которую впоследствии властямъ пришлось закрыть, такъ какъ каждое серьезное просвѣтительное учрежденіе въ переживавшихся на Кавказѣ условіяхъ являлось источникомъ пониманія ихъ несносности и необходимости ихъ упразднить. Большинство грузинскихъ дѣятелей социаль-демократической партіи происходило изъ грузинъ-имерцевъ и грузинъ-гурійцевъ, и добрая часть ихъ, особенно работавшихъ въ сельскомъ населеніи, въ самыхъ глухихъ углахъ Грузіи, была изъ питомцевъ Кутаисской семинаріи. І. А. Кипшидзе, также изъ грузинъ-имерцевъ, также воспитанникъ духовной семинаріи въ Кутаисѣ, не могъ избѣгнуть той же жизненной школы. Одно время, спасаясь отъ полицейскаго надзора, вынужденъ былъ провести зимніе мѣсяцы, полные лишеній, въ Сваніи, нестерпимой по условіямъ жизни именно зимой, гдѣ въ реальной средѣ І. А. Кипшидзе очень еще молодымъ, по всей видимости, пришлось по своему передумать объ усвоенныхъ имъ пропагандой идеяхъ.

Интересъ къ нимъ однако І. А. Кипшидзе сохранялъ и въ Петербургѣ въ первые годы студенчества, когда за присутствіе изъ любопытства на неле-

гальномъ собраніи въ одномъ изъ рабочихъ кварталовъ, І. А. Кипшидзе былъ высланъ на Кавказъ безъ права вернуться въ столицу; будучи студентомъ физико-математическаго факультета по естественному отдѣленію, І. А. Кипшидзе усердно посѣщалъ наши лекціи и успѣшно занимался и по грузинскому, и по армянскому языкамъ; это знаніе личное І. А. Кипшидзе по лекціямъ мнѣ даю возможность вступить за него, и ректору удалось добиться разрѣшенія для І. А. Кипшидзе вернуться на короткій срокъ въ Петербургъ, чтобы онъ могъ сдать экзамены и зачетныя работы по физико-математическому факультету, и затѣмъ проститься съ нашимъ Университетомъ. Была еще надежда дальше выхлопотать ему право на проживаніе въ Петербургѣ, какъ студенту, занимавшемуся на факультетѣ восточныхъ языковъ. Не знаю, сдать ли онъ свои экзамены или зачетныя работы по возвращеніи въ Петербургъ, но по приѣздѣ въ Петербургъ І. А. Кипшидзе съ физико-математическаго факультета перешелъ на факультетъ восточныхъ языковъ, и про него забыла бдительная полиція.

І. А. Кипшидзе кавказовѣдныя занятія свои по переходѣ на факультетъ восточныхъ языковъ повелъ совершенно сознательно и продуманно въ смыслѣ плана, какъ лингвистъ, и вскорѣ, еще студентомъ, онъ могъ быть призванъ къ сотрудничеству въ начатомъ тогда предпріятіи по изслѣдованію яфетическихъ языковъ шипящей группы, въ то время именовавшейся «тубал-кайнской». Въ 1909-мъ году въ вакаціонное время онъ былъ командированъ факультетомъ восточныхъ языковъ въ Мегрелію уже «для продолженія изученія на мѣстѣ мингрельскаго языка». Тогда еще І. А. Кипшидзе имѣлъ попутное порученіе «собрать дополнительные матеріалы по чанскому языку въ Русскомъ Лазистанѣ», и тогда еще послѣ совершенныхъ имъ уже лингвистическихъ экскурсій по Мегреліи располагалъ результатами въ видѣ «грамматики мингрельскаго языка, мингрело-русскаго словаря и хрестоматіи», въ процессѣ подготовки для изданія, какъ писалъ онъ въ предисловіи работы о чхальскомъ говорѣ, озаглавленной «Дополнительныя свѣдѣнія о чанскомъ языкѣ (изъ лингвистической экскурсіи въ Русскій Лазистанъ, Пет. 1911). Это являлось необходимымъ, не терпѣвшимъ отлагательства дополненіемъ къ моей грамматикѣ чанскаго языка.

По части обработки грамматики живой рѣчи І. А. Кипшидзе былъ большой мастеръ, какъ то можно видѣть по литографированной грамматикѣ грузинскаго языка въ серіи курсовъ кавказскихъ туземныхъ языковъ для кандидатовъ на судебныя должности Министерства Юстиціи (Пб. 1911). Мнѣ пришлось нѣсколько разъ быть на его лекціяхъ для посѣтителей названныхъ курсовъ, и вполне понимаю, почему слушавшіе его студенты и въ Университетѣ высоко цѣнили его преподавательскій талантъ.

І. А. Кипшидзе, отойдя совершенно отъ политическихъ интересовъ къ научнымъ, сохранилъ свое социаль-демократическое, тогда и на Кавказѣ отнюдь не окрашенное націонализмомъ настроеніе. Этому помогали и характеръ специальныхъ лингвистическихъ его занятій, и вообще факультетская или университетская, пропитанная научными интересами атмосфера Петербурга. Уже то, что І. А. Кипшидзе, грузинъ, взялся за изслѣдованіе и составленіе грамматики мегрельскаго языка съ точки зрѣнія мѣстной національной оцѣнки было преступленіе. І. А. Кипшидзе имѣлъ смѣлость въ самомъ Кутаисѣ, передъ грузинской аудиторіею, пѣлую лекцію посвятить значенію мегрельскаго языка и необходимости его изученія, и былъ повидимому, смущенъ холоднымъ прие-

момъ, но не поколебленъ въ правильности своего отношенія къ вопросу о мегрельскомъ языкѣ.

На грамматикѣ мегрельскаго языка, магистерской диссертациі покойнаго, я не буду останавливаться. Когда я давалъ о ней отзывъ, нѣкоторымъ показавшійся черезчуръ восторженнымъ, я не зналъ, что работа эта получитъ особую цѣнность для рѣшенія ряда важнѣйшихъ вопросовъ, въ томъ числѣ скинскаго. Но тогда уже было ясно, и постепенно это еще болѣе выяснилось, что въ І. А. Кипшидзе имѣемъ работника, на котораго спокойно можно возложить дальнѣйшее обнаруженіе всего фактическаго богатства живой рѣчи шипящей группы яфетическихъ языковъ. Болѣе того, я увѣренно и спокойно ждалъ, какъ къ нему перейдетъ естественно и работа надъ сванскимъ языкомъ, съ которымъ его связывали и воспоминанія совсѣмъ молодыхъ годовъ. По чанскому языку онъ сдѣлалъ еще дальнѣйшіе успѣхи по углубленію нашихъ знаній, далеко опережающіе то, что имѣется въ моей работѣ.

Но І. А. Кипшидзе отнюдь не былъ лишь работникомъ по живымъ письменнымъ или письменнымъ яфетическимъ языкамъ. Его умѣніе мастерски справляться съ трудностями древне-грузинскихъ текстовъ было основано въ значительной мѣрѣ на большой работѣ, которую онъ велъ по грузинской лексикографіи: это порученное ему Академіей Наукъ изданіе неподобнаго по содержательности, несмотря на небольшой на видъ его размѣръ, грузинскаго словаря С. Орбелиана. Порученіе было исполнено блестяще и по быстротѣ и исчерпывающей полнотѣ использованія всѣхъ рукописныхъ списковъ (около 30), имъ же предварительно классифицированныхъ. Внимательный пересмотръ первыхъ шести гранокъ меня лишній разъ убѣдилъ въ высокой цѣнности произведенной І. А. Кипшидзе работы. Будетъ понятно, почему я вполне довѣрялся его переводамъ съ грузинскаго, убѣдившись въ ихъ высокомъ качествѣ. И въ ХВ, и въ ВАСГ я избѣгалъ подписывать къ печати грузинскія части, безъ предварительнаго просмотра имъ. Сотрудники названныхъ изданій изъ грузиновѣдovъ, весьма извѣстные своими специальными знаніями, могли не замѣтить, отъ какихъ досадныхъ недосмотровъ и погрѣшностей освобождалъ ихъ изданія и переводы такой просмотръ, сдѣланный І. А. Кипшидзе.

Развернувшіяся съ февральской революціи событія увлекли всѣхъ трехъ въ водоворотъ злободневныхъ политическихъ происшествій, однако Д. А. Кипшидзе оставался въ сторонѣ отъ чисто политическихъ дѣлъ, въ поискахъ средствъ къ жизни для обезпеченія себѣ возможности научныхъ занятій въ Тифлисѣ. Съ теченіемъ времени имѣлось въ виду, по открытіи вакансіи, привлечь Д. А. Кипшидзе въ постоянные работники Кавказскаго Историко-Археологическаго Института, какъ и Ломія. Но Ломія оказался въ Рештѣ, гдѣ онъ и умеръ.

І. А. Кипшидзе былъ въ составѣ преподавательскаго персонала Грузинскаго (Тифлисскаго) Университета, и лишь на одинъ моментъ выступаетъ онъ какъ свѣдующее лицо при переговорахъ въ Трапезундѣ съ турками объ уступкѣ Грузіи Лазистана по провозглашеніи кавказскимъ сеймомъ отдѣленія Кавказа отъ Россіи. І. А. Кипшидзе въ письмѣ, подъ впечатлѣніемъ видѣннаго, давалъ мнѣ чувствовать трезвую оцѣнку совершавшагося на его глазахъ особой редакціей сообщенія о происшедшемъ. Онъ писалъ: «Турки не только не сообразовали уступить намъ Лазистанъ, но, наоборотъ, потребовали себѣ Батумъ. Мы вернулись». І. А. Кипшидзе поддержку могъ находить для душевнаго равновѣсія

лишь въ научныхъ работахъ, въ которыя онъ вошелъ слишкомъ основательно, чтобы замѣнить ихъ иными интересами.

Но насъ сейчасъ не займутъ привходящія личные его качества (необычайное спокойствіе и безграничная терпимость), а также достоинства важныя и для ученаго, методичность работы, большая работоспособность, аккуратность (безъ его содѣйствія мы до сего дня не имѣли бы и перваго выпуска грузинской библіографіи). Намъ хотѣлось охарактеризовать разность выбора предметовъ изслѣдованія у трехъ работниковъ, нынѣ покойныхъ.

Небо наше кавказовѣдное не звѣздное, матеріалы кавказовѣдные богатые, громадныя, когда мы съ письменными соединяемъ и живые — какъ словесныя, такъ вещественныя, и лежатъ они какъ въ безпорядочномъ архивѣ, случайно нагромодившись точно послѣ столпотворенія, и когда мы лишаемся трехъ новыхъ путеводныхъ свѣтильниковъ, загоравшихся или уже разгоравшихся, съ какими подходили три работника, каждый къ объектамъ своей специальности, то становится темно не только на и безъ того бѣдномъ нашемъ небосклонѣ, но и на душѣ, а въ живомъ архивѣ кавказовѣдныхъ матеріаловъ еще темнѣе, еще мрачнѣе.

Н. Марръ.

Разныя извѣстія и замѣтки.

— *Сигель грузинскаго царя Ираклія II о князьяхъ Аргутинскихъ.* Печатаемый ниже сигель грузинскаго царя Ираклія II-го, отъ 28 августа 1783 года данный въ подтвержденіе княжескаго достоинства грузинскихъ тавадовъ (князей) «Аргуті»-овыхъ (არგუთაძე), извлеченъ нами изъ архива Тифлискаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія (д. старой комиссіи № 53, ч. 2-я). Это — доселѣ еще не изданный въ подлинникъ документъ, касающійся фамиліи исторіи князей Аргутинскихъ-Долгорукихъ. Въ виду большого интереса, вызываемаго этимъ документомъ, мы его приводимъ съ параллельнымъ нашимъ русскимъ переводомъ. Этотъ-же сигель въ армянскомъ переводѣ изданъ прот. Гютомъ Аганянцемъ (*Յովսէփ Կաթողիկոս Արղութեան*, ч. I, 1778—1800 [*Դրան Լալոց Պատմութեան*, кн. IX], Тфл. 1911, столб. 395—396).

Сигель писанъ на плотной бомбинѣ, въ 31,5×46,8 см., въ 2 стр. красивымъ почеркомъ военнаго письма, причемъ самый текстъ состоитъ изъ 24 строкъ, включая сюда и датировку, изъ коихъ 20 на страницѣ лицевой, а остальные 4 на страницѣ оборотной.

Встрѣчаемый въ сигелѣ терминъ *მეფეობაჲრი* мы приводимъ въ видѣ *მეფეობაჲრი-მთავარი*, а географическое названіе *სამცხე სათავადო* — въ видѣ *სამცხე-საქათავადო*. Кстати, интересно отмѣтить также наличие въ сигелѣ формъ *საქათავადოსი* вм. *საქათავადოსი*, *ბორჩალოსი* вм. *ბორჩალოსი*, *უკახაბი* вм. *უკახაბი*, *პატვიტყმულ* вм. *პატვიტყმულ*. Наконецъ, обращаемъ вниманіе на использование мн. числа въ оборотѣ *საგნაზოთა ღერბთა მათთა, რომელიცა შედგმულ არს ესრეთ* (21—22) вмѣсто *საგნაზოთა ღერბსა ზედა მათსა, რომელიცა შედგმულ არს ესრეთ*.

Наличный въ сигелѣ терминъ *მთავარი*, означающій вообще князя, *властельнаго князя*, въ данномъ случаѣ мы переводимъ какъ *обладатель*. Хотя *მზარგმლო* въ дословномъ переводѣ означаетъ «Долгоплечій», по-арм. *ბრყანაშիրლი*, *გერ. ბრყანაშիրლი*, или *ბრყანაშ* (ср. Асл. Шахназарянъ, *Զարարիան (ბრყანაშაშლი) თინაშ ბაგირი, ყაղპრ դეაქი Զորագետ և Կարորդները*, — «*Շաղակի*», кн. I, Эчм. 1913, стр. 67, прим., однако въ данномъ случаѣ мы его оставляемъ въ традиціонной формѣ «Долгорукій», соотвѣтствующей арм. *ბრყანაშაშლი*. Географическое названіе *სამცხე* на сей разъ употреблено не въ смыслѣ «Сомехія» (Сомх-ет-и), провинціи политической Грузіи, но — какъ «Арменія». Тамару, равно Русудану какъ царствовавшихъ женщинъ надѣляютъ титуломъ *მეფე მეფე*, въ грузинскомъ, за отсутствіемъ грамматическаго рода, общимъ для царствующихъ лицъ и мужского и женскаго пола (у грузинъ *დედაფალი* *dedopal-i* *государыня*, *царица* обычно прилагается къ супругамъ царей и вообще господствующимъ князьямъ и династиямъ), но на рус-

скомъ языкѣ естественно и шее въ такихъ случаяхъ приходится передавать словомъ «царица», слѣдовательно выраженіе მეფეთა თამარისა და რუსუდანისა надлежитъ перевести — «царица Тамары и Русуданы».

Остается еще указать, что въ подлинномъ текстѣ знаки препинанія разставили мы, отнюдь не придерживаясь пунктуаціи, существующей въ самой рукописи. Не сохранены нами также обычныя сокращенія подъ титлами: ღისათა (1) — ღის (13), რმელ (7) — რმელსაცა (14), გა (8, 12, 19), ყდ (18), ჟდ (18).

ქ. წყალობითა ღთისათა ჩვენ ირაკლი
მეორე, მეფე ქართლისა და მეფე კახეთისა,
მეშველდრითაფარი სამცხე-საქათაზაგოსა, მთა-
ვარი ფაზისისა, მთავარი ზორჩალოსა, მთავარი
5 სამშაღილისა, მთავარი კაკისა, მთავარი შაქისა,
მთავარი შირვანისა, მჭურბული | და მბრძანე-
ბელი განჯისა, ერევნისა და სხვათა, ვინათგან
ყოველი ჩინებულეა შთამომავლობითა და
იმკიცების სიძველითა გვართათა და ჩინებუ-
10 ლეობითა წინაპართა, ამისთჳს არა უმიზეზო
არს, რათა ჩვენმიერი წამება მისცემოდით
არლუთანთ, რომელ არიან მკარგძეღნი,
ვითარმედ არიან სომხისთა და ივერიასა შინა
გვარნი დიდნი და ჩინებულნი, ვითარცა სწა-
15 მეზენ ისტორიანი ჩვენნი და უფროსად ისტო-
რია | მეფეთა თამარისა და რუსუდანისა, თა-
ვალთა შაქარია ამირ-სპასალარისა და იოანე
ათაბაგისთჳს, რომელთაცა ერთგულეა მე-
ფეთა ქართლისთა ბაგრატიონთა ზედა ცხად |
20 არს ყოველთა შინა გუგართა და უფროსად
საკნიაზოსა ღერბსა ზედა მათსა, რომელიცა |
შედგმულ არს ესრეთ: ფარი ვეცხლის ადგი-
ლით, ზედა მას დროშა ანუ მოვარაჟა, ვითარცა |
ნიშანი სპასკეობისა, რომელსაცა ზედა გა-
25 შოსასულ არს სატი ყოვლად-წმიდისა ღმრთისა |
დედისა, რომელსაცა უყურის მარცხნივ სიტყვა
იგი საუკუნოზა მამისა, ძეა თჳსი, ქვეშე სა-
ტისა შორის არს განპყრობილ მკლავი კმლითა
მარჯვნივ, ვითარცა ცხად-მოფი გვარობი-
30 თისა სიმსხისა მათისა, და მარცხნივ ფარი
პირქვე მდებარე და მას ზემოს წორედ დადგ-
მული შუბი. და ყოველი ესე არის დაგვრგ-
ნებულ ზემო სათავადოსა გვრგვნითა. ამათ
ყოველთა ჩინებულეათა გვარობითა მათთა
35 ცხად ვჰყოფთ ყოველთა მიმართ, ვითარმედ
ესრეთ პაციფიკემულ ყოფილან, ვითარცა
ცხად გვიქმნიეს ამას შინა ყოველითა სამართ-
ლითა და | ნიშნითა შესაბამისთა. და ვითხოვთ
ყოვლად დიდებულსა ყოველისა როსსიისა
40 ზაიმპერატორსა || კარისაგან, რათა ღეროდ-

„Божією Милостью мы, Ираклій вто-
рой, царь Картіліи и царь Кахѣи, наслѣд-
ный обладатель Самцхе-Саатбаго, обла-
датель Казаха, обладатель Борчалу, обла-
датель Шамшадига, обладатель Каха,
обладатель Шаки, обладатель Ширвана,
владѣтель и повелитель Ганджи, Эри-
вани и проч. Поелику всякая знатность
потомковъ подтверждается древностью
рода и достославностью предковъ, то по-
тому не было бы лишено основанія, если
отъ насъ дано было бы удостовѣреніе
Арѓутъовымъ, которые суть Долгорукіе,
о томъ, что они являются въ Арменіи и
Иверіи родомъ великимъ и знатымъ,
какъ то свидѣтельствуютъ исторіи наши
и, въ особенности, исторія царицъ Тама-
ры и Русуданы о князьяхъ Захаріи амир-
спасаларѣ и Іоаннѣ аѳабагѣ, которыхъ
преданность картілійскимъ царямъ Ба-
гратіонамъ очевидно повсѣмъ гуджа-
рамъ и, въ особенности, по ихъ княже-
скому гербу, который составленъ такъ:
щитъ изъ серебра [мѣстами (по мѣстно-
сти?)], надъ нимъ знамя или позолота,
какъ символъ «спасенія»ства, на которомъ
изображенъ образъ пресвятой Богома-
тери, держащей шуйцею Слово вѣчнаго
Отца, Сына Своего; подъ образомъ же—
справа простертая рука съ саблею, какъ
показатель доблести ихъ рода, а слѣва
щитъ, ничкомъ лежащій, и на немъ пря-
мо установленное копые; и все это увѣн-
чано сверху княжескою короною. Обо
всѣхъ сихъ показателяхъ знатности ихъ
происхожденія мы объявляемъ всѣмъ,
что они (Арѓутъовы) были въ такомъ по-
четѣ, какой выявленъ нами по всѣмъ за-
коннымъ основаніямъ (букв.: всѣмъ прав-
дамъ) и клейму Шах-Аббаса (?). И про-

სადა შინა როსსიის კეთილშობილთას აღრიცხულ იქმნას მსარგებლოად.
[ხელის მოწერილობა] ერეკლე. [ბეჭედი]

მიეცა სამეფოსა ქალაქსა შინა ჩუტნსა
45 ცფილისსა (1783): წელსა | აგვისტოს: (28):
ოცდა მეთცხრამეტესა წელსა მეფობისა ჩუტნისსა.

симъ Императорскій Дворъ превеликой
всёя Россіи, дабы и въ російской ге-
рольдѣи благородныхъ <они> зачи-
слены были Долгорукими.

[Подпись:] Ираклій. [Печать].

Данъ въ царственномъ градѣ на-
шемъ Тифлисѣ 1783 года 28 августа,
въ лѣто царствованія нашего трид-
цать девятое“.

Л. Меликсетъ-Бекъ.

— *О фрагментъ грузинской версіи «Дѣтства Христа»*¹ (Къ критикѣ грузинскаго текста). Версію эту издатель Л. Меликсетъ-Бекъ считаетъ восходящей, «судя по всѣмъ даннымъ, къ греческому оригиналу»². Въ числѣ этихъ данныхъ особенности текста должны бы быть учтены на первомъ мѣстѣ. Текстъ представляетъ самостоятельный интересъ и независимо отъ его мѣста въ средѣ различныхъ версій «Дѣтства Христа», какъ памятникъ древнегрузинскаго литературнаго языка, древнегрузинскаго повѣствовательнаго стиля. Для стиля характерно особенно часто всплывающее, народное образованіе мн. числа — на -eb: Им. სირ-ებ-ი 6,3,4, Д. ცხოვრ-ებ-სა 1,3, Направ. სირ-ებ-ად 3,2. Естественно, въ текстѣ выступаетъ и синтаксисъ народной рѣчи, ед. число сказуемаго при народной формѣ мн. числа субъекта: სირ-ებ-ი აღფრინდა 6,2. Съ внесеніемъ народной струи въ языкъ текста въ тѣснѣйшей связи находится наличіе въ немъ народной фонетики, такъ, напр., народной разновидности слова უცოთთხვ: რცოთა 8,2, რცოთათურთ 9,1. Той же народной струей внесено въ текстъ колебаніе между უ и ჯ, такъ то თქუად 28,2, მოძღუარმან 26,1 и др., то თქვად 24,2, სხვანი 4,1, სიტყვად 23,1 и др., между თ и ზ, такъ—то ცხოვრ-ი (ცხოვრებსა 1,3), то ცხორ-ი (ცხორად 2,2). Полнымъ переходомъ къ народной рѣчи опредѣляется устраненіе ა въ Р. и 'Г. падежахъ: ქრისტ-ეს-ი въ заглавіи, ეგრეთ 21,1. Весьма вѣроятно потому, что писецъ произноситъ რ не по древнегрузинской нормѣ — რამეთუ, а რამეთუ 8,1, 11,2, et pass., какъ издано у М.-Б.-ва. Если не къ вульгаризмамъ, то къ діалектизмамъ относима форма მწრაფლ (<მწწრაფლ) 7,2 в.მ. მწრაფლ, какъ съ другой стороны, если не къ архаизмамъ, то къ діалектизмамъ месхійскимъ относится употребленіе მღერა въ значеніи *играть*: 1,1, იმღერეს 4,1. Мѣстами бросается въ глаза тотъ параллелизмъ выраженій, который Р. П. Блажкѣ въ своихъ штудіяхъ надъ стилемъ древнегрузинскихъ переводныхъ памятниковъ опредѣлилъ какъ особенность мѣстной рѣчи переводчиковъ, какъ вкладъ особой школы времени еще до Евеніи Святоторца, такъ, напр., წარსავლსათანა წუღოთ და ნაკადუღოთ (1,2: წუღოთ || ნაკადუღოთ).

Какъ вкладъ особой народной среды могло бы быть оставлено чтеніе ღღეჲა 34,2 в.მ. ღღეჲა, оно и сохранено: вульгаризмъ ღღეჲა возможенъ, діалектически существуетъ эта разновидность слова (ср. и ნებეჲა id.), и въ такомъ случаѣ въ ი в.მ. ი могла бы быть усмотрѣна не обычная описка въ заглавномъ церковномъ письмѣ, а отраженіе въ ней мегрельской разновидности—ღღე (по огла-

¹ См. выше (стр. 315—320) работу Л. Меликсетъ-Бекъ.

² II. с., стр. 315.

совкѣ ср. также г. *ძიძე* *кормилица*, діалектически — *ძიძე*). Нѣтъ однако увѣренности въ сохраненномъ нами чтеніи *ღიღღ*, изъ-за обилія въ текстѣ описокъ.

Въ текстѣ, предлежащемъ въ спискѣ М.-Б-ва. былъ рядъ безспорныхъ ошибочныхъ чтеній, именно — диттографическихъ: *მივიღოღა* *вм. მივიღოღა* 10,1, *ცბორად ცბორად* *вм. ცბორად* 2,2¹. Возможно, что дальнѣйшее искаженіе такой диттографической описки *ჰ ძეო* || *ჰ ძეო* имѣемъ въ странномъ чтеніи *ჰ ძელო* *ჰ ძეო* 9,1, едва ли «о древо, о сынъ». Чтенія эти, не имѣемъ основанія сомнѣваться, присущи самой рукописи согласно тому, что по словамъ М.-Б-ва копія его воспроизводитъ «всѣ особенности» оригинала «какъ въ отношеніи стили, такъ и орфографіи»². Однако нѣтъ основанія воспроизводить ошибочныя чтенія, хотя бы и оригинала, достаточно бы дать ихъ перечень для характеристики рукописнаго списка. Но возникаетъ у меня сомнѣніе, насколько тутъ имѣемъ дѣло съ дѣйствительными чтеніями самой рукописи, а не ихъ воспроизведеніемъ въ копіи М.-Б-ва, когда *вм. ჟ* появляется *ჟ* въ слѣдующихъ случаяхъ³: «ვერ იტყვის» 12,2, «იგი იტყვად» 16,1, «იგი ვითარისა» 16,2 или, наоборотъ, *ჟ* *вм. ი*: «მცირესა» 17,2, особенно же когда *вм. ჟი* появляется *ჟი*: «ყოფილ ხარო» 20,4, «ყოფილ არს» 21,4, «შობილ ხარო» 23,2, «უთბილესად» 25,2, «ყოფილი» 33,2⁴.

И тогда начинаю предполагать, что «*ვიყო*» *вм. იწყო* 6,2 плодъ такого же недоразумѣнія, какъ «*გეგავსა*» *вм. გეგავსა* 16,2-3 и «*აღკრულებულ*» *вм. აღსრულებულ* 22,1, между тѣмъ въ копіи М.-Б-ва именно эти невозможныя чтенія — «*ვიყო*», «*გეგავსა*» и «*აღკრულებულ*» нами, повятно, замѣненныя единственно возможными правильными. Въ связи съ этимъ возникаетъ сомнѣніе и въ правильности чтенія *ჰჟუ* 6,1, 9,1, 10,2 et pass. въ 3-мъ лицѣ съ отношеніемъ *вм. ჰრჟუ*, (безъ отношенія — *ჟჟუ* 17,1, 23,1), и хотѣлось бы знать, возстановливаетъ ли самъ М.-Б-овъ сокращеніе этого слова подѣ титломъ или воспроизводитъ такое полное написаніе, какъ наличное въ самой рукописи, когда онъ пишетъ *ჰჟუ*.

При такихъ явныхъ искаженіяхъ текста, отъ кого бы они ни исходили, трудно мириться съ фразой, напр. *ჰეტას მას ვარ მე ასწავებდ* 30,1-2, что весьма нескладно сложено и лишь съ нѣкоторымъ насиліемъ надъ свободнымъ строимъ грузинской рѣчи, отнюдь не чуждымъ тексту нашего памятника, можно бы перевести — «бетъ я подлежу быть обученнымъ». На самомъ дѣлѣ фраза, повидимому, гласила: *ჰეტას მას ვარ მე* (= *ვითარ-მე*) *ასწავებო* (или архаично *ასწავებდ*) «бетъ какимъ образомъ обучаете?» Обращеніе дѣлается къ тѣмъ, «кто не знаетъ и альфы» (30,1).

Послѣ этого трудно до полученія сличеннаго повторно съ рукописью списка строить на изданіи М.-Б-ва критику текста. Съ особеннымъ сомнѣніемъ

¹ Однако здѣсь, можетъ быть, повтореніе не по опискѣ, а для выраженія этимъ повтореніемъ мн. числа—въ значеніи «потоками». Такой стилистическій приѣмъ также могъ бы быть отнесенъ на счетъ вліянія живой рѣчи.

² См. ц. с., стр. 316.

³ Смѣшеніе *ჟ* и *ი* возможно подѣ перомъ неопытнаго переписчика, когда онъ списываетъ текстъ церковнаго письма, но не строчного, какимъ писана оригинальная рукопись нашего памятника, а заглавнаго.

⁴ Неопытному переписчику легко смѣшать церковныя строчныя буквы *ი* съ *ღ*. Мы имѣемъ основаніе быть неуверенными въ чтеніяхъ самого М.-Б-ва не только въ этомъ памятникѣ, но и въ изданномъ имъ сигелѣ (см. выше, стр. 341—343), гдѣ проявляется незнакомство со случаями употребленія мн. числа *вм. ед.* (ср. его разъясненіе мн. ч. *საგარეო ღვთისმეტყველს*), всплываетъ *შეიკრძალა* *ჰაჟი* и закрѣпляется переводомъ «обладатель (?) Каха» и т. п.

приходится признать, что нѣтъ увѣренности въ правильности чтеній $\text{ჰჰ}^{\text{ბ}}\text{ბ}^{\text{ბ}}$ (28,ა), $\text{მარ}^{\text{ბ}}\text{ბ}$ (25,ა), $\text{ჰჰ}^{\text{ბ}}\text{ბ}^{\text{ბ}}$ (31,ა), чтобы исходить отъ нихъ при ихъ толкованіи

Увѣренность въ правильности чтенія была бы необходима и для толкованія ряда терминовъ техники чтенія (31,ა-з), а равно для рѣшенія вопроса о такой детали, какъ появленіе въ текстѣ (9,ა) слова ბუბი *bun-i korēn*, армянскаго, гесп. *хайкскaго* происхожденія: возникаетъ вопросъ, внесено ли оно народной струею рѣчи, что могло совершиться и позднѣе, напр., въ месхской народной лингвистической средѣ, или это вкладъ литературнаго армянскаго вліянія, быть можетъ—показатель армянской рѣчи оригинала, съ котораго могъ быть переведенъ и нашъ апокрифъ.

Съ другой стороны, если вѣрно чтеніе მი-oh-am-de (29,1-2), то въ немъ на лицо не греческое названіе буквы $\mu\lambda$, какъ предполагаетъ М.-Б-въ, а грузинское названіе греческой буквы $\omega\mu\acute{\epsilon}\gamma\alpha$: ω въ грузинскомъ транскрибировали спеціальнымъ для него начертаніемъ ჰ , что и имѣлось, по всей видимости, въ занимающемъ насъ чтеніи მი-ჰ-ი-ბ-ბ «до ω », гесп. «до *омеги*». Позднѣйшимъ переписчикомъ, если, повторяю, вѣрно чтеніе მი-oh-am-de , это не понято, или онъ звуковое значеніе ჰ передалъ описательно двумя буквами მი-oh (ср. передачу греческой омеги въ армянскомъ также описательно двумя буквами ու-ov), приспособившись къ традиціонному грузинскому названію послѣдней въ грузинскомъ алфавитѣ буквы — ჰოე *hoe* (собственно мы ожидали бы: მი-ჰ-ი-ბ-ბ *mi-hoe-m-de*).

Переводъ А. С. Хаханова¹ нисколько не помогаетъ въ устраненіи сомнительныхъ чтеній. Оцѣнка М.-Б-вымъ работы² черезчуръ благопріятна сравнительно съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла. Мало сказать, что переводъ «сокращенъ» и «неточенъ», когда приходится имѣть дѣло съ переводческой работой, характеризуемой слѣдующими примѣрами.

Грузинскій текстъ:	А. С. Хахановъ переводить:	На самомъ дѣлѣ текстъ означаетъ:
1) 10,1-2: $\text{მკუთა მკარსა მისსა}$	«схватилъ его за плечи» (320,9-10)	<i>ударился</i> объ его плечо
2) 10,2: $\text{ბუ მისზე გზას მკარსა მისსა}$	«не дойти тебѣ до дому» (320,10)	«да не дойдешь ты туда, куда ты держишь путь» (букв. по пути твоему этому).
3) 12,2: $\text{უბუთუ გგე ურმა მისსა მისსა}$	«если этотъ отрокъ твой сынъ» (320,14-15)	если этотъ отрокъ <i>будетъ</i> съ тобой.
4) 12,2: $\text{ბეურთსევედეს ურ-ველთა}$	«благословляя..... дитя» (320,15)	благословляя... <i>всѣхъ</i> ³

¹ Очерки по исторіи грузинской литературы. Выпускъ II. Древняя литература до конца XII в., Москва 1897, стр. 319—321.

² «Русскій переводъ текста, хотя и сокращенный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неточный, былъ уже данъ А. С. Хахановымъ» (см. выше, стр. 316),

³ Можетъ быть, გველთა *всѣхъ* есть неправильное по чьему либо недосмотру чтеніе слова подъ титломъ გთ , гесп. $\text{გთ}=\text{გთ}$ *отрокохъ* или $\text{გთ}=\text{გთ}$ *дитей* или на лицо прямо описка, см. ниже, стр. 345, пр. 2 и 4).

- 5) 12,1: *რასათჳს ზო- „для чего ты соделалъ почему ты зло юдо-
რასათჳს იტყოდე зло?» (320,18) ринишь?*
6) 13,1: *ჟუკად გონიერ „не разумны» (320,18) достаточно¹ разумны.
აზრებ*

Изложение А. С. Хаханова представляет не переводъ, хотя бы сокращенный, а пересказъ съ особенностями, въ нашемъ текстѣ отсутствующими, какъ можно видѣть и по одному примѣру, именно груз. тексту 13,2—14—15,2:

сокращенный переводъ А. С. Хаханова   подлинное изложение въ русскомъ переводѣ.

«и Онъ съумѣетъ поставить дѣтей *იუდევეს* на путь, если же не примутъ *наставленія* его, то *потеряютъ наказанія*⁴. Они такъ спорили, и Иосифъ, разгнѣвавшись, взялъ Иисуса за ухо и сильно потянулъ («отяже зѣло»). Иисусъ же («негодунъ») сказалъ: довольно тебѣ искать меня и обрѣсти».

«И умѣю дѣтей² этихъ поставить на путь³ (букв. *смыдѣ*)». И затѣмъ онъ сталъ говорить такъ: «если они не воспримутъ *проклятія*⁵, то *воспримутъ истязаніе*».

14. Въ тотъ же часъ поносившіе его поголовно (|| сразу) ослѣпли, а Иосифъ, увидѣвъ (это), разгнѣвался и взялъ его за ухо и потянулъ.

15. Онъ же взглянулъ на Иосифа и сказалъ ему: «вотъ достаточно тебѣ искать меня и обрѣсти. Ты нынѣ берешь въ руки ученіе, (пользуясь) поводомъ».

Если бы не прямое подтвержденіе и М.-Б-ва, можно бы думать, что А. С. Хахановъ давалъ свое изложение по другому списку древне-литературнаго грузинскаго текста.

Что касается сокращенія, то его еще больше въ 16,1—20,4, какъ то изложено у А. С. Хаханова (390,26-33), особенно же въ концѣ—30,1—35,2, пересказанномъ имъ въ 321,5-12. При этомъ, переводить ли или пересказываетъ онъ, А. С. Хахановъ обѣгаетъ всѣ трудныя мѣста. Потому ускользаетъ возможность использовать работу А. С. Хаханова въ какой либо мѣрѣ для критики текста, для установленія чтенія въ мѣстахъ, сомнительныхъ по списку ли М.-Б-ва, доставленному для напечатанія, или по самой подлинной рукописи, такъ, напр., 30,2-

¹ Но вопросъ, не прочиталъ ли кто (но кто именно?) *ჟუკად* достаточно *ვმ.* *აზრებ* никакъ.

² *ჟუკად* собственно «сыновей».

³ Весьма интересно использование слова *kual-i* (чит. *kwai-i*) *смыдѣ* въ значеніи *пути*: хотя и наличное въ грузинскомъ, это спирантная разновидность слова отъ корня, эквивалента сибилантиныхъ корней *svl || shbl*, *гесп.* *shbr*, отъ которыхъ имѣемъ въ яфетическиххъ языкахъ *svla* *идити* (|| **hvl* (r. *vla id.* <**hvlā*) > *gvl*: св. и др.-г. *gwale* *иди*), арб. *سابيل* *zabil* *путь*, сир. *shavil id.*

⁴ Слав. переводъ не даетъ этого мѣста, ср. Сперанскій, *ор. cit.* [Слав. апокриф. евангелія] 103 (ц. с., 320,19-23): *ჟუკად* собственно «сыновей».

⁵ Быть можетъ, въ грузинской рукописи подлинное чтеніе *ჟუკად* *поученія, наставленія*, а не *ჟუკად* *проклятія*.

ѣнъ (25,з). Особенно поразительно полное умолчаніе А. С. Хаханова о технических терминахъ чтенія (31,з-з), требующихъ провѣрки, какъ они воспроизведены по доставленному М.-Б.-вымъ списку, гдѣ კჳჳრის (31,з) вызываетъ одно недоумѣніе. Впрочемъ на пропускъ А. С. Хахановымъ цѣлой фразы въ пересказѣ грузинскаго текста указываетъ разъ примѣчаніе его самого (321, пр. 4) — «Въ груз. есть соотвѣтствующее слав. тексту мѣсто: яко мѣдъ звѣняще или яко кругъ мѣдѣя звѣчающъ не престану. Сперанскій, ср. с. 104», но въ опущенной именно фразѣ ვითარცა რვალი ოხრეს და ვითარცა წინწილი ვუზნობ (28,з) «какъ мѣдъ стонетъ и какъ *უსლი*....» имѣется сомнительное, несомнѣнно испорченное чтеніе ვუზნობ, о чемъ ни слова. Быть можетъ, нашъ переводчикъ имѣлъ передъ собою нѣчто иное или вычитывалъ нѣчто болѣе разумное, чѣмъ совершенно бессмысленное чтеніе «ვუზნობ». Въ текстѣ, какъ то читается въ рукописи, очевидно, особое чтеніе сравнительно съ св. Писаніемъ — კობე (I Кор. 13,1: ვითარცა რვალი რომელი ოხრის გინა წინწილი რომელი კობე), откуда взята фраза. Сомнительное чтеніе «ვუზნობ» могло бы быть искаженіемъ ეზნობ = *ყუჩყჩი იუძათъ* въ качествѣ синонима глагола კობე *звучать*: глаголъ ეზნა въ значеніи «*иудѣть*», отъ ეზნ-ი *უსლი*, налиценъ въ слѣдующей главѣ того же текста I Кор. 14,7.

Таково же молчаніе о чтеніи მობე (29,1), переведенномъ по смыслу «до конца», и потому нѣтъ увѣренности, насколько исправленіе მობე въ მობე (см. выше, стр. 336), по существу неизбежное, поддерживается или нѣтъ самой рукописью.

И когда А. С. Хахановъ въ заключеніе по случаю обрывающагося текста пишетъ (стр. 321): «Очевидно, продолженіе, согласно съ греческимъ оригиналомъ, должно было заключить изложеніе о душевномъ состояніи Захѣя и далѣе приведенныя въ славянскомъ переводѣ чудеса», то, можетъ быть, это такъ и есть, т. е. можетъ быть, какъ то подтверждаетъ и М.-Б.-въ, памятникъ грузинской древней письменности переведенъ съ греческаго оригинала, но ни въ предварительномъ сообщеніи А. С. Хаханова, ни въ напечатанной выше замѣткѣ М.-Б.-ва (ХВ, стр. 315—320) не дано ни одно текстуальное основаніе, чтобы утверждать о такомъ согласіи грузинской версіи съ греческимъ подлинникомъ. Названія буквъ «альфа» и «бета»¹ могутъ встрѣчаться въ грузинскомъ текстѣ и независимо отъ греческаго языка подлинника, не говоря о томъ, что ихъ присутствіе уравнивается наличіемъ ბუ-ი *корень* армянскаго происхожденія². Тѣ же греческія названія наличны и въ армянской, и арабской версіи. Стилистическія особенности текста, какъ онѣ выявляются при наличномъ доступномъ намъ его состояніи, главнымъ образомъ ихъ народность, если и указываютъ на переводчика, то менѣе всего на Евѣиміа Святогорца, менѣе всего вообще на аѳонскую школу.

Н. М.

— *Изъ гурійскихъ народныхъ преданій о постройкѣ Зарзмскаго монастыря съ преданіями о переселенцахъ изъ Месхіи и Абхазіи въ Гурію.* У гурійцевъ есть тѣсныя связи съ извѣстнымъ монастыремъ въ Зарзмѣ, расположеннымъ въ древней Месхіи и въ началѣ текущаго столѣтія реставрированнымъ трудами архит. Свиньина и скончавшагося минувшею (1919) весною живописца А. С.

¹ Но не «ми»: упоминанія этой буквы въ нашемъ грузинскомъ текстѣ нѣтъ (см. стр. 346).

² См. тамъ же.

Славцева, — реставрированнымъ, въ значительной мѣрѣ особенно въ архитектурномъ отношеніи лишь отремонтированнымъ, еще тогда, когда его мѣстоположеніе опредѣлялось скромными административными терминами — «въ Ахалцихскомъ уѣздѣ Тифлисской губерніи»: Зарзма находилась между обращеннымъ изъ резиденціи паши въ уѣздный городъ Ахалцихомъ и вновь народившимся курортомъ Абастуманомъ. Имѣется письменный документъ о такой связи извѣстнаго Шемокмедскаго монастыря въ Гуріи съ Зарзмой, въ частности о перенесеніи зарзмской иконы «главной — Преображенія Господня» изъ Зарзмы въ Шемокмедъ, въ церковь, специально по тому случаю построенную¹. Эти связи прославленныхъ богомолий и святыхъ или ихъ перенесенія, съ другой стороны, переплетаются съ переселеніями отдѣльныхъ родовъ изъ той или иной области въ Гурію, а преданія объ этихъ переселеніяхъ представляютъ въ свою очередь большой этнологическій интересъ и въ томъ случаѣ, когда они касаются культурно-историческихъ эпохъ, хотя бы новѣйшихъ, такъ какъ они открываютъ путь къ очисткѣ племенного состава мѣстнаго коренного населенія отъ позднѣйшихъ наслоеній. Вѣдь подлежитъ еще опредѣленію первичный составъ населенія Гуріи. Нынѣшнее населеніе бесспорно тѣсно связано съ Месхією и Джавахією, но въ болѣе древнемъ слоѣ является органической частью сроднаго и нынѣ населенія приморскихъ же областей Мегреліи (Эгриса или Геріи), страны колховъ, Лазики и Абхазіи, слѣдовательно, частью и того первоначальнаго племенного ядра, которое постепенно этнически же осложнялось и перерождалось въ захватывавшемъ край историческомъ процессѣ прохожденія обитателей Гуріи черезъ культурно-историческія эпохи соотвѣтственно политическимъ образованіямъ, прото-историческому герскому съ колхскимъ (доисторическому для европейскаго античнаго міра) и сравнительно позднимъ историческимъ, лазскому и абхазскому². Е. С. Такайшвили уже привелъ по моей записи четверостишіе изъ народной гурійской пѣсни о построеніи церкви въ Зарзмѣ нынѣ гурійцами, выходцами изъ нея³. Записалъ я его 2/15 августа 1903 г. со словъ моего вотчина С. Т. Гугушвили въ сел. Саквавис-ткѣ (Sakvavistke) на правомъ берегу р. Супсы⁴. С. Т. Гугушвили, собственно Гугускуа, нынѣ покойный († 1918), самъ былъ выходцемъ изъ Мегреліи. Онъ разсказалъ:

«Настоящая фамилія Мгалоблишвили — Баладзе. Они переселились изъ окрестностей Зарзмы. Зарзмская церковь построена, судя по ихъ словамъ, ими. Имѣется стихотвореніе, начинающееся такъ:

სამს მამს ზღაპრებს
ზარზმას ღაცებს მკლესი

«Три брата Баладзе въ Зарзмѣ по-
ставили церковь».

Дальше мой источникъ не помнилъ стиховъ, могъ только сказать по-грузински съ гурійскимъ произношеніемъ — «ихъ много (ბევრი ჩაგუქებლი)», и обѣщалъ доставить полный списокъ, заключивъ, что «они, Мгалоблишвили, до

¹ Е. С. Такайшвили, Археологическія экскурсіи, разысканія и замѣтки. Вып. I, Тифлисъ 1905, стр. 4 (отд. отт. изъ СМ, XXXV).

² Привходящихъ этническихъ вторженій материковыхъ народовъ, въ томъ числѣ иверовъ-имеровъ, а равно вселеній, лишь этнологически, пока лингвистической палеонтологіе выясняемыхъ племенъ, напр. дзиковъ, сейчасъ не касаюсь, не смотря на ихъ громадное перерождающее или первотворческое значеніе въ рѣчи мегрельскаго (герскаго) и въ связи съ нимъ и лазскаго населенія.

³ ц. с., стр. 5.

⁴ Въ Чохатуурскомъ участкѣ Озургетскаго уѣзда Кутаисской губерніи.

сихъ поръ ходять въ Зарзму на богомоліе», «несутъ туда жертвы (ჰესწირავთ მიაქვთ)».

Полнаго списка я такъ и не дождался. Но по справкѣ тогда же у одного изъ Мгалоблишвили, именно Сіо Мгалоблишвили, выходило, что стихотворенія о Баладзе теперь никто не помнитъ полностью. Сообщенное же мнѣ четверостишіе не точно передаетъ то, что онъ слышалъ. Онъ же слышалъ и знаетъ слѣдующее четверостишіе, которое и было издано затѣмъ Е. С. Такайшвили:

სამა მამა ბალაძემა
ზარზმას ღაცა ბალავერი,
ვინც თორმეტი ჩამოიღეს,
აგი არის ფალავერი.

«Три брата Баладзе въ Зарзмѣ поставили «верхній камень»¹, кто, (хотя бы собравшись группою въ) двѣнадцать, низложить² его, тотъ — герой».

Сіо Мгалоблишвили далѣе разсказалъ:

«Когда первые выходцы рода Мгалоблишвили появились въ Гуріи, въ нашемъ ущеліи, то въ Эркетѣ³ былъ Джуматскій епископъ. Мгалоблишвили принесли икону Зарзмскаго св. Георгія и поставили въ Шемокмедской церкви⁴. Во время службы выходцы приняли участіе въ пѣніи. Епископъ обратилъ вниманіе на ихъ стройное пѣніе и пріятные голоса. Послѣ службы епископъ пораспросилъ ихъ. Узнавъ, что они изъ Зарзмы и знатоки пѣнія, онъ назначилъ ихъ пѣвчими церковными (მგალობელი m-galob-el-i), а также поручилъ имъ нѣсколькихъ лицъ для обученія пѣнію. Отсюда наличная ихъ фамилія Мгалоблишвили (mgalobli-shvil-i). Рабовъ (kma) имъ пожаловалъ владѣтель Гуріи — Гуріэлъ. Каждый третій годъ Мгалоблишвили и ѣздятъ теперь на богомолье въ Зарзму».

Въ томъ же околоткѣ съ выходцами еще другими изъ Зарзмы и вообще изъ Ахалцихскаго края сошлись переселившіеся изъ Абхазіи Шарашидзе, какъ то видно изъ слѣдующихъ мѣстныхъ преданій, сообщаемыхъ мною по разсказу всего того же С. Т. Гугушвили:

«1) Тодріа (თოდრია, Thodria), крестьяне, живутъ въ с. Яноулѣ⁵. Ихъ подлинная фамилія — Алавис-дзе. Они — высленцы изъ окрестностей Зарзмы. Тодріа, по ихъ словамъ, не были крестьянами, но по переселеніи сюда, въ Гурію, оскудѣли и искали покровительства Мгалоблишвили, коихъ крѣпостными и состояли они до освобожденія. По словамъ же Мгалоблишвили, Тодріа принадлежали имъ еще на родинѣ.

«2) Дворяне Джакелы (Dakel), живущіе въ с. Саквавис-ткѣ (Sakwawis-tke)⁶, считаютъ себя происходящими изъ Ахалциха. Ихъ подлинная фамилія — Атабагъ (Atabag). Ихъ сородичи нынѣ мусульмане. Когда еще живъ былъ Иванъ Джакелъ, отецъ моихъ сосѣдей», продолжалъ мой освѣдомитель, «къ намъ

¹ Касательно перевода термина balaver, гезр. balavat словомъ «тимпанъ» см. выше, стр. 290 сл.: «Два грузинскихъ архитектурныхъ термина «ачрдил» и «балавар»».

² დასრულს букв. «возьметь (сверху и поставитъ) внизъ».

³ ერკეზ — селеніе на лѣвомъ берегу Супсы, противъ правобережнаго Саквавис-ткѣ. Въ немъ церковь со старинной росписью.

⁴ О связи Шемокмедскаго монастыря съ Зарзмскимъ см. выше.

⁵ На лѣвомъ берегу р. Супсы съ началомъ у самаго выхода ея изъ тѣснинъ, противъ правобережной крѣпости, по варицательному имени которой (ჯიჯი ბიჭი) называется и все селеніе — Цихъ, расположенное также на правомъ берегу насупротивъ с. Яноула.

⁶ На правомъ берегу р. Супсы, непосредственно ниже с. Цихъ.

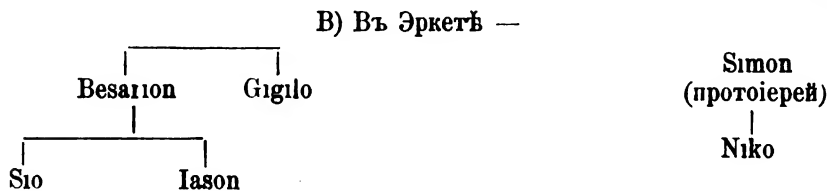
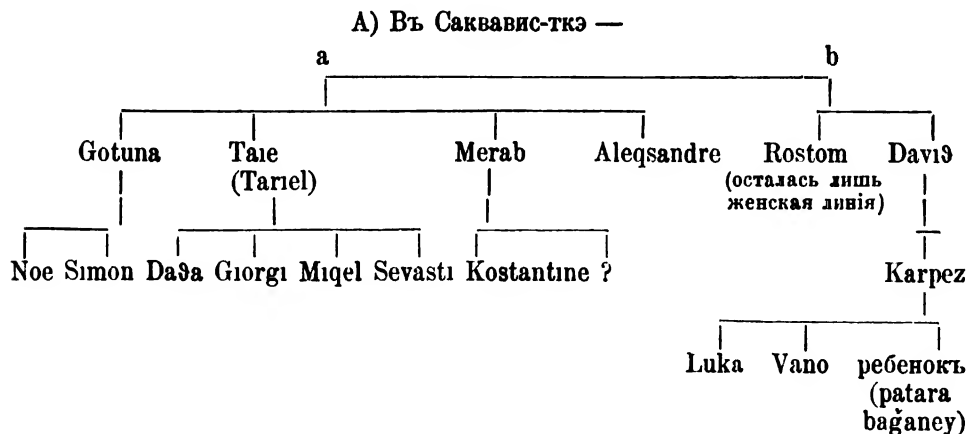
привезагь родственникъ съ дарами (ძღუპნი). Привезъ онъ тогда корову, съдобныя печенія (ბჭუჭი) и еще кое-что».

«3) Оsepешвили (Osepe-shvil), въ с. Саквавис-ткэ, также выселенцы изъ Ахалциха. Подлинная ихъ фамилия Майсурадзе».

«4) Настоящая фамилия Котрикадзе, крестьянъ въ с. Саквавис-ткэ, также иная; они равнымъ образомъ выходцы изъ Ахалциха».

«5) Элизбаровичи (Elisbari-shvil) Шарашидзе, родственники Эриставовъ гурійскихъ. Были два брата, выселившіеся изъ Абхазіи. Элизбаровичи, происходя отъ одного изъ этихъ братьевъ, жили въ с. Яноулъ. Другіе Шарашидзе побочные. До послѣдняго времени у нихъ, потомковъ двухъ братьевъ, Элизбаровыхъ Шарашидзе и Эриставовъ, было общее жертвоприношеніе (საგნო სამღვთო საგნო სამღვთო)».

Въ этихъ преданіяхъ меня смущаетъ разсказъ про крестьянъ Тодріа, поскольку настоящая ихъ фамилія ოodri-а позднѣйшая, слѣдовательно, данная въ Гуріи, области этнографически, во всякомъ случаѣ по языку грузинской, между тѣмъ ოodri-а по формѣ мегрельская фамилія, и судя по ней ихъ въ пору считать скорѣе выходцами изъ Мегреліи. Правда, и въ Мегреліи этотъ типъ фамильнаго словообразованія отнюдь не коренной мегрельскій, а усвоенный отъ иной этнографической среды, именно сванской (-i-āp > -i-ap), съ діалектической особенностью, утратой не только долготы ā, но и исходнаго p, и такая сванская морфема отнюдь не могла быть чуждой въ древности и въ Месхіи, и въ Абхазіи.

Эту генеалогическую таблицу современныхъ представителей зарэмскихъ выходцевъ Мгалоблишвили, въ селахъ Яноулъ и Эркетъ¹, мнѣ удалось установить лѣтомъ 1903 года.

Н. М.

¹ Эркетскіе Мгалоблишвили считаются въ родствѣ съ основными вѣтвями въ Яноулъ, гурійскіе побочные.

— *Имена Буть и Иоасафъ въ армянскомъ быту.* Въ ближайшіе дни имѣеть появиться въ свѣтъ VI-я книга серіи Bibliotheca Armeno-georgica съ армянскимъ эпиграфическимъ текстомъ, трудъ І. А. Орбели, собственно одинъ изъ первыхъ выпусковъ его труда по армянской эпиграфикѣ, озаглавленный «Надписи Гандзасара и hАвоцпука». Самъ матеріалъ, и критически, и технически образцово публикуемый въ немъ, пока лишь въ подлинникѣ армянскомъ, безъ перевода и безъ комментаріевъ, возбуждаетъ рядъ вопросовъ и представляетъ разнообразный интересъ не только эпиграфическій, но и культурно-историческій. Въ частности матеріалъ этотъ вынуждаетъ ставить новые вопросы по армянскому *onomasticon*у или даетъ ту или оную поддержку ставившимся раньше вопросамъ по именамъ у армянъ. Сейчасъ я хочу остановить вниманіе лишь на двухъ именахъ, выписанныхъ въ заголовкѣ настоящей замѣтки. Въ замѣткѣ, имѣющей давность 24—27 лѣтъ, «Имя Буть или Будъ въ армянской надписи VII вѣка по Р. Х.» (ЗВО, т. VIII, стр. 322—325) установленію существованія такого имени, повторяющаго имя переводчика, по сирійскому сообщенію, сказочнаго сборника «Казила и Димна», помогла одна изъ древнѣйшихъ армянскихъ надписей изъ Ширака, Багаранская. Теперь на основаніи удосто-вѣреннаго провѣркой на мѣстѣ чтенія ктиторской надписи 30-й изъ Гандзасара (ц. с., стр. 15) можемъ утверждать, что имя Буть у армянъ продолжало существовать до XIV—XV вѣка: надпись не датирована, но она этой эпохи. Съ именемъ «Иоасафъ», также связаннымъ съ литературнымъ памятникомъ индійскаго происхожденія, иное положеніе. Армянская прозаическая версія повѣсти о Варлаамѣ и Иоасафѣ, въ двухъ редакціяхъ — краткой и пространной, изслѣдователями вопроса о названной душеполезной повѣсти датировалась съ большимъ колебаніемъ, то временемъ Багратидскихъ царей (Сопубеаге), то XV-мъ вѣкомъ, временемъ внесенія повѣсти въ армянскій сборникъ житій святыхъ (Zotenberg). Богѣ близкое знакомство съ реальнымъ положеніемъ дѣла у армянъ давало основаніе приурочить появленіе армянской версіи къ XII—XIII вѣку (Н. Марръ, рецензія на *The Barlaam and Josaphat Legend in the ancient Georgian and Armenian Literatures*, ЖМНП, стр. 490, Месропъ, Тэръ-Мовсесянъ, *Նկարագրութիւն հոգեւոր վարդապետականի, որով թագաւորին հիւնար», Вагаршапатъ 1897, стр. 142—144). Но слѣдовъ вліянія повѣсти въ быту армянъ, въ частности популярности именъ мы не могли прослѣдить раньше XVI—XVII вѣка: первымъ вспоминался поэтъ Иоасафъ. Было засвидѣ-тельствовано знакомство армянъ съ этимъ и другими именами изъ повѣсти лишь въ письменномъ памятникѣ безъ точной и прочной датировки, приблизительно XIII—XIV вѣка (Н. Марръ, Къ вопросу о «Варлаамѣ и Иоасафѣ». Изъ армянской Географіи, приписываемой Вардану, ЗВО, т. IV, стр. 397). Въ надписяхъ обычныхъ изданій имя *Յովհաննէս* || *Յովհաննէս* встречается въ началѣ XIII вѣка (Vim. tag. 1211 в, 1234; см. также *Միակնի* 40, 41). Изъ гандзасарской надписи XIII-го вѣка въ новомъ изданіи (№ 2, стр. 4), чтенію котораго можемъ вполне довѣриться, не только на лицо имя героя повѣсти Иоасафа, но это имя успѣло и формально стать бытовымъ, приспособленнымъ къ особенностямъ мѣстной фонетической среды, раздѣлявшей, очевидно, одно звуковое явленіе, перерожденіе среднихъ въ звонкіе въ паузѣ съ древне-литературной грузинской рѣчью, гдѣ Elisabeth становилось Elisabed, Iosef—Ioseb и т. п. Послѣднія двѣ строки, заключающія названную надпись, въ русскомъ переводѣ гласять: «Въ праздникъ Антонія 1 день службы монаху Иоасафу по волѣ вели-*

каго hАсана», и вотъ здѣсь имя по-армянски звучитъ не Yōasaf (въ вульгарномъ чтеніи Novasaf), а Yōasab (въ вульгарномъ чтеніи Novasab). Эти заключительныя строки не органическая часть основного текста надписи, а, повидимому, приписка, но приписана письмомъ основного текста надписи, и она одного съ нимъ времени. Основной текстъ повѣствуетъ о завершении храма постройкой въ 1238-мъ году, объ его освященіи въ 1240-мъ, и онъ высѣченъ не позднѣе 1261-го года, судя по синхронизмамъ. Слѣдовательно, въ половинѣ XIII-го вѣка въ армянской средѣ совершалась служба (поминальная) по монахѣ, носившемъ имя Іоасафъ въ формѣ съ особенностью мѣстнаго произношенія. Очевидно, сама душеполезная повѣсть съ этимъ именемъ должна была появиться у армянъ не позднѣе конца XII-го вѣка, чтобы къ указанному времени получить значеніе календарнаго имени, да еще въ монашескомъ кругу. Съ послѣднимъ обстоятельствомъ можетъ быть связанъ иной еще интересъ того же имени, иное его значеніе, поскольку дѣло идетъ объ армянской церковной средѣ въ Гандзасарѣ, т. е. въ предѣлахъ Албаніи, точнѣе — албанскаго католикосата, въ которомъ для насъ представляютъ большой историческій интересъ элементы былого въ краѣ халкедонитства, хотя бы пережиточные и формальные.

— *Якутскія параллели къ бытовымъ религіознымъ явленіямъ у кавказскихъ яфетидовъ.* «Бережа», собственно по-якутски «харыс», «харыста», выраженія «для перевода» которыхъ В. М. Іоновъ «не находитъ подходящихъ словъ» (Духъ-хозяинъ лѣса у якутовъ, Сборн. Музея Антр. и Этногр. при Ак. Наукъ, 1916, IV, стр. 4, прим. 2), судя по данному имъ же разъясненію¹, есть именно то, съ чѣмъ у свановъ и абхазовъ связана наличность такъ называемаго «охотничьяго языка». Въ дополненіе къ тѣмъ лексическимъ даннымъ (рѣчь именно о замѣнѣ словъ однихъ другими, а не объ особомъ фонетически или морфологически языкѣ), которыя собраны Дирромъ въ СМ, у меня имѣются неизданные пока сванскій и менѣе обстоятельно абхазскій матеріалы. У обоихъ яфетическихъ народовъ явленіе связано съ культомъ бога охоты, у свановъ того бога Апсата, наличнаго и у осовъ (осетинъ), съ названіемъ котораго отождествляется названіе у армянъ-христіанъ вообще Бога — aspat || asvat > astovaf и у грековъ — Σαρῳῆς, какъ разъяснено то въ посвященныхъ мною терминамъ Σαρῳῆς и арсаѣ замѣткахъ. У абхазовъ и еще въ болѣе сильной степени у грузинъ не разъ отмѣчалось (Еще о терминѣ ღათ qat-1 *образъ, подобіе*, XV, IV, 1916 г., с. 313) употребленіе названія языческаго бога qat (г. qat-1), resp. qa (абх. пə-qa) въ христіанской терминологіи въ значеніи *иконы*: у грузинъ, подвергшихся глубокой христіанизаціи, слово употребительно лишь въ смыслѣ *иконъ-образа, подобія*, поскольку дѣла не имѣемъ съ такими частями грузинскаго народа, какъ племя хевсурское или слой вообще грузинскаго населенія съ пере-

¹ Ц. м.: «Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (въ дорогѣ, при промыслѣ и т. д.) нѣкоторыя вещи и дѣйствія нельзя назвать настоящими словами или потому, что злой духъ можетъ услышать и причинить вредъ (вмѣсто ЫЦБІР сѣдло, ЫНДЫ вьюкъ говорятъ хара черное и т. п.), или потому, что обидится ічіи [хозяинъ, духъ-хозяинъ] (вмѣсто названія урочищъ, рѣкъ и пр. говорятъ йбѣ бабушка и т. п.)». У него же стр. 7, прим. 6: «харистанъ (оберегаючи)». У яфетидовъ не «при промыслѣ», притомъ опредѣленно — охотѣ, явленіе наблюдается о словомъ «змѣя», которую замѣняютъ, напр., у гурійцевъ словомъ u-qseu-eb-el-1 (ჰეზეზელ-ი) *неподлежащій*, resp. *неподлежащая утомленію*.

живаніями языческихъ вѣрованій въ быту; у абхазовъ полностью и исключительно въ реальномъ воспріятіи *иконъ, образа* слово а-пэ-қа употребляется только въ переводахъ христіанскихъ текстовъ. То же самое отмѣчаетъ В. М. Іоновъ съ якутскимъ терминомъ «Танара» (ц. с., стр. 2): это названіе „въ смыслѣ «Богъ» (Аҕы Танара) употребляется только въ переводахъ св. Писанія на якутскій языкъ, а якутами теперь употребляется чаще въ смыслѣ «икона», «праздникъ»“.

Н. М.

Церковь въ селеніи Гулекаръ.

To Mr. J. M. J.
ABERDEEN

Образъ-складень св. Георгія (2).

TO WHOM
IT MAY CONCERN

Образт-складень сп. Георгія (2).

to you
ABSORB

Надпись на образѣ-складнѣ сп. Георгія (2).

70 1981
AMERICAN

Чудотворная икона св. Георгия (1).

10/1/75

10/1/75 10:00 AM

10/1/75 10:00 AM

10/1/75 10:00 AM
10/1/75 10:00 AM

Надпись на чудотворной иконѣ св. Георгія (1).

to 1980
1980-1989

Образъ-складень свв. Георгія и Димитрія (3).

TO WHOM IT MAY COME

Образы-складень свв. Георгия и Димитрия (3).